

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1

ОРЕЛ – 2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рышнина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Я.В. Антонов</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСФЕРТ ИННОВАЦИЙ КАК ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ	7
<i>Р.Ш. Аскеров</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ	12
<i>В.Ю. Байдак</i> МЕТОДЫ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ .	17
<i>И.Р. Ляпина</i> СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА: РОЛЬ И МЕСТО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ	25
<i>М.А. Кузнецова</i> ОШПОРТУНИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА КОНТРАКТОВ.	31
<i>А.Б. Таукенов</i> ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ	37
<i>Ю.В. Томилина</i> ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.	43

ИСТОРИЯ

<i>И.В. Баранова</i> СЛАВЯНОФИЛЫ У ИСТОКОВ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ.	50
<i>О.Г. Вронский</i> РОЛЬ СХОДА В СИСТЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩИННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	58
<i>Т.Н. Гелла</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕС И РОССИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.	63
<i>Е.А. Долматова</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИЯ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ.	72
<i>В.В. Зотов</i> ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	81
<i>Т.И. Кононова</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ В ПРОЕКТЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	90
<i>Д.М. Корнев</i> «И КАЖЕТСЯ МНЕ, ОКАЯННОМУ, ЧТО НАПОЛОВИНУ Я УЖЕ ЧЕРНЕЦ...». К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ПРИЖИЗНЕННОМ МОНАШЕСКОМ ЧИНЕ ИВАНА ГРОЗНОГО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОКОВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОПРИЧНОЙ ОДЕЖДЫ	94
<i>С.Т. Минаков</i> ПОДПОРУЧИК ТУХАЧЕВСКИЙ В БОЮ ПОД КРЖЕШУВОМ 2 СЕНТЯБРЯ 1914 Г.	100
<i>С.И. Михальченко, В.П. Пономарева</i> РУССКИЕ ЮРИСТЫ В ЭМИГРАЦИИ В 1920-Е ГОДЫ (ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)	110
<i>О.А. Монахова</i> НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЗЕМСТВА ВЛАСТИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИИ (1864 -1917): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	115
<i>А.А. Рогожин</i> ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ.	126

ФИЛОСОФИЯ

<i>О. В. Бусыгин</i> ДИНАМИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ	134
<i>Е.Н. Верзина</i> ГЕНЕЗИС РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ	138
<i>С.В. Долина</i> ФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАТИВНО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ	144
<i>В.В. Ким</i> ЭТНИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ КОНФЛИКТОВ	148
<i>В.В. Клепацкий</i> ИГРА КАК СВОБОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО	157
<i>Н.А. Моисеева</i> ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР	162
<i>Т.Ю. Павельева</i> ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ	169
<i>Т.В. Серёгина, Г.Ф. Назарова</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ – НЕОБХОДИМОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	177
<i>В.В. Терехов</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ НА ПРИМЕРЕ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА ГЕРМЕНЕВТИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Г. ШПЕТА И П. РИКЁРА	182
<i>В.И. Уварова</i> АЛГОРИТМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА И ПОДГОТОВКОЙ СПЕЦИАЛИСТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	190
<i>Н.А. Чавкин</i> НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	195

ФИЛОЛОГИЯ

<i>М.А. Александрова</i> ЦВЕТОВЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭМЕ С. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЕВ»	201
<i>Н.Н. Арсентьева</i> РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В СОЧИНЕНИЯХ В. СОЛОВЬЕВА И Д. МЕРЕЖКОВСКОГО	208
<i>Т.П. Акимова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭТИКЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРАХ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА	211
<i>Ж. Багана, Я.Ю. Кравец</i> СУЩНОСТЬ ВТОРИЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	217
<i>Н.А. Бондарева</i> ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА В ГЕРМАНИИ	221
<i>Е.И. Боровая</i> ЛЕКСИКА ВЫШИВАНИЯ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ: НАЗВАНИЯ НИТЕЙ	226
<i>С.А. Бубнов</i> «РЕВОЛЮЦИОННАЯ» ПОЭЗИЯ С.А. ЕСЕНИНА В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОКОВ ПОЭТА	234
<i>Е.П. Гурова</i> ТЕМА ПУТИ В «ЖИТИИ ИНОКА ЕПИФАНИЯ»	241
<i>О.Г. Дубровская</i> СОЦИАЛЬНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОСМЫСЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРЫ, МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА	245
<i>Т.С. Иванова</i> СЕТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРИСУТСТВИЯ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ	251
<i>Е.С. Каптурова</i> ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	260

О.С. Клокова РАЗВИТИЕ РЕЧЕВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПО УЧЕБНИКАМ РУССКОГО ЯЗЫКА (АВТОР – РАМЗАЕВА Т.Г.) ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	265
М.В. Козьменко КИНЕМО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ В КИНООБРАЗЫ	272
О.С. Козьмина МИР ПРИРОДЫ В НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ДЖОНА ФАУЛЗА И ТРАДИЦИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА.	277
К.И. Курбанова МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	284
Н.А. Куделько Ю.И. АЙХЕНВАЛЬД О ТУРГЕНЕВЕ: PRO ET CONTRA. (ИЗ КНИГИ «СИЛУЭТЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»)	290
А.А. Макушина ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСКИХ УСТАВОВ (УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)	294
И.Л. Новокрещенова ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ДУХОВНОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВС. ИВАНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	299
О.С. Рязанская О СЛОВАРЕ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО	305
А.А. Сидоров ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ И СОВРЕМЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО	311
В.Н. Сузи «ДРАГОЦЕННЫЙ ХРИСТОВ ОБРАЗ» У РУССКИХ КЛАССИКОВ	317
М.В. Теляковская СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ	322
И.Ю. Третьякова КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	327
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
М.И. Алдошина ИТОГИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ	332
Л.В. Воронкова ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖБЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ И ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ	340
Т.О. Есипова, Л.М. Семенова МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	345
О.С. Ефимчук ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСОБОЕ КАЧЕСТВО СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА.	349
Н. В. Ефремичева МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ ХУДОЖНИКА-ПЕДАГОГА	354
А.А. Иванов, С.А.Полиевский ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИИ САМООЗДОРОВЛЕНИЯ СТУДЕНТА-СПОРТСМЕНА В СОСТОЯНИИ ПРЕДБОЛЕЗНИ	362
А. А. Калекин ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЫ	365
Н.О. Керре ДЕТСКАЯ ШИЗОФРЕНИЯ	374
А.И. Пантюхин, А.Л. Кузнецов ОХРАНА ТРУДА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	378
Н.Т. Рожков СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ ПРИЧИН КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	381

<i>М.А. Соломченко, Д.И. Головкин</i> ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ ЛЕЧЕБНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ С ИНСУЛЬТОМ	388
<i>Н.А. Морозова</i> ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ЗНАНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ	396
<i>Э.П. Топчиян</i> СИСТЕМА ИНТЕРНЕТ КАК «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОКНО» ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	400

ПРАВО

<i>С. Г. Гонтарь</i> ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	404
<i>П.А. Горохов</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ	409
<i>Д.Б. Елисеев</i> СПРАВЕДЛИВОСТЬ РАВЕНСТВО И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССА МЕДИАЦИИ	415
<i>А.В. Кудрявцева</i> СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ	423
<i>Б.П. Носков, К.В. Новикова</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	429
<i>Т.Ю. Разуваева</i> К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ВОДИТЕЛЕМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ	438

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>К.В. Бирюкова</i> НАЧАЛО ПРАВОСЛАВИЯ В КОРее	442
<i>Г.Н. Горбачук</i> ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ: ЛИК И ЛИЧНОСТЬ	447
<i>Н.М. Маркова</i> ДИАЛОГ И ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРИРОДЫ КАТОЛИЧЕСТВА	452
<i>К.О. Польсков</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БОГОСЛОВСКОГО МЕТОДА В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	458
<i>Т.Г. Человенко</i> ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ К РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ	465
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	471
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	472
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	473

ЭКОНОМИКА

Я.В. АНТОНОВ

аспирант Государственного университета
– УНПК

E-mail: antonovyaroslav25@gmail.com

Тел.: 8 920 084 00 44

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСФЕРТ ИННОВАЦИЙ КАК ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В статье автор рассматривает особенности регулирования инновационной деятельности транснациональных корпораций (ТНК) в Российской Федерации, проведен анализ законодательства, регулирующего инновационную деятельность ТНК экономически развитых стран. Автором предлагается на базе разрабатываемого правительством РФ закона «О передаче технологий» внести дополнения в законодательство, которые поспособствуют созданию благоприятных экономических условий для развития национальной инновационной системы.

Ключевые слова: инновационный процесс, инновационная деятельность транснациональных корпораций, трансферт технологий, передача научно-технических знаний.

Эффективность осуществления инновационного процесса в транснациональных корпорациях (ТНК) определяется эффективностью его инструмента – трансферта технологий, а именно передачей научно-технических знаний и опыта для оказания научно-технических услуг, применения технологических процессов, выпуска продукции [1, с. 54]. Перед Россией стоит задача скорейшего формирования экономики инновационного типа и интеграции в мировое хозяйство на новых принципах, что возможно лишь при условии формирования эффективной национальной инновационной системы, интенсивном использовании и воспроизводстве научно-технического потенциала крупных корпораций в направлении повышения конкурентоспособности с точки зрения долгосрочного технико-экономического развития.

В настоящее время одним из важнейших направлений государственной политики является переход страны к инновационной экономике, в которой создание, трансферт и использование результатов научно-технической деятельности ТНК являются главными условиями устойчивого эко-

номического роста. Действенная государственная политика при этом должна способствовать созданию эффективных механизмов, направленных на продуктивное использование результатов научно-технической деятельности корпораций [3].

Следует отметить, что экономические институты, регулирующие инновационную деятельность ТНК, включают нормы законодательства об интеллектуальной собственности, о науке и научно-технической политике, инвестиционного и корпоративного законодательства.

Особенности регулирования отношений в научно-технической сфере определяются спецификой институциональных отношений, связанных с процессом получения новых знаний (результатов научно-технической деятельности) и их использованием в гражданском (хозяйственном) обороте, связанном с производством наукоемкой продукции (товаров и услуг) [5, с. 188].

В настоящее время формирование инновационной политики Российской Федерации происходит в условиях незавершенности институциональной базы в инновационной сфере. Это

в полной мере относится и к состоянию регулирования вопросов закрепления, передачи и промышленного использования технологий. Действующее законодательство не предусматривает механизмов, обеспечивающих внедрение в экономический оборот данных результатов научно-технической деятельности, что приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств на научные исследования и разработки, к дублированию заказываемых государством научно-исследовательских тем, к «закрытию» государственных контрактов формальными отчетами при отсутствии гарантий использования созданных результатов в реальном секторе экономики [4, с. 265]. Это обуславливает существование ряда принципиальных проблем, препятствующих кардинальному росту инновационной активности и эффективному использованию интеллектуального потенциала страны. В их числе – наличие серьезных барьеров между сферами разработки, производственного использования и коммерческой реализации наукоемких технологий и продукции, неэффективность механизмов коммерциализации и внедрения в производство научных результатов, недостаточное регулирование договоров, с помощью которых осуществляется оборот результатов научно-технической деятельности. В частности, для результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, охраняемых в режиме коммерческой тайны, в законодательстве не предусмотрено моделей договорного регулирования (лицензионных и подобных им договоров), что оказывает негативное влияние на оборот этих объектов.

Анализ законодательства экономически развитых стран позволяет выявить основные тенденции развития институционального поля инновационной деятельности ТНК, которые направлены:

- на защиту национальных интересов и обеспечение благоприятных условий для использования достижений науки и техники в производстве, включая создание необходимых стимулов, поощряющих научные исследования и разработки, а также меры государственной поддержки и развития малого инновационного предпринимательства;

- на децентрализацию патентно-лицензионной деятельности, на расширение прав федеральных лабораторий на интеллектуальную собственность, полученную за счёт средств федерального бюджета;

- на регулирование условий коммерциализации и передачи технологий из военного сектора в гражданский, а из гражданского в частный сектора экономики;

- на формирование институциональных основ международного трансферта технологий [2, с. 268].

Законодательство США насчитывает в настоящее время более десятка законодательных актов, связанных с регулированием инновационной деятельности ТНК, обеспечивающих развитие национальной инновационной системы. Принятые Конгрессом США законы Бай-Доула (1980 г) и Стивенса-Уайдлера «О технологических инновациях» (1980 г.), закон о торговых марках (1984 г.), закон о национальных кооперативных исследованиях (1984 г.), закон о трансферте федеральных технологий (1986 г.), закон о торговле и конкуренции (1988 г.), а также другие законодательные акты США затрагивают практически всю совокупность экономических регуляторов, включая финансовые, антимонопольные, налоговые, таможенные и другие механизмы. Активно развивается институциональное обеспечение инновационной деятельности в Англии, в Германии, во Франции, в Швеции, в Японии и других странах.

Важным элементом регулирования инновационной деятельности ТНК является обеспечение соблюдения международных стандартов, а также прав интеллектуальной собственности. Эти требования отражены в Соглашении ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Политика государств-участников СНГ в сфере экономической интеграции основана на приоритетах инновационного пути развития экономики стран содружества, на создании необходимых условий технологического обновления производства, на повышении конкурентоспособности в сфере производства высокотехнологичной продукции, основанной на достижениях современной науки и техники. Решение указанной задачи требует создания необходимых организационных, экономических и правовых условий, в осно-

ве которых лежит развитие институциональных норм в сфере научно-технической деятельности. В ряде государств-участников СНГ: в Казахстане, в Кыргызстане, в Молдове, в Украине приняты законы «Об инновационной деятельности», способствующие вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности, стимулированию инновационной деятельности, развитию инфраструктуры национальной инновационной системы, развитию системы сертификации обеспечения качества и конкурентоспособности инновационной продукции (услуг).

Анализируя принятые и разрабатываемые в настоящее время в Российской Федерации законодательные и нормативные правовые акты о научно-технической и инновационной деятельности ТНК, следует констатировать, что деятельность в научно-технической и инновационной сфере отстаёт от требований времени современного этапа развития экономики, основанной на знаниях. До настоящего времени отсутствует ряд базовых законов, необходимых для создания благоприятного инновационного климата в стране. В частности, до сих пор не принят Федеральный закон «Об инновационной деятельности», отсутствует законодательство, регулирующее отношения, связанные с созданием государственно-частных партнерств и других форм интеграции и кооперации в сфере научно-технической и инновационной деятельности.

Решение указанных проблем потребует разработки и принятия институционального поля, регулирующего отношения в сфере научно-технической инновационной деятельности ТНК, в их числе федеральный закон «О передаче технологий».

Основная идея законопроекта – упорядочение отношений, связанных с установлением условий первичного закрепления и передачи прав на использование технологий с целью стимулирования их вовлечения в хозяйственный оборот и обеспечения эффективного использования бюджетных средств, выделяемых на научные исследования и разработки.

Принятие данного федерального закона позволит создать важное звено в системе комплексного регулирования инновационной деятельности ТНК, направленного на развитие национальной инновационной системы.

Проанализировав проект закона, можно сделать выводы, что действие законопроекта будет распространяться не на любые результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, а лишь на те из них, которые будут отвечать признакам технологии, определение которой будет дано в законе. Технология – это результат творческой интеллектуальной деятельности, направленный на разработку, создание и распространение новых видов конкурентоспособной продукции, внедрение адекватных рыночным условиям хозяйствования организационных форм, методов управления и экономических структур. В законе также будет дано определение «передачи» технологии, под которой понимается любое первичное введение созданной технологии в гражданско-правовой оборот (передача технологии от ее разработчика первому правообладателю и закрепление за ним прав на нее или закрепление прав на технологию за самим разработчиком), а также любая последующая передача технологий. Законопроект при этом будет распространяться как на технологии, содержащие объекты исключительных прав (объекты интеллектуальной собственности), так и на технологии, содержащие объекты, охраняемые в режиме коммерческой тайны.

Действующее законодательство не закрепляет каких-либо ограничений или условий передачи объектов интеллектуальной собственности гражданского назначения иностранным лицам для использования их за рубежом. Контроль за экспортом из Российской Федерации технологий, созданных ТНК, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники, осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об экспортном контроле». В то же время, экспорт технологий гражданского назначения не регулируется действующим законодательством и, по сути, находится вне государственного контроля.

В силу этого в законе «О передаче технологий» необходимо реализовать принцип преимущественного использования на территории Российской Федерации прав на технологии, созданные на территории страны. Нормы, посвященные экспорту технологий, преимущественно должны носить ограничительный характер. Так,

представляется необходимым при заключении лицензионных договоров при всех прочих равных условиях закрепить преимущественное право на получение лицензии за хозяйствующими субъектами, осуществляющими свою деятельность на территории Российской Федерации. Рационально исключить возможность полной уступки прав на технологии иностранным контрагентам, а также предоставления им безвозмездных, безотзывных, а также исключительных лицензий. Возможно законодательно закрепить требование об обязательном страховании ответственности иностранного контрагента за счет последнего в случае нарушения им лицензионного договора.

Все ограничения, установленные законом «О передаче технологий» в отношении экспорта технологий, должны распространяться на случаи, когда лицензию на использование объекта передает за рубеж как государство в качестве правообладателя, так и правообладатели, являющиеся частными хозяйствующими субъектами.

Для технологической модернизации российской экономики и создания российских корпораций, способных успешно конкурировать на внутреннем и внешнем рынках, необходимо привлечение современных технологий во всех областях экономики. В настоящее время многих технологий в России просто нет или они не достаточно развиты. В связи с этим возникает необходимость частичного импорта таких технологий из других стран.

Экономическая целесообразность импорта технологий состоит в том, что импорт технологий это:

- доступ к новшествам высокого технического уровня;
- средство экономии затрат на НИОКР, в том числе, и во времени;
- средство уменьшения расходов на товарный импорт и одновременно средство привлечения национального капитала и рабочей силы;
- условие расширения экспорта продукции, выпускаемой по зарубежным технологиям; во многих странах доля изделий, выпускаемых по лицензиям, в валютном экспорте превышает долю национальных изделий.

Один из самых эффективных методов импорта технологий – это реализация конкретных проектов с привлечением компаний и произво-

дителей, занимающих лидирующие позиции в своей области.

Ярким примером данного метода служит покупка в 2004 году американской корпорацией Emerson (сегодня Emerson является мировым лидером в области разработки современных технологий и внедрения инновационных решений в сфере средств измерений, регулирующего оборудования и др.) 76%-в акций челябинской фирмы «Метран», основным продуктом которой были датчики давления собственной разработки.

После покупки «Метран» кардинально переменялся. Изменилось все – от инвестиционной политики и методологии финансового управления до оборудования. Модернизация была связана с передачей технологий и постановкой на производство продуктов Emerson. Однако «Метран» не превратился в сборочное производство продуктов Emerson. До сих пор 70% выручки челябинцам приносят производство и продажа оборудования под брендом «Метран». Помимо того, в столице Южного Урала на базе существующего центра разработок создан Глобальный инженерный центр Emerson.

Американская корпорация в России не выпускает те же продукты, что и по всему миру. Глобальный инженерный центр состоит из 130 человек. 70% из них совместно с подразделениями в США работают не на локальный, а на глобальный рынок. В целом в Челябинске используется глобальная платформа, на которой применяют достижения и технологии корпорации Emerson, а производят оборудование, разработанное в отечественном инженерном центре и предназначенное для рынка России и СНГ. Самый показательный пример – датчик давления «Метран-150». Он создан российскими инженерами, но один из главных компонентов, глобальный сенсор, – достижение американских разработчиков. При этом многие компоненты получены от отечественных поставщиков. И это один из ключевых моментов политики локализации.

В соответствие с этим в законе «О передаче технологий» необходимо реализовать принципы регулирования импорта зарубежных технологий в Российскую Федерацию. Необходимо предусмотреть льготные условия трансферта для новых технологий, и наоборот, ограничить импорт

патентов и лицензий на технологии «вчерашнего дня». Эти технологии необходимо освоить на российской почве и постоянно совершенствовать. Многие из этих проблем отпадают при импорте технологий через приобретение иностранных активов. Например, в 2009 году корпорация «Газпром нефть» выкупила у Chevron Global Energy завод по производству масел и смазок Chevron Italia S.p.A. в городе Бари (Италия). Предприятие, переименованное в Gazpromneft Lubricants Italia S.p.A., выпускает 25 наименований специальных высокотехнологичных смазок, используемых в том числе при проведении буровых работ. Вместе с заводом компания получила лицензию на использование технологий производства масел и смазок, а также патентные права на торговую марку Техасо для реализации продукции на итальянском рынке.

Принятие закона «О передаче технологий» будет способствовать развитию механизма государственного частного партнерства, в том числе возможности участия в софинансировании и в

распоряжениях правами интеллектуальной собственности исполнительными органами субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации важнейших инновационных проектов государственного значения.

Закон установит также меры государственного регулирования международного трансферта технологий, осуществляемого с учётом условий вступления России в члены ВТО.

Принятие Федерального закона будет способствовать созданию благоприятных экономических условий для развития национальной инновационной системы, вовлечения в гражданский оборот результатов научно-технической деятельности. Закон создаст единый механизм, позволяющий упорядочить отношения, связанные с учетом, закреплением и передачей прав на использование технологий с целью стимулирования их вовлечения в хозяйственный оборот и обеспечения эффективного использования бюджетных средств, выделяемых на научные исследования и разработки.

Библиографический список

1. Гончаренко Л. В., Арутюнов Ю. А.: Инновационная политика: учебник. М.: Кнорус, 2011. 350 с.
2. Инновационный менеджмент: Учебник / Под ред. С. Д. Ильенковой. М.: Юнити, 2007. 308 с.
3. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (утв. В. В. Путиным 30 марта 2002 г.)
4. Федоров И. Г. Трансферт технологий как основа экономического развития в новой циклической динамике: журнал. М.: МФК, 2008. 263-267
5. Экономика предприятия: Учебник для вузов / Под ред. П. П. Табурчака и В. М. Тумина. СПб: Химиздат, 2008. 304 с.

Y. V. ANTONOV

THE INTERNATIONAL TRANSFER OF INNOVATIONS AS AN INSTITUTION OF DEVELOPMENT THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM IN RUSSIA

In the article the author examines features of regulation of innovative activity of transnational corporations (Multinational Corporation) in the Russian Federation; the analysis of the legislation regulating innovative activity of the multinational corporation of economically developed countries is carried out. The author offers on the basis of developed by the Russian government of the law «About a technological transfer» to amend the legislation that will promote a supportive economic and legal conditions for the development of national innovation systems.

Key words: innovative process, innovation activities of transnational corporations, technology transfer, the transfer of scientific and technological knowledge.

Р.Ш. АСКЕРОВ

диссертант Ленкоранского государственного университета

E-mail: rufar_ask@yahoo.com

Тел. +99450 311 61 50

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ

Цель данной работы – рассмотрение моделирования влияния миграционных процессов на социально-экономическую дифференциацию. Для исследования жизненного уровня населения в некоторых странах, в том числе в Азербайджане, проводится обследование домашних хозяйств. С этой целью широко используются кривая Лоренца, коэффициенты Джини, децильные коэффициенты равенства. Везде далее, говоря о миграции и перераспределении, имеем в виду миграцию денежных средств и потребительских благ, перераспределение доходов, включая обмен между социальными группами и прочие поступления, влияющие на социально-экономическую дифференциацию населения.

Ключевые слова: мигранты, коэффициенты, элементы, средства.

Процессы глобализации, происходящие в мире, перед каждой страной ставят проблемы обеспечения социально-экономической безопасности. Среди этих проблем особое значение имеет исследование социальных процессов, происходящих в результате экономического развития. Динамика экономических процессов не детерминируется одними экономическими факторами [1,2,3, 4].

Мировой опыт показывает, что равные темпы экономического развития способствуют различным структурным изменениям на жизненном уровне населения отдельных стран. Распад СССР привел к разным социально-экономическим последствиям в странах бывшего Союза. Однако во многих странах возникли трудовые мигранты, которые начали переводить денежные средства с целью поддерживать жизненный уровень. Объем этих денежных средств достаточно высок и во многих странах сравним с ВВП. Эти денежные средства непосредственно влияют на социально-экономическую дифференциацию. Данная работа посвящена моделированию влияния этих процессов на социально-экономическую дифференциацию.

Вообще, для исследования жизненного уровня населения в некоторых странах, в том числе в Азербайджане, проводится обследование до-

машних хозяйств. Это обследование охватывает различные социально-экономические группы населения и проводится методом ротации. Эта информация дает возможность одновременно определить распределение населения по доходам и социально-экономическое неравенство. С этой целью широко используются кривая Лоренца, коэффициенты Джини, децильные коэффициенты равенства. Но эти индексы не дают возможность высказать результат о процессах, происходящих между различными социально-экономическими группами. Устранив этот недостаток, в предлагаемой переходной модели была сделана попытка исследовать структурные изменения, происходящие между различными социально-экономическими группами населения в результате возрастания денежных переводов.

Везде далее, говоря о миграции и перераспределении, имеем в виду миграцию денежных средств и потребительских благ, перераспределение доходов, включая обмен между социальными группами и прочие поступления, влияющие на социально-экономическую дифференциацию населения.

Рассмотрим два варианта распределения по доходу на душу населения – с учетом и без учета миграции и перераспределения. Обозначим их соответственно через g_i и f_i , $i=1, \dots, m, m$, – число доходных групп. При этом используется два вари-

анта распределений членов семей по совокупным доходам, построенных с оценкой среднедушевых доходов, сбалансированной оценкой, полученной после корректировки среднедушевых доходов на основе данных бюджетной статистики. Для g_i и f_i кумулятивные ряды распределения строятся по формуле:

$$F_k = \sum_{i=1}^k f_i, 1 \leq k \leq m \quad (1)$$

$$G_k = \sum_{i=1}^k g_i, 1 \leq k \leq m \quad (2)$$

Если по каким-либо причинам имеется миграция и перераспределение, то естественно предполагать, что

$$F_k \geq G_k \quad (3)$$

Для любого значения k . Поскольку g_i и f_i показывают долю i -й группы в общей численности, то

$$\sum_{i=1}^m f_i = \sum_{i=1}^m g_i = 1 \quad (4)$$

Экономический смысл неравенства (3) заключается в том, что в связи с миграцией и перераспределением часть низкодоходных групп населения переходит в более высокообеспеченные группы. Используя (1) – (2), построим переходную матрицу передвижения распределения доходов семей за счет миграционных и перераспределительных процессов. Элементы этой матрицы h_{ij} показывают долю (вероятность) перехода от i -й к j -й доходной группе. Так как предполагается, что в результате миграции и перераспределения часть низкодоходных групп может перейти к более высокообеспеченным, то для всех $i > j$, $h_{ij} = 0$.

Это, в свою очередь, означает, что матрица (h_{ij}) должна иметь треугольный вид

$$H = \begin{pmatrix} h_{11} & h_{12} & \dots & h_{1m} \\ 0 & h_{22} & \dots & h_{2m} \\ 0 & 0 & \dots & \dots \\ 0 & 0 & \dots & h_{mm} \end{pmatrix}$$

Естественно, что эта матрица должна удовлетворять граничным условиям

$$\sum_{i=1}^m h_{ij} = g_j, j = \overline{1, m} \quad (5)$$

$$\sum_{j=1}^m h_{ij} = f_i, i = \overline{1, m} \quad (6)$$

Матрицу (h_{ij}) построим с помощью процедуры пропорционального исчерпывания.

Более удобно строить матрицу (h_{ij}) по столбцам. Для первого столбца тривиальным образом получается, что $h_{11} = g_1$, $h_{k1} = 0$, $k = 2, \dots, m$. Для второго столбца с помощью применения процедуры пропорционального исчерпывания получается

$$h_{12} = \frac{f_1 - g_1}{f_1 + f_2 - g_1} g_2 \quad (7)$$

$$h_{22} = \frac{f_2}{f_1 + f_2 - g_1} g_2 \quad (8)$$

Легко проверить, что $h_{12} + h_{22} = g_2$, т.е. удовлетворяются граничные условия по столбцам (5). Остальные элементы этого столбца равны нулю: $h_{s2} = 0$, $2 < s \leq m$. Используя (1) – (2), формулы для h_{12} и h_{22} можно записать в более компактной форме:

$$h_{12} = \frac{f_1 - g_1}{F_2 - G_1} g_2 \quad (9)$$

$$h_{22} = \frac{f_2}{F_2 - G_1} g_2 \quad (10)$$

Аналогичным образом для элементов третьего столбца матрицы получаются выражения

$$h_{13} = \frac{k_{13}}{F_3 - G_2} g_3 \quad (11)$$

$$h_{23} = \frac{k_{23}}{F_3 - G_2} g_3 \quad (12)$$

$$h_{33} = \frac{f_3}{F_3 - G_2} g_3 \quad (13)$$

Где

$$k_{13} = f_1 - g_1 - \frac{f_1 - g_1}{f_1 + f_2 - g_1} g_2 \quad (14)$$

$$k_{23} = f_2 - \frac{f_1 - g_1}{f_1 + f_2 - g_1} g_2 \quad (15)$$

Для определения элементов j -го столбца матрицы (h_{ij}) введем новую матрицу (k_{ij}) , элементы которой имеют вид

$$k_{ij} = f_i - \sum_{n=1}^{j-1} h_{in}, \quad j > 1, \quad j > n \quad (16)$$

Так как (h_{ij}) – треугольная матрица, то

$$k_{ij} = f_i - \sum_{n=1}^{j-1} h_{in}$$

В частных случаях, когда $i = 1$ и $j = 3$, получается (14). В случае $i = j$, $k_{ii} = f_i$. Таким образом, используя обозначения (k_{ij}) и применяя аналогичную процедуру для переходной матрицы от распределения без учета миграции и перераспределения к распределению с учетом миграции и перераспределения, получаем формулу

$$h_{ij} = \begin{cases} \frac{k_{ij}}{F_j - G_{j-1}} g_j, & j > i \\ \frac{f_i}{F_j - G_{j-1}} g_j, & j = i \\ 0, & j < i \end{cases} \quad (17)$$

Расчет матрицы (h_{ij}) по формуле (17) определяется рекуррентно по j .

Экономическое содержание процесса пропорционального исчерпывания заключается в следующем. Он описывает наиболее вероятный механизм переходов семей из групп с более низкими душевыми доходами в группы с более высокими доходами за счет миграции перераспределения денежных средств. Поскольку $f_1 > g_1$, то с учетом миграции и перераспределения в наименее обеспеченной группе населения остается $g_1 * 100\%$ от его общей численности, а остальные $(f_1 - g_1) * 100\%$ переходят в группы с более высокими доходами. Рассмотрим, как происходят переходы в j -й группе при $j > 1$. Без учета миграции и перераспределения в ней находилось бы $f_1 * 100\%$ населения. После оценки переходов в группах с номерами $l < j$ оказывается, что доходы не ниже чем в j -й группе, имеют $k_{1j} * 100\%$ населения, которое относилось бы в отсутствие миграции и перераспределения к первой группе,

$k_{2j} * 100\%$ населения из второй группы и так далее. Мы знаем, что в j -й группе может остаться лишь $g_1 * 100\%$ населения. Естественно предположить, с другой стороны, что для всех семей, доходы которых в процессе передвижки оказались не меньше, чем в j -й группе, вероятность попасть в более высокие группы такая же, как и для семей из j -й группы. Это означает, что доля населения l -й группы, которая останется в процессе передвижки в j -й группе, пропорциональна k , а доля исходных членов j -й группы пропорциональна f , то есть структура j -й группы после всех перемещений описывается формулой (17). Если бы переходы не были равновероятны, мы получили бы несколько иные соотношения, включив в формулу (17) вероятности перехода. Однако, когда о переходных вероятностях ничего не известно, комбинаторные оценки, используемые обычно в теории энтропии, показывают, что матрица передвижки с равновероятными переходами описывает наиболее вероятную структуру перемещений.

Теперь докажем, что матрица (h_{ij}) $i = 1, \dots, m, j = 1, \dots, m$ удовлетворяет балансовым ограничениям (5) – (6). Рассмотрим отдельно два случая. Сначала покажем, что удовлетворяются балансовые соотношения по столбцам, а затем по строкам. Доказательства проведем с помощью применения метода математической индукции.

Для первого столбца удовлетворяется (5), так как $h_{11} = g_1$, $h_{s1} = 0, s = 2, \dots, m$. Теперь предположим для столбца (...) удовлетворяется (5). Тогда для всех $i < j$ $\sum_{n < j} h_{ni} = g_i$. Покажем, что

$$\sum_{n \leq j} h_{nj} = g_j \quad (18)$$

Пользуясь (17), получаем

$$\sum_{n \leq j} h_{nj} = \frac{f_j}{F_j - G_{j-1}} g_j + \sum_{n < j} \frac{k_{nj}}{F_j - G_{j-1}} = \frac{g_j}{F_j - G_{j-1}} \left(f_j + \sum_{n < j} k_{nj} \right) \quad (19)$$

После элементарных преобразований (19) представим в виде

$$f_j + \sum_{n < j} k_{nj} = f_j + \sum_{n < j} \left(f_n - \sum_{i=1}^{j-1} h_{ni} \right) = \sum_{n \leq j} f_n - \sum_{i=1}^{j-1} \sum_{n < j} h_{ni}$$

По предположению математической индукции $\sum_{n < j} h_{ni} = g_i$.

Тогда

$$f_j + \sum_{n < j} k_{nj} = \sum_{n \leq j} f_n - \sum_{i=1}^{j-1} \sum_{n < j} h_{ni} = \sum_{n \leq j} f_n - \sum_{i=1}^{j-1} g_i = F_j - G_{j-1}$$

Следовательно, выражение в скобках в (19) равно $F_j - G_{j-1}$, что и доказывает (18). В самом деле,

$$\sum_{n \leq j} h_{nj} = \frac{g_i}{F_j - G_{j-1}} \left(f_j + \sum_{n < j} k_{nj} \right) = \frac{g_i}{F_j - G_{j-1}} (F_j - G_{j-1}) = g_j$$

Покажем теперь, что переходная матрица передвижки удовлетворяет также балансовым ограничениям по строкам. Для доказательства этого равенства достаточно показать, что

$$\sum_j h_{nj} \leq f_n \quad (20)$$

Суммируя обе части (19) по i и используя соотношения (18), будем иметь выражения вида

$$\sum_j \sum_n h_{nj} \leq \sum_n f_n \quad (21)$$

А с другой стороны, $\sum_n f_n = 1$. Так как элементы распределения f и суммы $\sum_n h_{nj}$ положительны и удовлетворяется (20) и (4), то из неравенства (20) следует

$$\sum_j h_{nj} = f_n$$

Прежде чем доказать неравенство (20), покажем, что имеет место следующее вспомогательное неравенство:

$$\frac{g_i}{F_j - G_{j-1}} \leq 1 \quad (22)$$

Это следует из $F_j - G_{j-1} \geq g_i$. Из (17) также вытекает, что

$$\sum_{n \leq j} h_{nj} = \frac{g_n}{F_n - G_{n-1}} g_n + \sum_{n < j} \frac{k_{nj}}{F_j - G_{j-1}} g_j$$

Тогда для первого слагаемого правой части этого выражения из (21) получим оценку

$$\frac{g_n}{F_n - G_{n-1}} \leq f_n$$

Неравенство (19) докажем по математической индукции. Предположим, что $\sum_{j=n}^{n+i} h_{nj} \leq f_n$ и пока-

жем, что $\sum_{j=n}^{n+i+1} h_{nj} \leq f_n$. С помощью явного выражения матрицы (h_{nj}) можно получить

$$\sum_{j=n}^{n+i+1} h_{nj} = \frac{k_{n(n+i+1)}}{F_{n+i+1} - G_{n+i}} g_{n+i+1} + \sum_{j=n}^{n+i} h_{nj} = \frac{g_{n+i+1}}{F_{n+i+1} - G_{n+i}} \left(f_n - \sum_{j=n}^{n+i} h_{nj} \right) + \sum_{j=n}^{n+i} h_{nj}$$

Введем следующие обозначения:

$$A = f_n - \sum_{j=n}^{n+i} h_{nj},$$

$$B = \sum_{j=n}^{n+i} h_{nj}$$

Тогда $A + B = f_n$, $B > 0$, $A \geq 0$ по предположению математической индукции. Тогда для любого $0 \leq \lambda_i \leq 1$ можно утверждать, что

$$\lambda_i A + B \leq f_n$$

В частном случае, если $\lambda_i = \frac{g_{n+i+1}}{F_{n+i+1} - G_{n+i}}$, из (22) получается, что

$$\sum_{j=n}^{n+i+1} h_{nj} = \lambda_i A + B \leq f_n$$

где $\lambda_i \leq 1$.

Таким образом, мы построили матрицу передвижки распределения доходов семей за счет миграционных и перераспределительных процессов и показали, что она удовлетворяет необходимым граничным условиям. Основная цель при построении этой матрицы перехода, как это было отмечено, заключалась в оценке дифференцированных показателей миграции и перераспределения.

Библиографический список

1. *Шевяков А.Ю.* Что такое неравенство? Журнал «Золотой Лев». №67-68, 2005.
2. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России: Методы измерения и анализ причинных зависимостей: Науч. докл. М.: Изд-во РПЭИ, 2001.
3. *Римашевская Н.М.* Человек и реформы: Секреты выживания. М., 2003.
4. *Каряев И.А. Валиев В.А.* Совершенствование методов построения региональных дифференцированных балансов доходов и потребления. М., 2001.

R.SH. ASKEROV

**MODELING OF THE INFLUENCE OF THE EMIGRATIONAL PROCESSES
ON THE SOCIAL-ECONOMIC DIFFERENTIATION**

Globalization processes occurring in the world put challenges for provision of socio-economic security in every country. Amongst these problems investigating social processes caused by economic development is crucial. The world experience shows up equal paces of economic development evolve very many different structural changes at the living level of population of certain countries. However in most countries there emerged labor migrants who started to transfer their money in order to keep their standard of living. The amount of the money is big enough and in some countries is comparable with GDP. This sort of money directly affects socio-economic differentiation. The aim of the given paper is modeling of impact of these processes on socio-economic differentiation. The present document introduces and offers a transitional model to facilitate investigation of structural changes happening amongst different socio-economic groups of population as a result of remittance increase.

Key words: migrants, coefficients, elements, resources

В.Ю. БАЙДАК

*кандидат педагогических наук, доцент
кафедры МиИАЭП ФЭУ Орловского государственного университета*

E-mail: valentina_baidak@mail.ru

Тел. 8 910 303 68 02

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье рассматриваются существующие в настоящее время модели оценки деятельности коммерческого банка, приводится их классификация. Анализируется мировой опыт в оценке экономической эффективности деятельности банка.

Ключевые слова: эффективность, деятельность банка, методы и модели.

Сегодняшние нестабильные условия развития мировых финансово-кредитных рынков и отношений, поиск эффективно работающего механизма на рынке капиталов, новых методов обслуживания коммерческих структур делают актуальной задачу разработки экономико-математических методов и моделей оценки функционирования коммерческих банков. Об актуальности данной задачи говорит широкое обсуждение методов оценки деятельности коммерческих банков как среди отечественных ученых, так и среди зарубежных специалистов финансового рынка.

Эффективность деятельности любой организации – это основа ее жизнеспособности. Для деятельности банков и банковских систем методы оценки и управления ее эффективностью особенно значимы. А во взаимосвязи с устойчивостью и надежностью эффективность представляет собой ключевой аспект функционирования отдельных банков и банковского сектора в целом. Рейтинговая оценка эффективности и устойчивости отдельных банков имеет значительный интерес и для их клиентов.

Как отметил Г.Б. Клейнер [1], одна и та же математическая модель, будучи по-разному идентифицирована и/или интерпретирована по отношению к описываемым этой моделью экономическим объектам и процессам, дает различные экономико-математические модели [1, с.9].

Подходя к управлению банком с точки зрения современной науки, необходимо сформировать целую систему моделей, позволяющих описы-

вать происходящие в банке процессы. При этом сложность банка как системы состоит в наличии большого числа различных параметров, ограничений и целей банковской деятельности, что, в свою очередь, обуславливает наличие большого числа разнообразных типов моделей, рассматривающих банк в целом или тех или иных аспектов его деятельности. Поэтому для выбора модели для конкретного банка необходимо рассмотреть общую классификацию банковских моделей с экономической и математической точек зрения. Хороший обзор таких моделей выполнен в работе Егорова А. Е., Смулова А. М. [2].

В настоящее время имеется большое число научных исследований в области экономико-математического моделирования деятельности банков, использующих широкий спектр моделей различных типов. К их числу относятся оптимизационные, вероятностные, статистические, равновесные и балансовые модели исследования операций, теории игр и т.д. При этом по характеру их можно разделить на два больших класса – оптимизационные («экстремальные»), которые нацелены на получение требуемых результатов и направлены на выработку конкретных управляющих воздействий на объект исследования (банк), и аналитические («текущие, финансовые»), рассматривающие текущее состояние банка и делающие выводы о степени его финансовой устойчивости, надежности и т.д.

Среди аналитических моделей банковской деятельности самое широкое распространение

получили так называемые нормативные модели и различные их модификации. Нормативная модель банка определяется тем, что в систему ее ограничений включены финансовые нормативы, задающие нормальное финансовое состояние функционирования банка, которые получены путем оценки и анализа структуры баланса банка¹.

Отметим, что банк как объект моделирования требует комплексного подхода. По мнению Н. Мэрфи, сложно создать интегрированную модель банковской фирмы, которая одновременно охватывала бы управление ликвидностью, диверсификацию рисков, оптимум портфеля активов, политику ценообразования и физический процесс производства².

По степени общности модели банковской деятельности можно разделить на общие и частные. В первых описываются (с той или иной степенью детализации) все основные аспекты функционирования банка (виды операций, ресурсов, результатов), моделируется поведение (объем и структура) обеих частей банковского баланса (активов и пассивов), во вторых исследуются отдельные аспекты банковской деятельности.

В настоящее время наибольшее распространение получили частные модели банка, описывающие конкретную сферу его деятельности, и обобщенные модели, которые достаточно агрегированно отображают функционирование банка в целом.

Отметим, что проведенная систематизация моделей банковской деятельности является методической основой для моделирования совокупности стратегий коммерческого банка. Так как выбор приемлемой кредитно-депозитно-инвестиционной стратегии невозможен без учета и анализа структуры банковских активов и пассивов, следует использовать так называемые полные модели, которые рассматривают пассивы и активы банка в целом с учетом их взаимосвязи.

На микроэкономическом уровне задача моделирования деятельности банка представлена оптимизационными и имитационными моделями. Данные модели имеют целью разработку рекомен-

даций при решении практических задач управления. Классические модели принятия решений всегда являются оптимизационными, поскольку всегда направлены на максимизацию выгоды или прибыли. Они построены таким образом, чтобы можно было использовать оптимизационный алгоритм и получить оптимальную практическую рекомендацию. Имитационные модели решаются не аналитически, а экспериментально.

В основе любой оптимизационной модели лежит оптимизационная задача, элементами которой являются целевая функция и система ограничений.

Цели деятельности банка и условия его функционирования определяют тип целевой функции, используемой в оптимизационных моделях, которые можно свести к трём основным группам – увеличение прибыли, рост собственного капитала банка и уменьшение риска.

Варьируя составом и видом целевой функции, переменных и параметров модели, получают различные оптимизационные модели банка, которые можно классифицировать по следующим признакам [7]:

- состав управляемых переменных модели;
- размерность целевой функции;
- наличие фактора риска;
- вид целевой функции;
- количество интервалов времени в рамках планового периода;
- степень общности модели.

В качестве управляемых переменных оптимизационных моделей банка обычно используют величины объемов его активов и пассивов. Иногда из числа управляемых переменных исключается величина вкладов до востребования (она считается экзогенной). Если банк использует те же уровни процентных ставок по активам и пассивам, которые складываются на финансовом рынке, банк рассматривается как «price taker» («берущий цену»). В других моделях управляемыми переменными банка считаются уровни его процентных ставок по активным и пассивным операциям, т.е. банк рассматривается как «price setter» («устанавливающий цену»). Это связано с рассмотрением модели банка с точки зрения олигополии или монополии. Таким образом, представляется правомерным использовать в качестве управляемых переменных оптимизационных мо-

¹ К вопросу о методологии формирования кредитной политики банка [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.987.su/ns445.html>. Загл. с экрана.

² Тен. А.В. Оптимизация активов банка в системе страхования вкладов / Тен А.В., Герасимов Б.И., Тен В.В.; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б.И. Герасимова. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 88 с.

делей банка величины объемов статей активов и пассивов баланса, а в качестве экзогенных переменных – уровни процентных ставок по соответствующим активам и пассивам³.

Практически во всех оптимизационных моделях банка целевые функции скалярные, лишь изредка формируется один общий критерий как взвешенная сумма частных критериев⁴.

Наибольшие различия в подходах разных авторов наблюдаются при построении системы ограничений, накладываемых на переменные в моделях.

Фактор риска является также еще одним важным классифицирующим признаком оптимизационных моделей банка.

Задача управления функционированием коммерческого банка по своей экономической сущности является многокритериальной и в общем случае не имеет тривиального решения. Поэтому решающим фактором в выборе той или иной методики решения является тщательный анализ экономического смысла критериев, их

3 Тен, А.В. Оптимизация активов банка в системе страхования вкладов / А.В. Тен, Б.И. Герасимов, В.В. Тен ; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б.И. Герасимова. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 88 с.

4 Одна из возможных модификаций оптимизационных моделей банка [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.economy-book.ru/modelirovanie-bankovskoy-deyatelnosti/odna-iz-vozmozhnykh-modifikatsiy-optimizatsionnykh/>. - Загл. с экрана.

относительной значимости, четкое понимание качественной характеристики, отражаемой количественными критериями. Примером многокритериальной задачи является задача нахождения оптимальной структуры баланса банка. С одной стороны, банку, как и любой другой кредитной организации, необходимо обеспечить максимизацию прибыли, с другой стороны, для обеспечения возможности своевременного исполнения платежных поручений клиентов – поддерживать достаточный объем ликвидных активов, а также максимизировать объемный показатель самостоятельно привлеченных денежных средств

Разработанные в настоящее время, обладающие прогнозной силой «рыночные» и «нерыночные» экономико-математические модели используются для анализа российских предприятий различных отраслей экономики и применяются коммерческими банками РФ. Есть обширный мировой опыт в этом направлении. Подытожим достоинства и недостатки каждой из рассмотренных моделей.

Кредит-скоринговые модели строятся на основе минимального числа коэффициентов, объединенных в определенную систему, которые на основе предварительного анализа имеют наибольшую относимость к свойству банкротства.

Схема 1. Методы оценки вероятности дефолта заемщика

Метод коэффициентов обычно ограничен кругом показателей. Среди них показатели, характеризующие основные параметры работы заемщика с количественной стороны, и ряд коэффициентов, используемых для оценки качества активов и обязательств.

Это модели, основанные на подходе Альтмана: Z-модель, модель Тиффлера и Тисшоу, модель Лисса, модель Чессера, модель Давыдовой-Беликова, модель Фулмера, модель Спрингейта⁵.

Сбербанк России использует систему показателей для характеристики финансово-хозяйственной деятельности предприятий-заемщиков.

Данные модели также нашли широкое применение в **азиатско-тихоокеанских банках** (Hue Hwa Au Yong; Robert Faff)⁶.

Нориико Inakura; Satoshi Shimizutani⁷ исследовали ответ домашних хозяйств **Японии** на риск банка и различные системы страхования депозита, используя аналог модели Альтмана. Они пришли к выводу, что выбор банками домашних хозяйств для кредитования отражает финансовое здоровье банков. Результаты подтверждают, что исследование дисциплины вкладчика играет важную дополнительную роль в контроле банка. Недостатком данного исследования явилось использование изолированной модели от экономического и финансового кризиса.

Барбара Лаппи; Массимилиано Марцо; Антонелло Э. Скорку применили рейтинговую модель оценки риска кредита, определенную для розничного портфеля ссуд, предоставленных малым и средним предприятиям **Италии**⁸. Клодия Джирардоун; Филип Молинеукс исследовали эффективность банка Италии, рассматривая эффекты включения риска и качественных факторов продукции в функцию стоимости. Их анализ показал, что нет никакой явной взаимосвязи между размером активов и эффективностью банка.

5 Недосекин, А.О. Комплексная оценка риска банкротства корпорации на основе нечетких описаний.

6 Hue Hwa Au Yong a; Robert Faff. Asia-Pacific banks risk exposures: pre and post the Asian financial crisis [Электронный ресурс].

7 J. Evans; J. Simpson; A. A. Mahate; R. Evans. Impact of operating and balance sheet performance of Japanese international banks on bank safety levels and risk ratings [Электронный ресурс].

8 Claudia Girardone; Philip Molyneux; Edward P. M. Gardener. Analysing the determinants of bank efficiency: the case of Italian banks [Электронный ресурс].

Saibal Ghosh⁹, используя данные по индийским банкам 1996-2006гг., находит, что ликвидные активы, дисциплина вкладчика и риск банка взаимосвязаны. Дополнительно получено, что более высокий риск оказывает ослабляющий эффект на рыночную дисциплину.

Каждая из указанных выше моделей имеет схожие достоинства и недостатки. Подход Альтмана и его последующих компиляций применяется, когда в наличии однородность и репрезентативность событий выживания\банкротства. Ключевым ограничением этого метода является то, что не существует двух предприятий, для которых одинаково хорошо подходили бы одни и те же показатели. Значимость тех или иных показателей для оценки тех или иных предприятий различна.

Только комплексная оценка финансового состояния заемщика может дать объективную картину о его способности вернуть кредит.

Нечетко-множественный подход¹⁰ к анализу риска банкротства объединяет учет количественных (финансовых) и качественных (индикаторных) показателей в анализе; позволяет анализировать риск банкротства с учетом страны, отрасли, периода времени, экономической и управленческой специфики предприятия.

Данный подход позволяет преобразовать количественные оценки в качественные, осуществляя сопоставительный анализ количественных значений факторов в их выборочной совокупности.

Комплексный финансовый анализ предприятия проводится на основе качественных уровней отдельных факторов финансового состояния. Итоговый показатель риска банкротства представляет собой двумерную матричную свертку: с одной стороны, по отдельным показателям, с другой стороны, по качественным уровням этих показателей.

Достоинством метода является попытка применить комплексный подход к анализу предприятия. Данный подход разработан А.О. Недосекиным и используется компанией Сименс Бизнес Сервис для оценки кредитного риска банков¹¹.

9 Saibal Ghosh. Bank risk, charter value and depositor discipline: a simultaneous equations approach [Электронный ресурс].

10 Недосекин, А.О. Комплексная оценка риска банкротства корпорации на основе нечетких описаний [Электронный ресурс].

11 Недосекин, А.О. Комплексная оценка риска банкротства корпорации на основе нечетких описаний [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.uprav.biz/materials/management/view/2440.html>. - Загл. с экрана.

Недостатки: обладает большой степенью субъективизма в силу того, что при отборе качественных показателей оценки деловой и финансовой сферы жизни предприятия опирается на экспертные оценки.

Среди получивших развитие в последние десятилетия моделей оценки кредитного риска можно выделить две категории, различающиеся лежащим в их основе подходом. Первая категория – структурные модели (structural models), основанные на исследованиях Р.Мертон (1974). Кредиторская задолженность и капитал в рамках данного подхода рассматриваются как требования, которые могут быть обращены на стоимость фирмы. При этом для определения справедливой цены применяется теория ценообразования опционов¹².

Другое подмножество моделей – модели сокращенных форм (reduced form models) – широко используются в финансовой инженерии. Один из общих подходов (существует множество вариантов), к примеру, напрямую основывается на отказе в выплате долга (дефолте) и процессе покрытия данного долга (без отсылок к процессу оценки стоимости фирмы, лежащему в основании). Причем параметры процесса конструируются таким образом, чтобы получаемые в результате моделирования цены рискованного долга соответствовали наблюдаемым на практике ценам.

Модель Мертона относится к так называемому классу структурных моделей, т.к. в них в качестве одного из основных параметров используется оценка стоимости активов фирмы, падение которой ниже некоторого «порогового» уровня является экономической причиной дефолта. Заемщик объявляется банкротом, если рыночная стоимость его активов опускается ниже уровня, определяемого внешним долгом заемщика (уровня дефолта).

Достоинства модели: используется рыночная информация о компании, ключевые переменные наблюдаемы, прогностическая пригодность модели.

Недостатки модели: в модели не используется концепция потоков платежей (cash flow process), которая является основой формирования стоимости фирмы. Таким образом, политика

¹² Вишняков, И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук.

управления потоками (формирование резервов или дивидендная политика) не инкорпорирована в модель. Вызывает вопросы также и целый ряд других предположений:

- абсолютный приоритет кредиторов при дефолте,
- перепродажа не разрешена в процессе дефолта,
- ликвидация фирмы не требует затрат.

Данные недостатки являются предметом работ многих авторов, которые разработали целый ряд расширений модели Мертона. Среди них можно перечислить Блэка и Кокса (Black and Cox), Лонгстаффа и Шварца (Longstaff and Schwartz), Андерсона и Сундаресана (Anderson and Sundaresan), Мелла-Баррала и Перрудина (Mella-Barral and Perraudin)¹³.

Первая структурная модель со стохастическими процентными ставками была разработана Ронн и Верма (1986), Бриис и де Варенн (1997) расширили их подход. Альтернативный подход был предложен Лонгстафф и Шварц (1995) и Васичек (1977). Расширяя методы, предложенные Лонгстафф и Шварц, Коллин-Дюфрессне и Голдштейн (2001) продемонстрировали, что их модель дает выражение закрытой формы за цену долга¹⁴.

Модель CreditMetrics основана на симуляции Монте-Карло случайных величин, характеризующих активы компании и испытывающих марковские взаимозависимые переходы между кредитными рейтингами заемщиков, от которых зависит рыночная приведенная стоимость (PV, present value) кредитных продуктов. Кривая потерь строится по значениям возможных PV портфеля после значительного числа симуляций.

Модель CreditRisk+ позволяет рассчитывать кривую потерь без применения симуляций, а непосредственно строя распределение с помощью актуарного численно-аналитического подхода после серии упрощающих предположений. CreditRisk+ является классическим продуктивным методом, основанным на допущениях, которые применяются для некрупных и несвязанных между собой заемщиков. Разбиение портфеля на две части позволяет одновременно учесть осо-

¹³ E. Papageorgiou; R. Sircar. Multiscale Intensity Models for Single Name Credit Derivatives [Электронный ресурс].

¹⁴ Dawood Ashraf; Yener Altunbas; John Goddard. Who Transfers Credit Risk? Determinants of the Use of Credit Derivatives by Large US Banks [Электронный ресурс].

бенности модели распределения риска и быстро рассчитать риск для большого числа мелких заемщиков, полагая их независимыми. Свертка двух кривых потерь для портфелей крупных и мелких заемщиков банка дает основную кривую потерь по кредитным операциям для всего портфеля банка. По этой кривой и вычисляются все основные характеристики кредитного риска.

Эконометрическая модель со многими неизвестными **CreditPortfolioView**, развитая Вилсоном (1997) для **американских банков**. Данная модель применена на **американских банках** Уильямом Хантером (1996), а позднее S. Grosskopf; У. Л. Вебером¹⁵. Их анализ показал, что неэффективность прибыли банка связана с выбором неоптимальной зависимости экзогенных и эндогенных переменных (входа и выхода).

Банки Германии также используют модификации модели Мертона, представляющие методологию оценки для модели риска Jarrow и Turnbull (1995), выполняя отдельную и поперечную частную оценку, основанную на объединении интервалов. Ряд немецких ученых, развивающих в Германии подходы Мертона (Jones et al., 1984; Cooper and Martin, 1996; Jarrow et al., 1997; Duffie, 1998; Duffie, 1999; Jarrow and Turnbull, 2000). Модели, основанные на интенсивности, были созданы (Litterman and Iben, 1991; Lando, 1994; Jarrow and Turnbull, 1995; Jarrow et al., 1997; Duffie and Singleton, 1999).¹⁶

Grzegorz Naaj (2008) построил модель процесса принятия решений для **банков Польши**¹⁷, который принимает во внимание четыре существенных элемента банковской окружающей среды: риск, доходность, предсказания банка о сомнительном, частично наблюдаемом будущем состоянии рынка и предсказанием рынка этих условий. Он развил методологию (Emmer и др., 2001; Сантус, 2002; Суосо и Ли, 2005), чтобы описать проблему оптимизации банка, и использовал особый случай предельной максимизации богатства с высокой стоимостью риска.

15 Rolf Fre; Shawna Grosskopf; William L. Weber. The effect of risk-based capital requirements on profit efficiency in banking [Электронный ресурс].

16 Volker Bruns; Margaret Fletcher. Banks' risk assessment of Swedish SMEs [Электронный ресурс].

17 Grzegorz Naaj. Risk-based Decisions on the Asset Structure of a Bank under Partial Economic Information [Электронный ресурс].

Yung-No Chiu; Yu-Chuan Chen использовали модель Мертона для **китайских банков**¹⁸, чтобы исследовать индекс эффективности банка и эффект банкротства банка, и подтвердили вывод о банкротстве банка и риске.

Элена А. Медова; Роберт Г. Смит (2005) применили модификацию модели Мертона для вычисления качества кредита **банков Великобритании**¹⁹, используя модель уменьшенной формы. В их модели моделируется ряд факторов риска, индекс кредита для каждой фирмы вычислен в зависимости от условного фактора риска; неплатеж, как предполагается, произошел, когда индекс падает ниже отдельного порога по умолчанию.

Фабио Вендлинг Мунис де Андраде; Абрахам Лэредо Сикс предложили модель оценки риска кредита для потребительских портфелей ссуды в **Бразилии**²⁰. Распределения потери кредита для каждого сегмента портфеля используются в процессе моделирования Монте-Карло. Предложенная модель адекватна распределению потерь по кредиту в портфеле потребительского кредита банков Бразилии. Предложенная методология может использоваться для портфелей кредита для малых бизнесов, у которых часто недостаточно данных.

Метод Блуждающих дефолтов (WDM) был разработан российскими учеными Гундарем В.В., Помазановым М.В.²¹ для анализа портфеля крупных российских заемщиков. Данный метод учитывает многие особенности изменения портфельного риска, но рассчитан на небольшое (до сотни-двух) количество заемщиков.

В модели WDM возможность перехода компаний в другой рейтинг (PD) учитывается одним или минимальным количеством параметров.

Модель сопоставлена с классической моделью CreditRisk+ и дает идентичные распределения для идентичных начальных данных.

18 Tai-Hsin Huang; Ying-Ting Liao; Li-Chih Chiang. An examination on the cost efficiency of the banking industry under multiple output prices' uncertainty [Электронный ресурс].

19 Elena A. Medova; Robert G. Smith. A framework to measure integrated risk [Электронный ресурс].

20 Fabio Wendling Muniz de Andrade; Abraham Laredo Sics. A Credit Risk Model for Consumer Loan Portfolios [Электронный ресурс].

21 Помазанов, М.В., Гундарь, В.В. Модель блуждающих дефолтов для практического расчета кредитного риска портфеля [Электронный ресурс].

Недостаточность статистических данных в условиях российского рынка не дает возможности учесть переход компании из одного рейтинга (или PD) в другой матрицей транзакций, как это делает RiskMetrics.

Хотя у всех этих моделей кредитного портфеля есть различные наборы фундаментальных предположений, они отличаются различным способом калибровки моделей (соотношение между рейтинговым балом и вероятностью дефолта), Koyluoglu и Hickman (1998)²² заметили, что они все имеют основную общую структуру.

Таким образом, теоретические идеи по комплексному исследованию данной проблемы не обладают целостным математическим аппара-

22 Koyluoglu, H. and A. Hickman, 1998, "Reconcilable differences," Risk, 11(10): 56–62.

том, определяющим и регулирующим кредитную деятельность коммерческого банка в рамках стратегии его общего развития, а сводятся либо к оценке кредитоспособности отдельного заемщика, либо к построению кредитного портфеля банка. Имеющиеся экономико-математические модели формирования кредитной деятельности банка обладают высокой степенью субъективизма из-за отсутствия достаточной кредитной истории компаний-заемщиков, закрытости информации о результатах их финансово-хозяйственной деятельности и деятельности самого коммерческого банка, апробированности на ограниченном числе компаний.

Библиографический список

1. *Вишняков И.В.* Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва, РАН ЦЭМИ. 2002. 330 с.
2. *Егорова Н. Е., Смудова А. М.* Предприятия и банки: Взаимодействие, экономический анализ, моделирование: Учебно-практическое пособие. М.: Дело, 2002. 456 с.
3. К вопросу о методологии формирования кредитной политики банка [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.987.su/ns445.html>. – Загл. с экрана.
4. *Недосекин А.О.* Комплексная оценка риска банкротства корпорации на основе нечетких описаний [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.uprav.biz/materials/management/view/2440.html>. – Загл. с экрана.
5. Одна из возможных модификаций оптимизационных моделей банка [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.economy-book.ru/modelirovanie-bankovskoy-deyatelnosti/odna-iz-vozmozhnix-modifikacii-optimizacii/>. - Загл. с экрана.
6. *Помазанов М.В., Гундарь В.В.* Модель блуждающих дефолтов для практического расчета кредитного риска портфеля [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.creditrisk.ru/publications/files_attached/ssm.pdf. - Загл. с экрана.
7. *Тен А.В.* Оптимизация активов банка в системе страхования вкладов / А.В. Тен, Б.И. Герасимов, В.В. Тен ; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б.И. Герасимова. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 88 с.
8. *Aigbe Akhigbe; Jeff Madura.* Bank acquisitions of security firms: the early evidence [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713684415>. - Загл. с экрана.
9. *Bin Zhou; Wendy Shaw.* Financial transformation and portfolio reallocation: impacts on house mortgage finance in the USA [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/content~db=all~content=a713621192>. - Загл. с экрана.
10. *Claudia Girardone; Philip Molyneux; Edward P. M. Gardener.* Analysing the determinants of bank efficiency: the case of Italian banks [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713684000>. - Загл. с экрана.
11. *Dawood Ashraf; Yener Altunbas; John Goddard.* Who Transfers Credit Risk? Determinants of the Use of Credit Derivatives by Large US Banks [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.mirkin.ru/docs/articles02-058.pdf>. - Загл. с экрана.
12. *E. Papageorgiou; R. Sircar.* Multiscale Intensity Models for Single Name Credit Derivatives [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713694021>. - Загл. с экрана.
13. *Elena A. Medova; Robert G. Smith.* A framework to measure integrated risk [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713665537>. - Загл. с экрана.

14. *Fabio Wendling Muniz de Andrade; Abraham Laredo Sics*. A Credit Risk Model for Consumer Loan Portfolios [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t792306924>. - Загл. с экрана.
15. *Grzegorz Haaj*. Risk-based Decisions on the Asset Structure of a Bank under Partial Economic Information [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://pruss.narod.ru/NEP_May_07_05.txt. - Загл. с экрана.
16. *Hue Hwa Au Yong a; Robert Faff*. Asia-Pacific banks risk exposures: pre and post the Asian financial crisis [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713684415>. - Загл. с экрана.
17. *J. Evans; J. Simpson; A. A. Mahate; R. Evans*. Impact of operating and balance sheet performance of Japanese international banks on bank safety levels and risk ratings [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/content~db=all~content=a713693435>. - Загл. с экрана.
18. *Koyluoglu, H. and A. Hickman*, 1998, "Reconcilable differences," *Risk*, 11(10): 56–62.
19. *Rolf Fre; Shawna Grosskopf; William L. Weber*. The effect of risk-based capital requirements on profit efficiency in banking [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://sedok.narod.ru/s_files/poland/68.pdf. - Загл. с экрана.
20. *Saibal Ghosh*. Bank risk, charter value and depositor discipline: a simultaneous equations approach [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713684190>. - Загл. с экрана.
21. *Tai-Hsin Huang; Ying-Ting Liao; Li-Chih Chiang*. An examination on the cost efficiency of the banking industry under multiple output prices' uncertainty [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://ir.lib.nctu.edu.tw/bitstream/987654321/20163/1/932415H009013.pdf>. - Загл. с экрана.
22. *Volker Bruns; Margaret Fletcher*. Banks' risk assessment of Swedish SMEs [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.informaworld.com/smpp/title~content=t713798069>. - Загл. с экрана.

V.U. BAYDAK

METHODS AND MODELS OF COMMERCIAL BANK EFFICIENCY MANAGEMENT AND THEIR CLASSIFICATION.

In article models of an estimation of activity of commercial bank existing now are considered, their classification is resulted. World experience in an estimation of economic efficiency of activity of bank is analyzed.

Key words: *efficiency, bank activity, methods and models..*

И.Р. ЛЯПИНА

кандидат экономических наук, доцент
кафедры «Маркетинг и торговое дело»
Орловского государственного института
экономики и торговли
E-mail: marketing-ogiet@mail.ru

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА: РОЛЬ И МЕСТО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

Управление экономикой региона должно иметь системный характер. В этой связи статья посвящена характеристике системы управления экономикой региона, ее сущности и состава. Изучены детерминанты развития системы управления экономикой региона на современном этапе, учет которых необходим в процессе совершенствования механизма управления регионом.

Ключевые слова. Экономика региона, управление регионом, система управления экономикой региона, детерминанты развития системы управления экономикой региона.

Сегодня научная проблема создания адаптивной и устойчивой системы управления экономикой региона остается приоритетной как с точки зрения государства, так и с позиций регионального сообщества. Это определено как объективными внешними и внутренними факторами, так и недостатками в самой системе управления, в том числе: отсутствием системных представлений о функционировании механизма управления экономикой регионов; превалирование отраслевого и территориального подходов в формировании региональных органов власти; дублирование функций управления по ряду направлений деятельности; недостаточный уровень компетентности и творчества руководства регионов; фрагментарность организационных действий по развитию системы управления регионом и др.

Модернизация системы управления призвана создавать условия для стабильного развития бизнеса и повышения качества жизни населения регионов на основе имеющегося экономического и организационно-управленческого потенциала. Выполнение этой функции в условиях происходящего перехода страны к постиндустриальному развитию экономики и общества ставит принципиально новые задачи перед органами регионального управления.

Вопросам модернизации системы управления экономикой регионов уделяется достаточно много внимания и Президентом РФ. Так, в своем выступлении он отметил: «... регионам и муниципалитетам должны быть предоставлены существенно более широкие права по распоряжению бюджетными ресурсами, которые поступают с федерального уровня. Излишнее регламентирование, мешающее самостоятельной работе на местах, будет устранено, а система финансовой поддержки региональных бюджетов будет в полной мере стимулировать расширение собственной доходной базы регионов. Наконец, главы регионов получат право ставить вопросы делегирования значительного числа публичных полномочий с федерального на региональный уровень, если они будут к этому готовы, конечно. При этом часть полномочий может быть дополнительно передана всем регионам в силу федерального закона, прежде всего тех, которые прямо влияют на инвестиционный климат и социально-экономическое развитие территорий» [2].

Наиболее значимыми результатами в исследовании системы управления экономикой регионов являются труды как ученых-регионалистов (А.А. Адамеску, А.В. Андреева, С.Ю. Глазьева, Н.В. Зубаревича, В.В. Ивантера, В.В. Кистанова, О.В. Кузнецовой, А.М. Лаврова, Ю.И. Любимцева, В.Н. Лексина, С.Б. Мельникова,

П.А. Минакира, В.П. Орешина, О.С. Пчелинцева, Б.А. Райзберга, Е.Ф. Самофаловой, С.А. Суспицина, А.И. Татаркина, А.Н. Швецова, Р.А. Шнипера, Б.М. Штульберга и других), так и работы экономистов, исследовавших системный подход в управлении (Р.Л. Акоффа, Л.Берталанфи, А.В. Игнатъевой, З.М. Макашевой, В.М. Мишина, В.Д. Могилеского, В.И. Мухина, А.А. Попова, С.В. Рогожина, В.Н. Садовского, Е.В. Фрейдиной и других). Несмотря на повышенный интерес к вопросам формирования системы регионального управления, многие проблемы в этой области требуют дальнейшего исследования, особенно в условиях модернизации системы управления территориями, в т.ч.: совершенствование концепции системы регионального управления, дополнение методологии организационно-институционального развития системы управления экономикой региона. Система управления экономикой региона – это наиболее сложная совокупность компонентов (органов управления, их функций и структуры; целевых стратегических установок; принципов, методов, технологий и инструментария управления; ресурсов, воспроизводственного потенциала, организационной культуры, компетенций), тесно взаимосвязанных между собой, образующих управляющую, управляемую, инструментальную и сопутствующую подсистемы в их интеграционной целостности и формирующие механизм воздействия на региональное хозяйство, условия жизнедеятельности населения, организации и домашние хозяйства, общественные, экономические и социальные процессы в целях повышения уровня социально-экономического развития региона и качества жизни населения в нем (рис. 1), отвечающая следующим требованиям:

- соответствие целеполагания, стимулирования и регулирования развития региона общегосударственной социально-экономической политике и рыночным условиям хозяйствования;
- обеспечение координации процессов структурной перестройки и интеграции экономических интересов при условии целостности, сбалансированности регионального хозяйства;
- наиболее эффективная реализация собственного потенциала на основе оптимальной комбинации факторов расширенного воспроизводства, гибкости и адаптивности регионального хозяйства;

- стимулирование и поддержка креативности во всех сферах жизнедеятельности регионального сообщества и содействие формированию инновационной модели региональной экономики;

- обеспечение конкурентоспособности региона при взаимовыгодном межрегиональном сотрудничестве и активном внедрении в систему мирохозяйственных связей.

Основным структурным элементом в предложенной модели является механизм управления экономикой региона, который раскрывает как процессы воздействия и используемый для этого организационно-экономический инструментарий. Это наиболее «подвижная» часть системы управления, содержание которой должно соответствовать целям реализуемой социально-экономической политики.

Таким образом, оценка развития системы управления экономикой регионов в постсоветский период позволила, во-первых, выявить следующие закономерности трансформации регионального управления:

- 1) существенная зависимость характера и интенсивности воздействий от решений вышестоящих уровней власти;
- 2) взаимообусловленность развития управления и обновления совместных интересов регионального сообщества;
- 3) системный характер анализа, разработок, решений, действий органов управления;
- 4) профессиональный уровень регионального управления предопределяет степень реализации специфического потенциала региона;
- 5) стратегическая ориентация регионального управления, нацеленная на достижение конкурентоспособности региона.

Во-вторых, сделать вывод, что, несмотря на уже проведенные определённые преобразования, система управления экономикой регионов, по-прежнему, характеризуется существенными недостатками. Таким образом, исходя из того, что на современном этапе хозяйствования происходит модернизация системы управления экономикой региона, совершенствованию, в первую очередь, должен быть подвержен механизм управления, как наиболее гибкий и адаптивный ее элемент (табл. 1).

Таблица 1 Детерминанты развития системы управления экономикой региона на современном этапе

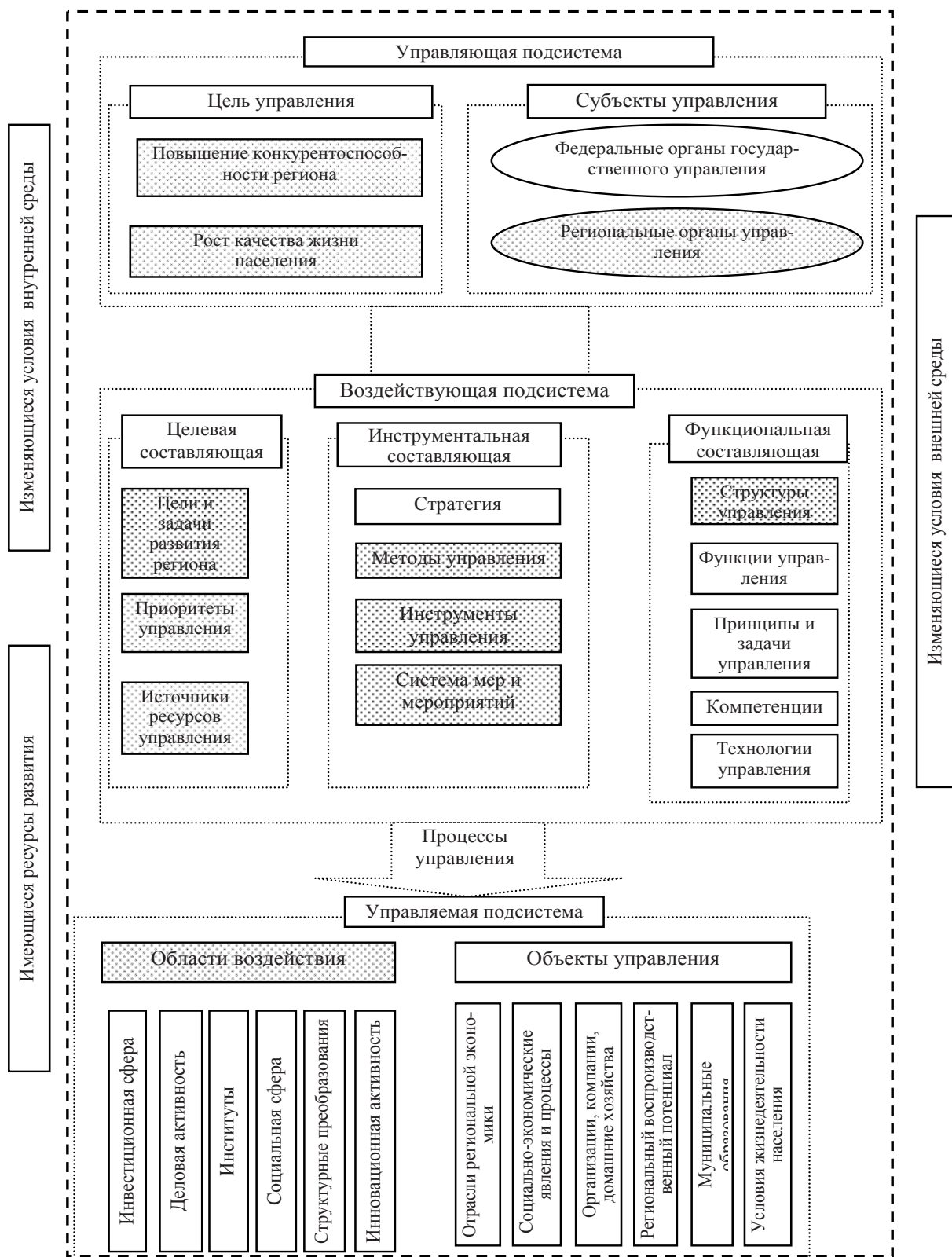

Рис.1. Система управления экономикой регионов с позиций структурно-процессного подхода

Таблица 1

Детерминанты развития системы управления экономикой региона на современном этапе

Группировка факторов развития системы управления регионом	Позитивно воздействующие	Негативно воздействующие
Внешние (определяющие необходимость совершенствования механизма управления экономикой регионов)	<ul style="list-style-type: none"> • модернизация экономики, формирование инновационной модели развития страны • включение России в международное сотрудничество; • усиление конкуренции на национальном и международном уровне; • изменение системы государственной поддержки отдельных сфер в связи с вступлением в ВТО; • ориентация на повышение результативности управления социально-экономическим развитием 	<ul style="list-style-type: none"> • несоответствие содержания государственной региональной политики процессам модернизации; • несоответствие содержания модернизации условия хозяйствования в регионах; • отсутствие системности и последовательности процессов реформирования регионального управления
Внутренние (определяющие необходимость дифференциации механизма управления экономикой регионов)	<ul style="list-style-type: none"> • повышение требований хозяйствующих субъектов к качеству предоставления государственных услуг; • повышение роли, значения и влияния сообщества на социально-экономические процессы; • повышение уровня знаний, компетенций и творчества всех работников органов управления; • усиление самостоятельности регионального управления; • обеспечение прозрачности системы управления для регионального сообщества; • возрастание роли и влияния регионального управления; • совершенствование организационных структур регионального управления, повышение эффективности их функционирования 	<ul style="list-style-type: none"> • необъективность и несимметричность предоставляемой информации; • преобладание бюрократической составляющей в системе управления; • высокая дифференциация как по ресурсному обеспечению, так и по уровню социально-экономического развития (таблица 2); • различный уровень мотивации и ответственности государственных служащих

Анализ особенностей развития регионов России и выявленная тенденция усиления масштабов дифференциации социально-экономического развития (табл.2) требует не просто совершенствования, а дифференциации механизма управления.

Показатели масштабов дифференциации социально-экономических показателей развития регионов в 2010 г. [3]

Показатель	Масштабы дифференциации в 2010 году		
	наибольшее значение	наименьшее значение	разница
1. Площадь территории, тыс. км ²	3083,5 р.Саха (Якутия)	1,1 г.Москва	2803 раза
2.Численность населения, тыс. человек	11551,9 г. Москва	42,6 Ненецкий АО	271 раз
3.Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	50843,7 Ненецкий АО	7540 р. Калмыкия	6,7 раза
4.Уровень экономической активности населения (%)	79,8 Чукотский АО	57,6 Республика Тыва	1,4 раза
5.Уровень безработицы (%)	42,7 Чеченская р.	0,6 г. Санкт-Петербург	71 раз
6. Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	30078 г. Москва	3198 р. Ингушетия	9,4 раза
7.Валовой региональный продукт, млн. руб.	7157536,8 г. Москва	18654,1 р. Ингушетия	384 раза
8.Продукция сельского хозяйства – всего, млн. руб.	198933 Краснодарский край	499 Чукотский АО	399 раз
9.Оборот розничной торговли, млн. руб.	1016780 Московская область	4930 Вологодская область	206 раз
10. Оборот организаций, млрд. руб.	18240,7 г. Москва	3,9 р. Алтай	4677 раз
11.Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	1051070 Тюменская область	4380 Чукотский АО	240 раз
12. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения, 2010 г.	2787 Томская область	364 Чеченская р.	7,7 раз

Такая высокая степень дифференциации социально-экономического развития регионов, с одной стороны, обусловлена природно-климатическими и ресурсными особенностями, с другой – деятельностью органов регионального управления.

Так, при реализации современного механизма управления не учитывается ответственность за социально-экономическое развитие территории, вклад органов управления в социально-экономическое развитие территории. Достаточно полно масштабы дифференциации отражены в выступлении Д. Медведева: «Нам уже давным-давно пора признать, что Россия настолько сложна как федерация, что мы не должны стесняться учитывать эти различия более тщательно, создавая дифференцированные правовые, инвестиционные и, может быть, даже налоговые режимы в отдельных регионах» [1]. «Возможно,

потребуется и дифференцированный подход в зависимости от готовности регионов принимать дополнительные полномочия».

С позиции интеграции процессного и системного подходов предложена модель системы управления экономикой региона, включающая совокупность структурных компонентов, сгруппированных в соответствии с принадлежностью к управляющей (цели управления и субъекты управления), воздействующей (целевая, инструментальная и функциональная составляющие) и управляемой (объекты управления и области воздействия) подсистемам, и классифицированным на относительно устойчивые (меняющиеся только под воздействием глобальных факторов) и подвижные (меняющиеся в результате незначительных трансформаций социально-экономической системы).

Библиографический список

1. *Выступление* Д. Медведева на заседании Государственного совета 26 декабря 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/>
2. *Послание* Президента Федеральному Собранию 22 декабря 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/>
3. *Федеральная служба государственной статистики* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru

I.R. LJAPINA

**CONTROL SYSTEM OF REGIONAL ECONOMY:
THE ROLE AND THE PLACE OF MANAGEMENT
MECHANISM IN TERRITORY DEVELOPMENT**

Management of regional economy should have system character. Therefore the article is devoted to the characteristics of a control system in regional economy, its essence and structure. The article studies determinants of a control system development in regional economy at the present stage account of which is necessary to make the mechanism of regional management perfect.

Key words: Regional economy, management of a region, control system of regional economy, determinants of control development system in regional economy.

М.А. КУЗНЕЦОВА

аспирант кафедры теории и истории
экономики Орловского государственного
университета

E-mail: LaCielita@yandex.ru

Тел.: 8 920 085 7710

ОПОРТУНИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА КОНТРАКТОВ

В статье рассматриваются основные виды оппортунистического поведения, порожденные проблемами несовершенства информационного поля и ограниченной рациональности контрагентов. Анализируются и обобщаются подходы к трактовке категорий неблагоприятного отбора и морального риска в рамках контрактных отношений.

Ключевые слова: информационная асимметрия, ограниченная рациональность, неполные контракты, предконтрактный оппортунизм, постконтрактный оппортунизм, неблагоприятный отбор, моральный риск.

В процессе специализации и кооперирования в различных видах хозяйственной деятельности экономические агенты вступают в торгово-экономические отношения, заключают друг с другом сделки, трансакции. Реализация выгоды этих процессов требует координирования их действий, что предполагает формулировку цели и задачи координации, определение пути, приемов и методов достижения этих целей, очерчивания круга лиц, ответственных за выполнение данной работы, распределение между ними обязанностей и построение мотивационной схемы для добросовестного исполнения работы. Очевидно, что каждый экономический агент в своей деятельности преследует собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами прочих агентов или даже общества в целом, поэтому важной задачей является формирование системы стимулов, создающей заинтересованность субъектов в сообщении достоверной информации о личных предпочтениях и намерениях, что позволило бы выработать реальный план действий и успешно реализовать его.

Проблема согласованности действий и создания совместимых стимулов могла бы быть решена разработкой полного контракта. Рассматривая основные черты таких контрактов, Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич отмечают, в нем должно быть абсолютно точно определено, что

все его участники обязаны делать в каждом возможном случае развития событий; устанавливать такое распределение издержек и выгод в каждом из этих случаев, что каждая из сторон находила бы соблюдение его условий оптимальным для себя вариантом; предусматривать абсолютно все случаи несоблюдения какой-либо из сторон тех или иных условий контракта и соответствующие этому санкции [4]. П. Милгром и Дж. Робертс подчеркивают, что для заключения и выполнения такого контракта необходимо соблюдение ряда требований:

– Каждая из сторон должна была бы предвидеть все возможные обстоятельства, которые могут оказаться важными для нее в период действия контракта и вызвать у нее желание пересмотреть предусмотренные соглашением действия и расчеты, максимально точно охарактеризовать такие возможные обстоятельства, а также обладать способностью понять, какие из них имели место в действительности в конкретной ситуации.

– Контрагенты должны иметь желание и возможность определить и согласовать эффективный способ действий для каждой из возможных ситуаций, а также связанные с этими действиями взаимные расчеты.

– Стороны должны стремиться выполнять положения контракта после его заключения, что предполагает, во-первых, отсутствие желания у

них в дальнейшем пересмотреть условия соглашения; во-вторых, наличие возможности у каждого из участников беспрепятственно проверять, выполняются ли условия контракта, а в случае нарушения осуществлять предусмотренные для этого действия [6].

В реальности заключению и обеспечению выполнения полного и совершенного контракта препятствуют непреодолимые трудности. «Ограниченность предвидения, неточность языка, издержки, связанные с расчетом различных вариантов и составлением плана, – все то, что в совокупности именуется ограниченной рациональностью, – приводят к неполному учету всех возможных обстоятельств» [Там же]. Поэтому большинство заключаемых соглашений отличается несовершенством, и чем сложнее предмет договоренностей – тем больше вероятность возникновения непредсказуемых ситуаций. Не существует способов, которые позволили бы сторонам беспрепятственно, мгновенно и без издержек передавать друг другу всю доступную им информацию. Будучи ограниченными в своих возможностях, люди стараются поступать «условно рационально», стремясь заключить наиболее предпочтительные для себя договоренности [2, с. 34].

Выражением ограниченной рациональности экономических агентов на уровне их взаимодействия друг с другом являются неполные контракты, которые отражают «неспособность хозяйствующих субъектов предугадать и отразить в условиях контракта все события, имеющие отношение к делу» [11, с. 81]. Согласно подходу Г. Литвинцевой, «неполнота контрактов – следствие радикальной неопределенности, состоящее в невозможности учета всех возможных в будущем событий и структуризации на этой основе взаимоотношений между экономическими агентами» [5]. Другой немаловажной причиной того, что реальные контракты практически всегда являются неполными, отмечают ограниченные когнитивные способности хозяйствующих субъектов. Экономические агенты склонны избегать излишне детализированные контракты в силу того, что чем сложнее контракт, тем большие издержки, связанные со сбором и анализом информации, они понесут.

Неполнота контрактов в сочетании с характерной для большинства взаимодействий

асимметрией информации, трактуемой как «неравномерное распределение между участниками рынка информации об условиях осуществления рыночной сделки и намерениях друг друга» [3], открывает возможности для оппортунистического поведения со стороны их участников. Как отмечает А.Е. Шаститко, «в основе оппортунистического поведения лежит несовпадение экономических интересов, обусловленное ограниченностью ресурсов, неопределенностью и, как следствие, несовершенной специфицированностью условий контракта» [9, с. 253]. При условии, что издержки, связанные с уклонением от условий контракта, оказываются меньше, чем выгоды, которые оно принесет, экономический агент будет склонен в своем поведении к той или иной форме оппортунизма.

С точки зрения контрактного процесса, выделяют предконтрактное (*ex ante*) и постконтрактное (*ex post*) оппортунистическое поведение [9, с. 253]. Первый тип А.Е. Нестеренко определяет как ситуацию, когда один из партнеров вводит в заблуждение другого до заключения контракта, что наглядно иллюстрирует пример с занижением риска наступления страховых случаев клиентами страховых фирм с целью уменьшения размера страховых взносов [7, с. 322]. Постконтрактный оппортунизм – это уклонение от добросовестного и надлежащего выполнения обязательств перед партнером после заключения контракта [Там же, с. 323]. Согласно А.С. Скоробогатову, каждому из этих типов соответствует своя форма проявления оппортунизма, являющаяся одновременно формой асимметричности информации, а именно, предконтрактный оппортунизм проявляется в скрытой информации, порождающей впоследствии проблему неблагоприятного отбора (*adverse selection*), а постконтрактный оппортунизм – в скрытых действиях, приводящих к проблеме морального риска (*moral hazard*) [8].

Термин «ухудшающий» или «неблагоприятный отбор», используемый для обозначения группы проблем, порождаемых предконтрактной информационной асимметрией, возник в страховом деле. «Ухудшающий отбор» представляет собой одну из форм предконтрактного оппортунизма; он возникает из-за наличия частной информации, которой клиенты страховых компаний располагают до приобретения ими контрактов страхования, в то время, когда они

оценивают выгодность такого приобретения» [6]. Покупателями страховых полисов становятся, как правило, люди, располагающие частной информацией относительно своего положения, позволяющей им предполагать весьма вероятным получение по данному полису выплат, превышающих по величине их средний размер. Применительно к данной ситуации примером служат выпускаемые страховой компанией полисы индивидуального медицинского страхования, гарантирующие покрытие медицинских расходов в связи с беременностью и родами, большую часть покупателей которых, вероятнее всего, составят женщины, собирающиеся в ближайшем будущем стать матерями. Их планы, представляющие собой частную информацию, являются ненаблюдаемой характеристикой покупателей данных полисов, оказывающей значительное влияние на уровень издержек страхования. Как отмечают П. Милгром и Дж. Робертс, в США, где большинство систем медицинского страхования организуется частными фирмами, предложение полной оплаты расходов по беременности и родам приводит к настолько интенсивному ухудшающему отбору, что от практики данного вида страхования вынуждены были полностью отказаться [6].

Проблема неблагоприятного отбора обусловлена также стремлением индивидов сэкономить на издержках измерения и «возникает при наличии распределения по качеству, закрытого для потребителя» [4]. Использование минимального набора измеряемых параметров в качестве условия сделки приводит к тому, что объектам полученной выборки будут присущи свойства по уровню ниже ожидаемых, соответствующие худшему набору параметров, которые не учитывались примененной классификацией.

Явление неблагоприятного отбора достаточно ярко проиллюстрировано на примере рынка «лимонов» в работе Дж. Акерлофа, анализирующей взаимоотношения продавцов и покупателей на рынке подержанных автомобилей [1]. Уровень качества предлагаемых машин различен, но покупателю сложно идентифицировать этот уровень в момент покупки, особенно при отсутствии времени и опыта. Кроме того, покупатель не информирован в вопросе предыстории предлагаемой ему машины. Следовательно, он в меньшей степени, чем продавец, осведомлен в вопросе ее качества.

Если бы информация была симметричной, то есть если бы покупатель владел той же информацией о качестве всех выставленных на продажу автомобилей, что и продавец, на рынке установилось бы эффективное равновесие. Следовательно, цена, которую готов заплатить покупатель за каждую конкретную машину, определялась бы, исходя из ее качества. В условиях асимметрии информации, напротив, покупатель не располагает сведениями о качестве конкретной машины. Поэтому предлагаемая им цена определяется на основе среднего качества представленного на рынке товара, которое, в свою очередь, определяется на основе известного покупателю распределения качества. Учитывая эти обстоятельства, продавец выставляет на продажу только те машины, качество которых лежит в нижней части распределения, так как продажа наиболее качественных машин становится для него невыгодной. В результате это приводит к тому, что среднее качество предлагаемых на рынке автомобилей падает, происходит вытеснение «хороших» товаров «плохими», а вслед за этим снижается и цена, которую покупатель готов заплатить за машину. Соответственно, окончательная цена, устраивающая покупателя, в определенный момент оказывается равной нулю, и рынок перестает существовать. Таким образом, возникшая из-за несовершенства информации, явление неблагоприятного отбора приводит к неэффективности функционирования рыночного механизма спроса и предложения и, в конечном итоге, к исчезновению рынка.

Другим характерным примером неблагоприятного отбора является найм работников, осуществляющийся на основе лишь простых и явных критериев, например, наличие университетского диплома, без учета иных факторов, влияющих на их производительность. Вследствие неполноты информации, новые работники отбираются случайно из числа претендентов с дипломами, и им назначается заработная плата среднего уровня. Это привлекает тех кандидатов, которые хотя и соответствуют этому критерию, могут не обладать другими преимуществами. Наниматели, использующие при приеме на работу столь ограниченный набор факторов, при условии, что другие работодатели руководствуются при найме более широким списком критериев для кандидатов, осуществляют неблагоприятный отбор,

привлекая в свою организацию худших в смысле эффективности труда работников.

Несовпадение интересов экономических агентов способно привести, таким образом, к тому, что лица, обладающие наиболее важной информацией, могут уклониться от предоставления полных и точных сведений лицу, принимающему решение. Однако даже если предположить, что на стадии заключения контракта ни одна из сторон не располагает какой-либо частной информацией, в процессе его осуществления может возникнуть проблема отсутствия необходимых данных для проверки адекватности выполнения условий соглашения или ее труднодоступности, обусловленной высокими издержками, что создает возможности для нарушения соглашения в целях удовлетворения личных интересов. В этом случае говорят о наличии проблемы «субъективного риска, который является формой постконтрактного оппортунизма, возникающей тогда, когда действия, влияющие на уровень эффективности, не поддаются свободному наблюдению, вследствие чего лицо, выполняющее эти действия, может предпочесть удовлетворить свои личные интересы за счет других» [6]. Данное явление выступает информационной проблемой, поскольку обусловлено трудностью или дорогостоящей осуществлением контроля и обеспечения желаемого поведения, которые делают бессмысленным составление контракта, определяющего конкретный тип поведения, при невозможности проследить за корректностью его исполнения, что свидетельствует о неполноте контрактации. П. Милгрэм и Дж. Робертс при толковании проблемы субъективного риска используют термин «агентские отношения», применяемый в экономической науке «для обозначения ситуаций, в которых один индивид – исполнитель (*agent*) действует от имени другого индивида — поручителя (*principal*) и должен реализовывать цели, поставленные перед ним поручителем», обуславливая ее возникновение с несовпадением индивидуальных приоритетов и интересов этих субъектов и неспособностью поручителя без труда определить, «продиктованы ли сообщения и действия исполнителя заботой о его интересах или же эгоистическими интересами самого исполнителя» [6].

Обобщая подходы Т. Эггертсона, Я.И. Кузьмина и М.М. Юдкевич, можно сказать, что мо-

ральная угроза (субъективный риск) – явление, возникающее на этапе приведения контракта в исполнение вследствие невозможности осуществления сопряженного с чрезмерно высокими издержками непрерывного и полного контроля за действиями контрагента, предусмотренными заключенным договором, приводящее к сокращению количества измеряемых параметров, служащих индикаторами качества исполнения условий соглашения, что, в свою очередь, может побудить одну из сторон контракта пренебречь ненаблюдаемыми показателями и уклониться от сути своих обязательств, выражающих интересы контрагента [10, с. 59; 4].

Пользуясь тем обстоятельством, что контракт несовершенен в силу невозможности предусмотреть все возможные случаи его несоблюдения какой-либо из сторон и соответствующих санкций, субъект моральной угрозы сознательно совершает очевидное ему отклонение в выполнении предмета договора, не предоставляя другому участнику контракта информации о сущности своих действий. Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич отмечают, что при этом они используют «зоны безответственности», возникающие в результате неполноты контрактов или слабости мониторинга и классифицируемые по этим признакам на зоны безответственности первого и второго рода соответственно [4]. Наглядным примером является ситуация со служебным водителем, который в рабочее время при отсутствии непосредственных должностных заданий может поспать в машине или использовать ее для получения собственной выгоды. В этом случае водитель попадает в зону безответственности первого рода, поскольку нет нарушения явных условий контракта. Зону безответственности второго рода иллюстрирует ситуация в области медицины, когда врач, оплата труда которого не зависит от объема оказанных услуг, при отсутствии полного мониторинга сокращает объем лечения пациента.

Впервые термин «субъективный риск» был применен в индустрии страхования и характеризовал «тенденцию изменения поведения застрахованных клиентов (страхователей) в таком направлении, которое приводит к увеличению выплат страховой компании» [6]. Так, люди, обладающие страховкой, могут пренебрегать соблюдением предосторожностей, позволяющих

не допустить потерь или свести их к минимуму. В данной области экономики А.С. Скоробогатов; Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич с некоторыми вариациями в терминологии выделяют три основных типа моральной угрозы: недобросовестное поведение; пренебрежение рисками; сверхнормативное потребление услуг, оплачиваемых в результате страховки [8, с. 19; 4]. Первый тип предполагает, что страхователь может намеренно вызвать страховой случай с целью получения возмещения, например, поджечь дом. Пренебрежение рисками отражает ситуации, в которых страхователь, заключив соответствующий контракт, уже не стремится проявлять осторожность в полном объеме в отношении объекта сделки, непреднамеренно увеличивая тем самым вероятность наступления страхового случая, как, например, автомобилист, начавший игнорировать некоторые правила дорожного движения после страхования своей машины. Сверхнормативное потребление услуг, оплачиваемых в результате страховки, применительно к медицинскому страхованию проявляется в нецелесообразном учащении посещений врача. Однако нельзя не согласиться с П. Милгромом и Дж. Робертсом в том, что «хотя термин «субъективный риск» имеет негативное содержание, не все изменения в поведении людей, вызванные наличием страхования, являются нежелательными для общества, например, увеличение числа посещений женской консультации может привести к улучшению здоровья матерей и детей, что вполне соотносится с целями общества» [6]. Возмещение потерь от субъективного риска возможно страховой компанией путем установления ею достаточно высокого страхового взноса, способного покрыть дополнительные издержки.

Субъективный риск, тем не менее, препятствует осуществлению взаимовыгодных соглашений между людьми по причине того, что зачастую издержки, которые несет страховщик, не компенсируются дополнительными выгодами, получаемыми страхователем при изменении его поведения. Это связано с тем, что не все возможные издержки и выгоды учитываются страхователем при принятии решения при заключении контракта, и, кроме того, продиктовано самой природой страхования. Так, взяв машину напрокат, экономический субъект несет все издержки,

связанные с ее эксплуатацией, и, вероятно, будет вести себя более осторожно, но если он полностью застрахован, то никакой дополнительной выгоды от такой осторожности он не получит.

Сфера возникновения проблемы субъективного риска различна, характерна для любой ситуации, при которой лицо, чьи личные интересы носят разнонаправленный характер с интересами группы, а проверка и контроль точности и достоверности предоставляемых им сведений и осуществляемых действий затруднены, имеет искушение поступить неэффективно или предоставить искаженную информацию.

Итак, несовпадение интересов участников трансакций в совокупности с присущей большинству экономических отношений информационной асимметрией создает предпосылки для предконтрактного оппортунистического поведения лица, владеющего большим объемом информации, что проявляется в уклонении от предоставления полных и достоверных сведений контрагенту либо в сознательном введении его в заблуждение до заключения договора, порождая впоследствии проблему неблагоприятного отбора. Наряду с ограниченной рациональностью, препятствующей точному учету всех возможных вариантов развития событий, это обстоятельство образует непреодолимые трудности для составления и заключения полного контракта, абсолютно точно определяющего обязанности сторон в каждой из ситуаций. Несовершенство контракта открывает возможности для постконтрактного оппортунистического поведения, становясь причиной явления морального риска, суть которого сводится к удовлетворению собственных интересов за счет других путем сознательного отклонения субъекта моральной угрозы в выполнении предмета договора вследствие неосуществимости непрерывного контроля за его действиями.

Библиографический список

1. Акерлоф Дж. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм. Пер. Николаенко Е.И. [Электронный ресурс] // THESIS. 1994. Вып.5. С. 91-104. Сайт: <http://www.hse.ru>. Режим доступа к ресурсу: http://www.hse.ru/science/igiti/thesis5/5_1_4Akerl.pdf
2. Деньгов В.В., Грегора Е.Я. Теория контрактов: новейший раздел современной микроэкономической теории [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 5. Вып. 1 (№ 5). С. 31-39.
3. Козачок И.В., Краснова С.Г. Экономическая сущность асимметрии информации и ее влияние на функционирование рынка [Электронный ресурс]. // Журнал «Сибирская Финансовая Школа». 2007. №2. Сайт: <http://www.sifbd.ru>. Режим доступа к ресурсу: <http://www.sifbd.ru/magazine/article/983>
4. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Институциональная экономика: Курс лекций [Электронный ресурс]. М.: МФТИ, 2002. 237 с. // Сайт: <http://window.edu.ru/>. Режим доступа к ресурсу: http://window.edu.ru/window/catalog?p_rid=39070&p_rubr=2.2.76.4.2
5. Литвинцева Г. Словарь терминов по институциональной экономике [Электронный ресурс] / Сайт: <http://vocable.ru>. Режим доступа к ресурсу: <http://vocable.ru/dictionary/96/word/%CD%E5%EF%EE%EB%ED%EE%F2%E0+%EA%EE%ED%F2%F0%E0%EA%F2%EE%E2/>
6. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент [Электронный ресурс]. СПб.: Экономическая школа, 1999. Сайт экономической школы: <http://www.seinst.ru>. Режим доступа к ресурсу: <http://www.seinst.ru/files/milgromch5.pdf>, <http://www.seinst.ru/files/milgromch6.pdf>
7. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. [Текст]. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 416 с.
8. Скоробогатов А.С. Институциональная экономика. Курс лекций. [Электронный ресурс]. СПб.: ГУ-ВШЭ, 2006. // Сайт: <http://ie.boom.ru>. Режим доступа к ресурсу: <http://ie.boom.ru/skorobogatov/theme6.htm>
9. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория [Текст]. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. 2002. 591 с.
10. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты [Текст]. М.: Дело, 2001. – 408 с.
11. Шаститко А. Неполные контракты: проблемы определения и моделирования [Текст]. // Вопросы экономики. 2001. №6. С. 80-99.

M.A. KUZNETSOVA

OPPORTUNISM AS CONSEQUENCE OF IMPERFECTION OF CONTRACTS

The main kinds of opportunistic behavior generated by problems of information asymmetry and bounded rationality of economic agents are considered in the article. Approaches to treatment of categories the adverse selection and the moral hazard in contract relations are analyzed and generalized.

Key words: information asymmetry, bounded rationality, incomplete contract, ex ante opportunism, ex post opportunism, the adverse selection, the moral hazard.

А.Б. ТАУКЕНОВ

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: Boris-tash@yandex.ru

Тел. +7 903 960 18 22

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Реформирование российской электроэнергетики было сориентировано на мировой опыт. До кардинальных преобразований в отрасли, которые были проведены в развитых капиталистических странах в последней четверти прошлого века, она также функционировала в статусе естественной монополии. Западная электроэнергетическая отрасль, так же как и в нашей стране, структурно представляла собой вертикально интегрированные национальные или локальные компании по генерации, транспортировке и реализации электрической энергии. Так же как в Российской Федерации, реформы на западе до сих пор не получили своего логического завершения.

Но в отличие от нашей страны в развитых капиталистических странах отрасль приобрела статус саморазвивающейся системы с активным государственным регулированием тарифов.

Ключевые слова: реформирование мировой электроэнергетической отрасли, естественная монополия, вертикально интегрированные компании, саморазвивающаяся система, активное государственное регулирование тарифов.

В рекордно продолжительном поствыборном телемарафоне В.В.Путина самым резонансным, кажется, было выступление начальника сборочного цеха «Уралвагонзавода», в котором он, в частности, выразил сомнение по поводу компетентности работников Министерства обороны РФ, ответственных за материально-техническое обеспечение армии и плохо отзывающихся о качественных параметрах продукции российской оборонной промышленности. Владимир Владимирович, скорее, согласился с подобным мнением, потому как в свою очередь не преминул отметить и негативное влияние такой практики на результаты традиционной для России деятельности по международной торговле оружием и военной техникой. Смысл его поддержки сводился к следующему: перед импортерами различных стран вполне закономерно должен вставать следующий вопрос, – стоит ли у России покупать то, что по своим качественным характеристикам низко ценится в самой России.

С точки зрения экономической науки, это не что иное, как пренебрежение таким фактором экономики, как информация. В современном

мире роль ее вкупе с предпринимательской активностью имеет не меньшее значение, чем земля, капитал, рабочая сила. И от того, какую изначальную смысловую нагрузку несет информация – положительную, отрицательную, нейтральную, от источника информации, времени, в котором она анонсируется, во многом предопределяется жизнеспособность того или иного объекта или субъекта конкурентных отношений. Для потенциального покупателя, выступающего в момент подготовки сделки, все элементы конкурентоспособности приобретаемого товара должны быть очевидны настолько, чтобы не могло возникнуть ни малейшего сомнения в правильности сделанного выбора.

Но примечательно то, что несмотря на все трудности переходного периода, продукция нашей оборонной промышленности имеет гораздо больший рейтинг конкурентоспособности, чем вся страна в целом. Причина в том, что рождалась она в недрах величайшей державы и приобрела современные черты во времена холодной войны в жесточайшей конкуренции со всем капиталистическим миром. Можно только предпо-

ложить, что популярность российской оборонки пока держится на эффекте инерционности.

Но для страны это все-таки особый случай. Потому что у нас есть другой пример, когда подобный институциональный фактор сыграл, скорее, отрицательную, чем положительную роль. Речь об электроэнергетике, которая технически, технологически и организационно формировалась также по принципам, не имеющим аналогов в мире. Высокая эффективность ее предприятий была подтверждена десятилетиями функционирования в условиях командно-административной экономики. Именно электроэнергетика во многом сыграла роль локомотива становления и развития политической и экономической системы великой державы.

Но сегодня отрасль переживает не самые лучшие времена. Для многих россиян причина этому вполне очевидна: виноват Чубайс с его губительными реформами. Этому мнению придерживается большинство ученых экономистов, так думает большинство политиков в угоду массовой ненависти к архитектору ваучерной приватизации. Любит позлорадствовать по этому поводу и журналистское сообщество.

В чем же истоки массовой ненависти к Чубайсу? Для потребителей электроэнергии реформирование отрасли должно означать не что иное, как снижение цен при сохранении адекватного уровня надежности работы энергосистем. Но этого не произошло. Тарифы на электроэнергию растут как на дрожжах, а о надежности функционирования предприятий отрасли и говорить не приходится. Достаточно вспомнить аварию на Саяно-Шушенской ГЭС, унесшую жизни нескольких десятков людей. Отсюда был сделан вывод: реформы были не нужны, а их инициатор заслуживает самого большого наказания.

Между тем реформирование электроэнергетической отрасли в России не является страновой особенностью, проистекающей из тех кардинальных реформ всех сторон жизни, которым в России был дан старт с 90-х гг. двадцатого века. Необходимость перемен в электроэнергетике стала очевидной в конце прошедшего столетия для большинства развитых и развивающихся стран мира, в которых, также как и в РФ, отрасль относилась к естественным монополиям. Структурно она, как и у нас в стране, представляла собой вертикально интегрированные компании нацио-

нальных или региональных масштабов в сферах генерации, передачи и сбыта электроэнергии.¹ Но в отличие от СССР в капиталистических странах естественно-монопольный статус отрасли аргументировался отнюдь не политическими соображениями. Оказалось, что электроэнергетика во всем мире обладает рядом особенностей, априори обуславливающих приоритет государственного контроля и управления. А именно:

- особая важность для населения и всей экономики обеспечения надежного энергоснабжения;
- высокая капиталоемкость и сильная инерционность развития электроэнергетической отрасли;
- высокий уровень опасности объектов электроэнергетики для населения и окружающей среды;
- обязательность монопольного положения систем по технологическим условиям;
- отсутствие возможностей создания резервов для немедленного использования ввиду специфики электроэнергии как товара.²

Добавим ко всему сказанному то, что практически во всех развитых капиталистических странах энергетическая отрасль находилась под жестким государственным контролем, особенно в решении вопросов регулирования тарифов.

Тарифы – это та фокальная точка, которая за редким исключением предопределяет отношение людей к любым нововведениям в системе, играющей огромную роль в жизнеобеспечении всего населения всех современных государств. В СССР, где цены за пользование электроэнергией устанавливались централизованно, о повышении их не могли даже и помыслить. Если даже и был рост тарифов, он остался незамеченным для большинства жителей страны. В капиталистическом мире проблеме посвящены многие изыскания ученых в основном в рамках теории естественных монополий. Были разработаны различные модели тарифного регулирования, направленные на обеспечение, с одной стороны, ценовой доступности, с другой – устойчивости и надежности энергопредприятий и отрасли в целом. Так, Питер Ван Дорен в статье «Политическая

¹ Averch H., L.L.Johnson. Behavior of the firm under Regulatory Constraint//American Economic Review. 1962. №52. 1059 – 69.

² Никуйко И.Б. Существенные признаки естественной монополии в экономической теории//Вестн. МАП России. 2000. С.38-46.

головоломка вертикальной интеграции» выделяет четыре основных стратегии в ценовой политике естественных монополий.³ Первая – это государственная собственность и государственное управление предприятиями. По отношению к тарифам это означает, что соответствующие государственные органы управления устанавливают цены, равные предельным издержкам. При этом теоретически разница между предельными и средними издержками должна восполняться через налоговое регулирование. В этой схеме основной целью является защита потребителей от необходимости оплачивать расходы на воспроизводство и развитие инфраструктур.

Второй вариант предполагает сохранение частной собственности при государственном жестком тарифном регулировании. Если то или иное предприятие терпит убытки из-за превышения суммарных издержек над выручкой, образующейся при ценах, равных предельным издержкам, они покрываются за счет государственных субсидий. В этой схеме целью регулирования является (как и в первом варианте) защита потребителя от необходимости оплачивать воспроизводство и развитие инфраструктур, а также защита бизнеса от необходимости принимать на себя расходы по поддержанию инфраструктуры в экономически неэффективных территориях и узлах.

Третий вариант – традиционное регулирование государственной комиссией, цель которой – сделать так, чтобы тарифы покрывали издержки с нулевой сверхприбылью (*excess profits*), хотя такие цены и будут превышать предельные издержки. Предметом регулирования в данном случае являются либо цены, либо норма прибыли компаний, а целью регулирования – недопущение получения бизнесом сверхприбылей при сохранении устойчивости фирм – производителей услуг.

Приведенные три стратегии суть стратегии регулирования деятельности монополий с разной степенью участия государства в процессе производства электроэнергии и строительстве инфраструктур.

Четвертый вариант – это использование естественной или специально стимулируемой конкуренции для достижения, теоретически, того же результата, что и при регулировании комиссией – системы цен, которые не только не дают возмож-

ность получить сверхприбыль (*excess profits*), но и позволяют фирме избежать банкротства. Такая конкуренция превращает естественные монополии в то, что называется состязательным рынком (*contestable market*).

В этой модели предметом регулирования становятся правила работы электроэнергетических компаний, которые поддерживают необходимый уровень конкуренции. Фактически – это стратегия антимонопольного регулирования.

Сегодня, когда вся экономика РФ переведена на рыночные условия функционирования, игнорировать опыт развитых капиталистических стран в государственном регулировании деятельности предприятий электроэнергетической отрасли нельзя. Для осознания правомерности такой постановки вопроса очень важно отметить и то, что в тех же развитых капиталистических странах функционирование электроэнергетической системы в статусе естественной монополии долгое время не вызывало никаких нареканий у потребителей. Проблемы стали давать о себе знать в последние двадцать-двадцать пять лет прошлого столетия в связи со значительным повышением цен на углеводородное топливо и возросшей интенсивностью развития многих отраслей экономики. Практически по всему миру в этот период было отмечено резкое увеличение потребления электроэнергии. И оказалось, что кардинальное изменение спроса на энергоносители и структуры энергопотребления выявили неспособность вертикально интегрированных компаний адекватно отвечать на вызовы времени. Главным аргументом в пользу такого вывода было то, что даже в самых богатых странах был отмечен дефицит финансов, необходимых не только для инвестирования дальнейшего развития, но и на поддержание предприятий отрасли в функциональном состоянии.⁴ В результате был нарушен привычный баланс между производством и потреблением электроэнергии, что негативно сказалось на деятельности многих предприятий национальных экономик. Немаловажен еще тот факт, что к этому же времени перестали терять свою актуальность и доводы «масштабности», которые приводились в защиту естественно-монопольного статуса электроэнергетической

4 Асланян Г.С., Молодцов С.Д. Опыт Великобритании в области либерализации энергетического сектора // Электрические станции. 1999. №8. С.56.

3 http://www.libertarium.ru/libertarium/der_energy04

отрасли. Новые технологии, внедряемые в сфере генерации, показали, что электростанции средних и малых размеров вполне конкурентоспособны, а строительство их по силам множеству частных инвесторов.

Необходимость перемен была продиктована также внешними факторами. К концу двадцатого столетия в большинстве развитых стран было кардинально скорректировано законодательство в области охраны природы. Оно оказалось настолько жестким, что без ускоренной модернизации основных фондов электростанций, считающихся едва ли не главными загрязнителями окружающей среды, соблюдение его было практически невозможным.

Но что может быть удивительным для нашего массового сознания, и в капиталистических странах реформирование электроэнергетической системы проходило не так уж и гладко. Были и социальные протесты, и споры ученых и практиков. Дискуссии имели достаточно высокий общественный резонанс, даже несмотря на то, что мировой процесс реформирования электроэнергетики в сторону либерализации начался тогда, когда в других естественных монополиях он уже прошел стадию критического восприятия в обществах и приобрел прочную рыночную институциональную основу, базируясь на двух фундаментальных составляющих рынка – либерализации и приватизации. Тем не менее, по отношению к электроэнергетике ожесточенные споры до сих пор дают о себе знать, и, точно так же, как и в России, ведутся они вокруг двух полярных точек зрения по поводу глубины проводимых реформ. Консервативно настроенные потребители считают, что вся отрасль, включающая в себя генерацию, передачу, распределение и поставку, является естественной монополией и не требует кардинального реструктурирования. Более активная часть населения различных стран уверена, что у энергетики нет никаких монополистических свойств, включая систему передачи электроэнергии, и она должна регулироваться только рынком.

Приверженцы различных точек зрения выносили на суд общественности множество аргументов в пользу тех или иных форм и методов реформирования национальных электроэнергетических отраслей. И большинство из них име-

ло право на жизнь. Нельзя было не согласиться с таким аргументом в пользу монополии, как способность ее мобилизовать средства на строительство крупных энергоблоков и хорошо разветвленных электрических сетей. Но в то же время трудно было не признать то, что она полностью исключает конкуренцию, без которой в условиях современного рынка невозможно гарантировать дальнейшее развитие отрасли, что, в общем-то, было подтверждено практикой.

Очень распространенной было мнение о необходимости сохранения системы единого закупщика. Такая схема способствует сокращению транзакционных издержек в отличие от системы оптовой и розничной конкуренции, которая чревата не только повышенными организационными расходами, но и рисками, связанными с возможным неисполнением своих договорных обязательств тех или иных фирм из множества конкурирующих друг с другом энергосбытовых компаний. Но недостатком системы единого закупщика является максимальная централизация управления отраслью и неспособность его гибко реагировать на все нюансы спроса.

Консенсус в большинстве стран был сведен к тому, что либерализация энергетики на современном этапе не может не предполагать следующее:

- создание оптового и розничного рынков, стимулирование конкуренции;
- отделение генерирующих мощностей от передачи и распределения, а распределение – от поставки конечным потребителям;
- расширение доступа к сетям;
- создание механизма эффективного государственного регулирования.

Что же касается приватизации, второй составной частью реформирования электроэнергетической отрасли, западная экономическая наука уже давно трактует ее как широкий комплекс институциональных изменений в сфере собственности. Это не только переход в частное владение активов, но и так называемая частичная приватизация (semiprivatization), означающая продажу части активов негосударственным компаниям, лизинг и контрактное управление, передача отдельных прав собственности частному сектору по концессионным соглашениям.

Приватизация при реформировании электроэнергетики в большинстве развитых стран не

являлась самоцелью. Целью было расформирование вертикально интегрированных компаний, что не обязательно должно было сопровождаться приватизацией или, наоборот, национализацией. В Норвегии, например, при реформировании отрасли был достигнут наивысший уровень либерализации. Но при этом вопросы приватизации при разработке программы даже не рассматривались. С другой стороны, в США отрасль практически полностью приватизирована, и регулирование деятельности компаний осуществляется на уровне штатов. Но полноценный рынок во многих штатах так и не создан. В большинстве стран ЕС электроэнергетика находится либо в государственной собственности (Ирландия, Франция, Италия, Дания, Греция), либо в смешанной собственности (ФРГ, Австрия, Финляндия, Португалия, Швеция, Нидерланды). Приватизирована она в Великобритании, Бельгии, Испании.⁵

Большинство стран при проведении реформ было сориентировано на норвежский опыт, опыт максимальной либерализации. То есть речь идет о четвертой модели Питера Ван Дорена, предполагающей превращение естественных монополий в состязательный рынок. Каковы на сегодня итоги 10-15 лет преобразований?

Одно можно сказать с уверенностью: ни в одной стране не выработана идеальная система функционирования электроэнергетической отрасли. Нерешенными остаются множество периодически возникающих проблем. В частности, в результате реформ фундаментальным образом изменилась сущность использования передающих электрических сетей. Значительно выросли объемы потребления электроэнергии, что отразилось на росте межрегиональной торговли и локального спроса на услуги электроэнергетических компаний. С увеличением потребления произошли кардинальные изменения потоков мощности, что потребовало решения такой проблемы, как прогнозируемость использования тех или иных сетей, что на практике оказалось труднодостижимым.

По мнению большинства исследователей, либерализация дала много новых возможностей, но она же создала ряд новых технологических и коммерческих рисков. К последним относятся не-

5 Жангиров В.А. Современное состояние и пути развития энергетики стран СНГ // Промышленная энергетика. 2001. №5. С. 13-76.

контролируемые ценовые скачки, невыполнение или частичное выполнение контрагентами своих договорных обязательств, банкротства предприятий и связанное с этим падение локальных рынков и т.д. Не вполне оправдались надежды и на то, что развитие конкуренции обеспечит устойчивое и надежное электроснабжение за счет численного роста производителей и поставщиков, расширения спектра источников электроснабжения. В некоторых странах произошло обратное: либерализация обусловила тенденцию на слияние производителей в целях уменьшения прямых и косвенных расходов за счет достижения эффекта масштаба, что, в свою очередь, должно было обеспечить вновь созданным структурам конкурентоспособность на рынке. Реформирование получило такое развитие в Германии, и, казалось, это был вполне естественный процесс рационального слияния. Но оказался чреватым тем, что в стране обозначился вектор к олигополюсной структуре рынка.⁶

Вопреки ожиданиям ни в одной стране на данном этапе формирующийся рынок не стал мощным стимулятором развития генерирующих мощностей. Принятию инвестиционных решений препятствуют такие явления, как наличие административных барьеров, усложняющих процедуры размещения объектов, присоединения к сети, получения природоохранных лицензий. Не способствуют росту инвестиционной активности неблагоприятная конъюнктура топливного рынка и непредсказуемость цен на газ в газодобывающих странах.

К нерешенным относятся и проблемы, связанные с отсутствием механизмов исключения аварий. Не секрет, что открытые рынки и свобода торговли подталкивают системных операторов в целях максимизации доходов поднимать уровни мощности выше допустимых пределов, что, естественно, повышает риски возникновения нестандартных аварийно-опасных ситуаций.

В связи с этим, в большинстве стран сегодня стало очевидным понимание необходимости обеспечения единства технических правил для всех субъектов рынка, перевода технических правил в статус обязательного исполнения, более четкого

6 Давыдовский Ф.Н. Либерализация мировой электроэнергетики и проблемы становления конкурентных рынков в условиях реструктуризации // Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 7. С. 12-28.

распределения ответственности за надежность, повышения гарантий электроснабжения населения по социально приемлемым ценам, повышения роли и ответственности регулятора и др.

Но несмотря на многочисленность противоречий и множество нерешенных проблем, радикальные преобразования в электроэнергетике стали мировой тенденцией, затронувшей большинство развитых и ряд развивающихся государств мира. Либерализация отрасли и ее технологическое развитие привели к качественному расширению рынков: в Европе и Северной Америке они уже перешагнули границы отдельных энергосистем и даже национальные границы и приобрели межрегиональный и международный масштабы.

Исходя из всего сказанного выше, можно с уверенностью сказать, что нынешнее неудовлетворительное состояние электроэнергетической отрасли РФ не в проводимых реформах, а в их незавершенности. Они, реформы, завершены для

А.Б.Чубайса, которому удалось сломать систему, которая практически уже была не способна обеспечить себе простое воспроизводство. В том, что сегодня оперативное управление предприятиями отрасли в основном подчинено корпоративным, а не государственным интересам, меньше всего виноват А.Б.Чубайс.

Дальнейшее зависит уже в большей степени от оперативного управления предприятиями отрасли современными менеджерами, их способности в пределах своей компетенции обеспечить развитие генерирующих компаний на основе реконструкции и перевооружения мощностей за счет собственных средств и привлеченных частных ресурсов. При этом неплохо было бы помнить, что любая отрицательная информация о современном состоянии отрасли и перспективах ее развития не способствует росту конкурентоспособности предприятий электроэнергетической отрасли РФ на мировом инвестиционном рынке.

A.B. TAUKENOV

LIBERALIZATION AS THE MAIN STREAM OF REFORMING OF THE WORLD ELECTRO POWER BRANCH

Reforming of Russia electro power branch has been focused on the world experience. Before the reforms, that begun in the capitalist countries in the fourth quarter of the last century, it also functioned in the status of natural monopoly. West electric power industry, as well as in our country, structurally were the vertically integrated national or regional companies in generation, transfer and electric power sale spheres. As well as in the Russian Federation there the problems of reforming of electro power branch haven't received the definitive permission. But unlike us in the developed capitalist countries the industry has got the status of self-developing systems with the active state tariff regulation.

Key words: Reforming of the world electric power industry, natural monopoly, vertically integrated companies, self-developing systems, active state tariff regulation.

Ю.В. ТОМИЛИНА

аспирант кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Орловской региональной академии государственной службы

E-mail: YulechCat@mail.ru

Тел. 8 920 288 00 77

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В статье представлено определение региональной конкурентоспособности, рассмотрены существующие подходы к её оценке и произведена оценка конкурентоспособности регионов Центрального федерального округа по одной из существующих методик, предполагающих расчёт индекса и рейтинга конкурентоспособности на основе 12 микроиндексов, а также представлен анализ конкурентоспособности Орловской области и даны рекомендации по её повышению.

***Ключевые слова:** регион, конкурентоспособность, оценка региональной конкурентоспособности, индекс, рейтинг, Центральный федеральный округ, Орловская область.*

В современных условиях регион выступает в качестве субъекта, осуществляющего управление социально-экономическими, демографическими, экологическими и другими процессами в рамках определённой территории. Данное управление во многом осложняется исторически сложившейся дифференциацией российских регионов по уровню социально-экономического развития. С началом рыночных реформ она начала усиливаться, что объясняется наличием регионов с разной структурой экономики и значительным ослаблением регулирующей роли государства, в результате в настоящее время разрыв по основным показателям между некоторыми регионами составляет десятки раз. В качестве подтверждения этому в Приложении 1 к Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)» представлены данные за 2000 год по основным показателям, характеризующим экономическое развитие региона, где, например, объём инвестиций в основной капитал на душу населения Тюменской области превышает соответствующий показатель Республики Дагестан более чем в 30 раз [12]. За прошедшие годы ситуация практически не изменилась: например, в 2009 году аналогичный показатель Республики Саха

(Якутии) превышал показатель Костромской области почти в 23 раза [10].

Дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития существует даже в рамках одного федерального округа. Рассмотрим ситуацию в Центральном федеральном округе (ЦФО). По основным социально-экономическим показателям одни субъекты намного превосходят другие. Так, в г. Москва показатель среднедушевых денежных доходов населения превысил аналогичный показатель в Ивановской области в 4,5 раза (41890,8 руб. и 9343,2 руб. соответственно). Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Московской области в 2009 году была выше, чем в Брянской области более чем в 2 раза (23341,8 руб. и 10950,7 руб. соответственно). А объём отгруженной продукции промышленности г. Москва превысил в 2009 году аналогичный показатель Орловской области почти в 51 раз (2461920 млн. руб. и 48764,2 млн. руб. соответственно). Что касается инвестиций в основной капитал, то по этому показателю Костромская область отстаёт от Воронежской более чем в 7 раз, от Московской – в 29 раз, а от г. Москва – в 67 раз (11114 млн. руб., 85651 млн. руб., 327010 млн. руб. и 749256 млн. руб. соответственно) [10].

Из приведённого анализа статистических данных следует, что одни регионы обладают конкурентными преимуществами по сравнению с другими, поэтому важным направлением регулирования регионального развития является рациональное размещение производительных сил, создание благоприятных условий для развития внутреннего рынка и привлечения инвестиций, развитие инфраструктуры. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности как национальной экономики в целом, так и отдельных её регионов. А это, в свою очередь, является первоочередной задачей, обозначенной Правительством РФ в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (Концепции-2020), а также базовым условием функционирования, развития и безопасности регионов в свете современных тенденций глобализации и регионализации экономики.

Вопросам конкурентоспособности посвящено множество работ как зарубежных, так и отечественных исследователей, таких как М. Портер, М. Энрайт, Р. Фармер, Б. Ричмэн, М. Бест, А.Г. Гранберг, Г.А. Унтура, Н.Я. Калюжнова, А.П. Панкрухин, А.И. Татаркин, И.В. Пилипенко, Л.С. Шеховцева и др. В них представлены различные точки зрения на сущность понятия «конкурентоспособность» и совокупность факторов, её определяющих.

По нашему мнению, конкурентоспособность региона – это его способность как системы эффективно и рационально использовать свой экономический потенциал в целях улучшения уровня жизни и благосостояния населения, выхода на внешние рынки в качестве экспортера, создания благоприятного имиджа региона для привлечения инвесторов и внедрения инноваций.

Что касается выделения основных факторов конкурентоспособности, то и здесь среди исследователей отсутствует единая точка зрения. Так, А.Г. Гранберг выделяет человеческий, технико-технологический, природно-ресурсный, институциональный, организационный и информационный факторы конкурентоспособности регионов. Другие учёные – Н.Я. Калюжнова и К.Ю. Перский – подразделяют факторы региональной конкурентоспособности на ресурсные, инвести-

ционные, инфраструктурные, инновационные и информационные.

При помощи перечисленных факторов можно дать количественную оценку конкурентоспособности регионов. Однако в настоящее время отсутствует единый методологический подход к такой оценке. Её разработка представляет собой сложную задачу, заключающуюся не только в выборе единичных показателей, но и необходимости изыскания теоретических подходов, которые стали бы методологической основой и обеспечили бы объективность и достоверность оценки.

В настоящее время существует множество подходов к оценке уровня регионального развития и конкурентоспособности регионов, предлагаемых как авторитетными международными организациями, так и отдельными исследователями. Наиболее известными среди них являются следующие:

1. Индекс развития человеческого потенциала регионов (ИРЧП). Он был разработан ООН для оценки социально-экономического положения страны и является одним из индикаторов конкурентоспособности национальной экономики. ИРЧП содержит четыре парадигмы, к которым относятся: продуктивность (производительность), равенство (равные возможности в реализации способностей и пользования благами), устойчивость (доступ к возможностям для нынешних и будущих поколений), расширение возможностей (осуществление развития не только в интересах людей, но и их усилиями) [1, с. 27]. К показателям, определяющим индекс развития человеческого потенциала, относят три: ожидаемая продолжительность жизни; уровень образования; реальный душевой валовой внутренний продукт (ВВП). Они отражают три главных качества: здоровую жизнь, знания, достойный уровень жизни человека.

2. Индекс инвестиционной привлекательности регионов, расчёт которого осуществляется международными и российскими экспертами. Среди них наиболее известными являются следующие: рейтинг регионов РФ по их инвестиционной привлекательности, подготовленный Экономическим департаментом Банка Австрии; рейтинг субъектов федерации по условиям инвестирования, предложенный консалтинговым агентством «Эксперт-Регион»; а также различ-

ные рейтинги, предложенные такими отечественными исследователями, как Тихомирова И.В., Гузнер С.С., Харитонов В.Н. и другими. Данные методы учитывают различные показатели и используют разные алгоритмы расчёта индекса инвестиционной привлекательности регионов.

3. Оценка уровня и качества жизни населения страны или региона. Значительное развитие методики расчета индекса качества жизни приобрели на Западе. Индексы качества жизни рассчитываются такими структурами, как ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк, а также рядом общественных, научных, консалтинговых организаций. В России рейтинг качества жизни российских регионов рассчитывался Независимым институтом социальной политики в 2000-2005 годах по методике, разработанной сотрудниками географического факультета МГУ. К показателям, определяющим рейтинг качества жизни, были отнесены следующие: отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, доля населения с доходами выше прожиточного минимума, уровень занятости населения, здоровье населения.

4. Оценка социально-экономического развития регионов, представляемая Министерством экономического развития РФ. Она включает в себя такие базовые индикаторы, как валовой региональный продукт (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения; объём инвестиций в основной капитал на душу населения; объём внешнеторгового оборота на душу населения; финансовая обеспеченность региона (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения; доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях в общей среднесписочной численности работников, занятых на предприятиях и организациях; уровень зарегистрированной безработицы; соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения; основные фонды отраслей экономики на душу населения; коэффициент плотности автомобильных дорог

(коэффициент Энгеля); показатель уровня развития отраслей социальной инфраструктуры.

5. Индекс технологического развития (ТАИ – Technology Achievement Index). Его суть состоит в том, чтобы измерить вклад страны в развитие и распространение современных технологий. Этот индекс состоит из четырех компонентов: создание технологий (измеряется количеством патентов, предоставленных на душу населения и по количеству платежей за использование лицензии иностранными гражданами); уровень распространения новейших разработок (измеряется количеством сайтов, на которых размещена информация о данной технологии, и объемом экспорта товаров и услуг, в производстве которого была использована данная технология); уровень распространения старых технологий (измеряется уровнем обеспеченности телефонами на душу населения и объемом потребления электроэнергии на душу населения); качество человеческого капитала (измеряется средней продолжительностью получения образования взрослым населением (старше 15 лет) и соотношением расходов на науку и образование к ВВП).

6. Оценка конкурентоспособности стран, осуществляемая такими организациями, как Международный институт менеджмента в Европе (Institute of Management Development - IMD), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный экономический форум (World Economic Forum), Институт конкурентоспособности (Барселона) и др.

Первые пять подходов не отражают в полной мере комплексную оценку региональной конкурентоспособности, но могут служить составляющими такой оценки. Подходы к методике оценки конкурентоспособности, предложенные Всемирным экономическим форумом, Международным институтом менеджмента и др., были разработаны для национальных экономик, но могут учитываться при оценке региональной конкурентоспособности.

В настоящее время среди множества методик оценки конкурентоспособности региона, предлагаемых отдельными исследователями, можно выделить несколько. Так, Ушвицкий Л.И. и Парахина В.Н. предлагают использовать построение матриц для определения уровня конкурентоспособности региона и объединяют

показатели, отражающие региональную конкурентоспособность, в три группы: показатели наличия и эффективности использования ресурсов региона, показатели жизненного уровня населения региона и показатели инвестиционной привлекательности и активности региона [11]. Меркушев В.В. полагает, что уровень конкурентоспособности региона измеряется значением интегральной оценки конкурентоспособности исследуемого региона, сопоставленным с интегральной оценкой региона-эталона, в качестве которого наиболее целесообразно использовать регион (реально существующий или условный), обладающий наилучшими характеристиками конкурентоспособности [3]. Показатели региональной конкурентоспособности он объединяет в следующие группы: показатели экономического потенциала региона, показатели региональной эффективности и показатели конкурентных преимуществ. Калюжной Н.Я и Перским К.Ю. была разработана модель комплексной оценки конкурентоспособности регионов, состоящая в агрегировании ряда частных показателей в более общий, характеризующий относительные позиции региона по данному показателю. Они выделили следующие группы показателей конкурентоспособности региона: итоговые показатели конкурентоспособности региона, факторные преимущества, инфраструктурные преимущества, инновационные преимущества, информационные преимущества, институциональные преимущества, инвестиционные преимущества [2, с. 303-304].

На наш взгляд, данная методика позволяет наиболее полно проанализировать все аспекты региональной конкурентоспособности. Её выбор обусловлен тем, что он охватывает основные показатели конкурентоспособности регионов согласно теориям абсолютных и сравнительных конкурентных преимуществ А. Смита и Д. Рикардо, а также отражает основные факторы конкурентоспособности на глобальном рынке согласно теории М. Портера [4].

Основные этапы данного метода заключаются в следующем [2, с. 303-304]:

1) отбор рейтинговых показателей, значения которых связаны с количественной оценкой конкурентоспособности регионов;

2) начисление баллов по каждому из показателей, в ходе которого осуществляется

шкалирование показателей с целью приведения показателей, измеренных в разных единицах, к безразмерным величинам (как правило, в интервале от 0 до 1). Данное преобразование осуществляется по формуле линейного масштабирования:

$$\frac{(a_{ij} - a_{\min i})}{(a_{\max i} - a_{\min i})}$$

где a_{ij} – i -й показатель j -го региона; $a_{\min i}$ и $a_{\max i}$ – соответственно минимальное и максимальное значения i -го показателя среди всех j регионов;

3) агрегирование шкалированных показателей в итоговый показатель.

Индекс конкурентоспособности региона при этом рассчитывается по следующей формуле:

$$I_{\text{comp}} = \sum \frac{(a_{ij} - a_{\min i})}{(a_{\max i} - a_{\min i})}$$

где x_{ij} – i -й показатель j -го региона; $x_{\min i}$ и $x_{\max i}$ – соответственно минимальное и максимальное значения i -го показателя среди всех j регионов.

Проведём оценку конкурентоспособности регионов Центрального федерального округа в 2004-2009 гг. по рассмотренной методике, предполагающей расчёт индекса и рейтинга конкурентоспособности на основе 12 микроиндексов, характеризующих региональную конкурентоспособность (таблица 1).

Рассмотренные регионы можно условно разделить на 2 группы в зависимости от уровня конкурентоспособности:

1) регионы с уровнем конкурентоспособности выше среднего по ЦФО (0,301);

2) регионы с уровнем конкурентоспособности ниже среднего по ЦФО.

Как видно из данных таблицы 1, в первую группу вошли 4 региона: г. Москва, Московская, Белгородская и Липецкая области. Самой конкурентоспособной среди 18 субъектов ЦФО в 2004-2009 гг. признана Москва, занимающая 1-е место в рейтинге. Данный регион является лидером практически по всем рассмотренным показателям конкурентоспособности. Все остальные регионы (а их большинство – 14) находятся на уровне ниже среднего, а наименее конкурентоспособными являются Ивановская, Смоленская, Брянская, Тамбовская и Костромская области.

Таблица 1

Место, занимаемое субъектом в рейтинге конкурентоспособности регионов ЦФО в 2004-2009 гг.

Регион	Индекс 2004	Рейтинг 2004	Индекс 2005	Рейтинг 2005	Индекс 2006	Рейтинг 2006	Индекс 2007	Рейтинг 2007	Индекс 2008	Рейтинг 2008	Индекс 2009	Рейтинг 2009	Средний индекс 2004-2009
г. Москва	0,919	1	0,943	1	0,951	1	0,949	1	0,952	1	0,910	1	0,937
Московская область	0,517	2	0,520	2	0,533	2	0,574	2	0,564	2	0,516	2	0,537
Белгородская область	0,320	4	0,339	4	0,340	4	0,412	3	0,468	3	0,434	4	0,386
Липецкая область	0,423	3	0,340	3	0,380	3	0,342	4	0,382	4	0,445	3	0,385
Калужская область	0,254	5	0,248	8	0,275	6	0,311	5	0,345	5	0,363	5	0,299
Тульская область	0,244	7	0,288	5	0,311	5	0,243	7	0,336	6	0,323	6	0,291
Воронежская область	0,208	10	0,236	9	0,247	8	0,260	6	0,279	7	0,260	9	0,248
Ярославская область	0,251	6	0,255	7	0,253	7	0,238	8	0,230	9	0,281	7	0,251
Орловская область	0,213	9	0,278	6	0,215	9	0,221	11	0,210	10	0,247	11	0,231
Курская область	0,219	8	0,188	10	0,204	10	0,237	9	0,241	8	0,260	10	0,225
Рязанская область	0,197	11	0,187	11	0,192	12	0,179	13	0,205	11	0,234	13	0,199
Владимирская область	0,147	14	0,156	16	0,188	13	0,222	10	0,189	12	0,268	8	0,195
Тверская область	0,182	12	0,159	14	0,200	11	0,152	16	0,179	13	0,208	15	0,180
Костромская область	0,165	13	0,163	13	0,162	14	0,192	12	0,160	14	0,191	17	0,172
Тамбовская область	0,141	16	0,129	17	0,157	15	0,192	12	0,156	15	0,241	12	0,169
Брянская область	0,128	17	0,157	15	0,145	16	0,166	14	0,146	16	0,198	16	0,157
Смоленская область	0,142	15	0,165	12	0,125	17	0,160	15	0,142	17	0,212	14	0,158
Ивановская область	0,097	18	0,084	18	0,099	18	0,133	17	0,075	18	0,110	18	0,100

Существует также большой разрыв в величине индексов конкурентоспособности регионов. Так, ни в одном рассматриваемом регионе данный индекс не составляет и половины индекса г. Москвы (исключение составляет лишь Московская область). Индекс конкурентоспособности региона-лидера (г. Москва) превышает соответствующий показатель наименее конкурентоспособного региона (Ивановская область) более чем в 9,5 раз. Это свидетельствует о глубокой дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития даже в рамках одного федерального округа, не говоря уже о России в целом.

Оценив конкурентоспособность Орловской области, мы пришли к выводу, что она находится на достаточно низком уровне (в среднем 9-е место в рейтинге из 18 возможных). В таблице 2 представлены показатели конкурентоспособности Орловской области в сравнении со средними показателями по ЦФО.

Таблица 2
Показатели конкурентоспособности Орловской области в сравнении со средними по ЦФО

Показатель	Микроиндекс	Орловская область	ЦФО
Итоговые показатели конкурентоспособности региона	ВРП на душу населения	0,213	0,222
	Темп роста ВРП	0,287	0,405
	Доля экспорта в ВРП	0,154	0,254
Факторные преимущества	Производительность труда	0,161	0,348
	Зарплатоёмкость продукции	0,548	0,569
	ВРП на 1 руб. основных фондов	0,403	0,277
	Плотность автодорог (коэффициент Энгеля)	0,374	0,370
	Доля занятых в исследованиях и разработках	0,222	0,319
	Доля занятых в сфере «информация» (по Холлу)	0,246	0,305
	Число МП на душу населения	0,065	0,237
	Доходы бюджета на душу населения	0,082	0,176
	Инвестиции на душу населения	0,036	0,124
Индекс конкурентоспособности		0,233	0,301

Анализ таблицы 2 показывает, что Орловская область находится ниже среднего по ЦФО уровня почти по всем микроиндексам конкурентоспособности. Исключение составляет лишь показатель валового регионального продукта на 1 рубль основных фондов. Показатели зарплатоёмкости продукции и плотности автодорог в Орловской области находятся на среднем по ЦФО уровне. Однако, по таким важным показателям, как инновационный и институциональный факторы конкурентоспособности, Орловская область занимает места ниже среднего по ЦФО, что свидетельствует об отсутствии устойчивых конкурентных преимуществ в долгосрочной перспективе.

Следовательно, необходимо повышать значение данных показателей. Это относится как к Орловской области, так и к другим регионам, находящимся на низкой отметке. Факторами улучшения значений микроиндексов конкурентоспособности региона могут стать технологическое обновление и развитие инновационного потенциала региона; развитие инфраструктуры; создание институциональной среды. Регионы нуждаются также в поддержке со стороны федеральных и региональных органов власти, которая может осуществляться по таким направлениям, как развитие региональной инновационной системы; выявление возможностей создания кластеров в регионе как условий успешного развития отдельных хозяйственных комплексов; поддержка малого и среднего бизнеса, создающего новые рабочие места в регионе. Кроме того, в регионах должна разрабатываться стратегия повышения конкурентоспособности, опирающаяся на поиск и использование современных конкурентных преимуществ: развитие инфраструктуры; широкое применение информационных технологий и инноваций; создание в регионе информационной системы бенчмаркинга. Всё перечисленное ведёт к росту конкурентоспособности отдельных регионов и, как следствие, к повышению национальной конкурентоспособности в целом.

Библиографический список

1. *Дауренбеков А.* О концепции человеческого развития на современном этапе / Вопросы статистики. 2001. №2.
2. *Калюжнова Н.Я.* Конкурентоспособность регионов в условиях глобализации / М.: ТЕИС, 2004. 526 с.
3. *Меркушев В.В.* Интегральная оценка конкурентоспособности региона. Сб. научных трудов молодых ученых «Региональная наука». Кн.1. М.: СОПС, 2004.
4. *Портер М.* Конкуренция. пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. 608 с.: ил. 602 с.
5. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 982 с.
6. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с.
7. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. 991 с.
8. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. 999 с.
9. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 990 с.
10. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.
11. *Ушвицкий Л.И.* Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние [Электронный ресурс] / Л.И. Ушвицкий, В.Н. Парахина. Серия «Экономика». 2005. № 1. Режим доступа: [http://www.ncstu/ ru](http://www.ncstu.ru).
12. *Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)»* [Текст] // утверждена постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 г. №717 (с изменениями от 3 декабря 2004 г., 22 июня 2006 г.).

Y. V. TOMILINA

**ESTIMATION OF COMPETITIVENESS OF REGIONS
OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT**

In article definition of regional competitiveness is presented, existing approaches to its estimation are considered and the estimation of competitiveness of regions of the Central federal district on one of the existing techniques assuming calculation of an index and a rating of competitiveness on the basis of 12 microindexes is made, and also the analysis of competitiveness of the Oryol region is presented and recommendations about its increase are made.

Key words: region, competitiveness, an estimation of regional competitiveness, an index, a rating, the Central federal district, the Oryol region.

ИСТОРИЯ

И.В. БАРАНОВА

аспирант, кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры соци-
ального управления и конфликтологии
социального факультета Орловского
государственного университета
E-mail: irabaranova@yandex.ru
Тел. 8 910 301 59 83

СЛАВЯНОФИЛЫ У ИСТОКОВ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья раскрывает вклад славянофилов в развитие теории цивилизации. Представители славянофильского направления сформулировали определение «цивилизация», выделили основные виды цивилизаций и их критерии. Исследования в области цивилизационного метода были необходимы славянофилам для обоснования их общественно-политической концепции. Такой подход не помешал им превосходить дальнейшую разработку цивилизационной теории в русской философской мысли.

Ключевые слова: цивилизация, славянофилы, критерии цивилизации.

Понятие «русская цивилизация» как объект исследования привлекало к себе внимание русских мыслителей задолго до выхода в свет книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869 год). В отечественной общественно-политической мысли и публицистике оно получило распространение в 1840-е годы. Характерно, что к этому понятию и представлению обращались мыслители различных убеждений: славянофилы и западники, консерваторы и либералы и т.д. Но на существовании особой русской цивилизации сошлись все: П.Я. Чаадаев и А.С. Хомяков, И. Киреевский и Д. Писарев, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Речь идет о национальном своеобразии русской культуры и русского национального характера, русской истории и политического строя в России. Наблюдение за конкретным словоупотреблением «цивилизация» и «русская цивилизация» на протяжении 1840 – 1860-х годов и позднее показало, что названные понятия выявляли общее содержание особенностей русской культуры и истории. Первым, кто открыто применил в публикациях 1830-х годов цивилизационный подход к изучению культурной и социальной истории России

был П.Я. Чаадаев. Позднее та же проблематика, но с несколько других позиций, исследовалась в работах славянофилов.

Говоря о России и Западной Европе, славянофилы не только изучали их исторический путь, особенности социально-классовой структуры и уровень духовного развития. Они сравнивали их с точки зрения цивилизационного подхода, начавшего формироваться еще в середине XVIII века, а в XIX в. эта теория достигла своего расцвета.

Знакомые с европейскими концепциями, славянофилы пытались разработать собственное понятие «цивилизация» и выделить его характерные черты. Славянофилы задумывались над вопросом, что включает в себе этот термин для русского человека. Они считали, что чаще всего это понятие употребляется совершенно «безотчетно». Так как русский человек, отправляясь за границу, сталкивается с совершенно новыми для себя впечатлениями. «Деревянные дома, крытые черепицей, нигде ни одного клочка праздной земли... попутчики учтивы, ...никто не заденет локтем, не извинившись, ...улицы ярко освещены, в каждом городе много открытых музеев, собраний би-

блиотек»[1, С.545]. По мнению славянофилов, по этим представлениям складывалось у русского человека понятие «цивилизация», которое сразу же противопоставлялось российской действительности. Но, с точки зрения славянофилов, это только внешний поверхностный вывод, так как это понятие значительно шире и включает в себя не только бытовую сторону жизни, но и религиозные, политические, общественные факторы.

Особый интерес в данной области представляют работы И. Аксакова и Ю. Самарина[2,3]. Мыслители считали, что цивилизация, или по-русски – образование, это понятие относительное, лишенное определенного положительного самим словом исчерпываемого содержания. Оно неразрывно связано с понятиями постепенности и развития, и его точным критерием выступает сравнение. И. Аксаков считал, что понятие «цивилизация» выражает высшую, сравнительно с первобытным состоянием человека, степень развития человеческого общества. Она предполагает такое состояние, когда человечество сложилось в «грандиозное общежитие», и от непосредственности духовной перешли к деятельности духовной. Славянофилы говорили, что понятию «цивилизации» всегда противопоставляется понятие о дикости и грубости, и даже – как заключающее в себе начало условности и искусственности – понятию о простоте. И. Аксаков полагал, что никакой абсолютной сущности понятие само по себе не имеет и не дает человеку какого-либо «положительного идеала». То есть цивилизация, по мнению славянофилов, это нечто имманентно данное, но при этом существует некая «абсолютная идея» – всеобщее братство, которую человечество должно реализовать в своей деятельности, к которому оно стремится, переходя на новые стадии цивилизованности. Цивилизация не является развращающим и ведущим к гибели явлением. Но сама по себе она бессильна против людского порока. Она ничего не может прибавить к вечному христианскому идеалу. Если цивилизация связана с темой прогресса, то человек I-го века (если он христианин) стоит на равной нравственной высоте, как и христианин XIX века. Славянофилы говорили, что в этом заключается разница между нравственностью и цивилизацией. Славянофилы считали, что цивилизация может развиваться, а нравственный христианский идеал сам по себе

не подлежит развитию, и достигнуть его каждый человек может лично в меру своей человеческой греховной природы. При этом в человеческом общежитии дело обстоит несколько иначе. В нем есть место развитию, то есть процесс постепенного видоизменения общественного строя согласуется с требованиями христианской истины. Целью цивилизации «является служение постепенному воплощению христианского идеала в самом обществе людском. А цивилизация, которая отвергает веру в Бога, ведет к одичанию»[4, С. 779]. То есть, славянофилы и в данном случае последовательно проводили мысль о том, что основами цивилизации являются нравственность и религия, без которых невозможно какое-либо развитие.

Ю. Самарин, говоря о цивилизации, подразумевал под ней «не одно накопление сознанных фактов, не одно обогащение человеческого опыта и не одно усовершенствование внешних условий»[1, С.530]. В это понятие, по его мнению, следовало включить, в первую очередь, нравственный аспект, а материальные достижения человеческой деятельности вторичны. Таким образом, в данном случае трактовка И. Аксаковым и Ю. Самариним понятия «цивилизация» практически совпадала. Мы можем сделать вывод, что, говоря о цивилизации, славянофилы выделяли ее главную отличительную черту – духовно-нравственную деятельность человека.

С точки зрения современной науки, существует несколько значений понятия «цивилизация». Первое трактует цивилизацию как социокультурную общность, формирующуюся на основе универсальных, то есть сверхлокальных ценностей, получивших выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства. Эти ценности сочетаются с большим количеством практических и духовных знаний и разработанными духовными системами, способствующими преодолению локальной замкнутости первичных коллективов. В данном случае цивилизация трактуется как система общемировых ценностей. Второе значение рассматривает цивилизацию как синоним всемирной истории. Еще одно направление связано с локальными, местными цивилизациями. Четвертое – как уровень развития науки и техники. Сторонники этого направления выделяют следующие признаки цивилизации:

1) специфические экономические отношения;
2) своеобразные социальные и политические отношения;

3) система духовных ценностей, которая объединяет людей и обеспечивает их единство на протяжении всей истории. Пятое направление ставит знак равенства между такими понятиями, как цивилизация и культура.

Таким образом, между трактовкой понятия «цивилизация» славянофилами и современной научной мыслью есть как существенные различия, так и некоторые моменты соприкосновения. Славянофилов нельзя однозначно отнести к какому-либо конкретному направлению, так как в их построениях можно найти точки соприкосновения со всеми выдвигаемыми сегодня теориями. Славянофилов условно можно отнести к сторонникам последнего пятого направления, так как для них на первом месте стоит духовный фактор, определяющий все историческое и цивилизационное развитие человечества. То есть, с точки зрения современности подход славянофилов можно назвать типичным культурологическим подходом. При этом сегодня многие исследователи отводят этому фактору далеко не первое место, ставя во главу угла экономические отношения, уровень развития техники и т.д. Есть и сходство, заключающееся в том, что как для славянофилов, так и для современной науки одним из главных признаков цивилизации является то, что в основе всех процессов, происходящих в человеческом обществе, лежат общемировые ценности, что сближает славянофилов со сторонниками первого направления. Самой главной ценностью для славянофилов являлась религия. Со сторонниками трактовки цивилизации как всемирной истории славянофилов также многое сближает. Ю. Самарин и И. Аксаков говорили о необходимости создания всемирной цивилизации на новых нравственных основах и преодоления локальной разобщенности. Отметим, что основы, на которых должно произойти создание единой цивилизации, во многом различны. Для славянофилов такая основа – православное христианство в сочетании с нормами морали и нравственности, а современные исследователи значительное место отводят демократии, правовым и экономическим основам такой единой общемировой цивилизации. Со сторонниками локальных цивилизаций

славянофилов сближает то, что они отдельно исследовали славянскую, западноевропейскую, древние цивилизации, говорили о неповторимости и исключительности таких цивилизаций, их значительной роли на определенных этапах исторического развития.

Славянофилы обращали внимание на то, что с понятием «цивилизация» тесно связано понятие «неравенство». Они во многом трактовали неравенство как уровень развития образования каждого человека в определенную историческую эпоху. И. Аксаков говорил, что с точки зрения цивилизации, человек предшествующих веков стоит ниже, чем человек позднейшего времени. Человек, получивший образование в университете, цивилизованнее человека, прошедшего курс только элементарной школы. Таким образом, по мнению славянофилов, общество можно разделить на цивилизованных, менее цивилизованных, получивших образование и совсем нецивилизованных. Славянофилы пришли к выводу о том, что даже внутри одной цивилизации может существовать градация, говорящая о многослойности данного общества. Мы можем заметить в построениях славянофилов зачатки стратификационной теории, получившей широкое распространение в XX веке, так как одной из ее характеристик является уровень образованности человека. И. Аксаков особое место отводил появлению христианства, потому что оно «дает людям всех веков, всех состояний, всех степеней образования возможность полного равенства»[4, С.727]. Мы можем сделать вывод, что, признавая различия между людьми, славянофилы исходили из принципа равенства всех перед Богом. Таким образом, главной основой цивилизации становится не только духовность, но и христианская религия, так как «языческий мир себя полностью исчерпал»[4, С. 748]. Приняв христианство, человеческая цивилизация получила и новый уровень духовного развития, а, следовательно, поднялась на более высокую ступень развития.

Понятие «цивилизация», по мнению славянофилов, часто смешивают с нравственностью, но эти понятия, по их мнению, ни в коем случае не тождественны. И. Аксаков говорил, что «достаточно трудно отделить представление о европейской цивилизации от христианских нравственных начал, глубоко залегших в челове-

ском сознании. Но они даны не цивилизацией, и это факт»[4, С.725]. Отметим, что И. Аксаков не уточнял, чем подтверждается тот исторический факт, который он приводит в пример. В данном случае славянофилы подняли серьезный вопрос: что появилось раньше – религия или цивилизация? Абсолютно точного и однозначного ответа на него мы в построениях славянофилов не найдем. Изучив их труды, мы можем предположить, что религиозные верования (в виде языческих) появились раньше, чем цивилизация. Религия формирует нравственность, которая в свою очередь является, по мнению славянофилов, основой любой цивилизации.

Таким образом, между появлением христианства и рождением цивилизации славянофилы не проводили прямой связи, так как цивилизация, безусловно, родилась раньше, чем христианство, и дикие времена – это времена первобытного общества, когда только начинают формироваться первые языческие верования и нравственность. Но с появлением христианства человечество вступило на новый этап развития. Славянофилы считали, что цивилизация сама по себе бессильна против людского порока и не содержит в себе каких-либо основ для противодействия «разврату или насилию». Единственное, что может повлиять на нравственность, по мнению славянофилов, это религия. То есть, можно сделать вывод, что если не будет религии, то цивилизационное развитие человечества станет невозможным. Славянофилы считали, что цивилизация должна развиваться и видоизменяться, и то, что признается развитием цивилизации сегодня, может быть со временем названо грубым варварством.

Славянофилы пытались выделить критерии цивилизации. Они говорили, что «мера цивилизации всегда позади нее, а не впереди, она измеряется сравнительно с прошлым, а не по отношению к будущему или к какому-либо идеальному заданию будущего»[4, С.724]. В данном случае со славянофилами сложно не согласиться. Практически все сторонники трактовки цивилизации как всемирной истории, давая периодизацию истории человечества, идут тем же путем. Так, например, У. Ростоу выделил пять стадий развития всемирной истории. На нижней ступени у него находится аграрное общество, а на самой верхней – «эра высокого массового потребления».

О. Тоффлер считал, что цивилизация насчитывает всего 10 тысяч лет, а до этого были времена абсолютно дикие. Он выделил три стадии мировой истории: традиционную, индустриальную и постиндустриальную. Современная историческая наука придерживается аналогичных подходов. До сих пор наиболее распространенным подходом к изучению всемирной истории в исторической науке остается хронологическая периодизация, основанная на этапах европейской истории. Сочетание временного и содержательного принципа позволяют ученым выделять такие периоды, как древность, средневековье, новое время, каждый из которых обладает набором неповторимых черт экономического уклада, политических организаций, религиозных систем, развития науки и искусств, и в свою очередь, может быть подразделен на более мелкие временные периоды. Еще одной устойчивой структурой, используемой исторической наукой, является политико-культурное разделение мировой истории на национальные истории Франции, Англии, Индии, Китая, России, которые также подразделяются на хронологические этапы. Отметим, что данные периодизации даются с точки зрения современного человека, и соответственно, могут быть пересмотрены через определенный промежуток времени. Таким образом, мы можем согласиться с тем, что критерий цивилизации (всемирной истории) постоянно изменяется, так как человечество в своем развитии не стоит на месте и каждое новое поколение дает свою оценку предшествующей истории. Единственный критерий, который не изменяется – это духовность (нравственность), ставший неизменным с появлением христианства, которое, по мнению славянофилов, является самой совершенной религией.

Славянофилы пытались выделить виды цивилизации. И. Аксаков говорил, что существуют следующие цивилизации: ассирийская, индийская, египетская и др. Он разделил их по степеням развития. То есть, И. Аксаков провел параллель между уровнем развития культуры и цивилизации: чем выше культура, тем больших высот может достичь цивилизация. Поэтому из дохристианских цивилизаций он выделил эллинскую и римскую цивилизации, которые, по его мнению, дали человечеству все, что мог дать языческий мир вне законов Божественного Откровения. Так как язычество, с точки зрения И. Аксакова, не

удовлетворяло всем требованиям исторического развития, то поэтому на смену ему пришло христианство, а потом явились варвары, и начался новый «процесс цивилизации» под воздействием новых духовных начал. Заметим, что под термином «цивилизация» славянофилы в данном случае понимали «цивилизованность» и достижение нового уровня в развитии общества. Но и в такой трактовке главным критерием цивилизации выступает духовность. В своих построениях И. Аксаков не оригинален, так как подобную мысль высказывал и А.С. Хомяков в «Семирамиде», где разделил человечество на два типа: «иранский» и «кушитский». Славянофилы считали, что с появлением христианства цивилизация перестает быть всем для человека и становится в зависимое отношение к новому нравственному идеалу. Следовательно, христианство для славянофилов понятие более значимое, чем цивилизация, так как только оно способно дать толчок мировой истории. Именно поэтому цивилизация вторична по отношению к христианству и его нравственным основам.

Итак, мы можем сделать вывод, что, по мнению славянофилов, с появлением христианства цивилизация формируется на новой идейной основе. В данном случае славянофилы переключаются с теорией «осевого времени» К. Ясперса. Ю. Самарин считал, что на разных этапах развития цивилизации базисом могут служить разные морально-нравственные и религиозные основы (православие и католичество, язычество, ислам и буддизм и т.д.). Славянофилы выстроили своеобразную иерархическую лестницу основ цивилизации, и верхняя ступень на ней принадлежала христианству, которое, по мнению славянофилов, является самой нравственной из всех когда-либо существовавших религий. Следовательно, цивилизация для славянофилов – понятие менее значимое, чем христианство, так как именно оно дает человечеству новые нравственные ориентиры, которые, в свою очередь, создают фундамент цивилизации. В данном случае славянофилы рассматривали цивилизацию как синоним культуры, и их концепция во многом созвучна с концепцией А. Тойнби, считавшим, что с рождением Иисуса Христа история становится на новый этап развития. Постигание истории, по его мнению, есть не что иное, как познание человечеством

в самом себе Божественного Логоса[5, С.235]. Славянофилов можно назвать, в определенном смысле, и предшественниками А. Тойнби. Они считали, что цивилизация может быть не только христианской. В ее основе может лежать любая религия, поэтому все народы на определенном этапе своего развития могут считаться цивилизованными. Позднее А. Тойнби выделит несколько стадий развития общества: генезис, рост, надлом и разложение. Жизнеспособность цивилизации, по А. Тойнби, определяется уровнем освоения жизненной среды и развитием духовных основ общества. Славянофилы также связывали цивилизацию с развитием духовности.

Можно сравнить трактовку понятия «цивилизация» К. Ясперсом и славянофилами. Принцип структуры всемирной истории представляет значительный интерес. К. Ясперс разработал понятие «осевого времени» – краткий промежуток в 500 лет с 800 до 300 гг. до н.э. В данный период сформировались все основные идеи и ценности современного мира. Ясперс сделал «осевое время» рубежом качественно нового состояния человечества, делящего историю на: доисторию, цивилизации древности, «послеосевое» время, век науки и техники как верхнюю ступень развития цивилизации. К. Ясперс связывал цивилизацию с уровнем развития человечества и считал, что явление Иисуса Христа является «осью мировой истории». То есть, по его мнению, христианство своим появлением дает новый толчок развитию человеческой истории. Но в отличие от славянофилов, К. Ясперс отмечал, что несмотря на все свои достоинства, христианство не может стать общей для всех религией, а славянофилы, говоря о будущем человечества, считали, что оно должно будет свершаться под православными христианскими началами.

Славянофилы предложили и более существенную классификацию цивилизаций. В основе этой классификации лежит принцип «заимствований», которые есть у каждого народа. Они делили цивилизации на «заемные наносные» и «самородные», считая, что между ними есть значительные различия. Под «заемным» славянофилы подразумевали «не все то, что прежде родилось у других народов, а то, что сохранило характер заимности, не было и не могло быть усвоено народным организмом»[6, С.530]. К первому типу, с

точки зрения славянофилов, относится подавляющее большинство современных им государств. Ю. Самарин говорил, что типичное выражение «заемной цивилизации» можно увидеть в лице молодого поколения турок и молодой Турции, «усвоившей себе все, что можно принять» [6, С.530]. Этот пример славянофилов привели не случайно, так как Турция того времени – это государство, учащееся у Европы практически всему, и особенно в военной области.

Проблема заимствований, поднятая Ю. Самариним, очень важна для славянофилов, так как ее начал обсуждать еще А.С. Хомяков в своей «Семирамиде». Славянофилов разделили заимствования на вредные и полезные для развития цивилизации. Допустимыми и полезными, по их мнению, являются только те заимствования, которые ограничиваются областью, относящейся индифферентно к коренным «началам». То есть заимствования могут быть в сфере фактического знания, внешнего опыта, каких-либо материальных усовершенствований. Если же заимствования начинаются в сфере морально-нравственной, то цивилизация теряет свою самобытность и, таким образом, перестает существовать. Славянофилов также обращали внимание на то, что практически не осталось самобытных цивилизаций. Единственная такая цивилизация – русская, но и она не полностью свободна от западного влияния, и чтобы сохранить свою самобытность необходимо избавиться от всего наносного.

Давая характеристику разным цивилизациям, славянофилов выделили и еще два значения понятия цивилизация: общая всемирная цивилизация и частная. Общая – сближает народы и является для всех обязательной. Частная, по мнению славянофилов, свойственна каждому народу и, следовательно, для других народов не обязательна. При этом обе эти цивилизации не исключаются, а, наоборот, «живут одна другой». Следовательно, не может быть одной цивилизации для всех, так как у каждого народа свое просвещение, и не может быть изолированных отдельных цивилизаций, так как ни один народ не может жить и развиваться совершенно изолированно. В данном случае славянофилов выступили как своеобразные предшественники К. Ясперса, считавшего, что на данном этапе развития не может быть общей для всего человечества цивилизации, так как у каждого народа различная культура и религиозные

верования. Между взглядами К. Ясперса и славянофилов есть существенная разница. Если первые полагали, что дать единство человечеству может религия, а именно православное христианство, то К. Ясперс считал, что такое единство может дать сформировавшаяся синтетическая религия, которая выработает общие для всех духовные основы. Славянофилов утверждали, что всемирная и частные цивилизации взаимосвязаны. Они оказывают друг на друга постоянное влияние. С точки зрения современной науки, славянофилов пытались совместить две параллельные теории цивилизации: стадильную (изучает историю как единый процесс развития человечества – это всемирная цивилизация, по мнению славянофилов) и локальную (изучает большие исторически сложившиеся общности, которые занимают определенную территорию и имеют свои особенности культурного развития – это частные цивилизации). Современная историческая наука говорит о том, что уникальность локальных цивилизаций нельзя абсолютизировать, так как в своем развитии каждая цивилизация проходит общие для мирового исторического процесса этапы. Этим славянофилов придерживались и славянофилов, доказывая взаимосвязь частных цивилизаций с всемирной.

Говоря о цивилизации, славянофилов утверждали, что в деле цивилизации главное и существенное есть и общее и обязательное. Общему подчиняется частное как второстепенное и необязательное. То есть, по мнению славянофилов, частная цивилизация должна обязательно осознавать неизбежность общемировой цивилизации, которая может гармонично развиваться, только впитывая в себя цивилизации частные. Они обращали внимание на то, что из сферы обязательного необходимо исключить религиозные и политические начала, и все то, что выросло из этих «корней». Нужно убрать все то, что образует внутренний мир народа, что обуславливает его нравственный уровень и основной характер его общежития. Славянофилов пришли к выводу о том, что религия и нравственность – дело частных цивилизаций, в которых они лучше формируются, а единой религии и нравственности для всего человечества на данном этапе исторического развития не существует. Следовательно, человечество в своем развитии еще не достигло того уровня, при котором может сформироваться единая для всех нравственность, а значит и

цивилизация. Славянофилы признавали ведущую роль христианства на современном этапе исторического развития, но оно не может быть насильно навязано. Каждый народ должен прийти до него самостоятельно. В этих построениях славянофилы затрагивали проблему сочетания и взаимодействия свободы человеческой воли и необходимости и обязательности. Данная проблема стала привлекать внимание мыслителей в середине XIX века, и славянофилы не могли не затронуть ее в своих исследованиях. Первым из славянофилов, поднявших эту проблему, был А.С. Хомяков, но он изучал ее в связи со своими исканиями в области отечественной истории.

С точки зрения цивилизационного подхода славянофилы подходили и к сравнению исторических путей России и Западной Европы. Они считали, что процесс образования Российской государственности отличается от образования других великих империй хотя бы потому, что Россия не знала завоевания. Даже само название Русский является в истории уже отрешенным от видового племенного определения. Вступая в государственное историческое бытие, все эти различные славянские племена – вятичи, поляне, древляне и т.д. – звались Русью, сливаясь в один народ – русский. То есть, по мнению славянофилов, славянские племена уже при появлении их на исторической сцене получили общее название «Русь». Европейские народы прошли гораздо более длинный путь, прежде чем оформились в единоплеменное государство. В этом случае славянофилы противоречат сами себе, так как исследуя российскую историю, они неоднократно говорили о том, что Россия полностью осознала свое национальное и религиозное единство только к началу XVII века, во время Смуты. Одного общего названия для развития государственности недостаточно, «сосуд этот ожидал содержания». С принятием Святого Крещения перед новокрещенной славянской Русью развернулась перспектива иной исторической задачи: создание высшего свободного единства в конкретном образе Русского государства. Символами этого единства выступают православный Крест Христов и русский язык. Они двинутся в путь на Восток, и это движение будет продолжаться долго.

Славянофилы говорили, что демаркационной линией между Россией и Западной Европой является латинство (вместе с протестантизмом).

Все европейские государства, за исключением России, при всех их частных различиях, образуют нечто родственное – целое по духу, которое имеется в общем имени Европа. Таким образом, и в данном случае славянофилы поставили Россию отдельно от Западной Европы, а главной причиной такого разделения называют католическую церковь.

Именно религиозный фактор, по мнению славянофилов, лежит в основе противопоставления Россия – Европа. Они считали, что мир православно-восточный (Россия) еще только формируется, но при этом Россия хранит в себе начала общей цивилизации, тогда как Западная Европа живет в началах индивидуальной цивилизации. Поэтому нет ничего нелепого в противопоставлении цивилизации западной (католико-протестантской) цивилизации православно-русской. Поэтому «непризнание громадной разницы между этими двумя мирами есть признание близорукости» [7, С. 544]. Таким образом, между Россией, населенной славянскими племенами и господствующим в ней православием, и всеми латино-германскими и католико-протестантскими землями существуют более существенные различия. Эти различия нельзя увидеть при поверхностном сравнении двух цивилизаций (здесь славянофилы имеют в виду качество дорог, отелей, уровень жизни и др. – И. Б.). Подводя итог, мы можем сделать вывод, что в сравнении Западной и Восточной цивилизаций славянофилы придерживались своей концепции и главным различием называли религию.

Итак, в трактовке цивилизации наиболее ярко прослеживается культурологический подход. Основным критерием для классификации цивилизаций они считали религию и нравственность, а не какие-либо материальные достижения. Несмотря на отсутствие четкого определения категории цивилизации, славянофилы смогли сформулировать свое представление об этой научной дефиниции, которая предполагает формально-логическое оформление сущностных признаков. Цивилизация должна быть ограничена в пространстве, иметь территорию проживания и язык. Без этого никакое сообщество людей в исторической реальности не существовало. Также для исторической категории необходимым признаком является время существования. В трудах славянофилов все данные компоненты, как сущност-

ные, так и формально-логические присутствуют, что позволяет нам сконструировать следующее определение. Цивилизации – это общность людей, отличающаяся уровнем развития культуры, основой которой являются нравственность и религия. Это определение небесспорно и несколько расплывчато хотя бы потому, что не существует и бесспорного определения понятий культура и нравственность. Но и современная наука не предлагает пока однозначной трактовки данным категориям. Тем не менее, такое определение цивилизации дает нам возможность для конкретных исторических исследований. Отметим, что говорить о возможности сформулировать бесспорную научную категорию пока преждевременно. Более того, в настоящее время интерес к цивилизационному подходу в общественных науках снизился, что можно объяснить стремлением к абсолютизации и всеобъемлемости.

Славянофилы разработали классификацию цивилизаций. Они разделили их по хронологически-этническому принципу (ассирийская, индийская, египетская и т.д.), по типу

культуры (римская, эллинская), по количеству «заимствований» (заемная наносная и самобытная). Конкретные виды цивилизаций они называли «частными», а все частные цивилизации, существующие одновременно, они считали возможным объединить во всемирную цивилизацию. То есть они признавали единство в многообразии.

Славянофилы внесли значительный вклад в изучение вопросов цивилизационного развития, предвосхитили и подготовили почву для дальнейшей разработки этой проблемы Н.Я. Данилевским, Н. Гумилевым. Мы можем утверждать, что славянофилы стояли у истоков цивилизационной концепции как новой методологии исторических исследований. Все их историко-софские поиски и достижения шли, в основном, в этом русле. Исследования особенностей мировых цивилизаций они предпринимали для обоснования своих общественно-политических взглядов и доказательства приоритета русского политического (монархического) и духовного пути развития.

Библиографический список

1. Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996. 606 с.
2. Самарин Ю. «По поводу мнения «русского Вестника» (1863) // Сочинения (в 5-ти томах). Т. 1. М., 1877. С. 132-144.
3. Аксаков И. «Всемирно-историческое призвание России» // М.: РОС-СПЭН, 2002. 783с.
4. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. 1008с.
5. Радугин А.А. Философия. М.: Центр, 1997. 272с.
6. Самарин Ю. Избранные статьи. М.: Мысль, 1996. 621с.
7. Самарин Ю. Сочинения. Т.1. М., 1877. 403с.

I. V. BARANOVA

SLAVOPHILES AT SOURCES OF THE THEORY OF A CIVILIZATION

Article opens the contribution of Slavophiles to progress of the theory of a civilization. Representatives of a Slavophiles direction have stated definition «civilization», have allocated the basic types of civilizations and their criteria. Researches in the field of civil method were necessary for Slavophiles for a background of their political concept. Such approach has not prevented to anticipate it the further development the civil theory in Russian philosophical idea.

Key words: *civilization, Slavophiles, criteria of a civilization*

О.Г. ВРОНСКИЙ

доктор исторических наук, профессор
Тульского государственного педагогического университета
Тел. 8 953 610 21 71

РОЛЬ СХОДА В СИСТЕМЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩИННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье представлен анализ деятельности структур крестьянского самоуправления во 2 половине XIX – начале XX вв. в условиях модернизации Российской империи.

Ключевые слова: крестьянство, сход, община, «крестьянская демократия», пореформенная эпоха.

Подлинным хозяином мирских земель, организатором всех работ, распределителем повинностей, распорядителем мирскими денежными средствами, а в ряде случаев – и судом, согласно документам эпохи Освобождения, должен был стать крестьянский сход – собрание домохозяев и «назначенных по выбору сельских должностных лиц»¹. «Общинники ведут свое хозяйство по общему плану, который устанавливается по большинству голосов на сходе и должен исполняться всеми, – пишет П.Вениаминов. – Сход решает – где будет луг, выгон, пашня, на сколько полей разделят общинную землю, какой именно хлеб и где сеять, когда начинать покос, сев, жатву, другие работы, сход указывает, к какому сроку должна быть снята трава с луга и хлеб с поля и пр.»². Положения 19 февраля 1861 г. жестко не регламентировали деятельность схода, не устанавливали точной основы его комплектования, не содержали детального перечня вопросов, входящих в компетенцию схода, не определяли периодичность его проведения. Все это определялось «местным обычаем» и имело весьма неопределенные черты. Но именно приговоры сходов имели для крестьян значение окончательного решения по любому вопросу, будь то регламентация сроков полевых работ, «скидка-накидка» душ³, разрешение на передачу надела однообщественнику, «добро» на сдачу земли в аренду и т.д. – «что мир сделает, того никто не переделает», – говорили крестьяне⁴.

Воля и власть схода «над каждым крестьянином, над его личностью и трудом далеко не ограничиваются полевым наделом, но проникают в дом, в семью, захватывают решительно все отношения, которые так или иначе соприкасаются с трудовой и вообще хозяйственной деятельностью крестьянина-общинника», – отмечали современники⁵. Действительно, кроме перечисленных выше важнейших и неопределенно широких функций, сход мог воспрепятствовать или содействовать разделу крестьянского двора, запретить любому крестьянину наниматься на работу за плату, которую мир признает недостаточной, отказать крестьянину в возобновлении паспорта на отлучку, отобрать надел в случае недоимки, отказать в выдаче увольнительного свидетельства и тем закрыть доступ в учебные заведения и на гражданскую службу, подвергнуть телесному наказанию, «предоставить в распоряжение правительства» общинников, признанных миром «порочными и вредными», без суда и следствия.

Решения Правительствующего Сената не только не способствовали ограничению и упорядочению полномочий сходов, но и создавали их всевластие официальное прикрытие. Так, решением Сената №5447 от 4 октября 1891 г. сходам было предоставлено право регламентировать приговорами «все дела, от решения коих в том или ином смысле может зависеть степень благосостояния сельского общества, а следова-

тельно и отдельных членов его». «Отдельные члены общества» виделись правящей бюрократии столь малоспособными к самостоятельному хозяйствованию и ответственному отношению к имуществу собственного двора, что сходу была предоставлена возможность ограничивать право распоряжения не только крестьянской недвижимостью, но и движимостью. Согласно сенатскому решению № 6484 от 12 ноября 1891 г., сходы имели право запретить членам общества «такое отчуждение принадлежащего им имущества, которое не вызывается разумной потребностью и может впоследствии привести общество к необходимости платить по круговой поруке недоимки за своих членов или даже содержать их семейства». Необъятно широкому перечню вопросов, переданных государственной властью и «местными обычаями» на рассмотрение сходов, соответствовал достаточно длинный перечень сельских и волостных должностных лиц: волостные старшины и старосты, помощники старост и кандидаты в старосты, волостные и сельские писари, сборщики податей и учетчики, сотские и десятские, волостные судьи, помощники писарей, сторожа и рассыльные. Из поступающих с крестьян платежей староста или сборщик податей в первую очередь удерживал надлежащую сумму в мирские сборы, значительная часть которых шла на содержание должностных лиц общины и волости, канцелярские принадлежности, на содержание разъездных и почтовых лошадей, на выплату путевых и квартирных денег должностным лицам общины, урядникам, жандармам.

Содержание должностных лиц составляло 45% общей суммы волостных расходов и около 30% – сельских. В 1891 г. в России на обеспечение работы аппарата волостного и сельского управления было израсходовано 22.798.317 руб. из мирских сборов. Для сравнения: на сельскохозяйственные нужды – 5.505.519 руб., на «призрение сирых и убогих» – 604.414 руб. Что же касается устройства и поддержания церквей, сельских училищ, содержания учителей, то расходы на это не носили характера обязательных мирских повинностей и утверждались (или не утверждались) решением все того же схода. В 1891 г. на врачей и учителей было израсходовано лишь 5% волостных и сельских сумм.

Итак, очертив круг проблем, решаемых сходами, дав перечень должностных лиц крестьянского «мира», перейдем к рассмотрению механизма работы сельского схода.

Здесь мы должны констатировать обилие крайне нелестных для сходов и должностных лиц крестьянского управления отзывов, причем отзывов как официального, так и неофициального характера. Не только правительственные чиновники, помещики, священники, но и земские статистики, врачи, учителя, ученые, пишущие об общине, указывают на пороки, органически присущие так называемой «крестьянской демократии» и усугубившиеся под воздействием реалий пореформенной эпохи. Интересным источником являются хранящиеся в фонде В.К.Плеве Государственного Архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) «Записки разных лиц», составленные по общему плану (видимо, разработанному департаментом полиции), – наблюдения сельских жителей (священников, землевладельцев, служащих по земству), изложенные в виде обзоров «общественных установлений, обычаев и законов крестьян» для руководства МВД, курировавшего аграрный вопрос в 1898–1899 гг. Нами проанализированы материалы, поступившие из Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. Значительная часть этих материалов посвящена сельскому сходу. Данных о проведении накануне схода «советов стариков», подготавливающих вопросы к вынесению их на решение схода и оформляющих предварительные варианты решений (об этом пишет в своей монографии об общине Европейской России П.Н.Зырянов⁶), корреспондентами В.К.Плеве представлено не было. Зато фактически единогласно они отмечают крайнюю апатию крестьян, их нежелание участвовать в сходах, принудительный характер сбора домохозяев. «Свое участие на сходах крестьяне считают повинностью, но не правом. Существует выражение «сбивать сход», «сгонять на сход». С видимым удовольствием крестьяне принимают участие лишь в тех сельских сходах, где пьется «общественное вино». Без принуждения идут и на обсуждение вопроса о переделе земли», – сообщал С.И.Турбин, наблюдавший за деятельностью сельских сходов в Афанасьевской, Стегаловской, Казацкой волостях Елецкого уезда Орловской губернии⁷. На сельский сход кре-

стьяне вызываются по распоряжению старосты: «Гони на сходку!» Десятский, идя по домам, стучит и кричит в окно: «На сходку!» – писал С. Гришин из с. Волконское Дмитровского уезда Орловской губернии⁸. «На сельский сход идут крестьяне с большим принуждением, так что случается за некоторыми домохозяевами посылать по несколько раз. Начинается сход после обеда и продолжается не более двух часов», – говорилось в записке А. Кроткова, составленной 4 июня 1898 г. по результатам поездок по селам Знаменской волости Волховского уезда Орловской губернии⁹. «На сходы староста начинает созывать рано утром через выборного раз и два и три, а потом и сам ходит по дворам. Редко крестьяне охотно идут на сход, самые же дела кончаются обыкновенно только к вечеру», – писал священник села Петрушково Карачевского уезда Орловской губернии Птицын¹⁰.

О крайней «общественной апатии», нежелании крестьян участвовать в мирских делах, о плохой явке домовладельцев на сходы пишут практически все наблюдатели из Тульской губернии (Веневский и Одоевский уезды)¹¹, Тамбовской (Елатомский уезд)¹², Рязанской (Зарайский, Пронский, Скопинский уезды)¹³. Отношение крестьян к сходу проявляется и во внешнем виде, одежде домохозяев – участников собрания. Только один из авторов записок сообщал о том, что, «идя на сход, все одеваются в лучшие одежды, а почтенные старики приходят с костылями»¹⁴, зато все остальные, независимо от уезда и губернии, говорят о восприятии крестьянами сельского схода как события заурядного: «Все идут несколько не переодеваясь, а как были»¹⁵, «в чем крестьян застал староста, оповещающий о сходке, – в том они и отправляются»¹⁶, «идя на сход, крестьяне не приодеваются и являются часто разутые»¹⁷ и т.п. В редком селении губерний земледельческого центра сельские сходы проводились в специально отведенных «сборных избах», содержащихся за счет мирских сборов. Зимой сходы были нечасты, а летом проходили на открытом воздухе – у церкви, у дома старосты, в школе, в пустующей избе. «Сходы в селе Анастасове проходят летом – около церкви, а зимою в церковной сторожке», – сообщали из Одоевского уезда Тульской губернии¹⁸.

По сравнению с мирскими сходками крепостной эпохи и первых пореформенных десятилетий, сельские сходы рубежа XIX–XX вв. сильно «помолодели» – кризис патриархальной семьи, нарастающие волнообразно разделы крестьянских дворов община сдержать не смогла – теперь на сходках численно преобладали крестьяне средних лет, выделившие свое хозяйство из «большой семьи», иногда после долгих торгов с «большаком» и сходом и уплаты отступного. Многотягольные хозяйства пользовались правом быть представленными на сходе двумя и более крестьянами. Большую проблему для схода составило бы требование закона в целом ряде случаев решать дело квалифицированным большинством – двумя третями голосов всех домохозяев общества, если бы не уловки, ставшие в общине традиционными. Нежелание крестьян участвовать в работе схода («на сходку обычно собираются меньше половины числа домовладельцев»¹⁹), отсутствие крестьян, занятых отхожими промыслами; формальное сохранение права участия в собрании за теми, кто давно уже жил в деревне, – все это делало требование соблюдения квалифицированного большинства заведомо нереализуемым. Говоря на заседании Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, что требование 2/3 голосов схода о переходе выкупленных крестьянином земель в собственность блокируется реалиями современной деревни, В.И.Гурко подчеркивал: «В обществах часто нет в наличии 2/3 домохозяев. Это делает решение невозможным»²⁰. Какие же приемы позволяли сельским обществам решить эту проблему? К исходу XIX века обычным явлением стало участие в работе сходов женщин – жен отсутствующих домохозяев: «отсутствующих домохозяев-крестьян нередко заменяют их жены. Против опроса бабы, заменяющей на сходе мужа, никаких протестов встречать не приходилось»²¹. А ведь еще в первые пореформенные десятилетия появление женщины на сходе было явлением исключительным – такое право иногда давалось специальным решением схода вдовам, возглавившим многодетные семьи после смерти главного кормильца.

Другим способом решения проблемы квалифицированного большинства была традиция единогогласного решения любого вопроса: «все дела по большей части решаются единогласно»²². Эта

традиция была хорошо известна представителям государственной власти. Член Государственного Совета, Статс-Секретарь А.Н.Куломзин так говорил об общинном «единогласии»: «фактически дела в общине решаются не большинством голосов (2/3, 1/3 и т.п.), а всегда единогласно, ибо меньшинство обязательно подчиняется общему сознанию в необходимости и целесообразности того или другого решения, подчинение это достигается разными способами, иногда, правда, весьма грубыми, но конечное решение все-таки будет единогласное»²³. Грубость способов достижения единогласия была подмечена Куломзиным весьма точно – «кулачное право» на сходе, применяемое против несогласного меньшинства, видимо, было нередким атрибутом решения важных вопросов. Так, крестьянин Острогжского уезда на вопрос, почему он подал голос за передел, когда он ему совсем не выгоден, отвечал: «Я не хотел делить, а когда стал перечить, мне дали выволочки (то есть побили)»²⁴. И, наконец, наиболее частым приемом, позволяющим достичь и квалифицированного большинства, и «единогласия» был обыкновенный подлог: «За недостатком голосов не останавливаются: влиятельные члены общества составляют приговор, вписываются имена неграмотных в требуемом количестве, подписываются за них и за себя, староста скрепляет приговор своей печатью, старшина утверждает», -сообщали из Кузьминской волости Одоевского уезда Тульской губернии 18 июня 1899 г.²⁵. Типичность подобного рода действий подтверждается прямыми и косвенными свидетельствами сельских жителей других губерний земледельческого центра. Среди косвенных свидетельств характерно следующее, из Орловской губернии: «земского начальника крестьяне боятся, избегают его, сходы всегда бывают без ведома земского начальника»²⁶.

Проведение сходов тайком от земского начальника, в обязанность которого входило утверждение их приговоров, объяснимо: земский начальник не утвердил бы приговора схода, собравшегося в неполном составе и фиктивно оформившего свои решения.

Особого внимания заслуживает указание источника на «влиятельных членов общества». Кто же реально пользовался влиянием в общине? Весьма показательно, что авторы «прообщинных» работ, описывая «гибкость схода», закладывающего «основу для наживания опыта демократии в пореформенной деревне России», обходят вниманием фигуру сельского старосты – лица, облеченного знаками власти, располагающего печатью, руководящего деятельностью схода. Дело в том, что катастрофическое падение авторитета сельского старосты как нельзя более точно демонстрирует фиктивность общинной «демократии» и глубочайший кризис самих общинных порядков.

И после отмены крепостного права продолжало действовать «Положение о земской полиции» 1837 г., согласно которому общества были обязаны назначать из своей среды низших полицейских – десятских и сотских – помощников старост и старшин и, одновременно, – соглядатаев за их работой.

С 27 июня 1874 г. обязанности по наблюдению за ходом крестьянских платежей и по взысканию недоимок была возложена на полицию, что повлекло за собой дисциплинарное подчинение сельских выборных властей не только уездному исправнику, но и всем чинам уездной полиции. Введение института земских начальников лишило сельских старост даже той символической независимости, которой они располагали доселе.

Примечания

1. См.: Полное Собрание Законов Российской империи. Т. XXXVI. Отд. 1.1861. № 36657.
2. Вениаминов П. Крестьянская община. СПб., 1908. С. 192.
3. «Души» никакого хозяйства не ведут, не соответствуют наличному взрослому населению. «Душа» – это земельная мера, обложенная известными платежами», – К. Головин. Сельская община в литературе и в действительности. СПб., 1887. С.51.
4. ГАРФ.Ф.586.Оп.1.Д.144.Л.47.
5. Цит.по:Никольский А.П. Земля, община и труд. СПб. 1902. С. 44.
6. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М. 1992. С.30.

7. ГАРФ.Ф.586.Оп.1.Д.144.Л.56.
8. ГАРФ.Ф.586.Оп.1.Д.144.Л.38.
9. Там же. Л.53.
10. Там же. Л.2.
11. Там же. Д.122.
12. Там же. Д.120а.
13. Там же. Д.118.
14. Там же. Л.2.
15. Там же. Л.38.
16. Там же. Л.56.
17. Там же. Д.122. Л.16.
18. Там же.
19. ГАРФ.Ф.586.0п.1.Д.122.Л.16.
20. Протоколы по крестьянскому делу... СПб., 1905. Протокол № 16. С.11.
21. ГАРФ.Ф.586.0п.1.Д.144.Л.56.
22. Там же. Л.79.
23. Протоколы по крестьянскому делу... СПб., 1905. Протокол № 10. С.24.
24. Щербина С. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. С.131.
25. ГАРФ.Ф.586.0п.1.Д.122.Л.6.
26. Там же. Д.144.Л.4.

O.G. VRONSKY

**THE PEASANTS GATHERING AND ITS ROLE
IN THE COMMUNAL REGULATION IN RUSSIA AFTER REFORMS
(THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY –
THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)**

The article focuses on the analysis of the activities of peasants self-regulation bodies during the modernization process in the Russian Empire (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century).

Key words: peasantry, descent, gathering, community, “peasant democracy”, post-reform era.

Т.Н. ГЕЛЛА

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Орловского государственного университета
E-mail:gella@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕС И РОССИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена анализу процесса становления национальной идентичности в современной России. В ней представлен исторический аспект вопроса национальной идентичности в СССР, рассмотрена проблема формирования европейской идентичности в рамках ЕС. Основной акцент в статье сделан на анализе современного состояния процесса формирования национально-го менталитета у граждан многонациональной Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная идентичность, европейская идентичность, национальный менталитет, европейская культура, российская идентичность, «русские», «россияне».

Национальная политика относится к теоретическим и актуальным практическим проблемам современности. Это сложное явление, охватывающее все сферы жизни общества. Она имеет и относительную самостоятельность как система мер, осуществляемых государством, направленных на учет и реализацию национальных интересов. Государственная национальная политика включает стратегические задачи жизнедеятельности государства, это политика осуществления интересов всей нации. Именно так это принято понимать во всем мире. Главной задачей государственной национальной политики является согласование интересов всех проживающих в стране народов, обеспечение правовой и материальной основы для их развития на основе их добровольного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Учет этнонациональных особенностей в жизни социума должен осуществляться в границах соблюдения прав человека. Путь к гармонизации межэтнических отношений лежит в значительной степени через культуру [3].

Важнейшим аспектом национальной политики является вопрос о национальной идентичности. Что такое национальная идентичность, или, по-русски, национальное самосознание? Во всех учебниках по политологии, культурологии, этнографии и т. д. можно найти определение,

что национальная идентичность – это русская, чувашская, татарская, чеченская и другая принадлежность тому или иному народу России, или же, если речь идет о внешнем мире, народам других стран. Этот фундаментальный постулат сформировался в нашей стране, в отечественной науке и в общественно-политической практике в советское время и остается доминирующим по сегодняшний день. Национальное в нашей стране означает в основном этническое [10, с. 5].

В годы существования Советского Союза формировались и существовали социалистические нации и народности. Шло национальное государственное строительство, т.е. деление страны на союзные республики и автономные округа, таким образом, чтобы каждая республика и округ имел свою титульную нацию. Таких было 53 образования. Это конструкция называлась социалистическим федерализмом.

Эта конструкция существовала до 1991 г., т.е. до распада Советского Союза. У каждой этнической общности появилась национальная государственность, у каждого народа возникло собственное государство – у украинцев Украина, у казахов Казахстан, у латышей Латвия и т.д. «Фактически, – как отмечает академик В.А. Тишков, – это была бомба, заложенная внутри государственного устройства, которая

взорвала наше историческое государство. В результате получился колоссальный катаклизм или даже, как сказал Владимир Путин, геополитическая катастрофа» [10, с. 7].

Тем не менее в советское время вместо нации существовало другое объединяющее понятие – «советский народ», «советские люди». По мнению В. А. Тишкова, советский народ представлял собой реальную общность. Советский народ был как бы продолжением исторического российского народа, который существовал до советской власти [10, с.8]. «Российский народ» – понятие достаточно древнее, более того, в XVIII веке наш язык назывался не русским, а российским.

Понятие российского сознания, российской национальной идентичности не исключает существование этнонации. Часто можно услышать – я не русский, я россиянин из уст татар, чеченцев, бурят и т.д. То есть эти две формы идентификации не исключают друг друга. И российская идентичность и самосознание являются кросс-или надэтнической формой. Конечно, мы один народ, несмотря на наше разнообразие. И единственный вариант утверждения национальной идентичности в нашей стране – это утверждение идентичности как общероссийской. И вот здесь мы сталкиваемся с рядом специфических особенностей данного процесса.

Но прежде обратимся к некоторым примерам формирования на современном этапе европейской идентичности.

В июне 1984 г. на саммите в Фонтенбло главы государств Европейского Сообщества приняли решение поставить в практическую плоскость формирование у граждан своих стран общей европейской идентичности. За прошедшие годы предпринято немало конкретных шагов, призванных способствовать достижению этой цели. Были учреждены такие символы единой Европы, как флаг, гимн, общий праздник «Дня Европы». Жители стран, присоединившихся к Шенгенскому соглашению, стали пользоваться безвизовым режимом. Была введена единая европейская валюта. Жителям стран Евросоюза был предоставлен статус «гражданина Союза», учреждены единые общеевропейские водительские права и многое другое [1, с.123]. Существует единый рынок, увенчанный – по крайней мере, для большинства членов ЕС – единой валютой,

есть конституционные договоренности. Есть амбициозные планы по общей внешней политике и политике безопасности и т.д. [12]. Однако надежды поборников европейской интеграции остаются далекими от воплощения.

Безусловно, формирование коллективной европейской идентичности, предполагающее глубокие изменения в общественном сознании, является длительным процессом. Необходимо иметь в виду, что идеи создания общей идентичности у 450 миллионов граждан, населяющих несколько десятков европейских стран с разной историей, культурой, традициями, уровнем и образом жизни, не предполагают вытеснения национального самосознания европейцев неким «постнациональным космополитизмом». В первую очередь, речь идет о формировании у жителей Евросоюза чувства «двойной» идентичности, сочетающего в себе одновременно ощущение принадлежности и к своей стране, и к Европе в целом.

Между тем, значительная часть населения стран Евросоюза по-прежнему испытывает лишь чувство национальной идентичности. Так, английский исследователь Ральф Дарендорф считает, что «идея некой «европейской идентичности» пребывает в тумане. «Есть одна проблема, – пишет он, – может быть, более фундаментальная – это то, что европейская интеграция больше не воспламеняет воображение европейцев. Еще существуют евроэнтузиасты, но среди народов Европы превалирует безразличие, а в некоторых случаях даже тихая враждебность по отношению к идее европейской общности» [12].

Российский историк Григорий Вайнштейн, опираясь на результаты европейских социологических исследований, приводит интересные данные о соотношении «национальных» и «общеевропейских» чувств у жителей Евросоюза. Если в 1994 г. в среднем 33% опрошенных считали себя только гражданами своей страны, то к концу 2004 г. этот показатель возрос только до 41%. Если же учитывать тех, кто считали себя одновременно и гражданами своей страны, и гражданами Европы, то в их сознании компонент «национальной идентичности» явно сохраняет доминирующее значение. В 2004 г. в среднем 47% опрошенных в 25 странах Евросоюза говорили о себе в первую очередь как о французах, немцах, итальянцах, испанцах и т.п., и лишь во вторую

очередь – как о европейцах. Тех же, кто на первый план ставил общеевропейский компонент, насчитывалось около 7%. Преобладание национального компонента идентичности характерно было для жителей стран, которые недавно стали членами Евросоюза, однако старым его членам это также свойственно. Например, для Франции, Германии, Италии, где в среднем 36% опрошенных рассматривают себя лишь в качестве граждан своей страны. В Великобритании этот показатель находится на уровне 55%. [1, с. 124].

Одна из существенных проблем, которая явно проявляется в процессе формирования европейской идентичности, – это проблема ее неспособности завоевать сердца рядовых граждан Европы. Эта проблема хорошо прослеживается при анализе отношения европейцев к вопросу о выгоде европейской интеграции (в большей степени рассматривался экономический аспект). Проведенный в 2004 г. социологический опрос показал, что лишь 53% европейцев полагало в тот момент, что членство в ЕС принесло пользу их стране, тогда как 34% считало, что, напротив, оно нанесло вред [14, р.71]. Причем в большинстве своем именно жители «старых» членов Евросоюза признавали положительным фактом принадлежность их страны к ЕС. Например, 85% опрошенных в Люксембурге разделяли этот взгляд, точно также как 70% респондентов в Ирландии, Голландии, Бельгии и Испании. Что же касается новых членов ЕС, видимо, еще достаточно рано для их жителей оценить последствия присоединения к ЕС. Это объясняет тот факт, что уровень «нейтральных» ответов был более высоким (40% опрошенных) в Латвии, Чехии, а также в Словении, Словакии и Польше. В Великобритании только 38% респондентов признали достоинством членство своей страны в ЕС [14, р.68]. Данные опроса жителей стран Евросоюза, осуществленного весной в 2008 г., свидетельствует, что эти показатели остались практически без изменений – 56% опрошенных считали, что членство в ЕС принесло пользу их стране [15, р.27]. Рассматривая эти данные, необходимо иметь в виду, что в условиях экономического кризиса отношение рядовых граждан к идее европейской интеграции подвергается особому испытанию и, возможно, в большей сте-

пени носит эмоциональную окраску, чем является объективным отражением реальности.

Говоря о сложности процесса формирования европейской идентичности, необходимо учитывать и еще один важный момент – само понятие «европейская идентичность». Что значит быть европейцем? Это жители всех стран Европейского континента, в том числе таких, как Турция? Или это только жители стран Европейского Союза? Показательно, что в официальных документах Европейской комиссии нет четко выраженного отношения к этому вопросу. Так, в Аналитическом докладе «Гражданство Европейского Союза» (European Union Citizenship Analytical Report) [16], представленном в марте 2010 г. Европейской комиссией, отмечалось, что учреждение гражданства Европейского Союза предполагает институционализацию его правового статуса с целью укрепления и усиления европейской идентичности, а также с тем, чтобы граждане Европы могли максимально участвовать в европейском интеграционном процессе. Но при этом в самом докладе речь в большей степени идет о гражданстве жителей стран-членов Европейского Союза [16, р.4]. В таком случае, что делать жителям стран, не являющихся членами ЕС? Например, Норвегии и Швейцарии.

Сложность определения сущности европейской общности с помощью политических или географических критериев выдвигает на первый план критерии культурно-цивилизационного и ценностного характера, предлагая обратить внимание на религиозные, культурные, политические традиции. Но и здесь не все просто. Насколько жители стран-членов ЕС понимают свое «евросовское гражданство»? В том же Аналитическом докладе приводятся данные, что хотя большинство граждан ЕС (79%) заявили о своем знакомстве с термином «гражданин Европейского союза», только 43% говорят, что они знают его значение, и 32% опрошенных из 27 стран ЕС хорошо информированы о своих правах как граждан Европейского Союза [16, р.5]. При этом более чем две трети (67%) респондентов считают, что они плохо или вообще не информированы о своих правах как граждане ЕС [16, р.12]. В связи с этим можно сделать вывод, что процесс формирования общеевропейской идентичности в политико-правовом

поле в рамках Евросоюза будет достаточно сложным и продолжительным.

Может ли в таком случае выступать в качестве цементирующей платформы некая культурная общность европейцев? Спецификой общеевропейской культуры является ее многообразие и разнообразие. Суть многокультурья, как считает заместитель директора института Европы РАН, является в признании возможности параллельного существования и взаимовыгодного взаимодействия этнических, многосоставных общин, представляющих не только разные культуры, но и различные цивилизации [2, с.21].

Многие сторонники идеи европейской идентичности видят в культурном плюрализме континента достоинство и одну из отличительных особенностей европейской культуры – «единство и многообразие». Они подчеркивают приверженность европейцев к таким общим гуманитарным ценностям, как свобода, уважение прав индивида, верховенство закона, терпимость, социальная справедливость. Но при этом, как отмечает Григорий Вайнштейн, сторонники европейской идентичности «недооценивают определенный дезинтеграционный потенциал, заключенный в сегодняшнем культурном ландшафте Европы» [1, с. 129].

Во-первых, общеевропейская идентичность размывается сохраняющимися национальными идентичностями, которые опираются на национальный исторический опыт отдельных стран, на их культурные традиции и ценности. Во-вторых, по мнению Г. Вайнштейна, «культурное многообразие Европы все чаще оборачивается сегодня культурной несовместимостью, а в ряде случаев взаимной отчужденностью и неприязнью различных национальных и этнических групп в составе населения Евросоюза. Один из источников этой конфликтности – расширение числа входящих в ЕС государств» [1, с. 129].

Опрос общественного мнения в 15 странах-членах ЕС, проведенный в 2000 г., показал, что 49% и 47% жителей соответственно Греции и Португалии склонны согласиться с утверждением, что существует некая европейская культурная идентичность. Эта точка зрения поддерживается также в Германии (43%) и Италии (42%). А вот жители Финляндии (65%), Франции и Дании (оба 59%) не разделяют это мнение [13, р. 11]. После расширения ЕС в 2004 г. его культурное

единство стало еще более сомнительным. Вступление в него новых членов-государств Восточной Европы ведет не только к усилению культурного многообразия европейского сообщества, но и к определенному возрастанию внутренней конфликтности в европейском культурном пространстве, которая не может не отражаться негативным образом на процессе формирования общеевропейской идентичности» [1, с.129]. Как замечает Григорий Вайнштейн, «вступление в Евросоюз новых государств воспринимается именно как одно из препятствий этому процессу значительной частью самого населения европейских стран». Ученый приводит данные проведенного в 12 странах Евросоюза опроса, согласно которому в среднем 55% населения этих стран полагают, что «дальнейшее расширение Евросоюза делает еще более трудным формирование общей европейской идентичности» » [1, с. 129].

Говоря о специфике культурно-ценностных компонентов европейской идентичности, можно также упомянуть о трудностях и проблемах включения в процесс ее формирования огромных масс неевропейского населения-эмигрантов, в первую очередь мусульман, которые являются гражданами европейских стран, но при этом сохраняют приверженность к своим национальным традициям, обычаям, духовным и культурным ценностям. Проблема языковой разобщенности населения европейского континента также остается далеко не решенной. Как отмечал Ингмар Карлсон, в конце 1990-х гг. в среднем 66% граждан государств, которые на тот момент являлись членами Евросоюза, знали лишь один язык собственной страны и только 10% говорили как минимум на двух языках. Например, в Ирландии 80% населения говорит на одном языке, только 3% – на двух, тогда как в Люксембурге 1% моноязычных и 80% говорящих на двух иностранных языках [17, р.68]. В 2005 г. после вступления в состав ЕС новых членов-государств был проведен опрос среди жителей уже 25 стран, который показал следующую картину: 56% европейцев, жителей стран ЕС, могут общаться на еще одном иностранном языке помимо родного, 28% – на двух, 1 из 10 опрошиваемых способен вести разговор на трех языках. Но при этом 44% населения не знали ни одного другого языка, кроме родного. Если анализировать данные по странам,

то картина со знанием языков представляется неоднозначной. Например, минимум на двух языках говорят 99% граждан в Люксембурге, 97% – в Словакии и 95% в Латвии. На Британских островах этот показатель намного ниже – 38%, в Ирландии – 34%. Соответственно 41% итальянцев, 42% португальцев и 42% венгров владеют двумя иностранными языками [18, р.8]. Таким образом, в Великобритании, Ирландии, Италии, Португалии и Венгрии преобладающее большинство не знает другого иностранного языка, кроме своего родного. В целом, языковая разобщенность может служить определенным препятствием образованию единой общеевропейской культурной идентичности. Хотя с другой стороны, нельзя забывать о том, что приверженность к своей национальной культуре служит важнейшим фактором определения самоидентификации.

На современном этапе подчас наблюдается картина, когда объединительным моментом для европейцев выступает противопоставление «неевропейскому миру», например, антиисламизм и антиамериканизм. Но эти «негативно составляющие» европейской идентичности вряд ли будут способствовать положительным тенденциям формирования единой общности европейских народов. И как заметил Ральф Дарендорф, внедрение антиамериканских настроений, пусть даже непреднамеренно, в европейское строительство может быть интеллектуально бесчестно, морально подозрительно и политически опасно для всех свободолюбивых европейцев [12].

Таким образом, процесс формирования некой общеевропейской идентичности представляется достаточно сложным, неоднозначным процессом, требующим успешного развития многих факторов, которые в своем многообразии создали бы благоприятные условия для единения европейцев на культурно-ценностном уровне.

Обратимся теперь к проблемам национальной идентичности в России. Какие процессы происходят в сознании многонационального населения России? Есть ли какие-то общие составляющие компоненты, способствующие формированию российского национальной сознания? И что такое национальное сознание россиян?

Одной из важнейших проблем современной России является формирование национальной идентичности. Страна «зависла» на промежу-

точной ступени между распадающейся советской идентичностью и так пока не сложившейся до конца национально-государственной идентичностью. Как считают некоторые российские исследователи, само слово «россиянин» не вошло в сознание и в язык большинства людей, которые предпочитают идентифицировать себя прежде всего по этническому (например, «русский», «татарин», «башкир» и т.д.) и конфессиональному («православный», «мусульманин», «атеист») признаку или же по месту жительства («москвич», «петербуржец», «сибиряк» и т.п.) [6, с.34].

Состояние России сегодня характеризует неопределенность самоидентификации. Она разрывается между ощущением самобытности и своей причастности Европе. Данные опросов, проведенные среди учащихся и студентов в апреле-мае 2008 г., показали, что в молодежной среде Россия во много ассоциируется с «мостом» («буфером») между Западом и Востоком [9, с.13]. В определенной степени это связано с проблемой пути модернизации России, т.е. выбора пути, по которому страна должна развиваться. Владимир Лапкин, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений, выделяет четыре альтернативных варианта российской модернизации:

– «западный путь», основу которого заложил еще Петр I и следствием которого стал раздел общества на «вестернизированную элиту, получившую даром возможность наслаждаться плодами европейской просвещенности и прогресса и «народ», уделом которого стали несводоба, нищета, политическое ничтожество»;

– «советский путь», который себя дискредитировал, но выступает в качестве некоего символа «протестной консолидации», т.е. «в качестве эффективного инструмента политической мобилизации недовольных»;

– «восточный путь», относительно исторического опыта которого в российском обществе существует «высокомерное предубеждение»;

– «особый путь», который «соединяет в себе элементы всех вышеперечисленных путей и стремление учесть при этом особенности российской действительности, интересы и ценности приоритеты российского общества» [4, с.56–57].

Именно в последнем варианте развития России формирование российской идентичности преимущественно находит свои истоки. Об этом свидетельствуют данные многочисленных социологических исследований, на которые ссылается в своей статье Владимир Пантин [6]. Так, по данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 1999 г., большинство (60%) респондентов считали, что по своим традициям и культуре Россия представляется собой особую страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию; в то же время 23% опрошенных полагали, что Россия сочетает в себе черты Европы и Азии и только 9% респондентов были согласны с тем, что Россия – это европейская страна. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2003 г., на вопрос «Чувствуете ли Вы себя европейцем?» «часто» ответили 12% опрошенных россиян, «иногда» – 14%, «редко» – 18%, «никогда» – 55%. По данным другого опроса, проведенного «Левада-Центром» в 2007 г., лишь 11% респондентов были согласны с тем, что Россия – это «часть Запада, она должна стремиться к сближению со странами Европы и США»; в то же время 74% опрошенных полагали, что Россия – это «евразийское государство, у которого собственный исторический путь развития» и еще 7% респондентов склонялись к тому, что Россия – это «восточная страна, она должна ориентироваться на сотрудничество со своими соседями в Азии» (остальные 8% затруднились ответить) [6, с. 34-35]. Правда, замечает В. Пантин, «представления об «особом характере» России и «особом пути» ее развития начинают явно доминировать лишь в случае бинарной оппозиции, когда перед опрошенными ставят дилемму: «западный» или свой «особый» путь развития, а также в случае трехчленной оппозиции («западный», «восточный» или «особый евразийский» путь) [6, с. 35].

Однако для большинства сторонников «особого пути» изоляционистские настроения не характерны. Например, данные опроса, проведенного ВЦИОМ в 2000 и 2005 гг., показывают, что сторонниками укрепления взаимовыгодных связей со странами Запада были, соответственно, 74% россиян в 2000 г. и 73% – в 2005 г.; только 13% респондентов в 2000 г. и 16% – в 2005 г. считали, что России следует держаться в стороне

от Запада (затруднялись ответить 13% опрошенных в 2000 г. и 11% в 2005 г.) [6, с.36]. В. Пантин считает, что позиция большинства сторонников «особого» пути развития России состоит не в том, чтобы изолироваться от стран Запада и Востока и совершенно не учитывать их опыт, а в том, «что необходимо продуманное и творческое заимствование зарубежного опыта, западных политических и экономических институтов, учитывающее исторические традиции и реалии России» [6, с. 36-37].

Итак, что определяет понятие «русский»? Что лежит в его основе – биологический фактор или социальный? В докладе «Российская идентичность в социологическом измерении», подготовленном рабочей группой Института социологии РАН [8, с. 9-18], приводятся следующие данные: 38% опрошенных россиян полагают, что «русские – это те, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей». Но с другой стороны, 33% респондентов главным фактором, определяющим «русскость», называют «наличие русских родителей», 32% россиян считают, что русский – это тот, кто любит Россию, 27% – тот, кто сам называет себя русским, 20% – тот, кто имеет российское гражданство, 13% – тот, кто говорит по-русски, и, наконец, 11% – тот, кто исповедует православную веру [8, с. 13].

Из этих данных видно, что варианты ответов носят скорее культурологический, гражданский характер, чем биологический, связанный с пресловутым «звонком крови».

Достаточно непросто идет процесс формирования собирательного образа российского народа. Если анализировать определенные современные представления россиян применительно к самим себе и другим народам, то следует отметить, что в основе их лежат определенные исторически сложившиеся стереотипы.

В настоящий исторический период россияне видят себе гостеприимными (83%), добрыми (82%), смелыми (76%), терпимыми (76%), обладающими чувством юмора (71%), духовными (67%), любознательными (65%) и в то же время – ленивыми (60%), расхлябанными (60%) и необязательными (53%) [8, с. 16]. Это скорее образ традиционного русского человека, пронесенный через столетия русской истории. Но если сравнивать эти характеристики с характеристиками

немцев и англичан, то по позитивным оценкам русские превосходят последних. (Таблица). Немцы и англичане оказываются в представлении россиян в чем-то похожими друг на друга и в равной степени противоположны по качествам русскому человеку. Немцы представляются русским аккуратными (79%), пунктуальными (69%), законопослушными (61%), расчетливыми (59%), жестокими (52%), трудолюбивыми (50%). А англичане – вежливыми (58%), деловитыми (55%), законопослушными (47%), уверенными в себе (43%) и пунктуальными (41%) [8, с. 17].

Таким образом, целостность и устойчивость стереотипов во многом способствует пробуждению национального самосознания, усилению чувства общности по национальному признаку.

Национальная идентичность утверждается через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственного языка, символов и календаря, культурного и массмедийного производства. По мнению академика Валерия Тишкова, в России же сложилась реальная общность россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка [11 с.]. Именно русский язык является одним из важнейших элементов формирования российской идентичности. Только 3% населения России не знают русского языка, поэтому он является не только собственностью этнических русских, это собственность России, всех россиян. Как считает ученый: «Это первый самый главный культурный компонент и часть нашей идентичности. И на русском языке основана русскоязычная культура, второй мощный объединительный фактор» [10, с. 16]. Более половины (56%) опрошенных в 2007 г. россиян гордятся российскими поэтами, писателями, композиторами [8, с. 10].

Нельзя не сказать и еще об одном факторе, который может способствовать формированию российской идентичности. В современной России сохраняет свою силу традиционно толерантный принцип сосуществования различных конфессиональных групп и отсутствие религиозной нетерпимости как дифференцирующего признака. Социологические исследования 2006-2007 гг. показали, что утверждение «Россия для русских» поддерживают всего 7,6% православных и 16%

неверующих, тогда как тезис «Россия – общий дом многих народов» – подавляющее большинство представителей основных конфессий, 52,6% православных, 52% неверующих [5, с. 15].

В формировании национальной идентичности важную роль играет такой фактор, как «внутренний» и «внешний» национальный образ страны. «Внешний» образ складывается сквозь призму оценок роли и влияния страны в мире. Социологические данные, приведенные в Докладе рабочей группы Института социологии РАН, свидетельствуют о том, что при сопоставлении образов России и Западной Европы в 2002 и 2007 гг. в ассоциациях россиян происходит определенное смещение от негативных образов к позитивным. В 2002 г. Россия ассоциировалась, в первую очередь, с «кризисом» и «наркотиками», и только за этими понятиями шли позитивные оценки – «патриотизм» и «духовный мир». В 2007 г. первая пятерка характеристик России выглядит уже иначе: «патриотизм», «духовный мир», «кризис», «культура», «взаимопомощь» [8, с. 22].

Рассматривая эволюцию образа России в массовом сознании, нельзя не отметить тот факт, что такие понятия, как «сила-воля-энергия», характеризующие динамизм развития стран, получают в 2007 г. по сравнению с 2002 г. у россиян большее признание. Так, понятие «сила» ассоциировалась только у 3% опрошенных россиян в 2002 г. и уже у 20% – в 2007 г., понятие «энергия» – соответственно 14% и 30%, «воля» – 13% и 25%. [8, с. 24].

В большинстве своем жители современной России выступают за повышение роли своей страны в мире. Только 7% респондентов считают, что России не следует стремиться к каким-либо глобальным целям, а 45% – что России достаточно будет войти в число 10-15 ведущих государств мира [8, с. 25]. Более того, можно сослаться на материалы исследований, проводимых учеными факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова в 2009 г., согласно которым вне зависимости от сложившихся у российских граждан оценок ситуации в экономике, политике и социальной жизни, они не представляют себе жизни в другой стране, что сильно отличается от результатов исследований, проводившихся в 1990-х и в 2000-х гг. Респонденты не против того, чтобы работать в других странах,

путешествовать, учиться, но убеждены, что жить смогут только в России [7, с. 114].

Подводя итоги, можно отметить, что при наличии проблем с общегражданской, государственной идентичностью, общей идеологией, общих целей и интересов, все же есть немало оснований говорить о «новой общей идентичности» – российской. Как и европейская, российская идентичность переживает процесс формирования. Российская идентичность основана на ценностях, которые в целом согласуются с ценностями евро-

пейской цивилизации. Перспективы формирования новой российской идентичности связаны, прежде всего, с интенсивным экономическим, политическим, культурным и информационным взаимодействием России с европейскими и другими культурно близкими странами. При этом, в случае успешной реализации этого процесса в рамках новой российской идентичности современные черты будут переплетаться с традиционными ценностями и стереотипами.

Библиографический список

1. *Вайнштейн Г.И.* Европейская идентичность: желаемое и реальное //Полис, 2009. № 4. С. 123.
2. *Громыко А.* Устоит ли новый Вавилон? (Проблемы междивизиационной интеграции Европы) //Современная Европа. 2010. № 1. С. 21.
3. *Кокшаров Н.В.* «Современная национальная политика России»// <http://credonew.ru/content/view/336/28/>
4. *Лапкин В.В.* Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности //Полис. 2008. № 3. С. 56-57.
5. *Мчедлова М.М.* Современность и императивы российской цивилизации: политические следствия этноконфессионального разнообразия //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология 2007. № 3. С. 15.
6. *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации //Полис. 2008. № 3. С.34.
7. *Пищева Т.Н., Виноградов Н.С., Недова А.Д.* Образ России под углом зрения политический коммуникаций //Полис.2010. № 4. С. 114.
8. Российская идентичность в социологическом измерении /Рабочая группа Института социологии РАН.//Полис. 2008. № 3. С. 9 – 28.
9. *Семенов И.С.* Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности //Полис. 2008. № 5. С. 13.
10. *Тишков В.А.* Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб: СПбГУП. 2010. С.5.
11. *Тишков Валерий.* Российский народ и национальная идентичность//Россия в глобальной политике. 2008. № 4. Июль-август. С.75
12. *Dahrendorf Ralf.* Anti-Americanism and Europe's Identity /Copyright: Project Syndicate/Institute for Human Sciences, February 2003. //http://www.project-syndicate.org/commentary/dahrendorf11/English (обращение 06.04.11).
13. Eurobarometer 52. Public Opinion in the European Union. 2000. April. Brussels. //http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb52/eb52_en.pdf (обращение 08.04.11).
14. Eurobarometer 62. Public Opinion in the European Union. 2004. October -November. Brussels // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb62/eb_62_en.pdf (обращение 06.04.11).
15. Eurobarometer 69. Public Opinion in the European Union. 2008. May. Brussels //http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb69/eb_69_first_en.pdf (обращение 06.04.11).
16. Eurobarometer. Flash EB No 294. European Union Citizenship Analytica IReport. March. 2010. Brussels //http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_294_en.pdf(обращение 06.04.11).
17. *Karlsson I.* How to define the European identity today and in the future? //Reflections on European Identity. Ed. by Th. Jansen. European Commission. Working Paper. Brussels. 1999 // http://www.pedz.uni-mannheim.de/daten/edz-mr/pbs/00/european_identity_en.pdf (обращение 08.04.11).

18. Special Eurobarometer 243. «Europeans and their Languages» November -December. 2005. Brussels. [//http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_243_en.pdf](http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_243_en.pdf) (обращение 08.04.11).

T.N. GELLA

**NATIONAL IDENTITY IN THE EU AND RUSSIA:
COMPARATIVE ANALYSIS
BASED ON THE FOREIGN AND RUSSIAN RESEARCH**

The article is devoted to the development of national identity in Russia nowadays. It gives a historical review of national identity development in the USSR, outlines the development of European identity within the European Union. The article focuses on the analysis of contemporary process of development of national mentality among the citizens of the multinational Russian Federation.

Key words: national identity, pan-European identity, national mentality, European culture, Russian identity, “russky”, “rossiyanin”.

Е.А. ДОЛМАТОВА*ассистент кафедры истории государства
и права Орловского государственного
университета**E-mail: helene57@yandex.ru**Тел.: 8 920 802 99 03*

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИЯ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу колониальной политики Шарля де Голля. Предметом исследования являются ключевые направления в колониальной политике де Голля на разных этапах времени, впервые автор делает попытку периодизации колониальной политики генерала, выделяя характерные черты каждого этапа.

Ключевые слова: колониальная политика, модернизация, социальные реформы, инновация, неокOLONИализм.

В начале XX века экономические отношения между Францией и ее заморскими владениями характеризовались двумя чертами. С одной стороны, неocenен был материальный потенциал французских владений для экономики Третьей республики. Заморские территории располагали всем комплексом минерального сырья, необходимого для развития французской промышленности. В частности, там были найдены богатые залежи меди, цинка, свинца, никеля, кобальта, железа, фосфатов, угля, ртути, золота, серебра и многих других полезных ископаемых. Но, с другой стороны, при таких богатейших запасах колониальная добывающая промышленность была практически неразвита. Более того, экономические связи метрополии с заморскими владениями в начале XX века были крайне слабыми. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что, по данным министра колоний А. Сарро, Франция накануне Первой мировой войны импортировала сырья на 6,5 млрд. франков, из которых только 700 млн. франков приходилось на французские колонии¹.

Первая мировая война побудила французское правительство пересмотреть свое отношение к Французской колониальной империи. Война заставила Францию мобилизовать все свои экономические ресурсы, в том числе и ресурсы колоний. И заморские владения оказали огромную помощь метрополии. За годы войны значительно

увеличились объемы поставок сырья и продовольствия из колоний в метрополию. Так, в тот период времени Франция получила 5 млн. т различных товарных грузов из своих владений². А финансовая помощь колоний метрополии, по официальным данным министерства колоний Франции, за 1915-1920 годы составила 1 млрд. франков³.

После Первой мировой войны интерес Франции к колониальной империи не иссяк. В межвоенный период один за другим возникают проекты освоения заморских территорий. Третья республика начала вкладывать денежные средства в развитие инфраструктуры колоний с целью обеспечить добычу и последующую отправку во Францию минерального сырья и сельскохозяйственной продукции. Так, за период с 1919 по 1934 год во французские владения в форме займов колониальным властям и прямых инвестиций было вывезено из метрополии свыше 24 млрд. франков, причем в отдельные периоды вывоз капитала в колонии составлял до 75 % всего французского экспорта капитала⁴. Третья республика использовала эти денежные средства для разработки и добычи природных богатств в колониях, для строительства новых портов, железных и автодорог, систем связи, а также для создания машиностроительных и металлургических предприятий.

Мировой экономический кризис еще более усилил интерес Франции к колониальной империи. В те годы последняя рассматривалась буквально как панацея от обрушившихся на Францию экономических трудностей. В 30-е годы продолжалась активная разработка ресурсов заморских владений. Более того, под давлением французских предпринимателей хозяйство многих колоний приняло монокультурный характер. Но самое главное – постепенно в ходе освоения «заморской Франции» стал расти и торговый обмен между метрополией и колониями. Так, если в 1913 году доля французских владений в торговле метрополией составляла всего 12,5 %, то в 1936 году – 30,4 %⁵.

В результате в конце 30-х годов французские колонии оказались теснейшим образом привязанными к метрополию. В свою очередь, для Франции заморские владения к началу Второй мировой войны стали основной продовольственной базой. Индокитай, Мадагаскар и Французская Экваториальная Африка были крупнейшими экспортерами риса. Производство вина в Алжире достигло 70 % от французского производства вина в целом. А французская шерстяная, каучуковая, химическая промышленность и цветная металлургия практически полностью работали на сырье, поставлявшемся из колоний.

Однако несмотря на то, что первая треть XX века была отмечена ростом интереса к колониям, изменения, произошедшие в заморских территориях в тот период времени, коснулись лишь разработки их минеральных ресурсов и развития хозяйственно-экономических связей между метрополией и колониями. А вот порядок управления зависимыми странами остался прежним. Третья республика крайне неохотно шла на какие-либо изменения колониального порядка. В отличие от Британской империи, где происходили определенные трансформации (окончание английского протектората над Египтом в 1922 году, признание суверенитета доминионов в 1926 году, предоставление независимости Ираку в 1932 году), подтолкнувшие английское правительство к постепенному формированию политики неокOLONIALИЗМА, Французская колониальная империя вплоть до Второй мировой войны не знала серьезных реформ.

Осенью 1939 года началась Вторая мировая война. Боевые действия проходили как на территории самой метрополией, так и в заморских владениях Франции. Разразившаяся война заставила Третью республику искать материальную поддержку у колоний. Зависимые территории оказали ей всевозможную помощь. Они поставляли во Францию промышленное сырье, продовольствие и дополнительные контингенты для армии. Уже осенью 1939 года во французскую армию было призвано 216 тыс. алжирцев, в том числе 123 тыс. арабов и 80 тыс. солдат из Черной Африки. По требованию правительства Третьей республики колонии значительно увеличили поставки сырья и продовольствия в метрополию. Например, африканские владения Франции за первые два военных года в 6 раз увеличили производство каучука, в 2 раза – хлопка, в 3 раза – золота и в 5 раз – алмазов⁶. Таким образом, уже в начале войны Франция непосредственно ощутила всю стратегическую важность обладания колониями. Газета «Тан» справедливо отмечала, что французские зависимые территории «намереваются доказать нам свою преданность своей активной помощью. Это единодушное трогает, успокаивает и ободряет»⁷.

Действительно, на начальном этапе войны самые различные категории местного населения колоний заявляли о своей готовности оказать всяческую поддержку Франции. Весьма показателен тот факт, что во Французском Судане, Дагомее, Гвинее, Береге Слоновой Кости и Нигере среди призванных в армию было довольно много добровольцев. А в Сенегале на призывные пункты приходили даже люди преклонного возраста, ветераны Первой мировой войны, снятые с воинского учета. И так, как и в годы Первой мировой войны, империя вновь пришла на помощь метрополию, оказав ей огромную материальную и моральную поддержку.

Когда стало понятно, что Франция близка к поражению, генерал де Голль предложил правительству перебраться в Северную Африку вместе с оставшейся частью армии и готовить реванш, опираясь на союз с Англией. В июне 1940 года он заявил: «Если нами проиграна война 1940, мы можем победить в другой войне. Не прекращая войну в Европе, пока это возможно, необходимо в то же время решиться на продолжение войны

в наших заморских владениях и подготовиться к ней»⁸. Тем не менее правительство предпочло заключить перемирие с Германией, а де Голль, покинувший Францию, создал в Лондоне организацию «Свободная Франция».

Лидер «Свободной Франции» с самого начала стремился выступать от имени всей Франции, но в то время у этой организации еще не было собственной территориальной базы. Именно поэтому де Голль направил все свои усилия на овладение французскими колониями, и в первую очередь африканскими. Он стремился доказать всем, что за ним стоит огромная колониальная империя Франции. По признанию генерала, «участие французских вооруженных сил и французских территорий в битве за Африку свидетельствовало бы о том, что определенная часть Франции снова вступила в войну». Это означало бы «непосредственную защиту своих владений от врага» и помогло бы «Свободной Франции» возвратиться из изгнания и начать осуществлять суверенные права на своей национальной территории»⁹.

Более того, именно за счет жителей африканских колоний де Голль рассчитывал значительно пополнить войска «Свободной Франции». В целом же создание собственной, пусть даже и небольшой армии и ее непосредственное участие в военных действиях позволило бы де Голлю дистанцироваться от английского правительства, показать миру, что Великобритания поддерживала «Свободную Францию» в период ее зарождения и становления, но деголлевское движение проводит самостоятельную политику, а не действует по указке У. Черчилля.

Таким образом, для «Свободной Франции» обладание колониями было очень важно. Только опираясь на Французскую империю, которая обеспечивала это движение сырьевыми и людскими ресурсами, «Свободная Франция» могла получить подлинное признание французов, проживающих в метрополии. Осознание зависимости «Свободной Франции» от заморских владений изменило отношение к Французской империи как руководителей движения, так и его рядовых членов, что наглядно проявилось уже в ходе Второй мировой войны.

В годы Второй мировой войны в основе колониальной политики Шарля де Голля лежала концепция срочной модернизации социально-

экономической и политической жизни во французских колониях. С этой целью летом 1942 года де Голль утвердил декреты, подготовленные Феликсом Эбуэ для Французской Экваториальной Африки. А в декабре 1943 года в г. Константина была провозглашена реформа в Алжире. В основном речь шла об увеличении политических прав местного населения французских зависимых территорий, о привлечении коренного населения зависимых стран к управлению собственными территориями и о расширении круга избирателей.

Венцом модернизационной линии колониальной политики Шарля де Голля в годы Второй мировой войны стала работа Браззавильской конференции в феврале 1944 года, призванной разработать «колониальную политику завтрашнего дня»¹⁰. В ходе работы Браззавильской конференции необходимо было определить меры по улучшению социально-экономической ситуации в колониях и создать условия для участия местного населения в самоуправлении. Но главной чертой конференции в Браззавиле, с точки зрения де Голля, было то, что все это «совершалось единственно по доброй воле Франции, ибо настала минута, когда она почувствовала, что возрождается ее могущество, оживает ее вера в себя, и сама решила даровать то, что никто еще и не пытался вырвать у нее»¹¹.

В ходе работы конференции были обсуждены многие вопросы и в результате выработаны следующие рекомендации для Французского комитета национального освобождения:

- учредить в колониях местные выборные органы, состоящие из французов и представителей африканской элиты;
- развивать взаимоотношения Франции и ее колоний в рамках Французского Союза;
- расширить самостоятельность колоний на местном уровне и их представительство во французском парламенте;
- развивать промышленность в заморских территориях;
- ввести массовое образование в колониях и подготовку специалистов для промышленности, сельского хозяйства и сферы культуры из местных кадров;
- создать сеть новых медицинских учреждений;

- ввести во французских владениях 8-часовой рабочий день, еженедельный отдых и предоставить коренным жителям право на получение пенсий.

Уже летом 1944 года Временное правительство Французской республики предприняло ряд мер, направленных на воплощение в жизнь решений Браззавильской конференции. Так, в июле 1944 года был принят единый для всех африканских владений Уголовный кодекс, и были отменены обязательные работы. В Камеруне были созданы Бюро труда и Трудовая инспекция, которые занялись вопросами трудоустройства и регламентацией условий производственной деятельности. В Сенегале был принят план по развитию образования во Французской Западной Африке, который предусматривал создание в течение 20 лет 50 тыс. начальных и 200 средних школ, а также 75 педагогических училищ¹². Также в Западной Африке была создана Мобильная служба гигиены для борьбы с такими болезнями, как сифилис, малярия, проказа, туберкулез. Отметим, что в то время вышеназванные болезни представляли серьезную угрозу для неразвитой африканской медицины и зачастую заканчивались летальным исходом. А в августе 1944 года было опубликовано разрешение профсоюзам вести свою деятельность на территории всех французских африканских владений. Профсоюзы занимались защитой экономических интересов рабочих и их членами могли стать и женщины, «имеющие профессию или ремесло»¹³.

Но, естественно, гораздо больших успехов удалось достичь уже после освобождения Франции. Освобождение метрополии позволило французским властям активизировать свою политику в отношении колоний. В частности, в 1945 году было ликвидировано ранее существовавшее жесткое разделение бюджетов колоний и метрополии. Теперь расходы на экономическое и социальное развитие зависимых территорий были включены в государственный бюджет Франции. В 1945 году расходы на эти цели составили 593,12 млн. франков, а в 1946 году 646,35 млн. франков было потрачено только на экономическое развитие французских владений, не считая затрат на администрацию и военные цели¹⁴.

Однако несмотря на все реформы де Голля, модернизация социально-экономической и по-

литической жизни в колониях не принесла тех результатов, на которые рассчитывал генерал. Напротив, национально-освободительное движение в Алжире требовало еще больших уступок; население Индокитая заявляло о своей готовности бороться за независимость до победного конца как против Японии, так и против Франции; Сирия и Ливан требовали немедленного предоставления им обещанной независимости. В конечном итоге де Голль пришел к выводу о необходимости более радикальных реформ в колониях и даже о кардинальной трансформации всей колониальной политики Франции.

Де Голль прекрасно осознавал, что курс на модернизацию социально-экономической и политической жизни, на разрешение самых злободневных для зависимых территорий проблем не может стать панацеей от колониальных проблем Франции, а следовательно, требовалась глубокая перестройка всей системы отношений внутри Французской колониальной империи. И он предложил объединить Францию и ее заморские владения во Французский Союз, созданный на федеративной основе: «будущее ста десяти миллионов мужчин и женщин, живущих под нашим флагом, состоит в федеративной форме государственного устройства»¹⁵. При этом Французская республика должна была сохранить контроль над внешней политикой, обороной и внешнеэкономическими связями Французского Союза, а при решении других проблем члены союза получили бы полную самостоятельность.

Шарль де Голль отстаивал идею создания федеративного Французского Союза, добиваясь ее включения в конституцию Четвертой республики. Но несмотря на то, что фактически новая конституция провозгласила создание Французского Союза, его политическая организация была далека от деголлевской модели. В целом же идея объединения Франции и ее колоний в рамках федеративного государства представляла собой качественный скачок в колониальной политике Франции, выходя за пределы модернизационной линии. К сожалению, в то время французы не поддержали своего героя и генерал на 12 лет отстранился от политической жизни Франции. И лишь вернувшись к власти в 1958 году, Шарль де Голль вновь вспомнил об инновационных изменениях французской колониальной политики.

К лету 1958 года территория Французской колониальной империи значительно уменьшилась: были потеряны азиатские колонии и арабская Африка (за исключением Алжира, охваченного национально-освободительной борьбой). Под властью Франции оставались лишь Французская Тропическая Африка, Мадагаскар и ряд мелких островных владений (Коморские острова, Новая Каледония, Французская Полинезия, острова Сен-Пьер и Микелон, Новые Гебриды, острова Уоллис и Футуна, Мартиника, Гваделупа, Гвиана, Реюньон). Поэтому в то время в колониальной политике Шарля де Голля четко прослеживалось три основных направления: завершение войны в Алжире, сохранение французских колоний в Тропической Африке в орбите влияния Пятой республики и восстановление связи с утерянными территориями.

Наибольшую значимость для Франции имело сохранение «жемчужины» Французской колониальной империи – Алжира. Эта североафриканская страна представляла для метрополии огромную ценность в силу целого комплекса факторов. Во-первых, в середине 50-х годов в Сахаре были обнаружены большие запасы высококачественной нефти. Во-вторых, на территории Алжира в 1954 году проживало около 1 млн. французов, то есть это было самое большое поселение французов за пределами территории метрополии¹⁶. В-третьих, эта страна была важным военно-стратегическим оплотом Франции в Северной Африке.

Однако удержат Алжир под своим влиянием было совсем непростой задачей для Французской республики. Еще с 1954 года метрополия была втянута в колониальную войну в Алжире, которая год за годом все больше разоряла французскую казну, но подавить национально-освободительное восстание в этой стране Франция так и не смогла. И теперь эту проблему предстояло решать новому президенту.

Более того, французское общество разделилось на два враждебных лагеря: сторонников «французского Алжира» любой ценой и противников продолжения этой бессмысленной войны. Сам де Голль считал войну в Алжире делом бесперспективным. Но в тот момент у него еще не было возможности открыто заявить об этом. «Если бы в июне 1958 года я сказал, что наме-

реваюсь предоставить Алжиру независимость, я был бы свергнут в тот же день и ничего не смог бы с этим поделать. Но я всегда знал, чего хотел», – признавался де Голль¹⁷. Сначала он должен был успокоить общественность, снизить остроту кризиса и увеличить объем собственных полномочий. Поэтому в 1958-1959 годах колониальная политика де Голля в Алжире проходила в русле модернизационной линии («план Константины»). Он пытался улучшить условия жизни местного населения, снизив тем самым остроту кризиса во францужско-алжирских отношениях. Однако де Голль прекрасно осознавал, что модернизация не разрешит алжирский вопрос, да и для ее реального воплощения в жизнь потребуются огромные капиталовложения, что было просто невозможным в условиях постоянного дефицита французского бюджета. В связи с чем де Голль поручил генералу Шаллю продолжать военные действия в Алжире, чтобы окончательно не потерять контроль над ситуацией в этой колонии.

Что же касается стран Тропической Африки, то им генерал де Голль уготовил роль полигона для апробации своей неоколониальной политики, которая впоследствии должна была лечь в основу отношений Французской республики и суверенного Алжира. Еще осенью 1958 года при принятии конституции Пятой республики всем заморским владениям Франции было предложено на выбор три статуса: заморский департамент, заморская территория, государство-член Сообщества. В свою очередь, неодобрение проекта конституции какой-либо колонией означало бы ее отделение от метрополии. Итоги референдума показали, что в колониях 93,5 % пришедших на избирательные участки проголосовали «за» основной закон Пятой республики. И только население Гвинеи отклонило конституционный проект, и 1 октября 1958 года Гвинейская республика стала независимой.

Остальные 12 континентальных африканских колоний и Мадагаскар к 1959 году выбрали статус государств-членов Сообщества. Вскоре эти страны были провозглашены республиками. Так, 14 октября 1958 года была провозглашена Малагасийская республика (бывший Мадагаскар); 24 октября – Суданская республика; 25 ноября – Республика Сенегал; 28 ноября – Исламская республика Мавритания, Габонская республика,

Республика Чад и Республика Конго (Браззавиль); 1 декабря – Центральноафриканская республика (бывшее Убанги-Шари); 4 декабря – Республика Берег Слоновой Кости и Республика Дагомея; 11 декабря – Республика Верхняя Вольты; 18 декабря – Республика Нигер. По конституции Пятой республики все члены Французского Сообщества получали внутреннюю автономию. Однако вопросы внешней политики, обороны, экономики, юстиции, высшего образования, а также контроль над стратегическим сырьем были отнесены к компетенции органов Сообщества.

Таким образом, де Голлю удалось получить согласие населения французских владений остаться в тесном союзе с Францией. Французский президент говорил: «Мы строим вместе с ними свободное и дружественное Сообщество, развивая внутри его тесные связи, поддерживая один и тот же идеал, проявляя готовность к совместной обороне. Среди мощного водоворота, добычей которого стала Африка, среди течений, разделяющих наш мир, наше Сообщество укрепляет нас, способствует делу разума и братства»¹⁸. Новая конституция юридически оформила членство этих стран во Французском Сообществе. По мнению французского правительства, создание Сообщества представляло собой важный этап деколонизации империи и должно было «создать ансамбль государств вокруг Франции, где авторитет республики будет поднят путем экономической помощи и кооперации»¹⁹.

Однако Французское Сообщество просуществовало весьма недолго. 1960 год был ознаменован «парадом суверенитетов» в Тропической Африке, когда все французские владения в этом регионе обрели независимость. Многие считали, что распад Французского Сообщества через год после его создания означал провал колониальной политики Шарля де Голля. Сам же генерал признавался, что оно все же «сыграло свою роль переходной и поддерживающей организации»²⁰. Ведь еще в 1958 году де Голль признавал за заморскими территориями право обрести независимость, как это сделала Гвинея. Но африканские государства в большинстве своем просто не были к этому готовы. Им нужен был переходный период, чтобы определить контуры своего дальнейшего существования, в то время как Пятая республика воспользовалась созданием Сообщества для апро-

бации своей неоколониальной политики, перевода отношений с бывшими колониями на рельсы сотрудничества. Итак, благодаря стараниям де Голля обретение независимости африканскими республиками было обусловлено подписанием двусторонних соглашений с Пятой республикой, которые в определенной степени привязывали молодые государства к экс-метрополии. Именно эти соглашения о сотрудничестве и составили юридическую базу неоколониальной политики президента.

Разработав систему сотрудничества и опробовав ее в Тропической Африке, де Голль в корне изменил свою алжирскую политику. Уже с осени 1959 года он все чаще и чаще говорил о праве Алжира на самоопределение и о готовности Франции в обмен на некоторые уступки оказывать финансовую и техническую помощь молодому суверенному государству. В конечном итоге, Шарлю де Голлю удалось преодолеть сопротивление сторонников «французского Алжира» и завершить войну подписанием Эвианских соглашений и включением Алжира во французскую политику сотрудничества с экс-колониями.

Однако де Голль не стал ограничивать политику сотрудничества Французской Тропической Африкой и Алжиром. Экономический механизм сотрудничества («зона франка») охватывал и страны Индокитая, в частности, Камбоджу, Лаос и Южный Вьетнам. Гвинея вскоре после обретения независимости выразила желание присоединиться к политике франко-африканского сотрудничества и в 1961 – 1963 годах заключила соглашения о культурном и техническом сотрудничестве с Пятой республикой. Кроме того, в 1962 – 1964 годах французское правительство подписало ряд аналогичных соглашений о сотрудничестве с франкоязычными странами Африки, ранее не входившими в состав Французской колониальной империи, в частности с Руандой и Бурунди. Они также касались вопросов технического, культурного, экономического сотрудничества и воздушного сообщения.

В итоге за 1960-1964 годы Пятая республика заключила более 100 договоров с африканскими странами. Все эти соглашения представляли собой стройную систему связей Франции с экс-колониями и франкоязычными странами Африки. В результате французским правительством во

главе с президентом был создан продуманный механизм, который вроде бы отвечал потребностям африканских стран в финансовой помощи, обороне, развитии промышленности и образования, но в то же время позволял Франции и лично де Голлю, как главе Пятой республики, сохранить достаточно жесткий контроль над их экономикой и политикой.

Первоначально в качестве главных направлений сотрудничества были выделены такие сферы, как оборона, внешняя политика, экономика и финансы, техническая помощь, юстиция и культура. А затем в середине 60-х годов де Голль сделал ставку на развитие сотрудничества по линии франкофонии. Понимая, что, обретя долгожданную независимость, молодые республики не захотят связывать себя обязательствами, требующими ограничения их политического суверенитета, Франция предложила им франкоязычное сообщество, основанное на тесном культурном сотрудничестве. Впервые об этом публично заявил премьер-министр Франции в 1964 году: «В общем комплексе нашей политики сотрудничества приоритет должен отдаваться лингвистическому и культурному аспектам»²¹. Через год сам президент Пятой республики Шарль де Голль поднял вопрос о создании франкоязычного сообщества, и уже в сентябре 1965 года в Намуре состоялся первый месячник французского языка. В 1966 – 1967 годах были созданы Ассоциация франкоязычной солидарности, Международная ассоциация франкоязычных парламентариев, Ассоциация франкоязычной молодежи. При этом денежные средства, выделяемые по линии «франкофонии» в 60-е годы, постоянно увеличивались. Так, Ассоциация полностью или частично франкоязычных университетов, в которой участвовали Алжир, Марокко и Тунис, получала финансовую помощь со стороны французских властей в размере: 10 тыс. франков в 1965 году, 15 тыс. франков в 1969 году, 30 тыс. франков в 1970 году²². При этом Шарль де Голль не ограничивал сферу приложения своих усилий экс-французскими колониями, он стремился вовлечь во франкофонное сообщество бывшие испанские, португальские и бельгийские колонии, в частности, Бурунди и Руанду, считая что «франкофония в конечном счете станет политическим объединением»²³.

Выбор де Голлем французского языка в качестве главного инструмента культурного сближения Франции с ее экс-колониями, на наш взгляд, объясняется тем, что после обретения африканскими странами независимости большинство из них включили в тексты своих первых конституций статьи, провозгласившие французский язык в качестве официального языка молодых независимых государств. В частности, подобные статьи были включены в конституции Республики Берег Слоновой Кости, Республики Верхняя Вольта, Габонской республики, Республики Дагомея, Республики Конго, Республики Мавритания, Республики Мали и Республики Нигер. А конституции Королевства Бурунди, Мальгашской республики и Федеративной Республики Камерун признали французский язык в качестве одного из двух официальных языков. Бывшие французские колонии, привыкшие использовать французский язык в административной и политической сферах деятельности, не смогли отказаться от его употребления и после обретения независимости, так как несмотря на огромное количество разговорных национальных языков малая толика из них имела письменность. Более того, за долгие годы французского господства в обществе уже сложилась устойчивая традиция использования в делопроизводстве французского языка. Зная, что для многих государств Тропической Африки французский язык еще длительное время останется незаменимым средством общения, которое в то же время будет связывать их друг с другом, Шарль де Голль решил с помощью франкофонии еще больше укрепить позиции французского языка в африканском регионе и сделать его цементирующим фактором своей неокOLONIALНОЙ политики.

Итак, стало понятно, что с помощью заключения двусторонних договоров с освободившимися государствами Пятая республика сохранила весьма прочные позиции в своих бывших колониях. Как и прежде, Франция была привилегированным торговым партнером этих стран, единственным поставщиком вооружений. Метрополия имела право на добычу полезных ископаемых на территории своих бывших заморских владений, содержала там свои войска и военные базы, тем самым сохранив Африку в сфере своего влияния и своих первостепенных стратегических интере-

сов. При этом Франция вмешивалась во внутренние дела африканских государств, поддерживая тот или иной политический режим, и отстаивала свои интересы, выступая на заседаниях ООН от имени стран Франко-африканского Сообщества.

Но что же изменилось после многолетней борьбы колоний против французского влияния? С юридической точки зрения, они стали независимыми государствами и могли сами определять свою дальнейшую судьбу. Однако за многие годы колонизации эти страны привыкли опираться на помощь метрополии и фактически даже после достижения ими независимости они так и не смогли избавиться от политической, экономической и культурной зависимости от Франции.

Безусловно, Пятая республика могла полностью прекратить все свои отношения с африканскими странами, но ведь и сама метрополия получала огромную пользу от опоры на колонии. Поэтому сохранение зависимости молодых республик от Франции было выгодно бывшей метрополии, и это можно с полной уверенностью назвать бесспорной заслугой Шарля де Голля. Именно генерал сумел воплотить в жизнь свою главную идею и привязать освободившиеся страны к Пятой республике с помощью соглашений о сотрудничестве, сохранив тем самым эти страны в орбите французского влияния.

Подводя итог рассмотрению колониальной политики Шарля де Голля, следует отметить, что в 60-е годы генерал трансформировал отношения Франции с ее заморскими территориями от «прямой зависимости» последних от Пятой республики до взаимовыгодного сотрудничества, привязавшего экс-колонии к бывшей метрополии. В результате, Французская колониальная империя, фактически распавшаяся в 1962 году после обретения независимости Алжиром, к середине 60-х годов была вновь «восстановлена из пепла», правда, уже в неоколониальном качестве. Шарль де Голль разработал свой собственный механизм неоколониальных связей, позволивший Пятой республике сохранить экс-колонии в орбите своего влияния. Мы можем смело назвать колониальную политику де Голля в 60-е годы инновационной, так как Франция создала собственную модель неоколониализма, не имевшую аналогов в мире.

Возвращаясь к общему анализу колониальной политики Шарля де Голля, нам кажется воз-

можным выделить в ней три этапа. Первый этап охватывает период с момента создания де Голлем движения «Свободная Франция» и до окончания Второй мировой войны (1940 – 1945 годы). Его можно назвать модернизационным, так как в этот период колониальная политика де Голля сводилась к проведению в заморских территориях насущных реформ, предоставлению коренным жителям зависимых стран минимального набора прав и свобод, развития в заморской Франции систем здравоохранения и образования. Все это должно было показать, что метрополия благодарна колониям за их помощь в годы Второй мировой войны и готова заботиться о своих подданных, даря им социально-экономические блага.

Второй этап (1946 – 1958 годы) являлся переходным от модернизации к инновации. В то время де Голль не находился у власти, поэтому это скорее теоретический этап, связанный с осмыслением генералом ситуации в мире и во Французской колониальной империи в частности, с осознанием того, что одних реформ уже явно недостаточно для удовлетворения требований национально-освободительных движений и разрешения французских колониальных проблем. Главная цель колоний – независимость. Именно на этом этапе генерал де Голль пришел к выводу о том, что ради сохранения экс-колоний в орбите своего влияния Франция должна сама предоставить независимость заморским владениям, но на своих условиях. Еще летом 1945 года де Голль обсуждал идею франко-африканского сотрудничества с лидерами Туниса и Марокко, а во второй период де Голль окончательно сформулировал ее, выделив основные сферы сотрудничества.

Третий этап (1959 – 1968 годы) – инновационная перестройка колониальной империи Франции. На этом этапе произошел фактический переход от империи к Сообществу, от зависимости к неоколониализму. Но и тогда де Голль не переставал корректировать свои планы. Видя, что молодым государствам тягостно политическое сотрудничество, напоминающее зависимость, генерал моментально перенес акцент на линию франкофонии, рассчитывая при этом, что в будущем франкофонное сообщество будет все же иметь политическую основу.

Таким образом, политическое чутье никогда не изменяло Шарлю де Голлю. Благодаря свое-

му умению распознавать характер времени, он постоянно корректировал свою колониальную политику, понимая, что в этой области Франции просто нельзя проигрывать ни Соединенным Штатам, ни Советскому Союзу. Де Голль не был догматиком. Он мгновенно реагировал на изме-

нение политической ситуации в мире. Он ставил перед собой цель и всегда знал, как ее добиться. Из множества идей он безошибочно выбирал ту, которая в последствии была самой перспективной, и отстаивал ее, не поддаваясь давлению оппозиционных политических сил.

Примечания

1. Черкасов П.П. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX веках. М.: 1983. С. 56.
2. Там же. С. 58.
3. Там же.
4. Там же. С. 62.
5. Там же.
6. Там же. С. 75.
7. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939-1985 гг. М.: 1985. С. 12.
8. Голль Ш. де. Военные мемуары. М., 2003. Т. 1. С. 73.
9. Там же. С. 126.
10. Суховерхов В.В. Генерал де Голль и Браззавильская конференция 1944 г. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2000. № 6. С. 71.
11. Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. С. 218.
12. Черкасов П.П. Распад... С. 26.
13. Суховерхов В.В. От империи к Французскому союзу: формирование новой колониальной политики Франции (1944-1946 гг.). Дисс. канд. истор. наук. Курск, 2002. С. 95.
14. Черкасов П.П. Распад... С. 26.
15. Gaullе Ch. de. Discours et messages. Paris. 1970. V. 2. P. 9.
16. Черкасов П.П. Судьба империи. С. 129.
17. Черкасов П.П. Распад... С. 189.
18. Дюкло Ж. Мемуары. М., 1975. Т. 2. С. 320.
19. Коренчук Е.Г. Французский неокOLONIALИЗМ в Тропической Африке (1958-1972 гг.). М., 1981. С. 19.
20. Голль Ш. де. Мемуары надежд. М., 2000. С. 63.
21. Куприн А.И. Франция и страны Магриба. М., 1980. С. 66.
22. Там же. С. 67.
23. Там же. С. 66.

E.A. DOLMATOVA

MODERNIZATION AND INNOVATION IN THE COLONIAL POLICY OF CHARLES DE GAULLE

This article is devoted to the analysis of the colonial policy of Charles de Gaulle. The subject of the research is the key areas in the colonial policy of Charles de Gaulle at different stages of time. For the first time the author tries to do the periodization of the colonial policy of general, highlighting the characteristics of each stage.

Key words: colonial policy, modernization, social reforms, innovation, neo-colonialism.

В.В. ЗОТОВ

старший преподаватель кафедры социологии и политологии Орловского государственного университета
 E-mail: vola-nevola@list.ru
 Тел. (4862) 43 58 59

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматриваются процессы формирования новых структур общественного управления в пореформенной России – института земства. Рассмотрен процесс институционализации земства из сословных органов местного управления и самоуправления (земских элементов), а также местных административных учреждений во второй половине XIX – начале XX вв. (На материалах Орловской губернии).

Автором предлагается периодизация процессов институционализации земства, начиная с реформы 1864г. и вплоть до принятия закона о волостном земском управлении 1917г. и начала гражданской войны в России.

Ключевые слова: земские элементы, местное самоуправление, институционализация земства, земство как фундаментальный социально-политический институт, земства как органы гражданского общества и органы государственного управления, сетевая структура.

По мнению современника, царствование императора Александра II было «выдающейся эпохой в отношении развития местных установлений и местного управления. Трудно подыскать другую эпоху, столь богатую коренными преобразованиями в области местного управления. Все важнейшие ветви местного управления подверглись существенным видоизменениям, что объясняется теми новыми прогрессивными началами, которые должны были проникнуть собою как организацию, так и деятельность всех местных государственных установлений». После введения в действие Положений о земском и городском самоуправлении в России в 1864 и 1870 гг. в стране, наряду с прежним, сословным самоуправлением, появилось и всеобщее, территориальное, в границах уездов и губерний. Александр II призвал «к ближайшему участию в заведывании делами, относящимися до хозяйственной пользы нужд каждой губернии и каждого уезда, местное население, посредством избираемых от оно лица». Население, призывавшееся к общественному управлению, состояло из сословных и цен-

зовых групп: из крестьян, дворян, городских жителей. Предполагалось, что ведущим элементом в новых органах будут дворяне.

В дальнейшем, земства в истории России станут играть важную роль не только в сфере хозяйственной, социальной и культурной, но и в сфере политической. Их деятельность не ограничивается границами уездов и губерний, а поднимается на уровень общеимперский. Поэтому возникает закономерный вопрос: что же было создано в 60-е гг. XIX в. в России, что это такое «земства», в чем его суть, каков характер этих органов, почему они не ограничивались рамками строгих и конкретных законодательных положений? Можно предположить, что земства изначально были «обречены» стремиться к расширению и углублению объема и пространства своих прав, полномочий и функций. Вся история русского земства, начиная с 1864 г. и кончая 1917 г., обозначает эту тенденцию. То есть земства были, несомненно, чем-то большим, нежели простыми органами местного самоуправления.

Итак, во второй половине XIX в. в России возникли новые органы местного самоуправления, «бессловные», а точнее всесловные и цензовые. Десятки миллионов граждан России находились под влиянием земских и городских органов самоуправления. Это были именно новые органы, причём вполне соответствовавшие тогдашнему времени, месту и возложенным на них задачам.

Несомненно, органы местного самоуправления в процессе своей деятельности, выполняя свои законные функции, обладали властью социальной, а затем властью политической и определённой долей власти государственной. В политологии известно, что обладание властью означает любую возможность субъекта проводить собственную волю независимо оттого, на чем основывается такая возможность. Что касается политической власти, то «она начинается там, где способность влиять распространяется на широкие массы, на миллионы, в том числе на государство». Например, по переписи населения 1897 г. в Орловской губернии насчитывалось более 2 млн. человек, и все они, в той или иной степени, находились как под влиянием губернского земского собрания, так и уездных земских собраний и управ, а также городских органов самоуправления.

Что касается влияния земских органов самоуправления на государственные структуры власти, то здесь также ответ должен быть положительным. Это относится как к уездному, губернскому уровню администрации, так и к общеимперскому уровню. В современной науке политическая власть рассматривается как «определяющее влияние, основанное на отношении господства-руководства с целью волевого воздействия на деятельность и поведение людей с помощью методов принуждения, убеждения, интереса». С этой точки зрения, земские органы самоуправления, конечно, могут рассматриваться как органы политической власти. В конституции и в современном законодательстве Российской Федерации местное самоуправление рассматривается двояко. С одной стороны, органы местного самоуправления «не входят в систему органов государственной власти», с другой стороны, местное самоуправление есть «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... само-

стоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций».

Конечно, не всякая политическая власть является государственной, ибо важнейший признак государственной власти есть ее суверенитет, которым земства не обладали. Однако, некоторые атрибуты власти государственной у земских органов имелись. В своё время русский философ и политический мыслитель И. А. Ильин вывел несколько аксиом государственной власти, без которых она не может нормально функционировать. Интересно посмотреть, насколько они соответствуют сущности земского и городского самоуправления в России второй половины XIX – начала XX вв.

Из шести аксиом государственной власти земскому и городскому самоуправлению соответствуют: первая – «государственная власть не может принадлежать никому помимо правового полномочия». Земства осуществляли свою деятельность на основании закона; третья – «государственная власть всегда должна осуществляться лучшими людьми, удовлетворяющими этическому и политическому цензу». Качественный состав гласных земских органов (возраст, жизненный опыт, образование, имущественная состоятельность, морально-этические характеристики, имеющиеся заслуги перед обществом и государством и т.п.) был достаточно высок; четвертая – «политическая программа может включать в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес». Несомненно, социально-культурное и экономическое развитие губерний, уездов и городов, которые были сферой заботы земских и городских органов, отвечало интересам всех классов и сословий русского общества, а также интересам государственного развития России; пятая – «программа власти может включать в себя только осуществимые меры или реформы». Действительно, «химические и утопические затеи», которые подрывают у народа доверие к власти, не могли проявляться в деятельности городских и земских органов общественного управления, стоявших ближе всего к реальным нуждам и интересам местного населения; шестая – «государственная власть прин-

ципально связана распределяющей справедливостью». Деятельность органов общественного управления, созданных в соответствии с реформами Александра II, была основана на принципах социальной справедливости как справедливости уравнивающей, так и распределяющей.

Таким образом, по критериям, предложенным И. А. Ильиным, городские и, особенно, земские органы самоуправления вполне подпадают под определение не только как органы политической власти, но и власти государственной. Как субъекты политической власти, органы местного самоуправления имели соответствующие источники и ресурсы – экономические, административные, информационные и культурные.

И. А. Ильин в своих рассуждениях о формах государства писал, что государство строится или по принципу учреждения или по принципу корпорации. Для учреждения характерно то, что оно строится сверху вниз «учредителем и группой назначенных им лиц: это есть осуществленное попечение о людях. Цель и задачи учреждения устанавливаются с самого начала учредителем; они определяются уставом; уставом же определяется структура учреждения и способы его действия... Так абсолютная монархия пытается построить государство по принципу строгого учреждения». В то же время корпорация «строится снизу вверх равноправными членами: это есть осуществленное самоуправление... Правовая жизнь корпорации строится через тех, кого она объемлет и обслуживает. Так, последовательная демократия пытается построить государство по принципу строгой корпорации, сводя принцип «учреждения» к минимуму».

Однако, в реальной жизни, как справедливо писал И. А. Ильин, «государство всегда строится – не только сверху вниз, но и снизу вверх. Оно всегда осуществляет властное попечение; и всегда имеет сферы народного самоуправления».

Эти рассуждения русского мыслителя имеют основания в реалиях политической жизни рассматриваемого исторического периода. В своей конфиденциальной записке министру внутренних дел Горемыкину И. Л. от 1899 г. тогдашний министр финансов России Витте С. Ю. доказывал, что «самоуправление в той форме, в какой оно выражается в нашем земстве, т. е. ... в виде всесословного народного представительства в сфере

местного государственного управления, не соответствует самодержавному строю государства, что в этом строе оно или будет плохим средством управления, или правильное и последовательное развитие начал его неизбежно приведет к властному участию выборных представителей населения в законодательстве и верховном управлении». Конечно, строительство государства снизу вверх является весьма болезненным процессом для «верхов». Эта болезненность особенно актуальна была в период институционализации местного самоуправления (земства) в России во второй половине XIX – начале XX вв.

В высказанных идеях И. А. Ильина для нас важна мысль о том, что местное самоуправление имеет характер народный, то есть демократический, а власть государственная «всегда и безусловно должна иметь аристократический характер». В пореформенной России земское и городское самоуправление, а также сословное самоуправление дворянства, городских сословий, крестьянства и духовенства составляло народный, демократический элемент политической и, отчасти, государственной власти. Собственно государственная, или так называемая «коронная», власть на местах была представлена губернаторским правлением и всей вертикалью административной системы как в губернии, так и в уезде.

По мнению современного исследователя социальной истории России Б. Н. Миронова, «верховная власть... стремилась, во-первых, включить сословное самоуправление в систему государственного управления и, во-вторых, поставить самоуправление в рамки закона». Благодаря тому, что это, в общем-то, удавалось, «в России существовало расщепление (разделение) властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями – с другой». В этом заключался «разумный компромисс между обществом и государством, обеспечивавший общественный порядок и соблюдение сословных прав». Реформы дворянского, а также городского и сельского самоуправления являлись, в сущности, «новым компромиссом, который заключался обществом и государством на основе нового соотношения сил». В результате реформ Александра II возникает новая тенденция во вза-

имоотношениях общества и государства: «размежевание самоуправления и коронного управления, что являлось первой стадией становления гражданского общества в России».

Впрочем, это размежевание носило, наверное, всё же больше относительный, а не абсолютный характер. В уже упомянутой записке С. Ю. Витте писал, что «земские собрания на первых же порах поспешили выдвинуть на очередь много важных вопросов, вопросов широких, далеко выходящих из тесного круга местного самоуправления». В ходатайствах правительству «высказалось и стремление земств пустить корни в стране, – войти в более тесную связь с крестьянским самоуправлением, – объединить свою деятельность и принять участие в деятельности законодательной, поставлен был даже вопрос о центральном общеземском органе, – о земском соборе, – поставлен был не умышленно, не в виде оппозиции правительству, а в полной уверенности, что такое последовательное развитие земской деятельности входит в его виды и намерения».

Конечно, все эти поползновения встретили резкое противодействие со стороны власти, а, следовательно, привели и к росту оппозиции земств правительству, и к «настойчивым требованиям конституции». Пожалуй, именно эти процессы имел в виду А. Л. Солоневич, когда писал, что «наше «средостение», т. е. наша интеллигенция – или, что то же, наша бюрократия – покушались: как бюрократия на права самоуправления, а как интеллигенция на права самодержавия». В итоге мы остались и без самодержавия, и без самоуправления.

Справедливости ради надо сказать, что иногда эти «стремления» встречали отклик в высших государственных сферах. В частности, имеется в виду проект министра внутренних дел графа Лорис-Меликова М. Т., который в 1881 г. предлагал создать из выборных представителей земств и городов специальные комиссии для обсуждения предметов административно-хозяйственных и финансовых. Эти комиссии мыслились как «исключительно» законосовещательные.

Тенденция размежевания административного и общественного управления сопровождалась процессом, известным в социологии и политологии как институционализация. В данном случае, это превращение старых и новых зем-

ских элементов, вызванных к жизни реформами местного самоуправления 1864 и 1870 гг., в новое социально-политическое явление, в важнейший институт общества и государства в начале XX в.

Социальный институт, как организованная система связей и социальных норм, объединяет значимые общественные ценности и процедуры, статусы и роли, удовлетворяющие основные потребности общества. Институт земства включает в себя такие общественные ценности и идеи, как всеобщее самоуправление всей местной жизнью, решение местных социально-экономических проблем, социальная справедливость, общественное управление. Такие процедуры, как управление социально-экономической и культурной жизнью уезда и губернии, оптимизация системы народного образования и здравоохранения, урегулирование и разрешение мелких гражданских споров и уголовных дел, земское правосудие. И, наконец, такие статусы и роли, как уездные и губернские земские гласные, председатель уездной и губернской управы, члены земской управы, городской голова, участковый и почётный мировой судья, мировой посредник, земский начальник, предводитель дворянства.

Следует различать земские элементы и земства. Земские элементы – это общественные учреждения и органы со своими локальными словными демократическими структурами самоуправления. Земства же – это органы всеобщего и, в принципе, общедемократического, территориального местного самоуправления. Во всех прежних учреждениях местного благоустройства и благосостояния так или иначе комбинировались земские элементы, концентрируясь в одну стройную систему земских органов (собраний, дум, управ). Совместившие в себе все земские элементы в более или менее гармоничном сочетании они получили определенную и обширную программу деятельности. Земское самоуправление впервые организовалось в сравнительно совершенной форме, примирив сословную рознь и воспитывая общество к совместной деятельности на пользу общих интересов. Бессловное земство представляло собой огромный прогресс в административном механизме и в социальных сношениях. В земских учреждениях впервые получили свое реальное

воплощение демократические принципы децентрализации и самоуправления.

Начиная с 1870 года, в российских городах вводится новое городское самоуправление, при формировании которого также был положен имущественный ценз, характерный для ранних форм буржуазной демократии. Объем полномочий (всё городское благоустройство) новых городских учреждений был гораздо больший, чем прежде, так же как и степень самостоятельности, которая опиралась на финансовую независимость от коронной администрации.

Старые сословные органы самоуправления теперь были вынуждены существовать в новых условиях. Например, дворянское самоуправление если и не было радикально преобразовано, то все же продолжало пользоваться теми преимуществами, которые были предоставлены ему еще Екатериной Великой. В. Ивановский писал, что существование сословных учреждений, наряду с сословными (точнее, бессословными), может на первый взгляд вызвать некоторое недоумение. Создание земства и земских учреждений было громадным успехом, ибо здесь все сословия примирились на почве общих интересов и потребностей. В то же время, ввиду сословной обособленности и помимо этих общих интересов и потребностей, в сословных группах оставались еще и свои особые чисто сословные интересы и потребности, вверить которые сословным учреждениям «было бы в высшей степени рискованно». Поэтому существование сословного самоуправления было оправдано и необходимо. В любом случае, идея самоуправления восторжествовала над идеей бюрократического управления, по крайней мере, в области обеспечения местного благосостояния, и в этом нельзя не видеть огромного административного и гражданского прогресса.

Возникали и новые местные административные органы и должности, например, мировые посредники и уездные съезды мировых посредников. С 1874 года обязанности мировых посредников и их съездов возлагаются на новые учреждения – уездные и губернские по крестьянским делам присутствия. По своему составу они были смешанными, так как состояли из членов различных других органов и, следовательно, не имели своего самостоятельного и определен-

ного кадрового состава. Число таких смешанных учреждений возрастает очень быстро и в разных сферах управления.

Обращает на себя внимание участие в новых присутствиях в качестве члена и представителя земства. Такая фигура, как неперменный член не назначался помимо земства – губернское земское собрание определяло число неперменных членов на всю губернию и избирало кандидатов на эту должность в уезде. Само назначение производилось министром внутренних дел, но установление трехлетнего срока службы также указывает на земский характер этой должности.

Уездные присутствия не были, однако, какими-либо обособленными инстанциями по делам крестьянского управления: в губерниях были образованы «губернские по крестьянским делам присутствия», состав которых был примерно таким, как и в уездных, только более многочисленным. В губернских присутствиях кроме губернатора как председателя в качестве членов состояли: вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющие казенной палатой и государственными имуществами; от земства здесь присутствовал председатель губернской земской управы, прокурор окружного суда и неперменный член. В созданных по фабричному закону 1886 г. губернских по фабричным делам присутствиях, наряду с четырьмя членами от администрации, прокуратуры и суда, было два представителя от местного самоуправления (земских и городских управ).

Организация и компетенция других губернских учреждений также подверглась существенным изменениям. Это относится к присутствиям по воинской повинности (взамен прежних рекрутских присутствий), губернским правлениям. Совокупность административных задач, возложенных законом на эти учреждения, должна была значительно уменьшиться ввиду учреждения земских органов. Значительно сократилась компетенция начальников губерний, у которых по делам, относившимся к ведомству земских учреждений, осталось лишь право контроля и утверждения некоторых постановлений.

Судебная реформа 1864 года вызвала к жизни ещё один важный земский элемент – мировой суд. Характером своей деятельности, доступностью для населения, справедливостью решений он

имел вполне демократический характер. Будучи вполне профессиональной, должность мирового судьи считалась общественной службой, была выборной, только местный житель мог быть мировым судьёй. Министр юстиции Д. Н. Замятин писал императору в своем годовом отчете: «простога мирового разбирательства, полная гласность и отсутствие обременительных формальностей вызвали всеобщее к мировому институту доверие. В особенности простой парод, найдя в мировом суде суд скорый и справедливый для мелких обиденных своих интересов, не перестает благословлять Верховного законодателя за дарование России суда, столь близкого народу и вполне соответствующего его потребностям».

В дальнейшем мировой суд стал одним из важнейшим элементов уже земства как социально-политического института. Даже фактическое упразднение мирового суда в 1889 г. не уничтожило его полностью, ибо продолжали избираться почётные мировые судьи, которые пытались сохранять преемственность мировой системы суда вплоть до его восстановления уже в начале века XX-го. Впрочем, земских начальников, которые с 1889 г. заменили собой мировой суд, также вполне можно считать элементами земской системы.

Все вышеизложенное показывает, начиная с реформ 60-х гг. царствование императора Александра II было, можно сказать, непрерывным триумфальным шествием навстречу самостоятельности общества в сфере местного управления и в то же время было периодом распространения в области управления вообще принципов гуманности, справедливости и целесообразности. Во второй половине XIX века произошло слияние разрозненных земских элементов и образование института земства, что способствовало децентрализации управления на местах. Общественная самостоятельность как в области сословного, так и всеобщего самоуправления усилилась. Земские деятели стали привлекаться в состав правительственных органов как результат роста доверия к общественным силам. Новые формы самостоятельности общества в области судопроизводства также относятся к сфере земства.

Институционализация земства как социально-политического института сопровождалась таким важным явлением в его истории, как «земское

движение». Такое наименование получило выступление участников земского самоуправления за предоставление политических прав этим органам (в т.ч. за введение «мелкой земской единицы» – самоуправления на уровне волостей), введение конституции, проведение демократических преобразований. Создавались нелегальные организации («Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов»), которые проводили «банкетные» кампании, обращались с обращениями к царю, созывали всероссийские съезды. С 1903 в Москве созывались съезды уполномоченных от земств, земских и городских деятелей. Земское движение подготовило создание партий октябристов и кадетов.

Ослабление гражданских государственных управленческих структур России в военное время сочеталось с активным стремлением общественных организаций и местного самоуправления участвовать в решении государственных задач. В земствах начался интенсивный процесс присвоения себе функций и полномочий, собственных собственно органам государственной исполнительной власти. 30 июля 1914 г. состоялся Всероссийский земский съезд, на котором был образован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. К 10 августа состоялись земские сессии в 38 губерниях. Губернские земские собрания образовали губернские комитеты помощи больным и раненым воинам. Всего во Всероссийский земский союз вступило 40 губернских земств, включая и Орловское земство. Вместе с вновь образованным Всероссийским союзом городов Земский союз создал интегральный Всероссийский земско-городской союз (Земгор). На его базе в июле 1915 для помощи правительству в организации снабжения русской армии был создан объединенный комитет этого союза. Местными органами Земгора стали областные, губернские, уездные и городские комитеты по снабжению армии. Наверное, Земгор неплохо справлялся с новыми функциями, поэтому, видимо, его председатель князь Львов Г. Е. и был назначен Николаем II председателем Временного правительства в конце февраля 1917 года.

Важным фактором институционализации земства стало запоздалое создание в 1917 г. волостных земств. Волостные земства должны были стать завершающим «пазлом» в картине

русского земства. Февральская революция «попыталась» – через местное самоуправление – утвердить в стране принцип народоправства. Выборы волостных земств должны были проходить на основе всеобщего избирательного права, без имущественного и сословно-социального ценза. Уездные и губернские земства также переорганизовались на основании всеобщего избирательного права. Институционализация земства завершилась его радикальной демократизацией.

В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. было объявлено о предстоящей реорганизации земств на демократических принципах всеобщих, равных, прямых и тайных выборов. Распоряжением главы Временного правительства от 5 марта 1917 г. институт губернаторов упразднился, а их полномочия передавались председателям губернских земских управ, а главами уездов стали председатели уездных земских управ. Новые местные начальники получали звание комиссаров Временного правительства, но одновременно оставались и руководителями земских учреждений. В результате, вся власть в 43 губерниях европейской России формально перешла в руки земства. Земства могли стать основой постсамодержавной политической системы России. По мнению В. Е. Воронина, после падения монархического строя в феврале 1917 г. земства были формально наделены всей полнотой государственной власти на местах, состоялась их демократизация. Но воспользоваться своими новыми обширными правами земские учреждения не успели.

Теперь мы уже можем ответить на вопрос, поставленный в начале статьи, – что такое земство. Это не просто социально-политический институт, вызванный к жизни определёнными общественными нуждами и потребностями. Это сетевая структура, которая сформировалась в условиях господства очень жесткого государственного иерархического управления второй половины XIX – начала XX вв.

В человеческом обществе взаимодействуют централизованные (иерархические) и распределенные (горизонтальные, сетевые) структуры. Сетевая структура представляет собой сложную многокомпонентную развивающуюся систему, лишённую единого управляющего центра. Она противопоставляется иерархической структу-

ре, имеющей единый фиксированный центр активности (император, министр, губернатор). Земство представляет собой такую сетевую структуру (в отличие от коронной администрации). Построенная по иерархическим принципам «вертикаль власти» часто сосуществует с не-иерархическими объединениями и ассоциациями граждан, то есть с «горизонталью общества».

Взаимодействия между иерархиями и сетями многообразны, могут быть как конструктивными, так и деструктивными. Конструктивное взаимодействие состоит в поддержке сетью иерархии, что в применении к политической системе означает распространение сетевой организацией идеологии «вертикали власти». В эпоху Николая II идеологию самодержавия распространяло в рабочей среде, например, сетевое «зубатовское» движение. Сети могут примирять противников и гасить политические конфликты.

Деструктивное взаимодействие между иерархиями и сетями обусловлено рядом системных характеристик последних. В частности, сети не признают границ иерархической структуры и могут интегрироваться с «чуждыми» элементами; сети имеют тенденцию разрастаться так, что наносят ущерб иерархии. Разрастание может сопровождаться и внедрением сети в иерархическую систему с тенденцией её радикальной перестройки. Русское земство переживало оба эти явления, – как «разрастание», так и «врастание».

Наконец, сети могут и активно противодействовать иерархиям, работая на их ниспровержение. Более того, даже в общем «благонамеренные» по отношению к иерархиям сетевые структуры могут вызывать серьезные отрицательные последствия для иерархий. По мнению С. Ю. Витте, несмотря на все правительственные меры по ограничению земства, «тем не менее, противодействие не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиция живут несомненно и будут жить до тех пор, пока не умрёт всесословное земство».

Процесс институционализации земства в России прошёл несколько этапов.

I этап. 1864 – начало 90-х гг. XIX века. Период создания и развития общественного управления в виде земских и городских органов при Александре II. Превращение органов сословного самоуправления в земские структуры (институт предводителей дворянства). Появление

вторичного социального института мирового суда. «Врастание» земских элементов в органы бюрократической системы местного управления и начало политической деятельности земских органов. Период завершается корректировками земского и городского самоуправления в конце 80-начале 90-х гг. при Александре III.

II этап. Начало 90-х гг. XIX века – 1915 г. Принятие нового Положения о земствах (1890 г.) и нового Городового Положения (1892 г.). Усиление в земствах сословного дворянского и крестьянского элемента. Создание института участковых земских начальников, заменившего собой институт участковых мировых судей. Расширение земств на западные территории России и попытки его реформирования в премьерство П. А. Столыпина. Начало активной деятельности в сфере государственной власти. Представительство земств и городов в верхней палате российского парламента – Государственном Совете.

III этап. 1915–1917 гг. Формирование горизонтальных и вертикальных структур земства в период Первой мировой войны. Объединение земских органов во Всероссийский земский союз, а городских органов самоуправления во Всероссийский союз городов. Образование Всероссийского земско-городского союза (Земгор). Принятие земством на себя функций государственной власти в годы Первой мировой войны.

IV этап. 1917 – середина 1918 гг. Закон Временного правительства от 21 мая 1917 года

о волостном земском управлении, положивший начало созданию волостных земств в России. Переформатирование института земства на демократических началах. Конкурирование с советами. Гибель института земства и замена его институтом советов в годы гражданской войны.

Таким образом, превращение земства в социально-политический институт не закончилось с реформами Александра II. Институт земства в России развивался вплоть до революционных событий 1917 г. Жизненный цикл земства как института общественного управления был ещё не завершён. До периода обюрокрачивания, а тем более до дезорганизации земства было ещё очень далеко. В условиях демократизации России земства имели большие перспективы. Даже в годы гражданской войны национальное земство развивалось, конкурировало с новыми органами власти и самоуправления – советами. Впрочем, не только судьба земств, но и судьба их преемников советов была трагична – они погибли в годы гражданской войны. Из зачатков новой системы власти и самоуправления советы превратились в чисто классовые, бедняцко-пролетарские учреждения, не имевшие и малой доли тех ресурсов, возможностей, опыта и авторитета, которые накопило русское земство за более чем полувековой период своего существования.

Библиографический список

1. *Ивановский В.* Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию № 5 1895 года – № 11 1896 года. // Allpravo.ru. – [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc117p0/instrum2817/item2925.html>
2. *Высочайше* утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. – В сб.: Политическая история России: Хрестоматия: В двух частях. Ч. II./Сост.: В. И. Коваленко, А. Н. Медушевский, Е. Н. Моцелков. М.: АО «Аспект Пресс, 1995. С. 171.
3. *Глебошкин М. П.* Глава 5. Власть. В кн.: Политология: Учебник. М.: Дело, 2002. С. 78.
4. *Конституция РФ*, ст. 12.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации Одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года // Российская газета. 8 октября 2003 г.
6. *Ильин И. А.* Учение о правосознании. В кн.: Родина и мы. Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Смоленск «Посох», 1995. С. 355–364.
7. *Ильин И. А.* О грядущей России: Избранные статьи/Под ред. И. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 284.
8. *Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-

секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Второе изд., с двумя предисл. и с прилож. Штутгарт, 1903. С. 4.

9. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (Реферат). – [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://bmironov.spb.ru/book.php?mn=6&lm=1&lc=nn>.

10. *Солоневич А. Л.* Народная монархия. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. С. 56.

11. № 1. *Всеподданнический доклад* министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. В сб.: Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «История»/Сост. В. Ф. Антонов и др.; Под ред. В. Г. Тюгавкина. М.: Просвещение, 1990. С. 193–194..

12. № 5. *Фабричный закон* 1886 г. В сб.: Хрестоматия по истории СССР, 1861–1917: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «История»/Сост. В. Ф. Антонов и др.; Под ред. В. Г. Тюгавкина. – М.: Просвещение, 1990. – С. 205.

13. *Шаркова И. Г.* Мировой судья в дореволюционной России. Государство и право. 1998. № 9. С. 80.

14. Цит. по: *Джанишев Г. А.* Эпоха великих реформ. По изданию 1900 г. // Allpravo.Ru, 2004. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc313p0/instrum3064/item3101.html>

15. *Воронин В. Е.* Земство в годы Первой мировой войны и революций 1917 года. Православный образовательный портал «Слово». – [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/39994.php?PRINT=Y>.

16. *Хронос.* Русская национальная философия. Предметный указатель. – [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/organ/rossiya/zemgor.html>

17. *Термины Персоналии Хронология Календарь Карты Таблицы До-кументы Тесты Литература.* – Земгор (Главный по снабжению армии комитет). – [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.emc.komi.com/02/08/028.htm>

18. *Матвеев М.* Драма волжского земства. – [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/7/matveev-pr.html

19. *Олескин А. В.* Иерархии и сети: приложимость к взаимоотношениям человеческого организма и симбиотической микрофлоры. – Сайт о биополитике. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://biopolitika.ucoz.ru/publ/2-1-0-38>.

V. V. ZOTOV

FEATURES OF INSTITUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA (SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY)

In the article the processes of forming of new structures of public management are examined in after reformed Russia – institute of zemstvo (local self-government). It is shown as they were created from the class organs of local gov-ernment and self-government (elements of zemstvo) in the second half of XIX – beginning of the XX century

An author is offer a division into periods of processes of institution of zemstvo, since reform of 1864 year and up to passing an act about the volost man-agement of 1917 year and beginning of civil war in Russia.

Key words: elements of zemstvo, local self-government, institution of zemstvo, zemstvo as fundamental socio-political institute, zemstvos as organs of civil society and organs of state, network structure.

Т.И. КОНОНОВА

кандидат исторических наук, доцент
Орловского государственного университета
Тел. (4862) 55 20 35

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ В ПРОЕКТЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются предложения Временного правительства по реформированию государственного устройства России, изложенные в проекте Основного закона. Анализ конституционных проектов Временного правительства показывает, что они продолжили традиции российского конституционализма XIX - начала XX вв.: приоритет прав личности, разделение властей, народное представительство, сильная судебная власть и развитое местное самоуправление. Законодательная деятельность Временного правительства в первую очередь была направлена на закрепление прав и свобод личности, а также на формирование механизмов представительной демократии.

Ключевые слова: Временное правительство, государственное устройство, Юридическое совещание, конституционный проект, местное самоуправление, народное представительство, права личности, разделение властей, судебная власть, Учредительное собрание.

В истории конституционных преобразований России есть страницы, которые еще не исследованы до конца. Такой малоизученной в историко-правовом аспекте темой является разработка накануне Октябрьской революции 1917 года Конституции Российской демократической республики (так называемый «Кадетский проект», поскольку в составе конституционной комиссии преобладали представители кадетской партии).

В отечественной литературе уже освещались конституционные проекты, подготовленные Юридическим совещанием при Временном правительстве для представления в Учредительное собрание, но или тенденциозно, или фрагментарно.¹

В исторической литературе советского периода проблемы государственно-правовых преобразований Временного правительства и, особенно, конституционного законодательства специально не изучались, в работах таких ученых, как Э.Н.Бурджалов, П.В. Волобуев, Е.Н.Городецкий, В.С. Дякин, Х.М. Астрахан,

И.П. Сафронова и другие² исследовались лишь отдельные аспекты этой проблемы.

В течение двух последних десятилетий наблюдался поворот, происшедший в исследовании русского либерализма, – от замалчивания его существования и резко негативной оценки его «буржуазности» в советское время до его восторженной оценки и стремления увидеть в нем единственно возможный образец для подражания в начале 1990-х годов. Неоднозначный опыт социальных преобразований последних лет подтверждает непреходящую ценность многих основных идей и принципов, в разработке которых отечественный либерализм сыграл огромную роль. К тому же в правотворческой деятельности Временного правительства есть и немало достижений, ценных идей, которые представляют интерес и на современном этапе³.

1 См.: Кравец И.А. Конституционное развитие России: проблема периодизации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Конституционные основы организации и функционирования институтов публичной власти в Российской Федерации». Екатеринбург. 2001. С. 49.

2 Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Волобуев П.В. Из истории борьбы Временного правительства с революцией // Исторический архив. 1960. № 5; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники. Л. 1975; Сафронова И.П. Государство и право России в период от февраля до 25 октября 1917 года. Харьков. 1965.

3 См.: Кудинов О.А. Российский конституционализм в XIX - начале XX вв.: теория и практика. Дисс.... д.ю.н. М. 2003.

Временное правительство в декларации от 2 марта 1917 года провозгласило созыв Учредительного собрания. Как известно, Временное правительство не стремилось сразу же коренным образом реформировать государственный аппарат. Поэтому оформление конституционного строя, после отречения государя императора 3 марта 1917 года, несколько затянулось. От февраля до октября 1917 г. в России не было конституции или основного закона государства. По мысли кадетских правоведов, выработка конституции являлась прерогативой Учредительного собрания. В основу этой конституции должны быть положены: торжество народного волеизъявления, с чем связан вопрос о форме правления (монархия или республика); широкое развитие местного самоуправления; признание и обеспечение широкой индивидуальной свободы граждан⁴.

С имевшей место точкой зрения в историко-правовой литературе, что Временное правительство саботировало идею конституционных преобразований в России, нельзя согласиться. 25 марта 1917 года было создано так называемое Особое совещание для подготовки проекта положения о выборах. В его состав были назначены специалисты по вопросам государственного права, представитель статистической науки, другие компетентные лица, а также политические и общественные деятели, представляющие главные политические и национально-политические течения России⁵.

О том, что Временное правительство шло по пути конституционного строительства, свидетельствуют и другие документы. 20 июля 1917 года было издано постановление об утверждении Положения о выборах в Учредительное собрание. О стремлении Временного правительства к установлению республиканского строя и юридического закрепления его конституцией свидетельствуют и некоторые другие факты. 1 сентября 1917 года А.Ф. Керенский подписывает постановление, в котором говорится, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику.

12 сентября 1917 года было создано Всероссийское демократическое совещание из представителей социалистических партий (эсеров, меньшевиков, трудовиков и др.), а также представителей советов, профсоюзов, торгово-промышленных кругов, воинских частей. Посредством Предпарламента лидеры буржуазных партий рассчитывали направить Россию по пути буржуазного парламентаризма.

Обостренная политическая обстановка в стране, активизация деятельности Советов, усиление влияния на массы со стороны большевиков заставляет Временное правительство ускорить работу по конституционному оформлению республиканского строя. В порядке подготовки к Учредительному собранию к выработке проекта конституции приступила 11 октября 1917 г. особая комиссия по составлению проекта Основных законов под председательством Н.И.Лазаревского (он же председатель Юридического совещания при Временном правительстве). В состав комиссии, постепенно пополняемый путем кооптации «представителей науки государственного права и общественных деятелей», вошли около 30 человек, в большинстве кадетских правоведов (А.А.Боголепов, М.М.Винавер, В.М. Гессен, В.Ф. Дерюжинский, С.А. Котляровский, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде и др.)⁶.

Комиссия приступила к составлению проекта конституции, согласно которому будущая Россия должна была представлять буржуазную республику во главе с президентом, избранным Учредительным собранием на один год и двухпалатным парламентом. Политическая направленность Особой комиссии, по словам В. М. Гессена, в общем сходна с задачами Учредительного собрания: оно «исторически призвано к ликвидации великой революции, переживаемой Россией»⁷.

Согласно проекту, конституция должна представлять собой «объемистый законопроект, приблизительно в 200 статей», основное содержание которых включает следующие положения: декларация и гарантии прав гражданской свободы; принцип федерализма, автономии, самоопределения и государственного единства; народное представительство; двухпалатность; президент республики; организация судов, независимость

4 Вестник права. 1917. № 20. С. 412-413.

5 Пахоменко Н.Б. Из истории конституционных проектов в России. М. 2000. С.123.

6 Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: «Высшая школа», 1983. С. 327

7 Красный архив. 1928. № 3. С. 108.

их и несменяемость; организация администрации; ответственность министров; Сенат; Совет министров; бюджет, займы, налоги; печать, герб, знамя⁸. Затем было решено включить в будущую конституцию и главу о церкви.

Вопрос о структуре органа народного представительства (законодательного собрания, парламента) в комиссии вызвал горячие споры. А.М. Кулишер и Б.Е. Шацкий выработали «Тезисы по вопросу о верхней палате». Ввиду огромной работы, предстоящей Учредительному собранию, следует признать целесообразным учреждение сразу двух полноправных палат, ограждающих непрерывность и плодотворность хода законодательных работ. Указывалось на необходимость насаждения и укрепления в стране законности и правосознания.⁹ Комиссия выработала также «предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации)».

Таким образом, в промежутке между 11 и 20 октября Комиссия представила проекты законов: о гражданах Российской Республики, об автономии и федерации, об однопалатной и двухпалатной системах, о позитивном статусе прав гражданина. По проекту Юридического совещания исключительные полномочия предоставлялись главе власти – временному президенту, избираемому Учредительным собранием. Президент, по предложению Совещания, должен был обладать правом законодательной инициативы, он же руководил внешней политикой и являлся верховным главнокомандующим¹⁰.

По проекту конституции, Россия должна была стать «единым и нераздельным» государством, президентской республикой, законодательная власть в которой принадлежала бы двухпалатному парламенту. Отмечалось, что временный президент будет осуществлять свои полномочия под надзором Учредительного собрания и при содействии Совета Министров, пользующегося доверием Собрания.

В проекте конституции получила воплощение идея «ответственного министерства». «Председатель Совета Министров и все министры совместно отвечают пред Учредительным

⁸ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Вып. 1. 27 февраля - 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 192—197.

⁹ Там же. С. 130

¹⁰ См.: Временное Правительство и Учредительное собрание//Красный архив. 1928. № 3. С. 108

Собранием за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности ответствен пред Собранием за свои действия и распоряжения, а также за скрепленные ими указы и распоряжения Временного правительства»¹¹.

Практически все члены Юридического совещания и Особой комиссии имели общую политическую и партийную платформу, что отразилось в преобладании консервативных подходов в разработке правовых вопросов. Все они принадлежали к либеральному политическому крылу и отстаивали кадетский вариант государственно-правовых реформ. Их взгляды отражены в законодательных актах Правительства и конституционных проектах.

Данный проект конституции, который Юридическое совещание хотело предложить Учредительному собранию, должен был закрепить в России государственный строй в форме унитарной республики с сильной президентской властью. В преемственности многих полномочий монарха Временным правительством и Временным президентом России отражался характер политического и юридического мышления авторов конституции, сделавших ставку на правопреимственность конституционных принципов Основных государственных законов 1906 г. и конституционных проектов Временного правительства России 1917 г.

Представляется, что Особая комиссия Юридического совещания стремилась оформить один из президентских или полупрезидентских вариантов республиканской формы правления. Об этом свидетельствовали обширные полномочия председателя Собрания и его предполагаемые, по версии законодателя, непосредственные контакты с рабочими структурами Временного правительства через канцелярию Собрания. Главной задачей Временного правительства было оформление режима сильной исполнительной власти и недопущение революционных переворотов в стране с утверждением конституционного порядка.¹²

Разработка идеи широкого развития местного самоуправления легла в основу конституционных проектов Временного Правительства. Земство по-

¹¹ Там же.

¹² Искевич И.С. Правотворческая деятельность и конституционные проекты Временного правительства : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005, С. 79

лучало новое место и значение в государственном механизме. Самоуправление становилось аппаратом государственного управления, ему передавалась вся полнота власти на местах. К новым функциям местного самоуправления следует отнести: оказание юридической помощи населению, руководство школьным делом, устройство бирж труда, охрану труда, руководство милицией¹³.

В целом, анализ конституционных проектов Временного правительства показывает, что они продолжили традиции российского конституционализма XIX – начала XX вв.: приоритет личности, разделение властей, народное представительство, сильная судебная власть и развитое местное самоуправление. Законодательная деятельность Временного правительства в первую очередь была направлена на закрепление прав и свобод личности, а также на формирование механизмов представительной демократии. В то же время, хотя в России в начале XX в. и были провозглашены основные права и свободы, проблема состояла в отсутствии механизмов их реализации, гарантий и защиты.

13 Там же, С. 81.

Постановления Временного правительства, конституционные проекты и иные нормативные акты свидетельствовали о приверженности его реформаторского крыла к западным формам демократии, но только на уровне идей, а не в реальной политике, где демократические тенденции часто скрывали диктаторские, промонархические устремления. Постоянные кризисы Правительства и усиление его «коалиционности» предопределяли отсутствие единства взглядов по вопросам формирования механизма демократической государственности.

Смена власти в результате Октябрьского переворота 1917 года прервала деятельность конституционной комиссии. Приход большевиков к власти, а затем и роспуск Учредительного собрания положили конец развитию России по реформистскому пути, на который были ориентированы все либеральные модели.

T.I. KONONOVA

**THE CONSTITUTIONAL SIGHTS OF PROVISIONAL GOVERNMENT
AT THE STATE SYSTEM AND REFORMING OF RUSSIA:
THE STATE-OF-THE-ART REVIEW OF THE PROJECT
OF THE ORGANIC LAW**

In clause sights of Provisional government on reforming a state system Russia stated by it the project of the Organic law are considered. The analysis of the constitutional projects of Provisional government shows, that they have continued traditions of the Russian constitutionalism XIX - the beginnings XX: a priority of the rights of the person, division of authorities, national representation, strong judicial authority and the developed local self-management. Legislative activity of Provisional government first of all has been directed on fastening of the rights and personal freedoms, and also on formation of mechanisms of representative democracy.

Key words: Provisional government, a state system, Legal meeting, the constitutional project, local self-management, national representation, the rights of the person, division of authorities judicial authority, the Constituent assembly

Д.М. КОРЕНЕВ

старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных наук Орловского
государственного института экономики и
торговли

Тел.: 72 03 29, 8 906 665 30 99

**«И КАЖЕТСЯ МНЕ, ОКАЯННОМУ, ЧТО НАПОЛОВИНУ Я УЖЕ ЧЕРНЕЦ...».
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ПРИЖИЗНЕННОМ МОНАШЕСКОМ ЧИНЕ
ИВАНА ГРОЗНОГО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОКОВ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОПРИЧНОЙ ОДЕЖДЫ**

Статья представляет собой попытку решить вопрос о возможном принятии в 1565 году во время посещения Кирилло-Белозерского монастыря царём Иваном Грозным обета послушания как первого чина на пути к высшей ступени монашества – «ангельскому образу». Реконструкция событий тех дней опирается на анализ текста послания царя в указанную обитель в 1573 году, а также на отдельные факты из его биографии. Выдвигается версия о влиянии субкультуры юродивых на формирование модели поведения царя в этих условиях. В контексте этих рассуждений предпринимается попытка рассмотреть вопрос о правовой основе существования опричного костюма как самого царя, так и всего корпуса опричного государева двора.

Ключевые слова: опричнина, монашеский чин, послушник, юродство, костюм государева двора, псевдоним Парфений Юродивый.

Обилие исследовательской литературы по эпохе опричнины Ивана Грозного, в том числе и непосредственно по проблеме опричного костюма, создаёт ощущение всесторонней проработанности темы.¹ А между тем, в историографии опричнины ещё остаётся вопрос, требующий большего внимания. Речь идёт о правовой основе существования «чёрных риз» в вещественном комплексе опричного двора. Насколько обоснованно говорить о тождестве костюма опричника монашеской одежде того времени? Если это тождество и было, то почему царь позволил себе пренебречь нормами чинопочитания в одежде, за которые он сам ратовал на Стоглавом соборе, и самостоятельно возложил на себя иноческие одежды, а также позволил ходить в них чинам своего опричного двора и войска вопреки правовым нормам того времени? Попытаться ответить на эти трудные вопросы – не только дополнить и конкретизировать знания об опричнине, но и приблизиться к разгадке смысла деяний Грозного царя.

В 1991 г. в своей работе «Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви» Р.Г. Скрынников выдвинул предположение о возможном пострижении царя Ивана IV в иноки во время его тяжёлой болезни в марте 1553 года.² Данное предположение исследователя основывается на ряде косвенных данных. В годы опричнины царь носил иноческое платье, был игуменом опричного братства, тем самым следуя своему чину инока. Царь неоднократно выражал желание постричься в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, где для царя была приготовлена келья. Настораживает историка и то обстоятельство, что в повести о смертельной болезни Ивана IV по непонятным причинам умалчивается роль церкви и митрополита Макария, тогда как именно на его попечение переходил умирающий монарх. Версия интересная, однако, не лишена слабых мест. Прежде всего, факт пострижения царя в 1553 г. не нашёл отражения в исторических источниках, хотя утаить это событие вряд ли было возможно. Рядом с постелью умирающего были как его друзья, так и недоброжелатели, которые не

упустили бы возможность афишировать данное событие, дабы воспользоваться им в своих политических целях. Став монахом, царь терял права на престол. Во-вторых, если признать Ивана IV ревнителем чинопочитания, то непонятно, почему царь никак не проявлял себя как инок в период с 1553 по 1565 г., и только с введением опричнины открыто заявил о своём чине. Наконец, принять иночество можно только один раз. Если царь уже считал себя таковым, то непонятен смысл его послания в Кирилло-Белозерский монастырь, в котором он, обращаясь к братии, пишет: «если Бог даст мне постричься при жизни, совершу это только в этой пречестной обители».³ Из текста послания ясно, что в тот момент царь не считал себя таковым. Таким образом, убедительных аргументов в пользу версии Р. Г. Скрынникова нет.

Нам представляется более логичной следующая реконструкция событий марта 1553 года. Агонии царя во время болезни, частая потеря памяти действительно неизбежно порождали вопрос о погребении царя по обряду, совершённом над его отцом десятью годами ранее. Однако процедура пострижения умирающего монарха была сопряжена с политическим риском. В случае выздоровления государя возникал вопрос о дальнейшем его статусе. Вернуться на трон он мог, только лишь отказавшись от иночества, что затрагивало авторитет самого монарха и всей церкви. Это понимали участники пострижения Василия III в 1533 г., что побудило их затягивать процедуру до последнего момента – «егда станет душа от тела разлучатися»⁴, что вызвало у очевидцев сомнение в соблюдении чинопоследования пострига. Некоторые полагали, что обряд над великим князем был совершён уже после его смерти, что могло вызвать вопрос о добровольности принятия иночества. Описание кончины великого князя содержит весьма примечательный факт. После совершения процедуры пострижения волос на человека возлагаются иноческие одежды. В случае с Василием случилось заминка – якобы в спешке забыли мантию. Такая забывчивость нам представляется неслучайной. В чине посвящения в схиму мантия играла важную функцию, символизируя нетление и чистоту. Облечение постригаемого в мантию, по сути, является началом его пути в иночество. Снимать мантию иноку воспрещалось (по крайней мере, при людях). В

среде старообрядцев до сих пор принято считать, что мирянин, надевший мантию даже в шутку, считался постриженным в монахи. Вероятно, организаторы решили перестраховаться на случай непредвиденных обстоятельств, и мантия одевалась уже на мёртвое тело великого князя.

Нет оснований сомневаться, что процедура пострига Ивана IV, если таковая имела место быть, совершалась по соответствующему чину. В таком случае все действия участников этих событий должны были учитывать все нюансы и опираться на созданный ранее прецедент. Можно предположить, что в ожидании кончины царя, финал церемонии пострига искусственно затягивался, а по его выздоровлении она и вовсе стала невозможной. С формальной точки зрения, царя нельзя считать иноком, но в то же время возложение на него части монашеского облачения ставит его как минимум в один ряд с послушниками-рясофорами. В таком случае обретают смысл и его просьба к игумену Кирилло-Белозерского монастыря благословить Ивана Васильевича на постриг, и его опричные деяния, которые в данной ситуации выглядят как исполнение возложенного на царя Ивана IV послушания перед подвигом иночества.

Здесь мы вновь вынуждены обратиться к тому месту в послании царя в Кирилло-Белозерский монастырь от 1573г., где Иван Грозный вспоминает посещение им обители в 1565г., во время которой игумен Кирилл II благословил монарха на монашеский подвиг. Приведём наиболее значимые моменты из фрагмента послания: «Вы ведь помните, святые отцы, как некогда случилось мне прийти в вашу пречестную обитель... и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился...; и в долгой беседе я открыл вам своё желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу светлость своими слабосильными словами. Вы же описали мне суровую монашескую жизнь. С радостью я сообщил вам своё решение: если Бог даст мне постричься при жизни, совершу это только в этой пречестной обители...; вы же тогда молились. Я же, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего вашего и моего игумена, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил... И кажется мне, окаянному, что

наполовину я уже чернец: хоть и не совсем ещё отказался от мирской суеты, но ношу на себе благословение монашеского образа».⁵ Анализируя текст, можно не без оснований предположить, что в стенах монастыря произошла не просто душеполезная беседа царя и игумена, а нечто более серьёзное. Во-первых, если Иван Грозный желал просто пообщаться с игуменом, то непонятно зачем собирать в келью часть братии, да ещё и тайно. Во-вторых, характер общения царя, игумена и иноков скорее напоминает обязательную в таких случаях процедуру испытания твёрдости мирянина в желании вступить на путь монашества. Вряд ли Иван IV не знал о суровости монашеской жизни в Кирилло-Белозерском монастыре, который был образцом, о чём сам Грозный и пишет далее в послании. Царь много раз посещал обитель и сам мог воочию видеть внутреннюю жизнь монастыря. Наконец, данная встреча позволила царю считать себя наполовину чернецом, мирянином, носящим «благословение монашеского образа». Повторимся, царь хорошо разбирался в вопросах веры и, несомненно, был знатоком монашеского чина. В этом же послании он, желая продемонстрировать невежество «злосбесного пса» В. Собакина, пишет, что тот «не только не знает правил иноческой жизни, но вообще не понимает даже, что такое чернец, а тем более – иннок...».⁶ Следовательно, воспринимать фразу о неполном чернечестве только лишь как выражение внутренних переживаний царя нам представляется некорректным. Иван Грозный вышел из кельи не просто монархом. Вероятно, в тот день царь вступил на новый для себя (и института монархии в России) путь – путь царя-инока.

Последовательность ступеней аскетической жизни, которые благословляет Русская Церковь, окончательно сформировалась к XIV века. Употребляется три чина монашеского пострижения: 1) чин на облачение в рясу и камилавку, 2) чин на облачение в мантию, или «малую схиму» и 3) чин на облачение в великую схиму или «ангельский образ», или просто схиму. Существенным отличием первого чина от остальных как тогда, так и сейчас является то, что рясофор (т.е. тот, кто надел рясу) не даёт монашеские обеты, а исполняет только монастырские послушания. Послушник теоретически может покинуть монастырь и уходить обратно в мир,

если понимает, что монашеская жизнь не для него. С XIV в. стала прогрессировать тенденция к обособлению рясофорных от монашеской братии, что подрывало устои монастырской жизни. Страна стала наполняться странствующими чернецами которые «... обиходят села и дома... иде же браци и пирове, ту чернцы и черницы беззаконии: ангельский имеа на себе образ, а блядин нрав, святительский имеа на себе сан, а обичаем похабен».⁷ По этой причине с XV в. в евхологии включается чин облачения в рясу и камилавку, подразумевавший ряд процедур (пострижение волос, раздирание на груди мирских одежд перед облачением в рясу, использование других видов иноческого облачения), сблизивших рясофорных с иноками, тем самым стремясь закрыть этой категории монашествующих дорогу обратно в мир. Само чинопоследование было задумано как процедура, которая должна была заставить задуматься мирян о правильности избранного пути и уберечь от поспешных действий. Однако в рассматриваемый период времени этот чин только-только входил в монастырский обиход. Добавим также, что не утихала дискуссия по вопросу чина «малой схимы». Его рассматривали как подготовительную ступень к принятию «ангельского образа», что делало чин рясофора ещё более далёким от истинного иночества, которое виделось только в великосхимничестве. Все эти реформы подготовительных монашеских чинов приводят в конечном итоге к тому, что чин послушника распадается на две ступени – собственно послушник и послушник-рясофор, или просто рясофор. Таким образом, рясофорные вправе называть себя «чернецами», но не являются в полном смысле иноками, поскольку не приняли схимы.

Мы подошли к весьма важным вопросам в рамках данного исследования, а именно: мог ли быть посвящён в монашеский чин Иван IV игуменом Кириллом II? И если да, то в какой чин? Цитата из послания, приведённая выше, даёт возможность предложить следующую версию реконструкции событий 1565 г. Удостоверившись в твёрдости намерений монарха, игумен монастыря благословляет царя на послушничество, но без права ношения рясы и камилавки. В противном случае к моменту написания послания царь был вправе считать себя чернецом полностью, а не наполовину. Вероятно, Иван Грозный просил о

большем («...и искушал, окаянный, вашу светлость своими слабосильными словами...»), не исключено, что аргументами служили события марта 1553 г. Не лишним будет отметить, что тяжёлая болезнь, вероятная процедура пострига, выздоровление проходились на дни Великого поста. Этот факт экзальгированное сознание средневекового человека не могло не воспринять как знак судьбы. По выздоровлении царь отправляется на богомолье в северные обители, в том числе и в Кирилло-Белозерский монастырь. Однако, как мы видим, искушению «пречестная обитель» не поддавалась. Единственное, что теперь оставалось монарху, это решить проблему соотношения двух чинов – царского и послушнического. Царь выбирает единственно возможный в его положении третий путь – путь Парфения Юродивого.

В отечественной историографии вопрос об истинности или ложности юродства Ивана Грозного остаётся открытым, да и вряд ли будет когда-либо решён. Важно другое – модель поведения юродивого, его методы спасения христиан, его место (чин) в социальной системе вполне соответствовали темпераменту и характеру первого русского царя, его оценке своего места и роли в Московском царстве в то сложное и эмоционально возбуждённое время. «Он [юродивый. – Д.К.] одновременно и растворен в соборном теле Церкви, и как бы находится вне её».⁸ Выделяя себе опричный удел в Московии, царь тем самым формировал ситуацию аналогичную той, в которой находился юродивый по отношению к Церкви. Царь искренне стремился сохранить своё место в сакральном пространстве «Руси – Большой Иконы», в то же самое время позволяя себе «похабить» это пространство.

Отличительной чертой юродства является тяготение к иносказанию в языке или вовсе перевод общения с миром на невербальный язык и превращение этого общения в мистирию. Не последняя роль в этом действе отводилась одежде. Среди подвизавшихся на поприще юродства и получившими известность к 70-м гг. XVI столетия для данного исследования несомненный интерес представляют Иван Большой Колпак и Лаврентий Калужский. Первый из них родом из вологодских краёв, в 1580г. переселяется в Ростов, а при царе Фёдоре Ивановиче – в Москву. Здесь он и получил прозвища Московский, Большой

Колпак или Железная голова за то, что якобы носил на голове тяжелую железную шапку. Более вероятной, по мнению исследователей, является иная версия: прозвище Большой Колпак знаменитый юродивый получил по необычному головному убору, представлявшему собой валяный колпак-капюшон. По другой версии он ходил в плаще с большим валяным капюшоном. Блаженный Лаврентий Калужский по косвенным данным принадлежал к боярскому роду Хитрово. Наиболее известным его деянием стало появление на поле боя в 1512 году, во время сражения князя Симеона с крымскими татарами. Юродивый, вооружившись топором, вдохновлял войско князя. С топором, насаженным на длинное топориче, изображается святой Лаврентий и на древних иконах. Ходил юродивый и зимой, и летом босой, в рубашке и в овчинном кожухе, который в иконописной традиции изображался наброшенным на плечи. Безусловно, нет веских оснований утверждать, что на опричный костюм повлияли образы этих двух «похабов». Вместе с этим, нельзя не обратить внимание на совпадение отдельных деталей одежды этих двух юродивых и одежды опричной братии.

Псевдонимом Парфений Уродивый подписаны два сочинения, приписываемые первому русскому царю: «Послание неизвестному против люторов» и «Канон Ангелу Грозному воеводе». Академик Д. С. Лихачёв предположил, что написаны эти сочинения в 1572 или 1573 годах, соотнося их с пребыванием Ивана IV в Новгороде и его болезнью, которую в земщине связывали с новгородскими погромами. Выбор столь необычного псевдонима исследователь объясняет типичным для Грозного стремлением к глумлению над христианскими культурами, поскольку этимология имени Парфений («девственник») вступает в резкое противоречие с образом жизни монарха (к моменту написания «Послания...» и «Канона...» он был женат четвёртый раз). Не ставя под сомнение данную версию, попытаемся посмотреть на выбор псевдонима в контексте понимания деятельности царя как послушника Кирилло-Белозерского монастыря. Возможно, Грозный и глумился, но в этом нет ничего предосудительного для юродивого. Более того, юродивый обязан глумиться. Во-вторых, принятие Иваном Грозным на себя имени Парфений совпадает по времени с подготовкой

указа царя об упразднении опричнины (лето 1572г.). Как было указано, царь в это время находился в Новгороде, где ждал известий о разгроме татар. Одновременно с этим царь инспектировал новгородскую епархию, куда в конце 1571г. на пастырство прибыл бывший архимандрит Чудова монастыря Леонид, пользовавшийся полным доверием опричного руководства. Вероятно, царь посчитал, что с новгородской ересью покончено, и город получил царскую милость, выражавшуюся в возвращении двух чтимых в Новгороде икон, отлитии нового колокола. Были сделаны значительные финансовые пожертвования епархии. В этой ситуации принятие на себя псевдонима Парфений могло иметь более глубокий смысл. На тот момент церковь почитала только одного христианского подвижника с указанным именем. Таковым был святитель Парфений, епископ Лампсакийский, живший в IV веке в царствова-

ние Константина Великого. Известен он был тем, что усердно обращал в христианство язычников, изгонял бесов, лечил. Как повествует его житие, в деле обращения в христианство он имел особые полномочия от царя разрушать идольские капища и строить на их месте христианские храмы. В связи с этим необходимо отметить, что имя Парфений ещё переводится со значением «целомудренный», «чистый», что вполне соответствовало и деятельности святителя, разрушавшего до основания капища, и умонастроению русского царя, «очистившему», как он полагал, страну от ереси. В этих обстоятельствах царь, выполнивший своё послушание, получил юридическое и моральное право вновь вернуться к теме принятия им иноческого сана.

Примечания

1. См.: Дворкин, А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. Исторический фон, происхождение и развитие теократической идеи первого русского царя и его попытки установить “вольное самодержавство” в России [Электронный ресурс] / Александр Дворкин ; пер. с англ. Ю. С. Терентьев. Крествуд ; Нью-Йорк, 1988 г. – Режим доступа: <http://halkidon2006.orthodoxy.ru/i/d/dv>, свободный. – Загл. с экрана ; Зайцев И.А. Опричнина: этнокультурные параллели // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва. 4–6 февраля 1998. М., 1998. С. 104 – 108 ; Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Т. 37. 1983. С.54 – 78 ; Полосин И.И. Социально политическая история России XVI – начала XVII вв. Сборник статей. М., 1963; Хант П. Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник. Вып.9 (19). СПб. 2003. С. 277-279.
2. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С.246.
3. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь // Иван IV Грозный. Сочинения / сост. Чумакова Т.В. СПб., 2007. С. 147.
4. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 4. Ч. 1. Вып.3. Л., 1929. С. 561.
5. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Указ. соч. С. 147-148.
6. Там же. С. 156.
7. Слово Даниила Заточника / подг. Н.Н. Зарубин. Л., 1932. С. 70.
8. Иванов С.А. Византийское юродство. М., 1994. С. 147.

D.M. KORENEV

« AND IT SEEMS TO ME, THE DAMNED, THAT I'M HALF A MONK...»
CONCERNING THE QUESTION OF IVAN THE TERRIBLE'S
POSSIBLE INTRAVITAL MONASTIC RANK
IN THE CONTEXT OF THE OPRICHNY CLOTHES ORIGIN.

The article is an attempt to resolve the question about the vow of obedience, which was possibly taken by the tsar Ivan the Terrible in 1565 during his visit to Kirillo-Belozersky Monastery, as the first step on the way to the highest level of monasticism - «an angelic image». The reconstruction of the events of those days is based on the text analysis of the tsar's letter to that monastery in 1573, as well as on the certain facts of his biography. There is a version about the «Christ's fools'» subculture impact on the tsar's behaviour under those circumstances.

In the context of these arguments there is an effort taken to examine the question about the legal basis of the existence of oprichny clothes, both of the tsar and of the oprichny monarchic retinue.

Key words: oprichnina, monastic rank, a novice, behaving like a self-styled prophet («Christ's fool»), clothes of the monarchic retinue, an alias Parfeniy Simpleton («the Christ's fool»).

С.Т. МИНАКОВ

доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета Орловского государственного университета,
заведующий кафедрой истории России
E-mail: minakovst@mail.ru
Тел.: 43 46 46; 8 919 207 85 87

ПОДПОРУЧИК ТУХАЧЕВСКИЙ В БОЮ ПОД КРЖЕШУВОМ¹ 2 СЕНТЯБРЯ 1914 г.

В статье исследуется роль М.Н. Тухачевского в бою под Кржешувом 2 сентября 1914 г., имевшем важное стратегическое значение. Как он считал, заслуги его не были по достоинству оценены командованием. По мнению биографов, это послужило начальным толчком к переходу Тухачевского на сторону большевиков. Сложившееся мнение проверяется на материалах источников.

Ключевые слова: Тухачевский, Семеновский полк, Кжешув, 1914 год.

В последнее десятилетие, судя по исторической литературе и публицистике, весьма активизировался интерес читающей общественности нашей страны к так называемому «делу Тухачевского». Вновь началось обсуждение вопроса о предпосылках трагических событий первого года Великой Отечественной войны, о значении репрессий, прокатившихся по составу Красной Армии, особенно по высшему. В контексте обсуждения этого вопроса в исторической литературе и публицистике, естественно, в центре внимания снова оказалась и ныне окутанная своеобразной романтической смутностью фигура одного из первых советских маршалов М.Н. Тухачевского [1,7,8,10–17,19,21–27]. Конечно, же слишком многое в биографии этой личности интригует и по сей день, в частности: почему он, представитель старинного дворянского рода, блестящий офицер лейб-гвардии Семеновского полка, самого монархического по настроениям и политическим симпатиям, оказался вскоре после 1917 года в числе высших командиров Красной Армии и более того, – обрел репутацию самого лучшего ее полководца, став знаковой фигурой эпохи Гражданской войны и модернизации советских вооруженных сил в 30-е годы. Поэтому вопрос о предпосылках и причинах перехода Тухачевского на сторону

Советов в 1918 г. и ныне остается непроясненным и требующим внимания исследователя.

Определенные предпосылки перехода будущего прославленного полководца Красной Армии в Гражданской войне и советского маршала М.Н. Тухачевского, аристократа, офицера императорской гвардии, монархиста, на сторону большевиков и Советской власти некоторые мемуаристы и его биографы «нашупывают» задолго до 1917 г. Они полагают, что необходимые для такого поступка настроения в сознании Тухачевского складывались постепенно. Не задерживая внимания на всей совокупности действительных и предполагаемых факторов принятого им решения, остановлюсь лишь на одном, характеризующем будущего советского маршала к тому же и как офицера старой российской императорской армии. Однако, предварительно, полагаю целесообразным проследить действия л-гв. Семеновского полка с того момента, когда Россия была вовлечена в Первую мировую войну.

2 августа 1914 г. в 8 часов вечера (в 20-часов) л-гв. Семеновский полк начал погрузку в вагоны для отправки на фронт на Варшавском вокзале Санкт-Петербурга.

3 августа в 5 часов утра 1914 г. эшелон с л-гв. Семеновским полком двинулся на фронт.

К вечеру 6 августа 1914 г. 2-й батальон л-гв. Семеновского полка выгрузился на станции Новогеоргиевск, перешел походным порядком в деревню Помекувек, «лежащую в районе фортов, в 2 верстах от крепости», где и расположился лагерь [6, С. 1].

Вечером 7 августа 1914 г. полк выступил походным порядком на Варшаву. К вечеру 8 августа весь полк сосредоточился неподалеку от Варшавы в деревне Бабице и простоял там до 15 августа 1914 г. [6, С. 1]

15 августа 1914 г. полк прошел через Варшаву, погрузился в эшелон и на рассвете 19 августа прибыл к Люблину. Оттуда «около 1 часа дня (19 августа) батальон (2-й) двинулся походным порядком на деревню Жабья Воля. Около 5 часов дня полк выступил на деревню Майдан-Козицкий» [6, С. 2]. 7-я рота полка была оставлена в деревне Жабья Воля для прикрытия обоза и, простояв там до 22 августа 1914 г., в казанный день двинулась следом за полком.

23 августа 1914 г. в деревне Текели 7-ю роту сменила 16-я рота полка под командованием капитана Поливанова². 7-я же рота двинулась на соединение с полком у Уршулина. Рота двигалась медленно. «Петр Николаевич³ делал это как будто нарочно, – вспоминал поручик А. В. Иванов-Дивов, – чтобы подойти к позиции вечером» [6, С. 2]⁴.

Около 3 часов 7-я рота прошла позицию 2-й батареи 1-й л-гв. Артиллерийской бригады, которую прикрывала 5-я рота полка под командованием капитана Тавильдарова⁵. В этот же день начались вялотекущие боевые действия полка у Уршулина. Они продолжались до 27 августа. В ходе этих боевых действий был ранен командир 5-й роты капитан Тавилдаров и смертельно ранен поручик Тигерстедт⁶. К ночи 27 августа 7-я рота вместе со всем полком остановилась на ночлег в деревне Воля Голендзовская [6, С. 4]. На следующий день, 28 августа, л-гв. Семеновский полк выступил в направлении деревни Закржувек-Карпиювка, где он попал под жестокий обстрел [6, С. 4]. 29 августа полк передислоцировался в деревню Войцехов, а на следующий день (30 августа) продолжил движение и 31 августа вступил в Теневские леса, а к вечеру того же дня вышел к деревне Гута Кржешовская [6, С. 5]. Утром 2 сентября полк подошел к Кржешову [6, С. 6], где и произошел бой,

в котором отличился подпоручик Тухачевский, получивший после этого боя известность во всей 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Некоторые биографы считали обстоятельства боя под Кржешовом и его последствия, назовем так, «первым сигналом», вызвавшим неприязнь к режиму и посеявшим сомнения в его справедливости в сознании подпоручика л-г. Семеновского полка. «... Под Кржешовом – первое дело, где выявилась безоглядная храбрость Тухачевского, – писал в своем очерке ему посвященном Р.Б. Гуль. – Кржешов приказано было взять. Фронтальный бой семеновцев с австрийцами был горяч, упорен, безрезультатен. Командир приказал второму батальону, в шестой роте которого был Тухачевский, идти в обход австрийскому флангу. Батальон обход сделал быстро, незаметно, глубоко, и в решительный момент боя неожиданно появился во фланге австрийцев. Австрийцы смялись, кинулись в отступление, стараясь только взорвать мосты через Сан. Но один из деревянных, приготовленных к взрыву мостов стал «лодийским мостом»⁷ Михаила Тухачевского. С 6-й ротой Тухачевский бросился на горящий мост; по горящему мосту пробежала пехота, преследуя смявшихся австрийцев, и пошла в атаку на том берегу. Были взяты пленные и трофеи. В бригаде, в дивизии, в корпусе оценили дело под Кржешовым. О юном подпоручике заговорили однополчане. Но первое дело не только не удовлетворило, а озлобило Тухачевского. Командир полка вызвал капитана Веселаго и подпоручика Тухачевского, пожимая руки, сообщил, что представляет к наградам: командира роты к Георгиевскому кресту, младшего офицера к Владимиру 4 степени с мечами. Безусый, молчаливый, красивый подпоручик не понравился командиру. Тухачевский считал себя явно обойденным. Захват горящего моста приписывал только себе и этого не скрыл на отдыхе за обедом в офицерском собрании» [4, С. 440–441]. Именно Р. Гуль сделал из данного события многозначное умозаключение: «Очень может быть, что даже дорого обошелся старой России этот Владимир с мечами. Он стал первым недовольством Тухачевского старой армией, замершей в иерархии и бюрократизме, не оценивающей «гениальных способностей» будущего красного Бонапарта» [4, С. 441].

Совершенно очевидно, что одним из главных источников сведений, полученных Р.Б. Гулем по этому событию из биографии Тухачевского, был однополчанин будущего маршала полковник л-гв. Семеновского полка князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский⁸. Для убедительности и сравнения процитирую его собственное описание указанного события в воспоминаниях о Тухачевском в 1922 г. «Первый раз заговорили о Тухачевском, – вспоминал князь, – при взятии нами города Кржешова. Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать подготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные. За этот бой командир роты капитан Веселаго получил Георгиевский крест, Тухачевский – Владимира 4 степени с мечами, чем явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он. С этих пор о Тухачевском начали говорить и интересоваться им» [3, Л. 3335].

Попытку дать объективное изложение и оценку боя под Кржешувом 2 сентября 1914 г. сделал другой однополчанин М. Тухачевского. Полковник А. А. Зайцов, известный в эмиграции русский военный историк и ученый⁹, так излагал события: «Взять в лоб Кржешовский тет-де-пон, однако, несмотря на потери и доблестное фронтальное наступление наших батальонов, было нам не по силам. Слава Кржешовского боя, разделенная всеми его участниками, все же в особенности принадлежит нашему 2-му батальону, командир которого полковник Вешняков решил, по собственному почину, обойти Кржешовский тет-де-пон и атаковать его с юго-востока, прорываясь вдоль Сана к переправе. Командир 6-й роты капитан Веселаго¹⁰, во главе своей роты, бросился на горящий мост и, перейдя по нему р. Сан, овладел переправой. Кржешов пал и Семеновцы

перешли через р. Сан, захватывая пленных, пулеметы и трофеи. Смелый почин нашего 2-го батальона и удар 6-й роты дали нам Кржешовский тет-де-пон и сломали фронт сопротивления австрийцев по Сану» [5, С. 32–33]. Как результат этой частной победы, этого тактического успеха – «на следующий день, 3 сентября, 1-я австрийская армия оставила фронт р. Сана и начала свой отход на подступы к Кракову, за реку Дунаец (в западной Галиции)» [5, С. 34].

Зайцов даже не упоминает подпоручика Тухачевского. Возможно, ему казалось неэтичным вспоминать об «изменнике». Во всяком случае, из его изложения события вытекает, что инициатива захватить мост возникла на месте, в конкретно сложившейся ситуации, на страх и риск командира 6-й роты. Полковник князь Касаткин-Ростовский, однокашник и сверстник капитана Веселаго по Пажескому корпусу, потому и достаточно подробно описал обстоятельства боя на Кржешувском мосту, что мог получить о нем информацию от командира роты. Можно полагать, что это было, собственно говоря, описание боя со слов самого капитана Веселаго.

В газете «Русское слово», пусть с неточностями, но изложено было «свежее» впечатление о событии и его главных действующих лицах. «Подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго, – сообщал корреспондент газеты, – взорвали мост в тылу у неприятеля, судьба героев неизвестна» [18, С. 30]. Следует обратить внимание на примечательный штрих в тексте заметки: первым из «героев» упомянут офицер, младший по чину, подпоручик Тухачевский, хотя боевое событие изложено неверно. Во всяком случае, это значит, что корреспонденту газеты было сообщено, или в донесении излагался подлинный, первоначальный «рельеф» события, не отредактированный сознанием мемуаристов и военных историков под влиянием идейно-политических установок, личных симпатий и антипатий. У Тухачевского, видимо, имелись определенные мотивы выражать недовольство в распределении наград «героям» события. Впрочем, описание события всеми тремя указанными авторами и первоисточниками грешат ошибками, порой весьма серьезными. Первая, может быть, кажущаяся не принципиальной, заключалась в том, что Тухачевского называют младшим офицером 6-й роты. Поэтому,

прежде чем обратиться к рассмотрению вопроса о роли подпоручика Тухачевского в бою под Кжешовым 1 сентября 1914 г., считаю необходимым уточнить командный состав 2-го батальона л-гв. Семеновского полка в первый месяц его участия во фронтовых действиях Первой мировой войны.

В нашем распоряжении нет официальных данных о комсоставе полка к 1 августа 1914 г. Списки по старшинству офицерского состава л-гв. Семеновского полка, сохранившиеся в архиве и относящиеся к кануну и периоду Первой мировой войны, датируются 1913-м, 1 января 1916-го, 1 января 1917-го гг., а также списки на выдачу жалованья и т. п. документы с марта 1917-го по февраль 1918 гг. Иными словами, нет списков по старшинству и по занимаемой должности на 1-е августа 1914 г.

Уже упоминавшийся выше бывший офицер л-гв. Семеновского полка полковник Генштаба А. А. Зайцов в специальной работе, посвященной боевым действиям полка в 1914 г., указывает следующий персональный состав офицеров 2-го батальона л-гв. Семеновского полка на 25 августа 1914 г. [5, С. 9–11]

- Командир батальона – полковник М. С. Вешняков¹¹.
- Старший офицер батальона – капитан А. А. Свешников¹².
- Адъютант батальона – подпоручик И. Н. Толстой²¹³.
- Командир 5-й роты – штабс-капитан Н. Н. Тавилдаров.
- Младший офицер поручик Б. В. Энгельгардт¹⁴.
- Младший офицер прапорщик А. П. Чистяков¹⁵.
- Командир 6-й роты – капитан Ф. А. Веселаго.
- Младший офицер поручик В. А. Пенхержевский¹⁶.
- Младший офицер подпоручик О. А. Тигерстедт.
- Младший офицер подпоручик Г. К. фон Эссен²¹⁷.
- Младший офицер прапорщик А. А. Типольт¹⁸.
- Командир 7-й роты капитан П. Н. Брок.
- Младший офицер поручик А. В. Иванов-Дивов².
- Младший офицер подпоручик Д. В. Комаров¹⁹.
- Младший офицер подпоручик М. Н. Тухачевский²⁰.
- Командир 8-й роты – капитан В. М. Мельницкий¹²¹.
- Младший офицер подпоручик А. А. Пенхержевский²²².
- Младший офицер прапорщик А. Г. Штильберг²³.

А. А. Зайцов не уточняет должностное положение каждого из названных офицеров, а представленные им сведения не отличаются достаточной точностью. Упомянутый выше младший офицер 7-й роты поручик А. В. Иванов-Дивов в своих очень детальных воспоминаниях, начиная с отправки полка на фронт, при описании первых боев полка к 25 августа 1914 г. среди офицеров 7-й роты

не упоминает подпоручика Д. В. Комарова. Не упоминает он о нем ни разу как об участнике боевых действий в составе 7-й роты вплоть до 11 сентября 1914 г., когда по болезни вынужден был покинуть полк и эвакуироваться в тыл. Согласно спискам офицеров полка по старшинству на 1 января 1916 г. Д. В. Комаров появился во фронтовом составе полка лишь в сентябре 1914 г. [20, Л. 30]. Зато Иванов-Дивов неоднократно упоминает в комсоставе 7-й роты прапорщика Фольборта-2 Николая Владимировича [6, С. 2–5, 7, 9]²⁴, в то время как Зайцов указывает Н. В. Фольборта как младшего офицера 8-й роты (в том же батальоне) [5, С. 11]. Кроме того, А. В. Иванов-Дивов указывает должностное положение офицеров 7-й роты. Сам он до 25 августа 1914 г. являлся командиром 1-го взвода и по служебному положению командовал 1-й полуротой (1-й и 2-й взводы) [6, С. 2]. Прапорщик Н. В. Фольборт командовал 2-м взводом [6, С. 2]. Подпоручик М. Н. Тухачевский, командир 3-го взвода, командовал 2-й полуротой (3-й и 4-й взводы) [6, С. 2]. Командира 4-го взвода на 25 августа 1914 г. Иванов-Дивов не называет. Из контекста его воспоминаний о событиях после 25 августа можно вывести, что таковым был фельдфебель роты подпрапорщик Колобов [6, С. 4].

Однако 25 августа 1914 г. в бою у деревни Уршулин был ранен в руку командир 7-й роты капитан П. Н. Брок. Он эвакуировался в тыл и передал командование ротой поручику Иванову-Дивову (как старшему в чине и командиру 1-го взвода и 1-й полуроты) [6]. Соответственно 25 августа изменилось и должностное положение остальных офицеров роты: подпоручик Тухачевский стал командиром 1-го взвода и 1-й полуроты и заместителем командующего 7-й ротой. Кто стал командиром 3-го взвода, Иванов-Дивов не сообщает. Скорее всего, это был вольноопределяющийся младший унтер-офицер барон Шиллинг [6, С. 7–9].

Таким образом, 2 сентября 1914 г., когда происходили боевые действия под Кжешовом, командующим²⁵ 7-й ротой был поручик Иванов-Дивов-2, а его помощником, командиром 1-го взвода и 1-й полуроты, являлся подпоручик Тухачевский. Поэтому, вопреки утверждению Касаткина-Ростовского, Тухачевский и 2 сентября, и в последующие месяцы оставался офицером 7-й роты, а не 6-й. Это может показаться мелочью, однако,

в описании событий Кжешувского боя, – весьма существенной, а именно: во взятии Кжешувского моста, вместе с 6-й ротой капитана Веселаго принимал участие младший офицер 7-й роты подпоручик Тухачевский, т. е. – и 7-я рота или ее часть!

«Я не совсем ясно понял общую обстановку, – признавался Иванов-Дивов-2, вспоминая и детально описывая боевую ситуацию 2 сентября 1914 г. – Знал только, что перед нами река Сан, что правее нас высоты Кржешова атакуют преображенцы, а мы должны атаковать подступы к Сану левее Кржешова... Моя рота была направляющей...» [6, С. 7]. Таким образом, как свидетельствует поручик А. Н. Иванов-Дивов-2, приказа взять мост через р. Сан от вышестоящего (батальонного) начальства не поступало. Кроме того, он отмечает, что «направляющей» была 7-я рота.

«Тухачевский пошел первым, – продолжал Иванов-Дивов свое описание хода боя. – Болото было вязкое, и люди проваливались по колени в грязь. Тухачевский очень успешно развернул взводы и, дав направление, повел их вперед перебежками повзводно...» [6, С. 7]. Из цитированного фрагмента воспоминаний следует, что в авангарде наступавшей 7-й роты шел подпоручик Тухачевский во главе «взводов» (а не одного взвода).

Далее Иванов-Дивов уточняет: «Подпоручику Тухачевскому я приказал с первым взводом выдвинуться перед ротой и выслать дозоры к Кржешову и к Сану <...> От Тухачевского и его движений я уже до самого конца боя никаких донесений не получал, и мне он оказался совершенно бесполезным» [6, 7]. Последнее замечание Иванов-Дивов сделал явно в оправдание своих ошибочных действий по командованию ротой, которые помешали именно 7-й, а не 6-й роте капитана Веселаго захватить Кжешувский мост. Дело было в том, что, вместо того, чтобы последовать за Тухачевским и 1-м взводом со всей ротой, Иванов-Дивов приказал солдатам открыть бессмысленный и совершенно неэффективный огонь по противнику. «В это время подошла 8-я (рота), и Мельницкий (ее командир), соблазнившись моим дурным примером, тоже рассыпал свою роту в цепь и открыл огонь. Все это длилось добрых 15–20 минут» [6, С. 7]. Эта бессмысленная стрельба прекратилась только и благодаря вмешательству командира 6-й роты капитана Веселаго.

«За 8-й подошла 6-я рота Веселаго, – вспоминал в связи с этим Иванов-Дивов. – Феодосий Александрович указал мне на бесполезность нашего огня и сказал мне, что он продолжает движение на Кржешов. Я предупредил его о том, что мой взвод с Тухачевским впереди, и сказал, что и я прекращаю огонь и иду за ним» [6, С. 7]. Так, на поддержку 1-го взвода Тухачевского спешила не его, 7-я рота, а 6-я рота Веселаго. Далее, касаясь самого главного в этом деле, Иванов-Дивов свидетельствует несколько противоречиво.

«Тухачевского я не видел, где он пропал, я не знаю, – вновь в завуалированной форме Иванов-Дивов стремится бросить тень на поведение будущего советского маршала. – Отделенный унтер-офицер первого взвода Карпусь как мог подробно доложил о действиях взвода. Вот что я от него узнал: оторвавшись от роты и не встречая сопротивления, взвод... подошел к домам Кржешова у самого моста. Площадь перед ним была заполнена отступающими австрийцами... Взвод рассыпался между домами и открыл огонь. Австрийцы бросились к мосту. Группа пехотинцев тащила два пулемета. Будучи обстреляны, они сдались, и взвод захватил оба пулемета» [6, С. 8]. Таким образом, Иванов-Дивов сам свидетельствует, что именно 1-й взвод под командованием Тухачевского захватил Кжешувский мост и 2 исправных пулемета, за что, согласно «георгиевскому статуту», командиру взвода, в данном случае подпоручику Тухачевскому, был положен орден Св. Георгия 4-й степени [2, С. 60²⁶].

«В это время подошла 6-я рота капитана Веселаго, который сразу направил ее к мосту, уже свободному от австрийцев, – признает, таким образом, Иванов-Дивов, что Веселаго со своей 6-й ротой подошел к Кжешувскому мосту, когда он был уже занят и очищен от австрийцев 1-м взводом Тухачевского. – В это же время раздался взрыв. Мост был взорван в средней его части. Настил моста провалился вниз, но перекладины его сдержали, и он повис над водой. Феодосий Александрович бросился с людьми на мост. Рубя шашкой бикфордовы шнуры, тянувшиеся к привязанным пучкам соломы, срывая их руками, чтобы остановить пожар, он со всей ротой перебежал на ту сторону реки и открыл огонь по убегающим австрийцам...» [6, С. 8]. Несомненно, действия капитана Веселаго были отважными и наход-

чивыми, за что ему, безусловно, полагалась высокая награда. Однако вспомним рассказ князя Касаткина-Ростовского о захвате Кжешувского моста, как он услышал его от капитана Веселаго.

«Тухачевский, – рассказывал князь, – сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку» [3, Л. 3335]. Таким образом, Веселаго и князь Касаткин-Ростовский признавали, что мост был захвачен Тухачевским и его взводом и что австрийцы хотели, но не взорвали мост, успев лишь поджечь его, о чем далее рассказывал князь.

«По этому горящему мосту, – продолжал князь, – преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные» [3, Л. 3335].

Таким образом, во-первых, князь ошибочно «зачислил» Тухачевского в состав 6-й роты, хотя тот вплоть до своего пленения оставался в составе 7-й роты. Во-вторых, уже после захвата моста взводом Тухачевского и выходом его на другой берег «вбежала на другой берег 6-я рота». И хотя Касаткин-Ростовский поясняет «со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским», из предшествующего его повествования следует, что Веселаго оказался на мосту после того, как Тухачевский уже прошел по нему со своим взводом. Сознательно или неосознанно, но князь противоречит сам себе, стремясь затушевать приоритет Тухачевского во взятии Кжешувского моста. В-третьих, Касаткин-Ростовский, а значит Веселаго, не подтверждает свидетельство Иванова-Дивова о взрыве. Он говорит лишь о том, что мост горел и что капитан Веселаго и его солдаты «мост затушили, перерезали провода». Вряд ли можно заподозрить капитана Веселаго в обмане. А вот Иванов-Дивов свидетелем того, что происходило в тот момент на мосту, не был, поэтому мог быть вполне введен некоторыми «свидетелями» в определенные «преувеличе-

ния» (не хочется думать, что он преднамеренно слукавил).

Завершая свои воспоминания о бое на Кжешувском мосту, поручик Иванов-Дивов-2 пишет: «С согласия полковника Вешнякова я написал рапорт о представлении Тухачевского к Георгиевскому оружию, но штаб полка ограничился представлением к Владимиру 4-й степени. Конечно, мне это казалось несправедливым: ведь два пулемета были взяты его взводом, и перешел он мост вместе с Веселаго, который получил за это вполне им заслуженный Георгиевский крест» [6, С. 9].

Как выше уже отмечалось, за захват двух пулеметов противника, согласно действовавшим в царской армии «георгиевскому статуту», Тухачевского полагалось наградить орденом Св. Георгия 4-й степени. Поэтому «согласие полковника Вишнякова» на представление Тухачевского к Георгиевскому оружию изначально было нарушением этого статута. Очень похоже на то, что сделано было такое представление преднамеренно с уверенностью, что в вышестоящих инстанциях уровень награды будет обязательно снижен, и Тухачевский никакого Георгиевского оружия не получит, а получит в лучшем случае орден Владимира 4-й степени с мечами. Поэтому получилось так, что Иванов-Дивов, будто бы по-своему, «отомстил» своему товарищу и подчиненному, который весьма критично относился к нему, к Иванову-Дивову, как командующему ротой, равно как и за свои ошибки и просчеты в руководстве ротой во время боя за Кжешувский мост. Сам Тухачевский не мог скрыть своей обиды. По свидетельству капитана Ю.В. Макарова, «Тухачевский был смелый юноша. В первый месяц войны, при преследовании австрийцев он отличился, забрав два пулемета. Молодой человек был с большой амбицией. Тухачевский пожелал получить за это Георгиевское оружие, но так и не мог доказать, что пулеметы были «действующие», главное, так как давать большие награды молокососам было против полковых порядков, был он представлен всего лишь к Владимиру» [8, С. 283–284]. Выше Иванов-Дивов свидетельствовал, что пулеметы были действующими. Поэтому этот аргумент, приводившийся начальством в качестве причины для отказа Тухачевскому в награждении его Георгиевским оружием, был

очевидной придижкой. Более основательным можно считать второй аргумент – традицию полка не «давать большие награды молокососам»: награждение Георгиевским оружием молодого подпоручика, когда такой высокой награды не имел командир батальона, казалось неприличным. «Близкие его (Тухачевского) товарищи рассказывали потом, – завершал свои краткие воспоминания о Тухачевском капитан Макаров, – что когда он узнал, что Георгиевского оружия не получит, от огорчения и злости будущий маршал расплакался» [8, С. 284].

Конечно, вряд ли можно считать, что с описанного выше события и допущенной несправедливости по отношению к Тухачевскому со стороны вышестоящего командования в его сознании зародились «революционные мысли», обусловившие в дальнейшем его переход к большевикам. Как известно, и по возвращении из плена Тухачевский вернулся на фронт, он жаждал подвигов, отличий, карьеры, но вплоть до начала 1918 г. еще не связывал все это со службой в большевистской армии. Вплоть до марта 1918 г. он оставался в составе гвардии Семеновского полка [16, С. 181–200].

Примечания

1. Название этого польского населенного пункта в мемуарной и научной литературе дается по-разному: Кржешув (так звучит этот топоним по-польски), Кжешув, Кржешов, Кжешов. Поэтому в тексте будут встречаться различные варианты этого названия.

2. Поливанов Алексей Матвеевич (1879–1931), капитан (1917 – полковник) командир 16-й роты. Русский, дворянин (Новгородской губернии), православный. Образование: Павловское военное училище (1899). 1899 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1903 – поручик; 1907 – штабс-капитан; 1911 – капитан. После окончания Первой мировой войны и революции 1917 г. остался в Советской России-СССР; в РККА 1918–1923. Арестован (25.10.1930) и расстрелян (23.4.1931) по «семеновскому делу». По матери – племянник известного русского идеолога анархизма князя П. А. Кропоткина.

3. Имеется в виду Брок Петр Николаевич (1876–1931), капитан (полковник с 1917), командир 7-й роты. Немец, дворянин, православный. Образование: Пажеский корпус (1896). В 1896 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1900 – поручик; 1904 – штабс-капитан; 1908 – капитан; 1917 – полковник. После Первой мировой войны и революции 1917 г. остался в Советской России: 1918–1923 – служил в РККА. 1930.25.10. – арестован по «семеновскому делу», расстрелян 24.4.1931.

4. Иванов-Дивов-2 Анатолий Владимирович (1887–1970), поручик (в 1917 капитан), младший офицер 7-й роты. Русский, дворянин, православный. Образование: Павловское военное училище (1908). 1908 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1912 – поручик, младший офицер 7-й роты; 1915.16.1. – в командировке (в штабе Особой армии; 1916 – штабс-капитан. Участник Гражданской войны (в составе Вооруженных сил Юга России, а затем – в Русской армии генерала Врангеля). С 1920 в эмиграции в Англии. Автор намекает на то, что капитан Брок, после 1917 г. оставшийся в Советской России, трусил, мотивируя, таким образом, и его послереволюционное поведение.

5. Тавильдаров (или Тавилдаров) Николай Николаевич (1880 – ок. 1928), штабс-капитан (полковник 1916) – командир 5-й роты. Русский, дворянин (СПб губернии), православный. Образование: Павловское военное училище (1902). 1902 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1906 – поручик; 1910? – штабс-капитан; 1914 – капитан; 1915 – эвакуирован в тыл по тяжелому ранению; 1916 – полковник, командир 3-й роты запасного батальона л-г. Семеновского полка; к сентябрю 1917 – в запасном батальоне. После Первой мировой войны и революции 1917 г. остался в Советской России-СССР. В Гражданской войне участия не принимал. Умер в тюрьме.

6. У Иванова-Дивова – Тигельштедт. (Иванов-Дивов А. В. Указ. соч. С. 2). Тигерстедт (Тигерштедт) Олаф Алексеевич (1888.30.10.-25.8.1914), поручик (21.11.1910, старшинство с 9.8.1910), младший офицер. Швед, дворянин (Великого Княжества Финляндского), евангелист-лютеранин. Образование: Новое училище в Гельсингфорсе, Императорский Александровский Лицей, экзамен на офицерский чин при ГУВУЗ.

7. Имеется мост у городка Лоди в Италии, где произошло сражение французских войск под командованием генерала Наполеона Бонапарта с австрийскими войсками, завершившееся победой французов, во время которого, по воспоминаниям самого Наполеона, он впервые почувствовал свою незаурядность и свое предназначение.

8. Касаткин-Ростовский Федор Николаевич (1875–1940), князь, капитан – младший штаб-офицер (полковник 1916). Русский, дворянин (Курской губернии, «Рюрикович»), православный. Образование: Пажеский корпус (1895). 1895 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1899 – поручик; 1903 – штабс-капитан; 1907 – капитан; после 1907 г. в отставке; вновь в полку (с 1914); 1916 – полковник. Дважды контужен; 1915 – эвакуирован в тыл для лечения. Участник Гражданской войны на стороне белых: возглавлял подпольную антибольшевистскую организацию в Киеве (1918–1.1919); в составе Вооруженных сил Юга России. В эмиграции с 1919 г. во Франции. Поэт. Масон.

9. Зайцов Арсений Александрович (1890–1954), поручик (1912, полковник 1920?) – младший офицер. «Коренной». Русский, дворянин (СПб губернии), православный. Образование: Пажеский корпус (общие классы 1906), Николаевское военное инженерное училище (1909), Николаевская академия Генерального штаба (с 1913, не окончил, причислен к Генштабу в 1916). 1909 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1912 – поручик; 1916 – штабс-капитан; 1917 – капитан; 1917.11 (?) – полковник. Участник 1-й мировой войны (награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., Георгиевским оружием); 1916.6. – помощник начальника отделения в отделе генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии. Участник гражданской войны в составе Добровольческой армии (с конца 1918), Вооруженных сил Юга России и Русской армии. 1919.1.-2. – начальник штаба гвардейского отряда 1919.4. – начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Акманайских позициях; 1919 – командир роты в Сводно-гвардейском полку; 1919.8.7. – командир 1-го батальона; 1919 осень – командир батальона л-г. Семеновского полка в 1-м сводно-гвардейском полку; 1920.1. – командир сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. С 1920.20.7. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской армии на штабных должностях до эвакуации Крыма: 1920–3.1922 – старший адъютант штаба Донского корпуса генерала Ф. Абрамова. В эмиграции в Чаталдже, Лемносе: 1922.8. – помощник начальника гвардейского отряда; 1922.9. – начальник штаба Донского корпуса (в Болгарии). 1924 – вызван генералом А. П. Кутеповым в Париж: 1924–1.1930 – начальник контрразведки штаб-квартиры генерала Кутепова, ближайший его сотрудник по закрытой работе в СССР. 1925 – в прикомандировании к 1-й Галлиполийской роте в Болгарии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Ближайший сотрудник Кутепова по закрытой работе в России (1924–1930). С 1928 – ближайший помощник профессора генерала Н. Н. Головина: 1931 – помощник по учебной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже; 1938 – руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, защитил диссертацию, профессор. Член полкового объединения л-г. Семеновского полка.

10. Веселаго Феодосий Александрович (1877–1915), капитан (6.2.1909, старшинство с 12.8.1908; полковник посмертно 1915), командир 6-й роты. Русский, дворянин (СПб губернии), православный. Образование: Пажеский корпус (1896, по 1-му разряду). 1895.30.9. – камер-паж при Великой Княгине Александре Иосифовне; 1896 – подпоручик Кавказской гренадерской ЕИВ Великого Князя Михаила Николаевича артиллерийской бригады; 1896 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1900.6.10. – поручик, младший офицер 14-й роты, холост; 1904 – на Русско-японскую войну; 1904.24.2 – подьесаул; 1904.18.11. – есаул; 1905 – вернулся в л-г. Семеновский полк; 1906.6.2. – штабс-капитан л-г. Семеновского полка; 1909.6.2. (старшинство с 12.8.1908) – капитан, командир 6-й роты; 1915 – полковник (посмертно). Участник Русско-японской, 1-й мировой войн (Георгий 4-й ст. и 6 орденов), убит под Ломжей 19.2.1915.

11. Вешняков Михаил Сергеевич (1871–1915), полковник (6.12.1910) – командир батальона. «Коренной». В полку до 1915 г. Русский, дворянин, православный. Образование: Александровское военное училище (1891, 1-й разряд с занесением на мраморную доску). 1891 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1895 – поручик; 1899.17.11. – и. д. начальника полковой учебной команды; 1899.22.12. – заведующий офицерской библиотекой; 1900.22.7. – штабс-капитан (старшинство с 6.5.1900), холост; 1904.28.3. – капитан; 1904–1905 – выбыл из полка на русско-японскую войну (ранен, повреждение левой ноги, контужен); 1905.22.2. – подполковник армии; 1905.21.11. – капитан л-г. Семеновского полка (старшинство с 5.8.1903); 1910.6.12. – полковник; 1913.1.1. – штаб-офицер 3-го батальона (числился в 9-й роте); 1914 (к августу) – командир 2-го батальона; 1915 – командир армейского полка. Убит в бою.

12. Свешников Александр Александрович (1873–1923), капитан (полковник 6.12.1914) – младший штаб офицер 2-го батальона. Русский, дворянин, православный. 1894 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1898 – поручик; 1902? – штабс-капитан; 1908 – капитан; 1914 (к 8.1914) – младший штаб офицер 2-го батальона; 1914.6.12. – полковник. После Первой мировой войны и революции 1917 г. остался в Советской России и СССР. Погиб на принудительных работах у ст. Мста.

13. Толстой-2 Иван Николаевич (1891 – после 1920), подпоручик (1913; капитан к 1917) – адъютант 2-го батальона. Русский, дворянин (Тверской губернии), православный. Образование: экзамен на офицерский чин при Владимирском военном училище (1 разряд) По другим сведениям Александровское военное училище. 1913 – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1915.28.7. – эвакуирован в тыл для лечения; 1916 – поручик; 1917 – штабс-капитан; к 16.10.1917 – капитан, командующий 2-м батальоном. После первой мировой войны и революции 1917 г. остался в Советской России.

14. Энгельгардт-1 Борис Вадимович (1889–1939), подпоручик (6.8.1911; капитан 1917, полковник 1919) – младший офицер. Русский, дворянин (СПб губернии), православный. Образование: Императорское Училище правоведения, экзамен в ПВУ. 1911.6.8. – подпоручик л-г. Семеновского п-ка, младший офицер 5-й роты; 1915 – поручик; 1917 – штабс-капитан, в составе запасного батальона полка (до 10.1917); 1917.10. – капитан, командующий 4-м батальоном (к 16.10.1917). Участник 1-й мировой войны, гражданской войны (1918 в РККА, 1918–1919 в Добровольческой армии, 1919–1920 в Северо-Западной Армии); 1918.11 – в ДА; 1919 – начальник контрразведки в армии Юденича; 1920 – начальник контрразведки в армии Булак-Балаховича. С 1920 в эмиграции в Эстонии (Таллин), начальник Прибалтийского отделения РОВС (1914–1932?); убит.

15. Чистяков Антон Петрович (1890–1916), прапорщик (1913; поручик 1916) – младший офицер. Русский, дворянин (СПб губернии), православный. Образование: Петербургский ун-т, экзамен на офицерский чин при штабе 1-й

гвардейской пехотной дивизии. 1913 – прапорщик л-г. Семеновского полка; 1914? – подпоручик; 1916? – поручик, командир 13-й роты. Погиб в бою.

16. Пенхержевский-1 Владимир Александрович (1887–1920), поручик – младший офицер. Русский (польского происхождения), дворянин (СПб). Образование: Павловское военное училище (1-й разряд); 1907 – подпоручик армии; 1908.25.6. – подпоручик л-г. Семеновского полка, младший офицер 6-й роты, холост; 1911.6.11. – поручик. Участник 1-й мировой войны: 1914.1.12. – командующий 13-й ротой; 1915.22.11. – наблюдающий за маршевыми ротами; 1915 – штабс-капитан; 1916 – капитан; 1917 – полковник, наблюдающий за маршевыми ротами (к 16.10.1917). В Добровольческой армии до 7.1919 – начальник разведывательного отделения в штабе генерала Врангеля. В Северо-Западной армии (зачислен с 15.7.1919), в декабре 1919 начальник контрразведывательного отдела 5-й пехотной дивизии. В эмиграции в Эстонии. Застрелился в 1920 в Ревеле.

17. Эссен-2 Георгий Карлович, фон (1892-убит 27.7.1915), подпоручик – младший офицер. Немец, дворянин СПб губернии. Кадетский корпус и ПВУ (1914). 1914 – подпоручик л-г. Семеновского полка. Участник Первой мировой войны; 5 наград. Пропал без вести у деревни Петроков 28.7.1915 (убит).

18. Типольт Александр Александрович, барон (1885-умер в СССР ок. 1967), барон, прапорщик (капитан 1917) – младший офицер. Немец, дворянин, лютеранин (?). Образование: Императорское Училище правоведения, экзамен при 37-й пехотной дивизии (1914). 1914 – прапорщик л-г. Семеновского полка; 1915 – подпоручик; 1916 – штабс-капитан; 1917 – капитан. Участник 1-й мировой и гражданской войн (в РККА). 1920–1923? – в штабе Западного фронта, в штабе Тухачевского под Кронштадтом. 1935 – после убийства Кирова выслан из Ленинграда в Казахстан, но возвращен по ходатайству Тухачевского. Репрессирован в 1938. Реабилитирован, вернулся из ссылки.

19. Комаров Дмитрий Виссарионович (1885–1931), подпоручик (капитан 1917) – младший офицер. Русский, дворянин, православный. Образование: Императорское Училище правоведения, экзамен на офицерский чин при ГУВУЗ (1910, 2-й разряд). 1910 – подпоручик л-г. Семеновского полка, младший офицер 6-й роты, младший офицер 7-й роты (к 8.1914); 1915.21.9. – эвакуирован в тыл для лечения; 1915? – поручик; 1916 – штабс-капитан; 1917 – капитан; 1917.11. – выборный командир Семеновского полка. 1930.25.10. – арестован по «семеновскому делу»; расстрелян 24.4.1931.

20. Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), подпоручик (7.1914; капитан 1917, маршал 1935) – младший офицер. Русский, дворянин (Московской губернии), православный. Образование: Александровское военное училище (1914) по 1-му разряду с занесением фамилии на мраморную доску. 1914.12.7. – подпоручик л-г. Семеновского полка.

21. Мельницкий-1 Владимир Михайлович (1883–1920), штабс-капитан (полковник) – командир 8-й роты «Коренной». Русский, дворянин, православный. Образование: Павловское военное училище (1903); Николаевская академия Генерального штаба. 1903? – подпоручик л-г. Семеновского полка; 1907 – поручик; 1912 – штабс-капитан; 1915 – капитан. Участник 1-й мировой войны, гражданской войны в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России, Русской армии: 1919 – начальник разведотделения штаба Добровольческой армии. Умер от тифа в Севастополе 23.3.1920.

22. Пенхержевский-2 Александр Александрович (1890.17.8.- убит 20.8.1914), подпоручик (21.11.1909, старшинство с 6.8.1910) – младший офицер. «Коренной». Поляк, дворянин (СПб губернии), православный (?). Образование: экзамен на офицерский чин при ГУВУЗ (1 разряд).

23. Штильберг Александр Густавович (1881–1944), прапорщик (капитан к 10.1917) – младший офицер. «Коренной». Немец, дворянин (СПб губернии), лютеранин. ИУП (1906), экзамен на чин прапорщика запаса (1907). 1914.8. – прапорщик л-г. Семеновского полка; 1915 – подпоручик; 1916? – поручик; 1917 – штабс-капитан; 1917 (к 16.10.) – капитан, хозяин офицерского собрания. Участник 1-й мировой войны. Эмигрировал во Францию; с 1938 – в Нидерландах; умер в Дюнкерке.

24. Фольборг-2 Николай Владимирович (1888–1938), прапорщик – младший офицер. Немец, дворянин (СПб губернии), лютеранин. Образование: Императорский Александровский лицей, экзамен на прапорщика армейской пехоты при штабе 1 гвардейской пехотной дивизии. 1914.8. (1913.7.12) – прапорщик л-г. Семеновского полка. После Первой мировой войны и революции 1917 г. остался в Советской России и СССР; арестован по «семеновскому делу» в 1930, но оправдан; в 1935 – бухгалтер, преподаватель немецкого языка в Ленинграде. Арестован и расстрелян в Ленинграде.

25. Согласно уставным положениям старой русской армии должность командира роты занимал офицер в чине капитана или штабс-капитана. Если же командиром войскового подразделения или войсковой части назначался офицер, чин которого не соответствовал уровню командования (например, подполковник командовал полком, поручик или подпоручик командовал ротой, капитан или штабс-капитан – батальоном), то его должность официально именовалась не «командир» (полка, батальона, роты), а «командующий».

26. «Достойны награждения орденом Св. Георгия... II. По всем родам оружия вообще. 11) Кто с боя возьмет действующие или защищаемые неприятельские: батарею, орудие или пулемет и доставит оные в распоряжение своего начальства, или, если это сделать нельзя, то хотя бы приведет их в негодность и представит доказательства произведенной порчи».

Библиографический список

1. Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003.
2. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004.
3. ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, д. 9, л. 3335.
4. Гуль Р. Б. Красные маршалы. М., 1995.
5. Зайцов А. А. Семеновцы в 1914 году. Хельсинки, 1936.
6. Иванов-Дивов А. В. 7-я рота Лейб гвардии Семеновского полка в Галиции//Военная быль. № 91, май 1968 г. Париж. 1968.
7. Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. СПб., 2008;
8. Лесков В. Сталин и заговор Тухачевского. М. 2003;
9. Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии 1905–1917. Буэнос-Айрес. 1954.
10. Мартиросян А. Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М. 2003.
11. Минаков С. Т. За отворотом маршальской шинели. Орел. 1999.
12. Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел. 2000;
13. Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М. 2004;
14. Минаков С. Т. Сталин и заговор генералов. М. 2005;
15. Минаков С. Т. Военная элита 20–30-х гг. XX века. М. 2006.
16. Минаков С. Т. 1937. Заговор был! М. 2010.
17. Млечин Л. М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М. 2004.
18. Никулин Л. Тухачевский. М. 1964.
19. Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М. 2009;
20. РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2973.
21. Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть «красного маршала». М. 2003;
22. Соколов Б. В. Тухачевский. М. 2008;
23. Черушев Н. С. 1937 год: элита Красной армии на голгофе. М. 2003;
24. Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938–1941. М. 2003;
25. Черушев Н. С. 1937 год. Был ли заговор военных? М. 2007;
26. Черушев Н. С. «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918–1953. М. 2004;
27. Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М. 2004.

S. T. MINAKOV

LIEUTENANT TUKHACHEVSKY IN THE BATTLE OF KRZHESHUV IN THE SEPTEMBER 2, 1914

The role of M. N. Tukhachevsky in the battle of Krzheshuv in the September 2, 1914 investigates in the article, was of the great strategic importance. As he considered his merits were not appreciated by the command. According to the biographers, this was the initial impulse for the transition Tukhachevsky to the Bolsheviks. The prevailing view is checked for materials sources.

Key words: *Tukhachevsky, Semenov regiment, Kzheshuv, 1914.*

С.И. МИХАЛЬЧЕНКО

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, директор НИИ
фундаментальных и прикладных исследо-
ваний Брянского государственного универ-
ситета им. Академика И.Г. Петровского
E-mail: smikh10@mail.ru
Тел. (4832) 58 93 39

В.П. ПОНОМАРЕВА

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права Брянского государственного
университета им. Академика И.Г. Пет-
ровского

РУССКИЕ ЮРИСТЫ В ЭМИГРАЦИИ В 1920-Е ГОДЫ (ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Статья посвящена деятельности Русского юридического факультета в Праге, его преподавателям и студентам. Она написана на основе неизвестных ранее материалов из архивов Германии и России.

Ключевые слова: эмиграция первой волны, русские юристы, Русский юридический факультет, Чехословакия.

Русская эмиграция 1920–1930-х годов («первой волны») – явление, привлекающее неизменное внимание исследователей. Основной упор при этом делается на изучении деятельности политических и общественных организаций эмиграции, а также ее культурного наследия. Менее подробно изучено бытование различных социальных групп, среди которых не последнее место занимали юристы. В дореволюционной России юристы, различаясь по общественному статусу, уровню доходов, известности, занимали, в целом, привилегированное положение. Большой популярностью среди поступающих пользовались юридические факультеты университетов, а также закрытые учебные заведения (Императорское училище правоведения и др.), готовившие юристов для государственной службы. Оказавшись в эмиграции, представители юридического «сословия» зачастую пытались перенести на новую почву привычные российские реалии. Одной из таких реалий было высшее образование, в целом, и юридические факультеты, в частности.

Высшие учебные заведения русской эмиграции уже подвергались изучению. В целом охарактеризована деятельность и юридических факультетов в Праге и Харбине (в основном приведены формально-статистические сведения) [2; 5]. Настоящая статья предлагает новые данные о профессорах и студентах юридического факультета в Праге, почерпнутые преимущественно из неопубликованных «Воспоминаний» выдающегося русского юриста и философа Е. В. Спекторского [6;9].

Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951) известен как автор многочисленных трудов по философии, теории и истории права, культурологии, социологии, истории литературы [1; 4; 7; 10; 11]. Ряд работ посвящен им истории России. Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора. Став в 1920 г. эмигрантом, Спекторский не оставил академической

работы – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге, долгие годы преподавал в Люблянском университете, а в последние годы жизни в Свято-Владимирской Духовной академии в США.

Неопубликованные мемуары Спекторского позволяют насытить существенными подробностями историю подготовки юристов в эмиграции, поскольку значительное внимание в этом документальном памятнике отводится пражскому периоду жизни Спекторского, когда он преподавал на Русском юридическом факультете.

В 1924 г. Спекторский был рекомендован к избранию на освободившуюся после смерти П.И. Новгородцева кафедру истории философии права известным юристом профессором Н. Алексеевым. Алексеев знал Спекторского давно – он вместе с П.И. Новгородцевым был оппонентом при защите Спекторским докторской диссертации в 1917 г. Алексеев отметил, что «В современной русской философии права проф. Е.В. Спекторский занимает совершенно особое и выдающееся место... В своих исторических сочинениях Е.В. Спекторский не шел ... чужими путями. Им был разработан материал доселе еще никем не исследованный. Это ставит Е.В. Спекторского в ряд совершенно оригинальных исследователей. Его научные работы изобилуют громадной, иногда изысканной начитанностью. Кроме своих сочинений, посвященных проблеме социальной физики, Е.В. Спекторский написал ряд других научных работ, как-то: изданные в Киеве лекции по энциклопедии права, книгу о Государстве и многочисленные статьи, напечатанные в различных журналах. Во всех этих работах Е.В. Спекторский обнаруживает немало обширных познаний и блестящий дар изложения. Он принадлежит к числу авторов, умеющих явно и с большим остроумием излагать отвлеченные и сухие научные темы. Все это делает Е.В. Спекторского выдающимся ученым и одним из ученых представителей современной русской философии права». Особенным образом Алексеев подчеркивал, что «помимо больших лекторских дарований Е.В. Спекторский обнаружил, как известно, и выдающиеся административные способности как ректор университета св. Владимира в Киеве

он был не только искусным администратором, но и честным заступником русских национальных интересов, с твердостью проводящим свои взгляды в жизнь». Естественным после таких высоких оценок был вывод Алексеева – «Привлечение Е.В. Спекторского в Прагу всегда было чрезвычайно желательным. Теперь же со смертью П.И. Новгородцева оно становится особенно необходимым. В лице Е.В. Спекторского освободившаяся за смертью П.И. Новгородцева кафедра истории философии права находит действительно достойного заместителя» [3, лл.7–7 об.]. Отзыв был составлен 12 мая, а уже 9 июня Спекторский благодарил факультет за избрание на искомую должность [3, л.8].

Спекторский работал на факультете до 1927 г. Вначале он был только профессором, а в июне 1927 г., когда декан факультета Д.Д. Grimm уехал на работу в Тарту, Спекторский был избран деканом факультета [8, с. 17]. Как преподаватель он читал курсы лекций по истории философии права на втором курсе и по церковному праву на третьем. «Воспоминания» Спекторского изобилуют подробными характеристиками профессоров факультета, а равно и других представителей академического мира, оказавшихся в Праге. Здесь и декан факультета Д.Д. Grimm («строг, но справедлив по отношению к студентам. Они побаивались его, но и уважали своего «железного декана» [9, л.597], и известный историк русского права М.В. Шахматов, больной туберкулезом позвоночника («Свою магистерскую диссертацию он писал на подвешенном попире, лежа на животе. Он был трудолюбив и любил свою науку. Но у него не было строго научного духа. Он писал *ad demonstrandum, non ad narrandum*. И это портило его исторические исследования. Так, например, он изображал Древнюю Русь какими-то сентиментальными и идиллическими чертами» [9, л.599], и знаменитый П.Б. Струве («Недостатком П.Б. Струве было то, что он не прошел, как мы, систематического ученого стажа. Ему, по-видимому, было трудно прочесть законченный курс. Кроме того, его чересчур отвлекала политика. Однажды он в разгаре учебных занятий, не предупредив ни декана, ни студентов, помчался в Лондон и просидел там довольно долго. Должно быть, он считал, что для России это было необходимее, чем чтение регулярных

лекций» [9, л.602]. Вспоминался Спекторскому и «П. Н. Савицкий, талантливый, но и честолюбивый идеолог евразийства, из-за этого разошедшийся со Струве. Он жил в Мокропсах, где над его жилищем, как уверяли злые языки, будто бы развевался верблюжий хвост: ставка Чингисхана» [9, л.603]. К евразийству склонялся и Н. Н. Алексеев, «человек с острым и здравым умом, но без твердой политической установки», преподававший государственное право [9, л. 604].

По воспоминаниям Спекторского, «энциклопедию права преподавал бывший харьковский профессор А. Н. Фатеев. Он основательно изучил Сперанского и его время. Написал о нем большую монографию. Но мог напечатать только отдельные отрывки, преимущественно об Александре I. Переходя от истории к теории, он совершенно менялся. ...Он начинал выражаться замысловато и запутанно» [9, л.597].

Важным предметом для будущих юристов, чья карьера могла развиваться в Европе, было международное право. Его преподавали несколько ученых. Во-первых, М. А. Циммерман, «работавший быстро, но несколько поверхностно и увлекавшийся созданной Версальским договором видимостью мира всего мира». Во-вторых, Михайловский, «беспокойный и в душе не вполне нормальный человек. Обидевшись, что Циммерман защитил диссертацию раньше, чем он написал свою собственную, он с треском вышел из факультета» [9, л.604].

Противоречивой фигурой предстает из мемуаров Спекторского известный юрист и философ Г. Д. Гурвич. На юридическом факультете он читал курс теории международного права, который Спекторский характеризовал как «интересный». Самого Гурвича он называл «талантливым», но при этом «нахалом», неразборчивым в науке и жизни. В качестве доказательства этого он привел пример с защитой Гурвичем магистерской диссертации о Фихте. Гурвич представил к защите в пражский факультет книгу о Фихте, написанную на немецком языке. Факультет счел невозможным допустить ее к защите в городе, недавно освобожденном от австрийского владычества. Гурвич отправился защищать диссертацию в русскую академическую группу в Берлин. Главным оппонентом Гурвича был Н. Н. Алексеев, который установил, что «Гурвич

для того, чтобы стилизовать Фихте в своем вкусе, не остановился перед фальсификацией. Приводя в кавычках выдержки из его сочинений, он вставлял в них свою отсебятину» [9, л.605]. Тем не менее, Гурвич получил искомую степень и позже был профессором во французских университетах.

Не забыл Спекторский и криминалистов А. В. Маклецова («занимался детской преступностью, охраной молодежи и т. п. проблемами») и Н. С. Тимашева («соединял известного рода левизну с общей добропорядочностью и религиозностью... Писал он солидно, но тяжеловато.»), также работавших в эти годы в Праге [9, л.607].

Слабее была представлена на факультете цивилистика. Гражданское право преподавал С. В. Завадский, бывший сенатор и профессор петербургского Александровского лицея. «В России он не был профессором университета. И посему Д. В. Гримм смотрел на него как на дилетанта, что его очень обижало. Это был человек с широким художественным образованием и тонким вкусом, любитель греческой трагедии и испанской литературы. Хороший представитель судебного красноречия, приемы которого он применял к литературным сюжетам» [9, л.608].

Ярким профессором был занимавший некоторое время кафедру церковного права о. С. Н. Булгаков, затем переехавший в Париж.

Наряду с юристами, на факультете преподавали историки и философы, так как Новгородцев, проектируя учебный план, кое-что позаимствовал из организации учебного процесса в Варшавском университете, где было много непрофильных дисциплин на юрфаке. Спекторский оставил одобрительную характеристику А. А. Кизеветтера («... Блестящий лектор. У него остатки кадетского духа, вызывавшие у некоторых студентов недовольство «крамольным стариком», сочетались с оскорбленным национальным чувством по поводу унижения, нанесенного нашей родине третьим интернационалом. Как и Струве, он решительно боролся против евразийства» [9, л.610]; сочувственную – Г. В. Флоровского («несомненно, очень талантливый», но при этом «очень церковный человек со склонностью к вероисповедной исключительности») и Г. В. Вернадского («не одобрял украинских симпатий своего отца, но сам склонялся к евразийству»), а также Н. О. Лосского («Очень религиозный, он был

уверен, что исповедует чисто православное мировоззрение. Но, в сущности, у него было некоторое тяготение к теософии. Он противился большевизму и питал симпатию к демократии.», И.И. Ломшакова («скептик и рационалист») и других ученых [9, лл.613–614].

Наряду с характеристиками профессоров факультета, мемуары Спекторского полны метких и подробных описаний студенчества. «Объективно наши студенты были, конечно, несчастны, – подчеркивал он. – Без родины, без семьи, без обеспеченного будущего, они ели чужой хлеб, за что их попрекали с разных сторон: социалисты – потому что они не были социалистами, чехи из России – потому что хотели получить в возмещение понесенных ими убытков суммы, шедшие на иждивение и т. д. Здоровье их было в неудовлетворительном состоянии. Очень велик был процент склонных к туберкулезу. За четыре года умерло 62 студента. Морально наши учащиеся с трудом оправлялись от недавно перенесенных потрясений» [9, л.621]. Удручало Спекторского снижение общего уровня студенчества («Среди наших студентов было немало талантливых молодых людей, работавших хорошо и даже с отличием. Но общеевропейское понижение общего образования сказывалось у большинства. Слушая ответы на экзаменах, нередко я вспоминал одну фразу Островского: «Эх ты, моя необразованность» [9, л.623–624]. Он привел многочисленные случаи студенческой безграмотности: «Вальсамон превращался в Вассермана, неопороченность в непрочность, охлократия в хохлократию». При ответах на экзаменах

Спекторский получал такие ответы: «Аристотель был ученик Платона и друг истины», «Ульпиан сочинил пандекты, изданные во втором веке до Р.Х.». Когда мне говорили, что блаженный Августин жил в XV веке, я позволял себе спросить: до или после Рождества Христова. И кто-то мне ответил: до, то есть после. На коллоквиуме у Францева дочь Новгородцева отнесла французам к германскому миру. А Ляцкому она сообщила, что Достоевский умер в начале XIX века и, что после Александра II царствовал Николай I. В, очевидно, списанном сочинении студентка Вагнер вместо «историографа Карамзина» написала «историю графа Карамзина» [9, л.624].

Спекторский провел в Праге три года. Это время стало для него весьма плодотворным в научном и педагогическом отношении. Он издал обширное исследование «Христианство и культура» (Прага: Пламя, 1925), двухтомный литографический курс «Пособие к лекциям по истории философии права» (Прага, 1925), учебное пособие «Начала науки о государстве и обществе» (Белград, 1927), а также многочисленные статьи. При этом «Начала» были приняты как учебник законоведения для русских школ в Югославии. «А в Харбине профессор Г.К. Гинс стал экзаменовать по ней студентов юридического факультета» [9, л. 726].

История Русского юридического факультета как учебного заведения вскоре после отъезда Спекторского завершилась, до середины 1920-х годов он продолжал функционировать только как научное учреждение.

Библиографический список

1. *Билимович А.Д.* Профессор Е.В. Спекторский // День русского ребенка. Сан-Франциско, 1952. Вып. XIX. С. 129–134.
2. *Ганин В.В.* Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37–43.
3. *Государственный архив Российской Федерации.* Ф.5765. Оп. 2. Д.869.
4. *Ермичев А.А.* Е.В. Спекторский (1875–1951). Библиографическая справка [Текст] / А.А. Ермичев // Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб.: Наука, 2006. Т. II. С. 506–521.
5. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920–1930 годов // Исторические записки. М.: Наука, 2004. Вып. 7 (125). С. 198–222.
6. *Михальченко С.И.* Документы профессора Е.В. Спекторского в Архиве Института по изучению Восточной Европы Бременского университета // Минулае і сучаснасць: Архівы у сістэме гуманітарных

ведаў: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі (Мінск, 20 мая 2009 года). Мінск. 2010. С. 210–213.

7. *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский и Варшавский университет в конце XIX – начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. № 8. Вып. 4 С. 103–108.

8. *Отчет* о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–27 уч. год с общим обзором его пятилетней деятельности (1922–1927). Прага, 1927. 37 с.

9. *Спекторский Е.В.* Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. Ф.01–30.230 (Bonač, Vladimir). Е. х.П.

10. *Ткаченко Е.В.* Общественно-политические взгляды Е. В. Спекторского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009. 160 с.

11. *Ульяновський В., Короткий В., Скиба О.* Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський. Київ: Київський університет, 2007. 311 с.

S. I. MIKHALCHENKO, V. P. PONOMAREVA

RUSSIAN LAWYERS IN EXILE IN 1920 (ON UNPUBLISHED MATERIALS)

The article is devoted to activities of the Russian Law Faculty in Prague, its faculty and students. It is written on the basis of previously unknown material from the archives of Germany and Russia.

Keywords: emigration of the first wave, Russian lawyers, Russian Law Faculty in Prague, Czechoslovakia.

О.А. МОНЯКОВА

*кандидат исторических наук, директор
Ковровского историко-мемориального му-
зея, старший научный сотрудник Центра
изучения региональной казуальной истории
Шуйского государственного педагогичес-
кого университета*

E-mail: museum-kovrov@mail.ru

Тел. (49232) 2 18 15; 8 915 754 98 52

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЗЕМСТВА В ОБЛАСТИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИИ (1864 -1917): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья представляет первую в отечественной историографии попытку комплексного анализа динамики развития нормативно-правовой базы, в контексте которой выстраивались взаимоотношения Русской Православной Церкви и земских органов самоуправления на местах по формированию важного структурного компонента культурно-образовательного пространства российской провинции – среднего образования, с 1864 по 1917 гг. Весь процесс, начавшийся одновременно с модернизацией страны в 1860-е годы и продолжавшийся до 1917 года, автор условно подразделяет на четыре периода.

Ключевые слова и фразы: светское среднее образование, духовное среднее образование, образовательное пространство, земство, Русская Православная церковь, земство, соперничество

В настоящее время наблюдается возврат российского общества к проблемам религиозно-нравственного образования и просвещения населения. Сегодня Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) проявляет активное стремление участвовать в формировании культурно-образовательного пространства на самых различных уровнях, вновь воссоздается система общего духовного образования, начального и среднего.

В контексте современных реалий закономерна потребность обращения к историческому опыту, в том числе и к опыту взаимодействия двух основных субъектов культурно-образовательного пространства России второй половины XIX – начала XX вв. – Русской Православной Церкви и земства.

Накануне модернизации страны 1860-х г. вести речь можно было не о культурно-образовательном пространстве в провинции как таковом, а лишь об отдельных его компонентах. А если еще более

конкретизировать, то об образовательной его составляющей, другие компоненты на тот момент в российской провинции практически отсутствовали [19]. До 1 января 1864 г., когда император Александр II подписал Указ Правительствующему Сенату о введении губернских и уездных земских учреждений в России, главными участниками образовательного процесса являлись РПЦ и Министерство народного просвещения (далее – МНП) в лице своих ведомственных учреждений на местах. После того как земства начали свои действия в провинции, они постепенно становились ведущим субъектом культурно-образовательного пространства наряду с православной церковью, а также ее главным соперником в борьбе за духовное лидерство. В ряде публикаций автором уже рассматривалась проблема взаимоотношений РПЦ и земства в процессе формирования культурно-образовательного пространства российской провинции [20, 21], но в контексте анализа динамики

развития нормативно-правового механизма для этих взаимоотношений она исследуется впервые. Так как среднее образование как светское, так и духовное, являлось важным структурным компонентом культурно-образовательного пространства и оставалось таковым до 1917 г., то предметом нашего рассмотрения в данной работе будет нормативно-правовой механизм взаимоотношений РПЦ и земства именно в сфере среднего образования.

И введенные с 1864 г. земства, и не прекращавшее свое функционирование духовное ведомство должны были первоначально опираться в своей деятельности на уже сложившуюся к тому времени систему юридических норм и законов. В связи с этим, прежде чем говорить о юридических основах взаимоотношений РПЦ и земства, следует дать характеристику российского законодательства в области среднего образования перед началом реформ 1860-х гг.

До 1864 г., когда принятием Положения о начальных народных училищах начался новый этап в развитии нормативно-правового механизма светского образования, организация практически всех его звеньев регулировалась одним «Уставом гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 года [35, с. 181-193].

Уставом было определено назначение каждого учебного заведения: приходские училища – для детей «самых нижних состояний» (§ 4); уездные – для детей «купцов, ремесленников и других городских обывателей» (§ 46); гимназии – для детей дворян и чиновников, но не запрещалось за плату учиться и другим детям, кроме детей крепостных и казенных крестьян (§ 134). Отменялась преемственность между уездным училищем и гимназией. Приходские и уездные училища стали школами законченного типа. Гимназии стали средними общеобразовательными учреждениями со сроком обучения семь лет, подразделялись на классические, готовившие к поступлению в университеты и другие учебные заведения, и реальные, где готовили к военной и гражданской службе, и были платными [17, с. 245].

Духовное образование было организовано аналогичным образом, но в отличие от светского, сохраняло преемственность между своими учебными заведениями. В 1808-1814 гг. была проведена реформа духовного образования и

Особым комитетом по усовершенствованию духовных училищ составлены уставы, по которым духовные учебные заведения делились на 4 разряда: духовные академии, семинарии, уездные и приходские училища [14, с. С. 181-193]. В административном отношении низшие училища были подчинены высшим в последовательном порядке. Каждая академия была поставлена во главе своего учебного округа. К началу 1860-х гг. их в России было четыре: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский и Киевский.

Как известно, главной чертой церковно-государственных отношений в России XIX столетия был тотальный контроль государства за жизнью Церкви. Ни один сколько-нибудь серьезный вопрос по управлению ею не мог быть решен без одобрения императора, а на местах – без согласования со светской администрацией [28, с. 167]. Но при этом православная церковь пронизывала все стороны российской действительности, особенно заметно было господство Церкви в народном образовании, которое на Руси началось еще в XI в. со школ при церквях. Создав в 1802 году Министерство народного просвещения, государство одновременно подготовило почву для появления конкуренции между духовным и светским ведомством в деле народного образования. На высшем политическом уровне оно проявилось в этот период, например, в работе с 1817 по 1824 гг. совмещенного министерства духовных дел и народного просвещения [22, с. 206].

Состязательность за преобладающее влияние в сфере образования между светскими и духовными властями проявилась и на уровне законотворчества. Если выстроить в хронологической последовательности принятые двумя ведомствами различные нормативные акты по вопросам образования, и среднего в том числе, обнаружится одна закономерность – как правило, эти юридические документы следовали друг другу по времени. Если одно ведомство принимало решение по тому или иному вопросу в сфере образования, то вскоре следовало ожидать документа аналогичного характера у другого ведомства. Отмеченная нами особенность будет наблюдаться на протяжении всего исследуемого периода, т.е. до 1917 года. А начало данной системе было положено в первой половине XIX в., когда оба ведомства практи-

чески параллельно провели реформы в области образования.

Для доказательства высказанной нами гипотезы обратимся к более близкому к нашему исследованию периоду – накануне реформ 1860-х гг., когда в ожидании их широкое обновительное движение всколыхнуло все общество. Конец 1850-х – начало 1860-х гг. – яркая страница в истории российского образования. В этот период общественного подъема главное внимание общества оказалось прикованным к народной школе, которой в России, по сути, и не было. Отмена крепостного права вызвала необходимость открытия школ для всех слоев населения. Стала очевидной

несостоятельность сословной политики в области образования, ограничений в области женского образования, выявились проблемы среднего образования, основанного на классицизме. Вопросы о преимуществах и недостатках светской и духовной систем образования стали гласно обсуждаться на страницах периодической печати. В это время оба ведомства демонстрируют активную деятельность на образовательном поле, в том числе и в нормативно-правовом пространстве, которую мы для иллюстрации нашей гипотезы заключим в таблицу, где разместим только документы, касающиеся устройства среднего образования [23, с. 138; 4, с. 103; 8, с. 15].

Таблица 1

Динамика принятия нормативных актов по вопросам среднего образования светским и духовным ведомствами в конце 1850-х – начале 1860-х гг.

Годы	Светское ведомство	Духовное ведомство
1855	Устав женских учебных заведений;	Устав училищ для девиц духовного звания, находящихся под Августейшим покровительством Ее Величества государыни императрицы Марии Александровны;
1856	МНП поручило Ученому комитету главного управления училищ пересмотреть устав гимназий и училищ уездного и приходского ведомств Министерства 1828 г. и составить проект нового устава, «более сообразного с современным взглядом на обучение и воспитание»;	
1858	Утверждено «Положение о женских училищах» ведомства МНП.;	
1859		При Св. Синоде учрежден особый Комитет для рассмотрения полученных от ректоров академий и духовных семинарий сведений о необходимых изменениях в духовном образовании;
1860	Утверждается новое «Положение» о женских училищах;	

Составленная таблица подтверждает высказанное нами предположение о том, что оба ведомства буквально следовали друг другу в проведении преобразований в области образования, стараясь не отстать от конкурента, а то и опередить его.

Следующим, коротким, но очень важным для формирования юридической основы среднего образования этапом был период с 1864 по 1866 год. В контексте нашего исследования он будет первым. И самым значительным нормативным актом этого периода является Положение 1 января 1864 г. о введении в России губернских и уездных земств,

с которого данный этап начинается, а заканчивается выстрелом Дмитрия Каракозова в императора Александра II 4 апреля 1866 г. Два года вместили в себя ряд очень важных законодательных изменений в первую очередь в образовательной сфере и в среднем образовании в том числе.

Не изменяя принятой схеме изложения материала, выстроим цепь основополагающих нормативных документов и различных циркулярных распоряжений со стороны обоих ведомств в области среднего образования в хронологической последовательности: 1 января 1864 г. – Положение о

губернских и уездных земских учреждений [26]; 19 ноября 1864 г. – утвержден новый Устав гимназий и прогимназий [8, с. 38]; 14 марта 1866 г. – императором назначено на улучшение содержания духовно-учебных заведений из государственного казначейства пособие в 1 500 000 руб. [11, с. 60]; 19 марта 1866 г. – учрежден Комитет по преобразованию духовно-учебных заведений во главе с митрополитом Киевским Арсением [11, с. 60]; 14 апреля 1866 г. – назначение обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого министром народного просвещения [8, с. 51].

Составленный список, как и раньше, убедительно иллюстрирует тактику следования друг другу в принятии законодательных решений, которую избрали оба ведомства еще в первой половине XIX века. В контексте проблемы нашего исследования данный факт видится несколько по-иному: с 1866 г. приступают к непосредственной практической деятельности на местах органы земского самоуправления, которые в т.ч. принимают на себя от государства основную нагрузку по развитию образования. А, следовательно, постепенно начинает выстраиваться новая линия противостояния: с одной стороны, земства, с другой, объединенные усилия МНП и духовного ведомства. Соперничество последних будет уходить на второй план.

Как уже говорилось выше, на этом этапе появляются первые нормативные документы, регулирующие взаимоотношения на образовательном поле двух ведущих его игроков – РПЦ и земства.

Положение 1 января 1864 г. о земских органах самоуправления, во-первых, учреждает их (гл. I ст. I.); во-вторых, вменяет им в обязанность заботиться, в том числе и о народном образовании (гл. I ст. 2. п. VII.); в-третьих, допускает к участию в их работе представителей православного духовенства, но с определенными ограничениями: они не могут быть членами ни губернских, ни уездных управ, а только гласными земских собраний (гл. II ст. 19; ст. 23 п. д.; ст. 24; ст. 47).

Что касается среднего образования, то здесь МНП оказалось на шаг впереди православного ведомства, приняв 19 ноября 1864 г. новый устав гимназий и прогимназий [32], которому впоследствии будут подчиняться и открытые земством собственные средние учебные заведения. Св. Синод только к концу обозначенного нами периода учредит Комитет

по преобразованию духовно-учебных заведений, первым результатом работы которого станут новые Уставы и штаты духовных семинарий и духовных училищ, принятые в 1867 году [12, с. 98-99].

Выделяя по времени следующий второй этап формирования законодательства в области среднего образования (1866-1879), мы ориентировались на уже принятую в историографии истории образования периодизацию, считающую 1866 год пограничным, после которого произошло ужесточение правительственного курса в народном образовании [13, с. 153]. Данные изменения не могли не отразиться и на отношениях между духовными и земскими учреждениями на местах. А вот годом его окончания предлагаем определить 1879 год, когда в Комитете министров был поднят вопрос о расширении влияния духовенства в народном образовании [23, с. 163].

Рассмотрим основные юридические документы, принятые в области среднего образования за этот период светским и духовным ведомствами, и проанализируем, каким образом они регулировали здесь отношения между православной церковью и земскими учреждениями. Сразу отметим, что на этом этапе земские органы самоуправления на местах не только открылись, но и начали активно вмешиваться в различные сферы провинциальной жизни, что в свою очередь не могло не оказать обратного влияния на процесс законотворчества. Для удобства проведения анализа снова заключим основные документы обоих ведомств в синхронную таблицу [11; 12; 23; 16, с. 78; 1, с. 110-122; 31, с. 154-156; 29, с. 357-358].

Итак, обозначенный нами условный второй период начался с масштабной реформы духовно-учебных заведений. Особенностью данной реформы в контексте проблематики исследования со всей очевидностью является стремление православной церкви идти в русле наметившихся прогрессивных тенденций в области образования. Речь в данном случае идет о решении ввести в курс обучения в духовных семинариях и женских епархиальных училищах с 1866/67 учебного года педагогику, а для совершенствования полученных теоретических знаний на практике открыть при них специальные воскресные школы, где преподавателями должны выступать семинаристы или воспитанницы женских духовных училищ [11, с. 70-71, 92-93]. Следует отметить,

что найденная Церковью форма подготовки собственных кадров для ЦПШ стала для того времени своеобразным «know how» в педагогике, которой впоследствии воспользовались и земства, учреждая педагогические классы при своих гимназиях.

Принятые в 1867 году новые Уставы и штаты духовных семинарий и училищ только законодательно закрепили уже опробованное на практике прогрессивное начинание. Кроме того, § 6 Устава о духовных семинариях открыл доступ в них юношам всех сословий. Таким образом, налицо стремление православного ведомства идти

курсом на сближение двух систем образования – светского и духовного.

Реформа светских средних учебных заведений последовала сразу же за реформой духовных. В 1870-1872 гг. был издан пакет документов, подвергший изменениям всю систему среднего образования, включая реальные училища, мужские и женские гимназии и прогимназии, в т.ч. и открывавшиеся на средства земских органов самоуправления. Анализ проведенных изменений находится за пределами нашего исследования, тем более что данная проблема достаточно репрезентативно представлена в отечественной историографии [2; 8; 15; 10; 25].

Таблица 2

Динамика принятия нормативных актов по вопросам среднего образования светским и духовным ведомствами в 1866-1879 гг.

Годы	Светское ведомство	Духовное ведомство
1866/67		Начало вводить педагогику в программы духовных училищ и семинарий и организовывать специальные ЦПШ при них для педагогической практики воспитанников;
1867		<ul style="list-style-type: none"> – 14 мая – введены новые Уставы и штаты духовных училищ и семинарий; – При Св. Синоде создан Учебный комитет и институт светских ревизоров, инспектирующий духовно-учебные заведения; – Доступ в духовные семинарии открыт всем сословиям;
1868		20 сентября – Устав женских епархиальных училищ;
1870	<ul style="list-style-type: none"> – Новое положение о женских гимназиях и прогимназиях; – Положение об учительских семинариях; 	
1871	Устав женских гимназий и прогимназий;	
1872	15 мая – Устав реальных училищ;	
1873	25 декабря – Высочайший рескрипт о возложении преимущественного попечения в народном образовании на дворянское сословие;	
1875	Особая инструкция об учительских семинариях;	
1879		В Комитете министров поднят вопрос о расширении влияния духовенства в народном образовании.

В контексте проблемы исследования необходимо отметить несколько коррелирующих друг с другом положений в основополагающих документах по организации среднего образования обоих ведомств, при этом постоянно имея в виду, что интересующие нас земские учебные заведения подчинялись нормативно-правовым установкам МНП. Таким образом, сравнивая законодательные принципы организации духовного и светского образования, мы тем самым проводим сравнение между юридическими осно-

вами существования и тенденциями развития церковной и земской систем образования.

Во-первых, средние учебные заведения обоих ведомств стали доступными для детей всех социальных условий. Во-вторых, обращает на себя внимание схожесть учебных программ в средних учебных заведениях обоих структур и аналогичный ряд преподаваемых в них предметов как обязательных, так и необязательных. Для иллюстрации сравним программы преподавания в средних женских учебных заведениях [27; 33].

Таблица 3

Программы преподавания в женских епархиальных училищах и гимназиях по Уставам 1868 и 1870 гг.

№№	Женские епархиальные училища	Женские гимназии и прогимназии
Обязательные предметы		
1.	Закон Божий: а) история Ветхого и Нового Завета; б) пространственный Катехизис; в) объяснение богослужения; г) церковная история, всеобщая и русская	Закон Божий
2.	Русский язык и русская словесность и практическое ознакомление со славянским языком	Русский язык (грамматика и знакомство с важнейшими произведениями словесности)
3.	Арифметика и общие основания геометрии	Арифметика с приложением к счетоводству и основания геометрии
4.	География всеобщая и русская	География всеобщая и русская
5.	Гражданская история всеобщая и русская	История
6.	Общие необходимые сведения из физики	Главнейшие понятия из естественной истории и физики с присовокуплением сведений, относящихся к домашней хозяйству и гигиене
7.	Педагогика	Чистописание
8.	Чистописание	Рукоделья
9.	Церковное пение	Гимнастика, если заведение имеет необходимые к тому способы
Необязательные предметы		
1.	Новейшие языки	Языки французский и немецкий
2.	Музыка	Рисование
3.	Рисование	Музыка и пение
4.		Танцевание

Мы не рассматриваем здесь внутреннее содержание учебных курсов и учебных пособий, по которым они преподавались, так как это не входит в задачу данной работы, но, тем не менее, отметим очевидную схожесть программ. Небольшие отличия больше относятся к специфике учебных заведений, как например, преподавание церковного пения в епархиальном училище, которого нет в гимназиях. Или рукоделье входит в число обязательных предметов в гимназиях, а в ду-

ховных училищах оно предлагается воспитанницам во внеклассное время, но в обязательном порядке. Главное же отличие программ состоит в том, что в епархиальном училище педагогика стала обязательным предметом, а в гимназиях она была предметом выбора для учениц и преподавалась в специальном восьмом педагогическом классе. Следовательно, на примере женских средних учебных заведений мы можем говорить о целенаправленной работе духовного ведомства

по вопросам подготовки кадров для собственных учебных заведений, в частности для церковно-приходских школ и школ грамоты, и пришло оно к необходимости такой работы несколько раньше, чем МНП и земства.

Подводя итог второго законодательного периода в развитии среднего образования, отметим, что изначально сверху в законодательном отношении все субъекты – участники процесса, были поставлены в одинаковые правовые условия и практически действовали в рамках одних и тех же законов и циркуляров, хотя тенденция юридического ущемления прав земств уже намечается.

Следующий третий период в законотворчестве, определявший развитие среднего образования, мы ограничили 1879-1901 гг. Нижняя граница этого этапа одновременно является завершающей в предыдущем периоде. Речь идет об уже упоминавшемся выше моменте, когда в Комитете министров был поднят вопрос о расширении влияния духовенства в народном образовании. Закончить этот период мы предлагаем 1901 годом, так как в уже следующем 1902 году и светское, и духовное ведомства приняли принципиально новые законодательные документы относительно развития народного образования.

Анализ основных законодательных инициатив в области среднего образования в отмеченный период показывает усиленное внимание духовного ведомства к состоянию своих средних учебных заведений, что выразилось в первую очередь в принятии уже в 1884 году новых уставов и штатов духовных семинарий и училищ, по сути, практически сразу же после завершения их преобразований по предыдущим уставам и штатам 1867 г., растянувшимся почти на полтора десятилетия [34]. Характерной особенностью новых документов в контексте проблемы исследования является, во-первых, усиление религиозного начала в учебной и воспитательной части уставов; во-вторых, усиление прав епархиальных архиереев на местах (§§ 14-17) и сокращение выборного начала в административном устройстве этих средних духовных учебных заведений. Если Уставы 1867 г. явно демонстрировали стремление РПЦ «идти в ногу» со светской школой, то теперь наоборот четко просматривается тенденция на укрепление и усиление церковности в системе преподавания и воспитания будущих пастырей

церкви и в административном устройстве этих учебных заведений, о чем совершенно откровенно говорится в Объяснительной записке к Уставу духовных семинарий 1884 г.: «Таким образом, семинарии по уставу 1867 г. заняли какое-то неопределенное, промежуточное положение между новыми классическими гимназиями и старыми семинариями; они стали более светскими общеобразовательными, чем духовными учебными заведениями, при чем главная их цель отступила на второй план. Естественным последствием такой постановки учебного дела в семинариях было то, что в них стал оскудевать дух церковности...» [24, с. 90].

Уже через 12 лет в 1896 году церковное ведомство вновь занялось пересмотром духовно-образовательного дела, организовав по постановлению Св. Синода от 21 января – 8 февраля 1896 г. Комиссию об изменении постановки учебного и воспитательного дела в духовных учебных заведениях [24, с. 95-96]. Основное содержание изменений, которые Комиссия предлагала внести в Уставы духовно-учебных заведений, по-прежнему имело целью укрепление религиозно-нравственных начал в учебном и воспитательном процессах. Последним законодательным актом в области среднего духовного образования в означенный период стал утвержденный императором 14 июля 1901 г. новый устав женских духовных училищ, который унифицировал существовавшие до сих пор уставы женских учебных заведений церковного ведомства и приблизил организацию в них учебно-воспитательного процесса к современным педагогическим реалиям [5, 260-265].

Светское среднее образование в этот период развивалось также по пути укрепления, но только дворянских начал в среднем образовании, изживая как можно больше элементов демократичности из организации учебно-воспитательного процесса в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах, о чем свидетельствует известный пакет циркуляров 1887 г., ограничивший допуск в эти учебные заведения представителей низших социальных слоев населения. Данный вопрос имеет свою устоявшуюся историографию [9; 10; 15; 17] и не является предметом нашего рассмотрения. В контексте изучаемой проблемы хотелось бы только отметить одинаковую направленность производившихся в обоих ведомствах

изменений, направленных на защиту от проникновения в их среду либерально-демократических настроений, носителями которых в том числе были и земские деятели. Земства, как и во всех других направлениях развития образования, здесь подчинялись установкам МНП.

И в заключение отметим основной в формате нашего исследования документ этого периода – это новое «Положение о губернских и уездных учреждениях», утвержденное Указом Александра III 12 июня 1890 г. [30, с. 215-240], которое внесло существенные коррективы во взаимоотношения земства и православной Церкви на правовом уровне, в том числе и в образовательном процессе. В первую очередь, оно исключило участие духовенства в работе земских органов самоуправления, начиная уже с момента выборов, т.е. теперь, согласно ст. 26 Положения, «священно- и церковнослужители Христианских исповеданий в выборах, производимых на избирательных собраниях и съездах, не участвуют». Кроме того, нововведения значительно усиливали зависимость учреждений земского самоуправления от органов государственной власти. Для надзора за деятельностью земских учреждений на местах были созданы специальные «Губернские по городским и земским делам присутствия» (ст. 8). Губернаторам предоставлялись полномочия останавливать исполнение постановлений Губернских и уездных собраний (ст. 87-91).

Последний, четвертый этап в развитии нормативно-правовой базы в сфере среднего образования мы предлагаем начать с 1902 г., когда оба ведомства приступили к пересмотру базовых документов для развития своих образовательных учреждений, и завершить, естественно, 1917 годом, который прервал это движение. Нельзя не отметить, что данный выделенный нами период существенно отличался от предыдущих наличием мощных внешних факторов воздействия, в том числе и на законотворчество: это, во-первых, первая русская революция 1905-1907 гг.; во-вторых, появление на арене нового представительного органа, вмешавшегося в законодательный процесс – Государственной думы; и, наконец, Первая мировая война, во многих направлениях замедлившая поступательное развитие вперед.

При этом мы не должны забывать, что если православное ведомство имело право собствен-

ного законотворчества, то земства такой возможности не имели, а должны были действовать в правовом пространстве, очерченном министерством народного просвещения, и подчиняться его распоряжениям. А чтобы каким-то образом влиять на процесс принятия законов, они избрали прием ходатайств. В 1904 году были, например, удовлетворены ходатайства земств об отнесении расходов на содержание инспекции на казенный счет, что освободило их от содержания 58 должностей инспекторов [3, с. 546].

Светские средние учебные заведения, включая земские гимназии и прогимназии, в этот период продолжают развиваться по законам, принятым еще во второй половине XIX в., тогда как духовное ведомство усиленно реформирует свои духовно-учебные заведения. И судя по содержанию принимаемых нормативных документов, преследует в этом процессе две цели: во-первых, укрепить дух церковности в этих заведениях, а, во-вторых, добиться соответствия современным педагогическим требованиям и реалиям жизни. Сказанное очевидно просматривается в тех изменениях в учебной и воспитательной части семинарий и духовных училищ, которые Св. Синод своим Определением от 15 августа 1906 г. распорядился местным преосвященным внести до того, как будет проведена очередная реформа духовно-учебных заведений [6, с. 239-240]. К примеру, в семинариях предлагалось увеличить число уроков по предмету Св. Писания Нового Завета и одновременно по общеобразовательным предметам, таким как теория русской словесности и литературы, физико-математическим наукам, философии, дидактики, ввести преподавание одного из новых языков, сократив преподавание языков классических. В том же направлении изменялась учебная часть и духовных училищ.

При этом налицо стремление церковных властей сделать свои учебные заведения более открытыми и доступными, о чем свидетельствует пункт этого определения, разрешивший правлениям семинарий принимать без экзаменов для получения богословского образования воспитанников гимназий и реальных училищ. По примеру светских средних учебных заведений этим же документом в духовных семинариях был введен институт классных воспитателей.

Попытки реализовать на практике двоякую задачу, стоявшую перед средними духовно-учебными заведениями начиная с реформ 1860-х гг., а именно: подготовка пастырей для Церкви и одновременно школьных педагогов, очевидно просматривается в положениях духовно-учебной реформы, которую РПЦ пыталась провести, но так и не провела в начале XX в. Подтверждение высказанной нами мысли можно найти в п. 3 и 5 Постановления Св. Синода за № 10493 от 29 декабря 1909 г., регламентирующих учебную программу семинарий и духовных училищ, которые рассматриваются как единый цикл с 10-летним курсом образования (4 года – училище, 6 – в семинарии). Пункт 3 рекомендовал правлениям семинарий и училищ «при распределении по классам учебных предметов 10-летнего курса духовной школы дать богословскому образованию во всех классах такую постановку, чтобы воспитанники во все время обучения своего в духовной школе признавали себя питомцами именно духовной школы». Одновременно п. 5 Постановления предлагал «объем преподавания различных общеобразовательных предметов избрать по возможности такой, чтобы закончившие полный 10-летний курс духовной школы были в состоянии в случае выяснившегося отсутствия призвания к пастырскому служению или непоступления в духовные Академии, продолжать свое образование и в других высших учебных заведениях без тех затруднений, с коими приходится считаться ныне» [7, с. 567-568].

Следовательно, мы видим уже на законодательном уровне стремление Церкви укрепить свои пошатнувшиеся духовные позиции при одновременном стремлении соответствовать сложившимся требованиям современной жизни, при этом очевидны ее попытки выстроить работу своих средних учебных заведений по аналогии со светскими.

Таким образом, анализ общего российского законодательства в области среднего образова-

ния за период 1861-1917 гг. позволяет сделать следующие выводы о нормативно-правовом механизме взаимоотношений Церкви и земства на среднем образовательном поле в провинции:

Во-первых, разделить весь исследуемый период на четыре этапа: 1864-1866 гг.; 1866-1879 гг.; 1879-1901 гг.; 1902-1917 гг.

Во-вторых, отметим, что специального законодательства, регулирующего взаимоотношения РПЦ и земства не существовало. Оба ведомства функционировали в рамках общероссийского законодательства и собственного ведомственного циркулярного права, при этом земства подчинялись в своей образовательной деятельности распоряжениям Министерства народного просвещения.

В-третьих, в продолжение предыдущего вывода мы должны отметить нарастание с 1866 г., с начала функционирования земских органов на местах, тенденции законодательного ущемления прав земств по сравнению с церковным ведомством, ослабление ее в годы первой русской революции и слабое, но все же нарастание (так как правительство уже вынуждено было считаться с работой земских органов) ее в оставшийся временной отрезок до 1917 г.

В-четвертых, мы не можем скрывать наличие соперничества и элементов состязательности между светским и духовным ведомством даже на уровне нормотворчества, которое начало проявляться еще до начала исследуемого нами периода в первой половине XIX в. Земства, будучи структурным элементом гражданского устройства Российской империи, естественным образом стали преемниками этих взаимоотношений, кроме того, в связи с расширением в последующем их деятельности они стали основным объектом этого соперничества. При этом мы должны отметить стремление обоих субъектов следовать друг другу в принятии основополагающих документов для развития обеих систем среднего образования.

Библиографический список

1. *Абрамов В.Ф.* Российское земство: экономика, финансы, культура. М. 1998. 164 с.
2. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII-XIX в.). СПб. 1912.
3. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т.1. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909. 724 с.
4. *Вессель Н.Х.* Общественное училищеведение //Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. Сост. и вст. ст. В.Я. Струминский. М.: Госучпедгиз РСФСР. 1959.

5. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб.: Синодальная типография, 1905.
6. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы. СПб.: Синодальная типография, 1910.
7. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы. СПб.: Синодальная типография, 1910.
8. *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. 2-е изд. М.: Госучпедгиз, 1954. 303 с.
9. *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М. 1964.
10. *Зейфман Н.В.* Среднее образование в системе контрреформ 1880-х годов. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М. 1973.
11. *Извлечение* из Всеподданнейшего Отчета обер-прокурора Святейшего Синода гр. Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 год. СПб., 1867. 107 с.
12. *Извлечение* из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 год. СПб.: Синодальная типография, 1868. 103 с.
13. *Камоско Л.В.* Деятельность министерства народного просвещения в конце 60-х годов XIX в. Сборник научных трудов аспирантов исторического факультета МГУ. М. 1970. С. 153-180.
14. *Козлов М.* Духовное образование в России в XVII – XX вв. //Православная энциклопедия. М. 2000.
15. *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года). М. 1956.
16. *Конюнченко А.И.* Русское православное духовенство во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-политические институты в провинциальной России (XVI – начало XX веков). Челябинский гос. Ун-т, 1993. С. 76-94.
17. *Латышина Д.И.* История педагогики и образования. М.: Гардарики, 2007. 526 с.
18. *Латышина Д.И.* История педагогики. История образования и педагогической мысли М.: Гардарики, 2002. 603 с.
19. *Монякова О.А.* Культурно-образовательное пространство российской провинции 1860-е - 1917 год: структура и этапы формирования //Вестник Нижегородского государственного университета. 2010. № 5. С. 245-252.
20. *Монякова О.А.* Организация начального образования в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Владимирской губернии) //Федерализм. 2010. № 1. С. 195-208.
21. *Монякова О.А.* Церковь и земство в формировании уездного образовательного пространства // Федерализм. 2009. № 4. С. 161-170.
22. *Никольский Н.М.* История русской церкви. М.: Изд-е политической литературы, 1983.
23. *Никулин М.В.* Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.) М., 2006. 288 с.
24. *Объяснительная* записка к уставу духовных семинарий 1884 года /Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808-1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. СПб.: Синодальная типография, 1908.
25. *Перцев В.В.* Развитие гимназического образования в русской провинции второй половины XIX – начала XX века (на материалах Орловской губернии). Автореферат дисс... к. пед. н. Елец, 2006 и др.
26. *Положение* о губернских и уездных земских учреждениях. СПб., 1864.
27. *Положение* о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения 1870 г.
28. *Римский С.В.* Церковная реформа 60-70-х гг. XIX века //Отечественная история. 1995. № 2.
29. *Русское православие.* Вехи истории. М. 1989. – 720 с.
30. *Свод законов* Российской империи. Т. II. Кн. I. М. 1910.
31. *Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX века. М.: Изд-во Академии наук РСФСР, 1954. – 311 с.
32. *Устав* гимназий и прогимназий 1864 года. СПб.: Типография Рогальского и К., 1864.

33. *Устав* женских епархиальных училищ 1868 г.

34. *Уставы* православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним Постановлениями Святейшего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1908.

35. *Хрестоматия* по истории педагогики. Пособие для педагогических училищ. Сост. проф. В.З. Смирнов. М.: Госучпедгиз, 1957.

O.A. MONYAKOVA

**REGULATORY MECHANISM FOR THE RELATIONSHIP
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND ZEMSTVA
IN THE FIELD OF SECONDARY EDUCATION IN THE PROVINCE
(1864 -1917): HISTORICAL ASPECT**

The article presents the first in the national historiography attempted a comprehensive analysis of the dynamics of the regulatory framework in the context of relationships that were built Russian Orthodox Church and local government bodies on the ground to form an important structural component of the cultural and educational space of the Russian provinces - secondary education from 1864 to 1917. The whole process started simultaneously with the modernization of the country in 1860 and lasted until 1917, the author of conventionally divided into four periods.

Key words: secular secondary education, secondary education is a spiritual, educational space, district council, the Russian Orthodox Church, zemstvo, the rivalry

А.А. РОГОЖИН*аспирант кафедры истории России,
ассистент кафедры истории России,
Орловского государственного универси-
тета**E-mail: rogozhin_alexander@bk.ru**Тел. 8 960 652 04 66*

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ

В статье рассматривается вопрос о появлении в составе русской армии допетровской эпохи первых русских генералов. В работе определяется хронологический порядок присвоения генеральского чина русским полковникам «нового строя», особенности чинопроизводства данного времени. Анализируется специфика генеральских чинов в русской армии XVII века. Прослежены основные карьерные вехи русских генералов, их продвижение по служебной иерархии.

Ключевые слова: генералы, полки «нового строя», служба, чины, «служилые по отечеству».

История русской армии XVII века полна тайн, загадок, «белых пятен», которые ждут своего часа, чтобы занять почетное место в летописи вооруженных сил Российского государства. Постепенно отошла в прошлое точка зрения на создание регулярной армии в России Петром I, однако до сих пор некоторые спорные вопросы так и не получили должного освещения.

Примером такого слабо раскрытого в историографии вопроса можно считать историю появления в допетровское время русских генералов. Имена их не вызывают серьезной дискуссии среди ученых, они давно известны историкам, изучающим Россию XVII столетия, – Г.И. Косагов, В.А. Змеев, М.О. Кровков и А.А. Шепелев. Однако особенности генеральского чина в допетровской России, функции генералов, основные вехи карьерного пути первых русских генералов не были достаточно изучены ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Определенные успехи в изучении офицерского состава полков «нового строя» русской армии были достигнуты еще до Октябрьской революции. В частности, А.З. Мышлаевский в своей работе тщательно рассматривал этапы складывания национальных офицерских кадров в допетровское время [18]. Однако в том, что касается русских генералов, А.З. Мышлаевский предпочитает не делать предположений и ограничивается констатацией лежащих на поверхности фактов.

Впрочем, сам он оправдывает себя тем, что «проследить, когда именно, какой чин был у нас введен, возможно не иначе, как произведя сложное расследование, которое в историю вопроса внесет только точную хронологическую дату, по существу дела не интересную» [18, с. 27-28], после чего мимоходом добавляет о существовании в России в 1670-х гг. трех генеральских чинов, в которые жаловались в том числе и русские люди.

Классик советской военной историографии А.В. Чернов, чьи работы имели большое значение для изучения русской армии допетровской эпохи, также не придал вопросу о русских генералах серьезного значения [22]. Он лишь отмечал, что первым генеральского чина из русских полковников «нового строя» достиг в июне 1677 г. командир выборного полка солдатского строя А.А. Шепелев, а вслед за ним в 1678 упоминались генерал-майоры М.О. Кровков, Г.И. Косагов и В.А.Змеев [22, с. 150]. Мысль А.В. Чернова о порядке присвоения генеральских чинов русским полковникам поддержал в своем исследовании правовых основ военной службы в Московском государстве XVII в. Ф. И. Калинычев, который отмечал, что к «80-м годам русские достигли и генеральских званий (Агей Шепелев с июня 1677 года, затем Г. Косагов, Змеев и др.)» [12, с. 117].

Современные работы, например, А.В. Малова, хотя и затрагивали общие вопросы организации и функционирования вооруженных сил

Московского государства XVII в., но не рассматривали вопрос о русских генералах в качестве полноценного предмета исследования [17]. А.В. Малов лишь указывал, что к 1680-м гг. командиры выборных полков А.А. Шепелев и М.О. Кровков достигают генеральских чинов. Впрочем, события указанного периода выходят за хронологические рамки его книги, поэтому русская армия в 1670-1680-х гг. представлена лишь в самых ярких, основных моментах, без подробного и тщательного освещения проблем комплектования армии национальными офицерскими кадрами высшего звена [17, с. 571].

Русско-турецкая война, закончившаяся в 1681 г. подписанием Бахчисарайского мира, была тем самым крупным конфликтом, в ходе которого удалось выдвинуться наиболее талантливым русским командирам полков «нового строя», приблизиться к высшим ступеням карьеры в регулярных полках. Тем не менее, за исключением работы А.В. Малова [16], затрагивающей тему участия в Русско-турецкой войне Московских выборных полков солдатского строя и их командиров, деятельность и заслуги русских генералов в ходе Чигиринских походов и прочих военных действий не становились предметом пристального анализа.

Рассмотренная выше историческая литература убеждает нас в том, что вопрос о появлении в армии Московского государства русских генералов не был убедительно решен в предшествующих исследованиях и нуждается в значительных уточнениях.

Начать хотелось бы с момента появления в русской армии чина генерала вообще. Полки «нового строя» начали формироваться с помощью иноземных офицеров, нанятых на службу, еще в царствование Михаила Федоровича. Тогда, для ведения войны с Речью Посполитой, и были созданы первые солдатские, драгунские и рейтарские полки, возглавляемые полковниками. Самого чина генерала в русской армии этой поры не было, шотландец Александр Лесли, осуществлявший общее руководство частями «нового строя» в России, имел чин «старшего полковника» [20, с. 143].

После Смоленской войны полки «нового строя» из-за дороговизны своего содержания были расформированы, и следующее их пришествие в состав русских вооруженных сил состоялось уже

в царствование Алексея Михайловича. В ходе подготовки очередной войны с поляками вновь был востребован опыт формирования полков «нового строя». В 1649 г. был создан Рейтарский приказ для руководства конницей «нового строя», а также был сформирован рейтарский полк И. Фанбуковена, состоявший из русских дворян и детей боярских, предназначенных после прохождения обучения к занятию командных должностей в новых полках [14, с. 27-28]. Однако первоначально подавляющее большинство высших командных должностей занимали иноземцы, в первую очередь немцы «новокрещены», выглядевшие предпочтительней своих соотечественников, сохранивших конфессиональные убеждения. В первые годы Русско-польской войны 1654-1667 гг. в генеральском чине упоминался перешедший к тому времени в православие А. Лесли [18, с. 28]. Вероятно, именно его и следует считать первым генералом в составе русской армии.

Для нас представляется важным определить на примере русских генералов значение генеральского чина в армии допетровской эпохи. Чем являлся для командиров генеральский чин – почетным пожалованием, выделявшим их из общего числа полковников или же высшим командным чином в полках «нового строя», дававшим его владельцу новый статус и положение в «служилой» иерархии, а также относительную самостоятельность в действиях?

Известные нам документальные данные свидетельствуют в пользу второго утверждения. Безусловно, говорить о полной самостоятельности русских генералов в боевых операциях не следует. При поручении им отдельных серьезных задач генералы именовались в документах воеводами, чаще «сходными воеводами», что давало им право принимать решения в строго очерченных рамках. В остальных случаях генеральские «регименты» не действовали самостоятельно, входя в состав «ратных сил» воеводского полка. Однако есть и более существенные свидетельства в пользу генеральского чина как высшего командного чина в полках «нового строя».

Дело в том, что по численности генеральские «регименты» превосходили обычные полки «нового строя». Например, в период Русско-турецкой войны число нижних чинов в полках «нового строя» обычно не превышало 2 тыс. В 1679 г. же

количество рейтар и копейщиков в полку Моисея Беклемишева составляло 1782 чел. Число рейтар и копейщиков в двух полках – Ивана Григорьева сына Чернышева и Федора Петрова сына Коха – было «...Резанцов 2284 ч.». В драгунских полках М. Вестова и Я. Купера было 1844 и 1757 человек соответственно и т.д. [11, с. 474-475].

Численность же генеральских корпусов значительно превышала эти цифры. В 1679 г. корпус думного дворянина, генерала и воеводы В.А.Змеева состоял из более чем 5 тыс. нижних чинов, причем под командованием генерала были солдатские полки Франца Улфа, Андрея Шниттера, Елизаря Кро и Мартин Болдвина, а также подполковник из полка С. Вестова, по видимому с отдельной «шквadroной» [11, с. 419].

В 1679 г. в двух выборных полках солдатского строя под командованием А.А. Шепелева и М.О. Кровкова было 10 тыс. нижних чинов [11, с. 415].

Под командованием генерал-поручика Г.И. Косагова состоял 10 тыс. корпус, состоявший преимущественно из конных частей. В состав генеральского корпуса входил рейтарский полк Михаила Гопта, восемь с лишним сотен рейтар, выделенных из полка генерал-поручика Франца Улфа, солдатский полк Артемия Росформа (численность солдатского полка не доходила даже до 700 человек) – всего 2743 «государевых ратных людей». Однако по сложившейся практике для усиления генерал-поручику были приданы два казачьих полка, с которыми он постоянно воевал бок о бок – Ахтырский полк И. Перекрестова и Сумский полк Г. Кондратьев. В двух этих полках было девять с лишним тысяч казаков, по данным Московского правительства [11, с. 419]. Генеральский корпус Г.И. Косагова был самым «пестрым» по своему составу, но это связано с особенностями карьеры Григория Ивановича, его огромным ратным опытом и умением руководить различными частями на поле боя. Приведенных свидетельств вполне достаточно, чтобы понять, что генеральские «регименты» по численности и составу весьма заметно отличались от обычных полков «нового строя».

Возвращаясь к вопросу о появлении первых русских генералов, следует заметить, что именно Русско-польская война дала новый толчок развитию вооруженных сил Московского государства. К 1656 г. в русской армии появился

первый русский полковник «нового строя». Им стал Венедикт Андреев сын Змеев [21, с. 421]. В.А. Змеев стал пользоваться расположением Алексея Михайловича после отличия при штурме Кокенхаузена, за которое он был пожалован решением видеть «государевы очи» с Постельного крыльца через «переграду», что для полковника, не удостоившегося еще высоких дворцовых чинов, было серьезным поощрением [8, с. 319].

Немногим позднее полковниками становятся командиры только что сформированных выборных полков – А.А. Шепелев и Я.М. Колюбакин. Полковник Колюбакин не оставил серьезного следа в русской военной истории, погибнув в октябре 1661 г. в битве на Кушликовых Горах [17, с. 476]. На его место по личному указанию Алексея Михайловича был пожалован «...из майеоров в полковники к пешему солдатскому строю к выборному полку на Яковлево место Кулюбакина» Матвей Осипов сын Кровков [6, с. 120].

Путь еще одного будущего генерала, Григория Ивановича Косагова, к высшим ступеням карьерной лестницы Московского государства был своеобразен и заметно отличался от службы большинства известных нам крупных русских военачальников XVII столетия. Будучи представителем «служилого» дворянства среднего уровня, Г.И. Косагов сумел выдвинуться благодаря своим неординарным талантам.

Основные этапы службы Г.И. Косагова прошли в составе Белгородского разрядного полка, которым на протяжении длительного времени командовал прославленный князь Г.Г. Ромодановский. Первоначально стряпчий Г.И. Косагов был командиром сводных отрядов, состоящих из рейтар, драгун, казаков, дворян сотенной службы, иногда солдат и т.п. Именование его «копейного и рейтарского строю стольником и полковником» относится уже к более позднему времени, когда он уже успел сделать себя имя на борьбе против крымских татар и изменников-казачьих на территории Украины, особенно Запорожья. В таком звании Г.И. Косагов был отправлен против Степана Разина [7, с. 64].

Предки Г.И. Косагова также не относились к родовитому дворянству, происходя из слуг митрополичьего дома [3, с. 136]. Тем не менее, отдельным представителям рода Косаговых удавалось заметно продвигаться по службе. Отец

Григория Ивановича, Иван Иванович Косагов, в 1646 г. являлся головой «у стряпчих и дворян Московских» [6, с. 37]. Должность головы у дворян сотенной службы, привилегированной частью которых являлись дворяне московские, не была официально закреплена в качестве звания, а скорее являлась почетным временным назначением. Честь, оказанная отцу Косагова, свидетельствует о его авторитете и уважении, которое к нему питали круги московского дворянства. Точной даты начала службы самим Г.И. Косаговым мы привести не можем, но известно, что уже в 1641 г. он получил чин стряпчего. «Марта в 22 день государь пожаловал из житья в стряпчие Григорья Иванова сына Косагова» [9, с. 260].

Род Змеевых был одной из боковых ветвей рода Беклемишевых. Родоначальником фамилии Беклемишевых был Федор Елизарович Беклемишев, упоминаемый впервые в документах во второй половине XIV в. Фамилию Змеевых боковая ветвь рода получила от прозвища одного из своих предков. [3, с. 34, 123]. 17 марта 1649 г. В.А. Змеев из жильцов был переведен в стряпчие, и с этого года его судьба тесно связана с полками «нового строя» [1, с. 246].

А.А. Шепелев свое происхождение вел от иноземца Шела, выехавшего из Швеции на службу сначала «в Польшу к королю Ольгерду», а затем к Дмитрию Донскому. В Польше Шел крестился и получил имя Георгий, а в обиходе Юрий. От старшего сына Юрия Петра по прозвищу Шепель и вели свое происхождение Шепелевы. Во всяком случае, такова версия самих Шепелевых, изложенная в родословной росписи, подданной в Палату Родословных дел [2, с. 25]. Сам Аггей Алексеевич Шепелев происходил из Белозерских дворян и служил по Одоеву [17, с. 107]. На «государевой службе» А.А. Шепелеву пришлось побывать стрелецким головой, руководить строительством Яблоновского участка новой Белгородской засечной черты, управлять дворцовой Ярополческой волостью, а также побывать приказчиком в дворцовых селах – талант организатора, а не боевой опыт, которым А.А. Шепелев, судя по всему, и не обладал, помогли ему выдвинуться на столь почетную должность, как командир Первого выборного полка [17, с. 107-108].

М.О. Кровкова до выхода исследования А.В. Малова, посвященного Московским выборным полкам солдатского строя, дореволюци-

онные и советские историки именовали обычно датчанином-иноземцем Краффгофом на русской службе. А.В. Маловым убедительно была доказана несостоятельность подобного утверждения. Возможно, свой род М.О. Кровков и выводил из «выезжих немцев», однако в XVII в. Кровковы были вполне русскими, муромскими дворянами. Сам М.О. Кровков служил до назначения в полки «нового строя» по жилецкому списку, также побывав в должности стрелецкого головы и в воеводах [17, с. 114]. Кроме того, свою службу в полках «нового строя» М.О. Кровков начинал в рейтарах, т.к. в конце августа 1649 г. по повелению царя М.О. Кровков был пожалован чином стряпчего и переведен «служить рейтарскую службу» [10, с. 484]. Учитывая, что в Московском государстве на тот момент был всего один рейтарский полк, а именно полк под командованием Исаака Фанбуковена, мы можем считать Матвея Осиповича Кровкова, как и Венедикта Андреевича Змеева, выходцем из рейтарского полка голландского офицера.

Мы видим, что все четверо – В.А. Змеев, А.А. Шепелев, М.О. Кровков и Г. И. Косагов по своему социальному положению относились к служилому сословию, «служилым по отечеству», причем уже в Русско-польскую войну они имели достаточно высокие для своего происхождения дворцовые чины, будучи стольниками и стряпчими.

В 1672 г., после ухудшения отношений с Османской империей, которая также претендовала на мятежную Украину, Россия стала готовиться к войне с новым опасным соперником. Первые военные действия против турок начались уже в 1673 г. под Азовом. Такое изменение хрупкого внешнеполитического равновесия приковывает наше внимание к фигурам тех людей, которым суждено стать одними из главных действующих лиц этой войны, – будущим русским генералам. Внимательное отношение к источникам позволило нам определить имя первого русского генерала.

4 сентября 1674 г. в росписи «по полкам бояром и воеводам на службу Великаго Государя» в Большом полку под командованием боярина и воеводы кн. Ю.А. Долгорукова были указаны восемь рейтарских полков, все под началом русских полковников. В числе этих полковников

мы встречаем: «1-й полк стольник и полковник Венедикт Андреев сын Змеев...» [6, с. 990]. В процессе подготовки похода будущего года для В.А. Змеева принципиально ничего не поменялось – он продолжал находиться в числе полковников, хотя его упоминание первым в списке говорит об особом его статусе. Однако буквально через пару месяцев в его положении произошло важное изменение.

В последние годы царствования Алексея Михайловича дотошного следования западным традициям чиновничества не наблюдалось. Очень многое в процессе производства в следующий чин в полках «нового строя», тем более, если это касалось командного состава, зависело от личной воли царя. Отсюда и парадоксальные, на первый взгляд, царские распоряжения, вроде «пожаловал Великий Государь енарала и полковника Франца Федорова сына честию, и велено ему писаться енаралом, и полковником, и полуполковником, и майором, и поручиком за его многую службу Великому Государю» [6, с. 1373]. Возможно, что и сам порядок, при котором чину генерала или полного генерала предшествовали чины генерал-майора и генерал-поручика, окончательно сложился лишь после смерти Алексея Михайловича, в правление его сына Федора Алексеевича.

Принимая во внимание эти особенности, мы можем сказать, что нет ничего странного в записи в Дворцовых разрядах в самом конце 1674г., где предписывалось «енаралу и полковнику Венедикту Андрееву сыну Змееву» и другим полковникам быть готовым к очередной встрече послов [6, с. 1142]. Безусловно, не стоит переносить в XVII в. реалии более позднего времени. В данном контексте «енарал и полковник» выступал в качестве первого генеральского чина. Именование В.А. Змеева полковником означало, что под его командованием по-прежнему находился его рейтарский полк, однако царь выделил В.А. Змеева из общего числа командиров полков «нового строя». Посчитав, что простого указания в списке рейтарских полковников первым недостаточно, Алексей Михайлович пожаловал Венедикту Змееву чин «генерала и полковника». Таким образом, нам представляется вполне обоснованным считать первым русским генералом именно Венедикта Андреевича Змеева.

В 1676 г. начался новый этап в войне с Турцией – Чигиринские походы. К Чигирину с начала Русско-турецкой войны русские полки уже подступали – в июле 1674 г. крепость была осаждена армией под командованием князя Г.Г. Ромодановского, которому активно помогал своими военными силами гетман И. Самойлович. Однако в тот раз уже в августе князь Г.Г. Ромодановский был вынужден отступить ввиду прихода к Чигирину сильной турецкой армии, поддержанной многочисленными отрядами крымской конницы [13, с. 356].

В 1676 г. русская армия под командованием кн. Г.Г. Ромодановского собралась в Курске, причем для усиления кн. Г.Г. Ромодановскому были приданы оба выборных полка, которые обычно при походе расписывались в Государев полк [16, с. 189]. Походу князя благоприятствовала и политическая ситуация – гетман Правобережья, постепенно начиная осознавать силу Москвы, подумывал о переходе в русское подданство, но затягивал время, надеясь на помощь турецкого султана.

После недолгой осады П. Дорошенко, посоветовавшись с казаками, принял решение о капитуляции. 19 сентября 1676г. в лагерь русских войск к кн. Г.Г. Ромодановскому в сопровождении Г.И. Косагова и Л. Полуботка приехал Петр Дорошенко и сдал знаки гетманского достоинства [13, с. 359]. Чигирин оказался в русских руках.

В ходе этого этапа Русско-турецкой войны, уже в правление Федора Алексеевича, В.А. Змеев получил следующий генеральский чин, став генерал-поручиком. В октябре 1676 г. на отпуском смотре своего полка В.А. Змеев упоминался в чине генерал-поручика [19, с. 142]. Вероятно, этот чин он получил либо в преддверии службы 1676 г., либо после нее, учитывая, что его полк находился в составе русской армии князя Г.Г. Ромодановского и принимал участие в походе к Днепру.

Однако на этом противостояние не заканчивалось, а переходило лишь в новую стадию – удержание Чигирина. В дневниковой записи Патрика Гордона от 1 июля 1677 г. встречается упоминание Венедикта Андреевича Змеева уже в чине полного генерала. Не будем забывать, что предыдущими ступенями к этому генеральскому чину были чины генерал-майора (в случае

В.А. Змеева («енарал и полковник») и генерал-поручика. П. Гордон как военный человек и внимательный наблюдатель чувствовал всю разницу между понятиями и понимал всю меру отличий. В дневнике же четко указано: «Прибыл генерал Венедикт Андреевич Змеев» [5, с. 12]. Возможно, чин полного генерала В.А. Змеев получил в преддверии службы 1677г.

В преддверии предстоящей службы также получил генеральский чин бессменный командир Первого выборного полка солдатского строя. В 1677 г. чин генерал-майора был пожалован полковнику Аггею Алексеевичу Шепелеву [16, с. 196].

В 1677 г. состоялся поход армии Ромодановского к Чигирину для освобождения его от турецкой осады. Численность полков, входивших в армию боярина и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского, приближалась к 42 тыс. чел. У Батурина на р. Сейм стояло двадцатитысячное казачье войско гетмана Ивана Самойловича. Резервом для основной русской армии выступали отряды воевод кн. Голицына и Бутурлина, стоявшие в Путивле и Рыльске соответственно и насчитывающие совокупно 15-20 тыс. чел. Против русских войск противостояла турецкая армия Ибрагим паша по прозвищу Шайтан, крымские Татры, возглавляемые ханом, и Юрий Хмельницкий, выступавший скорее в качестве идеологического подспорья в этой борьбе, потому как реальной военной силы сын Богдана Хмельницкого, за собой не имел [13, с. 361].

Результаты этой военной кампании сумел кратко и доходчиво изложить один из непосредственных участников. А.А. Шепелев в своей челобитной о пожаловании его за службу 1676-1681 гг., написанной в марте 1684 г. Он так подытоживал результаты своей службы в 1677 г.: «И за Днепр с полками своими перешол ночью, и был де у него с турскими и с крымскими людьми и с ызменником с Юраском за Днепром бой. И паша Ибрагим Шейтан и хан крымской и изменник Юраско от Чигирина побежали, и Чигирин от осады свободился» [16, с. 204].

Заслуги А.А. Шепелева и М.О. Кровкова в Чигиринском походе 1677 г., в освобождении от осады Чигирина никем не оспаривались, и по его итогам командиры выборных полков были пожалованы новыми чинами. А.А. Шепелев стал

генерал-поручиком, а полковник М.О. Кровков стал отныне генерал-майором [16, с. 196-197].

Кроме того, за отличия в этом походе, получил генеральский чин Г.И. Косагов. В походе 1677 г. он еще был в чине полковника. Об этом говорит Патрик Гордон в своем дневнике, рассказывая о переправе через Днепр, в которой также участвовал Г.И. Косагов [5, с. 17]; в чине полковника копейного и рейтарского строя в 1677 г. Г.И. Косагов выступал и в уже упоминавшейся челобитной А.А. Шепелева. Однако 24 мая 1678 г. Гордон, находясь уже в Чигирине, записывал в дневник: «Мы получили весть о прибытии генерал-майора Косагова в Городище с 8 или 10 тысячами человек и о соединении бояр с гетманом и его силами на Артополоте» [5, с. 40]. Мы видим, что весной 1678 г. Г.И. Косагов не только уже получил чин генерал-майора, но и ему было доверено командование весьма крупным отрядом. В Чигиринский поход 1678 г. Г.И. Косагов вступал уже в качестве новоиспеченного генерал-майора.

В ходе нового Чигиринского похода на помощь осажденному гарнизону крепости всем генералам пришлось проявлять свои военные таланты и демонстрировать личное мужество. Основная тяжесть полевых боев русской армии с турецкими войсками пришлось на август 1678 г. 3 августа кн. Г.Г. Ромодановский после неудачной ночной атаки на турецкие позиции двумя днями ранее решил ввести в бой свои отборные части. Основная боевая задача в итоге была выполнена – русские сумели взять в ходе ожесточенного сражения господствующую высоту [5, с. 93-94].

Тем не менее, этого успеха было недостаточно, чтобы отстоять Чигирин. 11 августа крепость была сдана врагу. К тому времени Чигирин представлял собой груды дымящихся развалин – сказались не только усердие турок при осаде, но и храбрость отступавшего гарнизона, успевшего взорвать укрепления крепости. Русская армия отступила от Чигирина в августе 1678 г.

За Чигиринский поход 1678 г. Матвей Кровков был пожалован чином генерал-поручика. В 1679 г. оба командира московских выборных полков были произведены в полные генералы и, кроме того, царь Федор Алексеевич указал их «писать с вичем» [16, с. 198]. Таким образом, к концу Русско-турецкой войны 1673-1681 гг. в ря-

дах вооруженных сил Московского государства было четыре русских генерала.

Генеральский чин открывал для русского обладателя возможность дальнейшего продвижения в служилой иерархии. Русские генералы имели дворцовый чин стольника, который для неродовитого дворянства становился «потолком» карьеры, но генеральский чин вкупе с личными заслугами позволял им претендовать на большее. В царствование Федора Алексеевича и регентство царевны Софьи русским генералам удалось достигнуть даже думных чинов.

В начале 1680-х гг. приобрел большое влияние на решение различных вопросов Венедикт Андреевич Змеев. Он продвинулся дальше всех из числа русских генералов по карьерной лестнице. 25 июня 1682 г., в день венчания на царство Ивана и Петра Алексеевичей на царство, В.А. Змееву было пожаловано окошничество [21, с. 422]. Осенью 1682 г. В.А. Змеев был назначен товарищем главы Стрелецкого приказа кн. И.А. Хованского. В начале сентября 1682 г. окошничий В.А. Змеев находился в своей деревне, а 12 сентября специальной грамотой был вызван «к Москве» [15, с. 51], чтобы занять высокую должность в военном управлении.

А.А. Шепелев и М.О. Кровков еще в начале 1680-х гг. получили уникальный в истории русского государства чин думного генерала, своеобразный гибрид звания полков «нового строя» и старомосковской иерархии, дающий право заслуженным командирам полков «нового строя» также заседать в Боярской Думе, наравне с привычными думными чинами, вроде боярина или окошничего. А.А. Шепелев 13 октября 1686 получил чин окошничего [17, с. 109, 118].

В правление царевны Софьи, т.е. во время возвышения князя В.В. Голицына, Г.И. Косагов получил чин думного дворянина, дающий ему право также принимать участие в заседаниях Боярской Думы, которым, впрочем, прославленный генерал вряд ли имел возможность пользоваться часто по причине нахождения на южных рубежах страны [15, с. 95].

Мы видим, что именно успехи на ратном поприще стали для русских генералов залогом успешной карьеры. Они преодолели традиционные представления о службе и чинах и сумели войти в состав политической элиты Русского государства. Эти факты успешной карьеры представителей неродовитого дворянства тем ценнее, что касаются они допетровской поры, разрушая укоренившиеся представления о реформах Петра I как единственной возможности продвижения по службе в награду за свои способности, а не за знатность или богатство. В эпоху Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и царевны Софьи постепенно начался процесс привлечения к управлению государственным аппаратом и армией наиболее способных лиц, в малой степени обращающая внимание на их происхождение.

Петровское время подарило нашей истории имена других, возможно, более известных широкому кругу людей генералов, но заслуги русских генералов в допетровское время бесспорны и значительны. Начав свою службу в русской армии в переломное время, время появления и массового внедрения полков «нового строя», они смогли быстрее других благодаря своему военному таланту приспособиться к нововведениям, обратив их на пользу Московскому государству и сумев доказать силу русского оружия в борьбе против врагов.

Библиографический список

1. *Акты Московского государства*, т. II. СПб., 1894.
2. *Арсеньев Ю.В.* Родословная Шепелевых конца XVII века // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1900, кн. 4.
3. *Белокуров С.А.* Дневальные записи Приказа Тайных дел 7165-7183 гг. М., 1908.
4. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.
5. *Гордон, П.* Дневник 1677-1678. / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2005.
6. *Дворцовые разряды*, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии, т. III. СПб., 1852.
7. *Дополнения к актам историческим*, собранные и изданные Археографической комиссией, т. VI. СПб., 1857.
8. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005.

9. *Записная книга Московского стола 7149 года (1640, сентябрь – 1641, август) // Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. X. СПб., 1886.*
10. *Записная книга Московского стола 7157 года (1648, сентябрь – 1649, август) // Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. X. СПб., 1886.*
11. *Записная книга Московского стола 7187-7188 года (1678 ноябрь – 1679, сентябрь) // Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. XI. СПб., 1889.*
12. *Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954.*
13. *Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М., 1990.*
14. *Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина; Ред. кол.: Ю.Н. Звезда, В.Р. Новоселов, С.П. Орленко (отв. ред.). М., 2006. С. 18-34.*
15. *Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999.*
16. *Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677-1678 годах // В кн.: Гордон, П. Дневник 1677-1678. М., 2005.*
17. *Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг., М., 2006.*
18. *Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899.*
19. *Новохатко О.В. Разряд в 185 г. М., 2007.*
20. *Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина; Ред. кол.: Ю.Н. Звезда, В.Р. Новоселов, С.П. Орленко (отв. ред.). М. 2006. С. 141-166.*
21. *Русский биографический словарь, т. VII. СПб., 1916.*
22. *Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954.*

A.A. ROGOZHIN

THE FIRST RUSSIAN GENERALS.

The question about the appearance of the first Russian generals in the Russian army pre-Peter period is considered in the article. Chronological procedure of the assignment of the rank of the general Russian colonel of the «new order» and circumstances of the service career of this time are defined. The specific of the general's rank in the Russian Army of the XVII century is analyzed in the research paper. Major career milestones of Russian generals and their progress up on the corporate hierarchy were traced.

Key words: generals, regiments of the «new order», the service, ranks, «servitors of the fatherland».

ФИЛОСОФИЯ

О.В. БУСЫГИН

кандидат социологических наук, доцент
кафедры маркетинга Института теле-
видения Останкино
E-mail: olegbusygin@inbox.ru

ДИНАМИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

В представленной статье описывается подход к процессу управления промышленным предприятием через анализ динамики его организационной культуры. Динамика организационной культуры в определённых временных рамках через взаимодействие субкультур организации, ограниченная заданным алгоритмом, подверженная управленческому воздействию, описывается как одна из составляющих процесса управления промышленным предприятием.

Ключевые слова: организационная культура, субкультура, социализация, управление предприятием, интеграция, адаптация, корпоративность.

При трактовке и анализе феномена организационной культуры исследователи рассматривают тот или иной аспект последней, разделяемый членами предприятия. По нашему мнению, как личные, так и социальные аспекты организации находят отражение на различных уровнях её культуры. Очевидно, многое из того, что составляет суть культуры, невозможно выразить в наборе правил внешнего поведения, что отражает поверхностный уровень организационной культуры, однако, изучение таких моментов может выступить средством нахождения определённых закономерностей в динамике организационной культуры предприятия. Способы трансляции опыта и процессы социализации, в которые вовлекаются члены группы, содержат в себе глубинные уровни культуры (истинные ценности). В этой связи отметим, что если группа не имеет выраженных коллективных представлений, то взаимодействие новых членов группы со старыми представляет собой инвариантный процесс, отражающийся на степени развития организационной культуры, поэтому процесс социализации может носить как позитивную, так и негативную направленность. Рассматривая вопрос динамики организационной культуры в контексте управ-

ления промышленным предприятием, отметим, что организационная культура выступает механизмом социального контроля и управляемости предприятия путём передачи глубинных коллективных представлений новичкам.

Развитие корпоративности организации как стадии развития организационной культуры можно рассматривать механизмом приращения её ресурсов, потенциала. В качестве последнего, справедливо считать нереализованные возможности организации как социальной общности. На индивидуальном уровне социальный потенциал – это способности, знания, умения и навыки персонала организации. Собственно, социальный потенциал – не что иное, как определённым образом скомпонованный человеческий капитал организации. Отмечая многофакторность процесса управления промышленным предприятием, мы акцентируем внимание на социальной компоненте последнего, что формирует для нас значимость таких понятий, как «социальный потенциал предприятия», «эффективность персонала», «организационная культура предприятия». Исходя из вышеуказанного, процессы реализации и преумножения социального потенциала предприятия, повышение эффективности персонала,

развитие корпоративности как стадии развития организационной культуры могут быть представлены составляющими процесса управления предприятием. Под динамикой организационной культуры мы, в том числе, понимаем процесс взаимодействия сочетания субкультур, существующих в рамках последней. Следовательно, процесс управления предприятием понимается нами как целенаправленное управленческое воздействие на систему элементов, составляющих этот процесс.

Рассматривая вопрос реализации социального потенциала предприятия, который, по нашему мнению, может быть одной из отправных точек в понимании и оптимизации динамики организационной культуры предприятия, обратимся к одной из трактовок культуры, данной Э. Шейном. По его мнению, организационная культура – это прежде всего то, что передаётся новым поколениям членов организации¹. Безусловно, многое из того, что составляет суть культуры, невозможно выразить в наборе правил внешнего поведения, к которым приучают новичков, однако, изучение таких моментов может выступить средством нахождения определённых закономерностей в динамике организационной культуры предприятия. Так, способы трансляции опыта и процессы социализации, в которые вовлекаются члены группы, содержат в себе глубинные уровни культуры (истинные ценности), которые Э. Шейн интерпретирует через глубинные коллективные представления. В этой связи отметим, что если группа не имеет выраженных коллективных представлений, то взаимодействие новых членов группы со старыми представляет собой инвариантный процесс, отражающийся на степени развития организационной культуры. В этом случае, динамика взаимодействия субкультур может носить как позитивную, так и негативную направленность для существующей организационной культуры. При наличии глубинных коллективных представлений на уровне доминирующей субкультуры, организационная культура сохраняется путём передачи их новичкам. В этом смысле, доминирующая субкультура может выполнять функцию механизма социального контроля, «благодаря которому могут быть заданы определённые мо-

дели восприятия, мышления и самоощущения»². Обращаясь к проблеме существования и взаимодействия субкультур в рамках организационной культуры предприятия, отметим, что «любая социальная единица в результате процесса естественной эволюции производит подуровни, продуцирующие субкультуры». Справедливо предположить, что некоторые из субкультур обычно находятся в конфликте друг с другом, характерным примером чего может быть высшее руководство и производственные группы.

Наличие субкультур в организационной культуре предприятия, по нашему мнению, может по-разному влиять на динамику организационной культуры, в данном случае базовая задача управления организационной культурой состоит в том, чтобы обеспечить доминирование той субкультуры, реализация которой станет ключевым фактором формирования корпоративной культуры, что обеспечит для предприятия наиболее выгодные, с позиции внешних условий, результаты.

Основные концепции западной социологической мысли, ассоциируемые с культурой, раскрывают дополнительные возможности для анализа взаимосвязей динамики организационной культуры и процессов управления предприятием. Наиболее распространены следующие положения о культуре:

1. Наблюдаемые поведенческие стереотипы при взаимодействии людей: язык, используемый ими, обычаи и традиции, которых они придерживаются, ритуалы, совершаемые ими в определённых ситуациях. (Гоффман, Снайдер).

2. Групповые нормы: такие, свойственные рабочим группам, стандарты и ценности, как конкретная норма «полноценной дневной выработки за полноценную дневную зарплату», возникающая у рабочих в хоторнских экспериментах. (Номанс, Килманн).

3. Провозглашаемые ценности: артикулированные, объявляемые во всеуслышание принципы и ценности, к реализации которых стремится группа, такие как «качество продукции» или «лидерство в ценах». (Кеннеди).

4. Правила игры: правила поведения на работе в организации; «ограничения», которые следует усвоить новичку для того, чтобы стать полноценным членом организации. (Шейн).

¹ Шейн Э. Организационная культура и лидерство. С.Пб. 2002. С. 34.

² Там же. С.36

5. Климат: чувство, определяемое физическим составом группы и характерной манерой взаимодействия членов организации друг с другом, клиентами или иными сторонними лицами. (Литвин).

6. «Базовые метафоры», или интеграционные символы: идеи, чувства и образы, выработанные группой для самоопределения, которые не всегда оцениваются на сознательном уровне, но находят воплощение в зданиях, офисной структуре и других материальных аспектах существования группы. Этот уровень культуры отражает не когнитивные, или оценочные, а эмоциональные и эстетические реакции членов группы. (Фрост, Морган).

Указанные концепции не являются исчерпывающими и тем не менее они связаны с культурой и являются отражением её составляющих как системы. Они объединены с некими «моментами», общими для членов группы, однако, возвращаясь к концепции культуры Э. Шейна, мы обнаруживаем, кроме рассмотренных выше норм, ценностей, моделей поведения, ритуалов, традиций, ещё два важных дополнительных элемента, отличающих организационную культуру от обычной концепции некой общности представлений или ценностей.

По мнению Э. Шейна, первый из этих элементов состоит в том, что культура предполагает наличие у группы некоего уровня структурной стабильности. Другой элемент – структурирование, или интеграция элементов культуры, выражающиеся в появлении более общих парадигм или гештальтов (состояний), лежащих на более глубинном уровне. Согласно Э. Шейну, это структурирование, или интеграция, являются сущностью того, что мы именуем «культурой».

Таким образом, организационная культура может быть определена как паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и транслировать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем.

Рассмотрим описанные выше проблемы социализации и взаимодействия субкультур в

рамках процессуального подхода, в котором организация рассматривается как совокупность разнонаправленных процессов, ограниченных пространственно-временными рамками. В этой связи, управление сводится к координации этих процессов и выработке однонаправленной, стратегической линии развития организации.

Один из основоположников процессуального подхода Д. Гарвин, профессор Гарвардской школы бизнеса (США) считает, что организацию можно описать при одновременном исследовании управленческих и организационных процессов³. Первые из них связаны со структурными проблемами, вторые – с поведенческими. Возвращаясь к проблеме социализации и к проблеме существования и взаимодействия субкультур, отметим, что, по нашему мнению, первые относятся к области организационных процессов (поведенческие проблемы), вторые находят выражение в сфере управленческих процессов (структурные проблемы). Дисбаланс соотношения между ними может проявляться в слабой политике управления персоналом, что приводит к трудностям общего менеджмента предприятия.

Д. Гарвин определяет организационные процессы как «совокупность задач и действий, которые вместе и только вместе превращают организационные ресурсы в конечные результаты». Примером может служить разработка концепции управления персоналом предприятия, выражающаяся в кадровой стратегии. Процессы управления определяются автором как совокупность действий, направленных на достижение организационных целей. Собственно, Д. Гарвин рассматривает процессы управления организацией, на наш взгляд, в рамках стратегического менеджмента в зависимости от характера поставленных целей (кратковременных или долгосрочных). Причём, он делит их на три процесса: определение целей и направлений деятельности; переговоры и согласование; мониторинг и контроль – которые представляют собой не что иное, как управленческие технологии. Сталкиваясь с большой неопределённостью, менеджеры должны делать сложный выбор, имея лишь ограниченный опыт прецедентов или сходных ситуаций; результатирующие процессы редко повторяются

3 Garwin D. A. The Processes of Organization and Management. Sloan Management rev. – Cambridge. (Mass.). – 1998. Vol. 39. # 4. – P. 33-50.

в точности. Более того, кажущиеся незначительными модификации управленческих технологий (процессов) могут иметь очень большое значение. Например, смена последовательности работы с людьми или подразделениями, или изменение формы общения могут существенно повлиять на образование коалиционных групп и конечный результат управления. Эти тонкости и огромное число возможных решений объясняют, почему управленческими процессами так трудно овладеть. На наш взгляд, процессуальный подход призван оптимизировать построение дея-

тельности менеджеров и достижение желаемых результатов в управленческой деятельности. Базовое предположение, от которого возможно отталкиваться в культурологическом подходе к управлению предприятия, состоит в том, что динамика организационной культуры в определённых временных рамках через взаимодействие субкультур организации, ограниченная заданным алгоритмом, подверженная управленческому воздействию понимается нами как одна из составляющих процесса управления промышленным предприятием.

O.V. BUSYGIN

**DYNAMICS OF ORGANIZATIONAL CULTURE
WITHIN PROCESS OF INDUSTRIAL
ENTERPRISES MANAGEMENT**

By this article described approach to the process of industrial enterprises management through analysis of dynamics of organizational culture. Dynamics of organizational culture restricted by time and management algorithms – the one part of industrial enterprises management process.

Key words: organizational culture, subculture, socialization, management of enterprises, integration, adaptation, corporation.

Е.Н. ВЕРЗИНА

соискатель кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
 E-mail: sinekrasov@mail.ru
 Тел. 8 916 730 89 14

ГЕНЕЗИС РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ

В статье рассматривается феномен современной рекламы как социального явления, для чего прежде всего анализируются основные этапы её развития в ходе исторического процесса, после чего рассматриваются основные теоретико-методологические подходы в исследовании рекламной деятельности.

Ключевые слова: реклама, генезис рекламы, протореклама, рекламная деятельность, маркетинговый подход, коммуникационный подход, адвертологический подход

Реклама – значимое и яркое явление современной общественной жизни, которое оказывает существенное влияние и на экономические, и на духовные процессы, в определенной мере направляя формирование широкого круга ценностных ориентаций населения – от потребительских предпочтений до нравственных установок.

Слово «реклама» вошло в употребление приблизительно в 1655 году. Термин происходит от латинского глагола кричать, выкрикивать, оглашать (он имеется в переводах Библии на латынь). Книгопечатники стали использовать его для сообщений о предстоящих изданиях, а владельцы магазинов – для заголовков коммерческой информации (1660).

Слово «реклама» сохранилось в ряде западноевропейских языков и – в результате влияния французской культуры – укоренилось в России.

Однако в романских языках (французском, итальянском, испанском) к этому термину было добавлено слово публичный, общественный, гласный. Таким образом, уже в названии данного явления подчеркивается массовость рекламного адресата.

В английском языке с начала XIX века для обозначения рекламы широко используется глагол извещать, также имеющий латинское происхождение, т.е. обращать на что-либо внимание, что подчеркивает информативность рекламы (в

XV – XVI столетиях данный глагол означал просто сообщение о чем-либо).

В русском языке такого четкого разделения нет: русское понятие «реклама» включает в себя и рекламную деятельность как действие, и сообщение, рекламу как продукт рекламной деятельности.

Таким образом, этимологический анализ позволяет установить, что массовая направленность, эмоциональная насыщенность и содержательная информативность являются первостепенными и достаточно очевидными характеристиками рекламы.

Наиболее часто высказываемым и распространенным в литературе является предположение о том, что реклама возникает с появлением товаров и услуг, иными словами, с развитием обмена и рыночных отношений. Однако, несмотря на серьезные аргументы в пользу данного убеждения, представляется, что оно отражает скорее обиходную точку зрения на рекламу как элемент маркетинговых коммуникаций, что значительно модернизирует период ее зарождения. Во многих работах американских исследователей возникновение рекламы датируется изобретением печатного станка И. Гуттенберга (У. Уэллс, Дж. Вернет, С. Мориарти, Ч. Сэндидж и др.). Также есть мнение, что появление рекламы стало возможным только с появлением так называемой массовой

культуры [1, с. 21]. Тем не менее, учитывая цели, поставленные перед настоящим исследованием, мы более склонны разделить точку зрения отечественных исследователей (В.В. Ученова, В.Л. Музыкант, Е.В. Ромат и др.), полагающих, что становление и развитие рекламы следует датировать гораздо более ранними датами. На наш взгляд, истоки зарождения рекламы следует искать на самых начальных этапах развития человечества через анализ развития знаковых систем, в том числе языка. Обращаясь к истокам возникновения рекламы, мы признаем, что подобный экскурс в историю вопроса будет несколько фрагментарным, т.к. не является основным предметом исследования, а служит, скорее, более глубокому пониманию современных тенденций.

Первоначальный этап развития рекламы мы определяем, в соответствии с устоявшейся традицией, понятием протореклама (гр. протас – первый), представляющую собой совокупность культурных предпосылок, обладавших некоторыми функциями рекламной коммуникации. Е.В. Ромат говорит о проторекламе как первичной интегрированной форме коммерческих коммуникаций, которая объединяет первичные формы коммуникационных средств, получивших с течением времени самостоятельное развитие [3, с. 8]. Возникнув на заре человечества, проторекламные элементы существуют и в современном обществе в силу ряда причин, о которых мы будем говорить ниже. Эволюционную грань между проторекламой и собственно рекламой можно провести на этапе появления массовой коммуникации, в русле которой стало возможным образование рекламы как ее производной.

Основываясь на фактическом материале антропологов и археологов, можно выявить проторекламные явления на самых ранних этапах социогенеза в первобытных культурах, что делает весьма затруднительным определение точных временных рамок проторекламного периода.

Истоки рекламы можно найти в доклассовых обществах. Коммуникационное поле человека первобытной культуры обусловило необходимость демонстративного представления своих физических и социальных качеств. Это облегчало идентификацию человека не только в контактах с членами его племени, но и при встрече с представителями других племен, а далее оказы-

вало определенное влияние на их поведение [4, с. 9-10]. Предпосылки для возникновения собственно проторекламы сложились, по-видимому, когда стали производиться товары, не предназначенные для собственного потребления. Их следовало реализовать, а для этого – известить окружающих, привлечь их внимание к наличию товара. Для этого его производители стали составлять сообщения, конечной целью которых был обмен или продажа товара.

Существование такого рода явлений зафиксировано уже применительно к античному периоду: продавцы громкими криками привлекали внимание покупателей к своему товару, глашатаи сообщали распоряжения властей и различные городские новости (о раздаче хлеба, гладиаторских боях, распродаже рабов и т.д.). Само сообщение излагалось в устной форме в жанре объявления, цель которого – сосредоточить внимание широкой общественности на том или ином факте, событии, процессе.

«Распространителями» такого рода «рекламных» сообщений являлись продавцы, разносчики и глашатаи, но также и другие люди, потребители, передававшие «из уст в уста» информацию об уровне работы тех или иных ремесленников, торговцев или же политических деятелей. Это – так называемая «молва» («слухи»), благодаря которой сведения о качестве товаров распространялись на большие расстояния, что стимулировало производителей и торговцев заботиться о качестве товаров и о своей деловой репутации.

Появились и письменные виды проторекламных сообщений – граффити, протогазета [6, с. 35-60].

Граффити (от латинского слова – царапаю), чаще всего, помещались на дверях и стенах мастерских, торговых лавок, гостиных дворов, питейных заведений; они процарапывались или писались краской. При этом граффити включали в себя не только тексты «рекламного» характера, но и надписи, которые не имели к объявлению никакого отношения: стихийные автографы, лирические раздумья, строфы стихотворений и т.д.; таким образом, они представляли собой синкретические образования.

Протогазета стала продолжением традиции писать объявление на выбеленной городской стене. Это – та же выбеленная стена, однако пи-

сались на ней последние решения сената, вследствие чего она называлась «дела сенатские». А вот более поздний вариант протогазеты, который назывался «повседневные дела римского народа», представлял собой достаточно обширный участок стены, на котором сообщалась информация уже и о повседневных (но значимых) событиях, а кратким объявлениям отводилось специальное место.

В этот же период зародилось еще одно явление – своего рода «предшественник» того, что сегодня называется фирменным стилем. Древние мастера ставили специальные личные знаки – клейма – на произведенные ими товары, подчеркивая качество продукции, что дает основание для оценки данного феномена как особого вида проторекламной деятельности.

В Средние века, как и ранее, преобладала устная «реклама». Она была представлена в трех основных формах: «криках улиц», текстах стационарных зазывал и ярмарочном фольклоре.

К «крикам улиц» относят всевозможные стихотворные сообщения бродячих торговцев, ремесленников, фокусников, акробатов, производимые повсеместно на улицах и площадях. Зазывалы же – кабатчики, лавочники или их приказчики – стояли у дверей своих заведений и – помимо произнесения завлекающих, убеждающих фраз – довольно-таки настойчиво затаскивали прохожих в свою лавочку или таверну.

В связи с ростом городов, развитием внутренних рынков возросло значение ярмарок, где процветал ярмарочный фольклор. В нем переплетались уличные крики и призывы стационарных зазывал, но возникали и новые формы расхваливания товаров, как правило, весьма искусные и яркие.

К числу таких форм можно отнести, например, обманную («дутую») «рекламу», в рамках которой использовался широкий ассортимент обманных приемов и ухищрений. Подлинного расцвета далее достигло мастерство изготовления вывесок, которые можно рассматривать как особую форму «рекламы» и специфическое средство коммуникации между ремесленниками и покупателями [6, с.80].

Вследствие массовой неграмотности населения в оформлении вывесок преобладало использование изобразительных средств, однако

постепенно на них стало все шире применяться письменное слово. Более того, появились новые носители информации рекламного характера – «летучие листки», то есть написанные от руки краткие объявления, которые вывешивались в людных местах, в том числе на церковных дверях.

Изобретение печатного станка Иоганном Гуттенбергом в 1445 году чрезвычайно сильно способствовало развитию культуры, просвещения, стало оно поворотным событием и в формировании массовых коммуникаций. Печатный «летучий листок» постепенно оказался излюбленным жанром коммерческой и политической «рекламы». Маленькие печатные объявления пользовались огромным успехом, именно они стали основой возникновения новых рекламных жанров – каталогов, проспектов и прейскурантов (прайс-листов).

Газеты – многотиражные, регулярно выпускаемые печатные издания, также занимали не последнее место в становлении рекламы. В первой половине XVII века появились первые специализированные печатные издания, содержавшие исключительно рекламные материалы. Это журнал «Маленькие афиши» Т. Ренодо, выпущенный во Франции в 1630-х годах, и журнал «Общественный рекламист», изданный в Англии в 1657 году.

Существенно, что в XVII - XVIII веках появились новые приемы распространения рекламной информации. Например, зафиксирован факт, что в 1637 году в Лондоне была выпущена рекламная газета «Городской Меркурий», которая бесплатно раздавалась в популярные лавки и кофейни, а раз в неделю раздавалась прохожим на оживленных перекрестках [5, с.32].

В итоге к концу XVIII века сформировалась целая сфера рекламной деятельности, однако ей предстояло еще пройти длительный путь развития.

Коренные изменения в эту сферу внес XIX век. Совершенствование методов репродукции позволяло создавать иллюстрированные издания. Первые иллюстрированные журналы начали выходить в Англии в 1832 г. Газетные издания становились более доступными, что обеспечивало массовое распространение информации. Наружная реклама в этот период была представлена вывесками, появились первые печатные

театральные афиши, для которых в Англии воздвигались специальные афишные тумбы [8, с. 8]. В практику розничной торговли входили витринные выкладки товаров.

В этот же период возникали первые рекламные агентства, которые занимались скупкой и перепродажей газетных площадей рекламодателям за определенную комиссию; впоследствии в их обязанности стали входить функции отслеживания тиража и рейтинга изданий, а также составление рекламных текстов.

К началу XX века реклама стала играть принципиальную роль в маркетинге.

Тогда же, в начале XX века, в США появилось понятие «социальная реклама». Подобное привлечение внимания общественности к рекламе, где во главу угла ставится проблема, обладающая некоторой социальной ценностью, а целью – призыв изменить отношение к этой проблеме, стало поворотным моментом в понимании рекламы в целом.

Революционные научные открытия и технические изобретения – электричество, радио, фотография, кинематография – открыли для рекламы совершенно новые возможности. Этот период ознаменован также созданием большого количества новых и интересных методов преподнесения рекламы.

Лео Барнетт – основатель «Чикагской школы» рекламы – верил в возможность обнаружения «истинной драмы» в каждом товаре и представлении ее в рекламе с максимальной убедительностью. Им были созданы мифические рекламные персонажи, которые «живы» и по сей день: Веселый Зеленый Великан, Тигр Тони, Тунец Чарли и т.д.

Яркой фигурой в истории рекламы был и Дэвид Огилви. В своем творчестве он соединил два направления: «образную» школу Мак-Мануса и «заявительную» школу Ласкера и Хопкинса. Огилви обладал поразительным чувством образа и был мастером короткого повествования.

Реклама Уильяма Бернбаха фокусировалась на чувствах и эмоциях, при этом он умело использовал современные методы дизайна. Ему принадлежит фраза «реклама – это убеждение, а убеждение – это не наука, а искусство. Реклама – это искусство убеждения» [7, с.59].

80-е годы внесли в рекламу компьютерные технологии, оказавшие существенное влияние как на эстетику рекламных сообщений (ком-

пьютерная графика, музыка), так и на средства доставки рекламных сообщений потребителям (компьютерные системы связи) [5].

Так на протяжении долгих столетий складывалась рекламная индустрия, играющая в современном мире столь важную роль.

Основными теоретико-методологическими подходами к исследованию рекламы можно считать маркетинговый, коммуникационный, социально-психологический, социологический, социокультурный, адвертологический и ряд других.

При применении первого из этих подходов реклама трактуется как один из компонентов маркетинга; здесь исследуется, в основном, экономическая сторона рекламной деятельности.

При создании маркетинговых технологий изначально внимание фокусировалось на традиционно понимаемой рекламе. Одним из наиболее перспективных направлений в наши дни нередко считается «некоммерческий маркетинг» (термин Ф. Котлера), в сфере которого оказываются благотворительность, образование, искусство (наряду с правительственными организациями, армией, политикой). Таким образом, некоммерческий маркетинг предполагает внедрение в коллективное и индивидуальное сознание социально одобряемых норм и стереотипов поведения. Данное обстоятельство определяет возможность использования маркетингового подхода и при анализе социальной рекламы.

В рамках следующего – коммуникационного – подхода реклама рассматривается как форма коммуникации – межгрупповой, внутри- и межкультурной; существенное внимание при этом уделяется изучению психологических аспектов рекламы (Ю.Л. Борисов, Б. Грушин, Л.Ю. Гермогенова, Г.Н. Кэссон, В. Перепелица, Б.С. Разумовский, В.Л. Музыкант).

Вследствие этого существенное значение приобретает привлечение идей социальной психологии. С позиций социально-психологического подхода реклама рассматривается, прежде всего, как общение и взаимодействие, выясняется характер и степень влияния рекламы на формирование общественного мнения, на политические установки и предпочтения избирателей, политические привязанности и предрассудки, на формирование гражданского самосознания и динамику менталитета.

Значимым является и подход, в рамках которого реклама последовательно анализируется в качестве социокультурного феномена. В самом деле, реклама как массовое общественное явление несет в себе огромный культурный потенциал, способный при определенных условиях положительно влиять как на отдельного человека, так и на общество в целом. В социокультурных исследованиях рекламная деятельность рассматривается как одна из основ создания новых форм культурной среды, социального мифотворчества, модификации системы культурных норм и ценностей.

Вследствие того, что социально ориентированная реклама оказывает существенное влияние на культурное развитие населения, исследование социокультурных аспектов рекламной деятельности оказывается тесно связанным с обсуждением этических и эстетических вопросов (А. Лебедев-Любимов, О.О. Савельева, В.В. Ученова и др.).

В последнее время для обозначения научной области, комплексно изучающей рекламу как социокультурное и экономическое явление. Сегодня можно встретить русский перевод этого термина - «адвертология» (И.В. Грошев, О.В. Гордякова, А.Л. Журавлев, А.И. Донцов, А.Б. Купрейченко и др.).

Суть «адвертологического» подхода, который может рассматриваться как специфицированная форма системного подхода, подробно проанализирована А.Н. Лебедевым-Любимовым [2, с. 342-348]. Данный подход сформировался на стыке нескольких наук (психологии, социологии, этики, эстетики) и предполагает рассмотрение рекламной деятельности как системного явления культурной жизни, непосредственно связанного с выражением объективных общественных интересов.

Существенно, что человек здесь выступает, прежде всего, как личность, обладающая правом

выбора и чувством собственного достоинства, и лишь потом – как потребитель. Одна из основных идей адвертологического подхода – необходимость такой организации рекламной деятельности, чтобы в ее результате люди не просто больше потребляли или лучше удовлетворяли свои материальные потребности, но получали бы некую перспективу личностного и культурного роста. При этом сама реклама должна не просто способствовать продвижению на рынке определенных товаров и услуг, но и выполнять ряд дополнительных функций этического (развитие человека как личности, пропаганда нравственных ценностей, культивирование патриотизма и др.) и эстетического (формирование художественного вкуса и др.) характера.

Представляется, что выделенные подходы могут рассматриваться как взаимно дополнительные, использоваться комплексно при решении тех или иных исследовательских задач, включая анализ социальной рекламы. Кроме того, очевидно, что между ними существуют непосредственные взаимодействия, что нашло наиболее яркое выражение в формировании адвертологического подхода. Именно он представляется наиболее перспективным при исследовании социальной рекламы.

Использование комплекса методологических подходов к анализу рекламы определяет многообразие ее трактовок. Анализ исследовательской литературы показывает, что в современной науке реклама рассматривается и как элемент маркетинговой политики, и как форма коммуникации, и как способ психологического воздействия на личность, социальные группы или общества в целом, и как социальный феномен.

Библиографический список

1. Кармин Л.С. Психология рекламы. СПб.: ДНК, 2004.
2. Лебедев-Любимов А.Н. Психологические основы адвертологии // Социальная психология: практика, теория, эксперимент, практика / Под ред. В.В. Колосова, Ярославль, 2000, Т.2; Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. СПб, 2003.
3. Ромат, Е.В. Реклама. СПб.: Питер, 2001.
4. Савельева О. Живая история русской рекламы. М., 2004.
5. Савельева О.О. Реклама. Теоретический курс. М., 1995.

6. Ученова В.В. История рекламы. СПб., 2002.
7. Уэллс У., Бремел Д., Мориарти С. Реклама: принципы и практика. СПб., 1999.
8. Ханенков В.Н., Сагинова О.В., Федюнин Д.В. Организация рекламной деятельности

E.N. VERZINA

**THE GENESIS OF PROMOTIONAL ACTIVITIES
AND THE MAIN APPROACHES TO ITS RESEARCH**

The article deals with the phenomenon of modern advertising as a social phenomenon for which, above all, analyzes the main stages of its development in the historical process, then examines the main theoretical and methodological approaches to the study of advertising.

Key words: advertising, advertising genesis, protoreklama, advertising, marketing approach, the communication approach, an approach advertologichesky.

С.В. ДОЛИНА

аспирант кафедры социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации

E-mail: sinekrasov@mail.ru

Тел. 8 916 730 89 14

ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАТИВНО-КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье обосновывается, что трансляция ценностей играет важную роль в коммуникации, которая отображает основные социально-нравственные ценности, присущие той или иной стране. Система ценностей является важным системообразующим фактором общества, занимающая господствующее положение в сфере морали и права, искусства и религии, политической и всей общественной жизни. С изменением информационно-коммуникативного пространства в системе духовно-нравственных ценностей происходят существенные изменения.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, идеалы, нравственные идеалы, духовно-нравственные ценности, информационно-коммуникативное пространство.

Ценность – это фиксированная в сознании человека характеристика отношения к определенному явлению как значимому для него. Анализ отражения ценностей в информационно-коммуникативном пространстве предполагает, прежде всего, выяснение следующих вопросов: во-первых, почему данное явление приобретает ценностный статус; во-вторых, имеют ли ценности индивидуализированный, общий или универсальный характер; в-третьих, как можно классифицировать ценности и, наконец, в-четвертых, какие именно ценности утверждаются с помощью социальной рекламы. Это позволит перейти к компаративному анализу набора ценностей, транслируемых в разных культурных регионах и исследованию их динамики во времени. Ценность реально существующих явлений определяется в сравнении с идеалами, принимаемыми людьми.

Уникальность идеалов – в том, что в каждой жизненной ситуации они осмысливаются заново; индивидуализированный характер личностной системы ценностей обусловлен неповторимостью жизненного пути человека. Вместе с тем – в силу общности условий жизни и видов деятельности групп людей – в ходе аксиологического отбора формируются типические иерархические

системы ценностей социальных групп и поколений в рамках одной культуры. Различия же в истории становления тех или иных культур, специфика национальных традиций обуславливают наличие характерных особенностей в соответствующих системах ценностей. При этом, в истории всегда сохраняется роль наиболее значимых идеалов (добра, красоты, истины и др.), что придает им характер универсальности и всеобщности. Единство же уникальности и всеобщности в идеалах, в ценностях создает возможность формирования общечеловеческих ценностей.

Общечеловеческие ценности значимы для всех людей, независимо от их социальной, классовой, национально-этнической и любой другой принадлежности. Их бытие, будучи связано с самой природой человека, по мнению многих исследователей, выступает признаком его родовой сущности [1, 2].

Система ценностей является важным системообразующим фактором культуры, занимая господствующее положение в сфере морали и права, искусства и религии, политической и всей культурной жизни. По ее содержанию можно судить об обществе в целом. Освоение системы ценностей, выработка аксиологического отношения к реальности имеет принципиальное

значение для социализации личности, для формирования ее мировоззрения, ценностных отношений и ориентации.

Выбор, принятие, освоение ценностей личностью совершается в соответствии, с одной стороны, с потребностями, интересами, нормами общества, к которому она принадлежит, а с другой – с ее собственными потребностями, обусловленными индивидуальным опытом и спецификой социальной микросреды. Выбор ценностей, по сути, означает становление индивидуального отношения к уже существующим разнотипным ценностям. Иными словами, в основе формирования личной системы ценностей – осознание ценностей, существующих в обществе, выбор для себя самых значимых из них, их освоение и соотнесение с уже имеющимися установками и интересами. Выбор ценностей в действительности представляет собой сознательное предпочтение определенных отношений, характеристик, форм деятельности, поведения и отказ от принятия феноменов с противоположными характеристиками, что ведет к формированию убеждений и ценностных ориентаций. Они становятся определяющими факторами индивидуального поведения (совокупности действий) человека; вместе с тем ценностные ориентации подкрепляются и корректируются жизненным опытом, всей совокупностью личных переживаний.

Принятие ценностей способствует усилению интеграции людей в общности разного уровня: семью, коллектив, народность, нацию, государство, общество в целом. Наличие общих ценностных ориентиров способствует общественному согласию граждан, социальных общностей и групп. Утрата же ценностных ориентиров или отказ от сложившейся системы ценностей приводит к дезинтеграции общественной жизни. Особый вид ценностей – нормы регулируют поведение, являются средством закрепления выверенных жизнью способов деятельности. Социальные, правовые, моральные нормы, правила и стандарты определяют запреты и предписания, подкрепляются санкциями.

Вместе с тем, существенно, что оценка имеет динамичный характер и зависит как от изменения характера деятельности социального субъекта, так и от объективных условий ее осуществления. Поэтому переоценка ценностей, отказ от старых

и утверждение новых ценностей – естественный процесс, характеризующий развитие общества.

Трансляция ценностей играет важную роль в коммуникации, которая отображает основные культурные ценности, присущие той или иной стране.

Социальная значимость и многообразие ценностей обусловило разработку многочисленных способов их систематизации. Однако до сих пор единой типологии ценностей не существует. Дело в том, что при классификации ценностей используются разные основания. Именно в силу этого существующие подходы не исключают, а скорее дополняют друг друга. Каждый из них позволяет выявить новую грань ценностного отношения человека к миру, а все вместе они обеспечивают всесторонний глубокий анализ всего многообразия ценностей.

Один из родоначальников аксиологии – Г. Риккерт – разделял ценности на шесть классов: логические (в науке), эстетические (в произведениях искусства), мистические, религиозные, нравственные и личностные.

Философ и психолог Г. Мюнстербург в начале XX века предложил различать два типа ценностей – жизненные (любовь, счастье) и культурные (поэзия, музыка), а в каждом из этих типов – логические, эстетические, этические и метафизические ценности.

Создатель философской антропологии – М. Шелер – предложил иерархическую типологию ценностей, где от низшего к высшему расположил ценности: чувственные («приятное»); жизненные, или витальные («благородное»); духовные. В этой последней группе он выделил ценности: эстетические («прекрасное»), морально-правовые («справедливое») и гносеологические («истинное»); религиозные («святое»).

И. Гобри выделял в качестве основных четыре ценности: пользу, красоту, истину и добро. М. Рокич в основу своей классификации положил характер целеполагания, и выделил два класса ценностей: ценности цели (терминальные) и ценности средства (инструментальные). Важно иметь в виду, однако, условность подобного деления ценностей: в разных отношениях одно и то же явление может выступать и как средство, и как цель.

Весьма значимой представляется позиция В. Франкла, который рассматривает ценности как

смысловые универсалии, сформировавшиеся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми человек и общество сталкивались в процессе истории. В связи с этим оказывается, что ценности играют первостепенную роль в осмыслении человеком ситуаций, из которых состоит его жизнь, а значит, и всей жизни.

В отечественной исследовательской литературе основополагающее значение имела типология ценностей в соответствии с представлениями о структуре (сферах) общественной жизни. Так, В.П. Тугаринов, классифицируя ценности, выделил материальные, социально-политические и духовные ценности.

Можно отметить, что в эмпирических исследованиях в основном изучают отношение людей к ценностям либо материальным и духовным, либо материальным, социально-политическим и духовным. Поэтому целесообразным представляется остановиться на характеристике этих классов ценностей.

Духовные ценности – это нравственные, познавательные, эстетические, религиозные идеи, представления, знания. В эту же группу включают общественные идеалы, установки и оценки, нормативы и запреты, цели и проекты, эталоны и стандарты, принципы действия, выраженные в форме нормативных представлений о благе, добре, зле, прекрасном и безобразном, справедливом и несправедливом, правомерном и неправомерном, о смысле истории и предназначении человека.

Особенно значимой представляется типология ценностей, предложенная Б.С. Ерасовым. Согласно его мнению, существуют следующие типы ценностей: 1) витальные – жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние; 2) социальные – семья, дисциплина, трудолюбие, предприимчивость, богатство, равенство, патриотизм; 3) политические – гражданские свободы, законность, конституция, мир; 4) моральные – добро, любовь, честь, порядочность, уважение к старшим, любовь к детям; 5) религиозные – Бог, Священное Писание, вера; 6) эстетические – красота, стиль, гармония.

Моральные ценности, освоение которых предполагает выработку мотивации на доброжелательное отношение и уважение к людям, взаимопомощь, добрые поступки также занима-

ют важное место в социальной рекламе как одной из форм коммуникации современного общества (например, кампания «Я люблю тебя», благотворительные акции). Поскольку нравственные ценности в истории культуры были достаточно тесно связаны с ценностями религиозными, а поддержание морали осуществлялось с помощью религиозных средств, то определенные религиозные ценности находят отражение и в социальной рекламе. И все же дело здесь обстоит несколько сложнее. В наше время в России религиозные ценности пропагандируются достаточно широко, однако преимущественно в опосредованных формах (телевизионные беседы священнослужителей, информация в СМИ о благотворительных делах Церкви, присутствие высших руководителей государства на богослужениях в дни великих христианских праздников). Вместе с тем проводятся и акции, имеющие вполне социально-рекламный характер. Если же поставить вопрос шире, то, видимо, можно говорить об отражении в социальной рекламе мировоззренческих ценностей. Наконец, эстетические ценности представлены в социальной рекламе уже в силу того, что в ней используются художественные средства, более того их роль постоянно усиливается.

По данным социологических исследований наиболее значимые (базовые) ценности современного информационно-коммуникативного пространства для россиян являются:

- 1) жизнь человека как высшая ценность, самоценность;
- 2) свобода в современном, либеральном значении этого термина, как реализация социально-позитивных потребностей и способностей индивида;
- 3) нравственность как качество поведения человека в соответствии с общечеловеческими морально-этическими нормами;
- 4) общение в семье, с друзьями и другими людьми, взаимопомощь;
- 5) семья, личное счастье, продолжение рода;
- 6) работа как самоценный смысл жизни и как средство для заработка;
- 7) благополучие – доходы, комфорт своей жизни, здоровье;
- 8) инициативность, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться;

9) традиционность – уважение к традициям, жить как все, зависимость от окружающих обстоятельств;

10) независимость, способность быть индивидуальностью, жить по своим критериям;

11) самопожертвование как готовность помогать другим, даже в ущерб себе;

12) авторитетность – способность оказывать влияние на других людей, иметь власть над ними, конкурировать и добиваться успеха, победы;

13) законность как установленный государством порядок, который обеспечивает безопасность индивида, равноправность его отношений с другими людьми;

14) вольность как архаичная «свобода от ...» ограничений волеизъявлению индивида, тяготеющая к вседозволенности.

Библиографический список

1. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб., 1996;
2. Ильин В.В. Аксиология. М., 2005

S. V. DOLINA

THE TRANSFORMATION OF MORAL VALUES IN MODERN INFORMATIVE COMMUNICATION SPACE

The article substantiates that the transmission of values plays an important role in communication, which reflects the basic social and moral values inherent in a particular country. The value system is an important factor backbone of society, occupying a dominant position in the sphere of morality and law, art, religion, political and all social life. With the change in information and communication space in the spiritual and moral values there are significant changes.

Key words: value, values, ideals, moral ideals, moral and spiritual values, but an information-communicative space.

В.В. КИМ

кандидат философских наук, доцент,
докторант кафедры философии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: vkv-victory@mail.ru
Тел. 8 909 864 76 18, 8 903 251 65 84

ЭТНИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ КОНФЛИКТОВ

Статья раскрывает содержание понятия «этническое неравенство» и особенности его существования в современном мире, в частности на Дальнем Востоке. Основное внимание уделяется связанным с этническим неравенством конфликтам, экстремистским и террористическим действиям.

Ключевые слова: социальное неравенство; этническое неравенство; дискриминация; конфликт; сепаратизм; национальная политика; экстремизм

В начале XXI века человечество по-прежнему развивается через столкновение противоположных интересов, активизирующиеся конфликты вспыхивают на уровне государств, этносов, отдельных субъектов. Технологии разрешения конфликтных ситуаций на сегодняшний день далеки от совершенства. В развитии государств мы видим процессы, порою прямо противоположные: тенденции демократизации как увеличение меры свободы часто сопровождаются этносепаратистскими. Новые исторические процессы вывели на сцену конфликты идентичности, в основе которых находятся вопросы, связанные с этнической и религиозной идентификацией социальных субъектов. Наиболее конфликтогенными являются сегодня этноконфессиональные процессы, зачастую решаемые с помощью экстремистских и террористических методов борьбы.

Исследователи продолжают задаваться вопросами о роли этничности: нужна ли она современным людям в процессе все усиливающейся глобализации или глобализация представляет собой лишь одну характеристику социальных процессов и поэтому не может «аннулировать» этничность. К тому же «... внутренняя солидарность, присущая отдельным этническим группам, а также сохраняющаяся (вопреки теоретическим ожиданиям) устойчивая этническая идентичность, этнические чувства порой воспринима-

ются как нежелательное явление, а культурное разнообразие – как препятствие социальным инновациям» [14, с. 4]. Этнические отношения выражаются чаще всего в форме социального (этнического) неравенства, когда социальные субъекты находятся на разных уровнях социального положения, обладают разным доступом к благам, неравными жизненными шансами. Оно также характеризуется приоритетными позициями одной нации над другими, что называют этноцентризмом. Такое неравенство может быть формальным и неформальным. Первое может быть закреплено в основном законе государства или других правовых актах, второе может быть не закреплено юридически, однако с проявлениями этнического неравенства в социальной действительности граждане государства постоянно встречаются. И тот, и другой вид этнического неравенства связаны с конфликтами, их активизацией в разных регионах. Интересным является положение разных этнических групп на Дальнем Востоке, именно поэтому анализу будут подвергнуты этнические отношения на российском Дальнем Востоке и КНР (как полиэтничных государствах) и отношения между этносами в Японии и Южной Корее (как моноэтничных государствах).

По данным 5-й Всекитайской переписи населения (2000 г.) в Китае насчитывается 56 национальностей, среди которых самой много-

численной является хань – 1 млрд. 159,4 млн человек, что составляет 91,59% от общей численности населения. Численность всех остальных 55 национальностей 106,43 млн. человек, или 8,41%, от всего населения (не включая численность населения Сянган, Аомэня и Тайваня) [21; 22]. В КНР мы встречаемся с этноконфессиональными конфликтами, активно вспыхивающими в двух регионах – СУАР и ТАР (Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные регионы). Именно они дают представления о внутренней противоречивости и неоднозначности социальных процессов в этих регионах. Синьцзян-Уйгурский автономный округ (СУАР), расположенный на северо-западе Китая, занимает шестую часть всей его территории, по протяженности границ СУАР занимает первое место в Китае. В 2000 г. в СУАР проживало 19,25 млн.чел. На территории района живут 7,4977 млн. ханьцев (40,61% от общей численности населения), 10,9649 млн. представителей национальных меньшинств (59,39%). Из 47 национальностей издавна живут здесь уйгуры, ханцы, казахи, хуэйцы, монголы, киргизы, таджики, сиботяне, узбеки, маньчжуры, дауры, татары и русские – всего 13 национальностей [21]. Тибетский автономный округ (ТАР) расположен на юго-западной окраине Китая (12,8% КНР). В 2000 г. в округе проживало 2,6163 млн.чел., это район наиболее концентрированного проживания тибетцев во всем Китае, они составляют 45% всех тибетцев Китая. Рядом с тибетцами проживают мэнбайцы, лобайцы, ханьцы, хуэйцы, другие народности. Тибетцы – титульная нация района, они составляют 2,4111 млн. человек (92,2% населения); ханьцев – 155,3 тыс. человек (5,9%); другие национальные меньшинства – 49,9 тыс. человек (1,9%) [22].

Эти регионы находятся под пристальным вниманием правительства, которое активно проводит политику переселения населения (представителей титульной нации хань в эти регионы, что связано не только с особенностями миграционно-демографической политики, но и с экономическими потребностями регионов, нуждающихся в высококвалифицированных специалистах для социального и промышленного развития региона). Социально-экономическое неравенство этнических групп (титульной нации и малочисленных народностей) дополняется историческими (про-

блемой существования в китайском государстве), культурными (связаны с потребностью сохранения национального своеобразия народов, в том числе и национального языка), политическими (национальная политика правительства по отношению к малочисленным народностям) и др. аспектами. Однако, несмотря на достаточно удачные попытки решения национальных проблем, связанных с отсталостью регионов, культурной дискриминацией и др., периодически совершаются экстремистские действия, в основе которых находятся сепаратизм, этноцентризм и т.п. [5; 11; 12; 13]. Так, например, в 2003 г. Министерство общественной безопасности КНР опубликовало список первых утвержденных террористических организаций и террористов «Восточного Туркестана». В список утвержденных террористических организаций «Восточного Туркестана» входят Исламское движение Восточного Туркестана (Eastern Turkistan Islamic Movement), Исламская освободительная организация Восточного Туркестана (Eastern Turkistan Islamic Liberation Organization), Всемирная уйгурская молодежная конференция (World Uyghur Youth Congress) и Информационный центр Восточного Туркестана (Eastern Turkistan Information Center) [3]. Данные организации активно действуют на территории СУАР. После террористических актов, произошедших 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, в КНР уделялось повышенное внимание борьбе с терроризмом: были внесены поправки в соответствующие законоположения о борьбе с терроризмом; усовершенствован антитеррористический механизм; усилен контроль за обращением и применением взрывчатых веществ; приняты меры по предупреждению пересечения государственных границ террористами; усилена работа по обеспечению безопасности в аэропортах и портах.

В 2009 г. в Урумчи (СУАР) были беспорядки, в которых официальный Китай обвиняет экстремистов-сепаратистов, а уйгуры заявляют, что выходили на улицы города с мирной демонстрацией [17]. В августе 2011 г. в СУАР волнения вновь привели к насилию в Кашгаре и Хотане, двух исторических центрах уйгурско-мусульманской культуры. Лидер уйгуров в изгнании Рабия Кадыр говорит, что уйгуры не отступят, потому что хотят добиться свободы,

она отрицает, что в столкновениях принимали участие мусульманские экстремисты, подготовленные в Пакистане. СМИ рисуют образ угнетенных уйгуров, преследуемых властями [16]. Это не первые столкновения уйгуров с властями, при этом противоречия, накопленные за годы, далеки от разрешения, непримиримая позиция сторонников сепаратистов и позиция центра потенциально опасна конфликтами. В ситуации общемирового финансового кризиса социально-экономическое положение уйгуров и других нетитульных народностей ухудшилось. По мнению А. Каукенова, несмотря на то, что Китай успешно борется с проявлениями кризиса, даже небольшое замедление темпов роста, с учетом огромной безработицы и социальной дифференциации в КНР, вызывает резкие взрывы социального недовольства, что коснулось наиболее слабого места – межэтнических отношений в полинациональном государстве [6].

В Тибетском регионе противостояние между сепаратистами и центром не стихает с 1950 г. В 1991-94 гг. постоянно случались мелкие инциденты на экономической, по сути своей, почве, при этом тибетцы всегда использовали их для возможности протестовать против оккупации Тибета [11]. В июне 1993 г. в регион прибыла миссия Евросоюза, в результате акций тибетцев магазины ханьцев в даунтауне были закиданы камнями, волнения длились четыре дня. С 1994 г., когда состоялся «третий форум по работе с Тибетом», была объявлена программа экономического развития, началось отслеживание лиц, замеченных в сочувствии национализму и сепаратизму. Следующий раунд противостояния был связан с тем, что китайцы указом от 20 марта потребовали не выставлять публично фотографий Далай-ламы иначе как в храмах, ограничить количество монахов, запретить языковые школы. К тому времени было в Тибете 1643 монастыря, т.е. больше, чем населенных пунктов, но «теперь для поступления в монастырь нужно не столько знать каноны и священные тексты, сколько речи Цзян Цзэминя и позицию КПК по разным вопросам» [11]. В сентябре 1995 г. и предшествующих месяцах в связи с приближающимися празднованиями 30-летия создания Тибетского автономного района, состоялась молчаливая манифестация (с кляпами во рту), голодовка, два бомбовых

нападения. В Лхасе время от времени устраиваются взрывы, вроде, например, произведенного в 1996 г. у стелы, поставленной в честь строителей шоссейной дороги из «основной» КНР в Лхасу. События в Тибете и СУАР широко освещаются в прессе, демонстрируя их неоднозначность (сторонники демократии говорят о нарушении прав человека, а китайские СМИ считают события провокациями, активизацией сепаратизма). К тому же этнические процессы в КНР в первую очередь связаны с религиозным вопросом (уйгуры – ислам, тибетцы – тибетский буддизм, ламаизм), усиливающим конфронтацию. Конфессиональная постановка вопроса дает сепаратистам лишний аргумент в пользу отделения или национальной (социально-экономической, но не политической) независимости в рамках КНР.

Столь же неоднозначными были процессы на территории российского Дальнего Востока. В России, по разным оценкам, насчитывается 40-60 малочисленных этнических групп, которые проживают в суровых условиях Севера. По предварительным итогам переписи 2002 г., их общая численность составляет около 250 тыс. чел. [15]. Из-за сложностей статистического учета только часть имеет официальный статус «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» (КМНС). Вопрос о взаимоотношении представителей титульной нации и коренных народностей входит в рамки национальной политики, берущей свое начало из советского времени. Руководство СССР в процессе освоения Сибири и Дальнего Востока исходило из необходимости социализации коренных народов. Осуществляющаяся политика привела и к успехам и неудачам. В настоящее время население Дальнего Востока находится в зоне не самого пристального внимания, поэтому о необходимости решать социально-экономические и политические вопросы с коренными малочисленными народностями говорят эксперты. Ведь «продукция, производимая на территории Крайнего Севера России, обеспечивает, по данным Д. Колосова, 11% национального дохода и 22% объема экспорта страны, здесь сосредоточены значительные запасы природного газа, алмазов, золота, серебра, меди и других полезных ископаемых при общей стоимости только разведанных запасов минерального сырья в 1,5-2 триллиона

долларов» [8]. Фактически налицо мощнейшая сырьевая база, которая при рациональном и комплексном использовании всех видов ресурсов в интересах всего народа может обеспечить высокий социально-экономический эффект не только регионов Сибири и Дальнего Востока, но и для всей страны. Эксперты говорят о необходимости удержания Дальнего Востока в пределах РФ, что невозможно без решения вопроса о существовании коренных малочисленных народностей. Проблема связана с тем, что ряду народностей даже в местах так называемого ахтонного проживания грозит вымирание: это – энцы, которых уже насчитывается всего не более 130 человек, юкагиры, которых в России (а больше их нигде нет) всего около 1 тысячи человек, кеты и ряд других народов. Причем это – не абстрактные угрозы, т.к. некоторые народности Сибири и Дальнего Востока за последние несколько десятилетий уже совсем перестали существовать, сохранившись только на фотографиях краеведческих и этнографических музеев.

Социализация, включающая в себя окультуривание, оцивилизовывание этих народностей, приводила к тому, что привычные традиционные формы жизни постепенно утрачивались. Лишившись традиций (сохраняемых как анатронизм и музейные экспонаты), представители малочисленных народов крайнего Севера и Дальнего Востока спиваются, маргинализируются, по большей части. Русификация ведет к исчезновению родного языка. Статистика показывает, что в последние десятилетия родной язык изучают в той или иной форме около половины школьников из числа коренных народов. Однако основное обучение осуществляется на русском языке. На «родном» языке обучаются лишь 3% (наибольшее количество – в республиках Тува и Якутия, а также в Хабаровском крае) [15]. В отношении малочисленных народов Севера проблема сохранности языков национальных меньшинств проявляется особенно остро, поскольку в их среде традиционный язык приспособлен к выживанию в суровых природных условиях. Однако, это только одна сторона медали.

С другой стороны, государство (СССР) выделяло огромные статьи государственного бюджета на поддержку коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока, предоставляло

льготные условия для получения образования, льготные условия для занятий традиционными ремеслами и промыслами и т.д. Им была оказана большая экономическая помощь, предоставлены значительные льготы, приняты экстренные меры по борьбе с голодом, эпидемиями, началось создание органов самоуправления. Для большинства народов была разработана письменность, на родных языках началось обучение в школах, издавались газеты, работали национальные театры, появилась своя литература. Что вызывало закономерное недоумение со стороны представителей титульной нации по отношению к ним и негативное отношение ко всем «нерусским», пользующимся «особыми» правами и положением. В итоге волна российского националистического движения с лозунгами «Россия – для русских!» в первую очередь основывалась на этом чувстве. НРЕ, Белое братство, Русская партия – вот далеко не полный перечень организаций, активно ведущих националистическую деятельность на Дальнем Востоке России на рубеже XX-XXI веков, спектр их деятельности довольно широк: от листовок и националистических надписей на зданиях до применения насилия [7]. Однако, кроме явного этнического неравенства в данном процессе сыграло свою роль и развитие социально-экономических отношений в РФ.

Трудности экономического характера на рубеже веков усугубляют социальное неравенство, вызывают чувство недовольства существующим положением (разрывом в доходах, безработицей, низкой заработной платой и т.д.). Согласно официальным данным, коэффициент Джини вырос с 0,26 в 1991 г. до 0,399 в 2000 г. По мнению экспертов, «столь резкого роста неравенства за столь короткое время не знает ни одна другая страна, он значительно превосходит среднемировой темп, рассчитанный Милановичем. Разрыв между средним доходом высшей и низшей пятой частью населения, сократившийся при Советской власти с 4,7 в 1970 г. до 2,6 в 1991 г., увеличился затем до 13,8, намного обходя соответствующие показатели ведущих индустриальных стран мира. Так, число лиц, живущих ниже прожиточного уровня в первом квартале 2002 г. выросло до 47,7 миллионов (треть всего населения) по сравнению с 34,2 миллиона (менее четверти всего населения) в кризисном 1998 г. И это не-

смотря на экономический рост в указанный период. ... Показательны и региональные различия. В Российской Федерации выделяются только два субъекта, где средний доход намного превосходит средний доход по стране. Это Москва, где сосредоточены штаб-квартиры практически всех крупнейших экспортных концернов страны, большинства ведущих банков, представительств зарубежных компаний, а также Тюменская область – центр нефтяной и газовой индустрии. Москва особенно выделяется как сравнительно богатый оазис на фоне окружающей ее бедной провинциальной «пустыни». Причем разрыв между ними по среднему доходу систематически растет. В 1994 г. он составлял в сравнении со средним доходом по стране 3,3 раза, а в 2000 г. уже 4,2 раза. ... Такие разрывы типичны для стран третьего мира, втянутых в сеть глобализованных экономических связей» [10]. Если перенести данные цифры на российский Дальний Восток, то разрыв в доходах с Москвой будет еще большим в силу географической отдаленности региона, сложными климатическими условиями, которые требуют от дальневосточника несравнимо больших затрат, чем от жителя центральных регионов страны, что еще более усугубляет социальное неравенство в стране и усиливает связанные с этим социальные проблемы (в том числе и связанные с продуцированием экстремизма). Однако необходимо отметить, что конфессиональный фактор конфликтов на территории российского Дальнего Востока не является определяющим, в отличие от КНР, более важными являются социально-экономические и этнические (историко-культурные) характеристики.

Иначе обстоит дело в моноэтнических государствах. В моноэтническом обществе с сильными традиционными патриархальными традициями положение представителей иных народов незавидно, они воспринимаются как чужаки, временные, и в итоге подвергаются разным видам дискриминации (психологической, экономической и т.д.). Например, в Японии корейцам затруднен доступ для работы в учебных заведениях, так как есть скрытое опасение, что в воспитательном процессе недостаточно внимания будет уделяться патриотизму и учению о превосходстве японской нации (являющейся одним из краеугольных камней национального ментали-

тета). В итоге возникают чувство ущемленности и конфликты, разрешаемые в судебном порядке.

В январе 2006 г. в ООН был заслушан доклад о расовой дискриминации в Японии, где было доказано, что она существует, причем в самых разнообразных формах [1]. Иностранцы и мигранты были выделены в нем в отдельную группу, помимо нацменьшинств и населения бывших колоний (корейцев и китайцев). Японии были даны рекомендации по ее устранению в 97 пунктах. Дискриминация по национальному признаку проявляется во многих областях. Так, депутатом высшего законодательного органа Японии не может стать человек иностранного происхождения, не являются здесь исключением и натурализовавшиеся корейцы, даже если живут в Японии несколько поколений и забыли корейский язык. В Японии было примерно 700 тысяч корейцев, проживавших постоянно и являвшихся национальным меньшинством, при этом в конце XX в. ни одно правительственное учреждение не предоставляло им работу. В июле 1985 г. пятнадцать юношей-корейцев объявили в городе Осака голодовку в знак протеста против обращения с ними, как с уголовными преступниками: власти снимают у корейцев отпечатки пальцев. Вслед за юношами из Осаки голодные забастовки объявили корейцы еще в шести городах. Директор школы в городе Кавасаки кореец Сан Хо отказался пройти унижительную процедуру и немедленно был арестован, ему грозили тюремное заключение и крупный денежный штраф. Корейцам, как и представителям других национальных меньшинств, было разрешено появляться на улице, только имея при себе специальное удостоверение... [19, гл. 3] Общинная замкнутость, вражда к чужакам были столь сильны, что только путем длительного и напряженного судебного процесса корейский юноша добился зачисления в юридическое высшее учебное заведение, куда его никак не хотели принимать, хотя он успешно сдал вступительные экзамены. Такой же процесс потребовался другому корейцу для восстановления на работе, которой его лишила ведущая электронная фирма только потому, что он не японец, в итоге корейцам приходится скрывать свое происхождение.

Во второй половине XX в. в Японии проживало 776 тысяч иностранцев (0,65% от общей

численности населения), которые намерены оставаться в стране постоянно. Япония предпочитала оплачивать половину бюджетных расходов Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев на их расселение по миру, нежели впускать иностранцев к себе. После окончания средней школы в США, Англии, Франции японец не мог бы поступить в престижные японские университеты, данную традицию в конце века нарушил Киотский университет, введя специальные вступительные экзамены для японцев – выпускников зарубежных школ. Мало ценятся в Японии дипломы даже самых блистательных иностранных высших учебных заведений. Крупные фирмы весьма неохотно берут на работу обладателей зарубежных дипломов. «Наше положение в Японии напоминает судьбу негров в США», – сказал Р. Макдэниел, вице-президент японского филиала американского химического концерна «Монсан-то» [19, гл. 3]. Иностранцы подвергаются дискриминации из-за того, что они не являются японцами.

По данным Минюста Японии, на конец 2008 г. в стране на законном основании проживало чуть более 2,2 млн иностранцев (1,74% от населения страны). Больше всего в столице (402 тыс. человек) по официальным данным [1]. На самом деле приезжих больше, есть и неучтенные – это, как правило, нелегальные иммигранты и те, кто остался в Японии после окончания визы. Всех иностранцев называют «гайдзин», в переводе «гай» – внешний, иностранный, чужой, «дзин» – человек. Почти во всех официальных документах, которые касаются иностранцев, их называют «alien» («чужой»). Например, по данным сайта администрации города Хигаси-Курумэ (входит в Токио): «На 1 июня 2009 года население составляет 56 894 мужчины, 57 794 женщины и 1752 иностранца» [1]. Этническая дискриминация в Японии является препятствием для национальной экономики, так как интенсивно развивающаяся промышленность в ситуации стареющего общества нуждается в рабочих руках, пусть даже и иностранного происхождения. В июне 2008 г. Либерально-демократическая партия и выступила с предложением довести число жителей Японии иностранного происхождения до 10% в течение ближайших 50 лет. В конце XX в. по призыву правительства в Японию приехали десятки

тысяч латиноамериканцев, тогда в первую очередь в них нуждалась автомобильная промышленность. Они годами работали на конвейерах «Тойоты», «Ниссана» и др., обзавелись семьями. Однако экономический кризис 2008 г. показал, что иностранцы не могут пользоваться теми же правами, что и японцы (именно они первыми попали под сокращения). Кто-то из них смог вернуться домой, кто-то пополнил ряды бродяг, так как лишился не только средств к существованию, но и служебного жилья, кроме которого у них ничего не было, кто-то вынужден был начать воровать и в итоге оказался в местах заключения.

Этническая дискриминация проявляется и в Южной Корее, где в течение полувека китайцы являлись единственным заметным этническим меньшинством. Все другие группы проживавших в стране иностранцев были очень малочисленными. До начала 1980 г., когда в Корее стали в массовом порядке появляться преподаватели английского, все западное сообщество в Сеуле состояло из двух-трех сотен миссионеров, дипломатов и бизнесменов, а уж представителей западных стран в Корее тогда практически не было вообще (кроме американского военного контингента) [9]. С конца 1940 гг. местная китайская община стала сталкиваться со значительной дискриминацией. В Южной Корее для иностранцев никогда не существовало видов на постоянное жительство, поэтому местные китайцы считались иностранцами, лишь временно проживающими на корейской территории. Регулярно (раз в два, потом – раз в три года, а с 1998 г. – раз в пять лет) им приходилось собирать необходимые бумаги для продления визы. Будучи формально «иностранцами», корейские китайцы не могли служить в государственных учреждениях и в армии, не могли заниматься адвокатской и врачебной практикой, сталкивались с немалыми проблемами при трудоустройстве в частные корейские фирмы, особенно крупные, так что основным занятием для них оставался независимый мелкий бизнес (рестораны и прачечные). В то же самое время, несмотря на все ограничения, китайцам была предоставлена корейскими властями одна немаловажная привилегия – право находиться в стране на постоянной основе. В этом отношении они отличаются от всех иных иностранцев, которые легально находятся в Корее только постоль-

ку, поскольку они имеют официальную работу, и для которых потеря рабочего места означает немедленный выезд из страны.

В последние годы многие дискриминационные ограничения были сняты или ослаблены. С 1999 г. китайцы и другие иностранцы могут владеть в Корее землей и недвижимым имуществом, процедура принятия корейского гражданства намного упростилась, визы местным китайцам возобновляют раз в пять лет, а с недавнего времени они даже могут голосовать на выборах в местные органы власти [9]. Корейская печать открыто называет старую политику дискриминационной и возлагает ответственность за нее на правые военные правительства. Однако факты проявления дискриминации по этническому признаку все еще встречаются.

Таким образом, можно выделить следующие факторы возникновения этнического неравенства: историко-культурная традиция (воспроизводимая в государствах), национально-территориальная структура регионов в государстве (в частности, положение о национальной автономии и его реализация), разница в социальном, политическом, экономическом и культурном положении титульной нации и малочисленных народов. В результате совокупного действия данных факторов в государствах Дальнего Востока и на территории российского Дальнего Востока наблюдаются явления:

- недовольство представителей разных этносов своим социальным (экономическим, политическим и иным) положением в рамках государства;
- острый и латентный характер конфликтов, переходящих в затяжные;
- многочисленные стычки и провокации, вызванные экстремистской деятельностью разных националистических групп, целью которых является изменение существующего положения дел в государстве и дестабилизация социальной ситуации в регионе.

Таким образом, социальное неравенство является фактором и результатом существующего этнического неравенства. Социальное неравенство может быть рассмотрено как фактор эскалации экстремистских конфликтов, что наиболее явно может быть выражено на почве этнического и религиозного неравенства, не является ис-

ключением здесь и Дальний Восток. Еще более неразрешимыми (характеризующимися повышенной сложностью и запутанностью) являются конфликты, связанные со слиянием этнических и религиозных мотивов, так называемые этноконфессиональные конфликты и противоречия. Их причиной становится социальное неравенство этноконфессиональных групп, например, уйгурский и тибетский вопрос в КНР. Уйгуры являются мусульманами, тибетцы – ламаисты (тибетский буддизм), вопрос их государственной принадлежности исторически был решен давно (они относятся к КНР), однако он до сих пор вызывает сепаратистские тенденции. К тому же вопрос о сосуществовании титульной нации хань и остальных малых народностей (некоторые из которых по численности достигают более миллиона человек) выглядят с точки зрения самих малочисленных народов как территориальные и экономические притязания хань на территорию автономных регионов, на их природные ресурсы.

Попытки КНР проводить системную национальную политику наталкиваются на недовольство некоторых нетитульных наций опасющихся лишиться своего национального своеобразия, своих традиций (которые как знамя поднимают в экстремистских движениях). Уйгуры говорят о дискриминации по отношению к ним со стороны титульной нации в связи с тем, что их привычный образ жизни изменяется, не дает им возможности приспособиться к новым условиям. Тогда активизирующийся фанатизм в экстремистских идеологиях и действиях становится защитной реакцией, попыткой сохранить свою идентичность, не дать ей раствориться в других. Таким образом, социальное неравенство, имеющее место в китайских регионах, становится одним из существенных факторов, приводящих экстремистки настроенные группировки к активным действиям. Еще одним фактором, способствующим процветанию радикальных тенденций в регионе, является соседство с нестабильными, конфликтогенными государствами, на территории которых базируются экстремистские, террористические организации, действующие в КНР.

Показательным в данной ситуации будет осмысление результатов национальной политики СССР в XX веке на территории РФ по отношению к коренным малочисленным народам

Севера и Дальнего Востока. Маргинализация представителей коренных народов может рассматриваться как гуманитарная катастрофа (в связи с утратой этнической идентичности). С другой стороны, государственная национальная политика заключалась в выделении огромных статей из государственного бюджета на поддержку коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока, что послужило одной из причин возрождения российского националистического движения.

Таким образом, на Дальнем Востоке мы можем увидеть два типа сложившихся моделей национальных отношений: в РФ и КНР – это отношения между представителями титульной нации и представителями малочисленных народов, в Японии и Южной Корее национальные отношения складываются между этнически абсолютным

большинством в моноэтническом государстве с представителями иных народов (98-99% – коренное население, менее 2% – другие народы, народности). В полиэтническом обществе, каким являются РФ и КНР, этническое неравенство и дискриминация принимают открытые формы проявления (конфликты, вооруженные столкновения, экстремистские и террористические действия). В моноэтническом обществе (в Японии и Южной Корее) этническая дискриминация выражается в скрытых формах и проявляется в виде статей в официальных документах, на уровне трудоустройства и карьеры. Особенностью данных моноэтнических обществ является национализм, проявляющийся на всех уровнях отношений, что потенциально содержит в себе возможность актуализации конфликта в результате этнического неравенства и дискриминации.

Библиографический список

1. *Абашин А.* Чужие в Японии. За что потомки самураев не любят иностранцев [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.chaskor.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
2. *Бондаренко А.В.* Проблема борьбы с уйгурским сепаратизмом в СУАР: международный контекст [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: www.asu.ru/files/documents/00000361.doc, свободный. - Загл. с экрана.
3. *В Китае* впервые опубликован список террористов «Восточного Туркестана» [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1071526080>, свободный. - Загл. с экрана.
4. *В Синьцзяне* уничтожен лагерь подготовки террористов [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://russian1.people.com.cn/31521/5259639.html>, свободный. - Загл. с экрана.
5. *История Китая* / под ред. А.В. Меликсетова. М.: Высшая школа, 2002. 736 с.
6. *Каукенов А.* Автономия национального значения. Китай никогда не согласится расстаться с Синьцзяном [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.centasia.ru/newsA.php?st=1248158640>, свободный. - Загл. с экрана.
7. Ким В.В. Экстремизм и терроризм: общее и особенное (региональный аспект) [Текст] / В.В. Ким // Социальные процессы в условиях трансформации городской системы на Дальнем Востоке в новейшее время: коллективная монография / под ред. В.В. Ким, Н.В. Шелковниковой. Комсомольск-на-Амуре, изд-во АмГПУ, 2011. С. 197-240.
8. *Колосов Д.* Арктика заявляет о себе. // Российская газета. 5 апреля 2000 г.: [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.terrus.ru/sources/articles/id789.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
9. *Ланьков А.* Китайцы в Корее // Сеульский вестник, 2007 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://lankov.oriental.ru/d125.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.
10. *Меньшиков С.* Глобализация усиливает неравенство. [Электронный ресурс]: выступление на Семинаре во Всемирном банке, 19.07.2002. [сайт]. Режим доступа: <http://www.fastcenter.ru/smenshikov/slovo/smmslovo106.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
11. *Проблема Тибета* [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://conflictologist.narod.ru/tibet.html>, свободный. – Загл. с экрана.
12. *Пшеницов П.С.* Влияние социальных и культурных факторов на проблему этнической обосо-

бленности коренного населения СУАР КНР / П.С. Пшенцов // Известия Челябинского научного центра, 2007. Вып. 2 (36). С.75-80.

13. *Серебрякова Н.В.* Центрально-азиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2009_round_table_shoss/serebryakova.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

14. *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность* / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

15. *Степанов В.* Российский опыт этнической статистики коренных малочисленных народов Севера [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit03.php#_FNR_1, свободный. – Загл. с экрана.

16. *Уйгуры* в Пекине. Молитвы под мостом // «Los Angeles Times» [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1314260340>, свободный. – Загл. с экрана.

17. *Уйгуры* отмечают годовщину межэтнических волнений в Китае [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: voanews.com, свободный. – Загл. с экрана.

18. *Универсальный атлас мира*. М. 2008.

19. *Цветов В.Я.* Пятнадцатый камень сада Рёандзи. [Текст]. / В.Я. Цветов. М. Политиздат, 1986.

20. *Эко У.* Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ [Текст] / У. Эко / Пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. 592 с.

21. *Энциклопедия китайских регионов: Синьцзян* [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://russian.china.org.ch/russian/75042.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

22. *Энциклопедия китайских регионов: Тибет* [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://russian.china.org.ch/russian/60771.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

V. V. KIM

ETHNIC DISPARITIES AS A FACTOR OF ESCALATION OF EXTREMIST CONFLICT

The article exposes the contents of the concept – «Ethnic disparities» and especially its existence in the modern world, particularly in the Far East. It focuses on conflicts, which related with ethnic disparities, extremist and terrorist activities.

Key words: social disparities; ethnic disparities; discrimination; conflict; separatism; national politics; extremism

В.В. КЛЕПАЦКИЙ

аспирант кафедры социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации

E-mail: sinekrasov@mail.ru

Тел. 8 916 730 89 14

ИГРА КАК СВОБОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В статье раскрывается онтологическая сущность игры как проявления сводного творчества. Через различные логические языковые формы человек играющий выходит на уровень реальности и вырабатывает способности к свободным представлениям, фиксирующим общие признаки вещей. Раскрывая сущность условности и безусловности, показано, как это противоречие находит своё разрешение в игровой деятельности.

Ключевые слова: игра, разум, свободное творчество, условное, безусловное, абстракции, мышление, трансцендирование.

Игровая деятельность выступает основной процесса перерастания сенситивной способности в новую, связанную с разумом.

Значительную роль в развитии способности к абстракциям (особенно философским) сыграло возникновение и становление языка в целях общения. В этом плане К.Р. Мегреидзе развивает мысль, что развитию способности свободного воспроизводства представлений, способности «играть» (часто «жонглировать») представлениями в значительной степени способствовало образование элементов языка [2, с. 105].

Речь действительно делает возможным свободное высказывание в пространстве ясного сознания и закрепляет способность репродукции. Человек ищет логическую формулу истины. Чтобы постичь необъятную основу мысли, недостаточно быть готовым принять ту или иную мысль, идею или точку зрения. Поэтому действительная мудрость равна способности говорить «не то» и «не так», а должна вызывать как бы лёгкую игру границ и правил, нескончаемую череду самоотрицаний, «творческих неудач».

Благодаря игре языка воспроизводство представлений и работа воображения чрезвычайно облегчаются. Процесс репродукции мысли делается беглым; сознание освобождается при этом от тирании чувственного поля. Воображение становится в высшей степени подвижным, гиб-

ким, и область его охвата с помощью игры может расширяться.

Без языка нет и не может быть свободных представлений воображения, но язык, вместе с тем, невозможен без данного созерцания сознания. Подлинное сознание имеется там, где оно способно оперировать образами и представлениями вещей. И человеческое сознание, и труд, и речь – отдельные моменты одного единого целого – социального комплекса. Каждое из этих образований немислимо без других, что находит свое яркое обнаружение в игре.

Благодаря выработке способности к свободным представлениям, связанным со словом, а также способности к сопоставлению представлений, что возможно в процессе игры, стало возможным формирование особого рода представлений, фиксирующих общие признаки вещей. Так возникли представления, квалифицируемые в психологии, логике, философии как понятия. В ходе развития игровой активности, развития способности «жонглирования» понятиями формировалась способность человека к абстрактно-мысленному, творческому отражению действительности.

В понятиях фиксируются существенные и несущественные, необходимые и случайные, качественные и количественные признаки предметов. При этом сами понятия подлежат обобщению. В сфере познавательной деятельности с помощью

понятий и категорий вовлекается на равнозначных условиях, на равноправных основаниях и то, что является вещью, телесным предметом, материальным объектом, и то, что вовсе не является вещью, материальным объектом.

Из-за овеществления понятий (что также выступает проявлением игровой творческой активности человека) вводится в статус онтологии все то, что выражается и становится предметом внимания субъекта (в том числе, сотворенное им же самим). Область творческой познавательной деятельности настолько расширяется, что уже она включает то, что вещь (телом, полем, их образованием или системой) в строгом смысле назвать нельзя.

Понятия высшего уровня – это понятия-идеи. Согласно Гегелю, философия как раз и занимается идеями, образующими сферу идеального [1, с. 59]. Понятие-идея есть образ будущего предмета, а если учесть, что игра – это некий прообраз высшей целостности мира, то тогда философ вступает в сферу идей, он занимается будущим, предвосхищает его.

На базе понятий и суждений формируются умозаключения, которые являются духовным единством смысловой свободы. Это своеобразный текст: понятия и суждения ведут себя в умозаключении так, что постоянно освобождаются от прилипших к ним смыслов. В этом как раз и заключается значение игры.

Создание абстракций невозможно без игры, она тождественна мышлению. Но что мы понимаем под мышлением? Если исходить из определения, что мышление – это активный процесс отражения объективного мира в понятиях, суждениях, теориях и т.п., связанный с решением тех или иных задач, с обобщением и способами опосредованного познания действительности, или что это высшая форма активного отражения объективной реальности, стоящая в целенаправленном, опосредованном и обобщенном познании субъектом существенных связей и отношений предметов и явлений, в творческом созидании новых идей, в прогнозировании событий и действий, то мышление оказывается неотрывным от понятий.

Такое представление само оказывается абстракцией от более широкой и многообразной целостности, в качестве каковой выступает

мышление человека. Наблюдения над развитием ребенка показывают, что мышление у него проявляется значительно раньше, чем способность к оперированию понятиями и связано с игрой. Если человек не играет, то он не создает ни научных, ни философских понятий. Игра выступает важной формой жизнедеятельности ребенка, с помощью которой происходит его приобщение к реальному миру взрослых, овладение им предметными действиями и правилами поведения, регулирующими межличностное общение как в детском коллективе, так и во взрослом.

Даже если ребенок получает от взрослых те или иные понятия, то в первое время он не воспринимает слова как какую-то абстракцию, а прочно ассоциирует его с конкретным предметом, с конкретным чувственным образом. Вот почему, если понятия оказываются пропущенными через образы, в которых есть игра, то они остаются в памяти человека на всю жизнь. С помощью образного мышления более полно воссоздается многообразие различных фактических характеристик предмета.

Важнейшая особенность образного мышления – это установление непривычных, «невероятных» сочетаний предметов, которые раскрываются лишь в игре и путем игры. В отличие от наглядно-действенного мышления при наглядно-образном мышлении ситуация преобразуется лишь в плане образа.

При наглядно-действенном мышлении человек также оперирует представлением-образом. При этом внутренний аспект наглядно-действенного мышления оказывается идентичным с наглядно-образным. Важной является именно эта общность отмеченных форм мышления. Можно обозначить их как «чувственно-сенситивное» или «сенсомоторное» мышление. Второй термин более точен, поскольку теснее связан с представлением о человеческой деятельности, об активном воздействии человека на объект, без чего не бывает никакого истинно человеческого мышления. Игра является таким активным отношением и выступает важным фактором активизации творческих способностей человека, возможностей его самореализации и организации свободного времени. В игре повышается отчужденность от конкретной поведенческой ситуации, от обыденного, неигрового мира. Поэтому возникает возможность

приобретения индивидом нового, отличного от жизненного, дополнительного опыта.

Экстремальные условия развития слепоглухонемых детей выводят на первый план значимость их деятельности, неотрывной от тактильных ощущений, непосредственных восприятий формы внешних предметов и представлений о действиях с предметами. И тут также на помощь приходит игра, которая активизирует ощущения, их «переливы» и «взаимопереходы».

Обращая внимание на актуальность формирования социальной обусловленности мышления, Э.В. Ильенков замечает, что сенсомоторные схемы складываются в онтогенезе, в процессе развития раньше, чем он станет способным понимать речь. Игра, как мышление, предшествует, таким образом, речи. Она есть способность обращаться с любым телом, находящимся вне своего собственного тела, сообразно с формой и значением его в составе окружающего мира. Она есть способность трансцендирования не только за пределы собственно телесного, но и духовного бытия. Игра как мышление, манипулирует в строгом смысле этого слова не с самими вещами, а лишь их образами, т.е. представлениями о вещах. Другими словами, игра – это творческий процесс формирования мышления,

Можно сделать следующие выводы.

1. Мышление можно определить как процесс игры с образами предметов. Осознавая при этом всю субъективность данного определения, мы не отходим от традиционного определения, где мышление – это процесс оперирования конкретно-чувственными и понятийными образами.

2. Игра, если ее рассматривать как обнаружение истинной мудрости, пребывает между словом и молчанием. Мир вещей-предметов часто бессмыслен, ибо в нем утрачено интимное средство всего сущего, живая цельность единого тела и мира.

3. Для разума, у которого не отсутствует игровая субстанция, характерны такие понятия, которые фиксируют усмотренное сознанием смысловое отношение объектов, принцип внутреннего строения и реальное значение предмета. Только в этом отношении понятие и обретает смысловое содержание, связанное с погружением мышления в систему внутренних и внешних связей объекта.

Человек серьезный, не играющий, т.е. только сообщающий о мире, всегда одинок, как бы ни хотел заинтересовать других. Человек смеющийся, играющий, восстанавливающий прямое и непосредственное общение с миром, живет как бы заодно с другими даже помимо своей воли. Поэтому игра настолько же зрелищна, насколько и сокрыта.

Игра – это некоторое недеяние, переживание бесконечного ряда возможностей. Взятая сама по себе, она может служить источником творческого эстетического наслаждения и является условием и одновременно границей всякого творчества, точнее, утратой границы между условным и подлинным. Игра предстает реальностью вездесущей и даже, кажется, неотделимой от жизни. Самое серьезное занятие можно превратить в игру и, напротив, каждая игра требует полнейшей серьезности от ее участников. Игра имеет бытийственные корни, предшествующие ее правилам. Не существует никаких изъятий из неограниченного поля опыта, открываемого игрой. Игра и есть сам фатальный танец вещей, ведь миром движет «безудержная радость» или играющая мудрость.

А что, кроме игры, точнее, самого переживания игры, может подарить ничем не омрачаемое наслаждение? Речь идет о Великой Игре, об Игре, укорененной в самом бытии, об Игре как онтологической истине, поскольку игра принадлежит кругу любезных нашему сердцу понятий, которые уже семантически оправдывают себя посредством самоотрицания, не раскрываются как бесконечная перспектива изначально заданной оппозиции. В подлинной игре никто не играет и ничего не разыгрывается. В ней даже нельзя выбрать между существованием и несуществованием.

Игра – это точный образ прозрения самобытности всего существующего. В подлинно игровой деятельности Вселенная предстает перед человеком миром чудес и таинств, бездной неопределенности – совсем как его собственное духовное бытие. Ведь неопределенность человека равна неопределенности мира. Позволяя человеку испытывать свою неопределенность, игра оказывается мощнейшим стимулом трансформации опыта. Однако неопределенность игры есть, прежде всего, неопределенность отноше-

ний человека и мира. Как бы тесно ни связывал их поток игровых превращений, они находятся в нем друг против друга. Но при этом следует учитывать, что сплошной поток творческих перемен равнозначен символической трещине бытия, предваряющей пространство и время.

Игра развивается в традиционных областях – кинематографе, спорте, театре, эстраде, массовом физкультурном движении. При этом рядовой зритель четко фиксирует игровую область как область реальности и сферу серьезного как область действительности, где нельзя шутить, где нужно надеть на себя маску добросовестного исполнителя чужой воли. В результате игра носила также во многом обусловленный характер и имела мало общего со свободой и творчеством. Игра утрачивала первоначальный смысл непредсказуемости и случайности; игры, становясь рациональной схемой трудовых, во многом чисто искусственных соревнований, всё более напоминали рабский труд, где на первое место выходит инстинкт самосохранения. В культуре утверждается культ напряженного труда. Труд понимается как предельное выражение физических и духовных сил, становится единственным мерилем, статусным параметром, определителем в рамках дихотомии «свой/чужой».

Чтобы игра стала благом, необходимы значительные материальные и духовные затраты, необходимы соответствующие формы организации. Сама по себе полноценная игра не возникает как простой ответ на внешнее раздражение или как потребность организма в активной деятельности, она есть результат духовного напряжения и усилия играющего, требует создания материального и интеллектуального игрового материала.

Это положение наглядно проявляется в современной виртуальной культуре, когда телевидение предлагает участникам игровые сценарии, лишённые какой-либо духовной основы и представляющие собой набор внешне эффектных, чисто спортивных проектов. Тем самым указывается на прямую эксплуатацию игры как наиболее близкой для человека деятельности и замену ее чисто рационализированными действиями, не имеющими какого-либо отношения к игре как источнику духовности.

Ведь даже самые простые по форме ритуалы наполнены глубоким символическим, много-

значным содержанием, хотя во многом и условны. Глубинный же уровень определяется уже символическими отождествлениями важнейших проявлений человеческого действия и значимых для жизни отдельного человека, семьи, рода, племени событиями, внешне никак не проявляющимися, являющимися тонкой работой сознания по приобщению к Божественному, надындивидуальному началу.

Человеческая история с ее логикой перехода от одного момента к следующему придаёт определенный характер свободе и творчеству человека. Первобытный человек также творил в рамках обслуживания природных объектов. Но модернистский человек оказался человеком бунтующим, пытающимся перескочить из «царства необходимости» в «царство свободы», однако в итоге он оказался прикрепленным к средствам и орудиям производства. Производство отводит человеку роль средства, приатка, «винтика». Человек не может проявить себя полноценным субъектом, выступая представителем производства и его главной движущей силой. Субъектом он становится только в игре, только в ней он способен выразить самого себя. Тем самым игра приобретает самостоятельное онтологическое значение как форма выражения самотворчества и подлинности, противостоящая необходимости и принуждению. В игре пантеократические и социократические устремления, направленные на покорение сущего, находят своё предельное выражение.

Подлинное раскрывается в себе самом как генетическое, является в себе самом всецело связанным, необходимым и закономерным. Игра тут генетична постольку, поскольку она есть, поскольку она действительна и подлинно жизненна. Однако, наша жизнь, жизнь разумно-игровая, часто не выходит из объективизации самой себя, и в постижении игры наш разум раскалывается в двойное явление того, что существует само по себе, вероятно, также и для обыкновенного знания есть одно и то же.

Итак, во-первых, игра как абсолютное явление есть непосредственное обнаружение и жизнь разума. Но в таком рассмотрении есть и противоразумное начало, потому что играющая личность постоянно вынуждена подчинять свободную индивидуальность общему, общественному интере-

су. На самом же деле разум диалектичен. Первым актом, которым разум конституирует себя, является ограничение разума. То же можно сказать и об игре, которая утверждает свою подлинность путём ограничения своей безусловной сферы.

Во-вторых, подлинная игра есть существование как таковое, и какие бы имена она не получала, от самого низшего до самого высокого,

до существования абсолютного знания, своё основание игра всё же имеет не в самой себе, а в некоторой цели. Это преодоление границы между условным и подлинным, между «Я» феноменологии и абсолютным «Я», между духом и эмпирическим существованием, и выходом на свободное творчество.

Библиографический список

1. Гегель Философия права. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990.
2. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.

V. V. KLEPATSKY

FREE GAME AS ART

The article deals with the ontological essence of the game as a manifestation of the composite work. Through various forms of logical language plays a man goes to a level of reality and develops the ability to free ideas, locating common features of things. Revealing the essence of the conditional and unconditional, it is shown how this contradiction finds its resolution in the gaming business.

Key words: game, mind, free creativity, conditional, unconditional, abstraction, thinking, transcendence.

Н.А. МОИСЕЕВА

кандидат философских наук, доцент
кафедры истории Российского государственного
аграрного заочного университета
E-mail: moiseeva.nel@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

В статье рассматривается проблема соединения объективной и субъективной составляющей в корреляции идеологии и национального характера. Идеология приравнивается стратегическому ресурсу технологического и социокультурного обновления российского общества; представлена формой самореализации общества, основой формирования воли общества как субъекта к своему собственному бытию и сохранению себя через воспроизводство. Национальный характер рассматривается звеном, связывающим социально-исторические и бытийные константы культуры и ментальности, является одной из первых «инстанций», в которой структурируется идеологическая «воля к бытию».

Ключевые слова: идеология, национальный характер, социально коммуникативная среда, эконоцентризм, национализм, социализация, идентичность, патриотизм.

Современное состояние российского общества, связанное с необходимостью его радикальной «перезагрузки» – технологического и социокультурного обновления, перехода на инновационные стратегии развития, – требует поиска и освоения необходимых для этого ресурсов. К ним можно вполне отнести *идеологию*, представляющую собой «совокупность взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу; выражаются основные интересы различных социальных групп (обществ, движений)» [8, с.163-164]. Идеология является существенным компонентом любого общества. Уточняя этот компонент, Л.В. Бочкова отмечает, что «ни одна страна не может жить без устойчивой идеологии. Государство – это коллективное мы, обладающее более или менее прочной идентичностью. Но коллективная идентичность – это не изначальная данность. Она рукотворна. В ее основе лежит идея, идеология, овладевшая обществом» [3, с. 30].

Здесь возникает проблема: если коллективная идентичность для своего формирования требует, опираясь на стихийно возникающую общественную потребность, также и осознанных специальных действий, то необходимая для этого идеология также требует своей собственной раз-

работки. Причем здесь также соединяются объективная и субъективная стороны. И поскольку идеология выступает как «система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрения и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений» [7, с.81], то возникает необходимость исследовать те условия и факторы, которые могут обеспечить общественным идеям и ценностным установкам *статус* идеологии. Этот статус тем более необходим, что в России сегодня сформировались разнонаправленные идеологические системы (либеральная, центристская и «левая»), каждая из которых в отдельности не может обеспечить решение проблемы общероссийской идентичности.

Данная проблема требует более широкой трактовки идеологии: в первую очередь, это преодоление устоявшейся в литературе и в общественном сознании жесткой связи идеологии с политикой (политическими интересами) и властью. Конечно, идеология реализуется в политике и в практике государственного управления. Но это, скорее всего, наиболее «проявленный» слой или уровень функционирования идеологии. Более глубокими и скрытыми ее «пластами» выступают

идея, культурная самобытность, национальный характер, базовые ценности данного общества (народа). На это, так или иначе, указывает то обстоятельство, что, хотя идеология «создается благодаря деятельности идеологического аппарата партий и социальных движений», но интересы, идеалы и общественно-политические представления народных масс «составляют ту почву, на которой формируется и создается идеология» [7, с.83].

Автор данной статьи исходит из того, что идеология *зарождается* в обществе на уровне *бессознательного*, и лишь после этого – в социально коммуникативной среде как пространстве общественных связей и отношений – осознается субъектами как выражение их интересов. Это означает, что в современном российском обществе «виртуально» идеология уже есть, поскольку существует само это общество. Однако для ее осмысления и общественного выражения необходима *реконструкция* тех внутренних связей и отношений, в которых она зарождается.

Необходимость существования идеологии связана с тем, что здесь формируется сама воля (направленность) данного общества как субъекта к *своему собственному бытию*, его сохранению через воспроизводство. Эта «воля к бытию» изначально проявляется как нечто недифференцированное, которое на уровне общественных отношений трансформируется в разные социальные структуры, включая культуру и нравственность (духовность), однако преимущественно «попадает» в контекст политики и стремления к власти. Подобная трансформация не снимает основную направленность идеологии к укреплению бытия (через расширение пространства возможностей) конкретных субъектов, формирования их самосознания и установок.

Можно считать, что именно эта направленность (природа) идеологии – как важного ресурса бытия общества – стимулирует и определяет тенденцию расширения сферы «идеологизации» (не сводя все это к политике) в нашем обществе. Так, на симпозиуме «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», организованном Институтом культурных преобразований (США) совместно с Государственным университетом – Высшей школой экономики и проведенным в Москве в мае 2010 года, была выдвинута цель

– сформулировать идеи экономической и политической модернизации России через обновление культурных целей и политических установок.

Известный социолог А.А. Зиновьев в своей статье «Философия как часть идеологии» обозначил новую категорию – это «идеологическая сфера России». Этот феномен автор сопоставил с объективной потребностью «найти такую» идеологию, которая способствовала бы объединению россиян в единое целое и которая могла бы служить новой системе власти эффективным средством управления страной и выработки социально-политической стратегии в происходящем процессе глобализации. Специфика современной ситуации в России состоит в том, полагает философ, что «Россия не может сохраниться в качестве исторически значимой величины, если не сумеет выработать идеологию, сопоставимую по эффективности с той, которая имела место в советские годы» [4, с. 20]. Можно считать, что идея объединения россиян – это и есть сегодня современная форма осознания обществом той исходной «воли к бытию», которая характеризует существование социума как субъекта.

Таким образом, изначальный слой «идеологии» – стремление общности к бытию, сохранению себя. В этом отношении она представляет общую черту любого этноса как биосоциального организма. Однако существование своей культуры, национального характера, менталитета у каждого народа «индивидуализирует» это свойство. Здесь идеология приобретает некую форму или определенность, которая осознается через разные аспекты (сферы) общественной жизни – от культуры до политики и права. Каково же соотношение между национальным характером, связывающим (интегрирующим) социально-историческое и бытийное (константы культуры и ментальности)? Определение роли и статуса национального характера как «посредника» между сферой нормативного (константами) и реальной фактичностью общественной жизни является наиболее перспективным для его дальнейшего исследования. Это показывает и тенденция его трактовки в современной литературе. Так, А.О. Бороноевым и П.И. Смирновым в их работе «Россия и русские: характер народа и судьбы страны» предлагается понимание национального характера как совокупности определенных норм

поведения и системы ценностных ориентации, реализуемых в реальных поступках и действиях [См.: 2]. Продуктивность данного подхода состоит в том, что авторы учитывают в характере не только наличное действие, но и существование идеального, – ценностно-нормативный элемент, незримо влияющий на характер деятельности людей. Причем аспект идеального – как некоторой нормы – отделяется от противоречивости реальных поступков и обеспечивает национальному характеру устойчивость и определенность.

Выделение идеального как стимула, как образца объединяет направленность исследований национального характера в работах Б.С. Братуся, А.О. Боронова и П.И. Смирнова. Согласно двум последним авторам, антиномичность, непоследовательность, неопределенность реального поведения, полярность психологических свойств указывают не на отсутствие характера, а являются объективным признаком реальных расхождений между нормой и ее реализацией, идеальным и фактическим. Нечто подобное присуще и идеологии: выступая как единое стремление общества к своему бытию, к его укреплению на глубинном неосознаваемом уровне, идеология затем фактически (в первую очередь политически) «распыляется»: она получает разнонаправленное и противоречивое выражение благодаря различиям социального положения и интересов ее носителей, «распределенных» в пространстве социальной системы в соответствии со своими функциями, местом и ролью в общественном производстве, в отношении к власти и т.д.

Таким образом, национальный характер, который передает в социум нормативность культуры и менталитета, сам становится нормой для повседневных отношений субъектов. Этот характер является одной из первых «инстанций», в которой структурируется идеологическая «воля к бытию». Такое структурирование далее идет по линии культуры и системы ценностей, по содержанию социальных пространств и времени, формирующихся мировоззренческих моделей реальности. Но вместе с этим возникает и феномен *национальной идеологии*, в которой целостность бытия данного сообщества (субъекта) выносится на поверхность общественной жизни и становится объектом сознания, оценки и своеобразным мотиватором поведения людей.

Здесь возникает проблема огромной важности: каким образом национальный характер способен, с одной стороны, блокировать национализм в его агрессивном выражении, а с другой – непосредственно стимулировать эту опасную для современного общества идеологию? Конечно, многое здесь зависит от тех политических сил, которые формируют политическую идеологию и проталкивают ее на уровень государственной политики. Но если мы исследуем глубинные основы идеологии, то необходимо четко определить, в каких условиях возникают эти две разновидности национальной идеологии. Можно утверждать, что если идеология как «воля к бытию» непосредственно выносится на поверхность общества, не проходя через пространство культуры (т.е. национальный характер проявляется через волевые и мифологические компоненты), тогда это становится питательной почвой национализма и даже фашизма. Его носителями, как правило, становятся малообразованные и криминализованные (маргинальные) группы и слои общества. Но если национальный характер раскрывает свои нормы через воздействие культурных ценностей и идеалов, тогда возникает направленность национальной идеологии на сотрудничество, солидарность и взаимопомощь разных народов.

Анализируя наш социокультурный исторический процесс, В.Г. Федотова считает, что необходимо отказываться от эконоцентризма (что в какой-то мере выражает саму по себе направленность на «волю к бытию») и больше внимания уделять проблемам морали, ценностей, культуры, включая и формирование политической культуры. «В частности уже сейчас эта задача могла бы решаться в России путем «опривычивания» через СМИ позитивных ценностей, более отчетливое различение добра и зла, хорошего и дурного. Вариантом такого подхода является попытка решать эту проблему внутри России посредством использования ряда социальных механизмов...» [9].

И другой пример – недавние события на Манежной площади в г. Москве, где произошло столкновение фанатов и уроженцев с Кавказа. Средства массовой информации отреагировали публикациями представителей культуры, спорта, духовенства о том, как предотвратить подобное противостояние молодежи на националистической почве [6, с.3]. Все авторы, представители

российской общественности говорили об одном – отсутствии общегосударственной национальной идеологии, направленной на интеграцию, социализацию и просвещение. Однако здесь очевидно, что носителями межнационального конфликта стали малокультурные и маргинальные слои общества, в первую очередь молодежь, которая ориентируется на «силу». Поэтому становится очевидным, что наше общество стоит сегодня на развилке: все более проявляющая себя «воля к бытию» требует радикального усиления роли культуры в воспитании и социализации молодежи. Если этот момент будет упущен, тогда начнет формироваться агрессивный национализм, который сделает само существование России опасным как для нее самой, так и для других стран и народов.

В этом аспекте значительный потенциал содержится в том патриотизме, который выражен в классической и народной культуре – в литературе, поэзии, театре и др., а также в формировании краеведческой культуры молодежи и других слоев нашего общества, в формировании мировоззрения на основе изучения биографий и достижений выдающихся деятелей нашей страны. Патриотизм здесь нельзя сводить к «служению Отечеству», «любви к Родине», потому что под этими знаменами может процветать самая агрессивная идеология. Наоборот. Истинный (а не ложный) патриотизм как раз выступает тем «экраном», через который проявление национального характера в литературе и искусстве, в других сферах жизни общества открывает черты, выражающие высокие духовные, нравственные ориентиры и социальные качества личности и народа. Поэтому данное направление патриотического воспитания значительно усиливает культурный вектор «объективации» идеологии «воли к бытию» и тем самым предохраняет от скатывания к худшим проявлениям национальной идеологии. А это для современной России, ее перспектив крайне актуально.

Таким образом, в формировании национально-этнической идеологии, которая может стать основой синтеза самых разных движений – от экологических и субкультурных до общественно-политических – необходимо согласование объективного и субъективного, научно-рационального и стихийного. Это означает, что для решения

задачи социальной российской идентичности политическая идеология (как и вообще любые формы «частных» идеологий) должны сохранять свою зависимость от национальной идеологии, формируемой на основе национального характера и его культурно-духовных проявлений.

Но сложность многонационального российского общества еще в том, что с точки зрения «воли к бытию» как изначальной «идеологии» все этносы и народы равнозначны. Это значит, что должны быть найдены такие культурные, политические, экономические и другие факторы, которые бы обеспечивали приоритет интегрального, межнационального уровня реализации «воли к бытию». Здесь можно говорить о специфической «социальной синергии», которая оказывается более жизнеспособной формой для любого этноса, чем его собственное бытие. Но какие черты национального характера и вообще – национальный характер какого субъекта (или субъектов) может стать внутренней основой регулирования (окультуривания) формирующейся общероссийской идеологии как осознания идентичности России?

Здесь на передний план выходят такие черты уже межнационального характера, как общность исторической судьбы народов России, культурное сотрудничество, выкованные веками ценности (нормы) дружбы народов, взаимной поддержки и солидарности, включая важнейшие идеалы российского общества в целом – светские и религиозные. Сегодня именно эти основы формирования общероссийской идеологии как сознания идентичности должны наиболее глубоко исследоваться как важнейший фактор рациональной разработки этой идеологии специалистами. Ясно, что здесь политические и партийные интересы должны уступать свои приоритеты жизненным интересам страны как сложно организованного целого, в котором необходимо выявить и сбалансировать множество уровней и форм различного рода соответствий – культурных, экологических, экономических, соответствий между регионами, между центром и периферией, большими и малыми городами и т.д. Одним из важных условий достижения этих позиций выступает социальное партнерство, которое охватывает любые сферы – от формирования гражданского общества до постоянных межкультурных связей.

Важным фактором формирования общероссийской идеологии на основе указанных условий является *развитие социального пространства*. В реальности в нашем обществе сосуществуют два пространства: этническое и социальное, между которыми существует определенный «зазор» исторического развития. Ряд этносов, которые живут в *современном* социальном пространстве действующих поколений и субъектов, в своей культуре и обычаях могут находиться в *историческом прошлом*. Что же соединяет этих субъектов в реальном настоящем? Можно предположить, что совмещение этих сообществ осуществляется через *общегосударственную идеологию*, в которой нет выраженных политических приоритетов каких-либо отдельных субъектов, а преобладает идея интеграции и консолидации. Но такая идея должна быть сформирована не чисто декларативно, не на формально правовой основе, а через сложный и тонкий фильтр «окультуривания» и социализации «воли к бытию» этнических субъектов, которые свое собственное развитие выстраивают через пересечение и освоение как своего внутреннего, так и коллективного, интегрального пространства совместного бытия.

Огромным опытом развития пространства и эффективности государственной идеологии в условиях постоянного укрепления межнациональных связей стало существование СССР. Здесь идеология простиралась от постоянной наполняемости социокультурного коммуникативного пространства проявлениями советской культуры (от песен, демонстраций и праздников и т.д.) до пропаганды новых достижений в сфере производства, науки и др. Когда сегодня эту общественную систему обвиняют в тоталитаризме, в тотальном контроле государства над всеми сферами жизни общества, в моностилевой культуре, то забывают, что именно государство приняло на себя роль субъекта, способного направить огромный полиэтнический социум и разнообразие его культур в некоторое единое русло общего развития, т.е. подвести многие отсталые народы к освоению и творчеству современного мира. Отсюда – и высокая структурированность идеологического пространства, которое вышло на формирование нового человека через конструирование ряда свойств социального и культурного пространства, насыщая его ценностями коллективизма, гуманизма, дружбы народов и др.

Именно этот уровень развития советской государственной идеологии выявил ее принципиально *культурную основу*, которая была по сути важнее политической, так как формировала сам уклад жизни советского общества. Можно согласиться с позицией Л.Г. Ионина, который отметил, что «крушение советской культуры означало крушение огромного количества ставших уже традиционными групповых и классовых идентификаций. Это относится прежде всего к рабочему классу, который вдруг в одночасье перестал быть гегемоном. Это относится к творческой интеллигенции, мгновенно утратившей прежние, существовавшие при коммунистическом режиме привилегии и практически исчезнувшей из фокуса общественного внимания. Это относится к «номенклатуре», просто переставшей существовать как таковая. Практически ни одна из групп советского общества не сохранила своего прежнего статуса... В конечном счете современное российское общество в целом лишилось устойчивой идентичности» [5, с.212].

Отсутствие государственной идеологии в современной российской Конституции все больше осознается как серьезная проблема для развития и укрепления нашего общества, прежде всего, – как препятствие для формирования общероссийской идентичности. Так, на конференции «Русская идея России», проходившей 12 ноября 2010 года в ИНИОН, в докладе доктора исторических наук Багдасаряна В.Э. проводился сравнительный анализ успешности государств на мировой арене. Автор на основе статистических данных продемонстрировал, что в странах, где идеология закреплена Конституцией, многие показатели – демография, экономическая модернизация, рост ВВП и др. – превосходят те страны, в которых этому не придается значения на уровне государства [1, с.5]. В этом же контексте доктор политических наук Якунин В.И. подчеркивает, что «запрет на конституционную идеологию не соотносится... с мировой конституционной практикой... в действительности же неидеологических государств не существует» [10].

Сегодня в нашем обществе отсутствие общегосударственной идеологии не только тормозит развитие демократичности и формирование

гражданского общества, но и оказывается связанным с неустойчивостью и конфликтностью межэтнических отношений, что стимулирует появление идей и практики разных вариантов политического радикализма. Именно поэтому сегодня формирование общегражданской и общегосударственной идеологии оказывается важным механизмом перевода исходной «воли к бытию» в формы культуры, социального партнерства, в потребность развития именно совместного, коллективного социокультурного пространства. Культурная сущность государственной идеологии, как показал советский опыт, требует развития такого ценностно-коммуникативного пространства, в котором должна восстановиться реальная идентичность нашего общества именно через активную работу этнических субъектов по совершенствованию внутри- и межрегиональных культурных, экономических и других связей и отношений. Здесь, конечно, не может быть такого сверхнасыщенного идеологического пространства, как в советский период, но формирование культурных оснований бытия нашего межнационального сообщества – как важнейшее условие для существования страны в современном мире – должно быть стратегическим ориентиром государственной идеологии в нашем обществе.

Выполняя «работу» связывания социальных и этнических пластов, идеология осуществля-

ет сложный процесс объективации: перевода константных жизненных этно-культурных ценностей в социум нации. В свою очередь, сама культура как бы дает санкцию на продвижение присущих ей тех или иных качеств, востребованных современностью для формирования их через социум у индивидов. Идеология становится пространством, в котором актуализируются те культурные ценности, которые востребованы в данный исторический период в данном социуме. Поэтому проблемы воспитания и образования, которые так широко обсуждаются в нашем обществе, должны стать составной частью формирования государственной идеологии современной России.

Итак, подводя итог, можно сказать, что идеология, которая все больше расширяет пространство своего воздействия на общество, должна стать вместе с тем и *формой самореализации общества*, культивирования в нем тех принципов гуманизма и человечности, духовности и культуры, которые реально обеспечивают социальный и культурный прогресс страны, а вместе с этим – и реальное освоение всех тех направлений инновационной стратегии, к которым переходит наше современное общество.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э. Идеология как фактор государственной успешности: сравнительный исторический и страновой анализ // Программа Всероссийской научной конференции «Национальная идея России» 12 ноября 2010, г. Москва. М., 2010. 45 с.
2. Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургская панорама», 2001. 192 с.
3. Бочкова Л.В. К вопросу о русской идее в прошлом и настоящем // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. Научный журнал. М.: РГАЗУ, 2006. С.30-31.
4. Зиновьев А.А. Философия как часть идеологии. // Государственная служба. 2002. №3. С.20-27.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: «Логос», 1996. 280 с.
6. Как избежать этнических битв // Труд. 14 декабря 2010 года. № 234.(26238)
7. Новая философская энциклопедия в 4 т. Т.2. М.: «Мысль», 2001. С. 81
8. Социальная философия: Словарь / Сост. И ред. В.Е.Кемеров, Т.Х.Керимов. М.: Академический Проект, 2003. С.163-164.
9. Федотова В.Г. Сценарии Российского будущего как отражение того, какой мы хотим видеть Россию [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: // <http://viperson.ru/wind.php?ID=259147&soch=1>, свободный. - Загл. с экрана. (28.02.11 г.)
10. Якунин В. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Журнал «Власть», №3, 2007. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://hghltd.yandex>.

net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.rusrand.ru%2Fpublic%2Fpublic_52.html&text,
свободный. – Загл. с экрана. (21.01.11)

N.A. MOISEEVA

IDEOLOGY AND NATIONAL CHARACTER

The paper addresses the problem of connecting the objective and subjective component in korellyatsii ideology and national identity. The ideology of equal strategic resource of technological, social and cultural renewal of Russian society, represented a form of self-society, forming the basis of the will of society as a subject to its own existence and preservation of themselves through reproduction. National character is considered link connecting socio-historical and existential constants of culture and mentality, is one of the first «resort», which is structured ideological «will to existence».

Key words: ideology, national character, social and communicative environment, ekonomotsentrizm, nationalism, socialization, identity, patriotism.

Т.Ю. ПАВЕЛЬЕВА

кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии Московского государственного
технологического университета
«Станкин»

E-mail: pavelieva@yandex.ru

Тел. (499) 972 94 72

ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ

В статье рассматривается влияние экстернальных, а именно: экономических, политических, социальных и культурных факторов на становление и развитие научных школ.

Ключевые слова: традиции в науке, научное сообщество, научная школа, экстернальные факторы.

Исследование развития научных школ подразумевает, в первую очередь, выделение тех факторов, которые данное развитие определяют. В философии науки уже долгое время не затихают споры по поводу того, какие факторы детерминируют как развитие науки вообще, так и научных школ в частности. Можно выделить крайние позиции в решении указанной проблемы: это так называемый экстерналистский подход, исходящий из положения, что именно внешние факторы являются в процессах развития науки определяющими, и интерналистский подход, делающий акцент на внутренних источниках этих процессов. В частности, первый подход представлен в модели Т. Куна, а второй – в эволюционной модели К. Поппера. В экстерналистской модели процесс развития научного знания трактуется как процесс радикального изменения способа видения и понимания действительности, происходящий в результате внешнего для логики научного познания воздействия. В интерналистской – развитие научного знания объясняется, исходя из внутренних для него факторов.

Безусловно, любая односторонняя модель (а экстернализм и интернализм именно такие модели) обедняет и огрубляет процесс развития научного познания. Тем не менее, «обе эти модели оказались довольно продуктивными с точки зрения описания процесса изменения науки, став ярким выражением различных подходов в понимании природы научного познания и определив

своеобразные полюса, в движении между которыми стали вестись эпистемологические изыскания» [1]. Таким образом, эти модели создавали одномерный или двумерный (при учете обоих подходов) образ развития научного познания.

На наш взгляд, применительно к научным школам решение проблемы факторов их развития еще более усложняется. Как уже отмечалось, при конституировании научной школы важно учитывать три составляющие: социально-культурные условия ее формирования, внутреннюю логику научного знания и социально-психологические факторы, детерминирующие поведение ученых, входящих в данную школу.

Таким образом, внешние и внутренние условия (факторы) влияют на формирование и развитие научных школ сразу по нескольким направлениям, а именно:

– конкретно-исторические условия определяют появление и развитие научных школ: научные школы как организационная форма развития науки появляются на определенных этапах развития общества и этому есть свои причины; однако есть и внутренняя логика изменения организационных форм научного знания, и это важно также принимать во внимание. Речь в данном случае идет не о формировании конкретной школы, а о факторах, влияющих на процесс появления научных школ вообще и изменении их организационных структур в дальнейшем развитии;

– целый ряд факторов экстернального плана детерминируют процесс появления именно данной конкретной школы (например, сюда могут относиться социально-экономические, политические и пр. факторы); аналогично имеют место и интернальные факторы, определяющие появление этой школы;

– экстернальные и интернальные условия и факторы влияют на процессы складывания научного коллектива в такой школе;

– наконец, экстернальные и интернальные факторы влияют на личность ученого научной школы.

Остановимся более подробно на экстернальных факторах формирования научной школы. Начнем с их влияния на становление научной школы как особой организационной формы производства и трансляции научных знаний.

Научные школы в истории науки возникают не сразу, а на конкретных исторических этапах развития. В этом плане можно утверждать социально-культурную обусловленность развития способов фиксации, хранения и передачи знания вообще и научного знания в частности. Так, в определенный период в обществе возникает потребность в трансляции знаний (в том числе, знаний научных) через такую организационную форму, как школа.

Создание первых постоянных форм образования вызвало к жизни потребность в устойчивых формах передачи знаний. Именно школа выступила той организационной формой, в которой трансляция знания от учителя к ученикам была весьма эффективной. При этом такая передача знаний строилась на авторитете самого учителя.

Благодаря тому, что античность открыла институт школы, она дала возможность европейскому разуму постепенно рефлексировать, фиксировать результаты этой рефлексии и, тем самым, интенсивно развиваться. Хотя, если проанализировать историю научных (а точнее, научно-образовательных) школ в тот период, то практически весь V в. до н. э. уходит на формирование самого института школы, что позволяет сделать вывод: указанная форма выработки и трансляции научных знаний приживается постепенно. Каждая научная школа в тот период формировалась под прямым воздействием идей, личностных характеристик ее основателя – выда-

ющегося мыслителя, способного привлечь в свои ряды учеников.

Впоследствии школу стали рассматривать не как презентацию личности учителя, а как хранение премудрости в виде текстов. Именно в текстах, как считалось, и была отражена мудрость. Вот почему так долго существовали школы Платона и Аристотеля, в которых была сосредоточена премудрость их создателей в виде текстов. Последние являлись важнейшими источниками знаний о мире и методах его познания не только для академиков и перипатетиков в период античности, но и для философов западного и восточного средневековья. Однако другие школы античной философии, например, стоиков и эпикурейцев оказались не способны создать и культивировать подобного рода тексты, поэтому они постепенно угасали.

Отметим, что научная школа как хранительница авторитетных текстов – явление, свойственное, главным образом, средневековью, что, в общем-то, созвучно и всему пафосу средневековой культуры.

В дальнейшем именно разрушение основ авторитарного знания станет основным лозунгом в новоевропейских научных школах, что также является отражением общемировоззренческих принципов того периода. Отсюда и возникновение новой роли научных школ как исследовательских коллективов.

Завершение процесса когнитивной институционализации научного знания приводит к процессам его социальной институционализации. Автономизация самого научного знания в рамках человеческого сообщества требует его включения уже в систему государственных институтов и учреждений. «Так частная школа времен античности и независимый средневековый университет переходят постепенно к полной их зависимости не просто от государства, но от системы специально создаваемых финансируемых и контролируемых государством институтов, вне которых научная деятельность или невозможна, или лишена смысла» [2].

Влияние экономических и политических факторов на процессы становления научных школ еще более усиливается в тех случаях, когда последние формируются, развиваясь на базе государ-

ственных вузов или научно-исследовательских институтов.

В истории общественной мысли есть немало примеров, когда мыслители стремились выразить протест по поводу влияния государства на науку и образование [3]. Однако развитие науки идет по пути все большего воздействия на нее экстернатальных факторов. Это относится и к научным школам. Меняются под влиянием указанных факторов не только организационные модели научных школ (сравните: научные школы в античности и в современную эпоху), но и сами научные задачи, поставленные перед школой, а также методы и способы их решения. В ряде случаев именно социально заданные цели формируют ту или иную научную школу (например, таковы школы И. В. Курчатова, А. Н. Туполева, С. Н. Федорова и пр.). В этой связи важно проследить, как изменяются цели научных школ в истории общественного развития.

Если обратиться к истории античности, то в разных, к примеру, философских школах их цели формулировались и обосновывались по-своему. Однако было и нечто общее в этих целях – дать всестороннее образование ученикам, научить их творчески мыслить, что нашло отражение в понятии «пайдейя». «Пайдейя» – понятие, введенное древнегреческими философами (V в. до н.э.), – означало образование и воспитание как формообразование человека через овладение культурой, универсальным знанием и добродетелями, составляющими сущность его бытия. Основные идеи пайдейи нашли отражение в учении софистов. Они полагали, что добродетель не дается от рождения и не зависит от благородства крови, но основывается только на знании, которое может быть получено в школе.

Подобные идеи развивались и Сократом, который утверждал, что связь знания и добродетели обязательна, добродетель основывается на знании истинных ценностей и должна стать краеугольным камнем всякого воспитания и образования.

Платон представил пайдейю как смысл жизни не только души, но политики и государства. Высокая мораль государства – основа его силы, поэтому необходимо создать новый тип воспитания и образования, предполагающий полное равновесие между властью и высокой культурой

граждан. Воспитание нравственности есть одновременно строительство государства. Пайдейя рассматривалась как образование молодежи с помощью изучения различных наук, но главное в ней – это «человеческие вопросы».

Нельзя не отметить, что уже в модели научной школы, предложенной Платоном, цели образования во многом были подчинены целям государства. Образование дается людям для их эффективного использования в соответствии с потребностями государства. При этом, конечно, не исключается, напротив, предполагается развитие личности.

Новый акцент в понимании пайдейи появился в трудах Аристотеля. Он считал, что в каждой научной школе существуют два пути – научное познание и образование. Пайдейя предполагает способность выносить правильные суждения, наряду с «внедрением добрых нравов, философии и законов». Вместе с тем Аристотель, как и Платон, полагал, что люди должны быть подготовлены для подобающего им места в жизни и им нужно помочь развить свойства, необходимые для решения соответствующих задач. Хотя он и говорит о развитии личности как цели научной школы, но эта цель во многом определена государством.

В трудах Цицерона и Сенеки рождается близкое пайдейе понятие «humanitas» – человечность. За этим стояло более глубокое определение сущности научной школы, не сводимой только к технологии передачи и усвоения знания, но включающей также специфически человеческий способ его целостного преобразования на пути «возрастания к гуманности» [4].

В дальнейшем сформировались различные подходы к определению целей научной школы, причем не все они исходили из представления о ней как о целерациональной системе, имеющей автономные цели.

Насколько сейчас цели научных школ автономны от влияния общества? На наш взгляд, осмысление этого вопроса упирается в более общую проблему – насколько вообще наука автономна от общества в своих целях и задачах.

Переход науки на постнеклассическую стадию знаменует тем, что в научном сообществе, да и обществе вообще, происходит осознание, что цели науки должны пройти апробацию на соот-

ветствие целям самого общества. Это не исключает автономности науки и ее организационных структур, но предполагает легитимизацию ее целей в обществе.

Институциональная трактовка науки синтезирует нормы и организацию, социологические и аксиологические измерения научных занятий: наука – социальная инфраструктура, крепящаяся на воплощении политико-юридических, гражданско-нравственных, когнитивно-методологических императивов. Научная школа, с одной стороны, может быть достаточно автономна в выборе целей исследования, но, с другой – даже общая логика развития науки (выдвижение в ней на первый план той или иной проблемы) может быть рассмотрена как экстернальный фактор для развития данной конкретной школы. Еще более заметно социальное влияние на развитие научной школы в том случае, если сама школа формируется, исходя из задач, поставленных перед ней со стороны внешних для нее структур (например, государства).

На этапе формирования науки как социального института научные школы еще больше попадают в зависимость от государства и пр. социальных структур.

Каким же образом государство влияет на научные школы? Для этого есть целый ряд способов и механизмов, среди которых особую значимость имеют финансовые механизмы. Рассмотрим влияние последних на современные научные школы на конкретном примере.

Еще в 1996 году в Министерстве науки и технической политики Российской Федерации родилась идея поддержать такие уникальные научные образования, как ведущие научные школы страны. Все это вылилось в соответствующий Указ президента России, которым устанавливались гранты для молодых докторов наук и для ведущих научных школ. Был создан специальный Совет по грантам Президента Российской Федерации. В этой связи было сформулировано и определение ведущей научной школы: «сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью» (сегодня в среднем российская научная школа – это коллектив из 25 человек).

Данный Совет отбирает и сами ведущие школы. Так, в 2008 году было отобрано 650 научных школ, по своей численности их научный состав – это 3,8% от общего числа научных работников в стране. 200 миллионов рублей в год выделяется государством на поддержку научных школ.

Кроме того, сами исследования формируются во многом также по заказу государства. Так, в настоящее время в России существует Федеральная целевая программа (ФЦП) «Исследования и разработки по приоритетным направлениям научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы». Это крупнейшая научно-техническая программа, к выполнению которой привлечены лучшие научные силы страны. Примерно 14% бюджетного финансирования, которое идет по этой ФЦП, приходится на те контракты, которые выполняются под руководством лидеров ведущих научных школ.

В этой связи следует отметить, что большинство развитых стран ежегодно расходуют на поддержку науки около 2–2,5% от ВВП (Россия за последнее десятилетие – 0,3% от ВВП). В США это более 100 млрд. долларов в год.

Государственное, как и любое другое социальное регулирование, по отношению к деятельности научных школ имеет свои пределы. Нельзя забывать, что научная школа – это (даже в рамках институционально оформленной научной школы) достаточно автономный коллектив ученых, и эта автономность во многом предопределена самими целями научной деятельности, ее спецификой.

Говоря о влиянии экстерналий факторов на развитие научных школ, отметим и процессы обратного влияния данных школ на жизнь самого общества. Так, экономическая эффективность деятельности научных школ может выражаться в следующих моментах: повышение производительности труда; сбережение рабочего времени; уменьшение потребления сырья, изнашивания техники; создание принципиально новых экономических возможностей и пр.

Одновременно результаты деятельности научной школы нельзя свести к экономическим эффектам (на что так уповают те, которые стремятся всеми силами включить современную российскую науку в структуру рыночных отношений). Сам институт науки, а тем более научной школы, не является частью рынка. Риск в познавательном

контексте и риск в материально-экономическом смысле – совершенно разные понятия; государственные и экономические сферы расценивают неудачный результат исследования однозначно негативно, хотя в общем когнитивном контексте он может иметь позитивное значение.

В настоящее время развитие многих научных школ рассматривается в качестве основы инновационной системы общества (куда входят наряду с наукой техника, технология, производство, сбыт и потребление производимых в обществе разнообразных товаров и услуг). Современные развитые государства имеют основой своего существования и развития не просто экономику, а инновационную экономику, производство товаров и услуг в которой в существенной степени основано и зависит от систематического использования во всех звеньях экономической системы научных знаний. И в этом плане научные школы рассматриваются как инкубатор по производству таких знаний.

Влияние научных школ на развитие инновационной экономики требует не только значительного уровня их финансово-материального обеспечения со стороны государства и частного бизнеса, но и соответствующего организационного обеспечения. Научная школа – это самоорганизующаяся система, двумя главными контролирующими параметрами которой выступают, с одной стороны, экономическое (материально-финансовое) обеспечение и социальный заказ со стороны общества, а с другой – свобода научного поиска.

Помимо экономических факторов на развитие научных школ оказывают влияние и факторы политические. Одним из ярких примеров в истории отечественной науки является период, когда осуществлялось непосредственное грубое вмешательство государства в развитие научных школ в области генетики, информатики. Эти примеры подтверждают недопустимость подобного вмешательства в развитие науки и научных школ.

Между тем, политическое влияние на развитие научных школ может быть не только непосредственным, но и опосредованным. Влияние политико-административных структур на ситуацию в науке реализуется, в первую очередь, через государственную политику в области науки. Опять же при этом возникает проблема

управления научной деятельностью. Управлять наукой и ее научными школами можно лишь в весьма специфическом смысле – обеспечивая материально-технические условия для научных исследований и коммуникаций, оперативно поддерживая перспективные направления, создавая благоприятную социальную среду для деятельности ученых.

Как и в случае с экономикой, отношения научных школ и политики имеют две стороны:

1. Политическое значение научных школ (их влияние на властные структуры). Действительно, авторитет научной школы может быть так высок (как в рамках самой страны, так и за ее пределами), что не считаться с высказываниями лидера или участников этой школы, в том числе и по политическим вопросам, нельзя.

Кроме того, для государства наличие авторитетных научных школ в стране – это элемент государственного престижа.

Научное знание, разрабатываемое научными школами, может использоваться в разных политических целях, в том числе и для повышения национальной безопасности. Сама исходная постановка задач и конечная цель исследований могут оказаться политически ангажированными.

2. Влияние политико-административных структур на положение дел в науке, о чем говорилось ранее.

Отдельно следует выделить здесь влияние факторов со стороны действующего права на формирование и дальнейшее развитие научных школ. Функционирование научной школы, как и научного сообщества в целом, эффективное регулирование взаимоотношений между его членами, а также между наукой, обществом и государством осуществляются с помощью специфической системы научных ценностей, научно-технической политики общества и государства, а также соответствующей системы законодательных норм (патентное право, хозяйственное право и пр.).

Наконец, нельзя не выделить и культуру в целом в качестве экстернатального фактора развития научной школы. В свою очередь, и сама научная школа может быть представлена как культурное явление.

Влияние культур на научную школу распространяется по разным направлениям. Укажем среди базисных направлений на нормативное

и мнестическое. Нормативное направление влияния выражается в том, что культурное поле в том или ином срезе исторического времени задает обществу систему ценностей, оценок, критериев и норм, применительно к научной деятельности – это и стандарты рациональности, идеалы научности и пр. Мнестическое направление влияния состоит в том, что культура выступает носителем, хранителем и транслятором социально значимой информации. Поэтому научная школа не только вырабатывает, но и транслирует всю систему накопленных в этой области знаний.

Научная школа представляет собой одну из ячеек культурного континуума социальной жизни. Однако она имеет и ряд специфических свойств, которые придают ей самобытное значение. Научная деятельность в такой школе новационно заострена. Научная школа выделяется из остальной культуры своей динамикой, имеет собственные задачи.

Среди уровней социокультурной обусловленности деятельности научной школы выделяются:

- социокультурная природа научного познания (социальный характер научной деятельности, сама научная школа функционирует на базе социальных предпосылок – языка, коммуникативных структур, исходных знаний);

- социокультурная обусловленность (социальные и культурные факторы не только служат фундаментом для «выращивания» научных знаний, но и проникают в их содержание) – выбор научных проблем, выдвижение гипотез, способы обоснования, стандарты понимания, принятие базисных онтологических принципов;

- социокультурная детерминация (социокультурный контекст может полностью подчинять себе научное познание); деятельность научной школы – это продолжение культуры исследовательскими средствами.

Культура выступает как обширный резервуар смыслов, как совокупность идей, интуиций, мировоззренческих универсалий, которые воспроизводят сам дух эпохи, ее целостный интеллектуально-эмоциональный климат и которые оказывают самое непосредственное влияние на формирование и развитие научных школ. Научные школы отражают основные черты самосознания конкретной культурной традиции. Полученное в ходе научной деятельности в таких

школах знание должно быть встроено в общий социокультурный контекст.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что формы влияния экстернатальных факторов на возникновение и развитие научных школ могут быть: прямые (открытые, непосредственные) – например, социальный заказ, и скрытые (латентные, опосредованные). Понятие о латентной социальной детерминации имеет своей целью показать непрямой характер воздействия общества на научные школы, которые весьма автономны в своей деятельности. При этом важно уйти от вульгарно-социологических представлений в трактовке социальной обусловленности деятельности научной школы.

Социальные и культурные факторы проникают в содержание деятельности научной школы. Они влияют на формирование научных идей, возникновение той или иной научно-исследовательской программы. Данные факторы разными способами оказывают влияние на постановку и выбор научных проблем, выдвижение гипотез, способы обоснования, стандарты понимания, принятие базисных онтологических принципов [5]. Примеры из истории науки демонстрируют известную согласованность процессов, происходящих в разных областях культуры. Так, идеи, близкие к тем, которые были представлены в теории относительности А. Эйнштейна, наполняли культурную атмосферу конца XIX – начала XX вв. Например, «непосредственно предшествовавшее работам А. Эйнштейна выступление известного австрийского ученого Э. Маха имело далеко выходящий за рамки науки необыкновенный культурно-общественный резонанс» [5].

Но это отнюдь не свидетельствует о том, что научные идеи, возникающие в школе, есть лишь социальные конструкции. Для того чтобы подчеркнуть сложность и неоднозначность влияния экстернатальных факторов на возникновение и дальнейшее развитие научных школ следовало бы согласиться с теми авторами, которые вводят особое понятие «социокогнитивные феномены» [6]. В частности, к ним относятся: картина мира, стиль научного мышления, в том числе и научная школа. Поэтому говорить о четких причинно-следственных связях между общим культурным контекстом и конкретным временем возникновения той или иной научной школы не приходится.

Еще раз подчеркнем: в большинстве случаев научная школа начинается с появления ученого-лидера, способного не только продуцировать новые идеи, но и сплотить вокруг себя творческий коллектив. Безусловно, появление такого ученого-лидера тоже имеет социальные причины (хотя опять же прямой причинно-следственной зависимости здесь нет).

Нельзя не отметить, что и сам контекст открытия нового содержит и социальную составляющую. В этом плане интересен феномен повторных открытий. Фр. Гальтон писал, что повторные научные открытия делаются тогда, «когда яблоки созрели, они готовы упасть» [7]. В истории науки большинство фундаментальных открытий делались несколькими учеными, которые, работая в разных странах, приходили к одинаковым результатам. «И коль скоро дело обстоит так, что фундаментальные открытия делаются почти одновременно разными учеными, то в этом, наверное, есть какая-то историческая закономерность» [8].

Кроме того, создание научных школ – это потребность самой науки, необходимость для деятельности ученых. Научное сообщество нуждается в постоянных контактах, трансляции знаний, обмене информацией, взаимной оценке трудов, а, следовательно, в формировании научных школ, направлений, творческих коллективов. Сложность задач, методов исследования требуют коллективного труда, что хорошо вписывается в возможности научной школы.

Научная школа может быть устойчивым и жизнеспособным образованием только в условиях: обеспечения известной самостоятельности, самостоятельности, самоорганизованности ученых, определяющих в силу творческих потенциалов будущее науки; гарантированности постоянного контакта со старшими поколениями ученых, представляющих имеющиеся направления, опыт, традиции и формы научного поиска.

Рождение научной школы как исследовательского коллектива определяется моментом формирования группы ученых, реализующих исследовательскую программу. И здесь, безусловно, важны социальные и социально-психологические факторы, влияющие на процессы становления данного коллектива. Также и прекращение су-

ществования последнего может быть связано с несколькими причинами:

- истощенность или дезактивация исследовательской программы;
- отсутствие организаторских способностей главы школы, из-за которых происходит распад ее коллектива;
- деятельность исследовательского коллектива вышла из-под контроля лидера;
- смерть главы школы; деятельность школы может продолжиться, если найдется достойный преемник.

Таким образом, с одной стороны, коллектив научной школы – относительно автономная социальная группа; с другой стороны – деятельность ученых открыта для внешних социальных влияний и социального контроля. Важное следствие социальной зависимости науки – это опасность потери наукой ее внутренней свободы.

Можно говорить об относительной замкнутости научной школы, ее собственных задачах, саморегуляции. Но важно видеть и ее родство, общность с другими научными школами, с социокультурным пространством в целом. В само основание научной школы входит широкий круг факторов. Так, через картину мира научная школа связана с общим культурно-историческим контекстом, эта связь пронизывает ориентиры научного мышления. Научная школа не может отгородиться и от ценностно-этических вопросов. Она должна рассматриваться как часть общего культурно-мировоззренческого замысла, о чем в свое время писал Э. Гуссерль, считавший, что научные школы вырастают из смыслов самой жизненной практики, из жизненного мира повседневности [9].

Как справедливо отмечают многие авторы, научная школа воплощает в себе переход от индивидуальных форм научной деятельности к коллективным [10]. Для возникновения школ в определенной области науки необходимо, чтобы развитие научных знаний здесь достигло такого уровня, когда для их дальнейшего развития с необходимостью требуются совместные усилия, коллективный творческий труд, а потребности в координированном научном труде не удовлетворяются существующими формальными или неформальными объединениями ученых.

Библиографический список

1. Агафонова Н.В. Развитие науки как формирование концептуальных объектов/В кн. *Философия науки и научно-технической цивилизации*. М., 2005. С. 177-178.
2. *Исторические* типы рациональности. Т. 2/Отв. ред. П. П. Гайденко. М., 1996. С. 153.
3. Так, в свое время *Жан Антуан Кондорсе* в «Докладе об общей организации народного образования» (1792), выдвигая проект построения системы образования в стране, считал необходимым оградить школу от влияния государства и политического влияния. Проект не был принят якобинцами, как не удовлетворявший революционным требованиям.
4. *Философские* проблемы образования и педагогики/Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2006. С. 595.
5. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. С. 486-487, 497
6. Огуцов А.П. Институционализация идеалов научности//Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 65–90;
7. Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Огуцов А. П. Отечественная философия науки: Предварительные итоги. М., 1997. С. 310–314.
8. Galton F. *English Men of Science*. L., 1874.
9. Купцов В.И. Природа научного открытия//Природа научного открытия. М., 1986. С. 9.
10. Гуссерль Г. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994. С. 49–100.
11. Школы в науке: Сборник/Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штайнера. М.: Наука, 1977. 523 с.

T.YU. PAVELEVA

EXTERNALITIES FACTORS OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC SCHOOLS

The article examines the impact of economic, political, social and cultural factors on the formation and development of scientific-educational schools.

Key words: traditions in science, academia, research school externalities factors.

Т.В. СЕРЁГИНА

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой логики, философии
и методологии науки философского
факультета Орловского государственного
университета

E-mail: sa57la@rambler.ru

Тел. 8 903 637 54 72

Г.Ф. НАЗАРОВА

кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры логики, философии
и методологии науки Орловского
государственного университета

E-mail: sa57la@rambler.ru

Тел. 8 910 209 86 16

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ – НЕОБХОДИМОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена разработке теории «целостной личности», которая актуальна в условиях кризиса современного общества и крушения традиционных представлений о человеке. Поэтому возникает необходимость комплексного исследования индивида, позволяющего найти пути выживания личности и обеспечение самосохранения общества и стимулирование его дальнейшего развития.

Ключевые слова: Человек, личность, целостность, культура, провинциальная культура, социокультурный плюрализм, духовность, ценности, ценностные ориентации, индивидуальность, глобализация, космизм, русский космизм, ноосфера, единство мира, глобальный эволюционизм, научная картина мира, творчество, космос.

Как уже отмечалось, социальную основу бытия культуры составляют общественные отношения. Они создают определенные условия для творческой деятельности людей, влияют положительно или отрицательно на динамику культуры. Вместе с тем культуротворческий процесс подчинен нормам и регулятивам, определяемым системной целостностью самой культуры как относительно самостоятельного образования.

Будучи целостностью, культура внутренне многообразна как по содержанию, так и структурно. Причем источником этого разнообразия могут быть и общественные отношения, и внутренние потребности самой культуры, и взаимодействие социальных и культурных начал. Структурное разнообразие культуры, специфика ее различных проявлений – тема, не теряющая своей актуальности. И, конечно, вопрос в том, с

©Т.В. Серёгина, Г.Ф. Назарова

каких методологических позиций она изучается, ибо, как известно, результаты исследования во многом зависят от используемой методологии.

В советские времена методологические принципы анализа культуры в значительной части приобретали политико-идеологическую окраску, поскольку доминировал классовый подход к культуре. В теоретический концепт культуры вносилась мощная идеологическая составляющая. На первый план выдвигалось деление культуры по классовому признаку на буржуазную, социалистическую и др. Недооценка этой градации считалась проявлением объективизма, отходом от принципа партийности. Но распространение классовых критериев за положенные пределы расценивалось как вульгаризация классового подхода. Отступление от них «вправо и влево» наказывалось. Характер санкций зависел от кон-

кретных условий и тех целей, которые в данное время ставили себе партийные власти.

Очевидно, что следование этой методологии давало вполне определенное видение культуры, оправдывало жесткую цензуру и ограничение свободы творчества, что вызывало раздражение особенно в среде гуманитарной интеллигенции, которая больше всех ощущала на себе давление идеологического пресса. Поскольку критерии оценки во многом зависели от субъективных предпочтений, то открывались возможности для произвола чиновников от культуры. Наглядный пример: политика властей по отношению к современному модернистскому искусству. Оценив его как буржуазное, власть фактически наложила на него запрет, оно загонялось в подполье, вытеснялось из страны.

Актуальной была проблема разграничения и взаимоотношения национальных культур. Одной из ведущих она была и в методологическом плане. Для Советского Союза как многонационального государства имели жизненно важное значение неконфликтные отношения между нациями и их культурами. Вся эта проблематика имела выходы и в теорию, и в политику.

Другой пример. Молодежное движение на Западе в 60-е гг. XX века породило понятие молодежной субкультуры, с которой идентифицировало себя подрастающее поколение. Понятия «субкультура», «контркультура» определили тот методологический подход к анализу культуры, который помог теоретически осмыслить возникшие в ней новые явления.

Во всех этих случаях причины образования или создания в культуре структурных различий находились вне самой культуры, а в социальной реальности, в политических или этносоциальных процессах. Это обстоятельство во многом определяло и методологию их осмысления.

Целостность культуры определяется в настоящее время целостностью современного глобализирующегося мира. Но глобализация – это не только интернационализация и универсализация важнейших аспектов в жизнедеятельности человеческого сообщества. Она обуславливает также и социокультурный плюрализм, выступающий как взаимодействие единства и многообразия. Социокультурный плюрализм проявляется

как в национальном, так и в общечеловеческом аспектах.

В условиях социокультурного плюрализма сущностной характеристикой общества является многообразие, проявляющееся во всех важнейших сферах его жизнедеятельности. Но диалектика плюрализма состоит в том, что в многообразии проявляется единство национального и общечеловеческого. Преодолевая инерцию единообразия, нельзя допускать стихийного разгула негативных явлений и деструктивных процессов, разрушающих национальную культуру, ибо общечеловеческие ценности проявляются в конкретном единстве ценностей национальных. В условиях социокультурного плюрализма общество должно приобретать не черты волчьей стаи, где корыстный интерес субъекта превалирует над общественными ценностями и человек человеку – волк, а черты творческого содружества свободных людей.

Многообразие организационных и жизненных форм совместной деятельности помогает избежать крайностей в обществе, поддерживает ситуацию интеллектуальных поисков, обеспечивает широкую обратную связь, увеличивает область проявления талантов, инициативы, социального новаторства в обществе, что, в свою очередь, ведет к его единству.

Социокультурный плюрализм – это равенство возможностей, свобода выбора, раскованность субъекта в его помыслах и духовных исканиях, это плюрализм мнений, принятие самых разных философских, социологических, исторических и других концепций. В условиях плюрализма безусловно имеют место и запреты, но не деспотического, а нравственного и правового характера. Многообразие должно служить интересам личности творческой, созидающей, стремящейся сохранить созданную предшествующими поколениями культуру, совершенствовать и приумножать ее, чтобы передать потомкам не руины, а обогащенную современными общечеловеческими ценностями культуру своих предков. Именно такой личности социокультурный плюрализм должен создать условия для выявления ее уникальности и неповторимости.

Современное общество, функционирующее и развивающееся в условиях глобализации и социокультурного плюрализма, должно овладеть

искусством решать проблемы на основе признания разнообразия, многоцветья, полифоничности жизни. Разрушая понимание единства как безусловного подчинения одних интересов другим, общество сегодня должно открывать пути и способы согласования интересов людей, их сближения, находить возможности для диалога в самых разных сферах жизнедеятельности ради сохранения стабильности и многообразия в единстве.

Для понимания сущности социокультурного плюрализма следует остановиться, на наш взгляд, на структурных различиях культуры, одним из вариантов которого является разграничение интеллектуальной и духовной ветвей культуры. Источники их различия находятся в самой культуре, в специфике человеческой деятельности. Они входят в социальную жизнь, удовлетворяют общественные потребности именно как явления культуры со всеми их особенностями и взаимоотношениями.

В свое время Ч.Сноу пришел к выводу, что сложились две культуры – научная, распространенная в научных кругах преимущественно среди естествоиспытателей, и художественная – ширегуманитарная, характерная для гуманитарной интеллигенции, что взаимное отчуждение этих культур и их носителей приводит к серьезным идейным и моральным потерям для обеих сторон. Одной из главных причин противостояния культур Ч. Сноу посчитал узкую специализацию, характерную для английской системы образования. И он предложил ее изменить, учесть опыт других стран. Таким образом, Ч.Сноу не просто затронул важную и актуальную проблему культурной жизни страны, но и дал ей теоретическое объяснение, а также предложил свое решение проблемы. Не случайно его выступление вызвало тогда широкую и продолжительную дискуссию, и не только в Англии. У нас аналогичная ситуация также имела место, но в несколько иной форме: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне».

Здесь с полной очевидностью проявляется значимость методологических принципов, поскольку обнаруживается, что именно на методологическом уровне формируются позиции, определяющие направление теоретического поиска и выработки практических решений.

В XXI в. проблема двух культур – гуманитарной и научной – стала вновь актуальной, хотя и в модифицированном виде. Ныне их определяют как духовную и интеллектуальную культуры. Эти понятия в более обобщенном виде представляют проблему двух культур. Различение духовной и интеллектуальной культуры, установление типологии и конкретный анализ характера их взаимоотношений имеют фундаментальное значение, дают ключ к решению многих проблем и философии культуры, и реальной жизненной практики.

Духовность является неотъемлемой составляющей любой культуры, хотя ее конкретное содержание, наполнение, глубина и прочие характеристики не тождественны в различных культурах. В ней запечатлена специфика каждой конкретной культуры, ее история, природная среда и взаимоотношение с другими культурами.

Для философии духовная культура выступает как выражение человеческой субъективности. В фокусе духовной культуры – человек как субъект, как носитель культуры, как родовое существо и как индивидуальность, личность с ее системой ценностей. Духовность отражает в ценностных формах сознания и культуры вечные смысло-жизненные экзистенциальные проблемы человека, поднимая его над эгоистическими расчетами и частностями повседневной жизни. Духовную культуру наполняют человеческие ценности, нравственные нормы, жизненные смыслы, социальные идеалы и идеологии, религиозные взгляды. Она нравственно окрашена и пронизана нравственными ценностями и оценками. Она немыслима вне субъект-субъектного отношения, вне общения. В поле этой культуры мир воспринимается не сам по себе, а в непосредственной связи с субъектом и его системой ценностей. Для творческой деятельности в области духовной культуры характерно то, что она не связана дисциплиной и императивами культуры интеллектуальной, и объективные законы не ограничивают здесь полет человеческой фантазии. Но эстетика, мораль, религия и т.д. привносят в нее свои ориентиры и ограничения. В сфере духовной культуры свобода трактуется как независимость человека от объективных реалий. По Канту, свобода воли в ее нравственном самоопределении, вызывающем к чувству долга. Это решение выражает специфику нравственного начала и отвечает потребностям

духовной культуры. В ней рождается и столь необходимое для творческой деятельности человека сознание внутренней свободы. Однако духовная культура не исчерпывает собой всей культуры, включающей также интеллектуальное начало.

Одним из высших продуктов деятельности человеческого интеллекта и ядром современной интеллектуальной культуры является объективное научное знание. По своему содержанию оно интернационально (наука – республика ученых) и потому науку, как правило, не связывают с какой-либо национальной культурой. В итоге наука подчас рассматривается как особое явление, извне воздействующее на культуру. Однако наука также есть феномен культуры, оказывающий мощное влияние на общество. Для интеллектуальной культуры характерно субъект-объектное отношение, ориентация на объект, его познание и практическое применение добытого знания. Человек познает мир, изменяет природу и общественную жизнь, создает то, чего не было в природе, но не потому, что он независим от нее, а потому, что следует ее законам. Человек и отражает действительность, стремясь к ее истинному познанию, и поднимается над ней в своем мышлении и своей творческой деятельности, опирающейся на знание. Нарушение объективных законов обрекает деятельность человека на неудачу, а человека – на поражение. Поэтому интеллектуальная культура дисциплинирует человеческое мышление. Наличие объективных законов и детерминант определяет границы продуктивности творческого воображения человека. Свобода, основанная на знании, реализуется в активной творческой деятельности, поскольку та подчиняется императивам интеллектуальной культуры.

Современная наука является основой системы образования и технологического прогресса, развития коммуникаций, без нее немислима ныне охрана здоровья и жизни человека, обеспечение безопасности и развитие личности и общества, сохранение природы как естественного условия существования человека.

Таким образом, духовная и интеллектуальная составляющие культуры различаются по многим параметрам: источникам и причинам генезиса, особенностям и закономерностям своей динамики, социальным и культурным функциям, историческим модификациям и т.д. Поэтому для их

теоретического анализа используются различные модели и понятия, различные методы и подходы. В науке развитие идет за счет постановки и решения все новых проблем, хотя остаются мировые загадки типа происхождения жизни или возникновения человека. В области духа, напротив, преобладают вечные проблемы, меняются лишь их интерпретации.

Но методология должна исходить не только из факта различия этих начал. Существенно также определение форм их взаимосвязи и взаимовлияния. Взаимоотношение духовной и интеллектуальной ветвей культуры всегда было и ныне является весьма сложным и неоднозначным. В реальной жизни каждая чутко реагирует на изменения, происходящие в другой ее ипостаси. От характера духовной культуры данного общества во многом зависит состояние его интеллектуальной культуры. В литературе по философии и истории науки доказано, например, что современная наука является продуктом именно европейской культуры, причем не только интеллектуальной, но и духовной. С другой стороны, духовная культура, особенно в последние три столетия, испытывает на себе все возрастающее влияние интеллектуальной. Постановка и решение многих смысловых проблем меняется в зависимости от того уровня и объема знаний, которым обладает данная эпоха. Технологический прогресс открывает новые перспективы, например, перед художественной культурой.

Интеллектуальное и духовное начала создают в рамках культуры структурные образования, из взаимодействия которых формируется ее целостность. Продукты интеллекта – знания, технические устройства и т.д. – выражают, прежде всего, свойства объекта. Но творит и использует их человек, т.е. они ориентированы на субъекта и в этом своем качестве представляют собой феномены культуры. Научное познание всегда несет на себе печать того, что это человеческое познание. И выражается это уже в том, что наука функционирует в той или иной системе ценностей. В этом смысле ценностно нейтральной науки не бывает. Ведь установка на истину, на объективность познания – это тоже ценность. И это такая ценность, без которой науки быть не может. Известные принципы этоса науки, разработанные Р.Мертоном, как раз ориентируют науку на

получение достоверного, т.е. объективного (а не просто удостоверенного) знания. И оно включает в себя не только технические, а и нравственные нормы. Авторы «Этики науки» также пишут: «Основной принцип научного познания – принцип объективной истинности – органически сочетается с наличием ценностных отношений», ибо цели и средства их достижений и в науке, и в обществе опираются на эту объективность.

Духовная культура, выражающая стремления человека, представляет ту среду, в которой существует, функционирует и развивается культура интеллектуальная. Идеальной моделью является гармоничное отношение между интеллектуальной и духовной ветвями культуры. Но духовная культура может и враждебно противостоять интеллектуальной. Поэтому возникает и другая крайность – их антагонизм.

Особое место в культуре занимает философия. Включая в себя и знания и ценности, она принадлежит и интеллектуальной, и духовной культуре. Конкретные системы философских взглядов содержат их в разной «пропорции» в зависимости

от того, ориентированы ли они на науку или на те или иные формы духовной культуры, относятся ли они к научно-техническому развитию как противоречивому, но все-таки прогрессу, или видят в нем лишь угрозу для человечества.

Рассматриваемая методология позволяет показать, какой вред наносит смешение духовной и интеллектуальной культуры и отрицание того, что они принципиально отличаются друг от друга. Принципы и методы изучения интеллектуальной и духовной культуры различны. Культура выигрывает в своей целостности от неправомерности подобного смешения. Таковы некоторые методологические проблемы и социальные аспекты взаимоотношения интеллектуальной и духовной ветвей культуры.

Для интеллектуального развития любого общества необходимо самосовершенствование личности. Это возможно только при сохранении ее самобытности и уникальности, которые предполагают единство во многом. Единство разнообразного всегда богаче упрощенной идентичности.

T.V. SERUYOGINA, G.F. NAZAROVA

PERSONALITY IN TERMS OF SOCIO-CULTURAL PLURALISM

The article is devoted to the elaboration of the social identity theory which is important in the conditions of the modern society crisis and collapse of the traditional notions about a human being. That is why the necessity of the complex investigation of individual which helps to find the ways of the personal survival, to provide society self-preservation and to stimulate its further development arises.

Key words: Human, personality, integrity, culture, the culture, the social and cultural pluralism, spirituality, values, values, personality, globalization, cosmism, russian cosmism, the noosphere, the unity of the world, global evolutionism, the scientific picture of the world, creativity, space.

В.В. ТЕРЕХОВ*ассистент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета.**E-mail: doktorant2008@yandex.ru**Тел. 8 920 806 33 28*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ НА ПРИМЕРЕ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА ГЕРМЕНЕВТИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Г. ШПЕТА И П. РИКЁРА

В данной статье осуществляется попытка рассмотрения герменевтики как постоянно развивающейся области философского знания. Применяемый здесь компаративистский анализ герменевтико-феноменологической философии Г. Шпета и П. Рикёра позволяет выявить внутреннюю тенденцию развития герменевтики от экзегетики к универсальной методологии социально-гуманитарного познания со своей особой логикой.

Ключевые слова: герменевтика, герменевтико-феноменологическая философия, экзегетика, герменевтическая логика, компаративистский анализ, понимание, интерпретация.

В современной философии науки герменевтика имеет статус общей теории понимания любых текстов и взаимопонимания участников коммуникации. В зависимости от текста различают следующие герменевтики: филологическая, историческая, философская, теологическая, юридическая и др. Основателем общей герменевтики был немецкий историк, филолог и философ Фридрих Шлейермахер, который толковал её как «искусство понимания», которое стало рассматриваться как метод всех гуманитарных наук (наук о духе). Предлагалось при помощи психологического «вживания» в содержание текста проникать во внутренний мир автора, реконструировать описываемое событие и понять его более глубоко, чем его осознавал автор и участники события.

Шлейермахер превратил герменевтику в философию понимания, а основной её задачей определил исследования условий и структуры понимания. Для этого он выдвинул ряд принципов герменевтики¹:

- принцип, в соответствии с которым целью герменевтики является понимание текста и его автора лучше, чем сам автор понимал себя и свое собственное творение.

- Принцип «лучшего понимания», в соответствии с которым современный исследователь должен знать лучше мир автора и его текст.

- Принцип герменевтического круга, рассматривающий отношение части и целого.

Шлейермахер вводит две разновидности герменевтического круга. Первая, обычная для герменевтики, когда часть текста соотносится со всем текстом как с целым, и мы выясняем смысл целого относительно его частей. Но есть другая интерпретация этого же принципа: какой-то текст-памятник рассматривается как часть, а культура, в которой он функционирует, рассматривается как целое. Тогда соотношение между частью и целым приобретает совершенно иной характер. Понимать отдельную мысль и все произведение в целом можно, исходя из всей совокупности «жизненных отношений» автора текста. В этой связи Шлейермахер пишет: «Богатство языка и история времени автора даны как целое. Основываясь на нем, произведение автора должно пониматься как отдельное... Всякое полноценное знание находится в этом мнимом кругу так, что каждое особенное может быть понято из всеобщего, чьей частью оно является, и наоборот. И каждое зна-

¹ Кузнецов В. Герменевтика и её путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. №10.

ние является научным, если оно получено таким способом»².

Основоположником современной философской герменевтики является Г.-Г. Гадамер, который в 1960 г. опубликовал труд «Истина и метод». Теоретические основы герменевтики Гадамер разработал на основе трёх концепций: «понимающей психологии» В. Дильтея, теории «горизонта» и «жизненного мира» Э. Гуссерля и учения о языке М. Хайдеггера. В своей работе Гадамер рассмотрел структуру герменевтического процесса, определил процедуру вживания во внутренний мир автора текста, внутренний мир интерпретатора и язык текста. При этом язык Гадамер рассматривает как истину бытия, т.к. вещи говорят на своём языке, а человек должен научиться их понимать. Так, Гадамер превращает герменевтику из метода исследования в онтологию: бытие существует в языке, понять бытие – значит, истолковать язык.

Философская герменевтика Гадамера является общепризнанной в рамках мировой философии. Несмотря на то, что герменевтика у него окончательно закрепляется в статусе философской герменевтики, развитие её не останавливается. И дело, на наш взгляд, вовсе не в том, что концепция философской герменевтики может иметь недостатки, а в том, что сама герменевтическая проблематика требует дальнейшего раскрытия. Понимание, как фундаментальная категория герменевтики, является неотъемлемой частью уже не только гуманитарного знания. Например, всё чаще встречаются исследования о правомерности анализа проблемы понимания в рамках исследований в области Искусственного Интеллекта. Сам Гадамер в поздних своих статьях отмечал важность применения герменевтики при компьютеризации. Поэтому развитие герменевтики и проникновение её в самые различные сферы неизбежно.

Целью данной статьи является выявление некоторых тенденций развития герменевтики, которые обнаруживаются при компаративистском анализе герменевтико-феноменологической философии Г. Шпета и П. Рикёра. Почему нас интересуют идеи именно этих философов? Дело в том, что, проследив путь развития герменевтики в философии Г. Шпета и П. Рикёра, мы увидим,

² Schleiermacher Fr., Werke. Auswahl in vier Bänden. Bd. 4., 1911, S. 147.

что вне зависимости от философской принадлежности философа-герменевта, герменевтика у них становится ключевым направлением, методологией которого применима к максимально возможному кругу вопросов

Г. Шпет достиг среди отечественных философов наибольших успехов в исследовании проблем герменевтики, создав вариант синтеза феноменологии Э. Гуссерля и герменевтики, что в результате привело к возникновению герменевтико-феноменологической философии. Подобное было осуществлено Полем Рикёром значительно позже, что делает возможным компаративистский анализ их философских позиций.

Философская компаративистика или сравнительная философия есть область историко-философских изысканий, предметом которой является сопоставление различных понятий, доктрин, систем философского наследия Востока и Запада³. Компаративистский анализ герменевтико-феноменологической философии отечественного философа Густава Шпета и французского Поля Рикёра представляется актуальным потому, что оба эти философа, принадлежа к различным философским школам, отстоящие друг от друга на пятьдесят лет, создали во многом похожие концепции герменевтико-феноменологической философии. Такой анализ позволит нам проследить генеральную линию развития герменевтики от экзегетики до самостоятельного философского направления, вобравшего в себя все самые современные достижения философской мысли.

Сущность компаративистского анализа нельзя сводить только к сравнению. Нельзя сравнивать все равно, как и что попало, то есть нельзя сравнивать по произвольно отобранной теме или проблеме и сводить цель исследования только к выявлению сходства и различия. Философская компаративистика является частью истории философии и имеет своей целью выявление общего и единичного в мировом историко-философском процессе. Она занимается также и изучением тех философских трансформаций, которые возникают в результате социокультурных и исторических изменений. Речь в данном случае идет об интерпретации либо заимствования, либо неприятя того, что определяет содержание,

³ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001

характер и форму влияния идей в иной мировоззренческой парадигме. Именно философия как сущностный феномен культуры и цивилизации создает проблемное поле и определяет содержание представления о культурах и их носителях, о других цивилизациях (как мы видим друг друга) в рамках идеи общечеловеческой цивилизации и диалога культур.

Философская компаративистика может быть представлена как диалог философских культур, как версия отношения, отражающая мировоззренческие предпосылки, философский дискурс, достаточно полную палитру философской рефлексии, интеграции и ассимиляции.

Компаративистика, или сравнительная философия есть особый способ мышления, его можно назвать философствованием по поводу различий. Определенный уровень внешней свободы необходим, чтобы эти различия знать и признавать, и должно быть достаточно внутренней свободы, чтобы смочь и суметь превратить эти различия одновременно в объекты и орудия своей мысли. Компаративистика, таким образом, отражает и углубляет критичность мышления субъекта, будучи обусловленной свободомыслием и одновременно создавая новые свободные мысли. Сравнение философских идей предполагает наличие некой существенной мерности, с которой они соотносятся. Она может быть выражена явно или неявно, однако целью любого философского сравнения является шаг к созданию новой идеи.

Прибегнув к компаративистике, мы сможем выявить то общее, что существует в герменевтико-феноменологической философии Шпета и Рикёра, несмотря на то, что сравниваются, на первый взгляд, существенно отличающиеся концепции, отстоящие друг от друга почти на полвека, что весьма существенно.

Сущность герменевтико-феноменологической философии прекрасно обоснована Г. Шпетом. Для Шпета основой синтеза герменевтики и феноменологии является традиционная формула: «понимание есть постижение смысла». Принципиальным анализом понимания занимается герменевтика. Она отвечает на вопрос «Как возможно понимание?». Принципиальным анализом смысла и методов его образования занимается феноменология. Новая дисциплина, которая получается в результате синтеза, располагает

очень широким предметным полем, значительно более широким, чем предметные области конкретных герменевтик и даже универсальной герменевтики в духе Ф. Шлейермахера и универсальным методологическим аппаратом, обогащенным герменевтическими методиками.

До Г. Шпета герменевтика не являлась сколь-либо значительным объектом философского рассмотрения в отечественной философии. В настоящее время с его именем связывается разработка особого вида герменевтики – возникающей из синтеза с феноменологией, особой логики понимания – герменевтической логики, возможности применения герменевтической методологии в качестве средства анализа социального бытия.

Сходные по специфике проблемы стали активно рассматриваться на западе значительно позднее – в трудах французского философа П. Рикёра. Его работы по герменевтике в настоящее время являются одними из наиболее авторитетных⁴, наряду с работами М. Хайдеггера⁵ и Г.-Г. Гадамера⁶. Именно поэтому в нашем исследовании предлагается провести компаративистский анализ герменевтико-феноменологических концепций Г. Шпета и П. Рикёра.

Взгляды Г. Шпета сформировались раньше идей П. Рикёра. Причём, несмотря на то, что исходным источником их идей была феноменология Э. Гуссерля, герменевтические идеи они черпали из разных источников. Так для Г. Шпета таковыми были Ф. Шлейермахер и В. Дильтей, в трудах которых герменевтика была психологически на-

4 См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике/Пер. с фр. вступит. ст. И.Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 624с; Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью).пер. с фр. М., 1995; Рикёр П. Путь признания. Три Очерка / Поль Рикёр; (пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной). М.: Российская политическая академия (РОССПЭН), 2010. 268 с.

5 См. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. и предисл. Г. Тевзадзе; Гл. редкол. по худож. пер. и лит. взаимосвязям при Союзе писателей Грузии. Тбилиси, 1989.; Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.; Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010.

6 См. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.; Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

груженным методом⁷, а для П. Рикёра основными учителями были М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер, разрабатывавшие философскую герменевтику. Поэтому особую важность, по нашему мнению, представляет выявление и демонстрация единой линии в герменевтических идеях Г. Шпета и П. Рикёра. Однако, на наш взгляд, говорить о преемственности идей указанных философов нет достаточных оснований.

Значимость идей Г. Шпета состоит в том, что он на менее богатой теоретической основе разработал ряд положений и идей герменевтики (в частности, идеи герменевтической логики или логики понимания, идею применения средств герменевтики к анализу социальной реальности и ряд других), к которым в настоящее время проявляется существенный интерес в западной философии.

В последние десятилетия значимость идей отечественного философа в значительной степени стала проявляться ввиду всё более возрастающего интереса к проблемам герменевтики и применения её средств в различных областях знания, следовательно, компаративистский анализ герменевтико-феноменологической философии Шпета и Рикёра, по нашему мнению, будет представлять значительный интерес.

Если рассмотреть основания герменевтико-феноменологической философии Г. Шпета и П. Рикёра, то в основе своей они совпадают: это феноменология Э. Гуссерля, а также герменевтика Ф. Шлейермахера и В. Дильтея. До публикации работы «Явление и смысл»⁸ (1914) Шпет полагал, что создание подлинной философии фактически уже осуществлено Э. Гуссерлем. Русский философ считал, что следует лишь немного «подправить» его феноменологию и мы получим «основную науку философии»⁹, которая является базисной как для всей философии в целом, так и для всех конкретных наук. Но уже в процессе написания данной книги у Шпета закрадываются сомнения в безупречности методологической

7 См. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб: Европейский дом, 2004.; Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова / Пер. с нем. под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. Научное издание. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

8 Шпет Г.Г. Явление и смысл (Феноменология как основная наука и её проблемы). Томск, 1996.

9 В.Г. Кузнецов. Русская герменевтика, или прерванный полет (опыт интерпретации философии Густава Шпета)

техники феноменологии, в абсолютной ясности всех приемов исследования. И эти сомнения были связаны прежде всего с проблемами постижения смысла, со структурой понимающей деятельности, которая не зависела от особенностей психики познающего субъекта¹⁰. С этой целью Шпет и предпринимает систематическое исследование проблем герменевтики.

В отличие от Шпета, взгляды Рикёра обусловлены гораздо более широким спектром философских систем. Значительное влияние на Рикёра оказал психоанализ Фрейда, а также философская герменевтика Хайдеггера и Гадамера. Идеи указанных философов не принимались им в чистом виде, а подвергались переосмыслению. Несмотря на то, что Рикёр в своем учении широко опирается на идеи Фрейда, его позиция ближе к позиции Гуссерля или Хайдеггера, нежели к точке зрения основоположника психоанализа. Рикёр не считает бессознательное чем-то принципиально недоступным сознанию. Оно – скорее «нетематическое» (допредметное) Гуссерля, переведенное на язык «волюнтаривной» теории (Шелер, Дильтей, Хайдеггер), согласно которой реальность открывается субъекту не в созерцании и мышлении, а в акте воли. Понимая интенциональность как изначальную открытость субъекта миру, Рикёр, вслед за Хайдеггером, дополняет ее практическим намерением и волевым действием, стремясь превратить из формального момента субъективности в момент активный, действительный, конституирующий.

И тем не менее Рикёр, как и Шпет, усматривает необходимость слияния герменевтики и феноменологии. В работе «Герменевтика. Этика. Политика» Поль Рикёр раскрывает содержание своих идей в области герменевтики. Рассуждая о той философской традиции, к которой он, по его мнению, принадлежит, философ характеризует её следующими чертами: «она продолжает линию рефлексивной философии, остаётся в зависимости от гуссерлианской феноменологии и разрабатывает герменевтический вариант этой феноменологии»¹¹. Именно синтез герменевтики и феноменологии, так называемая «прививка гер-

10 См. статью о Шпете в «Философы России XIX - XX столетий», М., 1995.

11 Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). пер. с фр. М., 1995. С.78.

меневтики к феноменологии»¹², составляет одну из важнейших черт герменевтической философии Поля Рикёра.

Оговоримся, что автор данной статьи ни в коем случае не утверждает непосредственное сходство герменевтико-феноменологических концепций Шпета и Рикёра. Каждая из них абсолютно самостоятельна, но исходная идея – синтез феноменологии и герменевтики в целях раскрытия проблемы смысла, является сходной.

Следующий момент, на который следует обратить внимание, касается методологии. Оба философа приходят к синтезу феноменологии и герменевтики именно из-за возможности применения герменевтики в качестве методологии. Для Шпета герменевтика есть метод, способствующий разрешению вопросов, порождаемых феноменологией. По другому и быть не может, потому как на момент создания Шпетом своей концепции отсутствовало другое понимание герменевтики.

Кроме того, у Шпета понятие методологии меняется. Методология уже не рисует один единственный путь, по которому можно и должно познавать предмет. Здесь как раз допускается плюрализм возможностей и подходов. Нормирование остаётся в области выражения. А сама методология уже лишается того абстрактного методологизма, против которого выступал Г.-Г. Гадамер, но сохраняет функцию внутреннего ориентира для учёного в процессе его познавательной работы. Такое понимание методологии имеет очевидный смысл для гуманитарной науки. Ибо в этом случае методология опирается на реальную историю познания, на исторический анализ науки, на её смысловой анализ, ориентирующий учёного в историческом хаосе; методология задаёт ему ориентацию на внутреннюю форму самого научного исследования как на должное.

Для Рикёра же не подлежит сомнению то, что введение герменевтического аспекта в сферу научных размышлений является необходимым и весьма перспективным исследовательским приёмом. В свою очередь, перспективы самой герменевтики он связывает с введением в герменевтическое размышление объективизма понимания, берущего своё начало в структурализме, что в конечном итоге, должно «привести

герменевтику от наивного созерцания к зрелому пониманию»¹³.

Согласно Рикёру, герменевтика выступает в качестве особой дисциплины, объединяющей результаты различных дисциплин. Важным фактором такого объединения является отношение к символу как конкретному предмету интерпретации, которая проходит при участии рефлексии. «Не существует общей герменевтики, то есть общей теории интерпретации, общего канона экзегезы; существуют только отдельные и противостоящие одна другой герменевтические теории; наша... проблема не перестаёт усложняться... она ставит не только вопрос: почему рефлексия требует интерпретации? – но и вопрос: почему рефлексия требует именно этих противоположных друг другу интерпретаций»¹⁴. Мысли Рикёра убеждают в том, что должно существовать столько герменевтик, сколько существует важных и значимых текстов, расшифровке которых они призваны служить.

Таким образом, допустимый плюрализм методов Г. Шпета у П. Рикёра приобретает вид «конфликта интерпретаций» – основополагающей методологической категории.

Так как герменевтика есть метод, позволяющий разрешать существующую в рамках феноменологии проблему смысла через категорию понимания и, кроме того, метод, не претендующий на однозначность, а наоборот, поощряющий некоторый плюрализм при разрешении задач, то напрашивается вывод о возможности применения такой методологии для анализа социально-гуманитарного познания, социального бытия вообще, где нет возможности применения методов точных наук в связи с определяющей ролью субъективного фактора. Кроме того, оба философа обратили внимание на тот факт, что Гуссерль в своей феноменологии весьма уклончиво говорит о социальном бытии, упрекая его в индивидуализме и «эгологии». Зачатки решения проблемы социального всё же содержались в феноменологии Гуссерля. Философ попытался разрешить данную проблему следующим образом: он вводит в поздний период творчества понятие «жизненного мира». В работе «Кризис европейских наук...» Эдмунд Гуссерль характеризует «жизненный мир» как «мир, данный нам в конкретно мирской

12 Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике/Пер. с фр. Вступит. ст. И.Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. С-33.

13 П. Рикёр. Конфликт интерпретаций. С.62

14 Рикёр. Конфликт интерпретаций. С.394

жизни как действительный мир, с открытой бесконечностью возможного опыта...»¹⁵.

Применение герменевтики в качестве средства анализа социальной реальности даёт возможность выхода на проблемы гуманитарного познания вообще. Это наблюдается как у Шпета, так и у Рикёра. Феноменологическая герменевтика делает существенный шаг в этом направлении. Феноменология позволяет рассматривать сознание человека в «чистом виде», выявляет механизм восприятия нами действительности. Герменевтика же даёт нам возможность понять то, что мы воспринимаем. Человек перестаёт быть только лишь продуктом социальной реальности, он сам мысленно её создаёт. Социальное – есть продукт совместной сознательной деятельности людей, а значит, для его анализа возможно применение и герменевтической методологии. Отсюда и выход в сферу гуманитарного познания: так как социальное – есть объект анализа гуманитарных наук, то и гуманитарные науки непосредственно должны руководствоваться герменевтикой как фундаментальной методологией.

Тенденции такого осмысления роли герменевтики присутствуют у Г. Шпета, но по объективным причинам не получили дальнейшего развития. У Рикёра же эти идеи проявляются в полной мере, так как для их развития уже существовали все необходимые предпосылки.

Следует остановиться на ещё одном существенном моменте, содержащемся в концепциях Шпета и Рикёра. Это идея герменевтической логики, которая является закономерным следствием развития идеи о применении герменевтико-феноменологической методологии в социально-гуманитарном познании. Философия и Шпета, и Рикёра всегда претендовала на значительную научность, у Шпета это была философия как «строгая наука», у Рикёра – универсальная философия человека. Наука не может функционировать без логики, это её скелет. Но в данном случае, когда предполагается анализировать социально-гуманитарное познание, требуется особая логика, которая получает название герменевтической.

Герменевтическая логика есть логика выражения, логика смысла, и этим обуславливается

15 Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. С604.

её особое место и характерные черты, к которым относятся её контекстуальный характер, внутренняя диалектичность и системный характер. Однако она не только не совпадает с формальной логикой, но и не равна и не является аспектом диалектической логики, которая есть наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Разница в том, что диалектическая логика есть логика самого бытия. Так как выражение бытия не тождественно самому бытию, то и герменевтическая логика не совпадает с логикой диалектической.

«Герменевтическая логика» – выражение, примененное Шпетом впервые в главе о Шлейермахере – имеет в качестве своей основы коррелятивное отношение выражения и значения. Ее теоретическое основание было дано в гуссерлевских «Логических исследованиях», конечно, с тем решающим различием, что Шпет ориентируется на сложную структуру высказывания, которая имеет тенденцию к многозначности. «Слово кажется многозначным только до тех пор, пока оно не употреблено для передачи значения или пока мы, встретившись с ним, еще не знаем, для передачи какого значения оно здесь служит»¹⁶, – утверждает Шпет. В каждом отдельном случае словоупотребления говорящий стремится к определенной цели, и это означает, что слово при определенных обстоятельствах имеет только одно значение.

Рикёр предлагает свой особый вариант логики – логики двойного смысла. Философ делает вывод о том, что «герменевтика должна быть вдвойне косвенной: во-первых, потому что существование подтверждается лишь документами жизни, и, во-вторых, потому что сознание является ложным сознанием и всегда надо через корректирующую его критику восходить от непонимания к пониманию»¹⁷.

Оба философа, работая в разное время, имея различную теоретическую базу, а главное, принадлежащие к разным культурным традициям, делают выводы, поразительно схожие в существенных моментах. Особенно парадоксальным этот факт кажется, если обратить внимание на то, насколько различающимися друг от друга

16 Шпет ГГ. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. М., 1989, С. 226.

17 Рикёр П. Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). пер. с фр. М., 1995. 415 с.

являются их философские концепции. Именно поэтому в данной статье в качестве ведущего метода был выбран компаративистский метод, позволяющий выявить общее на фоне различного. Такое совпадение можно объяснить только одним фактом: этого требует сама герменевтика, её внутренняя тенденция развития. Слишком широко это направление, чтобы уместиться в

рамках только лишь философской герменевтики или герменевтики как методологии. Г. Шпету и П. Рикёру удалось уловить ту генеральную линию, по которой будет развиваться герменевтическая мысль: от экзегетики к универсальной методологии социально-гуманитарного познания со своей особой логикой.

Библиографический список

1. *Schleiermacher Fr.*, Werke. Auswahl in vier Bänden; den. Bd. 4, 1911.
2. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.
4. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. // Пер. с нем. Новочеркасск, 1994.
5. *Кузнецов В.* Герменевтика и её путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. №10.
6. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
7. *Матюшин А.А., Г. Шпет* и его место в истории отечественной психологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1988. № 2. С.36
8. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.
9. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике/Пер. с фр. вступит. ст. И.Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. 624 с.
10. *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью).пер. с фр. М., 1995. *Рикёр П.* Путь признания. Три Очерка / Поль Рикёр; (пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной). М.: Российская политическая академия (РОССПЭН), 2010. 268 с.
11. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010.
12. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
13. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб: Европейский дом, 2004.
14. *Дильтей В.* Собрание сочинений в 6 тт. Т.4: Герменевтика и теория литературы / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова / Пер. с нем. под ред. В.В. Бибихина и Н.С. Плотникова. Научное издание. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
15. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927.
16. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы//Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1989-93.
17. *Шпет Г.Г.* Явление и смысл (Феноменология как основная наука и её проблемы). Томск, 1996.

V.V. TEREHOV

PROSPECTS OF A MODERN HERMENEUTICS DEVELOPMENT
ON AN EXAMPLE OF COMPARATIVE ANALYSIS
OF G. SHPET'S AND P. RICOEUR'S
HERMENEUTIC-PHENOMENOLOGICAL PHILOSOPHY

This article is an attempt to consider a hermeneutics as a constantly developing field of philosophical knowledge. Comparative analysis of G. Shpet's and P. Ricoeur's hermeneutic-phenomenological philosophy, as used herein, allows to reveal an internal tendency of hermeneutics development from exegetics to universal methodology of socially-humanitarian knowledge with its own special logic.

Key words: hermeneutics, hermeneutic-phenomenological philosophy, exegetics, hermeneutic logic, comparative analysis, understanding, interpretation.

В.И. УВАРОВА

кандидат философских наук, доцент,
директор Центра социологических
исследований Госуниверситет-УНПК
E-mail: lst@ostu.ru
Тел. 8 903 883 58 20

АЛГОРИТМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА И ПОДГОТОВКОЙ СПЕЦИАЛИСТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья посвящена проблеме соответствия рынка высшего образования потребностям регионального рынка труда. Предлагается алгоритм создания баланса между потребностями рынка труда и подготовкой специалистов. Предпринимается попытка применения алгоритма на практике, для чего проводится сопоставление прогноза выпуска специалистов различных направлений с прогнозом количества вакантных мест на рынке труда Орловской области на ближайшие годы.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, региональный рынок труда, трудоустройство выпускников вузов, алгоритм.

Разработка научных основ современной концепции управления образованием невозможна без всестороннего анализа рынка труда и рынка образовательных услуг не только на уровне страны в целом, но и отдельных регионов. Данный анализ для Орловского региона предпринят в рамках научного проекта № 11078 «Прогнозирование и анализ развития рынка образовательных услуг как основа разработки образовательной политики в сфере высшего профессионального образования», выполненного в 2011 году сотрудниками Центра социологических исследований Учебно-научно-исследовательского института социологии и гуманитарных наук ФГОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК» при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ.

Согласно данным Управления труда и занятости Орловской области к сентябрю 2011 года безработица в регионе вернулась к докризисному уровню в 1,3%. Однако анализ соотношения спроса и предложения рабочей силы выявляет очевидный переизбыток специалистов высшего уровня квалификации. Специалисты с высшим образованием составляют 26,5% предложений рабочей силы, в то время как спрос на них почти вдвое ниже (рис. 1). Устойчивый спрос среди специалистов сохраняется только на врачах.

Несбалансированность спроса и предложения на рынке труда является закономерным следствием диспропорции в соотношении количества обучаемых специалистов разных профессиональных уровней. В мировой практике считается, что для организации эффективного труда необходима пропорция 1:3:5, то есть на одного студента вуза должно приходиться три специалиста среднего и пять специалистов начального профессионального образования. Но в Орловской области на одного студента вуза в 2009/10 учебном году приходилось всего 0,25 учащихся ссузов и 0,2 учащихся ПТУ, таким образом, мы имеем обратную пропорцию.

Алгоритм создания баланса между потребностями рынка труда и подготовкой специалистов предполагает анализ соотношения спроса и предложения рабочей силы на региональном рынке труда не менее чем за 3 года. Рассмотрение ситуации в динамике является условием создания более объективной картины, в меньшей степени подверженной случайным колебаниям. Трехлетний интервал предложен в качестве минимально необходимого, что, естественно, не противоречит возможности и даже желательности использования более продолжительного временного интервала при наличии такой возможности.

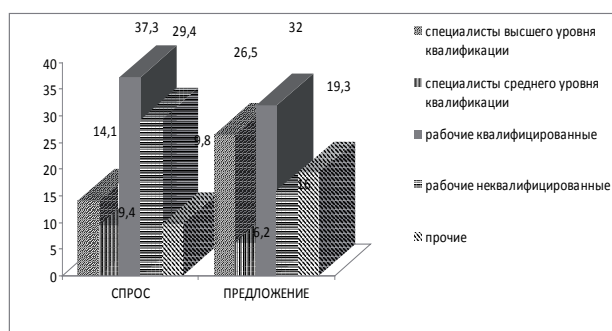

Рис. 1 Структура спроса и предложения рабочей силы, % [2]

В то же время на рисунке 2 не зафиксирован временной интервал при оценке предложения рабочей силы на рынке труда. Это обусловлено отсутствием соответствующих данных на сайте Управления труда и занятости и слишком высокой трудоемкостью одномоментного получения данных из других источников, с чем столкнулись исполнители проекта. Однако, при условии постоянно проводимой работы, основанной на мониторинге предложения рабочей силы, сбор соответствующей информации за 3 года не будет представлять сложности.

В качестве основных источников информации о динамике спроса и предложения рабочей силы предлагаются статистические данные Управления труда и занятости (<http://orel.regiontrud.ru>). Дополнительным источником информации могут служить объявления, размещаемые в соответствующих газетах и на сайтах в Интернете, методом обработки которых является контент-анализ.

Анализ динамики спроса и предложения рабочей силы за прошедшие годы, опосредованный анализом экономического развития региона, становится основой для построения прогноза дополнительной потребности в кадрах предприятий на 3 года. Данный прогноз составляется Управлением труда и занятости и размещается на указанном сайте.

Количественные данные о подготовке специалистов вузами г. Орла и Орловской области фиксируются органами областной статистики, выступающими основным источником информации по данному вопросу.

Рис. 2. Алгоритм создания баланса между потребностями рынка труда и подготовкой специалистов

Временной интервал при анализе количества выпускников вузов по специальностям должен быть не менее 3 лет, что позволит получить сопоставимые данные с рынком труда. Прогноз выпуска специалистов на 3 года, рассчитываемый из количества принятых на обучение по специальностям и направлениям с учетом отсева студентов в процессе обучения, позволяет получить представление о количестве молодых специалистов, которые будут претендовать на рабочие места в ближайшие годы.

Оценить степень соответствия количества подготавливаемых вузами специалистов по различным специальностям и направлениям потребностям современного рынка труда позволяет сопоставление прогноза дополнительной потребности в кадрах предприятий и организаций области с прогнозом выпуска вузами специалистов на 3 года. Эта оценка должна быть положена в основу определения численности приема студентов в вузы на различные специальности и направления.

Далее попытаемся применить предложенный алгоритм на практике, используя имеющиеся статистические данные.

Прогноз дополнительной потребности в кадрах предприятий и организаций Орловской области на 2011-2013 годы, представленный Управлением труда и занятости Орловской области [1], позволяет оценить перспективы трудоустройства специалистов в ближайшие годы (таблица 1).

**Прогноз дополнительной потребности в кадрах предприятий
и организаций Орловской области на 2011-2013 годы, человек**

№	Наименование должности или профессии (специальности)	Всего	В том числе:		
			2011 г.	2012 г.	2013 г.
	Дополнительная потребность в кадрах, всего	31 042	11 092	10 434	9516
1.	Инженерно-технические работники, специалисты, служащие	4265	1574	1409	1282
1.1.	Руководителя, всего	206	73	69	64
	в том числе по должностям:				
	генеральный директор (директор, управляющий)	7	3	2	2
	начальник отдела (подразделения, группы)	137	50	46	41
	главный бухгалтер	33	11	11	11
	главный инженер	29	9	10	10
1.2.	Специалисты с высшим или средним профессиональным образованием, всего	3065	1121	1006	938
1.2.1.	Специалисты в области экономики, коммерции, маркетинга, всего	778	280	261	237
	в том числе по профессиям, специальностям:				
	бухгалтер	282	102	98	82
	экономист	171	52	57	62
	менеджер	224	87	74	63
	товаровед	101	39	32	30
1.3.	Специалисты по праву, всего	113	41	39	33
1.4.	Контрольно-инспекторский персонал (инспектор, ревизор, аудитор и другие)	139	47	46	46
1.5.	Специалисты, занятые обслуживанием и ремонтом оргтехники, всего	468	167	157	144
	в том числе по профессиям, специальностям:				
	инженер	228	85	77	66
	программист	240	82	80	78
1.6.	Специалисты отраслей (профильные специальности), всего	1567	586	503	478
	в том числе по профессиям, специальностям:				
	инженер (различная специализация)	306	112	97	97
	ветеринарный врач	69	25	24	20
	агроном	120	50	37	33
	врач (различная специализация)	288	114	89	85
	учитель	210	73	69	68
	бухгалтер	67	32	22	13
1.7.	Служащие, всего	994	380	334	280
2.	Рабочие, всего	26777	9518	9025	8234

Согласно данному прогнозу, потребность в рабочих специальностях более чем в 6 раз превысит потребность в специалистах. Наибольший спрос среди специалистов ожидается на инженеров и работников экономической сферы деятельности. Сохранится потребность во врачах и учителях. При этом число вакантных мест в 2013 году предположительно сократится по сравнению с предыдущим годом по большинству специальностей.

Получив представление о положении дел на региональном рынке труда, проанализируем объем и структуру подготовки специалистов вузами Орловской области. Для наглядности ограничим задачу прогнозом выпуска специалистов по отдельным наиболее массовым и популярным специальностям (таблица 2). Расчеты сделаны на основе данных, предоставленных по запросу исследователей территориальным органом федеральной службы государственной статистики по Орловской области [2].

Из приведенных в таблице 2 данных следует, что выпуск специалистов в прогнозный период поступательно сократится по всем специальностям, кроме юриспруденции, которую характеризует обратная тенденция.

Сопоставляя данные прогнозов выпуска специалистов по указанным специальностям с прогнозом дополнительной потребности в кадрах предприятий и организаций Орловской области на 2011-2013 годы, получаем многократное превышение выпуска над потребностью. Если число выпускников медицинских факультетов превысит потребность региона в 2 раза, бухгалтеров – в 2,5 раза, инженеров – почти в 4 раза, а учителей – в 13 раз, то специалистов в области права будет подготовлено в 25 раз больше, чем заявленных вакантных мест, экономистов – почти в 40 раз. Таким образом, лидерами «перепроизводства» специалистов с высшим образованием выступают направления «Экономика и управление», «Гуманитарные науки», «Образование и педагогика».

Таблица 2

Прогноз выпуска вузами специалистов по отдельным специальностям, человек

№	Группы специальностей	Всего	в том числе:		
			2011 г.	2012 г.	2013 г.
1.	Инженерное дело	4120	1360	1520	1240
2.	Экономика и управление в том числе по специальностям:	8880	3150	3000	2730
2.1.	бухгалтер	1330	490	460	380
2.2.	экономист	6740	2340	2270	2130
3.	Юриспруденция	2900	820	940	1140
4.	Педагогика и образование	2750	1020	950	780
5.	Здравоохранение	640	240	210	190

Конечно, данный прогноз носит достаточно условный характер. Следует учитывать, что, с одной стороны, не все предприятия и организации объявляют об имеющихся вакансиях через Службу труда и занятости, могут возникнуть новые небольшие предприятия и, следовательно, реальное число вакантных мест окажется больше прогнозного. С другой стороны, не все выпускники вузов нуждаются в трудоустройстве, поскольку обучающиеся на очно-заочном и заочном отделениях, скорее всего, уже присутствуют на рынке труда в качестве работников и, возможно,

уже занимают рабочие места для специалистов с высшим образованием. То же самое относится к определенной части студентов дневной формы обучения, начавших совмещать учебу с работой, заранее обеспечив себе рабочее место. Кого-то из выпускников ожидает рабочее место в семейном бизнесе, часть молодежи уедет трудоустроившись в мегаполисы или соседние регионы, а кто-то заведомо не хочет работать по специальности или будет вынужден отказаться от нее из-за слишком низкого уровня оплаты труда. Кроме того, часть выпускников получит дипломы о втором высшем

образовании, что сокращает реальное количество молодых специалистов. Чаще всего в качестве второго образования студенты выбирают экономическую или юридическую специальности.

Однако даже с учетом этого допущения приходится констатировать, что количество ежегодно выпускаемых вузами специалистов существенно превышает реальную потребность региона. Аналогичная ситуация характерна для страны в целом: перепроизводство специалистов происходит на фоне растущего дефицита квалифицированных рабочих. Рынок высшего образования и рынок труда развиваются, почти не пересекаясь. Ориентируясь на спрос абитуриентов, вузы открывают новые факультеты, увеличивая набор на ту или иную востребованную сегодня специальность. Настоящая и тем более перспективная потребность регионального рынка труда во внимание не принимается. Но за пять лет обучения в вузе ситуация на рынке труда может радикально измениться, и востребованные еще недавно специалисты останутся не у дел. Так, например, происходит сегодня с юристами и финансистами.

При этом сложилась парадоксальная ситуация: при очевидном перепроизводстве специали-

стов предприятиям и организациям сложно найти хорошего юриста, экономиста или бухгалтера. Объяснение этому кроется в снижении качества образования, проявившегося после того, как образовательная система приобрела черты рыночной. Стремясь удовлетворить растущий спрос абитуриентов, вузы торопятся открывать новые специальности, но чтобы укомплектовать штат профессиональных педагогов по новым специальностям, требуется время. Кроме того, на коммерческой основе вузы принимают всех, кто готов оплатить свое обучение. Вырастить хорошего специалиста из слабого студента – задача не из легких. В результате общий уровень образования падает.

Сегодня назрела необходимость приведения процесса подготовки специалистов вузами в соответствие с потребностями рынка труда. И первым шагом на этом пути должна стать разработка долгосрочной программы развития экономики региона, на которую могли бы ориентироваться как вузы, так и абитуриенты.

Библиографический список

1. Сайт Управления труда и занятости Орловской области [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://orel.regiontrud.ru> свободный.
2. Распределение численности студентов высших учебных заведений по специальностям в 2006-2010 годах. // Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Орловской области. Орел, 2011г.

V.I. UVAROVA

THE ALGORITHM OF MAINTENANCE OF BALANCE BETWEEN NEEDS OF A REGIONAL LABOUR MARKET AND SPECIALISTS' PREPARATION: THEORY AND PRACTICE

The article is devoted to the problem of conformity of the market of higher education to the needs of a regional labour market. The algorithm of equation of needs of a labour market and preparation of specialists is offered. Attempt of application of algorithm in practice is made for what the comparison of the forecast of specialists' release of various directions to the forecast of quantity of vacant places on a labour market of the Oryol area in the nearest years is led.

Key words: market of educational services, regional labour market, employment of high schools' graduates, algorithm.

Н.А. ЧАВКИН

аспирант кафедры социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации

E-mail: sinekrasov@mail.ru

Тел. 8 916 730 89 14

ПРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье раскрываются нравственные основания традиции и новации как проявления свободного творчества. Определяются основные характеристики традиций и новаций и их диалектическое взаимодействие. Особое внимание уделяется анализу традиций как форме преемственности в развитии нравственной культуры и духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: традиция, новация, преемственность, духовно-нравственные ценности, нравственная культура, нравственное наследие.

Традиция – это общепризнанное философское понятие, которое пронизывает все этапы развития, все сферы общественной жизни. В этом качестве понятие «традиция» не поддается однозначной интерпретации. Этимология термина означает «передача, предание». Можно выделить несколько подходов к определению этого понятия, сложившихся в современной отечественной науке.

Первый подход объединяет исследователей, которые рассматривают традицию как регулятивное понятие. По их мнению, это центральная характеристика традиции, обеспечивающая ее устойчивость и повторяемость, ее нормативный характер. Традиция рассматривается как закрепившаяся в обществе норма, установка, которая задаёт определенную программу поведения и предписывающая определенный образец действий. Так, Ю.Н. Сафронов даёт следующее определение традиции: «Традиции – это сложившиеся устойчивые и обобщенные нормы и принципы отношений людей в обществе» [5, с.38-39].

Вторая группа ученых рассматривает традицию как специфическую социальную связь индивидов и групп в обществе. При этом обращается основное внимание на процесс социализации, на овладение культурным наследием, на приобщение социальных субъектов к тем культурным достижениям общества, которые соотносятся с современными потребностями социальных

групп. Так, В.Б. Власова определяет традицию как социальную связь людей, которая реализуется через воспроизведение ими групповых стереотипов деятельности для освоения ее новых условий и задач [1].

Третью группу исследователей представляет В.Д. Плахов, который отмечает вовлеченность традиции в систему общественных отношений. Он считает, что в основе традиции находятся отношения в социуме, система взаимоотношений между людьми, традиция выражает то, что в обществе характеризуется стабильностью, типичностью, повторяемостью. По его мнению, традиции – это исторически складывающиеся, устойчивые, повторяющиеся общественные отношения, имеющие нормативный характер и в силу этого регулирующие и упорядочивающие социальное развитие [3,4].

Четвертый подход основан на понимании традиции как информационной характеристики культуры. В таком случае традиция представляется в качестве особой формы фиксации социальной информации, в качестве носителя информационного смысла. Отсюда традиция основанная на накоплении, хранении, передаче наследственной социальной информации, которая ориентирована на воспроизводство прошлых образцов деятельности. При интерпретации традиции устанавливается ее взаимосвязь с такими

понятиями, как «информационная программа», «коллективная самокоммуникация», «знак». В современной науке этот подход находит наибольшую поддержку, особенно в связи с ростом интереса к информатизации.

Пятый подход к пониманию традиции, предельно общий, системный, наиболее ярко выражает Э.С. Маркарян, характеризуя традицию как стереотипизированный социальный опыт. Культурная традиция – это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах [2]. При таком подходе формирование и функционирование социального опыта является результатом действия культурной традиции. На основе такой интерпретации традиция рассматривается как всеобщий, универсальный механизм осуществления культурной деятельности, как способ существования, развития и функционирования культуры. Сегодня большинство исследователей обозначают своё понимание традиции с позиции этого подхода.

Все перечисленные выше подходы выражают разные аспекты традиции, раскрывают ее характерные стороны, однако, на наш взгляд, не охватывают ее во всей целостности. Традиция представляет собой сложное социальное образование, которое имеет универсальный характер. Традиции выступают как необходимое условие исторического развития, которое составляет важный аспект движения общества от прошлого к будущему. Многогранность способов возникновения, существования и развития, форм выражения и проявления традиций, выполняемых ими ролей и функций в социокультурном развитии общества, не позволяет однозначно определить это понятие. Традиция выступает неотъемлемой характеристикой любой общественной системы, ее социальной организации, функционирующей во всех областях общественной жизни. При таком понимании этого феномена традицию можно характеризовать с точки зрения ее свойств и механизма развития.

Традиция представляет собой продукт исторического развития общества, своеобразный результат накопления знаний, опыта, передаваемого от поколения к поколению. Мишель Фуко в

рассуждении о трех типах отношения к другому, необходимых для формирования молодого человека, говорит о наставлении примером: пример великих людей и сила традиции формируют модель поведения [6].

Можно сделать вывод: генезис традиции, с одной стороны, зависит от системы ценностей, отношений, уже сложившихся в данном обществе, с другой стороны, формирование традиций обусловлено новыми потребностями в социокультурном освоении реальности.

Сущностные характеристики традиции:

- 1) временная длительность,
- 2) относительная устойчивость.

Говоря о традициях, мы представляем ценности, отношения, модели поведения, которые, складываясь и видоизменяясь в ходе истории, являются наиболее стабильными, воспроизводимыми на протяжении длительного периода времени элементами социокультурного опыта.

Каждый новый этап в историческом развитии нравственности, отрицая предшествующий, необходимо включает все прогрессивное, что приобретено на предшествующих ступенях развития. Человечество, поднимаясь со ступени на ступень по лестнице исторического прогресса, не создает каждый раз заново свою нравственную культуру, а опирается на предыдущие достижения. Поэтому невозможно вычеркнуть из истории нравственной культуры ни один ее этап, так как каждая предшествующая фаза развития оказывает влияние на последующую.

Творческая деятельность отличается от простого репродуцирования тем, что она невозможна без освоения нравственного наследия прошлого. Творчество предполагает подлинное освоение нравственных ценностей прошлого, только на основе которого и возможно создание новой нравственной культуры. Развитие нравственности вообще невозможно без творческого освоения старого, положительного, так как одно лишь репродуцирование еще не создает нравственной ценности. Последняя всегда есть не что иное, как единство традиционности (как проявление обезличенного творчества массы предшественников) и уникальности новизны, которую вносит современная эпоха.

Нравственное наследие – одна из важнейших категорий социальной философии. Будучи нераз-

ривно связанной с целым рядом других понятий (нравственные ценности, традиции, обычаи и т.п.) это понятие имеет свой собственный объем, содержание и значение. Понятие «нравственное наследие» работает только применительно к процессам, происходящим обычно в области духовной культуры, то есть намного уже по своему объему от категории «преемственность», которая имеет общеполитический характер.

Понятие «преемственность» выражает объективную связь явлений, в то время как понятие «наследие» предполагает теоретическое осознание консервативности прошлого, т.е. критическую оценку оставшихся от прошлых поколений нравственных ценностей.

Если преемственность носит объективный характер, то отсюда следует, что независимо от желания людей в нравственной культуре каждой новой эпохи содержатся такие компоненты, которые, будучи программными, неизбежно входят в поведение нового поколения, а также компоненты, которые могут оказаться не только бесполезными, но даже и вредными для общественного прогресса. Суть процесса наследования и состоит в том, чтобы, осознав встающие перед обществом задачи (степень этого осознания в разных исторических периодах различна), критически отнестись к тем или иным проявлениям преемственности. Нравственная культура каждого нового поколения, каждой новой исторической эпохи всегда преемственно связана с нравственностью прошлых исторических эпох. Однако это не означает, что все созданное в процессе нравственного творчества прошлых поколений принимает форму объекта наследования в нравственной культуре новой исторической эпохи.

Таким образом, нравственное наследие, рассматриваемое в контексте развития, не есть нечто неизменное: нравственная культура любой исторической эпохи всегда, в каждый данный момент и включает нравственное наследие, и творит его. Возникающие сегодня нравственные связи в создаваемые нравственные ценности, вырастая на почве освоения определенного нравственного наследия, завтра сами превращаются в составную часть нравственного наследия, достигающегося новому поколению.

Итак, нравственное наследие – это совокупность доставшихся человечеству от прошлых

эпох нравственных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса.

На протяжении всей истории развития нравственной культуры каждая новая историческая ступень возникла из отрицания предшествующей, порой без учета того, что она во многом опосредствуется ею, обязана ей своим существованием.

Диалектика вскрывает в преемственности механизм самого развития применительно к объектам, в которых уже выделено внутреннее строение, структура. Безотносительно к структуре объекта можно говорить только о простом воспроизведении или уничтожении. В таких ситуациях нет основания для применения категории преемственности. Когда же структура объекта зафиксирована, сопоставление двух ее различных состояний позволяет обнаружить, какие элементы и связи видоизменялись, а какие сохранились, то есть преемственно перешли в новое состояние.

В зависимости от типа изменений объекта содержание преемственности может быть различным. Возникает необходимость выделить и разграничить основные формы преемственности. Так как основные типы развития – это эволюция и скачок (количественные и качественные изменения), то необходимо выделить, прежде всего, преемственность на одном уровне, наблюдаемую в процессе изменений, происходящих в рамках данного, относительно неизменного качества, и преемственность на различных уровнях, связанную с изменениями качественными.

При количественных изменениях основное содержание преемственности связано со структурой, которая сохраняет, удерживает организацию объекта. При качественных изменениях, когда структура объекта, так или иначе, видоизменяется, содержанием преемственности являются лишь отдельные элементы, составляющие связи первоначально данного объекта. В соответствии с этим в процессе количественных изменений именно преемственность структуры является определяющей чертой развития, тогда как в процессе качественных изменений определяющей чертой развития является преобразование структуры, а преемственность выражается в том, что

каждый последующий этап содержит в снятом виде структуру предшествующего этапа. Такое диалектическое снятие может выступать либо в форме преобразований структуры (в этом случае порядок организации остается прежним), либо в форме перехода к организации нового порядка (начальная структура включается в структуру последующего уровня как один из ее моментов, подчиненный ей).

Характеризуя преемственность как удержание положительного содержания элементов структуры прошлых состояний, ряд авторов отмечают, что в развитых состояниях в ядро явления должны входить (в снятом, подчиненном, преобразованном виде) элементы и структурные соотношения прошлых стадий развития. Первая стадия этого движения – стадия «отрицания», во время которой структура призвана обеспечить развитие лишь части первоначально данных элементов. Следующая за ней стадия «отрицание отрицания» обеспечивает развитие всех элементов явления как целого.

Воссоздание на стадии второго отрицания общих черт структуры первого состояния может быть объяснено именно тем, что сохраняются и как бы воспроизводятся в измененном, преобразованном, развитом виде основные элементы первоначального явления, и эти элементы требуют своей структуры. Развитие структуры в этом случае обусловлено развитием и обогащением как первоначальных элементов, так и прежде всего возникновением новых.

В процессе такого развития обнаруживается не только воспроизведение старого, взаимосвязи и взаимопереходы различных, ранее существовавших объектов, но и два направления изменений – прогрессивного и регрессивного порядка. Прогрессивному развитию присуще включение первоначально данного (низшего) и подчинение первоначально последующему. Для регресса характерно обратное – подчинение высшего низшему, что низводит это развитие к деградации. Правомочным поэтому будет ввести разграничение этих двух типов.

Сущность поступательной преемственности состоит в сохранении и развитии на качественно новых уровнях положительных результатов, достигших в предыдущих этапах развития. Таким образом, поступательная преемственность явля-

ется необходимым условием всего общественно-го прогресса.

Для анализа преемственности в развитии нравственной культуры существенное значение имеет тот факт, что потребности в данной области духовной культуры отнюдь не ведут к аннигиляции соответствующих моральных ценностей, к их исчезновению. Напротив, одни и те же нравственные ценности не только могут служить человечеству на протяжении веков, приобретая общечеловеческое значение, но и более того, в процессе использования зачастую способны обрастать новыми образованиями, находить новые приложения, и, как следствие, прогрессировать в своем значении.

На протяжении веков постоянно происходит возрастание нравственного наследия в деятельности того или иного народа не только в силу естественного роста самого объема моральных ценностей, но и в силу действия целого ряда социальных причин. Эти процессы взаимосвязаны: чем большую роль народ играет в развитии нравственной культуры, чем более непосредственна его деятельность в этом направлении, тем большее значение приобретает нравственное наследие. И, наоборот, все более активное освоение моральных ценностей делает нравственное творчество народных масс более непосредственным по характеру, более масштабным по объему, более весомым по значению.

Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие, понимание культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность.

Итак, преемственность дает возможность новым поколениям вобрать в себя и развивать все лучшее, что было создано предшествующей историей человечества, обогатив в новых условиях многообразие нравственных ценностей общества.

Далее мы сможем сформулировать основные функции нравственных традиций. В первую очередь, необходимо заметить, что, естественно, глубина и степень действия функций традиций в разные исторические эпохи были неодинаковыми. Но люди с ними считались, как с неписанной Библией народа.

В образе жизни людей нравственные традиции выступали вместе и выполняли определенные социальные функции. Социальные функции можно отнести к разряду духовных ценностей. Социальные нормы, выраженные в традициях, проходя через обыденное мировоззрение и закрепившись в нем, выступали мощным средством регуляции поведения человека и коллектива людей. В жизни человека практически не было таких видов деятельности, которые не регулировались бы с помощью разнообразных и различных по значимости и важности социальных норм. Традиции выступали в качестве своеобразного «моста», соединяющего все проявления поведения человека в семье, коллективе, обществе в связи с какими-то событиями и явлениями. Действительно, люди, выполняя те или иные обрядовые ритуалы, регулировали свое поведение и соблюдали особые нормы, присущие только этому событию. В это время они никакой другой деятельностью не занимались, так как иные действия, иное поведение людей осуждались общественным мнением.

Новация знаменует переход традиционной системы в качественно новое состояние или возникновение такого системного образования, которое не существовало в прошлом. Для того, чтобы раскрыть сущность новации, необходимо изучить ее объективные основания, установить ее зависимость от предшествующего традиционного основания. Новое возникает либо на основе предшествующего, и оно обусловлено прошлым, либо вопреки прошлому. Именно поэтому невозможно появление абсолютно нового, то есть состояния, совершенно не связанного с предыдущим. Говоря об абсолютно новом, имеют в виду только одну качественную особенность многопланового объекта или явления.

Другие особенности нового неизбежно обнаруживают в нем сохранение или повторяемость черт или свойств, общих с предшествующими объектами или явлениями. Новация может характеризоваться появлением свойств, фаз, этапов развития, новых именно для данного процесса, когда в рамках уже существующей, сохраняющейся системы отдельные структурные элементы преобразуются в новое качество. Такая новация имеет модифицирующий характер, она призвана модернизировать уже имеющиеся средства и

способы удовлетворения общественной потребности, частично изменяя качественное состояние системы. Если изменения, совершающиеся в рамках модифицирующей новации, имеют обратимый характер и происходят в соответствии с заранее заданным набором возможностей, то радикальная новация предполагает более глубокие перемены содержания социокультурной информации, не предусмотренные в заданных вариантах ее модификации. Радикальные новации изменяют не отдельные элементы структурной целостности, а преобразуют ее основу, нарушая сложившиеся структурные связи, переводя всю систему в качественно новое состояние. Они создают принципиально новые формы и способы жизнедеятельности, открывающие качественно новые пути решения общезначимых проблем.

Проблема понимания новаций состоит в определении её значимости, в том, чтобы отличить ложные, мимикрирующие, формальные новации от тех новшеств, которые являются действительным проявлением прогресса, выводят на качественно новый уровень развития. Мнимые новации воспроизводят старые представления и модели поведения, маскируя эти традиционные формы при помощи нового обличья. В этом случае имеют место лишь формальные признаки новации, которые не наполнены соответствующим новым содержанием. Псевдоновации не меняют содержания старых форм и способов деятельности, изменяя только их внешнее проявление.

От степени изменения, которую предполагают нововведения, зависит скорость их распространения и полнота осуществления.

Одной из предпосылок новационных изменений является фиксируемое в обществе состояние дезинтеграции, неудовлетворенности сегодняшним положением вещей, социальная напряженность.

Таким образом, новационный процесс – это возникновение, распространение и существование новации. Новация появляется в ответ на определенные общественные потребности, возможно – потребности весьма малой группы, например, части экономической элиты, которые невозможно удовлетворять старыми, традиционными способами. Пока традиционные установки способствуют решению социальных задач, они эффективно используются. Но новые требования

жизни порождают иные образцы социальных отношений, и старые рамки традиции становятся тесными для новых форм и способов деятельности. Рамки старой традиции сохраняются до тех пределов, в которых возможно изменение традиционных установок. В.Б. Власова отмечает, что существует определенная граница совмещения формы и содержания традиции, дальше которой

изменение содержания представленных в традиции норм грозит разрушением самой формы. Старая традиция исчерпывается, когда следование старым установкам и образцам поведения не приводит к решению насущных социальных задач.

Библиографический список

1. Власова В.Б. и др. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке: [Монография]; Рос. акад. наук, ин-т философии. М.: ИФРАН, 2003.
2. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. М., 1990.
3. Плахов В.Д. Западная социология XIX-XX вв.: от классики до постне-классической науки. Эпистемологическое обозрение: учеб, пособие для студентов вузов; Юрид. ин-т. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2003.
4. Плахов В.Д. Традиции, их роль и место в общественных отношениях. Л., 1970.
5. Сафронов Ю.Н. Общественное мнение и религиозные традиции. М.: Мысль, 1970.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С-Пб.: «Университет-ская книга», 1997.

N. CHAVKIN

MORAL TRADITION AND INNOVATION AS A MATTER OF ETHICAL ANALYSIS

The article deals with the moral foundation of tradition and innovation as a manifestation of free creativity. Identifies the key characteristics of the traditions and innovations, and their dialectical interaction. Particular attention is paid to analysis of tradition as a form of continuity in the development of moral culture and moral values.

Key words: tradition, innovation, continuity, but a spiritual and moral values, moral culture and moral heritage.

ФИЛОЛОГИЯ

М.А. АЛЕКСАНДРОВА

аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI веков и истории зарубежной
литературы филологического факультета
Орловского государственного университета
E-mail: marinka-orel@bk.ru
Тел. 8 910 804 53 58

ЦВЕТОВЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭМЕ С. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЕВ»

В статье рассматриваются особенности создания и функционирования цветковых образов в поэме С.А. Есенина «Пугачев». Анализируются с точки зрения христианских (библейской), символистских и имажинистских принципов все цветковые ряды и отдельные цветообразы. Систематизируются и структурируются определения, содержащие прилагательное/существительное, обозначающие цвет.

Ключевые слова: цветообраз, цветовой ряд, функция цвета, имажинизм, христианские мотивы, символ

Цветовые образы в поэме С. Есенина «Пугачев» – органическое средство передачи авторского замысла, воплощения потусторонней силы, действующей наравне с героями поэмы, развивающейся и имеющей влияние на событийный ряд в художественном тексте. По замыслу автора, превращение природы в темную силу происходит с развитием действия от первых строк поэмы до кульминационного момента. «Одухотворение природы» актуализирует ее функции в поэме, добавляя действию мистицизма, но не символистского, а, скорее, фольклорного, на что указывают и многие исследователи творчества поэта, говоря о «чисто есенинских принципах построения описаний, органически слитых с народной поэзией» [1; 89]. Существовало мнение, что поэтический стиль Есенина существованием своим обязан фольклору; об этом нередко говорили современники поэта (например, Н. Кравцов [2; 193-203]). В более поздних исследованиях появляется иная трактовка есенинской образности: «Есенин не был формалистом <...>его образ возникал как продукт отражения действительности» [1; 98], обработанный поэтом в соответствии с его поэтическим методом. Мы видим обращение Пугачева к

мгле, свойственное народной поэзии, в монологе, открывающем поэму, и подобное «одушевление» предваряет мотив предательства осени:

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел. [3; 9]

Пугачев еще не узнал темную силу осени, поэтому доверительно восторгается ее атрибутами:

Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.

Осеннее золото вызывает у Пугачева притяжение, золотой цвет соотносится им с цветом Руси, с цветом кожи русского человека: «золото телесное, на родное золото славян» [3; 9]. Здесь «желтый», «золотой», «медный» еще не ассоциируются с предательством, но по мере развития действия мы все чаще встречаем эти определения в тексте. От строфы к строфе четкая уровневая градация цветописи создает не только необходимый автору образ, но работает и на создание настроения, эмоционального фона действия, поддержание внутренних психологических импульсов пугачевцев и их атамана. Гамма создаваемых Есениным дра-

матических событий очень насыщена: от голубого и красного – до желтого и черного, но наиболее ярко происходящие события характеризуют четыре цвета: черный и желтый-золотой-медный. В христианской традиции эти цвета наряду с многими другими, встречающимися в канонических текстах, имеют амбивалентную символичность. Интересующий нас черный цвет рассматривался

с негативной точки зрения как «цвет зла, греха, дьявола и ада, а также – смерти» [4; 38]. Второй стороной атрибуции черного цвета является монашество как процесс «ритуальной смерти для мира». Есенин очень осторожно использует этот цвет, вводя в повествование лишь шесть образов, содержащих эпитет «черный».

№ п/п	Цитата из текста поэмы	Страница, глава	Функция
1.	Наши б кони, длинно выгнув шеи, Стадом черных лебедей по водам ржи Понесли нас...	Стр. 16, II Бегство калмыков	Характеристика животного/птицы
2.	То черными лягушками в тину Пушки мечут стальную икру	Стр. 19, II Бегство калмыков	Характеристика животного/птицы
3.	Привязанная к нитке дождя, Черным крестом в воздухе Проболтнется шальная птица.	Стр. 25, IV Происшествие на Таловом уме	Характеристика животного/птицы
4.	Вас испугал могильщик, Который, череп разложив как горшок, Варит из медных монет щи, Чтоб похлевать в черный срок.	Стр. 28, IV Происшествие на Таловом уме	Характеристика событийности
5.	Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыркаться по золоту трав И сшибать черных галок с крестов голубых колоколен.	Стр. 41, VII Ветер качает рожь	Характеристика животного/птицы
6.	Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться, Чем лежать и струить золотое гниенье в полях, Чем глаза твои выключат черные хищные птицы.	Стр. 46, VII Ветер качает рожь	Характеристика животного/птицы

Как видно из приведенной выше таблицы, эпитеты «черный» сосредоточены в трех главах, являющихся центральными, событийно насыщенными в поэме. Пять из них характеризуют представителей флоры и фауны, что является еще одним сигналом для пугачевцев о готовящемся против них заговоре самой природы. Центральный образ, носящий определение «черный», располагается в условном центре поэмы, разделяя ее на две части: до появления «кладбищенского» плана и после. По мере развития действия мы отчетливее замечаем признаки приближения «черного срока», подтверждающегося природными знаменами. Главное, самое «жуткое» предзнаменование предстоящего предательства зримо предстает перед мятежниками в виде одного из важнейших христианских символов – креста: «Черным крестом в воздухе / Проболтнется шальная птица... [3; 25]. Пугачев сам предсказывает это предательство и свое по-

ражение, сравнивая осень со старым оборванным монахом, но в пылу нового предприятия заговорщики оставляют без внимания этот знак. Подобно кресту, обретенному равноапостольным Константином «в полуденные часы дня, когда солнце начало склоняться к западу... как составившееся из света и игравшее на солнце знамение» [4; 38], крест в поэме возникает в момент наибольшего напряжения действия. Вновь между есенинской поэмой и одним из христианских памятников возникает несовпадение, еще глубже оттеняющее принципиальную разницу между этими историями: Константину крест был дарован со словами «Сим побеждай» как реликвия, призванная поднять боевой дух и ставшая впоследствии боевой хоругвью; перед пугачевцами крест предстает как черное предзнаменование беды, поражения, смерти. Черный цвет выполняет свою основную функцию – ознаменование страдания, горя, смерти. Есенин композиционно

закрепляет эту идею, во второй раз вводя крест в повествование:

Посмотри! Там опять, там опять за опушкой
В воздух крылья крестами бросают
крикливые птицы.

На пике самых драматических событий, когда предательство осени уже свершилось, автор уговаривает кресты для распятия всем мятежникам, вводя в повествование множественное число существительного «крест». Несомненно, Есениным крест рассматривался как атрибут казни, известный человечеству со времен Римской Империи, о чем писали Петроний в «Сатириконе», Светоний в «Жизни двенадцати царей», Тертуллиан в

«Апологии». Распятие на кресте первостепенной целью имело не умерщвление плоти, а предание раба или пленного позору. [5; 27]. Примечательно, что этот вид казни был отменен императором Константином Великим, закрепившим крест на хоругви. И вновь, в противовес библейской истории, Есенин смещает функциональные аспекты: крест рассматривается как средство казни без последующего воскрешения. Именно поэтому в поведении пугачевцев ощущается первобытный страх, сопряженный с осознанием скорой расправы.

По-другому в поэме осознается белый цвет, мы наблюдаем в поэме четыре случая его употребления.

№ п/п	Цитата из текста поэмы	Страница, глава	Функция
1.	Три года, как коршун белый, Ни проезда не давал, ни прохода.	Стр. 18, II Бегство калмыков	Качество субъекта
2.	Разбив белый кувшин Головы его, Взошла на престол.	Стр. 26, IV Происшествие на Таловом уме	Качество объекта
3.	Подставлять ладони, как белые скользкие блюдца.	Стр. 43, VII Ветер качает рожь	Качество объекта
4.	Яблоновым цветом брызжется душа моя белая...	Стр. 43, VII Ветер качает рожь	Качество объекта

Метафоры, созданные Есениным в излюбленной манере «словесного жеста двух существительных», насыщаются цветом, преобразуясь в богатый цветообраз с символическим содержанием. В христианском понимании белый цвет являлся атрибутом Бога, символом чистоты, святости; это единственный цвет, который на протяжении всего развития христианских взглядов не имел отрицательных значений («даже белый саван означает <...> переход в иной, «лучший» мир, очищение от грехов» [4]). В тексте же поэмы белый становится амбивалентным, это проявляется уже в первом образе «коршуна белого». Здесь белый цвет можно рассматривать и как признак обмана (использование белого цвета при характеристике коварного, хитрого хищника), и как оксюморон (в сказочной традиции коршун – птица темная, злая, черная, что обыгрывается, например, в сказке А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди» [6; 511]). Белый цвет в поэме, в противовес библейской традиции, позиционируется автором как цвет

лжи, измены, предательства, поддерживая общую идею поражения Пугачева вследствие предательства природных сил.

Усиление смысловой и эмоциональной нагрузки цветописи происходит благодаря появлению в тексте поэмы цветового ряда, состоящего из желтого, золотого и медного цветов. В традиции раннего христианства желтый цвет имел положительный смысл: вместе с золотым он ассоциировался с солнцем, светом, золотом, соотносимым с «златовидностью царя небесного» [7]. Однако в период позднего средневековья этот цвет приобретает иной оттенок, его соотносят с лживостью, обманом, предательством Иуды. Медный же цвет в Библии в основном используется для характеристики церковной утвари или оружия, щитов, оков [8]. Амбивалентное значение этих цветов использовано и Есениным, который достаточно широко употребляет цветовые эпитеты для создания нужного фона совершающихся событий.

Каждый цвет имеет собственную группу употребляемых образов, характеризующуюся внутренней динамикой развития трагедийности

и насыщения основного цвета с тем, чтобы постепенно превратиться из желтого в золотой, как более насыщенный, и из золотого – в медный, постепенно впитав в себя кровавые события. Рассмотрим более детально каждый цвет. Употребление и функции желтого цвета.

Желтый цвет используется поэтом наиболее часто, функция желтого как цвета обмана, предательства реализуется полностью, вновь подчеркивая предательский характер осени. Осень – «подлая старуха», окрашивающая окружающую действительность в этот цвет. Поэтому неслучайно, что в половине случаев употребления определения «желтый» мы наблюдаем анимизацию объектов природы в динамичный образ животного с качеством «желтый». «Анимажы» [9; 109], традиционные для ранней поэзии Есенина, здесь приобретают еще одно воплощение – цветное, которое усложняет структуру таких

«звериных» образов. Еще четыре случая употребления определения «желтый» тем или иным образом связаны с погребальной тематикой, так как характеризуют гроб, кол, полчища скелетов, пробитую «башку ольхи». Примечательно, что такие мотивы возникают после того, как становится известно о поражении всего восстания и крахе надежд Пугачева. Лексика смерти и кладбищенские атрибуты усугубляют трагизм ситуации, принося в повествование траурный элемент. Таким образом, использование анималистических образов создает тревожный фон предчувствия беды, композиционно обрамляющий тему смерти – погребения – расплаты. Желтый цвет так же, как и черный, функционален и используется поэтом для создания необходимого зрительного полотна, на котором разворачивается предательство не просто сподвижников, но самой природы.

№ п/п	Цитата из текста поэмы	Страница, глава	Функция
1.	Луна, как желтый медведь, В мокрой траве ворочается	Стр. 8, I Появление Пугачева в Яицком городке	Анимаж
2.	Видишь, как под усмирительный меч Прыгают кошками желтыми Казацкие головы с плеч	Стр. 14, II Бегство калмыков	Анимаж
3.	И калмык нам не желтый заяц	Стр. 16, II Бегство калмыков	Анимаж
4.	Подымая руку, как желтый кол	Стр. 26, IV Происшествие на Таловом уме	Характеристика предмета
5.	Ежедневно молясь на зари желтый гроб	Стр. 32, V Уральский каторжник	Сравнение
6.	Месяц, желтыми крыльями хлопая...	Стр. 35, VI В стане Зарубина	Анимаж
7.	С пробитой башкой ольха, Капая желтым мозгом	Стр. 36, VI В стане Зарубина	Олицетворение
8.	Желтые полчища пляшущих скелетов	Стр. 40, VII Ветер качает рожь	Характеристика предмета
9.	Я хотел бы поверить, что эти звезды — не звезды, Что это — желтые бабочки, летящие на лунное пламя	Стр.42, VII Ветер качает рожь	Анимаж
10.	Скачут там ш ерстожелтые горные реки	Стр. 47, VIII Конец Пугачева	Сравнение

Интонационно и функционально более спокойным в раскрытии процесса предательства выступает золотой цвет. Он уступает желтому

по драматизму характеризуемых образов и по частоте употребления, а также по функциональной насыщенности.

№ п/п	Цитата из текста поэмы	Страница, глава	Функция
1.	Посмотреть на <i>золото</i> телесное, На родное <i>золото</i> славян.	Стр. 9, I Появление Пугачева в Яицком городке	Качество антропоморфного предмета
2.	Потянулись в <i>золото</i> степей. Наши б кони, длинно выгнув шеи,	Стр. 16, II Бегство калмыков	Качество объекта
3.	Уж золотые яйца листьев на земле Им деревянным брюхом не согреть,	Стр. 18, III Осенней ночью	Характеристика природного явления
4.	Чтобы вскипела месть Золотою пургой акаций,	Стр. 24, III Осенней ночью	Характеристика деятельности
5.	Луны лошадиный череп Каплет <i>золотом</i> сгнившей слюны.	Стр. 37, VI В стане Зарубина	Качество антропоморфного предмета
6.	Мне хотелось бы, как мальчишке, кувыряться по <i>золоту</i> трав	Стр. 41, VII Ветер качает рожь	Качество объекта
7.	Я уверен, что завтра ж, Лишь <i>золотом</i> плонет рассвет,	Стр. 44, VII Ветер качает рожь	Качество антропоморфного предмета
8.	Лучше оторваться и броситься в воздух кружиться, Чем лежать и струить золотое гниенье в полях,	Стр. 46, VII Ветер качает рожь	Характеристика природного явления
9.	Золотою известкой над низеньким домом Брызжет широкий и теплый месяц.	Стр. 51, VIII Конец Пугачева	Характеристика природного явления

Определение «золотой» употреблено в тексте поэмы лишь 4 раза, еще 5 раз употребляется существительное со значением «золотой», которое имеет более высокую стилистическую принадлежность. Рассматриваемые нами определения даны в хронологическом порядке употребления их в тексте поэмы, что позволило нам проследить общее движение данной цветовой линии. Определения, созданные при помощи существительного «золото» характеризуют объекты окружающей действительности, элементы осенней природы (степь, трава) и предметы антропоморфной принадлежности, что в совокупности отражает взаимодействие природных и человеческих сил в поэме, противостояние и их сближение и противопоставление.

Определения, выражаемые прилагательным «золотой», в значительно меньшей степени отражают драматичность событий и призваны лишь наметить контуры и очертания пейзажного фона. Они подчинены общей задаче: наметить идейный переход от предвестия трагедии к самим трагическим событиям, венчающим финал поэмы. Золотой цвет в христианской символике – цвет божественный, величественно-царственный – в поэме Есенина превращается в посредника между двумя крайними цветами динамического ряда превращений желтый → золотой → медный. И

в отличие от желтого цвета, являющегося принадлежностью зооморфических взглядов поэта, характеризующего свойства, в большинстве своем, животных-птиц-насекомых, золотой, обладая изначально антропоморфной принадлежностью, характеризует человека и отдельные предметы, принадлежащие ему. В данном случае возможно также рассмотрение некой оппозиции «желтого» – «золотого» с позиции принадлежности к характеризованному предмету «животное» – «человек» соответственно. Изначально связываемое с возникновением данных цветовых ассоциаций: желтый – цвет природный, цвет солнечного света; золотой – цвет искусственный, цвет металла, добываемого и обрабатываемого человеком, – противопоставление прослеживается и у Есенина, что, несомненно, придает динамичность действию.

Последний цветообраз данной трехуровневой системы – медный, наиболее содержательный и драматичный.

№ п/п	Цитата из текста поэмы	Страница, глава	Функция
1.	Мне нравится степей твоих <i>медь</i> И пропахшая солью почва.	Стр. 8, I Появление Пугачева в Яицком городке	Сравнение
2.	Как скелеты тощих журавлей, Стоят ощипанные вербы, Плавя ребер <i>медь</i> .	Стр. 19, III Осенней ночью	Антропоморфизм
3.	Вас испугал могильщик, Который, череп разложив как горшок, Варит из медных монет щи	Стр. 28, IV Происшествие на Таловом умете	Качество предмета
4.	Так давайте ж по липовой <i>меди</i> Трахнем вместе к границам Уфы.	Стр. 35, V Уральский каторжник	Сравнение
5.	Я хочу снова отроком, отряхая с осинника <i>медь</i> ...	Стр. 43, VII Ветер качает рожь	Сравнение
6.	Слава Богу! конец его зверской резне, Конец его злобному волчьему вою. Будет ярче гореть теперь осени <i>медь</i> ...	Стр.51, VIII Конец Пугачева	Сравнение

Данный цветообраз встречается в тексте поэмы лишь однажды: в кульминационной для действия поэмы главе, в которой сосредотачиваются все основные драматические события, приведшие впоследствии к поражению и предательству Пугачева соратниками. Еще пять раз в поэме употреблено существительное «медь». Смысловая наполненность данных определений демонстрирует характеристику природных явлений и создает довольно сложный для осмысления образ, включающий в себя элементы зооморфизма, антропоморфизма и олицетворения, который рассматривается нами как переход от предательства природы к предательству человека. Примечательно, что в христианском, а точнее – в библейском понимании, слово «медь» иногда употребляется как символическое выражение гордости и крайней безнравственности, а иногда служит эмблемою твердости и силы [8]. По библейским свидетельствам, из меди изготавливались и языческие идола, имевшие связь с силами природы и зооморфным воплощением этих сил. И всюду вокруг Пугачева какая-то неясная темная сила рассыпает золото и медь, подкупая саму природу на предательство:

...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы [3; 50]

Исследователи давно сходятся во мнении о многофункциональности есенинских

цветообразов [10; 11], которые с успехом выполняют психологическую, стилистическую, эмоционально-экспрессивную, предметно-оценочную и многие другие функции. В приведенных нами таблицах мы, в первую очередь, рассмотрели предметно-изобразительную функцию, поскольку в поэме цветообраз создает, преимущественно, необходимый антураж для развития драматического действия, однако сама эта драматическая содержательность вкупе с трагедийными мотивами претворяется в жизнь благодаря, в том числе, и образам, созданным посредством цветовых определений. Христианский (библейский) символизм, прослеженный нами в каждом цветовом образе поэмы, позволял автору выявить контрасты и подчеркнуть трагизм происходящих в поэме событий. В обратной трактовке событий и образов Библии, в искусном употреблении цветовых символов воплощается новаторский метод Есенина, соединивший в себе символистские, имажинистские и фольклорные традиции, переосмысленные и художественно воплощенные в пределах его собственной образной системы.

Библиографический список

1. *Сергей Есенин*. Исследования, мемуары, выступления (под общей редакцией Ю.Л. Прокушева). М.: Изд-во «Просвещение». 1967.
2. *Кравцов Н.* Есенин и народное творчество // Сб-к «Художественный фольклор», т. IV-V. М. 1929
3. *Есенин С.А.* «Пугачёв» и др. поэмы // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (гл. ред. Ю.Л. Прокушев). М.: Наука; Голос, т. 3. 1998.
4. *Базыма Б.А.* Психология цвета: Теория и практика. М.: Изд-во «Речь». 2005.
5. *Базыма Б.А.* Психология цвета: Теория и практика. М.: Изд-во «Речь». 2005.
6. *Смирнова И.* Тайная история креста: Все о древнем мистическом символе человечества. – М.: «ЭКСМО». – 2006. – 236 с.
7. *Пушкин А.С.* Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. С. 506–533.
8. <http://www.photonik.ru/compozy/148-simbol>
9. *Эпштейн М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М. «Высшая школа». 1990.
10. *Перельгин П.В.* Цветообразная поэтика в творчестве С.А. Есенина и Н.М. Рубцова. Опыт сопоставительного анализа: Автореф. дис. канд. фил. наук. Тамбов, 2008.

M.A. ALEKSANDROVA

COLOR IMAGES IN THE POEM “PUGACHEV” BY S. ESENIN

The article highlights peculiarities of creating and functioning of color images in the poem “Pugachev” by Esenin. All the color ranges and certain color images of the poem are analyzed from the point of view of Christian (Biblical), symbolist and imaginistic principles. Attributes containing adjectives, nouns denoting color are systematized and structured.

Key words: colour, line, colour function, imomsinism, Christian motives, symbol.

Н.Н. АРСЕНТЬЕВА

доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы
XX – XXI вв. и истории зарубежной
литературы Орловского государственного
университета
Тел. 8 910 306 23 00

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В СОЧИНЕНИЯХ В. СОЛОВЬЕВА И Д. МЕРЕЖКОВСКОГО

В статье рассматриваются основные положения эстетической теории В. Соловьева и Д. Мережковского в соотношении с их религиозно-философскими взглядами..

Ключевые слова: символизм, мистическое сознание, религиозная теория искусства, эстетические воззрения.

Начавшийся в XVII веке процесс отделения художественной мысли от религиозной не стал необратимым. Напротив, в творчестве русских классиков «золотого века» именно соединение религиозной интуиции с литературным даром создали лучшие, бессмертные сочинения. К концу XIX века возрождение религиозного духа русской литературы становится осознанной художественной задачей. От земного, житейского искусство снова возвращается к мистическому осмыслению бытия, но уже на новом уровне художественного сознания.

Ведущая роль в разработке религиозной теории нового искусства принадлежит В. Соловьеву, поэту и философу; в его сочинениях «Философские начала цельного знания» (1877), «Красота в природе» (1889), «Общий смысл искусства» (1890), «Первый шаг к положительной эстетике» (1894), «Три речи в память Достоевского» (1881-1883) вырабатываются представления о целях и задачах искусства, вытекающие из христианского миропонимания.

Источником эстетических воззрений В. Соловьева стала вера в воскресение Христа и установление царства Божия на земле. Человечество воспринимается как единый вселенский организм, как вечное тело Божества и вечная душа мира, иначе называемая «Софией». Красота света божественной славы, впервые про-

сиявшая на горе Фавор в момент преображения Христа, призвана, по мысли В. Соловьева, просветлить несовершенную человеческую природу и обожить весь тварный (созданный) мир. Мировая история есть трудный процесс перехода от зверочеловечества к богочеловечеству, в ходе которого образ и подобие зверя заменяется в человеческой природе образом и подобием Божьим. Богочеловечество – это качественно новый уровень нравственной организации Бытия, при котором осуществим идеал бессмертия, ибо только в единении с Богом, т. е. единым абсолютном Добра и Блага, человек становится наследником вечной жизни. Согласно соловьевской концепции, к этому новому, идеальному состоянию бытия человечество подводят три равнодействующих движущих силы духовного развития. Это Церковь в сфере общественной жизни, теология в сфере знания и мистика в сфере творчества. Вместе они образуют одно органическое целое, которое служит связующим звеном между миром человеческим и миром божественным. Мистическое сознание должно быть неотъемлемым свойством подлинного искусства, позволяющим ему передавать ощущение высшего духовного начала жизни. Учение В. Соловьева о мировой душе, воспринимающей божественное содержание жизни, отразилось и на его понимании сущности и задач искусства. Он нацеливает искусство на поиски

соответствий между реальной действительностью и сверхприродной, божественной красотой мира. Ее раскрытие в художественном произведении означает соприкосновение с религиозным идеалом. Таким образом, важнейшей задачей нового искусства становится отражение идеала красоты. Вместе с тем, оно призвано не только открывать божественное, трансцендентное в мироздании, но и содействовать общему движению всемирной истории к духовному преображению и просветлению человечества, стать связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни в Боге. В этом и заключается его спасительный (или сотериологический) смысл: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и на самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [1]. Высшая форма искусства, по Соловьеву, – это синтез религиозного и художественного опыта, «свободная теургия», или «цельное творчество». Оно и является составной частью единого общечеловеческого организма, наряду со свободным богословием и теократией – государственно-церковным устроением. Эти три начала в человеческой жизни сообщают обществу высшую цель и безусловную норму деятельности.

Заслуга В. Соловьева в том, что он выразил и философски обосновал религиозно-нравственное предназначение художественного творчества, противопоставив его двум бытовавшим в его эпоху эстетическим теориям – искусству как служению «злобе дня», общественно-политическим идеалам, провозглашаемым революционно-демократической критикой, и теории «чистого искусства», свободного от запросов общественной жизни.

Сходные с В. Соловьевым взгляды на религиозную природу искусства и эстетическое отношение искусства к действительности развивает Д. Мережковский. В книге «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» (1893), статьях «Акрополь» (1897), «Достоевский» (1890), «Мистическое движение нашего века» (1893) Д. Мережковский вырабатывает эстетические воззрения, которые связывают художественное творчество с высшими целями человеческой жизни. Не принимая теорию «чи-

стого искусства», он с сожалением отмечает: «Реакционное, бездарное поклонение мнимым идеалам «чистого искусства» наводнило русскую литературу не меньшим количеством слабых и уродливых произведений, чем бездарное народничество» [2]. Но весь свой критический пафос он сосредотачивает на гражданской тенденциозности литературы его времени, в которой он видел упадок и деградацию реализма. Характеризуя современное состояние искусства, Мережковский ставит ему суровый диагноз: стараясь копировать жизненные явления, рабски служить «злобе дня», удовлетворять общественным вкусам настоящего момента, оно удаляется от духовно значимых целей и теряет свою художественность. Но, по его мнению, «уже являются художники, которые, исходя из господствующего реализма и еще оставаясь в значительной мере на его низменной почве, вместе с тем доходят до религиозной истины, связывая с ней задачи своих произведений, из нее черпают свой общественный идеал» [3]. К писателям такого направления Мережковский относит в первую очередь Ф. М. Достоевского. Еще одним вдохновляющим источником нового искусства была для Мережковского античная культура. Акрополь и Парфенон, памятники древнегреческой культуры, становятся для него символами нетленной гармонии и красоты. «Все, что мы разделяем так мучительно и упорно; все, что доводит нас до невыносимых противоречий, – небо и земля, природа и люди, добро и зло – сливалось для древних в одну гармонию. Творчество художника было высшим подвигом, и подвиг героя – высшей степенью красоты» [4]. Гармонически примирить антиполюсы жизни, по Мережковскому, ее противоречия, дать ощутить божественное начало жизни способна личность художника – творца культуры.

Опираясь на достижения реалистического метода, Мережковский создает теоретические основы искусства символизма. Отстаивая религиозно-нравственное содержание искусства, он формулирует три основополагающих его принципа – мистический смысл, символы и расширение художественной впечатлительности. Мистическое содержание предполагает художественное внушение мысли о том, что в основе мира лежит божественная тайна, что наряду с привычным материальным миром есть

мир идеальный. Ведущим способом художественного познания иррациональной сущности бытия Мережковский считает язык символов: «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности» [5]. С точки зрения писателя, символика, присущая и античному искусству, и шедеврам мировой литературы, всегда имела под собой реалистическую почву, но позволяла выявлять универсальные категории бытия: «Разве Алькетис Эврипида, умирающая, чтобы спасти мужа, – не символ материнской жалости, которая одухотворяет любовь мужчины и женщины? Разве Антигона Софокла – не символ религиозно-девственной красоты женских характеров, которая впоследствии отразилась в средневековых Мадоннах» [6]. Символичны для Мережковского характеры Дон Кихота и Гамлета, Фауста и Фальстафа.

Д. Мережковский и В. Соловьев видели будущее искусства прежде всего в развитии на-

ционального духа, обращении к темам русской истории и культуры. В этом они были близки творческим исканиям И. Бунина, Л. Ремизова, И. Шмелева, Б. Зайцева, Л. Андреева, А. Блока и А. Белого, а в живописи – Нестерова, Кустодиева, Васнецова. Эти писатели и художники стали представителями корневого, почвенного направления в искусстве символизма. В русском национальном фольклоре, обычаях и нравах русского народа, национальной истории они находили непреходящие религиозно-нравственные ценности и идеалы красоты. Философско-эстетические взгляды В. Соловьева и Д. Мережковского о пророческом значении художественного творчества и его роли в религиозном обновлении жизни, спасении человечества были развиты и продолжены «младосимволистами» – Блоком, Белым, Вяч. Ивановым.

Примечания

1. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. II. М., 1988. С. 400.
2. Мережковский Д.С. Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М 1991. С.69.
3. Там же. С. 35.
4. Там же. С. 24.
5. Там же. С.42.
6. Там же.

N.N. ARSENTJEVA

RELIGIOUS AND PHILOSOPHIC BASIS OF AESTHETICS OF RUSSIAN SYMBOLISM IN THE WORKS BY V. SOLOVJOV AND D. MEREZKHOVSKY

The article is devoted to research the basic positions of the aesthetic theory by V. Solovjov and D. Merezhkovsky in the correlation with their religious and philosophic views.

Key words: symbolism, religious thiorry of art, aesthetic opinions.

Т.П. АКИМОВА

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и методики
его преподавания, докторант кафедры
общего и славяно-русского языкознания
Волгоградского государственного педагогического университета

E-mail: akimova_t@rambler.ru

Тел. 8 927 509 80 48

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭТИКЕТНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРАХ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются высказывания с интенциями приглашения, поздравления, пожелания, извлеченные из писем М. Горького и М.А. Шолохова. Установлено, что национально-культурная специфика может быть связана с содержательными характеристиками речевого жанра и с его языковым оформлением. Кроме того, соотношение «русских» и «европейских» поздравлений в эпистолярной литературе может служить для характеристики особенностей менталитета личности.

Ключевые слова: лингвокультурология, эпистолярный текст, высказывание, речевой жанр, языковая личность.

Эпистолярный текст представляет собой многомерное и разноплановое образование, сочетающее свойства устной и письменной речи. Традиция, в соответствии с которой эпистолярный текст рассматривается как жанр речи, берет свое начало в трудах М.М. Бахтина. Согласно концепции ученого, положенной в основу одного из современных направлений отечественной лингвистики, речь в типичных ситуациях реализуется посредством уже готовых форм – речевых жанров (далее – РЖ); для каждого из них характерно единство тематического содержания, стиля и композиционного построения. Подчеркивая многообразие и разнородность РЖ, ученый включает в их состав и письмо [1, с. 159-160].

Идеи М.М. Бахтина в области классификации РЖ определили место письма в рассматриваемой «системе координат». В частности, в его работах РЖ делятся на первичные (простые) и вторичные (сложные) [1, с. 161]. В дальнейшем исследователи сходятся в определении письма как вторичного РЖ. Так, по мнению Ст. Гайды, письмо представляет собой сложный РЖ, под

которым понимается «типизированная последовательность речевых актов, структура которого имеет относительно конвенциональный характер» [4, с. 104]. О.П. Фесенко, анализируя текст дружеского письма через призму понятия «дискурс», приходит к выводу, что эпистолярный – не что иное, как гипержанр. Автор отмечает, что «набор речевых жанров, составляющих структуру эпистолярного дискурса, будет зависеть от экстралингвистических факторов (личностей автора и адресата, их коммуникативных установок и ситуации общения)» [15, с. 174].

Используя известную классификацию РЖ, созданную Т.В. Шмелевой, где главным критерием разграничения жанров является коммуникативная цель [16], А.В. Курьянович представила типологию первичных речевых жанров, составляющих письмо [10, с. 114].

Исследователи языка сквозь призму культуры и в частности А. Вежбица отмечают, что «речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [3, с. 111]. Прежде

всего, это проявляется в том, что «жанровое своеобразие каждой культуры определяется <...> набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре [8, с. 6]. Особенно ярко выражена национально-культурная специфика речевой коммуникации в жанрах фатического общения: «фреймы речевой фатики в значительной степени определяются традициями той или иной культуры <...>. Потому здесь большую роль играют социально-культурные стереотипы речевого поведения носителей языка» [13, с. 25].

Цель данной работы – установить закономерности воплощения РЖ поздравления, пожелания и приглашения в русском эпистолярном тексте с формальной и содержательной точек зрения и тем самым представить маркеры национально-культурной специфики русскоязычной эпистолярной коммуникации. В качестве материала для исследования послужило эпистолярное наследие классиков русской литературы XX века – М. Горького и М.А. Шолохова.

Обратимся к лингвокультурологическому анализу РЖ приглашения. Количественный анализ высказываний с интенцией приглашения показал, что они весьма частотны в русском частном письме. Так, в эпистолярном наследии М. Горького, составляющем 1195 писем, отмечено 70 таких высказываний, в эпистолярной М.А. Шолохова (499 писем) – 27 высказываний. Они обычно находятся в конце письма, перед РЖ прощания.

Исследователи отмечают, что в англоязычных письмах РЖ приглашения оформляются преимущественно посредством повествовательных высказываний; кроме того, «...в соответствии со стратегией вежливости (дающей адресату возможность отклонить приглашение) можно отметить употребление модальных глаголов и модальных фраз, призванных смягчить категоричность формулировок [2, 163-164]. Сравнивая коммуникативное поведение носителей русского и английского языка в ситуации приглашения, Т.В. Ларина приходит к следующему выводу: «если английские коммуниканты, приглашая, <...>, делают акцент на его желания и интересы, показывают, что выбор за ним, то русские коммуниканты, напротив, оказывают прямое давление на адресата, приглашают настойчиво, не предоставляют выбора, демонстрируют свою заинтере-

ресованность в принятии приглашения, делают акцент на свои желания» [11, с. 192]. Рассмотрим подробнее, каким образом данные особенности русскоязычного общения реализуются в эпистолярном тексте.

В неофициальных письмах для реализации РЖ приглашения не характерно использование эпистолярных клише, однако можно выделить наиболее частотные модели высказываний с интенцией приглашения (в примерах, приводимых ниже, они подчеркнуты). И действительно, в письмах довольно активно используются императивные высказывания: в эпистолярной М. Горького слово *приезжай(те)* употреблено 35 раз, а в письмах М.А. Шолохова – 15. Примерно в 3-4 раза реже авторы используют повествовательные конструкции типа *Жду / ждем Вас / Вашего приезда; Приглашаю / приглашаем Вас; (Милости) прошу / просим приехать; Если приедете, буду рад / будем рады*), а также и вопросительные: *((Не) хотите / сможете / соберетесь / надумаете ли приехать? (Не) приедете ли?)*.

В русском частном письме выбор той или иной конструкции для реализации интенции приглашения во многом зависит от соотношения социальных ролей автора и адресата письма. Например, в письмах М. Горького к А.П. Чехову РЖ приглашения часто реализуются с помощью вопросительных высказываний, а в письмах М.А. Шолохова к Н.С.Хрущеву и Л.С. Брежневу – посредством повествовательных конструкций: *Если б я раньше знал, что Вы в Москве! Я попросил бы Вас, не можете ли Вы приехать сюда, на денек? <...> А все-таки, может, приедете с Немировичем? [5, с. 182]; *В этом году Вы поедете отдохнуть на юг и мы были бы безмерно рады, если бы Вы заехали к нам на столько, сколько сочтете для себя возможным [17, с. 458-459]; *Леонид Ильич, дорогой! В октябре этого года исполнится 28 лет нашей дружбы, и это дает мне право пригласить тебя в гости... [17, с. 567].***

Повествовательные и вопросительные конструкции также используются (хоть и намного реже побудительных) в письмах к родным и близким: *Крепко обнимаю тебя и жду в Вешки [17, с. 472]; *Во первых строках моего письма дозволь спросить, как ты живешь и скоро ли освободишься и приедешь в Вешенскую? [17, с. 135-136].**

В анализируемом материале отмечены случаи употребления нескольких высказываний, реализующих интенцию приглашения, в одном микротексте, в том числе и их повтор. Такой способ реализации РЖ приглашения часто используется, если социальный статус адресата сообщения выше, чем у автора письма: *Потом, Ант. Павлович, — не вздумаете ли Вы приехать в Нижний? Как здесь красиво теперь, как мощно разлилась река! Приезжайте! У меня большая квартира, и Вы остановились бы у нас. Моя жена — маленький, простенький и миленький человечек — страшно любит Вас. <...> Приезжайте, мы встретим Вас — как родного. Я буду надеяться* [5, с. 77-78].

«Давление» пишущего на адресата, принятое в среде русскоязычных коммуникантов, представлено не только на уровне оформления РЖ, а именно в предпочтении императивных высказываний, в наличии в одном микроконтексте нескольких высказываний с интенцией приглашения или их повтора. Его можно обнаружить и на содержательном уровне, в частности, в представлении причины, по которой адресату следует принять приглашение автора.

В качестве доказательства данного положения рассмотрим мотивировки приглашения, отмеченные в русских письмах. Их можно разделить на две группы: 1) описание видов деятельности, планируемые автором письма для адресата: *Вот — не хотите ли сюда приехать? Нам дают в полное распоряжение целый дом в горах, и жили бы мы тут, яко у Христа за пазухой* [5, с. 430-431]; 2) указание на то, что автор письма хочет встречи с адресатом: *Очень хочу тебя видеть, хочу обнять тебя и расцеловать за долгое время разлуки. <...> Жду тебя и всех Турковых в Вешки!* [17, с. 638].

Далее рассмотрим лингвокультурную специфику реализации в эпистолярном тексте РЖ поздравления.

Воплощается рассматриваемый РЖ посредством перформативных высказываний (они подчеркнуты в примерах, приводимых ниже): «полная реализация жанра поздравления предполагает речевое действие (*поздравляю*) и сообщение о событии-поводе. <...> В реальном общении чаще всего обнаруживаются варианты, в которых некоторых компоненты поздравления

отсутствуют» [14, с. 199]. Как видим, данный РЖ, в отличие от рассмотренного выше РЖ приглашения, реализуется посредством речевого клише. Однако это не означает, что при его реализации в письмах не находят отражения особенности русского менталитета.

РЖ поздравления представляет собой реакцию на событие с перфектной перспективой. События, предшествующие поздравлениям, можно классифицировать следующим образом:

I. Календарные праздники:

1) государственные и/или общенациональные: *Поздравляю с Новым годом Вас, Л[юбовь] М[арковну], дочку и всех добрых людей, кои около Вас* [6, с. 196]; *Пользуясь случаем, поздравляю с наступающим праздником 1 Мая* [17, с. 633];

2) персональные: *Итак — Вы отработали в русской литературе как поэт и прозаик 35 лет. Искренно и горячо поздравляю Вас* [7, с. 378]; *Дорогой Алексей Павлович! Сердечно поздравляю с днем рождения* [17, с. 600];

3) профессиональные: *От всей души поздравляю творцов русской науки с их праздником, который есть в то же время праздник всех разумных людей нашей страны* [6, с. 500]; *Горячо поздравляю вас с 33 годовщиной Советской Армии. Вы — в небе, вы — в воздухе...* [17, с. 381];

II. Достижения адресата, признаваемые:

1) автором письма: *«Разина» читал с наслаждением, от всей души поздравляю Вас — хорошо пишете, сударь! очень хорошо* [6, с. 489]; *Получил письмо и вашу книгу. Добротное исследование. Поздравляю* [17, с. 615];

2) обществом: *Ваши стихи в «Современном мире» всем нравятся — поздравляю, сердечно рад за Вас!* [6, с. 380]; *Дорогой Никита Сергеевич! От всего сердца поздравляю Вас с высокой наградой...* [17, с. 432];

III. Приятные изменения в жизни адресата: *Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место* [6, с. 530]; *Сердечно рады внуку, еще раз поздравляем вас...* [17, с. 632].

По мнению исследователей, ярко характеризует русскую языковую личность низкая частотность поздравлений с событиями в общественной и личной жизни адресата по сравнению с поздравлениями с календарными датами, наступление которых не связано с деятельностью людей. В от-

личие от пассивности, характерной для русского человека, носителей английского языка отличает деятельностный подход к жизни, который проявляется в языке в том, что адресат поздравляется «только в случае личных достижений, с тем, что зависело от самого человека, его усилий, воли, трудолюбия, настойчивости и т.д.» [11, с. 60].

Следовательно, сравнительно большое количество поздравлений, связанных с деятельностью адресата, в эпистолярном наследии конкретного автора может служить свидетельством «европеизации» его мышления в этой области. В качестве примера можно привести М. Горького, который, как известно, долгое время жил в Италии. В его эпистолярном наследии представлено 20 поздравлений, мотивом которых явились события, обусловленные целенаправленной деятельностью адресата (всего же в его эпистолярии отмечено 50 высказываний с интенцией поздравления). Для сравнения: в эпистолярии М.А. Шолохова отмечено из 19 высказываний, реализующих РЖ поздравления, из которых только 4 связаны с деятельностью адресата.

Как видим, в РЖ поздравления, в отличие от рассмотренного выше РЖ приглашения, лингвокультурная специфика реализуется только на уровне содержания высказывания. В РЖ пожелания, как будет показано ниже, национально-культурные особенности представлены как на уровне содержания, так и на уровне языкового оформления.

РЖ пожелания в письмах обычно сопровождают РЖ поздравления и прощания. Высказывания с интенцией пожелания используются со следующими целями: «1) соблюдение правил этикета; 2) выполнение просьбы о высказывании пожелания (каузированные высказывания пожелания); 3) демонстрация своей осведомленности о событиях в жизни собеседника; 4) экспликация внимания и симпатии к нему» [12, с. 138].

Рассматриваемые РЖ могут реализоваться как с помощью перформативов (*желаю здоровья, счастья, успехов* и т.п.), так и посредством побудительных высказываний (*будь здоров, бодр* и т.п.). С точки зрения повторяемости пожелания в письмах можно разделить на две группы: стандартные, или клишированные (примеры представлены выше) и индивидуализированные, т.е. связанные с деятельностью адресата, происходя-

щей или планируемой им на ближайшее время, о которой знает пишущий.

Исследователи отмечают, что выбор языковых средств для реализации РЖ пожелания зависит прежде всего от социальной дистанции участников коммуникации. «В немецком языке эффект близости между интерактантами достигается в основном за счет внутренней модификации имеющихся в наличии нейтральных речевых средств для выражения пожелания; для нейтральных и нулевых отношений характерны клишированные варианты пожеланий. В русском языке близкая и нейтральная дистанции маркируются наличием индивидуализированных, чаще всего эксплицитно-перформативных и модифицированных пожеланий; отсутствием пожеланий характеризуются нулевые отношения» [9, с. 9].

В результате анализа частотности употребления стандартных и индивидуализированных высказываний с интенцией пожелания в частных письмах русских писателей было установлено, что пожелания используются ими примерно в каждом третьем письме (337 РЖ пожелания в 1195 письмах М. Горького и 129 пожеланий в 499 письмах М.А. Шолохова).

Индивидуализированные пожелания используются авторами писем преимущественно для того, чтобы подчеркнуть свое теплое отношение к адресату, осведомленность о его текущей деятельности. Как правило, социальный статус адресата таких пожеланий выше, чем у автора. Так, приведенные ниже примеры извлечены из писем А.П. Чехову и Н.С. Хрущеву: *Крепко жму руку и желаю написать драму* [5, с. 122]; *Крепко Вас обнимаю и желаю доброго здоровья и успеха в работе над докладом* [17, с. 457].

В остальных случаях наиболее вероятно использование клише, причем у каждого из авторов есть предпочтения в выборе одного или нескольких единиц из списка стандартных пожеланий. В качестве иллюстрации данного положения приведем соотношение клишированных пожеланий в эпистолярии М. Горького и М.А. Шолохова: а) перформативных: *желаю всего доброго* (72::25), *(доброгo / крепкого) здоровья* (50::33), *душевной бодрости / бодрости духа* (43::6), *успеха / успехов* (37::32); б) императивных: *будь(те) здоровы* (85::19), *бодры* (9::1). Как видим, пожелание бодрости более частотно в эпистолярии

М. Горького. Перформативные высказывания используются в письмах М. Горького более чем в два раза чаще императивных (233::104), а в письмах М.А. Шолохова – примерно в пять раз чаще императивных (108::21).

В письмах к близким автор может оформить стандартное по содержанию пожелание, избегая речевых клише и используя нарочито разговорные конструкции и даже грубую лексику: *Желаю Вам в течение ближайших пятилеток ни в коем разе не болеть* [17, с. 93]; *Обнимаю и желаю процветания даже на этой паскудной работе* [17, с. 234].

Исследователи отмечают, что русские пожелания вызывают нескрываемое удивление носителей английского языка, потому что в таких пожеланиях присутствует вера в то, что все это может как-то само по себе случиться и наши пожелания помогут этому [11, с. 39]. Полагаем, что здесь все-таки речь идет о несколько другом: автор использует пожелание как некий ритуал, призванный помочь адресату в достижении желаемого действия / состояния, которого можно и не достичь. Того, что есть или обязательно произойдет, желать не имеет смысла: *От чистого сердца желаю вам успехов в учебе и счастья в личной жизни. Здоровья я не желаю, потому что вы молоды, без моего пожелания должны быть здоровы, как черти* [17, с. 454]; *Желаю Вам*

счастливого пути, здоровья, успехов в поездке, а бодрости Вам — не занимать в соседях! [17, с. 465]. На наш взгляд, в данной ситуации можно говорить не о предполагаемом бездействии адресата в ожидании свершения значимых событий, а о фатализме автора, который не уверен, что усилия адресата приведут к нужному результату без помощи высших сил.

Таким образом, национально-культурная специфика русскоязычного общения, состоящая, по мнению исследователей, в выборе тактики вербального давления на адресата и, в то же время, в некоторой социальной пассивности, представлена в этикетных РЖ эпистолярного текста различными способами: 1) на содержательном уровне (мотивировка приглашения, ориентированная на интересы автора письма; поздравление преимущественно с событиями, наступление которых не связано с деятельностью адресата; пожелание того, что не может произойти без усилий со стороны адресата); 2) на формальном уровне (наличие побудительных высказываний, реализующих РЖ приглашения и пожелания). Кроме того, преобладание в эпистолярной конкретности автора поздравлений с событиями, требующими целенаправленных усилий адресата, позволяет охарактеризовать его как личность с элементами европейского менталитета.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари. 1996. С. 159-206.
2. Бусоргина Н.Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Самара. 2006. 193 с.
3. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99-111.
4. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж». 1999. С. 103-112.
5. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906 гг. М.: Худож. лит. 1954. 600 с.
6. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907-1926 гг. М.: Худож. лит. 1955. 671 с.
7. Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927-1936 гг. М.: Худож. лит. 1955. 819 с.
8. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: Издательский центр «Наука». 2007. С. 5-20.
9. Коморова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2005. 167 с.

10. Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: дис.... канд. филол. наук. Томск. 2002. 227 с.
11. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
12. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: дис.... канд. филол. наук. М. 1994. 159 с.
13. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-38.
14. Тарасенко Т.В. Поздравление // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 195-201.
15. Фесенко О.П. Дружеское письмо как дискурсивный гипержанр // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. Филология. 2008. № 2 (12). С. 168-175.
16. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж» 1997. С. 88-98.
17. Шолохов М.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма. 1924-1984 гг. М.: Советский писатель, 2005. 736 с.

T.P. AKIMOVA

**THE REPRESENTATION OF THE NATIONAL CULTURAL
PECULIARITIES OF COMMUNICATION IN ETIQUETTE
SPEECH GENRES OF RUSSIAN EPISTOLARY TEXT**

The article deals with the utterances with invitation, congratulation and wishes intentions elicited from M. Gorky and M.A. Sholohkov's letters.

It has been determined that national cultural specificity can be linked with the content characteristics of a speech genre and its language framing.

Besides, the correlation of «Russian» and «European» congratulations in epistolary may serve for the characterisation of the peculiarities of a person's mentality.

Key words: *cultural linguistics, epistolary text, utterance, speech genre, language personality.*

Ж. БАГАНА

*доктор филологических наук, профессор
кафедры французского языка Белгородского
государственного университета*

E-mail: baghana@bsu.edu.ru,

baghana@yandex.ru,

Тел. 8(4722) 30 13 28

Я.Ю. КРАВЕЦ

*аспирант кафедры французского языка
Белгородского государственного государственного
университета*

E-mail: jana.kravec@yandex.ru

Тел. 8(4722) 33 55 15

СУЩНОСТЬ ВТОРИЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается вторичное значение как способ лингвокреативного мышления. Исследуется данная тематическая группа в двух рассматриваемых языках. Сравниваются специфические особенности представленных продуктов, а также их вторичное значение и употребление в речи.

Ключевые слова: семантика, вторичное значение, идиомы, коннотация, гипероним.

Система номинативных средств языка представляет собой двухуровневую организацию, а именно включает в себя и первичное, и вторичное наименование. В свою очередь, оба уровня номинации составляют различные значения одной языковой единицы, хотя бы и находящиеся в деривационном отношении, т.е. производное вторичное значение образуется от производящего первичного по определённым, конкретным правилам, либо моделям [1, с.125]. Вторичные наименования имеют внутреннюю форму, осознаваемую носителями языка, это подтверждает, тот факт, что они всегда мотивированы.

Особенность отношения наименования в том, что имя может иметь лишь одно-единственное значение, в то время как один и тот же предмет может иметь ряд наименований. Возможность употребления нескольких имён для обозначения одного и того же объекта ставит задачу, как различные имена оказываются идентичными. Г. Фреге считал, что наименование информативно, так как оно отражает один из признаков обозна-

чаемого предмета, а также сообщает о нём. В семантической структуре наименования необходимо различать значение как отношение к обозначаемому предмету и, кроме этого, информацию (смысл), которая заключена в нём [2, с.92].

Переносные значения свободны в отличие от единиц первичной номинации, они не носят терминологический характер. Это объясняется тем, что они реализуются в контексте сосуществования прямых значений, которые имеются в языке слов, а также зависят от логических умозаключений из знаний о мире. Следовательно, слово в прямом значении осмысливается по памяти, а в переносном значении по правилам варьирования прямого значения. М. В. Никитин утверждает, что для того чтобы знать, что обозначает слово в прямом значении, необходимо помнить его значение. А для того чтобы знать, что обозначает слово в переносном значении, необходимо знать не только его исходное прямое значение, но и к тому же знать что-то о мире, о закономерностях ассоциирования понятий, о сущностях и их связях [1, с. 238-239].

Рассмотрим вторичное значение в тематической группе молочные продукты (молоко, творог, масло, сыр) на материале немецкого и русского языков. Молоко для европейцев является интернациональным продуктом. Тем не менее, в большинстве стран гастрономическая функция молока претерпела различные изменения. Во-первых, специфика его продажи, а также бытовые особенности его переработки. Во-вторых, национальная специфика приготовления некоторых блюд и напитков. Ввиду того, что молоко традиционно для кухонь обоих народов, уместно упомянуть о широком использовании вторичных значений с данной тематической группой как в немецком, так и русском языках. Однако в немецком языке вторичные значения представлены в большом количестве, так как только для немецкого языка характерны обратные вторичные номинации. Например: молоко - *Kuhsaft* – «сок коровы», разбавленное молоко – *nasse Milch* – «мокрое молоко», *Milch von der blauen Kuh* – «молоко от синей коровы», молоко высшего качества – *Milch von glücklichen Kuh* – «молоко от счастливой коровы».

Количественный и качественный состав вторичных значений при равной гастрономической значимости молока как продукта питания немного отличается. Тематически соотнесённые идиомы наиболее характерны для немецкого языка. Сравним: *über vergossene Milch reden* – «говорить о чём-то давно решённом», *gelbe Milch* (жёлтое молоко) – «пиво», *aus sehen wie gespine Milch* – «быть бледным». У русского, а также и немецкого народа молоко являлось традиционно показателем достатка и благополучия, и на это были свои причины. Эти коннотации нашли своё отражение в словосочетаниях, характерных для каждой страны. Например: *Milch und Honig* – «молоко и мёд» – «изобилие», *wo Milch und Honig fließt* – «где течёт молоко и мёд», т.е. страна благоденствия; *страна где текут молочные реки* – изобилие.

Молоко – это не только самостоятельный продукт питания, оно имеет культурную значимость и как исходный продукт для приготовления кисломолочных, либо молочных продуктов (масло, творог, сыр).

Эквивалентом немецкого слова **Butter** является русское масло, подразумевается животное коровье масло. Но для русского и немецкого быта характерны некоторые фоновые расхождения. А

именно, различным видовым составом: рус. *топленое масло*; нем. *Kräuterbutter* – «масло с пряными травами». В быту русских масло с высоким содержанием жира считается хорошим маслом, в то время как для немецкого быта это совсем не характерно. В немецком быту виды масла с незначительным количеством молочного жира, а также с добавлением растительных жиров пользуются большей популярностью. Функциональные приоритеты этого продукта играют важную роль. В немецкой кухне масло выполняет больше бутербродную функцию, подтверждение данному факту можно увидеть в тематических словарях (русско-немецкий словарь пословиц и поговорок, 1984; Deutsches Universal Wörterbuch, 1996). Масло «*Butter*» находится в одной и той же парадигме с мармеладом *Marmelade*, творогом *Quark*, джемом *Jam*, объединённой общим гиперонимом *Brotaufstrich* – «масса, намазываемая на хлеб», а в русской же кухне масло чаще используется для приготовления разных блюд.

Масло имеет высокую значимость, именно это позволяет наиболее ценить его в бутерброде: *kaum die Butter auf dem Brot haben* – «жить бедно», *Butter aufs Brot* – «иметь хороший заработок»; *хлеб с маслом* - достаток, кататься как сыр в масле – «жить без забот».

В немецком и в русском языках есть ряд фразеологизмов, в основу которых положены качественные характеристики продукта (масло). Сравним: *wie Butter an der Sonne zergehen* – «сгореть со стыда», *das Herz ist weich wie Butter* – «мягкий, очень чувствительный человек»; масло масляное – «ничего не объясняющее повторение», как по маслу – «пройти какому-то событию без проблем, без помех».

Такой молочный продукт, как творог *Quark* имеет значительные расхождения в своих культурных динамиках. В русской кухне творог – это самостоятельное блюдо, возможны лишь некоторые дополнения к этому продукту: например, творог с молоком, сметаной, сахаром. В то же время как для немцев творог является, прежде всего, гарниром. В немецком языке: *Quark mit Kümmel, Salz, Tomaten, Zwiebel, Schinken* – «творог с тмином, солью, помидорами, луком, ветчиной».

Культурно-специфичным является то, что немцы используют творог для приготовления бутербродов: *Quarkbrot* – «творожный хлеб»,

для приготовления десертных блюд, например: *Quarkflammeri* – «творожный холодный пудинг». В русском языке также есть много десертных блюд, традиционные творожные изделия: сырники, ватрушка, запеканка.

Отсутствие вторичных значений в русском языке предопределила коннотативная нейтральность творога в быту. В немецком же языке, напротив, ярко выражена негативная коннотативная направленность в ряде вторичных номинаций. Например: *sich über jeden Quark aufregen* – «беспокоиться без повода, по пустякам», *Quark* – «ерунда», *Quarkspitzen* – «пустые обещания», *einen Quark kriegst du von mir* – «ты ничего от меня не получишь», *alter Quark* – «чепуха», *das geht dich einen Quarkan* – «это тебя не касается», *ich habe Quark in den Händen* – «у меня всё валится из рук».

В домашних условиях после некоторых простых манипуляций с творогом получается молочный продукт, который называется сыром *Käse*, но, естественно, не похожий на традиционные виды сыров. В связи с этим в немецком быту незрелый сыр называют *Frischkäse*. В немецкой кухне сыр используется для приготовления супов *Käsesuppen*, разного вида салатов *Käsesalat*, приготовленных с использованием *Mettwurst*, *Speck* – «салами, шпика». Сыр занимает, несомненно, видное место в национальных кухнях обеих культур: но присутствуют виды сыра, характерные только лишь одной из культур: нем. *Camembert* – *камембер*, *Parmasankäse* – *пармезан*, *HarzerKäse*, *TilsiterKäse*, русск. *пошехонский сыр*, *российский сыр*.

Для сыра также присутствуют отрицательные коннотации. Они нашли отражение во вторичных значениях немецкого языка самого слова и выражениях: *Käse* – «чепуха, глупость»; *in den Käse fallen* – «попасть в неприятное положение», *grosser Käse* – «полная чепуха», *stinkender Käse* – «что-то давно забытое», *ihr Herz ist wie Käse* – «она очень впечатлительна», *Käse im Gesicht* – «бледность в лице». В русском же языке можно привести лишь один пример: *катается как сыр в масле* – живёт в достатке.

Анализ фактического материала показал, что тематическая группа «молочные продукты» (молоко, масло, творог, сыр) является неотъемлемой частью повседневной жизни для каждого народа. Продукты питания культурно своеобразны во многом для каждой нации. Лексические единицы этой тематики в своей семантике несут значительный культурологический потенциал. В немецком языке, в сравнении с русским, преобладает количество вторичных значений, если говорить о количественном параметре страноведческой значимости. Можно предположить, что это связано с несколько иным восприятием пищи в русском и немецком быту. Большая часть вторичных значений образовалась давно. Для русского быта характерна небольшая вариативность в продуктах питания. В результате этого вторичные значения, построенные на образах молока и масла, представлены недостаточно широко. В то время как в немецком языке необходимо отметить большее количество таких значений, тематически связанных с молочными продуктами (маслом, молоком, творогом, сыром).

Библиографический список

1. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. С.- П.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
2. Фреге Г. Смысл и денотат. Семиотика и информатика. М.: 1977. 217с.
3. Fischer G. Die landeskundlichen Komponente bei der Behandlung literarischer Texte im Deutschunterricht für ausländische Germanisten. DaF, 1977. Н. 2. S. 78-89.
4. Hoberg R. Die Lehre vom Sprachfeld. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte, Methodik und Anwendung. Düsseldorf: Schwann, 1974. 200 S.
5. Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. М.: 1984. с. 56-58.
6. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. hrsg. undbearb. Vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. Mannheim; Wien; Zurich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.

J. BAGHANA, Y.Y. KRAVETZ

**THE NATURE OF SECONDARY MEANING
IN THEMATIC GROUP “MILK PRODUCTS”
(ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES).**

In this article the secondary meaning, secondary nomination as a way of creative thinking is observed. The author researches the particular thematic group in two languages. Specific features of given products, their secondary meaning and use in speech are compared.

Key words: semantics, secondary meaning, idioms, connotation, hyperonym.

Н.А. БОНДАРЕВА

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
Орловского государственного института
экономики и торговли
E-mail: ilin26@yandex.ru
Тел. 8 920 821 12 51

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА В ГЕРМАНИИ

Быстрая смена стилей различных авангардистских течений в литературе Германии начала XX века сама по себе уже является частью ее идеологии и проявлением инновативного сознания. Импрессионизм, экспрессионизм, футуризм и прочие течения не просто сменяли друг друга, но стремились друг друга вытеснить и выдвинуть более прогрессивные и актуальные идеи.

Ключевые слова: Экспрессионизм, литературная традиция, авангардизм, импрессионизм, поэт-пророк, отчаяние, пессимистичность.

Экспрессионизм объединял очень разных писателей, которые были связаны с этим направлением скорее тенденциями, чем были собственно экспрессионистами. Почти каждый из них связан с той или иной литературной традицией или школой (символистской, реалистической, социальной, примитивистской, абстракционистской, мистико-религиозной). Что касается австро-немецкого экспрессионизма, то, например, экспрессионизм Г. Мейринка носит оккультно-мистический характер. За реальным порядком вещей автор стремится видеть их магическую сущность. И. Голл связан с сюрреалистическими поисками. И. Бехер и Б. Келлерман в результате поисков приходят к социалистическому реализму, А. Деблин и Ф. Верфель – к реализму критическому. Ничего удивительного здесь нет. Творчество большого художника чаще всего, по словам А.И. Белецкого, «захвачено несколькими стилистическими волнами» [6, с. 12]. По мысли В. Гаузенштейна, в ««чистом» экспрессионизме нет индивидуальностей: он универсален (обходится без единичного) и радикален (не считается с традицией)» [7, с. 172].

В работе «Сущность поэтического произведения» О. Вальцель говорит о трех типах мировоззрения. Первые два – более близки к природе, третий – подчиняет природу духу. К первому относятся материализм и позитивизм. Ко второму –

объективный идеализм. К третьему – «идеализм свободы». «Идеалисты свободы – это люди воли, для которых главное – в моральном самоопределении. Личность становится независимой от мирового процесса» [1, с. 18]. Духовное господствует над миром и природой. Экспрессионизм, возникший на рубеже веков, в период ломки и сдвигов, является порождением «идеализма свободы» [1, с. 19].

Быстрая смена стилей различных авангардистских течений в литературе Германии начала XX века сама по себе уже является частью ее идеологии и проявлением ее инновативного сознания. Импрессионизм, экспрессионизм, футуризм и прочие авангардистские течения не просто сменяли друг друга, но стремились друг друга вытеснить и выдвинуть более прогрессивные и актуальные идеи. Экспрессионизму отведены полтора десятилетия с небольшими колебаниями в верхней границе: с 1910 по 1923 – 25 годы. Казалось бы, крайняя ограниченность экспрессионизма во времени и в пространстве делают его как объект литературоведческого или любого другого исследования обозримым и прозрачным, доступным анализу и синтезу. Однако количество работ и нерешенных проблем не уменьшается. Временные рамки экспрессионизма оказываются условными, по мироощущению его никак невозможно считать завершенным этапом, а в своих

формальных параметрах он является современному читателю то в одном, то в другом авангардистском обличье.

К разряду самых общих причин его хронологической и пространственной разъятости относятся те, что обусловлены самой судьбой экспрессионистского поколения и гонениями на авангардное искусство Германии, всеми теми перипетиями истории, которые разметали по миру кусочки его мозаичного полотна. В коллективной монографии «Запрещены и сожжены» отслеживаются судьбы десятков экспрессионистских литераторов, покинувших страну навсегда или погибших после прихода к власти национал-социалистов [11, с. 83]. Из наиболее известных исторических фактов такого характера можно вспомнить бесследно исчезнувшую во время бомбежки Берлина в 1945 году самую знаменитую и монументальную картину Ф. Марка «Башня синих лошадей» («Der Turm der blauen Pferde», 1913), которую еще видели в 1937 - 1938 годах на выставке «Дегенеративного искусства» и которая считается «ключевой картиной XX века» [10, с. 15]. Вторая мировая война почти полностью уничтожила поэтическое наследие А. Лихтенштейна, и литературоведы оценивают его вклад в лирику экспрессионизма лишь по четырем чудом сохранившимся рукописным тетрадкам. Но этих тетрадок оказалось достаточно, чтобы без всяких сомнений считать автора одним из создателей школы раннего экспрессионизма.

Тем сенсационнее находки, какой явился, например, обнаруженный в 1995 году в цюрихском подвале чемодан, набитый манускриптами Э. Ласкер-Шюлер. В 1933 году, избитая штурмовиками на улице в Берлине, она спасается бегством через Швейцарию в Палестину. Из-за проблемы с визой ей приходится несколько раз возвращаться и вновь покидать Швейцарию, поэтому в 1939 году она оставляет все свои рукописи на хранение цюрихскому книготорговцу. Разразившаяся мировая война и смерть поэтессы в январе 1945 года не позволили ей воссоединиться с ними, и они пропылились в подвале 50 лет. Благодаря этой случайной находке литературоведом пришлось кардинально изменить мнение о творческой манере Ласкер-Шюлер, которая за тотальной игрой сумела скрыть от всех секреты своей алхимии слова. Найденные черновики

стихов Э. Ласкер-Шюлер опровергают распространённое мнение о том, что «она писала, как дышала», и свидетельствуют о тщательности ее работы над словом [10, с. 18-19].

Незаконно присвоенные после варварского изъятия из музеев Германии в 1937 году картины и скульптуры продолжают украшать тайные частные коллекции за океаном и являются недоступными ни для поклонников современного искусства, ни для исследователей. 10 мая 1933 года в рамках варварской «Акции против ненемецкого духа» на кострах по всей Германии вместе с Марксом и Гейне сжигали Гейма и ван Годдиса. Десятки тысяч книг были сожжены, и «предпочтение» было отдано экспрессионистским книгам. Ни одно поколение XX века так не пострадало от истории, как поколение экспрессионистов. Литературоведы и историки всякий раз подчеркивают, что в случае экспрессионизма «социальная история и история литературы связаны как ни в какой другой исторический период» [9, с. 62]. Остается только предполагать, как много из их наследия утрачено безвозвратно, и радоваться, что объем печатной продукции с 1910 по 1925 год, во многом за счет периодических изданий, был настолько велик, что и костров на него не хватило.

Интересна позиция экспрессионизма в отношении к литературным течениям, предшествовавшим его появлению. Новая школа сразу же противопоставила себя импрессионизму. Импрессионизм несколько упрощал процесс восприятия художника, сводил его к простому впечатлению, которое и стремился передать. Источник работы – пассивное наблюдение. Творчество заключается в бесстрастной передаче увиденного.

Импрессионисты творили в относительно спокойный исторический период, экспрессионизм же родился в эпоху величайших катаклизмов. Взволнованные до самых глубин своей психики, пораженные всем своим существом экспрессионисты не могут жить одним каким-либо утонченным чувством, как их предшественники. Поэтому на смену аналитического выявления одного господствующего переживания экспрессионисты выдвинули одновременный взмах всех эмоций, широкое, исступленное движение всех чувств, соединенных в синтетическом общем порыве.

Густав Мейринк устами своего героя – резчика камей Атанасиуса Перната («Голем») формулирует концепцию своего творчества: «Долгие годы я слепо следовал принципу, будто необходимо изучать внешнюю природу для того, чтобы творить художественное произведение. Только в ту ночь... во мне открылось внутреннее зрение. Истинное созерцание с закрытыми глазами, исчезающее, как только они открываются, – вот дар, которым хвалятся все художники, но в действительности недоступный и одному из целого миллиона» [4, с. 136].

Так обосновываются особенности и отличия экспрессионизма. Экспрессионисты стремятся навсегда покончить с эстетическим принципом «искусства для искусства». В их руках творчество должно служить не отвлеченному фетишу чистой красоты, а разрешить этикофилософские и психологические вопросы. Так немецкая литература берется за гражданские мотивы, пульс ее отвечает биению сердца жизни. Она стремится стать источником и мерилем нравственных ценностей, быть прокурором современности.

Экспрессионизм в Германии начала прошлого века представлен в основном поэтическими произведениями. По программе экспрессионизма, не может быть речи о легкости сюжетов, водевильности – жизнь наполнена драмой, борьбой, неравенством, схваткой не на жизнь, а на смерть.

Так по мнению Газенклевера, поэт должен быть суровым, страдающим вместе с обездоленными, смело смотрящим в глаза всем несчастьям и горю. Жизнь должна браться такою, как она есть, без всяких прикрас:

Он из цистерн глубоких подземелий
Парами белыми с усилием дышит.
Из кранов хлещет кровь его. Пропели
В гудках его стенанья тем, кто слышит.
Он с гномами, на чьи горбы громады
Нагромоздились тяжко грузных кладей,
С рабами, что в галерах муки ада
Претерпевают, чьих- то выгод ради.
И жил его биенье в реве пушек,
Он жив среди армий, яростью объятых,
Он с проституткою в грязи подушек,
С бунтовщиком в унылых казематах.
И, часто, ухо прислонив к окошку,
Мансарды, в час, когда звонят к вечерне,
Вздых нищеты печально и сторожко

Он слушает в своем венке из терний [3, с. 8].
Нередко экспрессионисты берут на себя задачу указать путь человечеству, перестроить жизнь, поэтически утвердить мощь чувства над грубым материальным миром. Газенклевер, например, возвеличивает поэта, поэт у него вершит на земле высший суд:

Ногой своей он топчет прах позора,
А головой творит народам руны.
/...../
О, справедливость, ты придешь позднее
/...../

Боец свободы, будь ее судьей,
Пока измены ложь не зашипела [3, с. 19].
Поэт – пророк, у которого «медною трубою,
трубою страшной гремят слова». Он властвует не только над сердцами:

Смотри, идёт небесною стезею
Поэт на землю для земного дела.
В очах его, исполненных восхода,
Ночь, хаос принимают формы света.
В его объятиях изменится природа
Под лаской духа нового поэта [3, с. 19].

Это уже не простая риторика. В этих словах выражена глубокая вера в способность человека управлять судьбой, вдохнуть свет души в темное тело природы.

Экспрессионисты проповедуют всеобщее человеческое братство, солидарность народов. Средством для достижения этого они считают уход от жизни: Ф. Верфелю жизнь рисуется в мрачных тонах. Для него – это царство, где одни...

Других терзают, холодны и тупы,
Где праздно суетятся люди – трупы,
Где блеклые, томительные дни
Сменяют муть угарную ночей,
Где каждый втайне враг своих страстей
И где, дохнуть не смея силою груди,
Унылые, безжизненные люди
К своей могиле тягостно влачатся [2, с. 26].

Человеконенавистничеству противопоставляется утверждение «человеческого», «борьба со зверем», который заложен в каждом человеке, и достижение этим путем любви к ближнему.

Экспрессионизм – дитя отчаяния. Один из немецких экспрессионистов, Казимир Эдшмид, так говорит о своем сборнике новелл «Шесть притоков»: «... они (новеллы - Н. Б.) с различных сторон впадают в бесконечное трезвучие наших

конечнейших чувствований: отречения – глубокой скорби – и безграничной смерти» [5, с. 171].

Пессимистичность, безотрадность философии Эдшмида, как и других немецких экспрессионистов, исходит из преобладания в окружающем мире отрицательных эмоций. Их философия не лишена и метафизических основ, возникающих как оппозиция грубости и материалистичности внешнего мира.

Жалоба, стон, крик – самооборона отчаяния. Первый крик, первый упрек немецких экспрессионистов обращен в сторону того поколения, которое явилось непосредственным виновником национального немецкого бедствия. Тема «отцов и детей», между которыми возникает коллизия на почве несходства убеждений, трактовалась противопоставлением гордых и самостоятельных детей, одиночек – сверхчеловеков – узкому, мещанскому миру отцов.

Современное поколение в ряде произведений экспрессионистов («Koralle» Георга Кайзера, «Sohn» Газенклевера) восстаёт против отцов и обличает их дутую пустоту, и самодовольное когда-то поколение устами одного из героев драмы Эрнеста Барлаха «Die echten Sedemunds» признаётся: «Наши сыновья – это наши судьи и мстители за наше ничтожество» [8, с. 182].

Провозглашая широкую формотерпимость и отрекаясь от внешних исканий, экспрессионизм принес на смену утончённой литературе не менее утонченные и не чуждые словесным ухищрениям произведения. Он не стремился к простоте, общедоступности, отсутствию вычурности, а, наоборот, сам признавал, что искания экспрессионистов исходят «от маленького кружка и для маленького кружка» предназначаются.

Наконец, категорически открещиваясь от своих литературных предшественников, экспрессионизм все же не смог отказаться от их наследия. Преемственность романтических традиций в экспрессионизме очевидна и просматривается удивительно отчетливо. Оба направления явились в эпохи сильных политических и моральных переворотов, в переходные моменты истории. Оба пытались пересоздать мир в царство равноправных душ, оба восставали против стеснительных для их размаха рамок теории и формы. У обоих на первый план выступает «я» личности. Наконец, как романтизм, так и экспрессионизм, столкнувшись с бессилием личности перед предопределенностью судьбы, жестокими законами общества.

Имеют своих предшественников и некоторые иные новшества экспрессионизма. Схематичность – дальнейшее развитие символистской обобщенности и импрессионистской эскизности. Футуризм и декадентство оставили экспрессионизму в наследство словотворчество и динамизм. Ирреальность, выявление жизни в двойном плане (путем выделения «первоосновы – духа» из материи) типично для всякой поэтической школы, утверждающей дух как начало всех начал (романтизм, символизм). Даже самое стремление выявить трагический облик страдающей в повседневной коллизии души имеет свой прообраз в лице символической драмы.

Однако, собрав все эти качества воедино и направив их в сторону выражения крайней степени эмоций отчуждённого человека, живущего во враждебном мире, экспрессионизм сыграл свою собственную, отличную от других роль.

Библиографический список

1. Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии. (1890 - 1921) М., 1922. 96 с.
2. Верфель Ф. Человек из зеркала. Избранные произведения. М., 1922. С. 30-87.
3. Газенклевер В. Политический поэт. Перевод А. Луначарского. М. -П., 1923. 256 с.
4. Мейринк Г. Голем. Перевод Д. Выгодского. ГИЗ, 1922. 112 с.
5. Эдшмид К. Шесть притоков. К. Эдшмид. М. - П., 1923. 156 с.
6. Экспрессионизм. Сб. статей. М. - П., 1923. 268 с.
7. Экспрессионизм: Драматургия. Живопись. Графика. Музыка. Киноискусство. М., 1966. 295 с.
8. Barlach E. Die echten Sedemunds, 1987. 135 S.
9. Hohendahl P. Das Bild der bürgerlichen Welt im expressionistischen Drama. Heidelberg, 1967. 113 S.
10. Rietzschel Th. Ein sensationeller Fund. Der Koffer aus dem Keller // Kultur-chronik. Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1995. № 5. S. 83 – 148.

11. *Verboten und verbrannt. Deutsche Literatur 12 Jahre unterdrückt/* Hrsg. Drews R., Kantorowicz A. Berlin; München, 1983. 146 S.

N.A. BONDAREVA

FEATURES OF FORMATION LITERARY EXPRESSIONISM IN GER-MANY

Fast change of styles of various avant-garde currents in the literature of Ger-many in the beginning of the XX-th century is itself already a part of its ideology and display of new consciousnesses. Impressionism, expressionism, futurism and other currents not simply replaced each other, but aspired to force out each other and put forward more progressive and actual ideas.

Key words: Expressionism, literary tradition, avant-gardism, impressionism, the poet – prophet, despair, pessimism.

Е.И. БОРОВАЯ

аспирант кафедры русского языка Орловского государственного университета
Тел. 8 919 261 93 86

ЛЕКСИКА ВЫШИВАНИЯ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ: НАЗВАНИЯ НИТЕЙ

Лексико-семантическая система орловских говоров, входящих в состав южного наречия, представлена многими тематическими группами. Лексика вышивания является одной из таких тематических групп и относится к профессионально-ремесленной лексике русского языка. Она включает в себя несколько подгрупп. В статье рассматриваются названия нитей, используемых при вышивании.

Ключевые слова: орловские говоры, лексика вышивания, номинативные единицы, нить.

Лексическая система говоров – это совокупность различных тематических групп, особое место среди которых занимают группы лексики ремесел, промыслов, различных занятий. Объектом нашего рассмотрения является одна из малоисследованных групп лексики русского национального языка – лексика вышивания в орловских говорах. Необходимость ее описания объясняется тем, что она почти не подвергалась лингвистическому анализу, не выявлен и состав номинативных лексических единиц и устойчивых словосочетаний данной тематической группы как в общенародном языке, так и в народных говорах.

Вышивание – одно из древнейших занятий женщин на Орловщине. Широкое его распространение способствовало обогащению лексики вышивания, пополнению ее многочисленными номинативными единицами.

Лексика вышивания в орловских говорах относится к профессионально-ремесленной лексике русского языка. Для данной тематической группы характерно наличие слов как общенародного языка, так и слов диалектных.

Тематическими группами принято называть «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [Филин 1982:231]. Как правило, в большой тематической группе отмечается наличие подгрупп. Лексические единицы тематической группы, связанной с вышиванием, могут быть объединены

в подгруппы по особенностям номинируемого предмета:

- названия нитей, используемых при вышивании;
- названия ткани для вышивания;
- названия инструментов для вышивания;
- названия видов швов;
- названия узоров орловской вышивки;
- названия украшений в виде вышивки;
- названия предметов, в которых вышивка являлась необходимым элементом.

Обратимся к рассмотрению одной из них – к названиям нитей, используемых при вышивании.

Процесс вышивания не может осуществляться без употребления специальных нитей. Этот факт отмечается в первом лексическом значении термина *вышивáние*: *вышивáние* «украшение ткани, кожи и т.п. узорами по средствам шитья специальными шелками и особыми нитками» (БАС: 2: 1333).

При вышивании использовали и продолжают использовать различные нитки в зависимости от качества и материала, из которого они изготовлены – хлопчатобумажные, льняные, шелковые и другие. Выбор ниток зависит, как правило, от вида вышивки и рисунка. В цветной вышивке употреблялось бумажное и штапельное мулине, использовался ирис, шелк. Для часто стираемых изделий брали хлопчатобумажные и льняные нитки (ирис, мулине), так как шелковые темнели от воды и кипячения. Первоначально использо-

вались, конечно же, хлопчатобумажные и льняные нитки, так как других не было, особенно в деревнях.

Раньше нитки заплетали в так называемые косы. «Моток разрезают, где узелок, делят нитки в середине на три равные части и начинают плести с центра, затем один конец перетягивают через плетение в середине. Нитки для работы вытаскивают по одной из средней части косички» [Малеваная: 1992: 4]. В настоящее время этого не рекомендуется делать, так как считается, что в косе нитки могут изменить свой цвет, поэтому для их хранения используют катушки.

В лексическом составе группы «Названия нитей, используемых при вышивании» встречаются как общенародные, так и диалектные лексические единицы. Словами литературного языка являются существительные *нить*, *нітка*. В «Этимологическом словаре русского языка» находим сведения о происхождении слова *нить*. Фасмер М. указывает, что в готском и латинском языках были слова, похожие по написанию и значению с русским *нить*. «Гот. *nefla* – «игла», далее лат. *neb*, *nēvl*, *nētum*, *nēre* – «прясть ткань» (ЭСРЯФ: 3: 76). Он также отмечает употребление в диалектах слова *нит*. Этот факт можно подтвердить наличием в речи жителей Залегощенского района Орловской области лексемы *нит* – *Шыли у щитыри нитá*. Залег. (КСОГ). Использование данной лексемы мужского рода фиксируется в орловских говорах в «Словаре русских народных говоров»: *нит* «нитка». *В четыре нита*. Мцен., Орл. (СРНГ: 21: 239). Однокоренным со словами *нить*, *нит* является суффиксальное производное *нітка*. В литературном языке и в говорах термины вышивания *нить* и *нітка* имеют сложную семантическую структуру и тождественны по своему значению, что фиксируется словарями современного русского языка. Нас интересует первичное значение данных слов: *нітка* «тонко скрученные натуральные или искусственные волокна, предназначенные для изготовления тканей, трикотажа, а также для шитья, вязания и т.п.» (БАСРЯ: 12: 448); *нить* «то же, что нитка» (БАСРЯ: 12: 454).

В орловских говорах наряду со словами литературного языка для обозначения нитей употребляются диалектные слова и словосочетания. Так, встречается однокоренное со словами лите-

ратурного языка существительное женского рода *ніта* «нитка» – *Вот нита виш абървалась, свизать надъ*. Соск. (КСОГ). Важно также отметить, что в орловских говорах есть специальные слова для обозначения нитей для вышивания. В литературном языке наличия подобных лексем не наблюдается. Как правило, носителями языка номинируются наиболее важные нити по качеству.

Для обозначения действия «украшать вышивкой; вышивать» в орловских говорах употребляются глаголы литературного языка *вышивать*, *шить*, *расшивать*. Наибольшее число производных имеет глагол *расшивать*. В Знаменском, Новосильском и Троснянском районах Орловской области для обозначения нитей, используемых при вышивании, зафиксировано однокоренное с глаголами *шить*, *вышивать*, *расшивать* прилагательное *расшивной* «предназначенный для вышивания (о нитках)» – *Рушники ръшывивали. Нитки пькупали ръшывивныя, ... такими... матоцкьми были... и красныи, и щёрныи... Знам. Ленды, кружыва, пръзумент ниткьми ръшывивныи украшали. Новос. У мене усигда были нитки ръшавныя. Трос. (СОГ: 12: 134). В литературном языке лексема *расшивать* в одном из своих значений обозначает «украшать вышивкой, вышивать». *Расшивать, расшить крестиками, гладью и т.п.* (БАС: 12: 1006). Диалектизм *расшивной* образовался от литературного глагола *расшивать* суффиксальным способом. «Словарем русских народных говоров» отмечается большое количество однокоренных лексем, образованных от глагола *расшивать*, относящихся к лексике вышивания и употребляющихся как в речи жителей южных, так и северных говоров. Так, диалектизм *расшивной* «предназначенный для вышивания» характерен для олонечских говоров – *Мне вы дайте-ко девичье рукодельишко, Мне-ко пялушки, бедушки, точеные. Расшивной мне-ко бумаги сто пасонок. Олонец. (СРНГ: 34: 328).**

В орловских говорах фиксируется термин *расшивка*, который имеет значение: «специальные цветные нитки для вышивания». *Эть красня, плахая расшивка, линяить* (СОГ: 12: 134). На территории свердловских говоров «Словарем русских народных говоров» отмечается использование существительного *расшивка* для обозначения «расшитой ткани» – *Ой, девки, где расшивки-то набрали. Свердлов. (СРНГ: 34: 328).*

Интересным представляется слово *расши-
ва́лка*, употребляющееся в соседних с орловскими
воронежских говорах в значении «вышивальщи-
ца» (СРНГ: 34: 327). В северо-западных говорах
«Словарем русских народных говоров» указывает-
ся использование лексической единицы *расшива́ла*
«портниха, вышивальщица» (СРНГ: 34: 327).
Таким образом, видно, что лексемы, образован-
ные от глагола *расшива́ть* распространены как в
южном, так и в северном наречии. Эти же лексиче-
ские единицы по-разному реализуют семантиче-
ский и словообразовательный потенциал данного
глагола: метафорическим переносом образовались
наименования по процессу труда (*расшива́лка*); по
средствам труда (*расши́вка* «нить»); по продукту
труда (*расши́вка* «ткань»).

**Название нитей, отличающихся по мате-
риалу и сырью, из которого они изготовлены.**
Когда-то нитями служили жилы животных, но
по истечении многих веков человечество нашло
способы производства и изготовления нитей. При
изготовлении нитей стало отдаваться предпочте-
ние таким растениям, как хлопок и лён, а также
не исключалась шерсть животных. Конечно же,
в настоящее время созданы определённые тех-
нологии по изготовлению ниток. Из истории
известно, что вышивали хлопчатобумажными,
льняными, шёлковыми и шерстяными нитками.
Иногда в речи диалектоносителей можно встре-
тить лексемы, разграничивающие названия нитей
для вышивания согласно тому сырью, которое
употреблялось при изготовлении данной нити.
Встречаются как литературные, так и диалектные
лексические единицы, характеризующие данную
подгруппу: наименования хлопчатобумажных ни-
тей – лит. *мулине́*, диал. *бума́га*, *бума́жка*, *малюне́*,
милине́, *малина́*, *мали́на*, *малюна́*, *мулюна́*; наиме-
нования льняных нитей – *альяня́ина* (*альяня́нна*),
альяне́нькие, *альяня́ие*; наименования шерстяных
нитей – *га́рус*. Для обозначения шелковых и шер-
стяных нитей специальных лексем не выявлено,
как правило, для этого используются словосочета-
ния: *шелковые нити*, *шерстяные нити*.

Употребление специальных обозначений
для наименования хлопчатобумажных нитей не
случайно: именно такие нитки наиболее часто
использовались местными вышивальщицами.
Так, например, широко распространена на терри-
тории орловских говоров лексема *бума́га* «хлоп-

чатобумажные цветные нитки для вышивания»
– *Нитки рьзнацветныя прямя таки называли бу-
мага*. Трос. *Я тожь вышиваль бумага́й*. Свердл.
Бываль бумага́й рашивали падол. Орл. (КСОГ).

Следует отметить, что слово *бума́га* как обо-
значение хлопчатобумажных нитей представлено
в словаре Даля В.И.: *бума́га* «прядево, нитки из
этого хлопка» (Даль: 1: 141). «Словарь донских го-
воров Волгоградской области» дает однокоренное
прилагательное, *бума́жный*, значение которого
тоже связано с хлопком: *бума́жный* «хлопчато-
бумажный» (СДГВО: 1: 181). В «Словаре совре-
менного литературного языка» лексема *бумага́*
имеет помету устаревшее и обозначает «хлопок»,
а также «пряжу из хлопка» (БАСРЯ: 2: 253). Как
видим, в большинстве словарей слово *бума́га*
указывается как наименование нитей с позиции
того материала, из которого они изготовлены, но
ни один словарь не дает определения этого сло-
ва, как употребляющегося в сфере вышивания.
Можно сказать, что это слово носит заимствован-
ный характер: от итальянского *bambagia* – хлопок.

Узким по своему распространению является
слово *бума́га* в значении «уток, нить купленная,
а не изготовленная, хлопчатобумажная» – *Бумаги
капиль для рушника*. Кром. (КСОГ). В литера-
турном языке находим однокоренное с данным
существительным прилагательное *бума́жный*:
бума́жный «разг. Изготовленный, сделанный из
бумаги; хлопчатобумажный» – *Бумажные нитки*
(БАСРЯ: 2: 256).

От существительного *бума́га* суффиксальным
способом образована лексема *бума́жка* «мули-
не» – *Бумажку-ть эту, мулюну, купить-ть быль
не за шта* Дмитр. (КСОГ). В отличие от слова
мулине́ внутренняя форма лексической единицы
бума́жка более прозрачна: в основе ее номинации
лежит метафорический перенос по материалу, из
которого изготовлены нити. Для орловских гово-
ров также характерно употребление устойчивого
сочетания *вышивная бума́га* «нитки для выши-
вания. Хот., Уриц.» (КСОГ). Из вышесказанного
можно сделать вывод, что термин *бума́га* и одно-
коренные с ним слова входят в состав лексики
вышивания и активно используются в орловских
говорах.

При обозначении хлопчатобумажных нитей
для вышивания часто употребляют литературное
слово *мулине́*. В «Словаре современного русско-

го литературного языка» находим определение: мулинé «хлопчатобумажные или штапельные крученые нитки для вышивания» (БАС: 6: 1360).

Крученые нитки были широко распространены у вышивальщиц при вышивании на территории орловского края. Не случайно поэтому в говорах наличие разнообразных фонетических вариантов слова *мулинé*: *малюне́*, *милине́*, *малина́*, *мали́на*, *малюна́*, *мулюна́*. Появлению вариантов способствовали, на наш взгляд, и особенности происхождения данной лексемы: она была заимствована из французского языка *moulinet* «сучить шелк» (БАСРЯ: 10: 490).

В речи жителей Хотынецкого и Знаменского районов зафиксированы существительные *малина́*, *малюна́*. Фонетический облик данных слов свидетельствует о фонетической адаптации термина *мулинé*. Так как первоначально в орловской вышивке основными были нити красного цвета, то вполне возможна ассоциация со словом «малина». При этом устойчивое ударение на конечном слоге в слове *мулинé* сохранило свою позицию. О сходстве с ягодой может свидетельствовать слово *мали́на* «нитки мулине», распространенное на территории Дмитровского района – *Рушники и рубахи всякия я раньшъ малинъй вышиваль*. Дмитр. (КСОГ). Впоследствии этими терминами стали называть «цветные хлопчатобумажные нитки для вышивания».

В Дмитровском районе встречается лексема *мулюна́* «цветные нитки для вышивания» – *Мы узоры мулюной вышивали* Дмитр. (КСОГ). На территории Орловского района название такого рода нитей отличается фонетически: *малюне́* [нэ́], *милине́* [нэ́], *мулинé* [нэ́]. Следует заметить, что лексические единицы *малюне́*, *милине́*, *малина́*, *мали́на*, *малюна́*, *мулюна́* не зафиксированы в диалектных словарях. Наличие их в нашей картотеке может свидетельствовать о преимущественно орловском их происхождении. Наблюдаемые изменения в первоначальном заимствованном слове *мулинé* [нэ́] свидетельствуют о его фонетической (разнообразии фонетических вариантов) и грамматической (слово стало склоняемым – *малино́й*, *мулюно́й* и т.д.) адаптации в национальном русском языке.

Льняные нити в орловских говорах имеют несколько наименований, отличающихся своим ареалом: *альняни́на* (*альнянна́*), *алья́ненькие*,

альяны́е, *сули́нка*. В основном, все эти лексические единицы являются узкими по своему использованию, так как их употребление ограничено сферой вышивания.

Существительное *альняни́на* обозначает «льняную нить, из которой ткали льняные полотна и использовали при вышивании» – *То бываль ткали из альнянины*. Кром. (КСОГ). Этимология данного слова достаточно прозрачна, в основе наименования лежит метафорический перенос по сырью, из которого изготовлено изделие, на само это изделие, при этом наблюдается несколько фонетических и словообразовательных изменений: к прилагательному *льняной* присоединилась протеза *а*. Впоследствии от прилагательного *альняной* суффиксальным способом образовалось существительное *альняни́на* (*альнян-ин-а*).

В речи жителей Кромского района встречается существительное *алья́нннá* «льняная нить, из которой ткали льняные полотна и использовали при вышивании» – *Пьдай алья́ннну*. Кром. (КСОГ). Примечательно, что оба термина отсутствуют в диалектных и этимологических словарях, что свидетельствует о преимущественно орловском их распространении.

Для характеристики нитей по сырью и материалу, из которого они изготовлены, используются и словосочетания, включающие в свой состав имена прилагательные. В говорах Орловской области повсеместно зафиксировано прилагательное *альяны́е* «льняные» – *И альяныи, иза льна делали, альяныи, адин лён пряли*. (СОГ: 1: 43). «Словарь русских народных говоров» констатирует широкий ареал лексемы *альяно́й* в значении «льняной» Псков., Новгород., Ярослав., Калуж., Орл., Дон., Ряз. и др. (СРНГ: 23: 192). Словарь фиксирует использование этой лексической единицы на территории говоров как южного, так и северного наречия.

В орловских говорах встречается уменьшительно-ласкательная форма прилагательного *альяны́е*, образованная морфологическим суффиксальным способом с помощью аффикса *-еньк-*: *альяны́е* → *алья́ненькие*. *Алья́ненькие* «льняные» – *Пьдай алья́ненькие нитки*. Корсак. (КСОГ). В отличие от предыдущей лексемы *альяны́е*, лексическая единица *алья́ненькие* не зафиксирована словарями, что может свидетельствовать о преимущественно орловском ее

распространении. По отношению к сфере вышивания это слово употребляется в словосочетании с существительным *нить*: *альяненькие нитки*.

В речи орловских вышивальщиц при обозначении шерстяных нитей используется слово литературного языка – *гáрус* «крученая шерстяная пряжа, окрашенная в разные цвета (употребляется для вышивания и вязания)» (БАС: 3: 44). Заимствованный характер данной лексемы отмечается Преображенским А. и Фасмером М. (ЭСРЯФ: 1: 395). Согласно мнению обоих исследователей термин *гáрус* появился в русском языке через польский в XV веке, где был образован от немецкого *haar* «волос». Но первоисточником этой лексемы они считают итальянское название города *Agazzo* (Преображенский: 1: 119).

«Словарем русских народных говоров» зафиксировано употребление существительного *гáрус* «шерстяная пряжа» на территории южных и северных говоров: *гáрус* – «покупная шерстяная пряжа. Новг. Шерстяная пряжа в мотках. Арх. Красная шерстяная пряжа для вышивания и вязания. Пск., Смол., Ленингр.» (СРНГ: 6: 147). Отношение слова *гáрус* к вышиванию как роду человеческой деятельности отмечается Далем В.И. и дается в значении «сученая, белая или цветная шерстяная пряжа; шерсть для шитья, вышиванья» (Даль: 1: 345). Суффиксальным способом от этого термина образуется производное существительное *гáрусина* «шерстинка, нитка гаруса» (Даль: 1: 345).

Интересно, что в литературном языке указывается способ изготовления шерстяной нити: *гáрус* «род мягкой крученой (выделено Е.И.) шерстяной пряжи» (МАС: 1: 301), в говорах же этот факт не подтверждается. На территории орловских говоров встречается употребление слова *гáрус* в значениях, зафиксированных как в литературном языке, так и в говорах.

Названия нитей по способу изготовления.

Нитка представляет собой тонко скрученную пряжу, поэтому, в соответствии со способом изготовления нитей для вышивания, то есть скручиванием, в орловских говорах встречаются лексемы, обозначающие такие нитки: литературные – *гáрус*, *йрис*, диалектное – *кручѣнка*.

Как видим, термин *гáрус* входит в состав двух подгрупп лексико-семантической группы

названий нитей для вышивания. Характеристика данной лексемы была представлена выше.

Слово литературного языка *йрис* «кручёные нитки для вышивания, вязания» (БАСРЯ: 7: 361) встречается в речи в основном современных вышивальщиц, так как в прошлом эти нитки в вышивании почти не употреблялись. Примечательно, что данное существительное в значении «нити для вышивания» не зафиксировано ни в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС), ни в «Словаре русского языка» (МАС). Оно представлено только в «Большом академическом словаре русского языка» (БАСРЯ). Все это свидетельствует о том, что данное слово является сравнительно новым для русского языка, в том числе и для говоров. Это отражает тот факт, что в речь вышивальщиц вместе с предметами приходят и новые слова.

В Знаменском, Глазуновском и Дмитровском районах Орловской области встречается название нити *кручѣнка*: «толстая нить, полученная посредством скручивания двух или нескольких нитей» – *Кручѣнкъ – этъ ниткъ кручѣнья*. Глаз. (СОГ: 5: 123). По данным «Словаря орловских говоров» видно, что этот термин употреблялся по отношению к нитям пряжи. Но в речи рукодельниц слово *кручѣнка* использовалось и при назывании толстых ниток для вышивания – *Кручѣнку бирѣш и нѣбивныи швы дельшиш*. Мцен. (МИ).

Крути́ть, скручи́вать – глаголы, обозначающие действие, связанные непосредственно с производством нитей. Именно поэтому их корневые морфемы употребляются в названии нитей. Глагол *крути́ть* в одном из значений: «вертя, плотно, туго свивать что-либо» (БАС: 5: 1740). Существует также прилагательное *кручѣный* «спец. изготовленный кручением» (БАС: 5: 1747). Таким образом, исходя из лексических значений слов, можно выстроить следующую словообразовательную цепочку. *Кручѣнка* ← *кручѣный* (образовалось морфологическим аффиксальным способом с помощью суффикса -к-) ← *крути́ть* (образовалось морфологическим аффиксальным способом, суффиксацией с помощью суффикса -ен-, при этом наблюдается ряд изменений: усечение -и- в производящей основе, чередование т//ч).

«Словарь русских народных говоров» отмечает употребление существительного *кручѣнка* в значении: «крученые хлопчатобумажные нитки»

преимущественно на территории северных и среднерусских говоров: Костром, Моск., Волог., Вят., Перм., Ср. Урал., Свердл. (СРНГ: 15: 335).

Названия нитей разных по цвету. Чтобы правильно подобрать нитки по цвету, необходимо учитывать сочетание цветов, знать, как они взаимодействуют друг с другом, то есть надо понять, что такое цветовая гармония.

Принято делить цвета на теплые и холодные. «Детали узора, выполненные теплыми цветами, как бы выступают на первый план. В изделии холодными цветами создается второй план» [Ерёменко: 2000: 24]. Цвета также делятся на хроматические и ахроматические (от греч. *сroma* – «цвет», а – приставка в значении «не»). Цвета спектра и их оттенки относятся к хроматическим (тональным).

Белый, серый, черный – ахроматические (нейтральные). Они не имеют насыщенности тона и отличаются яркостью. Самым ярким среди этих цветов является белый, черный же такой яркости не имел. Чаще всего использовали красный цвет, так как считали, что он может защитить от всего недоброго, злого. Красный цвет был также символом тепла и плодородия.

В древности вышивальщицы умели хорошо подбирать цвета, а у некоторых работы по цветовой гамме очень напоминали реальность. Выбор цвета ниток зависел от назначения вещи, величины и расположения узора. Как правило, фону (цвету ткани) отводилось дополнительное место, а узору – главное. Фон не должен был выделяться и быть ярче орнамента. Цветовое решение также зависело от техники выполнения (счетные швы, гладь и т.д.) [Ерёменко: 2000: 25]. Так как на Орловщине первоначально основными техниками были счетные швы и спиш, то среди цветов выбирались красный, черный, синий.

Для орловского спиша характерно сочетание красного и синего цветов, с преобладанием красного. Красный цвет богат своими оттенками – от яркого до светлого, почти прозрачного. Этот цвет передает узорам жизнеутверждающее впечатление. Для орловских мастериц цвета имели определенные свойства: *красный цвет* – «цвет жизни», *голубой* – «цвет неба и воды, тех начал, которые поддерживают жизнь».

Позднее же, в начале XX века, цветовая гамма становится разнообразнее, вводится желтый,

зеленый, синий цвет заменяется черным, цветом «земли-кормилицы» [Сухоленцева: 2003: 20-27]. Важность для вышивания цветовой гаммы, создаваемой нитями разного цвета, способствовала появлению специальных наименований нитей по цвету: *жаркий, кумачиный, расшивка*.

В орловских говорах цветные нитки назывались *расшивкой*: *расшивка* «специальные цветные нитки для вышивания». *Эть краснъя, плахая расшивка, линяить* (СОГ: 12: 134). На основе сведений, представленных в «Словаре орловских говоров», относительно данного слова можно говорить о его распространении в разных значениях, одно из которых: *расшивка* «специальные цветные нитки для вышивания». *Эть краснъя, плахая расшивка, линяить*. Орл. (СОГ: 12: 134).

Термины *расшивка* и *расшивной* образовались от глагола *расшивать*: *расшивать* → *расшивка* (образовалось суффиксальным способом при помощи суффикса –к–); *расшивать* → *расшивной* (образовалось суффиксальным способом при помощи суффикса –н–). Более подробно данные лексемы рассматривались нами выше.

При обозначении нитей по цвету обычно используются словосочетательные модели прилагательное + существительное *нить, нитка*. В «Словаре орловских говоров» мы находим разные прилагательные, передающие метафорические обозначения нитей по цвету. Так, слово *жаркий* имеет значение: «ярко-красного, огненного цвета (о нити, полотне, любом предмете)» (СОГ: 2: 109-110). Фасмер М. слово *жар* возводит к праславянской основе *gĕgъ, родственной греческому «теплый». В латинском языке встречается *fortus* – «горячий, теплый» (ЭСРЯФ: 2: 35). От первоначального существительного *жар* образовалось прилагательное *жаркий* (*жар* → *жаркий*, с помощью суффикса –к–). «Словарь русских народных говоров» определяет лексическую единицу *жаркий* как «красно-оранжевый, огненный; красный» Волог., Перм., Смол., Тверск., Нижегород., Курск. (СРНГ: 9: 80). Этим словарем отмечается употребление данного слова как в говорах северного (Нижегород., Перм., Волог. и др.), так и южного наречия (Курск.), но безотносительно к вышиванию.

К обозначению красного цвета можно отнести и зафиксированное в «Словаре орловских говоров» прилагательное *кумачиный* «ярко крас-

ный, кумачовый» (СОГ: 5: 143). Это слово широко употребляется в речи жителей Залегощенского района Орловской области, но по отношению к нитям оно используется жителями Орловского района – *Пьдай кумачиньи нитки*. Орл. (МИ). Образовалось оно от слова *кума́ч* «красная хлопчатобумажная ткань» (ЭСРЯФ: 2:415) с помощью суффикса -ин-. Маслова Г.С. отмечает, что «кума́к – хлопчатобумажную пряжу алого цвета – русские коробейники доставляли в Прибалтику в XVIII – XIX вв. В Эстонии ее употребляли для тканья и вышивки узоров по льняной ткани» [Маслова 1978: 38 - 39]. Видно, что красный цвет имел большое значение для людей, поэтому сохранилось столько слов, называющих этот цвет.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что лексико-семантическая группа «Названия нитей для вышивания» является одной из много-

численных по своему составу и включает в себя ряд подгрупп. Названную группу представляют как литературные (*нить, нитка, гáрус*), так и диалектные (*жа́ркий, милине́, расшивной и др.*) лексические единицы, а также устойчивые лексические словосочетания (*вышивная бумага, расшивные нитки*). Наряду с общенародными словами (*расши́вка*) встречаются лексемы, ограниченные по ареалу своего распространения (*альня́нна*). Представленные термины образованы как неморфологическим способом (метафоризация), так и морфологическим (суффиксация). Разнообразие наименований, связанных с нитями для вышивания, объясняется необходимостью использования нитей в этом процессе, значимостью цвета нитей, их качества, особенностей для получения желаемой вышивки.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–13. М.: СПб, Наука, 2004–2009 (БАСРЯ).
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т. 1-4. М.: Уникерс, 1994 (Даль).
3. Картотека словаря орловских говоров. Материалы хранятся на кафедре русского языка Орловского государственного университета (КСОГ).
4. *Малеваная И.В.* Рукоделие. Ижевск: Алфавит, 1998 (Малеваная).
5. Материалы, полученные от информантов: М.П. Игнатовой (Мценский район), М. Д. Матенковой (Хотынецкий район), В.И. Мироновой (Орловский район), В.И. Ревтовой (Орловский район) (МИ).
6. Народные художественные промыслы Орловщины / сост. Сухоленцева Е.Н. Орел: Орловский областной институт усовершенствования учителей, 2003. С. 17-32 (Сухоленцева).
7. Преображенский, А. Словарь русского языка. Т. 1-3. М., 1910-1914 (Преображенский).
8. Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. проф. Р. И. Кудряшовой Волгоград: ВГИПК РО – Вып. 1-3. 2007-2008 (СДГВО).
9. Словарь орловских говоров / Под ред. Бахваловой Т.В. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991; Вып. 5-15. Орел, 1992-2008 (СОГ).
10. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М. Л.: Наука, 1950-1965 (БАС).
11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л.; Спб.: Наука, 1965–2010. Вып. 1-43 (СРНГ).
12. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1-3. М., 1958 (Срезневский).
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. 1-4. М.: Прогресс, 1987 (ЭСРЯФ).
14. *Филин Ф.* О лексико-семантических группах слов / Ф. Филин // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227-239 (Филин).

E.I. BOROVAYA

**THE VOCABULARY OF EMBROIDERING IN OREL DIALECTS:
THE NAMES OF THREADS USING FOR EMBROIDERING.**

The lexic-semantic system of Orel dialects, coming into the south dialect, is presented by many thematic groups. The vocabulary of embroidering is one of such thematic groups and concerns to the professional-industrial vocabulary of Russian language. It also includes several micro groups. The names of threads using for embroidering are presented in the article.

Key words: Orel dialects, the vocabulary of embroidering, the nominative units, a thread.

С.А. БУБНОВ

кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и методики обучения
русскому языку и литературе Орловского
государственного университета
E-mail: bubnows@yandex.ru
Тел. (4862) 49 84 63

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ» ПОЭЗИЯ С.А. ЕСЕНИНА В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОК ПОЭТА

Рассмотрен творческий путь С.А. Есенина 1917–1918 годов. В это время поэт активно участвовал в литературной жизни страны, разделяя «скифское» мироощущение Иванова-Разумника. Судьба революции и «новой России» в рассматриваемый период была лейтмотивом есенинской поэзии. Наиболее глубоко и проникновенно революционные произведения С. Есенина оценили Р. Иванов-Разумник, А. Белый, В. Брюсов.

Ключевые слова: «революционная» поэзия, «скифство», Октябрьская революция, судьба «новой России», духовный максимализм, любовь к жизни и к труду.

В творчестве С. Есенина 1917–1918 годы были весьма плодотворным периодом. Бурные события тех лет не могли не сказаться на мироощущении поэта. Формируемая эстетическая и выстраданная нравственная позиции, бережная любовь к древнерусскому искусству, философски осмысленное, лишённое бездумной апологетики отношение к насаждаемой большевистской идеологии способствовали установлению его творческих связей и, несомненно, подтолкнули к деятельному сотрудничеству со «скифами».

25 марта 1916 года Есенин был призван в армию и направлен для прохождения службы, благодаря хлопотам С. Городецкого, М. Мурашева и Н. Клюева, в Царское село. Там он сблизился с известным и популярным в то время историком литературы и общественной мысли литературным критиком Р.В. Ивановым-Разумником.

События предреволюционной России обратили научную и философскую мысль к поискам пути «новой России». «Скифство», как идейное объединение, представлявшее «своеобразное «почвенничество» с революционным уклоном» [1, 387], выдвинутое Ивановым-Разумником, явилось плодом подобных исканий. В 1917 году Ивановым-Разумником был организован выпуск литературно-художественного альманаха «Скифы», в первом номере которого во введении-

манифесте он в соавторстве с С.Д. Мстиславским под лозунгом: «Да будет воля моя» восстал против всех норм в искусстве, сознательно отстаивая духовный максимализм и «вечную революционность». Иванову-Разумнику удалось привлечь к сотрудничеству в альманахе К. Бальмонта, А. Белого, В. Брюсова, Е. Замятина, Вяч. Иванова, Н. Клюева, А. Ремизова.

«Скифское» мироощущение в определённой степени разделил и С. Есенин. Об этом мы узнаём, в частности, из его письма к А. Ширяевцу: «Иванов-Разумник «<...> человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим. <...> Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжён, и вот у него-то <...> и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя» [2, 96]. Автор письма так увлекательно отозвался о критике, потому что увидел в нём воплощение близких идей и настроений, высоко оценивал его редакторско-издательскую инициативность, советуя Ширяевцу посылать произведения в «Скифы» и «Заветы» на имя Р. Иванова. Чуть позже С. Есенин, по словам И.Н. Розанова, признавался: «В общем развитии более всего за эти годы (1915–1917) обязан был Иванову-Разумнику, (он) поддерживал во мне революционное настроение в годы войны» [3, 26]. Иванов-Разумник, не являясь членом партии социалистов-революционеров

(эсеров), активно участвовал в эсеровских изданиях, на страницах которых распространял «перманентный революционизм», выражавший народническое мировоззрение, рассматривавшее личность и блага народа в качестве главных ценностей человеческой жизни. Поэтому в эсеровских газетах «Дело народа», «Знамя труда», «Голос трудового крестьянства» и в других периодических изданиях той же направленности часто печатались произведения поэтов, разделявших «скифское» мироощущение. Так, в «Знамени труда» были впервые опубликованы поэмы А. Белого «Христос воскрес», А. Блока «Двенадцать», С. Есенина «Октоих», «Пришествие», «Инония». В апреле 1917 года в «Деле народа» опубликованы поэмы на историческую тему «Марфа Посадница» и «Ус», созданные Есениным ещё в 1914 году. В них поэт откликнулся на события Первой мировой войны, которые представлялись ему всенародным бедствием.

«Марфа Посадница» получила высокую оценку в критике тех лет. Так, М. Горький как редактор журнала «Летопись» один из первых изъявил желание опубликовать это произведение, охарактеризовав его в письме И. Бунину длинным и недурным стихотворением. Поэма, пронизанная взглядами воина-труженика на войну, показалась цензуре слишком «прозрачной» и не была допущена к печати. Примечательно, что своё отношение к происходящим военным событиям С. Есенин также выразил и в рецензии «Ярославны плачут», где рассмотрел соответствующей тематики стихотворения Т. Щепкиной-Куперник, Л. Столицы, М. Трубецкой и Е. Хмельницкой, отозвавшись о них с искренней похвалой.

Р. Иванов-Разумник в статье «Поэты и революция», развивая свою концепцию «вечной революционности», увидел в «Марфе Посаднице» первое революционное произведение Есенина. По мнению критика, автор поэмы воспел вольный и свободолюбивый дух новгородцев, олицетворённый в исконной, неисчерпаемой и нестигаемой народной силе, тогда как большинство других поэтов – К. Бальмонт, В. Брюсов, Ф. Сологуб, С. Городецкий, А. Липецкий – поддались в дни начавшейся войны пропаганде квасного патриотизма, прославлению внешней государственной силы – непобедимости царя и отечественного оружия.

Спустя два года после первой публикации поэмы критик В.Л. Львов-Рогачевский в книге «Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин» (М., 1919) также обратил на неё внимание. Признавая будущее литературы за пролетарскими и крестьянскими писателями, критик-марксист отмечал, что Есенин был в числе тех, кто в своём творчестве откликнулся на революционные события в стране. В поэмах «Марфа Посадница», «Ус», «Товарищ» и «Певущий зов» поэт, по словам автора книги, выступил светлым вестником любви к жизни и смело отразил противоречивую современность. «Былину о Марфе Посаднице» критик аттестовал «стильной, величественной, ударяющей по сердцам с неведомой силой» [4, 53]. Позже, в 1920-е годы, Львов-Рогачевский сблизился в своих суждениях о современной литературе с критиками вульгарно-социологической направленности. Поэтому радостные настроения автора «Радуницы», по его мнению, сменились в «Голубени», «Преображении» и «Сельском часослове» на нотки тревожной тоски, боли, отчаяния, и поэт отвернулся от изображения насущных проблем действительности. Подобные заявления критика вступили в противоречие с высказываниями Есенина о том, что с марта 1917 по январь 1919 года он написал цикл революционных поэм, непосредственно навеянных происходившими в стране событиями и «неонародничеством» Иванова-Разумника. Об этом убедительно свидетельствуют не только произведения тех лет, но и посвящённые им литературно-критические отклики.

В марте 1917 года С. Есенин демобилизовался из армии и целиком посвятил себя литературной работе. Он по-прежнему настойчиво шлифовал своё поэтическое мастерство, стараясь ориентироваться на близкое ему «скифское» смысловое творчество. До конца года им были написаны «Певущий зов», «Товарищ», «Отчарь», «Октоих». В первом номере альманаха «Скифы» опубликовано несколько стихотворений под общим заглавием «Голубень». Осенью написаны поэмы «Пришествие» и «Преображение». В 1918 году читатель познакомился с поэмами «Иорданская голубица» и «Инония». Судьба революции и «новой России» стала лейтмотивом творчества С. Есенина 1917–1918 годов. Изучение крити-

ческих отзывов на революционные произведения поэта показывает, что наиболее глубоко и проникновенно произведения Есенина были оценены Р. Ивановым-Разумником, А. Белым и В. Брюсовым.

В апреле 1918 года в первом номере журнала «Наш путь» наряду с есенинскими поэмами «Октоих», «Пришествие» и «Преображение» была опубликована статья Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре», в которой анализировалась близкая ему по мироощущению современная революционная поэзия А. Блока, А. Белого и С. Есенина. По мнению критика, Россия 1910-х годов пережила два тяжёлых испытания: Первую мировую войну и Октябрьскую революцию. Автор статьи тонко уловил историческую закономерность и определяющие её приметы в смене литературной формы и содержания. Он полагал, что Есенину, Блоку и Белому особенно выразительно удалось сказать о происходящих событиях, на которые они отозвались сердцем. Переживая бурю пожаров социальной революции, поэты, убеждённо заявлял критик, создали яркие, над-исторические произведения, в которых творчески реализовалась новая философская идея о возможности полного духовного и физического раскрепощения с приходом революционной победы для всех слоев общества. В заключение Иванов-Разумник утверждал: поэзия А. Блока, А. Белого и С. Есенина дала нам то, «к чему мировая история придёт в грядущем» [5, 158].

В другой статье Иванов-Разумник на примере творчества тех же поэтов истолковал собственные идейно-максималистские взгляды «скифства», трактуемые как «новое мировоззрение грядущего Социализма» или «новая вселенская идея» [6, 140]. По своей значимости революционные события 1917 года критик сравнил с принятием на Руси Христианства, которое, совершив духовную революцию и дав внутреннюю свободу человеческой мысли, по своей сути, оказалось «анти-Христовым», потому что впоследствии церковные институты с их догматикой и культом были направлены против свободы мысли и творчества. Христианская коммуна из-за отсутствия политической и социальной свободы не удалась. И теперь, полагал критик, человечество пришло к обратному пути – социальной революции с её политической и общественной свободой. В «гряду-

щем Социализме» должна победить социальная коммуна, в которой будет спасён каждый человек. И хотя время опровергло оптимистические взгляды критика, однако именно под впечатлением его «новой вселенской идеи» о пришествии нового мира были созданы поэмы С. Есенина «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Пришествие», «Октоих», «Преображение», «Инония», А. Блока «Скифы», «Двенадцать» и др. Приводя цитаты из Евангелия и отстаивая «вечную революционность», Иванов-Разумник назвал «Инонию» Есенина «богоборческой» поэмой с радостными образами, пронизанной дыханием новой веры. Блок, Белый и Есенин представлены в статье «пророками» вселенской идеи своего времени» [6, 149].

О настроении и мироощущении поэта тех дней можно судить также и по его рецензии на сборник стихотворений П. Орешина «Зарево», опубликованной вместе со статьёй Разумника «Россия и Инония» в журнале «Наш путь». Есенин приветствовал появление первой книги стихотворений поэта, в которой отразилось всё многообразие деревенской жизни с её окружающей природой, бытом и переживаниями крестьян. В «Зареве» С. Есенину было всё кровно дорого, важно и необходимо, поскольку русская деревня всегда представляла для него «родину». Он разделял «скифские» настроения П. Орешина, определив лейтмотивом его сборника деревенскую идиллию, к которой необходимо стремиться.

Критики футуристической ориентации иначе оценили творчество С. Есенина и его увлечение «скифством». В журнале «Книжный угол» в статье «Паноптикум» Ф. Смирнов осудил А. Блока, А. Белого и С. Есенина за тяготение к неонародничеству. Критик не верил в искренность убеждений поэтов и расценивал их революционные поэмы как своеобразную спекуляцию на очередной модную идею. Свои инвективы он объяснял появившимися в периодике статьями Р. Иванова-Разумника, который на примере произведений названных поэтов комментировал и «разжёвывал «малограмотной публике» [7, 15] собственную идею.

В другой статье того же журнала Блок, Клюев, Есенин и Ширяевец были хлётко названы «стихописцами, натасканными на революцию» [8, 16]. Критик считал, что затянувшуюся революцию с

её отчаянной борьбой, голодом и «бескормицей» надо отражать правдиво и без прикрас. В революционных произведениях упомянутых поэтов автор статьи услышал только лишь панегирик «сильной власти». Он критиковал поэтов за восторженный романтизм и чрезмерно нарочитую поэтизацию христианских образов, что, на его взгляд, вело к неизбежному отказу от изображения правдивой суровой действительности. Автор статьи обратил внимание на то, что большинство революционных произведений названных поэтов написаны однопаузным трёхдольником двадцатилетней давности и, иронизируя, призвал «одописцев революции» согласно духу времени попытаться выразить себя так называемой «свободной» строкой.

В редакционной статье журнала «Вестник жизни» тоже была рассмотрена литература, посвящённая событиям 1917 года. Сообщалось, что в период революций в стране широко распространились «неопределённо-демократические, народнические устремления» [9, 31] с отвлечённо-восторженным ликованием, отразившимся, главным образом, в произведениях К. Бальмонта, П. Радимова, С. Есенина и П. Орешина. Примечательно, что автор статьи, ратовавший за ориентацию литературы на реалистические традиции, положительно отозвался о творчестве Есенина, между прочим заметив, что в его «опьяняющих» словах «Товарища» нет ещё «чёткого и продуманного социального содержания» [9, 32].

А. Белый, заведовавший тогда поэтическим отделом литературно-художественного альманаха «Скифы», пытался вывести поэзию из бытовой повседневности и предать ей космический размах и религиозно-мистическое содержание, своего рода своеобразное символическое миропонимание современности. Такой взгляд на литературу привёл поэтов-«скифов» к самоотстранению от копирования противоречивой современной действительности, на что им в буквальном смысле указывали критики-марксисты, футуристы и пролеткультовцы. В статье «На перевале» А. Белый поддерживал творчество С. Есенина, прославлявшего рождённую в пламени революции «иную Россию». Подобно А. Блоку, Н. Клюеву и П. Орешину автор статьи приветствовал революцию с её очистительной стихией, от которой критику становилось «лег-

ко, беззаботно, певуче в неосвещённой вечерней Москве» [10, 125]. Русская революция подкупала А. Белого своей мятежностью, невиданностью, отторжением всех догматов прежней жизни и мысли. Максималистский революционный пафос он подкреплял в конце статьи цитацией революционных произведений Клюева и Есенина.

М. Торов, придерживаясь в оценке литературы социологического подхода, в обзоре «Поэты из народа» рассмотрел творчество современных поэтов, вышедших из трудящихся масс. Критик выделил бесспорный талант С. Есенина и причислил его к народнически-крестьянским поэтам. Внимание автора обзора привлекли внимание книги «Радуница» и «Голубень», в которых он отметил ясность изображения и свежесть восприятия Есениным деревенского быта, переданного старорусскими крестьянскими выражениями. Отстаивая в литературе большевистские взгляды, М. Торов вместе с тем безапелляционно заявлял, что поэт поддался влиянию интеллигентской среды во главе с Ивановым-Разумником, который якобы уводил Есенина от пролетарской поэзии и марксистского мировоззрения в далёкие от революционной реальности эмпирии.

Саморазвитие и творческие взаимовлияния поэта, происходившие в переломную эпоху, а также критические отклики на «Радуницу», побудили Есенина сосредоточить своё внимание на отображении современности. Наиболее полно ему это удалось осуществить в поэме «Преображение», ставшей одним из первых художественных отзывов на события Октябрьской революции. В книгах «Иисус младенец» и «Голубень» критики отмечали уже не только умение радостно и восторженно описать хорошо знакомую и дорогую поэту природу и деревенскую жизнь, но и говорили о влиянии на его творчество «скифства» в создании ряда произведений, в центре которых оказывались мистические и библейские образы.

Книга «Иисус младенец» была издана в январе-феврале 1918 года в Петрограде «артелью художников» «Сегодня». Её обложка, рисунки и клише раскрашены от руки Е. Туровой. Книга, состоящая из одноимённого стихотворения, была издана тиражом 125 экземпляров. Единственная рецензия, в которой она упоминается, опубликована в 1918 году в журнале «Наш путь». Рассматривая «Хвои» Н. Венгрова, «О судьбе

огненной» А. Ремизова, «Пионеры» У. Уитмена и «Исус младенец» С. Есенина, рецензент отмечал как положительный факт литературной жизни, что под крышей одного издательства («Сегодня») существуют писатели различных эстетических ориентаций. Характеризуя произведения Есенина, критик указывал, что поэт «перевёл» в стихотворении библейские сюжеты на простой и доступный неискущённому читателю язык, что его персонажи – те, кто постоянно окружает рядового человека; птицы – учат добру, вниманию и заботе о людях, воспитывают любовь к жизни и к труду. В 1921 году книга «Исус младенец» была переиздана издательством «Скифы» в Чите, что случайностью никак назвать нельзя. Это ещё раз свидетельствует о «скифской» принадлежности поэта и о том, какое значение придавалось его творчеству в одном из интереснейших и до сих пор по-настоящему неосознанных явлений умственной жизни России переломных лет.

В мае 1918 года в издательстве «Революционный социализм» увидел свет есенинский сборник «Голубень». Немногочисленные статьи и рецензии, ему посвящённые, содержали в основном положительные оценки. В 1920 году в издательстве «Московской трудовой артели художников слова» книга была выпущена вновь.

Первая рецензия на книгу появилась в воронежском журнале «Сирена» (1918 г.). Её автор назвал С. Есенина одним из лучших крестьянских поэтов, чьи произведения питались апокрифической литературой и нежной любовью к родной земле. Лейтмотивом есенинской поэзии он обозначил деревенскую жизнь средней полосы России с её природой – равнинами, озёрами и перелесками. Рецензент попытался определить и главные мотивы разбираемого сборника: «Русь животная» («Осень»; «Голубень»; «Корова» и др.), «Русь – полевая, –злаков» («О красном вечере задумалась дорога...»; «Не бродить, не мять в кустах багряных...» и др.), «Русь – большой дороги» («В том краю, где желтая крапива...»; «Прощай, родная пуща...» и др.), «Русь любовная, половая» («Запах трав от бабьей кожи на губах моих я слышу»; «Хозяйка спит, а свежая солома примята ляжками вдовоющей любви» и другие). Такой неожиданный подход позволил критику рассматривать книги «Голубень» и «Радунца» как близкие по содержанию и заявить о том, что

творчество С. Есенина органически связано с природой и оказывается преломленным через призму то ли художника-этнографа, то ли правого представителя «скифства».

Другой рецензент отмечал в сборнике богатство языка и вместе с тем удивительную поэтическую простоту. Критик назвал «Голубень» пёстрой книгой, которая читается со смешанным чувством радости, досады и страха. Сотрудничая одно время с эсерами и сознавая «себя продолжателем традиций позитивистской критики» [11, 7], А. Дерман тем не менее не разделял «скифские» идеи Р. Иванова-Разумника и осудил мистические стихотворения, включённые в сборник, где усматривал предпосылки воинственного «похода» на реализм, на сложившиеся радикально-демократические традиции и полную оторванность от происходивших в стране событий.

В целом же положительную оценку получило и второе издание книги. По мнению критика журнала «Художественное слово», в «Голубени» многое хорошо задумано и смело выполнено. В сборнике, подчеркнул рецензент, отчётливо проявилась основная примета творчества поэта – его яркое и самобытное дарование. Недостатком В. Брюсов, в тот период уже требовавший от стихотворцев простоты изложения и прямолинейной ориентации «в сторону жизни», считал не вполне оправданным «изобилие религиозных и церковных образов» [8, 16] и ряд неестественных, с его точки зрения, сравнений и метафор, таких как «дождь пляшет, сняв порты» или «на долину бед спадают шишки слов». Замечания критика могли быть вызваны и включением во второе издание книги так называемых «имажинистских» стихотворений Есенина, эстетическая и идейная направленность которых заметно контрастировала с послереволюционными брюсовскими воззрениями и представлениями о назначении литературы.

К лету 1918 года поэт переехал на постоянное место жительства в Москву. В это время его произведения чаще всего стали появляться на страницах эсеровской печати, что отчасти можно объяснить закрытием ряда периодических изданий и издательств. Важно и то, что редакторско-издательскими делами социалистов-революционеров занимались те,

чи идейно-эстетические убеждения были близки поэту. Критик В. Левин, вспоминая о своей редакторской деятельности в газетах «Знамя труда» и «Голос трудового крестьянства», писал: «Я делал тогда непозволительные вещи: печатал его (Есенина) стихи в «Знамени труда», а через некоторое время те же стихи в «Голосе трудового крестьянства». <...> Иногда просто перепечатывал его прежние произведения, считая, что хорошие стихи никому не повредят» [13, 214]. В первый год революции Есенин испытывал подлинный прилив творческих сил, создав 30 стихотворений и около 10 «маленьких поэм».

В июле 1919 года, во время работы Пятого съезда Советов, большевики подавили восстание «левых» эсеров. Эсеровские издания стали быстро закрываться. Началось планомерное наступление на основы свободы и демократии. Есенин неслучайно вполне осознанно воспринимал современную ему эпоху как «эпоху умерщвления личности». Уже в поэме «Сельский часослов», опубликованной 1 июня 1918 года в газете «Знамя труда», революционное настроение поэта уступает место трагическим нотам сомнения и отчаяния.

Закрытие эсеровских изданий и сектантская политика Пролеткульта побудили группу литераторов – С. Клычкова, П. Орешина, Л. Повицкого, А. Белого, при непосредственном участии С. Есенина, – организовать кооперативное издательство «Московской трудовой артели художников слова». До конца 1918 года у Есенина в этом издательстве вышли три книги стихотворений: «Радуница» (2-е изд.), «Преображение» и «Сельский часослов».

В обзоре «Русская литература за 1918 год» редактор воскресного литературного отдела газеты «Возрождение Севера» А. Долинин назвал С. Есенина наряду с А. Блоком, А. Белым,

Н. Клюевым самым крупным поэтом эпохи. Разделяя идеи В. Иванова и В. Розанова и выступая против социологического направления в литературной критике, автор обзора в есенинском «Сельском часослове» обнаружил «беззаветное горение и стремление в даль» [14, 4].

Итак, 1917 – 1918 годы в творчестве С. Есенина оказались напряжённым и плодотворным в творческом плане периодом. К 1919 году он стал автором пяти книг. Поэт постоянно стремился находиться в гуще литературных и общественных событий, пытаясь определить меру и возможность своего участия в сложившихся условиях. До середины 1918 года он сумел найти себя в идейном объединении «Скифы». Примечательно, что поэты-«скифы», будучи близкими по философско-эстетическим взглядам с партией эсеров, тем не менее не были её членами. Критики-марксисты, футуристы и пролеткультовцы, представлявшие в революционные годы достаточно организованные направления и литературные группировки, не разделяли «новой вселенской идеи» Р. Иванова-Разумника. Так, В. Львов-Рогачевский, М. Торгов, Ф. Смирнов и Е. Камень, отстаивая в своих выступлениях идейно-эстетические постулаты большевизма, критиковали есенинскую поэзию за независимое звучание, указывали на её «мировоззренческую незрелость», а самого поэта упрекали в уходе от ответов на животрепещущие вопросы. На самом деле он активно участвовал в общественной и литературной жизни страны, прямо и определённо выражал своё отношение к происходившим переменам. С ожесточением политической борьбы острее и непримиримее становилась полемика между различными литературными течениями и группировками. В эти годы поэт стал и сам выступать в роли профессионального оценщика современной литературы.

Библиографический список

1. *Лавров А.В.* Иванов-Разумник: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь: В 5 т. / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1992. Т. 2.
2. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 6.
3. *Розанов И.Н.* Есенин о себе и других. М., 1926.
4. *Львов-Рогачевский В.* Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. М., 1919.
5. *Иванов-Разумник.* Испытание в грозе и буре // Наш путь. Пг. 1918. № 1.
6. *Иванов-Разумник.* Россия и Инония // Наш путь. Пг. 1918. № 2.

7. Смирнов Ф. Паноптикум // Книжный угол. Пг. 1918. № 3.
8. Камень Е.П. Профессионалы // Книжный угол. Пг. 1918. № 3.
9. [Б. п.] Отражение революции 1917 г. в русской литературе // Вестник жизни. М. 1918. № 2.
10. Белый А. На перевале // Наш путь. Пг. 1918. № 2.
11. Дерман А. [Рецензия] // Понедельник «Народного слова». М., 1918. 8 июля. Рец. на кн.: Есенин С.А. Голубень. Спб., 1918. 78 [2] с.
12. В. Б. [Рецензия] // Художественное слово. М. 1920. Кн. 1. Рец. на кн.: Есенин С.А. Голубень. Спб., 1918. 78 [2] с.
13. Левин Вен. Есенин в Америке // Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: В 2 т. / Вст. ст., сост. и коммент. Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 1.
14. Долинин А. Русская литература за 1918 г. // Возрождение Севера. Архангельск, 1919. 1 янв.

S.A. BUBNOV

REVOLUTIONARY POETRY OF S. ESENIN IN THE CULTURAL CONSCIOUSNESS OF CONTEMPORARIES

The article treats Esenin`s creative activities in 1917-18 when the poet was an active participant of Russian literary life sharing the Scythian world-view of Ivanov-Razumnik. The fortunes of the revolution and of the «New Russia» became the main topic of Esenin`s poetry. R. Ivanov-Razumnik, A. Belyi, V. Bryusov gave the deepest analysis and most sincere appreciation of Esenin`s revolutionary poetry.

Key words: «revolutionary» poetry, the «Scythian» world-view, the October Revolution, «New Russia`s» fate, spiritual maximalism, love of life and work.

Е.П. ГУРОВА

аспирант кафедры истории русской литературы XX – XIX вв. Орловского государственного университета

E-mail: gurevich84@yandex.ru

Тел. 8 953 620 05 35

ТЕМА ПУТИ В «ЖИТИИ ИНОКА ЕПИФАНИЯ»

В статье рассматривается тема пути в Житии инока Епифания. Выделяется два аспекта понимания пути в тексте: как реализация и духовное движение героя от идеи личного спасения к идее борьбы с никонианской ересью ради спасения всего мира и как перемещение в пространстве с целью поиска идеального локуса.

Ключевые слова: агиография, житие, жизненный путь, пустынь, образ креста.

Применительно к агиографии тема пути может быть рассмотрена в двух основных аспектах. Первый – это перемещение героя в пространстве, движение от одного реального локуса к другому. Второй представляет собой собственно жизненный путь, путь подвижничества, уподобления Христу, конечной целью чего является обретение жизни вечной. Эти аспекты, несомненно, взаимосвязаны, поскольку святой, меняя локальную ситуацию, может воздействовать на статус локуса, сакрализуя его. Следствием такого движения являлось, в частности, основание новых обителей (как, например, в Житии Саввы Освященного). В то же время миссионерская или проповедническая деятельность святых, требующая перемещения в пространстве, становилась способом реализации избранного героем подвига и способствовала достижению цели «жизненного пути».

В автобиографическом «Житии» одного из выдающихся деятелей старообрядчества XVII века инока Епифания, написанного им в пустозерской ссылке, вероятно, в 1675 или 1676 г., мы обнаруживаем развитие обоих вариантов темы пути.

Ключевым эпизодом для понимания темы пути в «Житии» инока Епифания является чудесное видение в «темничном оконце». Начинается данный эпизод с внутреннего монолога автора, находящегося в темнице, «яко во гробе», и охваченного «великой печалью», которая «возмутиша всю внутреннюю» его: «Что се творится надо мною, бедным? Монастырь оставил, в пустыне не

жил, а колико ми в пустыне Христос и Богородица чудных показа богознамений! И то мя не удержало там, пошел к Москве: хотел царя отвратити от погибели его, злые ереси никониянския хотел от него отлучить и спасти его. А ныне царь пуще и старово погибает, христиан зле всяко мучит за истинную святую старую Христову веру. А я ныне в темнице, яко во гробе, сижу, жив, землю погребен; всякую нужу терплю темничную <...> А не ведаю, ест ли то на ползу и спасение бедной и грешной души моей и приятно ли то и угодно ли то Богу, свету нашему, сия вся моя страдания. Аще бы ведал, что есть на пользу и на спасение бедной и грешной души моей и Христу-Богу приятна моя бедная страдания, то бы с радостью терпел вся сия, о Христе Иусе» [4, с. 197]. Как видим, здесь Епифаний перечисляет все этапы своего реального пути как перемещения в пространстве и в то же время соотносит этот путь с путем духовного движения, причем перемещения из пустыни в Москву, а затем в ссылку автор связывает с задачей спасения царя и истинно христианской веры от никонианской ереси, с одной стороны, и с задачей спасения своей «бедной и грешной души», с другой. Завершается эпизод чудесным видением: «И вижу сердечныма очима моима: темничное оконце мое на все страны широко стало и свет велик ко мне в темницу сияет. Аз же зрю прилежно на той великий свет. И нача той свет огустевати, и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое; очи, и нос, и брада, по-

добно образу нерукотворенному Спасову. И рече ми той образ сице: «Твой сей путь, не скорби» [4,с.197]. Несомненно, в данном случае выражение «твой сей путь» метафорично, обозначает тот жизненный подвиг, который совершил Епифаний.

Аналогичный по семантике эпизод, позволяющий рассматривать тему пути как историю борьбы и страданий, имеется в Житии протопопа Аввакума, им самим написанном. Мы имеем в виду сон о корабле, украшенном «разными пестротами». «Юноша светел», находящийся на нем, предлагает Аввакуму: «Твой корабль! На, плавай на нем з женою и детьми, коли докучаешь!» [4,с.43]. Проснувшийся герой размышляет: «что се видимое? И что будет плавание?» [4,с.43]. Известная с древнейших времен метафора плавания как жизненного пути получает в данном отрывке свое оригинальное воплощение. Для Аввакума это чудесное видение и предзнаменование, и момент выбора жизненного пути. Недаром ему предшествует эпизод борения с «огнем блудным», который Аввакум побеждает, подобно подвижникам прошлого, терзанием собственной плоти (жжет руку над свечою). После же видения прекрасного корабля окончательно определяется направление деятельности протопопа, который, говоря словами А.М. Панченко, ратует за «оцерковливание быта».

В Житии инока Епифания герой почти в конце сочинения и в конце жизни получает свыше подтверждение правильности своих действий, богоугодности избранного подвижнического пути. Что же этому предшествует? Каков путь героя?

Многие исследователи (А.Н. Робинсон, Н.В. Поньрко, И.П. Еремин) обращают внимание на то, что «Житие» Епифания написано в два приема и состоит из двух частей: в первой части автор рассказывает о своей жизни на севере, в «пустыне» на реке Суне; во второй – преимущественно о своей пустозерской ссылке и о всем том, что он там пережил, «страдаая» за «правую» веру.

В первой части перемещение героя в пространстве связано с его поисками уединенного места, которое было бы наиболее пригодным для личного спасения. Первый этап – пребывание в некоем городе: «И как скончались отец мой и мати моя, и аз, грешный, идох во град некий, зело велик и многолюден, а град благочестивой, христианской, и пребых в нем семь лет»

[4,с.174]. Следующий этап связан с решением принять монашество, что осмысляется как выбор жизненного пути и приводит к перемещению в пространстве: «И прииде ми помысл взыскати пути спасения. И идох ко Всемиловитовому Спасу во святую обитель Соловецкую, ко преподобным отцем нашим Зосиме и Саватию» [4,с.174]. В Соловецком монастыре Епифаний пробыл двенадцать лет, последние из которых совпали с никонианскими реформами. В результате оформилось желание уединиться, отрешиться от отступников и еретиков: «И от тоя тоски и печали, по совету и по благословию старца келейнаго и отца духовнаго, взял книги и иная нужная, потребная пустынная, и благословил мене старец образом Пречистыя Богородицы со младенцем Иисус Христом, – медяным, вольяшным, и изыдох от святого монастыря милости у Христа просити себе и людем в дальнюю пустыню на Суну-реку, на Виданьской остров...» [4,с.175]. Здесь по благословию старца Кирилла Епифаний отправляется в келью, «идеже бес живет», затем рядом с нею герой отстраивает свое жилище. Таким образом, обретается пространство, потребное для реализации избранной цели, – личного спасения. Это пространство сакрализуется присутствием в нем образа «вольяшной медяной Пречистыя Богородицы со Иисус Христом», оно прекрасно, оно защищено от воздействия внешней неблагоприятной среды и в буквальном смысле этого слова в огне не горит. Данный локус обладает качеством уединенности (на острове, в полуверсте от кельи старца Кирилла). Несмотря на то, что Епифаний заявляет о намерении в своем отшельническом житии «милости просити у Христа, и Богородицы, и святых его» не только себе, но и людям, на деле в первой части текста главным аспектом жизненного пути оказывается активная борьба святого с бесами, которые постоянно тревожат его и которых он непременно побеждает благодаря заступничеству Богородицы.

«Прекрасная пустыня» становится тем местом, где совершается духовное развитие Епифания. Эпизоды борьбы с бесами, конечно, обладают некоторым сходством друг с другом, но каждый из них, несомненно, с точки зрения самого автора является определенным шагом в его продвижении по пути к совершенному идеалу. В конце первой части Епифаний приходит к

значимому для себя выводу: «без благодати Духа Святаго невозможно одолети не токмо зверя, или беса, или человека, но и худаго и ничтоже мнимаго всякаго дела без помощи Божий невозможно исправить» [4,с.182]. А это свидетельствует о переходе инока на новую духовную ступень и приобретении определенного жизненного опыта.

Вторая половина жития в своей сюжетной части начинается с рассказа «кресте Христа-Бога и Спаса нашего». Если в первой части все повествование было подчинено истории личного спасения и именно этому способствовали все перемещения в пространстве и характеристики обретенного локуса, то вторая часть, события которой также концентрируются вокруг Епифания, тем не менее имеет несколько иную направленность. С нашей точки зрения, чудо о кресте является неким связующим звеном между ними. С одной стороны, действие происходит еще в «прекрасной пустыни», а с другой – герой ориентирован уже не только на самого себя, но и на людей, ради которых он изготавливает поклонный крест. Кстати говоря, образ креста, возникающий еще в локусе «пустыни» становится особенно значимым во второй части жития, поскольку именно этим «рукоделием» – изготовлением крестов (только значительно меньших размеров) Епифаний занимается в пустозерской ссылке.

Рассказ о перемещении старца в Москву, о собственно борьбе с никонианами в Житии отсутствует, хотя в рассмотренном выше эпизоде чуда в «темничном окне» Епифаний называет Москву как одно из мест его пребывания в течение жизни. Герой, как мы помним, горюет о том, что ни в монастыре, ни в пустыни ему не жилось. Почему он покидает свою келleyку? Думается, что ответ на этот вопрос дается в двух следующих чудесах из второй части: «О преподобием Ефросине, иже во Андомскую пустыню забежа от никонияньския ереси и скончася тамо о Христе Иисусе» и «Чюдо Пречистыя Богородицы». Прямых указаний на необходимость путешествия, перемещения в пространстве здесь нет, но в жизнь Епифания, исполненную забот о своей душе, врывается жизнь страны, нестроения в церкви, и, вероятно, он осознает необходимость не только культивировать христианские идеалы благочестия в себе, но и нести их окружающим.

Интересно, что в четвертом эпизоде – «Ино чюдо Пречисты Богородицы» – пространство

меняется, теперь это Пустозерск, где Епифанию и его соратникам отсекли руки и урезали языки. В следующем эпизоде автор возвращается к событиям, происходившим в Москве и Братошине, где иноку в первый раз резали язык. Затем рассказывается о заточении в Пустозерской темнице и новой казни. Таким образом, для второй части Жития оказывается совершенно безразличным порядок перемещения героя в пространстве, да и само пространство за пределами Пустозерска не имеет особого значения. Определяется второй значимый локус – «темница, яко гроб», которая определено противопоставлена по своим характеристикам «прекрасной пустыни». Собственно существенным для пути героя оказывается поиск идеального пространства и его обнаружение сначала в виде уединенной келии, затем отказ от нее ради служения Богу и спасения себя и людей в земляной тюрьме. Если «прекрасная пустыня» идеальна для целей личного спасения, то темница идеальна для целей широкого общественного характера. В келье на острове Епифаний сам ограничивает себя в контактах с миром и в возможности воздействия на мир. В земляной тюрьме герой находится в вынужденной изоляции, которая оказывается мнимой, ее границы преодолеваются при помощи писательской, просветительской и полемической деятельности не только самим Епифанием, но и другими заключенными-старообрядцами. Этому в немалой степени способствует и рукоделие героя, изготовляющего кресты, в которых, как известно, на волю передавались сочинения пустозерских затворников.

Образ креста приобретает символическое значение: Епифаний не только вырезает кресты из дерева, но и несет свой крест, что подтверждается словами Спаса из видения в «темничном окошке»: «Твой сей путь! Не скорби» [4,с.197]. Этот крестный путь героя и есть его жизненный путь, его образ подражания Христу.

Таким образом, тема пути в Житии инока Епифания реализуется и как духовное движение героя от идеи личного спасения к идее борьбы с никонианской ересью ради спасения всего мира, и как перемещение в пространстве с целью поиска идеального локуса, потребного для реализации крестного пути подвижника-мученика.

Библиографический список

1. *Еремин И.П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
2. *Житие Епифания* // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. Л., 1989.
3. *Понырко Н.В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXIX. С. 154-169.
4. *Пустозерская проза*: Сборник /Сост., предисловие, комментарий, переводы отдельных фрагментов М.Б. Плюхановой. М., 1989.
5. *Робинсон А.Н.* Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15.

E.P. GUROVA

THEME PATH «INOKA EPIPHANIUS LIFE»

The article tells us about the life of inok Epiphanius. Two aspects stand out path in the text: understanding how spiritual movement hero from the idea of personal salvation to combat nikonianskoj heresy in order to save the world, and as moving through space to find the perfect locus.

Key words: *hagiography, life, career, deserts, the image of the cross.*

О.Г. ДУБРОВСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тюменского государственного университета

E-mail: o_dubrovskaya@inbox.ru

Тел. 8 982 919 19 20

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОСМЫСЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРЫ, МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме изучения взаимосвязи культуры, мышления, языка. В работе приводятся свидетельства в пользу необходимости дифференцировать социальные и дискурсивные практики как системы координат разной сущностной природы, ориентирующих человека в мире.

Ключевые слова: социальные и дискурсивные практики, культура, мышление, язык

Цель работы – сформировать представление о необходимости изучения социальных и дискурсивных практик как разных результатов когнитивной обработки информации, поступающей к человеку, как неязыковых и вербальных способов концептуализации и категоризации мира.

Актуальность исследований, посвященных изучению вопросов о взаимосвязи, взаимовлиянии культуры, мышления и языка не вызывает сомнений. Несмотря на длительную научную традицию изучения, до сих пор в науке о языке неоднозначно толкуются вопросы, связанные с описанием роли и степени взаимовлияния культуры, языка и мышления. Языковой материал часто является доказательством наличия или отсутствия тех или иных этнокультурных черт и национальных характеристик того или иного лингвокультурного общества. Так, например, высказываются мнения о пассивности, эмоциональности, фатализме и иррациональности русских, основанные на результатах анализа лексических и синтаксических средств русского языка (безличных предложений, в частности) [2]. С другой стороны, признается, что судить о характере народа только по языку – значит, игнорировать не только достижения когнитивной лингвистики, но и важные формы культуры как литература, кино и др.: «Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ лексической семантики русского

языка даст нам ключ к пониманию каких-то его существенных характеристик» [24, с. 295].

Также как в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике, исследовавших проблему взаимоотношения языка и мышления, в культурной антропологии в 50-60х годах XX века возникал вопрос о влиянии культурной среды на познавательные процессы мышления, восприятия и др. Существовали и существуют мнения об отсутствии в человеческом мышлении различий, обусловленных культурной средой, с одной стороны, и исследования, согласно которым культура оказывает существенное влияние на мышление человека.

Так, М. Сегал (M. Segall), по свидетельству М. Коула и С. Скрибнер, полагает, что горизонтально-вертикальная иллюзия слабее проявляется у людей, которым редко приходится видеть горизонт или смотреть вдаль (например, у жителей джунглей), и сильнее – у людей, среда которых требует, чтобы они часто воспринимали такие расстояния [10].

М. Харди и С. Хэйс (M. Hardy и S. Heyes) приводят следующие свидетельства в пользу теории обусловленности восприятия внешней средой: африканские пигмеи – жители джунглей, оказавшись на равнинной местности, отказались поверить в то, что буйволы – это животные больших размеров, поскольку на расстоянии буйволы выглядели очень маленькими. Только оказавшись рядом с

буйволами, жители джунглей поверили ученым, исследовавшим особенности человеческого восприятия в разнообразной неязыковой среде [28].

Выявлено достаточно много связанных с культурой как внешней средой различий в перцептивном поведении людей, в особенностях мышления, которые оказываются «не свободными» от культурного опыта [10]. Лингвисты также полагают, что культура формирует человека: человек всегда находится под влиянием своей культуры [6].

Решая вопрос о национальной специфике вербальной категоризации реальной действительности, Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин предполагают, что «если и есть нечто специфическое в мыслительной деятельности носителей того или иного языка, то источник его следует искать во внешней деятельности, деривате мышления» [22, с. 20]. Далее авторы отмечают, что «вся национальная специфика «гнездится» в операциях – способах совершения действий, которые (способы) целиком зависят от условий. Под условиями авторы понимают не только естественные условия окружающей среды, но и артефакты, нормы социального взаимодействия и др. «Наличие не совпадающего в разных языках содержания у слов, соотносимого с тождественными реалиями, определяется национальной спецификой деятельности и возникающими на ее основе социальными отношениями» [22, с. 25].

В исследованиях последних лет в описании взаимосвязи культуры, мышления, языка ученые используют термин «ментальность» и / или «менталитет». Чаще всего под менталитетом (ментальностью) понимают нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, то есть глубокий и поэтому труднофиксируемый источник мышления, те коллективные представления людей, их образ (картину) мира, которые доминируют в обществе [1, 5]. Содержание менталитета, по мнению В.А. Пищальниковой, заключается в когнитивной сфере и определяется прежде всего знаниями, которыми владеет общность [17]. Говоря о русской, английской и других ментальностях, ученые подразумевают ментальности, соотносимые с соответствующими социокультурными общностями, а не только с языками [18].

В лингвистических исследованиях термин ментальность (менталитет) конкретизируется

до термина языковая ментальность (термин О.Г. Почепцова) и связывается с идеей картины мира (модели мира): картина мира – осознанное представление, а ментальность сознанием не рефлексирована [15].

В специальной литературе этнокультурные различия в ментальности человека, людей, общностей объясняются несколькими теориями. Наиболее известными являются: теория детерминизма С.Л. Рубинштейна, согласно которой психический уклад людей определяется их образом жизни и может изменяться с его изменением [19]; теория деятельностного подхода А.Н. Леонтьева признает, что форма деятельности людей определяет национальные особенности менталитета [12]; теория культурно-исторического развития Л.С. Выготского, в понимании которого культура и история развития общества определяют ментальность человека [3]; теория интериоризации Ж. Пиаже, ассимиляция и аккомодация как процессы усвоения индивидом общественного опыта) [16].

Культурно-психологическое своеобразие этносов и иных больших устойчивых групп, по мнению некоторых ученых, «слагается исторически, часто усилиями многих поколений, поэтому подлинная природа социально-психологической консолидации таких общностей может быть вскрыта только посредством историко-психологического анализа, погружающего объект изучения в реку времени» [8, с. 13].

Идея «о соотношении между познавательными процессами и социальными институтами и видами деятельности» в отечественной науке связана с работами Л.С. Выготского и А.Р. Лурия: «Особенности способа мышления не имеют ничего общего с биологической спецификой изучавшихся нами людей. Они являются целиком общественно-исторической характеристикой психической деятельности. Стоит общественно-историческим условиям измениться, чтобы изменились и особенности познавательных процессов» [13, с. 53].

Учеными выявлено, что восприятие, мышление и другие познавательные процессы «развиваются в ходе общей социализации ребенка и неразрывно связаны с теми видами деятельности, коммуникации и общественных отношений, в которых участвует ребенок» [10, с. 19], то есть с культурой как возделыванием. В то же самое

время некоторыми учеными отмечается, что «знание человека детерминировано внешними факторами двояко: явлениями и законами природы и общественных отношений» [23, с. 39].

Идея о влиянии культуры как среды человеческого существования (в смысле «возделывания») на мышление человека была положена в основу так называемой «контрастивной риторике», разработанной зарубежным ученым Р.Б. Капланом в 60-х годах XX века (см. работу [26]). Р.Б. Каплан, изучая тексты, написанные на английском языке студентами, для которых английский язык не является родным, предположил, что культурную принадлежность студентов, изучающих английский язык, можно установить по структуре написанных ими текстов. Исследователь выявил пять способов построения текстов: английский (English), семитский (Semitic), восточный (Oriental), романский (Romance), русский (Russian) [26, с. 16].

Теория Р. Каплана о взаимодействии **культуры** и **мышления** была механически «перенесена» в проблему описания взаимодействия языка и мышления и способствовала интерпретации взаимосвязи языка и мышления в теории лингвистического детерминизма (сильной версии теории лингвистической относительности Сепира и Уорфа), согласно которой язык определяет мышление своего носителя. Так, в наше время С.Н. Мусульбес в своем диссертационном исследовании отмечает, что построение мысли всегда обусловлено национально-культурной спецификой родного языка [14]. О.Н. Губарева в своем диссертационном сочинении, посвященном выявлению и описанию метадискурсивных параметров письменного научно-учебного текста по экономике для определения культурно-обусловленных различий в организации научно-учебных текстов на русском и английском языках, отмечает: «Принято считать, что поскольку особенности стиля научной литературы во всех языках, в основном, связаны с экстралингвистическими причинами – требованиями точности, объективности и логичности изложения научных фактов, – принципы составления научных текстов не зависят от той или иной языковой системы» [4, с. 3]. Верное по своей сути мнение О.Н. Губарева опровергает, ссылаясь на неверное истолкование положений контрастивной риторике Р. Каплан и

(тем более) У. Коннор, следующим суждением: «Однако последние данные [Connog 1983; 2008; Steinman 2006] свидетельствуют о том, что это представление ошибочно» [4, с. 3].

Иными словами, не принимается во внимание тот факт, что обучение письму представляет собой культурный опыт, основанный на традициях письменной культуры той или иной страны, который приобретает в процессе социализации и не обязательно свидетельствует об особенном стиле мышления представителей определенной культуры: «различные по культуре группы людей чрезвычайно отличаются друг от друга своими представлениями, теориями объяснения мира, художественными произведениями и техническими достижениями» [10, с. 210].

Важно отметить, что всё многообразие мира не обязательно должно быть репрезентировано в языке, поскольку языковая картина мира – это только часть концептуальной картины мира. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением о том, что И. Ньютон не открыл бы закон всемирного тяготения, если бы он не говорил по-английски (см. дискуссию в: [10]). Вероятно, наоборот, отсутствие знакомства с научной культурой физики, незнание «культуры физики» могли бы быть решающими факторами в «неоткрытии» закона всемирного тяготения И. Ньютоном: логику И. Ньютона определял не язык, а «физический» взгляд на мир.

Проанализировав литературу, посвященную вопросу взаимосвязи культуры, мышления, языка мы пришли к следующему выводу: поскольку язык репрезентирует только часть культуры как фрагмента мира, целесообразно описывать взаимоотношения культуры, мышления, языка с применением двух видов практик: **социальных практик** как категорий, объединяющих внеязыковой (невербальный) опыт и модели поведения, характерных для представителей той или иной культуры и носителей того или иного языка, и **дискурсивных практик** как категорий, которые обозначают «речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства» [7], то есть как категорий, объединяющих языковые модели «в действии, в употреблении», то есть в дискурсе. В этой связи Б.Г. Юдин отмечает, что социальные практики

следует изучать как формы взаимоотношения между людьми и социальными институтами, «которые носят не разовый характер, а воспроизводятся в сходных ситуациях» [25, с. 134].

В социальных практиках как совокупности принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами [20] фиксируется **неязыковой** опыт взаимодействия с миром. Так, в научном академическом сообществе зарубежных стран (в отличие от России) существует социальная практика комментирования докладов предыдущих участников конференции на секционном или пленарном заседании. Эта социальная практика имеет языковую репрезентацию в английском языке (соответственно, не репрезентирована в русском языке): лексема *discussant* обозначает ученого, «который на пленарном или секционном заседании посвящает свое выступление комментированию докладов предыдущих участников» [11, с. 203].

Иными словами, часть социальных практик получает вербализацию в том или ином языке, а другая часть, неактуальная для носителей языка, не вербализуется. При этом значение слова как «концепт, схваченный знаком», по известному метафорическому замечанию Е.С. Кубряковой, может фиксировать разные концептуальные признаки, релевантные для сознания носителей того или иного языка: *конференция (conference)* в английском языке используется «по отношению к встрече даже двух людей» [11, с. 202]. На этом основании родительское собрание или индивидуальная встреча учителя с родителем именуется с помощью лексемы *конференция (parent-teacher conference)*.

Мы полагаем, что ощущение чужой культуры и иногда непонимание чужой культуры – это ощущение и понимание несоответствия прежде всего моделей социального взаимодействия с миром, невербального поведения. Овладев английским языком, человек не становится британцем, поскольку «этнодифференцирующим признаком не всегда является язык»: этнос представляет собой «устойчивую в своем существовании группу людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие» [21, с. 32] (выделено нами – О.Д.). Присвоив социальные практики взаимодействия с миром чужой страны и впоследствии дискурсивные практики, человек приближается

к пониманию «устройства» неродной среды и культуры. Однако, фактором идентичности, как справедливо отмечает А.И. Донцов, «является не сама по себе объективная культурная отличительность этих элементов, а их восприятие, оценка в качестве таковых» [8, с. 13].

Мы думаем, что при прочих равных условиях **социальные** практики по объективным причинам существенно отличаются друг от друга в разных культурах, так и внутри одной культуры: «Реально на национальное сознание, создающее первичную модель мира, воздействует лишь небольшой участок (можно даже сказать, точка) пространственно-временного континуума - природно-климатические условия ареала обитания, существовавшие в исторический период языкового становления конкретного этноса. Для одного народа это была заснеженная тундра, для другого – бескрайние степи или пустыни, для третьего – непроходимые леса или джунгли, для четвертого – горы. Единство внешнего мира как фактор, определяющий общность человеческой психологии и мышления, на этапе формирования национально-языковой картины мира разных народов отсутствовало, то есть имело место не единство мира, а **множество ЕДИНСТВЕННОСТЕЙ** мира, поскольку знания о мире каждого народа ограничивались непосредственно воспринимаемой природно-климатической средой, отличающейся от условий обитания других этносов» [9, с. 145].

В 1977 году Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин отмечают: «Отчетливее всего национальная специфика проявляется в деятельности. Сама деятельность реально существует в действиях, которые в зависимости от условий совершаются определенными способами (операциями). Общественно-исторический опыт и его национальная специфика прежде всего воплощены в операциях, а также в «наборах» операций, предназначенных у разных народов для выполнения идентичных деятельностей» [22, с. 17].

По этой причине, на наш взгляд, в наши дни в работах по межкультурной коммуникации приводятся, как правило, примеры особенностей невербального поведения или описываются этикетные формулы общения. Так, отмечается, что в Японии не принято смотреть в глаза друг другу, указывается, как правильно делать комплименты, готовиться

к интервью, говорить по телефону с представителями разных социумов и культур и др. (см.: [27]).

В этой связи системное изучение механизмов проявления и «работы» дискурсивных практик (а не только социальных) в контекстах разных культур до сих пор остается актуальной задачей современного языкознания: отсутствие комплексного подхода к специфике речевого поведения, по мнению Е.Ф. Тарасова и Ю.А. Сорокина, объясняет «тот факт, что языковеды в меньшей мере преуспели в изучении феномена общения» [22].

Социальная группа «как целостное психологическое образование», как «относительно устойчивая совокупность людей, исторически связанных общностью ценностей, целей, средств либо условий социальной жизнедеятельности», по мнению ученых, должна характеризоваться: включенностью группы в систему общественных отношений; наличием основания находиться в группе; сходством условий и событий жизни, предполагающих общность впечатлений и переживаний; длительностью существования, достаточной для возникновения языка, традиций, ритуалов, культуры; разделением и дифференциацией функциональных ролей между членами группы; наличием органов планирования, контроля; осознанием участниками своей принадлежности к группе; признанием данной общ-

ности как группы ее социальным окружением [8, с. 9-10]. Но главным системообразующим и интегрирующим основанием, по А.И. Донцову, выступает «социально обусловленная совместная деятельность» [8, с. 11], которая, на наш взгляд, в случае кросс-культурного взаимодействия участников коммуникации эксплицирует разнообразные модели мира.

В проводимом нами исследовании мышление мы связываем с когнитивной обработкой информации, результаты которой материализуются как языком, так и иными семиотическими кодами. Культура, на наш взгляд, как невербальная система координат, выработанная человечеством в процессе концептуализации и категоризации мира, не может не оказывать влияние на мышление человека. Язык репрезентирует лишь часть результатов когнитивной обработки информации, часть «возделанной» человечеством концептуальной системы. С этой точки зрения, внешний мир шире, чем мир, репрезентируемый языком. Дифференцированный подход к изучению социальных и дискурсивных практик учитывает важные положения отечественной когнитивной лингвистики о довербальной природе человеческого мышления и позволяет переосмыслить гипертрофированную роль культуры в формировании вербальных стилей коммуникации.

Библиографический список

1. *Аутлева Ф.Т.* Ценностно-нормативные ориентиры русского менталитета: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. - 137с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416с.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: АСТ, 2011. 637с.
4. *Губарева О.Н.* Сопоставительный анализ способов метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономик: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2011. 25 с.
5. *Гуревич А.Я.* Ментальность. // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Ред. М. Ферро, Ю.А. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 454.
6. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. // Вопросы языкознания. №4. 1994. С. 17-34.
7. *Дискурсивные практики* [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.mirslovari.com/content_soc/DISKURSIVNYE_PRAKTIKI-11472.html, свободный. – Загл. с экрана.
8. *Донцов А.И.* Проблема социальной группы в зеркале этнопсихологии. // Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. С. 5-15.
9. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349с.
10. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. / Пер. с английского П. Тульвисте / Ред. А.Р. Лурия. - М.: Изд-во «Прогресс», 1977. 250с.

11. *Леонтович О.А.* Англоязычный научный дискурс с позиций межкультурной коммуникации. // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы / Материалы II Международной научно-практической конференции 20-21 октября 2009 г. Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. Волгоград: «Парадигма», 2009. С. 201-209.
12. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». М.: Смысл, 2000. 509с.
13. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. / Ред. Е.Д. Хомская. М.: Изд-во МГУ, 1979. 320с.
14. *Мусульбес С.Н.* Обучение аргументирующему дискурсу в сфере письменного общения: языковой вуз, продвинутый этап, английский язык: дис.... канд. пед. наук. М., 2005. 202 с.
15. *Петренко О.А.* Этнический менталитет и язык фольклора. Курск: Изд-во Курского педагогического университета, 1996. 118с.
16. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: РИМИС, 2008. 448с.
17. *Пищальникова В.А.* Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке. // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 1997. С. 125-126.
18. *Почепцов О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира. // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110-123.
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Спб.: Питер, 2000. 720с.
20. *Социологический словарь* [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.mirslovari.com/content_soc/socialnye-praktiki-7545.html, свободный. – Загл. с экрана.
21. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320с.
22. *Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А.* Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения. // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 14-38.
23. *Тугаринов В.П.* Философия сознания. М.: Мысль, 1971. 98с.
24. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496с.
25. *Юдин Б.Г.* От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной. // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126-135.
26. *Connor U.* Contrastive Rhetoric: Cross-Cultural Aspects of Second Language Writing [Текст] / U. Connor. - Cambridge: Cambridge University Press. 1996. - 201p.
27. *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory* [Текст] / Ed. by H. Spencer-Oatey. - Continuum International Publishing Group, 2008. - 372p.
28. *Hardy M., Heyes S.* Beginning Psychology. A Comprehensive Introduction to Psychology [Текст] / M. Hardy, S. Heyes. - Oxford: Oxford University Press, 1999. - 387p.

O.G. DUBROVSKAYA

SOCIAL AND DISCOURSE PRACTICES AS DIFFERENT RESULTS OF THE PROCESSES OF CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION

The article deals with the problem of social and discourse practices. It is argued that they should be thought of as different results of the processes of conceptualization and categorization of the world

Key words: social and discourse practices, language, culture, thought.

Т.С. ИВАНОВА

аспирант института языкознания РАН

E-mail: toleus@yandex.ru

Тел. +7 916 132 33 23

СЕТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРИСУТСТВИЯ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ

В статье рассматривается Интернет как явление не только технико-коммуникационное, но и социокультурное. Интернет образует особую эклектичную среду, где сталкиваются внешне несовместимые взгляды, теории, идейные направления, которые отражают нашу лингвистическую сущность. С возникновением высоких технологий уже можно говорить об особой функциональной разновидности языка – языка, обслуживающего электронные средства коммуникации.

Ключевые слова: функциональная дистрибуция языков, интернет, многоязычие.

Интернет образует особую коммуникативную среду, особое место реализации языка, которое не имеет аналогов в прошлом. Виртуальная реальность интернета по мере развития приобретает черты нового мира и стиля жизни, который стимулирует появление новых средств коммуникации. Само интернет-пространство представляет собой живое человеческое мышление, выраженное в форме текста, синтезирующее также графику, звук, анимацию. Интернет как новое коммуникативное пространство способствует тому, что носители языка чаще задумываются над используемыми языковыми средствами. Сеть стимулирует речевое творчество коммуникантов; язык становится не только средством коммуникации, но и инструментом творческой самореализации общающихся.

Тимоти Бернерс-Ли, действующий глава Консорциума Всемирной паутины, однажды сказал, что Интернет в большей степени несет в себе социальный характер, а не технологический [7]. Другими словами, Интернет можно расценивать как явление не только технико-коммуникационное, но и социокультурное. Если исходить из этого, то становление и развитие данной системы не может не включать в себя элементы, формы и уровни культуры, сложившиеся до того, как возникла Сеть Интернет. Поэтому она является ответом на определенную потребность, которая возникла в истории культуры, став формой ее удовлетворения. Таким

образом, Интернет есть не только результат развития техники, но и результат развития культуры, поэтому развитие Сети идет в том направлении и в том русле конфликтов, проблем, которыми охвачена вся современная культура. Следовательно, развитие коммуникационной Сети нельзя отрывать от общего процесса развития современного общества.

Российские лингвисты указывают на то, что с возникновением высоких технологий уже можно говорить об *особой функциональной разновидности языка – языка, обслуживающего электронные средства коммуникации*, к которым, прежде всего, относится язык Интернета и других глобальных электронных сетей, «...а также язык текстовых сообщений, передаваемых посредством других коммуникационных платформ: службы сообщения мобильных телефонов... язык сообщений по телексу, по системам межбанковских коммуникаций... и сообщений на базе некоторых других технических систем специального применения» [6]. Ученые указывают на ряд причин, по которым язык средств электронной коммуникации можно на настоящий момент считать функциональной разновидностью языка. Сфера функционирования этого подязыка четко отграничена от других сфер коммуникации, т.к. она осуществляется при помощи технических электронных средств и является всегда опосредованной ими. Этот подязык служит удовлетво-

рению специфических коммуникативных целей – общение ради общения и т.д.

Языковые средства этой функциональной разновидности языка характеризуются определенным набором лексических и грамматических характеристик, которые могут быть легко выделены, формализованы и образуют единый прагматический комплекс [4].

В этой связи вполне очевидным представляется положение о том, что язык, обслуживающий коммуникацию в Интернете, подвергается трансформации в самых различных аспектах: на уровне лексики, правил построения высказываний и связного текста, жанрово-стилистических норм, соотношения устной и письменной речи, коммуникативных стратегий и тактик. О формировании нового стиля – стиля интернет-общения – свидетельствует целый ряд особенностей, на которые обращают внимание даже обычные пользователи Интернета, не склонные к глубокой рефлексии над языком. Наиболее значимыми из них являются следующие: смешение речевых стратегий, компьютерный сленг, элементы которого переходят в общепотребительную лексику; возрождение эпистолярного жанра (что четко демонстрирует постоянно растущая популярность живых журналов и всей блогосферы Сети в целом); игровые условия коммуникации в виртуальном пространстве; интер- и гипертекстуальность, которая находит отражение в коммуникативной организации Сети.

А.А. Атабекова вводит понятие *лингвистический дизайн веб-страницы*, понимая под этим «... материально воплощенные фрагменты языковой картины мира социума. Взаимодействие языковых средств на пространстве веб-страницы – это отражение универсальных, идиоэтнических традиций и индивидуальных особенностей речевого общения» [1].

При этом Л.Ю. Иванов считает, что «электронный язык» является именно функциональной разновидностью языка, а не функциональным стилем, в силу целого ряда свойств, дифференцирующих понятие «стиль» от понятия «подъязык» или «разновидность языка». К этим свойствам относится значительное наличие нейтральных средств литературного языка как на периферии, так и в центре, и ненормативных средств языка, которые в этом аспекте приближают его к языку СМИ. Эта разновидность языка стилистически

незамкнута и не может быть сведена ни к одному из функциональных стилей и других функциональных разновидностей языка. Этот язык нельзя связать ни с одной специальной сферой коммуникации или типом дискурса (научного, религиозного, образовательного и прочее). И эта разновидность языка наряду со специфическими зонами и функциями «обслуживает» и обыденное человеческое общение [4].

Интернет предоставляет огромные возможности пользователям в плане обеспечения свободы выражения мнений, получения образования и доступа к информации. Однако очень серьезной проблемой является то, что получить информацию и услуги в Интернете можно в основном на доминирующих языках.

Возникновение в 20 веке электронных средств связи повлекло за собой множество перемен в жизни всего мирового сообщества. Интенсивное развитие интернета способствовало быстрому внедрению технологий во всеобщее употребление, изменяя и тем самым упрощая способ получения необходимых данных. Всемирная компьютерная сеть стала привычным источником информации и средством общения для миллионов пользователей. Интернет является одним из самых мощных факторов мотивации в изучении английского языка. Это объясняется тем, что английский язык выступает связующим звеном с англоязычным ядром коммуникативного пространства сети, и выступает в качестве основы, на которую ориентируются носители другого языка при формировании конвенций электронного общения на родном для них языке.

Таким образом, Интернет становится одним из наиболее динамично развивающихся явлений современного общества. С ростом его аудитории, на сегодняшний день составляющей уже около 600 млн. человек по всему миру, Интернет является средством глобальной коммуникации, для которой не существует национальных границ. Коммуникация объединяет мировые информационные ресурсы в единое целое. Необходимо отметить, что Интернет – это своего рода система, которая была придумана людьми, поэтому она создана в их интересах и соответствует их природе, структуре и целям. В данной системе наблюдаются закономерности и характеристики, которые имеют отношение уже не к индиви-

дуальному человеку и не к его параметрам, а к культуре в целом [1].

Интернет образует особую эклектичную среду, где сталкиваются внешне несовместимые взгляды, теории, идейные направления, которые отражают нашу лингвистическую сущность. В *New York Times* была опубликована статья Майкла Спектера, которую он назвал “World, Wide, Web: three English words” (Всемирная компьютерная сеть – три английских слова). В ней он написал о том, что если люди хотят воспользоваться всеми преимуществами Интернета, то необходимо сделать только одну вещь – выучить английский язык [10].

Английский язык стал международным языком, что является закономерным. Вывески, названия фирм, предприятий, многие надписи, предупреждения и т.д. дублируются на английском языке. Сложно работать в Интернете, не обладая достаточными знаниями и навыками английского языка. Многие сайты стараются дублировать свое содержание на английском языке.

Большинство программ имеет английский интерфейс (китайские программы, немецкие и т.д.). Производители программного обеспечения не стремятся локализовать свои продукты и перевести их, например, на русский язык, где в качестве международной версии выступает английская. Такая приверженность английского языка к Всемирной паутине объясняется тем, что он изначально являлся базовым языком Интернета, так как зародился и существовал первые годы только в США. Следовательно, 100% его пользователей говорили на английском языке. Затем наступила эпоха стремительного расширения Интернета и сеть стала глобальной, охватив весь мир. Английский язык стал не просто средством сетевого общения англоязычных пользователей. В процессе распространения Интернета этот язык выступает в качестве коммуникативного стандарта для представителей самых различных культур. Английский язык является языком поп-музыки, бизнеса, научных конференций, международных соревнований и т.д. В течение длительного времени программное обеспечение разрабатывалось лишь на языках, использующих латинский алфавит, тем самым, ставя в невыгодное положение группы стран, которые им не пользуются. Теперь же технические решения в этой области разра-

батываются очень быстро. Однако даже там, где таких решений пока нет, люди, двуязычные которых позволяет им пользоваться латинским алфавитом, приспособливают эти знания к другим языкам, которыми они владеют [12, 13].

Разрабатываются практические решения, которые дают возможность использования языков с разными алфавитами с помощью клавиатуры с латинскими буквами и программного обеспечения, написанного на другом языке. Предполагается, что именно знание английского языка позволяет разрабатывать такие решения. В какой-то мере это опровергает довод о том, что английский язык непременно ограничивает использование других языков в Интернете.

Одна треть человечества имеет разноуровневые познания английского языка. Согласно статистике, половина бизнеса в Европе, три четверти почтовой корреспонденции ведется на английском языке, две трети мировых ученых читают на английском, 80% информации хранится в электронном виде на английском языке. Но с расширением сети Интернета число людей, например, говорящих на французском или русском также увеличивается [14].

С глобализацией Интернета присутствие других языков постоянно растет. К середине 90-х примерно 80 % сети составлял английский язык. Он занимал доминирующую позицию и был далеко впереди. Но со временем стали появляться и другие языки – немецкий, японский, французский, испанский и т.д. Таким образом, из-за развития инфраструктур в Европе, Азии, Африке, Южной Америке – английский язык стал сдавать свои позиции. Рост числа пользователей Интернет идет по всем языковым группам, однако в западной (в том числе и в англоязычной) уже заметно медленнее [19].

Специализированный веб-сайт, занимающийся исследованиями Интернета, представил статистику первого триместра 2008 г. по основным языкам пользователей Сети. Это исследование включает десять наиболее используемых в Интернете языков [20]. Топ-позиции списка занимают английский, китайский и испанский языки, которые используют 55,6% всех посетителей Паутины. Английский, как и прежде, возглавляет список и тем самым подтверждает свое лидерство на международном уровне. Вторую позицию за-

нимает китайский, родной язык практически 20% всего населения земного шара. А третье место досталось испанскому – официальному языку 22 стран. Японский, французский, португальский и немецкий занимают соответственно четвертое, пятое, шестое и седьмое места. Арабский язык – на восьмой строчке. Русский, корейский и итальянский занимают соответственно девятое, десятое и одиннадцатое места [18].

Опрос Global Reach выявил, что количество пользователей Интернета, не говорящих по-английски, превышает количество англоговорящих пользователей, например, в период с 1995 до 2000 – число увеличилось от 7 млн. до 136 млн. Так, около 59,8% пользователей выходят в Сеть из регионов, где не говорят по-английски. Пользователи из европейских стран, где не говорят на нем, составляют 33,9% всей аудитории Интернета. Среди европейских языков лидирует испанский, его используют 40,8 млн. человек. Немецкий используют 38,6 млн. пользователей, французский – 22 млн., а на итальянском в Сети говорят 20,2 млн. человек. Пользователи из азиатских стран составляют 25,8% совокупной аудитории Интернета, что равняется 146,2 млн. человек в абсолютном выражении. Первое место среди азиатских языков занимает китайский (55,5 млн. пользователей), на втором месте японский – 52,1 млн., а замыкает тройку лидеров корейский язык – 25,2 млн. пользователей [18].

По данным последнего исследования аудитории Интернета, проведенного совместно Советом Интернета США и организацией International Technology & Trade Associates (ИТТА), англоязычные пользователи впервые в истории перестали доминировать в Сети – их доля составила около 45% от общего числа пользователей Интернета [19].

Несколько слов о языковой принадлежности содержимого Интернета. По данным Global Reach относительно страниц на английском языке в Интернете, – порядка 68,4%; любой другой язык пока не превышает 6%. К сожалению, более точных данных по количеству страниц на определенных языках не существует в силу технических трудностей. Согласно данным японского исследователя Йоши Миками, 90 % японской сети – уже на японском языке. А если рассмотреть обстановку в Германии, где проживают около 4 миллионов русскоязычных людей, то 5% населения

этой страны говорят по-русски. Следовательно, возрастает потребность именно в интернет-порталах на русском языке, так как значимость Интернета в Германии очень велика. Кроме того, Интернет доступнее и распространеннее чем, например, газеты, традиционно ориентирующиеся на более зрелый возраст. И самое главное – люди больше доверяют информации, прочитанной на родном, в данном случае, на русском языке. Но есть и определенные проблемы. Русский язык в Германии претерпевает определенные изменения, зачастую не в лучшую сторону. Происходят интерферентные явления, так имеет место смешение русских и немецких слов [15, 18].

Таким образом, разнообразие языков в Интернете означает наличие большего количества сайтов на национальных языках. Сеть постоянно отражает распространение языкового присутствия в реальном мире, многие сайты – тому доказательство. Например, сайт бельгийской газеты представлен на 6 языках (французском, голландском, английском, немецком, итальянском, испанском) [19].

Интернет притягивает как источник информации и отталкивает как мощный фактор разрушения привычной для человека языковой среды. Расширение национального сегмента глобальной сети вызывает желание воспользоваться всеми возможными ресурсами Интернета, например, при поиске, выводит пользователя за пределы привычной языковой среды.

В научной среде часто можно услышать мнение о том, что Всемирная паутина представляет угрозу для литературного языка, способствуя расшатыванию норм грамматики и словоупотребления, пропагандируя безграмотность. Современные формы коммуникации – электронная почта, форумы, интернет-пейджеры – требуют соответствующих речевых средств. Например, в скоростной переписке по электронной почте или ICQ, когда обмен сообщениями занимает секунды, участники диалога средствами письменной речи общаются так, как если бы видели друг друга. Такую речь нельзя назвать ни устной, ни письменной; скорее, это «письменная разговорная» речь. Но только благодаря повсеместному распространению Интернета открываются невиданные до этого возможности для тех, кто интеле-

ресуется каким-либо языком и культурой, знает, любит, желает выучить определенный язык [4, 6].

Следовательно, английский – это побочный эффект географического происхождения разработанных технологий и местонахождения ранних пользователей. По мере того как расширяется доступ к Интернету населения во всех уголках мира, тенденция к языковому разнообразию может только усиливаться. Английский язык был также последствием общественного положения ранних пользователей, которые принадлежали к элитным транснациональным группам. По мере того как доступ становится все более демократичным и по мере все более глубокого вертикального проникновения Интернета в толщу общества, лингвистические последствия будут такими же серьезными [6]. Но английский язык все еще остается средством передачи огромного потока информации по Всемирной паутине. Поэтому решение проблем многоязычного доступа к информации стало особенно актуальным.

Для обеспечения хорошего функционирования Интернета необходимо придать ему мультиязычность, избавить его от засилья английского языка, который фактически стал стандартом. Однако Интернет по-прежнему способствует тому, что английский язык укрепляет свой статус мирового «лингва франка». Несмотря на это, носители других языков, используя английский в качестве посредника, не утрачивают собственного языкового и культурного своеобразия. Использование английского не стирает культурных различий между пользователями, что и подтверждают последние исследования лингвистов.

Интернет представляет собой сложную социотехническую систему, не имеющую географических границ. Эта система представляет собой нестабильную, постоянно меняющуюся среду, которая функционирует 24 часа в сутки, значительно увеличивая темпы своего развития. Уникальная среда Интернета является многогранным отражением нашей лингвистической сущности.

В научной среде существует мнение, что Интернет окажет пагубное воздействие на язык. Всемирная паутина будет представлять угрозу для литературного языка, способствуя расшатыванию норм грамматики и словоупотребления, пропагандируя безграмотность. Язык станет сухим, невыразительным, обезличенным. В нем

будет превалировать техническая терминология, общепринятые языковые стандарты будут утеряны, креативность, творческое начало языка также пойдут на убыль, останется лишь однообразие и монотонность. Таким образом, об Интернете можно сказать как о непреодолимой силе, разрушающей языки и культуры, но в то же время, продвигающей к мировому господству только английский язык. Исследователь Дэвид Кристал, опровергает все эти предположения. «Гибельные пророчества появлялись каждый раз, когда новая технология изменяла язык,» – говорит профессор. Естественно, они были и после изобретения книгопечатания в 15-м веке. Но лингвисты должны «ликовать», наблюдая, как интернет дает людям возможность «креативным образом исследовать всю мощь письменной речи» [10]. Британский ученый убежден, что Интернет дает возможность расширить пределы языкового разнообразия, позволяет проявить творческий потенциал языка. Язык не деградирует, а переходит на новый уровень по мере того, как человечество вступает в новую эру коммуникаций. «Ресурсы для неформальных выражений в письменной речи значительно увеличились – такого в английском языке не было со времен Средневековья», – говорит Дэвид Кристал. [11].

Взаимосвязь Интернета и языка далеко не исчерпывается возможностью искажения последнего посредством вливания в рафинированный литературный язык лексических и грамматических особенностей сетевых жаргонов. Гораздо более важным можно считать тот факт, что именно благодаря повсеместному распространению Интернета открываются невиданные до этого возможности для тех, кто интересуется определенным языком и культурой, знает, любит, желает выучить язык. Следовательно, для того чтобы сохранить языковую среду, Интернет должен расти и развиваться и в конечном итоге достичь уровня, отличного от уровней других систем [10].

В этом смысле Интернет можно считать бесценной сокровищницей хранения языков, находящихся на грани вымирания. Носители этих языков создают веб-сайты, словари, а также программы для изучения своего языка, тем самым спасая его от исчезновения. Следовательно, Интернет – особая среда, дающая возможность сохранения языкового разнообразия.

Огромное количество информации, находящейся в Интернете, бесполезно для человека, не владеющего языком, на котором эта информация представлена. Поэтому очень важно обеспечить доступ к информации образовательного, культурного и научного характера в цифровом формате, чтобы все культуры имели возможности для самовыражения и доступа к киберпространству на всех языках, включая языки коренного населения.

Чтобы поддержать языковое и культурное многообразие в киберпространстве, необходимо помочь языкам, находящимся в наиболее неблагоприятных условиях, получить доступ ко всемирной паутине. Если это станет возможным для функционально ограниченного языка, не имеющего собственной письменности, которому грозит полное исчезновение, тем более это будет возможно для всех остальных языков, находящихся в лучшем положении.

Можно сказать, что использование английского языка в Интернете, судя по всему, довольно мирно сосуществует с использованием одного из главных национальных языков. Двуязычные люди, владеющие английским и национальным языком, на котором говорит большое число жителей страны, экономика которой может поддерживать использование этого языка в Интернете и содействовать этому, судя по всему, в массе своей не переключаются на использование английского языка в этой среде. Даже если английский порой и используется, по-видимому, вряд ли это будет содействовать отходу от использования национального языка [9]. Такая вероятность еще более сократится в связи с тем, что крупные языковые группы продолжают приспосабливать источники к их использованию на собственном языке с соблюдением собственных традиций письма. Вместе с тем использование английского языка в Интернете может содействовать языковой переориентации тех, на языке которых говорят немногие, или тех, языковое сообщество которых не располагает экономическими ресурсами, позволяющими финансировать разработку сайтов на собственном языке. В этих условиях знания билингвов могут содействовать такому сдвигу. Сказанное выше указывает, в каком направлении организации, занимающиеся вопросами обеспечения использования разных языков в Интернете, должны прилагать усилия.

Принципиальная новизна Интернета состоит в объединении в Сеть значительного числа людей, которые на новой технологической основе смогли организовать человеческие сообщества, функционирующие по особым законам.

Примечательно, что превращение компьютерной Сети в пространство коммуникаций явилось неожиданным эффектом, который отнюдь не являлся интенцией первых идеологов информационного общества (Белла, Масуды, Тапскотта или Стоуньера). Средства коммуникации пользователей между собой не были самоцелью, а предназначались первоначально для чисто утилитарных целей. Поэтому в отношении Интернета можно говорить об эволюции технологического образования, которое приобрело черты социального пространства, основанного на общении.

В результате интеграции различных аспектов жизнедеятельности государств во второй половине XX века возросла общественная роль мировых языков в международной коммуникации.

Из всего сказанного следует, что основные области применения английского языка как языка мирового общения, – это язык всемирных организаций, международных контактов, политики, бизнеса, торговли, обмена информацией. Отсюда вытекает предположение, что английский язык, занимающий особое положение и выполняющий особые функции мирового языка, должен иметь определенное влияние на остальные языки мира. В лингвистической литературе об этом говорится так: «такие виды речевой деятельности как чтение, перевод научной и публицистической литературы, участие в интернациональных конференциях, конгрессах, симпозиумах, общение в процессе разработки совместных межнациональных проектов и т. п. создают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии» [5]. Прибавим к перечисленным видам деятельности пользование Интернетом как особым видом языковых контактов. Интернет ведет к некоему космополитическому обществу, к великой интернациональной интернетной семье» [5]. Таким образом, если Интернет является средством формирования особой интернациональной культуры, то язык Интернета становится средством формирования особого интернационального словарного фонда. На уровне отдельных языков это проявляется в интенсивном англо-

американском заимствовании. Названия особых языковых кодов, такие как Franglais, Spanglish, Finglish, Japlish, Hinglish, Singlish, Honglais и даже предлагаемое Л.П. Крысиным наименование «русангл», указывают на общий для многих языков процесс усвоения определенных английских черт под воздействием тенденции к интернационализации.

Активизация процесса заимствования в разных языках привлекает внимание исследователей, и в разных работах отмечается возрастающее англо-американское влияние в языках, принадлежащих разным языковым семьям. Статистические данные показывают интенсивное заимствование англицизмов и американизмов во всех языках Европы [17].

Совершенно очевидно, что коммуникация и средства ее осуществления приобретают в Интернете ведущую роль. Формирующееся информационное общество отличают не только и не столько расширяющиеся возможности накопления и переработки информации, сколько новые формы коммуникации и их протекание через особое социальное пространство.

В дисциплинах, изучающих общение в Интернете, обычно под интернет-коммуникацией понимается особая коммуникативно-информационная среда или коммуникативное пространство, опосредованное электронным коммуникативным каналом [16]. Эта среда характеризуется следующими признаками: *виртуальностью, интерактивностью, гипертекстуальностью, глобальностью, креативностью, мозаичностью и анонимностью* [2]. Некоторые лингвисты добавляют к свойствам этой среды такие её особенности, как отсутствие невербальных элементов общения; размывание социальных норм и ограничений, конструирование новых социальных и языковых идентичностей. Также этой среде свойственна автоматизация, возможность использования технологий баз данных, мультимедийность, временная и пространственная независимость, добровольностью и желаемостью контактов; затрудненностью эмоционального компонента общения в сочетании со стойким стремлением к его компенсации (смайлики, эмотикон, параграфемика) [3]. Однако тут необходимо подчеркнуть, что, прежде всего, проявление этих свойств среды крайне неоднозначно и относительно. Например,

возможность практически полной анонимности в чате соседствует в интернет-пространстве с открытой публичностью социальных сетей или полным самораскрытием личности на персональной веб-странице. Ряд теоретиков компьютерного общения указывают также на то, что анонимность, «манипулятивность» и «конструируемость» интернет-пространства приводит к постепенному пересмотру его «социальных границ» (англ.: *boundary shift* или *boundary negotiations*): *публичное может стать приватным, локальное – глобальным, чужое – своим, а личное и потаенное – общественным и доступным* практически неограниченному количеству людей.

При этом ряд аналитиков Сети, изучающих виртуальные сообщества, подчеркивает, что при межличностном взаимодействии коммуникации могут осуществляться как в монокроническом режиме, при котором доступ к сообщениям имеют только отправитель и ограниченное количество коммуникантов (в качестве примера можно привести электронную или голосовую почту, SMS сообщения и др.), так и в полихроническом режиме (в форуме или в некоторых типах блогах).

Коммуникация между пользователями Сети осуществляется средствами естественного языка, который в Интернете получает ряд дополнительных функций. Владение языком приобретает для пользователя Интернета экзистенциальный смысл: с помощью средств языка находят свое выражение не только мысли, но и действия участников коммуникации. Так, обозначить свое присутствие в Сети пользователь может только в процессе вербального общения с другими. Координация совместных действий также базируется исключительно на речевом общении. На вербальный уровень полностью переходит выражение эмоциональных состояний. Также происходит коммуникативное взаимодействие между индивидами без речевых и языковых средств, представленных в прямой или какой-либо знаковой форме, например, смайлики. Разработчики программ мгновенного обмена сообщениями, улучшая их программные характеристики, стараются включить и расширить функцию выражения глаз, общей мимики и различные жесты руками. И, как показывает практика, спрос на такие программы, как ICQ, Skype, MSN и т.д., весьма велик. Люди хотят полноценного обще-

ния в Сети. А появление функции видеозвонков в сотовых телефонах и установка видеоборудования на компьютер, позволяющего общаться в интерактивном режиме, созерцая друг друга, как раз и является ответом на потребность в живой коммуникации на удаленном расстоянии.

Итак, можно утверждать, что вербальное общение является системообразующим признаком Интернета как социальной реальности. Сейчас в основном Сеть предстает в качестве одного из вариантов виртуальной реальности, где на место подобия физических образов поставлено подобие коммуникации. Возросшая роль общения приводит к тому, что сам человек в Сети оказывается редуцированным до набора вербальных сообщений. Необходимо отметить, что Интернет образует особую коммуникативную среду – место реализации языка, которое не имело аналогов в прошлом. Виртуальная реальность Интернета по мере развития приобретает черты нового мира и стиля жизни, который стимулирует появление новых средств коммуникации. Само интернет-пространство является воплощением живого человеческого мышления, выраженного в форме текста, одновременно синтезирующее также графику, звук, анимацию.

Интернет как новое коммуникативное пространство способствует тому, что носители языка чаще задумываются над используемыми языковыми средствами. Сеть стимулирует речевое творчество человека. Язык становится инструментом творческой самореализации общающихся на нем людей.

В рассмотрении языка в Интернете исключительно важным становится вопрос отношения национальных языков с английским, на котором впервые разработано большинство терминов Интернета. В странах, где английский не является родным языком, продажа программ на национальном языке по закону не обязательна, в них очень распространены компьютерные программы, в которых сохраняются оригинальные команды и руководящие указания.

Если английская интернет-лексика опирается на наследие классических языков (*кибер, виртуальный*), интернациональное использование этих слов облегчает их включение и в славянские языки. Они появляются в новых словах *киберпространство, киберцивилизация, кибержурнал*

и в выражениях *виртуальная личность, виртуальный мир, виртуальная библиотека*. Такие слова являются опорными и в статьях и книгах современных культурологов, которые занимаются нашей современностью и уровнями реального существования личности, мира, информации и произведений.

Отклонение от буквального перевода английских слов и использование русских в более широких семантических рамках проявляется в таких примерах: *ссылка* (кроме буквального *связь*, для *link*, *искалка* (кроме *поисковая система*, для *search engine*, *особняк* для *home page*. Производные слова, образованные на славянской, национально специфической лексической основе, с помощью общепринятых интернациональных суффиксов, появляются на страницах о *сетевой словесности*, напр.: *сетера* (сеть + /лет/ера = литература в сети), *сетератор* (сеть + /лит/ератор = литератор, который представляет свои произведения в сети), *сетеризм* (по схеме образования названий художественных направлений).

Расширение лексического фонда славянских языков словами из Интернета происходит за счет включения новых понятий, представлений и действий. О языковых переменах под влиянием Интернета говорят и новые значения уже существующих слов.

Новые данные и представления, вытекающие из развития мировой электронной сети, отражаются на языках. Влияние английской лексики совсем понятно, но межъязыковые связи проявляются по-разному: от заимствования, транслитерации и морфологических преобразований иностранных слов до перевода, переделки и создания новых слов. Интернет оказывается очень интересным источником для языковых исследований и с точки зрения его лексики, и с точки зрения языка, который рождается при создании виртуальных миров.

Но, кроме названных способов возможного влияния Интернета на язык, наблюдается и обратная связь этих элементов, ведь сам по себе язык частично меняет представление о виртуальном электронном мире.

Библиографический список

1. *Атабекова А.А.* (b) Интернет как сфера функционирования естественного языка (лингвометодические аспекты). Материалы международной научно-практ. конференции «Проблемы и перспективы подготовки иностранных граждан в вузах России на рубеже третьего тысячелетия». Липецк // Липецкий государственный педагогический университет, 2000.
2. *Горошко Е.И.* Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Орел, 2006.
3. *Дедова О.В.* Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета). Дисс. докт. филол. наук. М.: МГУ, 2006.
4. *Иванов Л.Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М.: Азбуковник, 2000.
5. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
6. *Трофимова Г.Н.* К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm (2001)
7. *Berners-Lee T.* Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web. Harper Collins Business, 2000.
8. *Campbell G.L.* Concise Compendium of the World's Languages / G. L. Campbell. - Padstow, Cornwall: TJ Press Ltd, 1995.
9. *Crispin Thurlow, Laura B. Lengel, Alice Tomic* «Computer Mediated Communication: Social Interaction and the Internet», Sage Publications, 2004.
10. *Crystal D.* Language and The Internet. Cambridge University press, 2001.
11. *Crystal D.* English as a Global Language. Cambridge University press, 2003.
12. *Dudeny G.* The Internet and the Language Classroom. Cambridge University Press, 2000.
13. *Harrison T. M. & Stephen T. Eds.* Computer networking and scholarship in the 21st century university. Series in Computer-Mediated Communication, 1995.
14. *Li R., Hart R.* What Can the World Wide Web Offer ESL Teachers? // TESOL J.-1996.
15. *Preece, J.; Rogers, Y.; Benyon, D.; Sharp, H.; Carey, T. and Holland, S.* (1994) Human Computer-Interaction. Addison-Wesley.
16. *Swaan A.* A political sociology of the world language system: The dynamics of language spread / A. Swaan // Language problems and language planning. -1998.
17. *Truchot C.* The spread of English: from France to a more general perspective / C Truchot // World Englishes. - 1997.
18. <http://www.globalreach.com/>
19. Internet World Stats – www.internetworldstats.com/stats7.htm
20. <http://www.MIGnews.com/>

T.S. IVANOVA

THE NETWORK AS REFLECTION OF LANGUAGE PRESENCE

In the article the Internet is presented as an eclectic medium that reflects our linguistic nature. This complicated social and technical system and its increasingly multilingual character are also examined and analysed here.

Key words: the Internet, an eclectic medium, linguistic nature, multilingual character.

Е.С. КАПТУРОВА

ассистент кафедры английской филологии
 Орловского государственного университета
 E-mail: e.kapturova@yandex.ru
 Тел. 8 953 629 59 43

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются подходы к обучению восприятию иноязычной речи на слух в языковом вузе. На основе интеграции описанных подходов определяются основополагающие принципы и описываются стратегические основы обучения аудированию, позволяющие эффективно организовать учебный процесс по овладению данным видом речевой деятельности в языковом вузе.

Ключевые слова: принципы и стратегии обучения, восприятие иноязычной речи на слух, компетенции, вторичная языковая личность, языковой вуз.

Вопросы обучения восприятию и пониманию иноязычной речи на слух уже довольно долгое время привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных психологов, психолингвистов и методистов. В нашей стране серьезные теоретические и практические исследования проблемы обучения аудированию на разных этапах учебного процесса ведутся с конца 50-х годов XX века (З.А. Кочкина, М.Л. Вайсбурд, И.А. Зимняя, М.В. Ляховицкий, Н.В. Елухина, Н.И. Гез, Э.Я. Агоева, Л.Ю. Кулиш, Б.И. Лихобабин, И.И. Халеева, Я.М. Колкер и Е.С. Устинова и др.).

Анализ современных публикаций по вопросам обучения восприятию иноязычной речи на слух показывает, что в фокусе внимания исследователей остаются разрозненные вопросы и частные приемы обучения этому виду речевой деятельности, как правило, в рамках средней школы, начальной ступени обучения в языковом вузе или в условиях неязыковых вузов. Различие в методологических подходах, описанных в научных работах, еще больше усложняет задачу создания целостной концепции обучения аудированию.

Таким образом, проблему создания эффективной научно обоснованной системы обучения аудированию в языковом вузе нельзя считать полностью решенной.

Мы считаем, что решение этой сложной проблемы во многом зависит от того, насколько всесторонне она будет рассматриваться. Следует отметить, что при рассмотрении какого-либо ме-

тодического феномена, как правило, избирается один подход, наиболее соответствующий сути исследуемого явления. Однако разработка системы обучения восприятию иноязычной речи на слух в языковом вузе представляется настолько «объемной задачей», что для ее решения требуется всесторонний анализ, который, совершенно очевидно, невозможно осуществить в рамках одного научного подхода. Таким образом, определение основополагающих принципов обучения аудированию в языковом вузе становится возможным только на основе интеграции различных, но при этом существенно дополняющих друг друга подходов.

В качестве последних, на наш взгляд, должны выступить *коммуникативно-прагматический, когнитивно-коммуникативный и компетентностный* подходы. Выделение именно данных подходов основано на типах ведущих видов деятельности в языковом вузе, в качестве которых выступают, с одной стороны, учебная и познавательная, а с другой – коммуникативная деятельность (в нашем случае – аудитивная деятельность).

Перечисленные подходы описывают различные аспекты учебного процесса в языковом вузе (субъект, предмет, цель, содержание и условия обучения) и, как следствие, каждый из подходов позволяет раскрыть перед обучающимся суть учебного процесса на каждом его этапе, обеспечить осознание его задач и сознательное «движе-

ние» к его результату. В своей взаимосвязи эти подходы обеспечивают прочную базу для реализации комплексной модели обучения, в центре которой находится языковая личность студента *языкового вуза*.

Понятие языковой личности, таким образом, выступает в качестве общего стержня, объединяющего вокруг себя перечисленные подходы, интеграция которых должна иметь своим результатом целостное многогранное единство данных, накопленных в рамках каждого из них и дополняющих друг друга.

Необходимо уточнить, что перечисленные подходы уже базируются на принципе интеграции, являясь многокомпонентными образованиями. Так, *коммуникативно-прагматический подход*, объединяя в себе два аспекта, предполагает учет как собственно коммуникативных, так и прагматических компонентов языковых и речевых явлений. Данный подход подчеркивает мотивированный характер коммуникации, ее зависимость от особенностей прагматического плана, а именно от компонентов мотивационно-побудительного комплекса и от условий общения, рассматривает языковые единицы во взаимосвязи с субъектами коммуникации и их коммуникативно-деятельностными потребностями, в основе которых лежат цели и мотивы.

Когнитивно-коммуникативный подход базируется на неразрывной взаимосвязи сознания и деятельности, сознания и языка, т.е. на единстве двух основных языковых функций языка – когнитивной и коммуникативной [6, с. 133]. Данный подход предполагает сознательное овладение языком на основе последовательного формирования в сознании языковой личности индивидуальной когнитивной системы как совокупности когнитивных структур знания и вербальных средств их выражения [5, с. 12].

Компетентностный подход имеет своей целью формирование у студентов различных компетенций. Под компетенциями на сегодняшний день понимаются «интегральные динамические характеристики выпускника, которые выражают ожидаемые и измеряемые результаты обучения (знания, умения, навыки, личностные качества), т.е. достижения выпускника, его готовность и способность осуществлять определенные виды

деятельности после освоения всего курса или его отдельной части» [3, с. 21].

Финальной целью обучения аудированию в языковом вузе, на наш взгляд, является приобретение *иноязычной аудитивной компетенции*, которая является деятельностной характеристикой воспринимающего на слух и носит интегративный характер, объединяя в своей структуре множество факторов, от которых зависит успешность аудирования как рецептивного вида деятельности.

Что касается структуры *языковой личности*, то она состоит из «многослойного и многокомпонентного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровню языка» [1, с. 39].

В контексте обучения иностранному языку и иноязычной культуре принято говорить о приобретении учащимися черт *вторичной языковой личности* (И.И. Халеева, К.Н. Хитрик и др.).

«Вторичная языковая личность» определяется как сложное, системное единство, базирующееся на основе личности человека вообще, который обладает своими, уникальными социально-психологическими характеристиками, но при этом приобретает черты другой лингвокультуры на вербально-семантическом и когнитивном уровне (по Ю.Н. Караулову).

Рассмотрение языковой личности в таком ключе, а именно, как совокупности способностей и характеристик учащегося, обуславливающих способность и готовность к участию в коммуникации на иностранном языке с представителями иной лингвокультуры, позволяет интегрировать указанные подходы в единое целое с целью создания системной модели обучения речевому общению на иностранном языке в языковом вузе. Такая модель отобразит цели обучения, компоненты содержания обучения, порядок их отбора, а также основные методические принципы и стратегии обучения культуре иноязычного речевого общения в языковом вузе.

В общем виде стратегии обучения аудированию в языковом вузе базируются на принципах и методических решениях, логически вытекающих из интеграции трех описанных подходов,

стержнем которой является вторичная языковая личность студента.

Обеспечение мотивации для осуществления студентами коммуникативной, познавательной и учебной деятельности может рассматриваться в качестве одной из основных стратегий обучения восприятию на слух в языковом вузе. При этом мотивация студентов сводится не просто к организации интересного и занимательного учебного процесса, а к реализации личностно-значимого потенциала обучения, индивидуальной релевантности компонентов учебного процесса, что может достигаться за счет:

- использования разнопланового контекста в обучении;
- соответствия содержания обучения а) ожиданиям и интересам студентов; б) прагматическим потребностям; в) задачам языкового и речевого характера; г) индивидуальному уровню развития способностей, умений и компетенций студентов; д) задачам приобретения профессиональных компетенций;
- развития индивидуальных способностей учащихся;
- активного участия в организации процесса обучения за счет «открытого характера процесса обучения, т.е. доступа студентов на «педагогическую кухню» [2, с. 32] и т.п.

Во главу угла при таком подходе ставятся определение, стимулирование и развитие коммуникативных, познавательных и учебных потребностей учащихся, что в ходе обучения аудированию позволяет последним научиться:

- 1) рассматривать данный вид речевой деятельности с точки зрения мотивационно-потребностной сферы, т.е. достижения своих целей и реализации собственного коммуникативного намерения;
- 2) фокусироваться, прежде всего, на решении коммуникативных задач взаимодействия в процессе восприятия иноязычной речи на слух, а не просто на «декодировании» заданного извне содержания;
- 3) анализировать содержание, способы и средства оформления высказывания с тем, чтобы в дальнейшем самим эффективно планировать собственное высказывание.

Однако введение понятия языковой личности в модель обучения диктует необходимость рас-

смотрения с данных позиций обоих участников коммуникации: как реципиента, так и отправителя сообщения. С точки зрения обучения аудированию это означает, что в процессе восприятия иноязычной речи на слух учащиеся должны овладеть умениями и навыками по распознаванию в звучащем сообщении информации всех трех уровней продуцирующей это сообщение языковой личности (по Ю.Н. Караулову):

- мотива, цели, коммуникативного намерения говорящего на мотивационном (прагматическом) уровне;
- понятий, идей, смысловых векторов сообщения на когнитивном (тезаурусном) уровне;
- отдельных слов, словосочетаний и фраз на вербально-семантическом уровне.

Иными словами, в курсе обучения аудированию иноязычной речи студенты должны научиться:

- 1) определять особенности структуры языковой личности говорящего и учитывать зависимость порождения устного высказывания и его содержания от ее трехуровневой структуры;
- 2) определять зависимость избираемых говорящим языковых средств и речевых действий от мотивационного и когнитивного уровней его языковой личности (т.е. его замысла и фоновых знаний);
- 3) распознавать не только общий мотив и цель говорящего, но и осознавать его промежуточные мотивы и цели, соотнося их со своими общими и промежуточными целями и мотивами, а также отслеживать смену коммуникативного намерения говорящего и его отказ от намеченной цели;

4) рассматривать процесс восприятия как последовательное раскрытие иерархически взаимосвязанных между собой компонентов замысла говорящего, которые несут коммуникативную нагрузку и способствуют восприятию высказывания как коммуникативного целого.

Приведенные выводы доказывают, что необходимым условием успешного и эффективного восприятия и понимания иноязычной речи на слух являются осознание основных механизмов коммуникации в целом и аудирования иноязычной речи в частности, а также накопление опыта – лингвистического, коммуникативного, прагматического, учебного (в широком понима-

нии) – и осознанная, целенаправленная опора на опыт в условиях выполнения как привычных, так и новых видов деятельности. С точки зрения овладения видами речевой деятельности на иностранном языке это означает опору на принципы сознательности, интеллектуализации, системности и градации трудностей.

Принцип сознательности предполагает осознанное обучение и *научение*, осознанное осуществление коммуникативной и познавательной деятельности. Этот принцип означает, что, участвуя в учебной деятельности в качестве ее субъектов, студенты четко осознают как финальные цели, так и промежуточные задачи обучения, учатся определять цель задания и его ценность в формировании того или иного умения, компетенции, овладевают эффективными способами выполнения действий, учатся избирать адекватную последовательность действий при выполнении заданий.

Сознательность в овладении аудитивной деятельностью проявляется в:

- знании механизмов, обуславливающих характер восприятия, понимания и интерпретации иноязычной речи на слух;
- знании компонентного состава аудитивной деятельности;
- осознании способов и стратегий выполнения аудитивной деятельности и их последовательности;
- осознании того, как условия аудирования (компоненты коммуникативной ситуации и характеристики условий общения) влияют на характер и динамику восприятия речи на слух и коммуникации в целом;
- осознанном накоплении опыта в аудировании;
- сознательном отборе компонентов опыта для выполнения аудитивной деятельности в определенных условиях;
- осознанном переносе усвоенных действий по прогнозированию, смысловому анализу и интерпретации звучащих сообщений на новые условия восприятия и модификации опыта в меняющихся условиях аудирования.

Принцип сознательности предполагает создание когнитивной основы познания, которая заключается в овладении реципиентом определенными «когнитивными конструкциями – знаниями, ко-

торые соотносились бы со знаниями о мире говорящего (представителя иной социокультурной общности» [4, с.162], т.е. теми когнитивными структурами, которые обеспечивают восприятие и понимание языка и мира иной социокультурной общности. Это становится возможным за счет «подключения к лингво-когнитивному уровню языковой личности инофона» [4, там же], иначе говоря, осмысление общего и различного в родной и иноязычной культурных картинах мира, выраженного в культурно-маркированных единицах, языковых и культурных нормах, стереотипах, образцах поведения и т.д.

Изучение языка на сознательной основе должно сопровождаться принципом системности. Он означает последовательное овладение студентами компонентами аудитивной деятельности через четкую программу действий, систему ориентиров, позволяющую овладеть алгоритмом ее эффективного выполнения, через стратегии самоконтроля и оценки достигнутых результатов, которыми их снабжает преподаватель или которые вырабатываются индуктивным путем. Подобная стратегия организации обучения особенно важна в условиях обучения аудированию, которое оставляет мало возможностей для контроля со стороны реципиента и которому, как следствие, необходимо обучать осознанно и системно в условиях переноса способов решения простых задач на решение более сложных, когда достижение каждой промежуточной цели является условием достижения последующей (А.Н. Леонтьев).

Принцип интеллектуализации непосредственно связан с принципом сознательности и предполагает развитие и совершенствование интеллектуальных операций как предпосылки формирования умений и навыков, входящих в состав компетенций, а также умений критического анализа, систематизации и склонности к рефлексии. Реализация данного принципа способствует формированию и совершенствованию метакогнитивных умений и стратегий, таких как вычленение смысловых связей между явлениями, избирательность мыслительных действий, стратегий запоминания, выполнение целесообразных интеллектуальных действий, релевантных личным целям или поставленным задачам, а также

самоконтроль, самооценка и самокоррекция [7, с.17].

Перечисленные принципы и стратегии обучения дают возможность выстроить модель обучения аудированию как мотивированное, со-

знательное, последовательное развитие компетенций и черт «вторичной языковой личности», позволяющих студентам осуществлять восприятие иноязычной речи на слух в различных ситуациях межкультурного взаимодействия.

Библиографический список

1. *Богин Г.И.* Типология понимания текста: Учебное пособие. Калинин, 1986. с. 39 // Иностранные языки в высшей школе, вып. 1. Рязань, 2004. С. 28-38.
2. *Колкер Я.М., Устинова Е.С.* Личностно-ориентированные технологии в преподавании иностранных языков. // Иностранные языки в высшей школе, вып. 1. Рязань, 2004. С. 28-38.
3. *Соловова Е.Н.* Задачи вузов, факультетов и кафедр в условиях перехода на ФГОС ВПО – стандарты третьего поколения //Иностранные языки в высшей школе. 2010. Выпуск 2 (13). С. 21-24.
4. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) . М.: 1989. 240с.
5. *Хитрик К.Н.* Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе (на материале иранской ветви индоевропейских языков) . Автореф. дис. док. пед. наук. М.: 2001. 43с.
6. *Хроленко А.Т., Бондалетов В. Д.* Теория языка: Учеб. пособие для вузов. / Под ред. В.Д. Бондалетова. М.: Наука, 2004. 528с.
7. *Goh C.* Metacognitive awareness and second language listeners / C. Goh // ELT Journal, Volume 51, Issue 4. Oxford: OUP, 1996. P. 17-26.

E.S. KAPTUROVA

PRINCIPLES OF FOREIGN LANGUAGE LISTENING COMPREHENSION INSTRUCTION AT THE TERTIARY LEVEL

The paper addresses the issue of specifying the underlying principles of listening comprehension teaching at the tertiary level. Different approaches to listening comprehension instruction are examined. Integration of the approaches is looked upon as a necessary precondition for defining a set of fundamental teaching principles. Thus, an effective strategy of listening comprehension instruction conforming to the discussed approaches and following the highlighted principles is suggested.

Key words: teaching principles, strategies, foreign language listening comprehension, competences, teaching at the tertiary level

О.С. КЛОКОВА

аспирант кафедры теории и методики
обучения русскому языку и литературе
Орловского государственного университета
E-mail: lady.clockowa@yandex.ru
Тел. 8 920 287 6167

**РАЗВИТИЕ РЕЧЕВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО
ПО УЧЕБНИКАМ РУССКОГО ЯЗЫКА
(АВТОР – РАМЗАЕВА Т.Г.) ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

Статья посвящена анализу развития речевых способностей учащихся по учебникам русского языка автора Рамзаевой Т.Г. в свете изучения темы «Имя прилагательное». В ней рассматривается методика изучения имени прилагательного у Рамзаевой Т.Г., дается анализ упражнений, которые она предлагает для изучения и закрепления нового материала. В статье представлена последовательность изучения имени прилагательного в начальной школе.

Ключевые слова: языковая способность; речь; развитие речи; речевая способность; части речи; морфологическая единица; имя прилагательное; род, число, падеж имени прилагательного; склонение имени прилагательного.

В глубоком всестороннем овладении русским языком, повышении эффективности его усвоения и практического владения им особое значение приобретает усиление коммуникативной направленности обучения. В связи с этим для методики чрезвычайно важно определение языковой способности. Языковая способность является ведущим компонентом языковой личности. От ее понимания зависит характер воздействия на речь детей.

Языковая способность – это многоуровневая, иерархически организованная функциональная система, включающая интеллектуальный (общий) и специальный – лингвистический (состоящий из языковой и речевой частей) компоненты, которые позволяют осуществлять выбор функциональных элементов для реализации коммуникативных потребностей. Речевая способность является компонентом языковой способности и оказывает значительное воздействие на формирование личности.

Проблема речевой способности в советской практике исследования определялась двумя направлениями. В рамках первого (родоначальник Л.С. Выготский) способности человека рассма-

тривались с двух позиций: как «родового существа» и как «индивида» (культурно-исторический подход) [1, с. 7]. Второе – теория речевой деятельности человека (А.А. Леонтьев).

В общепсихологических, психолого-педагогических и психолингвистических исследованиях советского периода преобладало понимание речевой способности как сложнейшего психического явления, которое напрямую соотносится с мыслительной способностью человека.

В психолингвистической науке советские ученые показали важность культурно-исторического смысла развития речевой способности человека. Так, Л.С. Выготский писал, что «ребенок с развитой речью» есть «развитый ребенок»: «Речь освобождает ребенка от непосредственных впечатлений, способствует его представлениям о предмете, она дает ребенку возможность представить себе тот или иной предмет, которого он не видел, и мыслить о нем» [2, с. 342]. Речевая функция возникает в общении ребенка с другими людьми, постепенно перестраиваясь в его деятельность.

О том, что речевая способность относится к числу функциональных систем, писал Л.С. Выготский [2, с. 451].

Дальнейшее освещение этой проблемы находит свое отражение в трудах А.А. Леонтьева. Он развил учение о функциональных системах как материальном субстрате высших способностей, которыми овладевает или владеет человек. Речевая способность определяется ученым как «совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членом языкового коллектива» [3, с. 230].

Физиологические исследования А.Р. Лурии подтвердили значимость лобных долей мозга как морфологического соответствия функциональной системы речевой способности, а также предположение о системном строении сложных форм психической деятельности человека [4, с. 273].

Психологические исследования позволяют понять, как протекают у ребенка различные психические процессы, как происходят восприятие и порождение речевого высказывания, каковы особенности овладения разными сторонами речи, и определить степень доступности и целесообразности содержания, методов и приемов обучения.

Речь развивается в непосредственной связи с накоплением словарного запаса. При изучении частей речи ученик должен осознавать, каким языковым богатством он овладевает для того, чтобы выразить свои мысли. Опираясь на особенности лексики младших школьников, среди всего многообразия морфологических явлений русского языка мы избрали предметом исследования имена прилагательные. Как показывают исследования речи учащихся начальных классов, имя прилагательное занимает в числе словоупотреблений значительное место (от 2,7 до 5,9%). Имена прилагательные, употребляемые в речи детей, в большинстве своем качественные, реже относительные. Эти данные свидетельствуют о том, что изучение имени прилагательного с грамматических позиций представляет определенную трудность для младших школьников, так как для полноценной характеристики слова как морфологической единицы необходимо отвлечься от его конкретного лексического значения, увидеть

в нем общее категориальное значение признака, выраженное в особенностях его парадигмы.

Рассмотрим, как происходит изучение имени прилагательного по учебникам русского языка для начальной школы Т.Г. Рамзаевой. В учебнике для 1 класса есть раздел под названием «Слова, которые отвечают на вопросы *какой? какая? какое? какие?*» После этого дан текст и задание к нему: выписать слова, которые отвечают на вопрос *что? – какое? что? – какой? что? какая?*

Например, *что? гнездо, какое? прочное*. Далее идет правило: слова, которые отвечают на вопросы *какой? какая? какое? какие?*, обозначают признак предмета: цвет, размер, вкус, форму и другие признаки. На последующих восьми страницах даны упражнения различных видов для закрепления данного правила.

Например: 140. Какой признак обозначают слова: *зеленая ель, огромный кит, высокая гора* и т.д. Или: 141. Найди слова, которые называют признаки предметов:

На солнечной опушке

Фиалка расцвела.

Лилевенькие ушки

Тихонько подняла.

(Е. Серова)

Некоторые упражнения творческого характера. Например: даны 2 рисунка с изображением воробья и пингвина. Ученикам предлагается рассмотреть рисунки, рассказать о птицах, какие они, сравнить их. Или даны 3 рисунка с изображением гуся, вертолета, черепахи. Дети должны составить свою загадку, используя слова, которые обозначают признаки предметов.

Мы считаем, что такие упражнения очень полезно давать детям для вторичного закрепления, так как они развивают речь, память, мышление учащихся, способствуют формированию мировоззрения, расширению и углублению знаний об окружающем мире.

Во 2 классе начинается знакомство с именем прилагательным. Определение не дается, но даются сведения об имени прилагательном, слова, которые называют признаки предметов, отвечают на вопрос *какой? какая? какое? какие?*

Длинный, длинная, длинное, длинные – это имена прилагательные. После этого даются упражнения для первичного закрепления. Например, 270. Вставить подходящие по смыслу слова:

1. Белка (какая?) рыжая, маленькая, проворная. 2. Волк (какой?)... 3. Лиса(какая?)... 4. Слон(какой?)...

На следующей странице происходит знакомство с числом. Дети узнают, когда слово отвечает на вопрос **какие?**, но о множественном и единственном числе еще не говорится. Дано правило: слова, которые обозначают признак одного предмета, отвечают на вопросы **какой? какая? какое?**: *красный карандаш, красная лента, красное платье*. Слова, которые обозначают признак двух или нескольких предметов, отвечают на вопрос **какие?**: *красные карандаши, красные ленты, красные платья*.

Затем дети должны найти в тексте выделенные слова, а это прилагательные во множественном и единственном числе, поставить к ним вопросы и назвать, что они обозначают. Это будет первичным закреплением данного правила. Во 2 классе также изучаются прилагательные- антонимы. Вначале дается кроссворд, в который нужно записать противоположные по смыслу данным в столбике прилагательным прилагательные. Образец. *Тихий – громкий голос*. Только после этого даны сведения, что среди слов, которые обозначают признаки предметов, есть противоположные по смыслу: *Летом день длинный, а ночь короткая*.

Но здесь опять мы видим, что название этим словам не дается. Дети еще не узнают, что прилагательные, противоположные по смыслу, называются антонимами.

На этом изучение имени прилагательного во 2 классе заканчивается. Мы видим, что терминология еще не дается, кроме самого имени прилагательного. К концу 2 класса дети еще не знакомы с родом и падежом прилагательных.

В 3 классе после названия раздела «Имя прилагательное» поставлен вопрос: С какой целью употребляются в речи имена прилагательные? Чтобы ответить на этот вопрос, дается упражнение.

468. Догадайся, о ком говорится в тексте.

В зоопарке ребята увидели огромное животное. У него широкие уши, длинный нос. Оно живет в жарких странах.

Какие слова помогли тебе догадаться, о ком говорится в тексте?

Поставь вопрос от имени существительного к имени прилагательному. Стрелкой обозначь связь имени прилагательного с именем существительным.

В этом упражнении также устанавливается связь между именем прилагательным и именем существительным. Но все-таки главная цель – чтобы дети узнали, зачем употребляют в речи имена прилагательные. После упражнения даются сведения, которые нужно просто прочитать: имена прилагательные обозначают признаки предметов. Они делают нашу речь точной и выразительной.

Далее идет тема: «Имена прилагательные, близкие и противоположные по смыслу». Здесь снова не говорится о синонимах и антонимах, а просто приводится сведение, что один предмет можно противопоставить другому по какому-либо признаку: температуре, цвету, размеру: *горячий - холодный, черный - белый, малюсенький – огромный*. Это об антонимах, а о синонимах вообще ничего не говорится, только даются упражнения с заданиями типа: замени имя прилагательное близким по смыслу.

После упражнения начинается большая тема, которая занимает шесть страниц. Это «Изменение имени прилагательного по родам». Следует отметить трудности в изучении данной темы, которые связаны с несамостоятельностью категории рода имен прилагательных, так как род прилагательного определяется по существительному, с которым оно связано. В этом и состоит трудность для учащихся. Знакомство с изменением имени прилагательного по родам происходит на основе упражнения.

490. Отгадайте загадку.

Деревянная река,

Деревянный катерок,

И над катером струится

Деревянный дымок. (р...нок)

Спиши загадку. Напиши отгадку. Выдели окончания прилагательных. Почему окончания разные? От чего это зависит?

Вместе с учителем ученики отвечают на поставленные вопросы, а затем они рассматривают правило, которое им нужно будет выучить наизусть.

Правило: имена прилагательные в единственном числе изменяются по родам. Род имени

прилагательного определяется по роду имени существительного, с которым оно связано.

За правилом следует упражнение 491. Это таблица.

Изменение имени прилагательного в единственном числе по родам.

Мужской род	какой?	красн <u>ый</u> шар син <u>ий</u> шар золот <u>ой</u> шар
Женский род	какая?	красн <u>ая</u> лента син <u>яя</u> лента
Средний род	какое?	голуб <u>ое</u> небо син <u>ее</u> небо

Пользуясь правилом и таблицей, учащиеся отвечают на вопросы:

1. В форме какого числа прилагательные изменяются по родам?
2. На какой вопрос отвечают прилагательные мужского рода и какие имеют окончания?
3. На какой вопрос отвечают прилагательные женского рода и какие имеют окончания?
4. На какой вопрос отвечают прилагательные среднего рода и какие имеют окончания?

Затем идет долгое закрепление данной темы. Представлены различные упражнения для закрепления с различными заданиями: спиши словосочетания, обозначь род имени существительного и прилагательных, выдели окончания прилагательных; подбери к существительным подходящие по смыслу имена прилагательные; спиши, вставляя пропущенные окончания имен прилагательных, укажи род, составь предложение с одним из словосочетаний.

В этом же 3 классе изучается тема «Изменение имен прилагательных по числам». В начале поставлен вопрос: как узнать, в каком числе стоит имя прилагательное? Чтобы ответить на этот вопрос, дано упражнение с таким заданием: соедини стрелкой имя существительное и имя прилагательное, определи, в каком числе стоят имена прилагательные. Здесь дети еще определяют число прилагательного по существительному, т.к. после этого упражнения приведено сведение, которое учащимся нужно прочитать: число имени прилагательного надо определять по числу имени существительного, которое с ним связано. А на следующей странице уже дано правило для запоминания: имена прилагательные во множественном числе отвечают на вопрос **какие?** и имеют окончания **-ые, -ие**: голубые, яркие. Ниже

приведены упражнения для первичного закрепления и таблица:

508. Напиши слова в единственном и во множественном числе. Выдели окончания.

(Какой?) школьный товарищ, (какая?) широкая река, (какая?) мудрая сказка, (какое?) ближе село, (какое?) крупное зерно.

ед. ч. ед. ч.

Образец. (Какой?) школьный товарищ –

м.р. м. р.

(какие?) школьные товарищи.

Окончания прилагательных	
ед. ч. какой? – <u>ой, -ий.</u> какая? – <u>ая, -ая.</u> какое? – <u>ое, -ее.</u>	мн. ч. какие? – <u>ые, -ие.</u>

Таблица дана для сравнения. В единственном числе у прилагательных разного рода разные окончания, а во множественном числе прилагательные по родам не изменяются и имеют одинаковые окончания **-ые, -ие**.

На последующих четырех страницах даются различные упражнения для закрепления темы «Изменение имени прилагательных по числам» и предыдущих тем.

В последнем упражнении в разделе «Имя прилагательное» объединены все темы, которые уже изучены на этот момент. В этом упражнении содержатся вопросы теории по имени прилагательному:

517. Определим, какие окончания нужно написать в именах прилагательных. От чего это зависит?

Зимн... пальто, пушист... варежка, тепл... одеяло, син... кофта, легк... ткань, ранн... картофель, сладк... морковь, сочн... яблоко, вишневл... повидло, земляничн... варенье.

Напиши словосочетания. Выдели окончания прилагательных, обозначь род. Проверь окончания по таблице на с. 184.

Мы считаем, что это является целесообразным, т.к. повторение и обобщение знаний не только об имени прилагательном, но и любого изучаемого материала позволяют достичь хороших результатов в обучении, значительно повышают уровень грамотности учащихся, позволяют осмысленно воспринять языковые явления, развивают логическое мышление.

В 4 классе раздел «Имя прилагательное» начинается с повторения ранее изученного материала: какую роль выполняют имена прилагательные в речи, что они обозначают, родовые окончания имен прилагательных.

Во втором пункте начинается изучение склонения имен прилагательных. В начале дано сведение, которое нужно учащимся прочитать: имена прилагательные изменяются по падежам, или склоняются. Прилагательное всегда стоит в том же роде, числе и падеже, в каком стоит существительное, к которому оно относится.

Таким образом, снова проявляется связь имени прилагательного с именем существительным.

После нескольких упражнений для закрепления дана таблица склонения имен прилагательных в единственном числе.

Склонение имен прилагательных.

Единственное число.

Падежи	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
<i>И.</i>	<i>какой? широкий</i>	<i>какое? широкое</i>	<i>какая? широкая</i>
<i>Р.</i>	<i>какого? широкого</i>	<i>какого? широкого</i>	<i>какой? широкой</i>
<i>Д.</i>	<i>какому? широкому</i>	<i>какому? широкому</i>	<i>какой? широкой</i>
<i>В.</i>	<i>какой? широкий</i>	<i>какое? широкое</i>	<i>какую? широкую</i>
<i>Т.</i>	<i>каким? широким</i>	<i>каким? широким</i>	<i>какой? широкой</i>
<i>П.</i>	<i>о каком? о широком</i>	<i>о каком? о широком</i>	<i>о какой? о широкой</i>

После разбора этой таблицы учитель подводит детей к выводу, что имена прилагательные мужского и среднего рода склоняются одинаково. Ниже дано правило, которое детям нужно выучить: падеж имени прилагательного определяется по падежу имени существительного, к которому оно относится. А после правила дана памятка определения падежа имени прилагательного, которая состоит из трех пунктов:

1. Найди существительное, к которому относится прилагательное.
2. Определи падеж существительного
3. По падежу существительного определи падеж прилагательного.

Этой памяткой дети пользуются при выполнении упражнений на первичное закрепление склонения имен прилагательных. Например:

281. Прочитайте. Озаглавьте текст.

В зимнем тумане встает холодное тусклое солнце. Спит заснеженный лес.

Я выхожу на лесную поляну. Как тихо! Жители леса попрыгали от лютого холода. Вдруг словно ветерок прошумел над притихшим лесом. Это веселая стайка клестов пронеслась над лесной поляной, им не страшны морозы!

Спишите. Определите падеж прилагательных (пользуйтесь памяткой).

В третьем пункте – правописания безударных падежных окончаний имен прилагательных мужского и среднего рода. В начале дано правило: безударные падежные окончания имен прилагательных пишутся так же, как и ударные, кроме прилагательных мужского рода в именительном падеже. А затем памятка, как правильно определить безударные окончания имени прилагательного:

1. Найди в предложении существительное, к которому относится прилагательное, определить род и падеж.

2. Вспомнить окончание прилагательного в этом падеже

3. Сравнить окончание прилагательного и окончание вопроса, на который оно отвечает.

Правописание безударных падежных окончаний имен прилагательных мужского и среднего рода состоит из нескольких разделов:

1. Именительный и винительный падежи имен прилагательных мужского и среднего рода.

2. Родительный падеж имен прилагательных мужского и среднего рода.

3. Дательный падеж имен прилагательных мужского и среднего рода.

4. Творительный и предложный падеж имен прилагательных мужского и среднего рода.

Каждый падеж изучается отдельно и очень подробно, особое внимание уделяется падежным окончаниям имен прилагательных, т.к. правописание окончаний является сложным для детей.

При этом не наблюдаются правила для заучивания, иногда только приведены сведения только для прочтения.

Отдельно в четвертом пункте изучается правописание безударных падежных окончаний имен

прилагательных женского рода. В начале даны сведения для прочтения: имена прилагательные женского рода в родительном, дательном, творительном и предложном падежах имеют окончание *-ой (-ей)*, в творительном падеже может быть также окончание *-ою (-ею)*, в винительном падеже прилагательные женского рода имеют окончание *-ую (-юю)*.

Правописание безударных падежных окончаний имен прилагательных женского рода, также как и мужского и среднего рода, состоит из нескольких разделов:

1. Различие безударных окончаний имен прилагательных женского и среднего рода.

Различие здесь устанавливается в именительном падеже.

2. Различие безударных окончаний имен прилагательных мужского и женского рода.

Здесь различия устанавливаются во всех падежах.

3. Винительный и творительный падежи имен прилагательных женского рода.

В пятом пункте раздела «Имя прилагательное» изучается склонение имен прилагательных во множественном числе. Дано правило для заучивания, в котором говорится, что прилагательные во множественном числе изменяются только по падежам, по родам они не изменяются, падеж имени прилагательного, как во множественном

числе, можно узнать по падежу существительного, к которому оно относится.

После упражнения на закрепление данного правила идет конкретное изучение отдельных падежей множественного числа имен прилагательных:

1. Именительный и винительный падежи множественного числа имен прилагательных.

2. Родительный и предложный падеж множественного числа имен прилагательных.

3. Дательный и творительный падежи множественного числа имен прилагательных.

Подробно рассматриваются окончания каждого падежа, никаких правил и сведений не приводится.

В заключительном шестом пункте содержится повторение изученного об имени прилагательном и имени существительном. Конкретно рассматривается сходство и различие существительных и прилагательных, их связь между собой. Приводится множество различных упражнений. Тексты уже более объемные по величине и содержательные.

На этом изучение имен прилагательных в начальной школе заканчивается. На наш взгляд, материал в курсе «Русский язык» (1-4) подается индуктивным путем методически верно и грамотно, целесообразно подобраны упражнения для первичного и вторичного закрепления.

Библиографический список

1. *Богин Г.И.* Уровни и компоненты речевой способности человека: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1975. 106 с.
2. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций; из неопубл. трудов. М.: Изд. Акад. пед. наук, 1960. 499 с.
3. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
4. *Лурия А.Р.* Письмо и речь: нейролингвистические исследования: учеб. пособие для студ. вузов М.: Академия, 2002. 346 с.
5. *Рамзаева Т.Г.* Русский язык. 1–4 классы: программа для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2006. 47 с.
6. *Рамзаева Т.Г.* Русский язык. Учебник для 1 класса четырехлетней начальной школы. М.: Дрофа, 2000. 112 с.
7. *Рамзаева Т.Г.* Русский язык. Учебник для 2 класса четырехлетней начальной школы. М.: Дрофа, 2001. 208 с.
8. *Рамзаева Т.Г.* Русский язык. Учебник для 3 класса четырехлетней начальной школы. М.: Дрофа, 1998. 255 с.
9. *Рамзаева Т.Г.* Русский язык. Учебник для 4 класса четырехлетней начальной школы. М.: Дрофа, 1999. 256 с.

O.S. KLOKOVA

**DEVELOPMENT OF SPEECH ABILITIES OF PUPILS
AT ADJECTIVE STUDYING UNDER RUSSIAN TEXTBOOKS
(THE AUTHOR – RAMZAEVA T.G.) FOR ELEMENTARY SCHOOL**

Article is devoted the analysis of development of speech abilities of pupils under Russian textbooks of author Ramzaevoj T.G. in the light of studying of a theme «Adjective». In it the technique of studying of an adjective at Ramzaevoj T.G. is considered, the analysis is given to exercises which she offers for studying and fastening of a new material. In article the sequence of studying of an adjective at elementary school is presented.

Key words: speech; speech development; parts of speech; morphological unit; an adjective; a sort, number, an adjective case; adjective declination.

М.В. КОЗЬМЕНКО*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН**E-mail: bargamot@stream.ru**Тел. 8 910 408 15 16***КИНЕМО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ В КИНООБРАЗЫ**

В статье на основе анализа пьес Леонида Андреева, его литературно-критических выступлений, сценария, отзывов кинокритиков начала XX века и современных исследователей рассматривается проблема трансформации драматургических текстов в кинематографические образы. Прослеживается противоречивая связь между теоретическими тезисами писателя об эстетической природе кинематографа и театра панпсихизма и его практикой в качестве кинодраматурга.

Ключевые слова: русская драматургия начала XX века, ранний кинематограф, театр панпсихизма, экспрессионистская драма, Леонид Андреев.

В написанной три с половиной десятилетия тому назад, но до сих пор сохраняющей научную актуальность статье Ю.В. Бабичевой «Леонид Андреев и кино» говорится о парадоксе этого, одного из первых писателей, серьезно относившихся к новому виду искусства: «<...> интуитивно узнав в будущем кинематографе великого интернационалиста и гения зрелища, Андреев здесь же вынес ему беспощадный приговор, назвав Великим Немым и обрекая на вечное молчание. <...> <О>н принципиально не признал за кинематографом права на слово, разделив таким образом сферы театра и кино, по его теории – театра **слова** и театра **действия**. Вместе со словом кинематограф лишился также права на глубинную психологичность: ему оставались только те движения человеческой души, которые могут быть выражены в действии, в поступке» [2, с. 132]. Этот вердикт, вынесенный в первом «Письме о театре», во втором «Письме» развивался в концепции «театра панпсихизма», который должен прийти на смену старому театру внешнего действия [1].

В работе Ю.В. Бабичевой из девяти прижизненных экранизаций Андреева две («Анфиса», 1912; «Мысль», 1916) противопоставляются всем остальным (два фильма по «Дням нашей жизни», 1910 и 1914; «Король, закон и свобода», 1914; «Екатерина Ивановна», 1915; «История одной девушки» (по раннему рассказу «В подва-

ле»), 1915; «Не убий» и «Тот, кто получает пощечины», 1916). Причем оба фильма насыщены той самой интенсивной психологичностью, которая по Андрееву была чужда природе немого кино. Исследователь сопоставляет два варианта жанрово-видовой транспозиции одного и того же леонидандреевского сюжета, воплощенного в рассказе «Мысль» (1902): очень высоко оцениваемый одноименный фильм В. Гардина 1916 года и одноименную же «современную трагедию» самого Андреева (1914); последняя, как известно, во многом является программным опусом, воплощением принципов театра панпсихизма. Гардинский киноизвод рассказа для усиления искомой психологичности был насыщен крупными планами главного героя (в выразительном исполнении Григория Хмары) и «словом», «литературой» (поразившим современников количеством титров). Обе версии, согласно Ю.В. Бабичевой, хотя и противоположны по интерпретации душевной структуры Керженцева, сближаются в построении «психологических схем» (мезансцен и эпизодов): «Драма Андреева “Мысль” – это тоже “сценарий для крупного плана”, только разработан он с иной точки зрения на преступление и наказание доктора Керженцева, автор идет здесь в своем поиске не от душевной болезни, а от дерзкой идеи, от преступного эксперимента, приведшего героя к крушению. Легко рекон-

струируемая психологическая схема отдельных эпизодов пьесы, например, беседы Керженцева с женой его жертвы во второй картине драмы, по самой творческой манере удивительно близка сценарной схеме – “расчету” В. Гардина <...> Драма Андреева – законченный сценарий, но для того кинематографа, где слово и психология уже восторжествовали. Такой жанр может быть до конца реализован только в кинозрелище с его не исчерпанными и сегодня возможностями глубокого психологического анализа» [2, с. 140]. Здесь речь идет прежде всего о драме «панпсихе».

Далее, существенно расширяя последнее утверждение, автор статьи пишет о кинематографическом коде, заложенном в «другом театре» Андреева – во многом противоположным панпсихизму экспрессионистским его драмам (сравнивается «Жизнь Человека» и фильм одного из мэтров киноэкспрессионизма Ф. Ланга «Усталая смерть», 1921). Любопытным дополнением этой мысли были бы суждения театрального критика по поводу сложности сценической постановки (так и не состоявшейся по цензурным причинам в России при жизни автора) его пьесы «Царь Голод», относящиеся к 1908 г., т. е. времени зарождения художественного кинематографа в России: «Можете ли вы вообразить себе ту сцену, того режиссера, тех актеров, одним словом, все те театральные средства, при помощи которых мыслимо было бы осуществить постановку “Царя Голода” так, чтобы она произвела художественное впечатление на душу зрителей, какое имеет в виду сам Леонид Андреев, а не превратилась просто в глупый, пошлый, смешной балаган?» – вопрошал он [4, с. 437]. Обезличивание, «упразднение» в этой экспрессионистской пьесе актера (а следовательно – и психологичности, добавим мы) порождает, по мнению Старка, такую крайность, как чрезмерная усложненность сценографии: «Когда читаете пьесу “Царь Голод”, то думаете: да, это несомненно все должно быть очень живописно; в воображении беспрестанно встает ряд удивительно ярких картин, выполненных в суровой, резкой манере, образы одни другого страшнее, чудовищнее, нелепее, один другого кошмарнее так и мелькают перед глазами; вам хочется, чтобы какой-нибудь художник создал для “Царя Голода” длинную, длинную, чуть ли не в последовательной смене явлений,

серию рисунков <...> Андреев пожелал создать такой род сценического произведения, который явился бы для театра чем-то доселе невиданным» [4, с. 438]. Единственную возможность воплотить столь гипертрофированную живописную сторону пьесы, считает критик, может представить кинематограф, «благо сей последний в состоянии воспроизводить самые невероятные, самые волшебные сцены» [4, с. 439]. Несмотря на иронический пафос этого наблюдения, весь образительный строй пьесы и обширные ремарки, из которых составляется ее четкий сценографический ритм, провоцируют воображение представить экранизацию «Царя Голода» в качестве, скажем, очередной «симфонии ужаса» другого мэтра киноэкспрессионизма – Фридриха Мурнау, автора знаменитого «Носферату».

Интересной иллюстрацией мыслей Ю.В. Бабичевой о неудачных попытках писателя перелицевать свои панпсихические драмы по шаблонам раннего кинематографа является его попытка транскрибировать подобным образом одну из наиболее репрезентативных пьес этого рода – «Собачий вальс». Сохранившийся в британском архиве набросок к ее сценарной разработке весьма любопытен тем, что вскрывает механизмы преодоления сценической «бездейственности» этого шедевра (и – самого любимого детища драматурга). Приведем этот текст полностью, отметив, что его деление на части строго соответствует делению пьесы на действия.

«I. <I.> Генрих Т<иле> в банке, его важн<ое> положение, сослуживцы, приглашает на обед.

2. Свидание с Елизаветой.

Она уезжает к родителям.

3. Случайная встреча с Феклушей.

Новая кв<артира>. Заходит Карл. Т<иле> дает ему деньги. Показать, как тот их тратит и пр. Как учится...

Нов<ая> кв<артира> и сцена у стола.

Входят все. По пьесе.

Показать наст<оящую> кв<артиру> и какую она будет по словам Т<иле>.

Письмо. Расходятся.

Он терзается один – – далекое видение: она играет, он слушает.

[II.] Т<иле> кутит. Т<иле> в банке – его все боятся.

История Елизаветы (с замужеством).

Посещения его Елиз<аветой>.

Кв<артира> – Карл с Иваном, ключ, с Феклушей. Т<иле> приезжает.

По пиесе.

III. Трактир. По пиесе¹.

В первую очередь Андреев пытается обойти эстетическую коллизию транспозиции «драмы панпсихе» в сценарий с помощью системы ретроспективных «наплывов», временных сдвигов. Большая часть «показа» в первой части сценарной разработки (Генрих Тиле в банке, свидание с Елизаветой и т.д. – до ремарки «Нов<ая> кв<артира> и сцена у стола») – как фабульная составляющая отсутствует в пьесе. Предполагается визуализация и подробного рассказа Тиле о том, какой станет ремонтируемая сейчас квартира, в которой он должен обрести счастье с будущей женой и детьми («Показать наст<оящую> кв<артиру> и какую она будет по словам Т<иле>»). Далее («Письмо. Расходятся») представляется естественным обычным в немом кино ход с показом (в виде титров или реального документа) письма от уже бывшей невесты, в котором она признается, что по настоянию родителей вышла замуж за другого (в пьесе его содержание угадывается по отрывочным фразам героя). Последней данью визуализации в первой части «фильма» должен стать очередной ностальгический наплыв: «<. > далекое видение: она играет, он слушает» (также отсутствующий в пьесе).

Вторая часть наброска еще более расходится со вторым действием пьесы. Собственно все эпизоды разработки, кроме замыкающего («Кв<артира> – Карл с Иваном, ключ, с Феклушей. Т<иле> приезжает») – это та же визуализация реплик персонажей о прошедших со времени получения рокового письма событиях. Но если первая часть прасценария событийно в целом совпадает с первым действием пьесы, то трудно представить визуализацию второй половины действия (очевидно, именно она обозначена здесь пометой: «По пиесе»): абсолютно непереводаемого на язык кинемо эпизода тайного посещения пустой квар-

тиры Карлом, братом Генриха Тиле, и ставшей его любовницей Елизаветой, который ограничен странным, полуабсурдистским, наполненным душным эротизмом и очень «панпсихическим» по сути диалогом между ними, который к тому же большую часть времени произносится в темноте.

План третьей части («Трактир. По пиесе») также предполагает дополнение «бездейственной» «пиесы» действием: сцена в трактире отсутствует в драме, в соответствующем третьем действии ее события развиваются уже после предположительно посещенного трактира. Помета – «по пиесе» здесь просто замещает развертку драматической фабулы.

Четвертая часть «фильма», план который так и не был написан, должна была поставить перед сценаристом еще большие проблемы с точки зрения переноса на немой экран драматического сюжета. В четвертом действии «Собачьего вальса» панпсихическая «бездейственность» переходит уже в настоящее сценическое крещендо. Оно начинается со второго, столь же странного и немотивированного тайного посещения квартиры Елизаветой. Перед этим проходит целых три года, которые коренным образом меняют ее жизнь, и все эти события, мельком освещенные в ее речи, тоже как-то должны быть отражены на экране. После более чем пространных монологов Елизаветы и Феклуши (которые невозможно представить в виде титров) со второй половины действия пьесы превращается в монодраму, заполненную единым и бесконечным потоком сознания – монологом Тиле перед самоубийством. Судя по зрительским впечатлениям автора данной статьи (видевшего две разных сценических версии драмы), эта часть пьесы редко находит убедительное воплощение даже на театральных подмостках – настолько сложно и прихотливо выстроены все эти монологи, подытоживающие экзистенциальные позиции персонажей. Загадкой являются мотивы, побудившие автора «Собачьего вальса» переложить «бездейственную» пьесу на язык немого кино – язык, по его же собственным убеждениям, полярно ориентированный по отношению к принципам драмы «панпсихе».

Казалось бы, что, как указывает Ю.В. Бабичева, вся эта «непереводимость» отменяется, а эстетическое «недоразумение легко разрешается» в рамках предложенной ею формулы: «ан-

¹ Русский архив в Лидсе. MS.606/B.24.iii. Текст написан (вероятно, под диктовку писателя) рукой его жены, А.И. Андреевой. За предоставление документа спешу поблагодарить заведующего архивом Р.Д. Дэвиса.

древесная драма “психе” – типичный сценарий, но для позднейшего, звукового развития кинематографа» [2, с. 143–144]. Разумеется – не всякого, а именно психологического кинематографа, и здесь уместно вспомнить интересное, но, к сожалению, неразвернутое замечание другого историка драматургии о созвучии с андреевской драмой «панпсихе» кинопоэтики Ингмара Бергмана [4, с. 551]. Однако предложенная формула, как показывает последующая история взаимоотношений Андреева-драматурга и кинематографа, не обладает столь легкоразрешающей способностью.

В этой связи необходимо уточнить и детали упомянутой в статье, как «не имевшей успеха», голливудской экранизации пьесы Андреева «Тот, кто получает пощечины» [2, с. 144, в сноске]. Прежде всего, фильм 1924 г. назывался так же, как и пьеса – «He Who Gets Slapped». Возможно, названный в статье экранизацией пьесы фильм «Слезы клоуна» (в фильмографии Лона Чейни, исполнившего в киноверсии главную роль, таковой нами не найден) каким-то образом связан с другой воплощением трагического клоуна великим актером – в картине 1928 г. «Laugh, Clown, Laugh», которая никакого отношения к Андрееву не имеет. Далее, даже если в «He Who Gets Slapped», этом раннем шедевре не менее великого Виктора Шёстрёма, и «не хватало столь необходимого театру “панпсихе” слова», фильм все же имел большой успех у публики и критиков, более того, в 1988 г. был показан на одном из американских кинофестивалей, охарактеризованный как значительная веха американского немого кино². Здесь режиссер, мастер киномонтажа, использовал, как нам кажется, уже вторую, экспрессионистскую, составляющую драматургии Андреева, близкую к природе как раз немого кино.

Слишком суровой кажется и данная Ю.В. Бабичевой оценка экранизации пьесы «Король, закон и свобода»³. Драматургию об оккупации кайзеровской Германией маленькой, но мужественной Бельгии сложно назвать «панпсихической»⁴, но

2 Русский архив в Лидсе. MS.606/B.24.iii. Текст написан (вероятно, под диктовку писателя) рукой его жены, А.И. Андреевой. За предоставление документа спешу поблагодарить заведующего архивом Р.Д. Дэвиса.

3 «<А>втор <...> переписал драму в сценарий украинским “языком Морзе», так что лента, отснятая в 1914 году П. Чардыниным вышла примитивной даже по меркам того времени» [2, с. 143].

4 Сравни, однако, рассуждения Бена Хеллмана, существенно углубляющие привычные трактовки пьесы как «военной агитки» [5].

зато это был как раз тот случай (аналогичный первой экранизации – «Анфисе»), когда пьеса не нуждалась ни в какой киноадаптации и была перенесена на экран почти без всяких изменений, о чем свидетельствует достаточно обширная, занимающая почти две страницы сценарная разработка, опубликованная без подписи, но, скорее всего, принадлежащая самому Андрееву⁵. В рецензиях подчеркивается отличие картины от проходных, ура-патриотических военных агиток: «Здесь нет дешевых, обычных для кинематографа, эффектов. В строгих, благородных тонах, как нельзя более подходящих к сюжету, идет картина. <...> Нам давно не приходилось видеть такой классически-строго выполненной инсценировки. Местами картина настолько захватывает изображением громадного, глубокого горя, что трудно оставаться равнодушным. <...> Прекрасны исполнители. Эта картина не похожа на обычную макулатуру кинематографа “из военной серии”. В ней нет ни пальбы, ни намеренной шаржировки в изображении германцев»⁶; «Вложив в уста действующих лиц прекрасные слова, Леонид Андреев вместе с тем создал пьесу кинематографичную. От начала до конца пьеса Л. Андреева на сцене театра рампы много теряет благодаря тому, что здесь нет той шири, где могла бы развернуться глубокая перспектива. Нет простора для батальных сцен, нет возможностей для воспроизведения всеразрушающего на своем пути грозного потока вод, хлынувших через взорванные плотины. <...> Все эти моменты на сцене слишком слабы, неэффектны. Но для кинематографии они не только возможны, но и желательны. Инсценировка таких сюжетов требует большого труда, но зато и плоды его совершенны»⁷. Даже с точки зрения современного зрителя эти высказывания анонимных рецензентов не являются лишь рекламными преувеличениями: фильм смотрится как далекое от коммерческой и пропагандистской продукции, достойное эпическое полотно с интересно поставленными массовыми сценами и замечательной игрой актеров, прежде всего – А. Вырубова, Е. Жихаревой и А. Херувимова⁸.

5 Экран и рампа. 1915. № 7. С. 15-16.

6 Кинема. 1915. № 8/9. С. 10–11.

7 Кинема. 1914. № 16/17. С. 3. За помощь в разыскании отзывов о фильме пользуюсь случаем поблагодарить Анну Ковалову.

8 В этом могли убедиться присутствующие на просмотре картины 28 сентября 2011 г. в Орловском го-

Российский кинематограф опять⁹ обратился к Андрееву в эпоху перестройки. Но и тогда востребованными оказались не его драмы, а насыщенные морально-этическими и философскими экстремами и яркими экспрессионистскими образами прозаические тексты. Так, сначала были экранизированы рассказы: «Христиане» (1987, реж. Д. Золотухин, сценарий П. Лунгина, в гл. роли Л. Полищук) и «Иван Иванович» (1988, под названием «В одной знакомой улице», реж. А. Козьменко), а затем – почти все самые значительные повести писателя: «Жизнь Василия Фивейского» (1990, под названием «Очищение», реж. Дм. Шинкаренко, с А. Балуховым и А. Каменковой), «Иуда Искариот» (1991, под названи-

сударственном университете участники конференции «Творчество Леонида Андреева: современный взгляд».

9 Уже после смерти писателя в Советской России были экранизированы: «Савва» (1919), «Рассказ о семи повешенных» (1920), «Царь Голод» (1921) и «Губернатор» (1928 – знаменитый «Белый орел» Я. Протазанова).

ем «Пустыня», реж. М. Кац, музыка Г. Канчели, с Н. Пастуховым в роли апостола Иоанна; фильм получил премии на трех различных кинофестивалях), «Губернатор» (1991, реж. В. Макеранец, в гл. роли Б. Химичев), «Тьма» (1991, реж. И. Масленников, с О. Янковским и Кс. Качалиной). Замечательны два «леонидандреевских» мультфильма: условно-философичный «Как стать человеком» (1988, по рассказу «Правила добра», реж. В. Петкевич) и изысканно-лирический «Ангелочек» (2007, по одноименному рассказу, реж. З. Бидеева).

Ни одна пьеса – ни экспрессионистского, ни панпсихического рода – так и не попала на экран... При этом театром Андреев не забыт: ежегодно в России и за рубежом предпринимаются новые, подчас весьма успешные постановки – как его пьес, так и сценических версий его прозаических произведений.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Письма о театре // Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1996. С. 521–558.
2. Бабичева Ю.В. Леонид Андреев и кино // Русская литература XX века (дооктябрьский период) / Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого. Тула, 1974. С. 127–144.
3. Муратова К.Д. Леонид Андреев – драматург // История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX века (до 1917 г.). Л.: Наука, 1987. С. 541–551.
4. Старк Э. (Зигфрид) «Царь Голод» Леонида Андреева как театральное представление // Театр и искусство, 1908. 22 июня. № 25. С. 437–439.
5. Hellman V. Леонид Андреев в начале Первой мировой войны. путь от «Красного смеха» к пьесе «Король, закон и свобода» // Hellman V. Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе. Helsinki, 2000. (Slavica Helsingiensia 36). С. 71–88. Книга доступна также в Интернете; режим доступа : <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh36/SH36.pdf>

M.V. KOZMENKO

LEONID ANDREEV'S "KINEMO": ON A PROBLEM OF TRANSPOSITION OF LITERARY TEXTS TO FILM-IMAGES

This article is based on an analysis of Leonid Andreev's plays, his literary-critical performances, scenario, responses of film critics of the beginning of XX century and of modern researchers, and it examines the problem of transformation of dramaturgic texts to cinema images. It also traces the contradictory communication between theoretical theses by the writer about the aesthetic nature of a cinema and «panpsiche» theatre and Andreev's practice as the film writer.

Key words: Russian dramatic art of the beginning of XX century, an early cinema, «panpsiche» theatre, expressionistic drama, Leonid Andreev, Leonid Andreyev.

О.С. КОЗЬМИНА

аспирант кафедры русской литературы
XX – XXI вв. и истории зарубежной лите-
ратуры Орловского государственного уни-
верситета

E-mail: artmatrix@yandex.ru

Тел. 8 953 626 30 93

МИР ПРИРОДЫ В НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ДЖОНА ФАУЛЗА И ТРАДИЦИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА

*В статье рассматривается восприятие природы Дж. Фаулзом как составляющая его миро-
воззрения. Выявляются параллели между взглядами писателя и философско-эстетическими по-
зициями представителей западноевропейского романтизма. Автор статьи также указывает на
роль пантеизма и дзэн-буддизма в эволюции взглядов Фаулза на природу. Прослеживается, как из-
меняется понимание писателем природы в связи с конкретными этапами его жизни.*

*Ключевые слова: самопознание, природа как укрытие, пантеизм, романтизм, дзэн-буддизм,
оппозиция «художник» - «не-художник».*

Джон Фаулз (1926-2005) – знаковая фигура в мировой литературе XX в. Интерес к его творчеству не ослабевает с момента публикации его первого романа «Коллекционер» (*The Collector*, 1963) по сей день. Тема природы является одной из основных в прозе писателя. Российские и зарубежные исследователи неоднократно указывали на роль природы в творчестве Фаулза [1]. Однако литературоведы почти не останавливаются на том, как сам писатель понимал природу, каким образом эволюционировали его взгляды на естественный мир и место человека в нем. Следует также заметить, что, уделяя значительное внимание романам и новеллистике Фаулза, ученые довольно редко обращаются к нехудожественной прозе писателя [2].

Одной из основных тем, затронутых в философском трактате «Аристос» (*The Aristos*, 1964), «Дневниках» и эссеистике Фаулза является восприятие человеком природы. Гармония с окружающим миром, по мысли писателя, – один из важнейших путей к самопознанию. Естественный мир также представлен Фаулзом как «извечное прибежище», укрытие от ограниченного общества, «лечение» от нервных срывов. Природа, по его мнению, наделена особой созидательной

силой. Вероятно, поэтому Фаулз почти обожествляет естественный мир, постепенно приходя к осознанию того, что человек в нем оказывается лишь гостем, созерцателем.

Такая позиция писателя позволяет говорить о пантеистическом характере его взгляда на природу, в чем, вероятно, просматривается сходство с мировоззрением великого И.В. Гёте, для раннего творчества которого характерны предромантические черты. Однако в размышлениях Фаулза о природе в большей степени отразилась европейская романтическая традиция. В нехудожественной прозе писатель обращался, например, к творчеству С.Т. Колриджа, У. Вордсворта, указывая как раз на особенности изображения поэтами окружающего мира. Но видение Фаулзом роли природы в жизни человека, безусловно, является не только отражением влияния романтизма, но и, в первую очередь, неотъемлемой частью его индивидуальной философско-эстетической концепции.

В «Дневниках» [3] писателя размышления о природе представлены в виде разрозненных суждений в связи с конкретными пейзажами, создаваемыми Фаулзом. Особенно ценными в этом плане являются его замечания о роли естествен-

ного мира в своей жизни, в процессе познания себя, в отношении к людям, способным понимать природу и сливаться с ней. Позднее рассуждения Фаулза о месте природы в существовании человека, в процессе самопознания отразятся в целом ряде его эссе о природе. В книге «Кротовые норы» они объединены издателем Дж. Рэлфом в особый раздел – «Природа и природа природы».

В дневниковых записях Фаулза природа фактически противопоставлена миру людей. Например, пейзажи Греции, завораживающие неоднородностью цвета, молодой писатель почти всегда созерцал в одиночестве. Гармонический контакт с греческой природой, ее чуткое восприятие Фаулзом во многом компенсировало ему общение с людьми, зачастую не столь приятное: «Когда я оказываюсь в новой стране, знакомство с ее птицами, цветами и насекомыми значит для меня – если говорить о получаемом удовольствии – не меньше, чем знакомство с людьми и их искусственным миром. Природа – наше извечное прибежище» [15, с. 209].

Пребывание в Греции, в частности, на о. Спеце, представляется одним из самых важных этапов в постижении Фаулзом себя. Во-первых, в этот период (1952-1953 гг.) четче проявлялось осознание писателем контраста между естественным миром природы и «искусственным миром» людей. Фаулз чаще всего проводил время на лоне природы, а не в социуме, понимая фальшивую сущность последнего. Кроме того, именно в Греции Фаулз окончательно оценил роль естественного мира как укрытия.

Безусловно, особое понимание духовного контакта с природой пришло к писателю еще во время учебы в Оксфорде. Так, в дневниковой записи от 23 июля 1950 г. Фаулз отмечал: «Снова начинаю чувствовать «контакт» с дикой природой. Весь секрет в медленном, осторожном движении, развитии интуиции, а также в постоянном – не время от времени – внимании к окружающему миру... Заливаются ласточки. Слов не нахожу, как мне нравится их пение» [15, с. 72].

Однако в Греции разрозненные замечания подобного типа как бы систематизировались, стали основой единой концепции. С 1952 г. Фаулз начал ценить в природе не только красоту, но и ее исцеляющие свойства. Позднее, в Англии и во время путешествий, он часто оставался один на

лоне природы, пытаясь обрести внутреннюю гармонию. Так, природа успокаивала писателя, томившегося от безответной любви [4]: «В этом bosquet [фр. лесочке – Прим. изд.] я чувствовал себя вне туристической группы, вне обычного течения жизни, вне всяческих обязательств и понимал меланхолическую психологию затворника. Этот час, проведенный на природе, был часом прозрения» [15, с. 318]. Природа оказалась лекарством от нервного срыва, вызванного муками творчества в 1956 г. в Англии: «День на природе; нервный срыв, который требует лечения. Природа – одна из главных ценностей в моей жизни; подозреваю, что на самом деле на природе я скучаю, и все же не могу жить, чтобы никогда не испытывать себя ею» [15, с. 495]. Образ природы как укрытия оставался с Фаулзом до конца дней. В 1964 г. писатель отразил такое понимание леса в эссе «Быть англичанином, а не британцем» (*On Being English But Not British*, 1964).

Можно сказать, что образ леса как своего рода спасения от внешнего мира довольно часто встречается в романтической литературе. Роль леса как убежища от враждебного мира возникла еще у Э.Т.А. Гофмана: его герой, молодой поэт Бальтазар удалялся «в лес бродить в одиночестве» [8, с. 194] от не понимающих его людей. Фаулз аналогичным образом представил в эссе «Быть англичанином, а не британцем» образ своего соотечественника, наблюдающего «несправедливость из безопасного укрытия – из-под деревьев» [14, с. 153].

В «Дневниках» отразилось особое отношение Фаулза к людям, близким к природе. Очевидно, что умение сливаться с естественным миром считалось писателем отличительной чертой гармоничного, достойного симпатии человека. Так, давая характеристику знакомому по Оксфорду художнику, писателю и поэту Люсьену Жаку, «снисходительному и мудрому джентльмену-крестьянину» [15, с. 58], Фаулз ставил на первое место его способность чувствовать природу: «Его облик дышит спокойствием и миром, в нем есть та животная смысленность и мягкость, какая встречается только в людях, тесно сжившихся с природой – цветами, запахами, пейзажами, сельскими видами. Восхитительный человек... Создается впечатление, что он всего лишь бесхитростный любитель жизни, но на глубинном

– не поверхностном – уровне он достиг великой вещи: мира в душе» [15, с. 58]. Примечательно, что прилагательное «животный» выступает здесь не в традиционно негативном смысле (как характеристика человеческой страсти или поведения). У Фаулза оно становится контекстуальным антонимом слов «циничный», «раздражительный», то есть, по сути, присущий человеку, а не животному. Кроме того, здесь писатель фактически утверждает, что только тот, кто живет в гармонии и единстве с природой, способен обрести себя.

Одна из первых характеристик Элизабет, будущей жены Фаулза, и Роя Кристи (писателя, ее первого мужа) тоже связана с их отношением к природе. В дневниковой записи от 11 ноября 1952 г. Фаулз заметил: «Довольно равнодушно они отнеслись к переезду на Спеце. Когда началось самое интересное, они погрузились в сон... Если Рой так прозаически относится к жизни, как он может быть писателем?.. Он, как и Денис Шаррокс, почти равнодушен к природе, к естественному окружению... В очередной раз жалею людей, ничего не знающих о природе, людей, которых не может взволновать мир без человека» [15, с. 345]. По сути, здесь возникает противопоставление «художника», человека, умеющего видеть и чувствовать окружающий мир, «не-художнику» [13, с. 300], лишенному этой способности. Скорее всего, подобная близорукость, в понимании Фаулза, ведет к неумению познавать окружающий мир и себя, а следовательно, к невозможности творить.

На отличие творческой личности, по-особому воспринимающей окружающий мир, от обычного человека указывали в своих манифестах и художественных произведениях романтики. Так, Новалис противопоставлял поэта «остальным людям» как раз по способу восприятия действительности: «Подобно тому как художник созерцает видимые предметы совсем иными глазами, нежели человек обыденный, так и поэт постигает происшествия внешнего и внутреннего мира иным образом, чем остальные люди» [12, с. 97]. Поэтому и природа как неотъемлемая часть «внешнего мира» также воспринимается творческой личностью иначе, чем обывателем. В романе «Генрих фон Офтердинген» (*Heinrich von Ofterdingen*, 1802) Новалис подчеркнул эту мысль, говоря о вознаграждении человека за чут-

кое отношение к природе: «Генриху вспомнился юноша, который, по словам купцов, прилежно вглядывался в природу и стал королевским зятем» [11, с. 91].

Представляется интересным, что Фаулз гораздо выше ставил дикую природу, нежели окультуренные сады или прирученных животных. Высоко оценивая одну сторону окружающего мира, в 1952 г. молодой писатель вроде бы был готов проявить жестокость по отношению к другой: «Чтобы освободить одного дикого воробья, я убил бы тысячу волнистых попугайчиков» [15, с. 336]. Однако вряд ли данное утверждение Фаулза следует понимать однозначно: достаточно вспомнить его страстное увлечение охотой. Тем не менее, кажется очевидным, что писатель считал человеческое вмешательство в природные процессы неприемлемым, будь то уход за садом или извлечение животных и птиц из их естественной среды. Видится, что в подобных утверждениях прослеживается влияние пантеизма: природа в первую очередь божество, и человеку позволено лишь наслаждаться окружающим миром и пытаться понять его, но не исправлять что-либо своим насильственным вмешательством.

Следует также отметить, что такие мысли возникли еще у В. Гюго. В предисловии к сборнику «Оды и баллады» французский писатель сравнивал королевский парк Версаля, где «во всем извращен, перевернут, уничтожен естественный порядок», с первобытным лесом Нового Света, где «во всем живет бог» [9, с. 444]. По мнению Гюго, в природе «правильность – это определенное сочетание вещей, зависящее только от человека; порядок, можно сказать, зависит от бога» [9, с. 445].

Фаулз, по сути, также указывал на присутствие божественного в дикой природе. Видимо, именно поэтому писатель в конце концов отказался от охоты. В эссе «Сорняки, жучки, американцы» (1970) он объяснил причины этого отказа: «Сам я отказался от охоты по тем же причинам, что и многие другие люди: в один прекрасный день я понял, что не могу испытывать радость от того, что вижу птиц и зверей на воле, среди дикой природы, и уже в следующий момент убивать их. Вы не просто вечерком отстреливаете по лицензии оленя; вы вместе с оленем убиваете частицу счастья, которое другой человек, возможно, ис-

пытывал, наблюдая за этим животным и радуясь его красоте...» [21, с. 422].

К 1996 г. в эссе «Предметы коллекционирования» Фаулз уже называл охоту «бессмысленным собирательством и накопительством трофеев» [19, с. 574], представляющих собой «мертвые предметы». В этот период писатель уже рассматривал природу как «существование и сосуществование» и фактически указывал на обязательное взаимодействие человека с окружающим миром.

По признанию Фаулза, для него значительную роль в утверждении эстетического, а не потребительского отношения к окружающему миру сыграло увлечение философией дзэн-буддизма в начале 1960-х гг. Согласно этому «совсем неевропейскому» [21, с. 436] учению, достичь «просветления», познать свою истинную сущность можно, лишь научившись созерцать окружающий мир и достигнув гармонии с ним. Ценность философии дзэн-буддизма, по мнению Фаулза, заключается в стремлении научить человека «умению наслаждаться предметами как они есть: красотой листка и красотой листка на ветру» [13, с. 168]. Утверждая в этом контексте, что «природа – это некое безыскусное искусство; и единственно верное отношение к ней человека должно быть скорее бесстыдно-поэтическим, чем научным» [21, с. 438], писатель также указывал на важность позиции романтиков в отношении к природе.

Действительно, У. Вордсворт, поэт «озерной школы», провозгласил принцип удовольствия как основу отношения человека (поэта) к природе: «Поэт, побуждаемый этим чувством удовольствия, которое сопутствует ему на протяжении всех его занятий, вступает в общение в природой, проникаясь любовью сродни той, которую ученый благодаря долгому труду выработал в себе, имея дело с теми областями природы, которые служат объектом его изучения» [7, с. 270]. По мысли Вордсворта, «знание и поэта и ученого основано на удовольствии» [там же]. Фаулз, однако, критически оценивал стремление ученых подвергнуть природу четкой классификации, которое, по мнению писателя, оказывалось обусловленным их «жалким односторонним видением истинных взаимоотношений мира людей с миром природы» [17, с. 437]. Более того, писатель отрицал умение ученых-натуралистов по-настоящему оценить

природу такой, какая она есть: «...для людей с промытыми мозгами если что-то не имеет своего названия, то его и не существует» [20, с. 598]. И в этом моменте Фаулз оказался ближе к Новалису, полагавшему, что «поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого» [12, с. 94].

Особое воплощение оппозиция «естественный мир – искусственный мир» получило в характерном для фаулзовского творчества противопоставлении «город – природа». Уже 1951 г., преподавая во Франции, тогда еще начинающий писатель чувствовал давление городской атмосферы, однако стремление уйти в природу в этот период ощущалось Фаулзом не слишком часто. В дневниковых записях от 21 марта 1951 г. он размышлял о прогулке по долине Буавра: «Эти два часа на природе были для меня чем-то вроде побега из ссылки. Я родился в городе и большую часть жизни провожу в городах. Пока. Странно, но мне не нужно часто выбираться из города. Однако иногда возникает ощущение, что не хватает воздуха, и тогда я срываюсь и сбегаяю на природу. И там понимаю, что вернулся домой...» [15, с. 146]. В итоге, с течением времени потребность общения с природой усилилась и привела к «бегству в Лайм» (г. Лайм-Риджис) в 1963 г.

Безусловно, в этом отношении Фаулз шёл вслед за многовековой традицией английской литературы. Идиллическое восприятие природы, ее противопоставление враждебному человеку городу возникло еще в XVIII в. у сентименталистов (достаточно вспомнить элегии Т. Грея (к примеру, известная «Элегия, написанная на сельском кладбище» (*Elegy Written In A Country Churchyard*, 1751)). Позднее, в романтической традиции, противопоставление «город – село» нашло отражение в концепции У. Вордсворта, утверждавшего, что за пределами городской суеты «человеческие страсти приобщаются к прекрасным и вечным формам природы» [7, с. 263]. Но в стихотворении «Господень мир...» (*The World Is Too Much With Us...*, 1807) поэт с грустью размышляет о безразличии человека по отношению к природе:

Господень мир, его мы всюду зрим,
И смерть придет, копи или расходуй.
А в нас так мало общего с природой,
В наш подлый век мы заняты иным [6].

На влияние взглядов поэта-лейкиста на мировоззрение Фаулза указывает, в частности, финский исследователь К. Бракс. Он отмечает, что «неизгладимые моменты» [6, р. 158], о которых писал У. Вордсворт [22], являются своего рода составляющей восприятия природы и оказываются сродни «прозрению» героев в фаулзовских произведениях.

В то же время Фаулз, противопоставляя в своих произведениях город природе, расходится с С.Т. Колриджем, который ставил под сомнение абсолютное положительное влияние деревенской жизни на лоне природы на человека: «Я глубоко убежден в том, что не всякому человеку дано процветать в деревенской жизни... Требуется изначальное воспитание либо здравомыслие, или и то и другое» [10, с. 287].

В сознании Дж. Фаулза, а затем в его романах и новеллах все же сохраняется противопоставление большого города и природы провинции, со временем трансформируясь в актуальную для художественной прозы и эссеистики писателя оппозицию «остров – другой мир». Фаулз видел особое значение ограниченного, изолированного природного пространства для процесса самопознания: «В терминах сознания и самосознания каждый отдельный человек это как раз и есть остров... Именно ограниченность, предельность и замкнутость маленького острова, который можно охватить взглядом, обойти за один день, и связывает его с человеческим телом куда более тесными узами, чем любая другая географическая форма суши» [18, с. 475].

Через образ острова писатель объяснял и лабиринты человеческой души. На острове не все можно увидеть, глядя на него с берега; так же и внутренний мир человека непознаваем для окружающих, а часто и для себя самого: «Если честно, мы ведь такие же – наша «поверхность», внешность, видна всем, а душа, внутренняя половина нашего «я», ото всех скрыта и представляет собой настоящий лабиринт, который, впрочем, весьма увлекательно исследовать» [там же]. Кроме того, по мысли Фаулза, на острове постоянно подстегивает воображение человека, возможно, заставляя его открывать новые стороны своей личности: «Острова – это еще и некие «потайные» места, где воображение никогда не отдыхает» [18, с. 488].

Фаулз указывал на заслугу романтиков как первооткрывателей в изображении «дикого» пейзажа. Писатель особо отмечал введенное ими «очеловечивание» природы: «Некоторые особенности пейзажа выпячивались настолько, что заслоняли собой все остальное. Но это был, безусловно, шаг вперед, впрочем, и тут вмешивалось пресловутое «очеловечивание» природы, отдаляя ее от реальной действительности» [16, с. 565]. В то же время Фаулз не принимал такого изображения природы, так как, по его мнению, поставить природу в центр своего произведения – еще не значит ее полюбить.

С 1970-х гг. Фаулз уже осмысливал природу не только как эстетическую ценность и один из способов познания себя, но и как нечто, требующее защиты. Причины экологических проблем, особенно актуальных в XX веке, Фаулз видел в безразличии отдельных людей по отношению к природе. Примечательно, что об этом размышлял еще У. Вордсворт:

Играет море с месяцем златым,
Порхает ветер, опьянен свободой,
Иль спит и копит мощь пред непогодой.
Что нам с того! Мы равнодушны к ним [6].

Фаулз, в итоге, пришёл к выводу об индивидуальной ответственности человека за сохранность окружающего мира: «Охрана окружающей среды... начинается прямо с палисадника у вас под окном. То есть она начинается, если ее начинаете вы, и только тогда, когда вы перестаете бессмысленно произносить слова «охрана окружающей среды», просто «веря» в то, что охрана окружающей среды где-то существует, и радостно соглашаясь с этим» [21, с. 419]. И только осознание и принятие личной ответственности за состояние природы, по мысли писателя, может привести к «ощущению собственного бытия... вечного чуда, исполненного такой жизненной силы, что кажется, ты просто не сможешь его вынести» [20, с. 601].

Таким образом, на протяжении жизни отношение Фаулза к природе проходит значительную эволюцию. Умея наслаждаться красотой окружающего мира в молодости, писатель не отрекался от «бессмысленного коллекционирования» трофеев охотника. Однако с возрастом для Фаулза

становилось первостепенным эстетическое удовольствие, которое способно доставить созерцание природы.

Писатель рассматривал способность сливаться с окружающим миром как одну из возможностей постичь свою душу, а после знакомства с Грецией и восхождения на Парнас Фаулз, подобно Новалису, установил четкую связь между способностью чувствовать природу и умением творить произведения искусства. Как В. Гюго, Фаулз усматривал некую божественную сущность в нетронутой людьми природе. Видимо, отсюда возникла убежденность писателя в том, что человек как часть природы не вправе вмешиваться в естественные процессы. Вероятно, именно эта мысль, в конце концов, привела

Фаулза к особому видению роли природы в существовании человека. Подобно У. Вордсворту, утверждавшему возможность идиллического контакта человека с сельской природой, но сожалевшему о безразличии людей к окружающему миру, Фаулз указывал на необходимость понимания природы людьми и – как следствие – заботы о ней. Так, концепция природы, созданная писателем, не только отразила влияние европейского романтизма, но и приобрела самостоятельную философско-литературную значимость.

Очевидная связь мировоззрения и творчества Фаулза с предшествующей литературной традицией позволяет говорить о преувеличении литературоведами степени родства писателя с постмодернистами.

Примечания

1. Так, Е.А. Пучкова рассматривала особенности образов моря, бури в романах писателя. О.В. Лебедева анализировала функцию природы в новеллах Фаулза, Н.А. Смирнова отмечала символическую роль природных явлений в романе «Маг» (*The Magus*, 1965), а К. Бракс видел в отношении фаулзовских героев к природе влияние романтической традиции (см. Пучкова Е.А. Мотив кораблекрушения в романах Дж. Фаулза 1960-70 годов («Коллекционер», «Маг», «Женщина французского лейтенанта», «Дэниел Мартин»)//Художественный текст и культура. Владимир, 2004. С. 443-448; Лебедева О.В. Поэтика новелл Джона Фаулза. Дисс...канд.филол.н. Великий Новгород, 2005; Смирнова Н.А. Джон Фаулз: текст, интертекст, метатекст: Учеб.пособие по курсу «Английская литература XX в.». Ч. 1. Нальчик, 1999; Brax K. *The Poetics of Mystery: Genre, Representation, and Narrative Ethics in John Fowles's Historical Fiction*. Helsinki, 2003).

2. Среди работ о трактате «Аристос» монография В.Г. Тимофеева (Тимофеев В.Г. Уроки Джона Фаулза. – СПб, 2003), диссертации Я.Ю. Муратовой, И.Б. Каргузовой, Э.Г. Годованной (см. Муратова Я.Ю. Мифопоэтика в современном английском романе: Д. Барнс, А. Байетт, Д. Фаулз. Дисс...канд.филол.н. М., 1999; Каргузова И.Б. Проблемы искусства и образ художника в творчестве Джона Фаулза. Дисс...канд.филол.н. СПб, 2006; Годованная Э.Г. Философско-эстетические доминанты русского и европейского постмодернизма и творчество Джона Фаулза. Дисс... канд.филол.н. Краснодар, 2004) и др. Об отдельных эссе сборника «Кротовые норы» (*The Wormholes*, 1998) писали, например, Н.В. Лобкова, Д.А. Гузеева, С. Онега (см. Лобкова Н.В. Взаимодействие языков искусств в творчестве Джона Фаулза. Дисс...канд.филол.н. Н. Новгород, 2001; Гузеева Д.А. Смерть романа... (На материале сборника эссе Дж. Фаулза «Кротовые норы»)//Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Белгород, 2006. С. 119-121; Onega S. *Self, world, and art in the fiction of John Fowles*//*Twentieth Century Literature*. Spring, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://findarticles.com/p/articles/mi_m0403/is_n2_v43/ai_20563363/pg_5/?tag=content;coll1) и др. Среди ученых, обращавшихся к «Дневникам» (1949-1965), Т.Л. Селитрина (см. Селитрина Т.Л. Английская классика на страницах дневника Джона Фаулза//Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения: Сборник статей. Екатеринбург, 2010. С. 37-43).

3. Книга «Дневники» (*The Journals. Vol.I: 1949-1965*) является первой частью личных записей Дж. Фаулза, изданных и прокомментированных в 2003 г. Ч. Дрэйзином (второй том «Дневников» (1966-1990) в России не публиковался). В центре повествования «Дневников» оказываются не только этапные и повседневные события жизни писателя, но и его духовные и творческие искания. Композиционно первый том «Дневников» состоит из десяти частей, отражающих этапные события, периоды жизни писателя: последние годы учебы в Оксфорде (1949-1950), где Фаулз занимался французским языком и литературой, год преподавательской деятельности во Франции (конец 1950го-1952), преподавание в колледже Анаргироза и Коргиаленеоса на о. Спеце (Греция) (1952-1953), возвращение в Англию в 1953 г. и жизнь в Лондоне с 1954 по 1963 гг. с первой женой Элизабет, получение литературного признания и, наконец, переезд в Лайм-Риджис осенью 1964 г.

4. В данном случае речь идет о чувстве к попутчице Моник Бодуэн во время путешествия по Европе в 1952 г.
5. *Brax K.* The Poetics of Mystery: Genre, Representation, and Narrative Ethics in John Fowles's Historical Fiction. Helsinki, 2003.
6. *Вордсворт У.* Господень мир... / Пер. с англ. В. Левика // Поэзия английского романтизма. М., 1975. С. 248.
7. *Вордсворт У.* Предисловие к «Лирическим балладам» / Пер.с англ. А. Горбунова // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 261-279.
8. *Гофман Э.Т. А.* Крошка Цахес, по прозванию Циннобер / Пер.с нем. А. Морозова // Э.Т.А. Гофман. Песочный человек. Избранное: Рассказы. М., 2007. С. 176-279.
9. *Гюго В.* Предисловие к сборнику «Оды и баллады» / Пер.с фр. С. Брахман // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 443-447.
10. *Колридж С.Т.* Из «Литературной биографии» / Пер.с англ. С. Таска // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 279-294.
11. *Новалис.* Генрих фон Офтердинген /Пер.с нем. В. Микушевича // Немецкий романтизм. М., 2010. С. 32-189.
12. *Новалис.* Фрагменты / Пер.с нем. А. Дмитриева // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 94-108.
13. *Фаулз Дж.* Аристос / Пер.с англ. И. Бессмертной. М., 2008.
14. *Фаулз Дж.* Быть англичанином, а не британцем / Пер.с англ. И. Бессмертной // Дж. Фаулз. Кротовые норы. С. 143-160.
15. *Фаулз Дж.* Дневники 1949-1965 / Пер.с англ. В.И. Бернацкой, Н.М. Пальцева. М., 2007.
16. *Фаулз Дж.* Земля / Пер.с англ. И. Тогоевой // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М., 2004. С. 541-574.
17. *Фаулз Дж.* Незрячее око / Пер.с англ. И. Тогоевой // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М., 2004. С. 432-450.
18. *Фаулз Дж.* Острова / Пер.с англ. И. Тогоевой // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М., 2004. С. 469-541.
19. *Фаулз Дж.* Предметы коллекционирования: предисловие / Пер.с англ.И. Тогоевой // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М., 2004. С. 574-578.
20. *Фаулз Дж.* Природа природы / Пер.с англ. И. Тогоевой // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М., 2004. С. 578-610.
21. *Фаулз Дж.* Сорняки, жучки, американцы / Пер.с англ. И. Тогоевой // Дж. Фаулз. Кротовые норы. М., 2004. С. 403-432.
22. В поэме У. Вордсворта «Прелюдия, или Становление сознания поэта» (*The Prelude, or, Growth of a Poet's Mind, 1798-1839*) сочетание «spots of time» дословно переведено Е.В. Халтрин-Халтуриной как «места во времени» (см. Халтрин-Халтурина Е.В. Ключ к поэме У. Вордсворта «Прелюдия, или Становление сознания поэта»// Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2007. Т. 66, № 2. С. 54-62). Однако «неизгладимые моменты» как вариант перевода представляется более корректным, так как отмеченные исследовательницей особые свойства «мест во времени» (лирический герой переживает встречу с ними, они могут «пробуждать его от бесчувственной дремоты, тормошить воображение и мысль») в таком сочетании отражаются более точно.

O.S. KOZMINA

THE WORLD OF NATURE IN JOHN FOWLES'S NON-FICTION AND THE TRADITIONS OF WESTERN EUROPEAN ROMANTICISM

The article deals with J. Fowles's perception of nature as a constituent part of his philosophy of life. The parallels are drawn between Fowles's out-look and the philosophical and aesthetic ideas of Western European romanti-cists. The author of the article reveals the changes in Fowles's understanding of nature at different stages of his life and shows the role of pantheism and Zen Buddhism in his views.

Key words: self-knowledge, nature as a shelter, pantheism, romanticism, Zen Buddhism, the opposition «artist» - «non-artist».

К.И. КУРБАНОВА

аспирант кафедры французского языко-
знания филологического факультета
Московского государственного универси-
тета имени М.В. Ломоносова
E-mail: kamilla.k@mail.ru
Тел. 8 926 387 85 52

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Межъязыковая семантическая интерференция, определяемая как регулярное смешение формально подобных, но семантически несовпадающих единиц разных языков, выражается в явлении «ложных друзей переводчика». Данный лингвистический феномен напрямую связан с асимметрией языкового знака: будучи симметричными в плане означающих, «ложные друзья» обладают асимметрией означаемых; попытка выровнять данное несоответствие приводит к нарушению языковой нормы.

Ключевые слова: симметрия, асимметрия, межъязыковая семантическая интерференция, «ложные друзья переводчика», асимметрия языкового знака.

В предлагаемой статье речь пойдет о межъязыковой семантической интерференции в аспекте симметрии / асимметрии языкового знака. В самом общем значении, **симметрия**, как на это указывал В.Г. Гак, – это «упорядоченность, регулярность, единообразие предметов и явлений объективного мира. Это понятие однопорядковое с такими понятиями, как закономерность, сохранение, инвариантность». Противоположным понятию симметрии является понятие **асимметрии**, которая отражает нарушение упорядоченности, регулярности, связанные с изменением в организации системы, составных частей целого [3, с. 41].

При сопоставлении лексики различных языков симметрия ярко проявляется, например, в таком явлении, как интернационализм, т.е., по определению С.Н. Кузнецова, общий элемент нескольких мировых языков, усвоенный ими в силу генетической общности или взаимных культурных влияний. Лексические интернационализмы называются также *интеронимами*, а их совокупность – *интернациональной лексикой (интерлексикой)*. Например, лексическими интеронимами являются рус. биология, англ. *biology*, франц. *biologie*, итал. *biologia*, и т.д. [6].

В.В. Акуленко выделяет три условия интернациональности слов: во-первых, слова считаются интернациональными, только если они обладают такой степенью сходства фоно-морфологической оболочки, при которой они отождествляются с их аналогами в других языках. Вторым критерием интернациональности является семантическая общность. Степень семантического сходства возрастает с нарастанием терминологического характера слова и достигает полного совпадения, как правило, только в узкоспециальных терминах.

Но здесь можно сделать следующую оговорку: В.В. Акуленко считает возможным пренебречь частичным семантическим расхождением, особенно, если слова обладают общим инвариантом значения, что, на наш взгляд, не совсем верно. Рассмотрим триаду, предлагаемую В.В. Акуленко: рус. *практически* / англ. *practically* / франц. *pratiquement* – данные слова взаимозаменяемы в значениях «почти» и «в практическом отношении, на практике», при этом иногда французский и английский корреляты переводятся на русский как «фактически», «на деле», «в сущности». Позволим себе не согласиться с мнением исследователя, что в любом

случае «перевод окажется достаточно близким к истине» [1, с.64], все-таки, в таких случаях речь идет о разных значениях. Отметим, что в нашем исследовании полное совпадение интеронимов в основных значениях принципиально.

В-третьих, интернационализмы – это слова, выражающие понятия международного значения, т.е. речь идет о явлениях, не ограниченных рамками одного национального языка, а сосуществующих в нескольких (не менее чем в трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных).

В функциональном аспекте интернационализмы оказываются не смешиваемы, т.е. они не могут вызвать ошибку при переводе: сходство их форм закономерно и справедливо отождествляется со сходством их значений. Они служат переводческими эквивалентами, и вслед за В.В. Акуленко мы можем их назвать «подлинными друзьями переводчика».

Таким образом, интернационализмы, будучи словами разных языков, симметричны как в формальном, так и в семантическом плане. Само наличие интернациональной лексики порождает идею не только о существовании симметрии внутри одного языка, но и некой симметрии среди нескольких языков.

Механизм **интерференции** связан именно с проявлением асимметрии в языке и заключается в смешении формально подобных единиц одного (паронимия) или разных языков («ложные друзья переводчика»), которое приводит к нарушению языковой нормы. **Межъязыковая семантическая интерференция**, как следует из названия самого явления, исследуется на стыке различных языков (в нашем языковом материале – это французский, английский и русский языки) и проявляется в том, что сходные слова двух (возможно, нескольких) контактных языков имеют разное семантическое наполнение. Функционально такое уподобление формы и содержания ошибочно, поэтому его метафорически принято называть «ложным другом переводчика».

В семиотическом аспекте «ложный друг» напрямую связан с межъязыковой асимметрией. В.Г. Гак, занимаясь проблемой симметрии / асимметрии, выделял два типа асимметрии сопоставляемых объектов: 1) гомологическая асимметрия – отношение двух объектов, в линг-

вистике – асимметрия, проявляющаяся при сопоставлении языков; 2) динамическая асимметрия при развитии объекта/ов (связанная с языковым развитием).

В качестве **гомологической асимметрии** приведем пример семантического расхождения формально сходных слов во французском, английском и русском языках. Отметим, что зачастую «ложные друзья» обладают хотя бы одним общим значением, что свидетельствует об изначальной симметрии этих слов. Например, франц. *appartement* // англ. *apartment* // рус. *апартаменты* – слова, сходные с точки зрения формы и частично совпадающие в семантике: все три единицы обозначают во множественном числе «большое роскошное помещение, покои» (напр., *appartements privés* // *private apartments* // *частные апартаменты*). При этом французский аналог в своем основном употреблении обозначает «квартира», а английский аналог может также означать «меблированные комнаты, снимаемые ежемесячно или понедельно». Симметрия значений английской и французской формы восстанавливается в некотором смысле, если учесть, что в американском варианте английского слово *apartment* – это «квартира в большом многоэтажном доме, комнаты которой обычно расположены на одном этаже», что соответствует британскому *flat* (квартира). В рассмотренной триаде только русское слово обладает одним единственным значением, что объясняется этимологически: рус. *апартаменты* было заимствовано из французского не в основном значении и только во множественном числе, что вызвало асимметрию данных форм в семантике.

В приложении к языку **динамической асимметрией** мы называем нарушение форм и отношений при развитии языка, изменение пропорциональности значений. Динамическая асимметрия ярко проявляется в том, как бывшие «подлинные друзья переводчика» становятся «ложными друзьями» и перестают использоваться в некоторых значениях в качестве эквивалентов. Как уже говорилось выше, многие «ложные друзья» объединены одним или несколькими значениями, иногда общее значение прослеживается не во всех трех, а только в двух языках. Интересно, что в связи с языковым развитием эти парные значения распадаются, потому что

в одном из языков значение устаревает и выходит из употребления. Например, все три формы франц. *bagage* // англ. *baggage* // рус. *багаж* симметричны в значении «упакованные вещи, которые пассажир берет в дорогу». Оговоримся, что французское слово в этом значении в современном языке употребляется во множественном числе, а слово *baggage* в данном значении используется в американском варианте английского (брит. *luggage*). Далее рассмотрим парные значения, т.е. свойственные словам двух языков: русский и французский аналоги означают «сведения, знания в какой-либо области» (*bagage intellectuel* – интеллектуальный багаж). Французский и английский ранее оба значили (воен.) «возимое имущество, обоз», но в связи с динамической асимметрией данное семантическое значение устарело во французском языке, произошло расподобление. Кроме того, английская форма, изначально этимологически связанная с французской, образовала новые значения: «негодница», «проститутка», окончательно таким образом отойдя от слова-этимона.

Из нашего практического материала следует, что «ложные друзья» – это слова с общей этимологией, значения которых с течением времени разошлись. Таким образом, мы можем сделать предположение об изначальном существовании интеронимов (симметричных и формально, и семантически), которые развили новые, свойственные каждому отдельному языку значения, что привело к межъязыковой асимметрии, проявляющейся в явлении «ложных друзей переводчика».

Напротив, в настоящее время наблюдается обратный процесс – восстановление былой симметрии, когда одно из «ложных» значений закрепляется в семантике схожего слова в другом языке. Как правило, речь идет о значении английского «ложного друга», которое проникает во французский или русский язык и вытесняет таким образом исконно существующее в этих языках слово. Так, слова франц. *ballon* // англ. *balloon* // рус. *баллон* не обладают общим для всех трех языков значением, но тем не менее французский и русский коррелятивные слова могут служить переводческими эквивалентами в значении «закрытый сосуд» (*ballon d'oxygène* – баллон с кислородом), «шина» ((*pneu*) *ballon* – шина низкого давления), а французский и ан-

глийский – в значениях «аэростат», «воздушный шарик», (хим.) «колба». Начиная с середины XX века английское значение «облачко с текстом высказываний или мыслей персонажей (в комиксах и т.п.)» заимствуется французским коррелятом, т.е. если раньше англ. *balloon* необходимо было переводить только французским *bulle*, то теперь франц. *ballon* и англ. *balloon* уравнились в данном значении. Конечно, нельзя говорить о полной симметрии компонентов, они по-прежнему остаются «ложными друзьями» (только французское коррелятивное слово может значить «мяч», «водонагреватель», «бокал для вина» (*verre ballon*), «пышный рукав» ((*manche*) *ballon*) и только английский аналог означает «бокал/рюмка для бренди»), но определенную тенденцию к симметрии можно проследить.

Итак, мы рассмотрели различные виды асимметрии, проявляющейся в межъязыковой семантической интерференции, механизм которой непосредственно связан с асимметрией языкового знака.

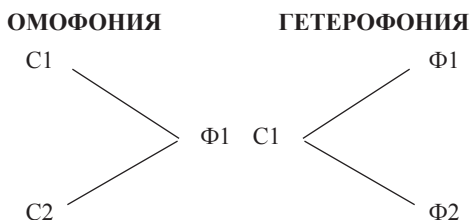
Семиологическое описание языка ведет свое начало от Ф. де Соссюра, который разработал известное положение о двустороннем характере языкового знака, состоящего из понятия (означающее) и акустического образа (означающее). Исследователь выделял два основных знаковых принципа: произвольность и неизменчивость. С одной стороны, означающее оказывается свободно выбранным по отношению к выражаемому им понятию, с другой стороны, «по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано» [8, с. 77-87].

Э. Бенвенист, развивая идею Ф. де Соссюра, утверждал, что соединение между означаемым и означающим следует признать не произвольным, а необходимым, «поскольку, существуя друг через друга, они совпадают в одной субстанции», в этом отражается «абсолютный характер языкового знака» [2, с. 96].

Опираясь на вышеприведенные положения Ф. де Соссюра о подвижности / неизменности знака, С.О. Карцевский пришел к выводу о том, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно, иначе, если бы знаки выполняли только одну функцию, то «язык стал бы простым собранием этикеток». Это скольжение обозначающего и

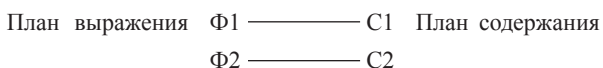
обозначаемого по «наклонной плоскости реальности» исследователь назвал «асимметричным дуализмом» языкового знака. «Обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [5, с. 90].

Крайними полюсами выражения асимметрии являются омофония, т.е. совпадение означающих при разных означаемых, и гетерофония, когда одно означаемое выражается разными означающими. Данное представление было отражено в работе И.Н. Кузнецовой следующей схемой [7]:

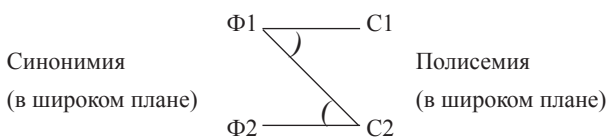

Всякий лингвистический знак, по мнению С.О. Карцевского, является в потенции омонимом и синонимом одновременно в силу асимметричности означаемого и означающего, которые «будучи парными, оказываются в состоянии неустойчивого равновесия».

Взяв за основу положения С.О. Карцевского, В.Г. Гак конкретизировал семиологическое объяснение явлений симметрии и асимметрии [4, с. 117-118]. Симметрия формы и содержания подразумевает взаимно-однозначное соответствие единиц плана выражения единицам плана содержания:

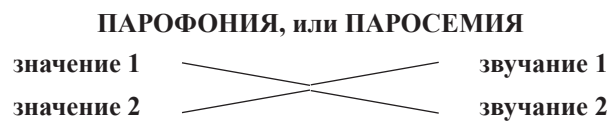

В случае нарушения данного соответствия возникает два типа асимметрии – полисемия и синонимия:

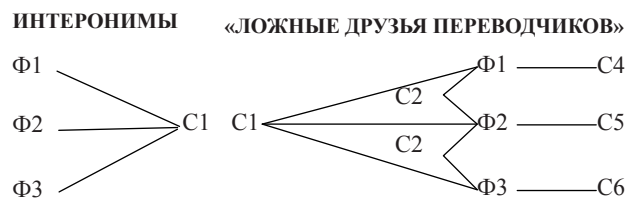
Развивая положения С.О. Карцевского и В.Г. Гака по отношению к механизму лексической

интерференции, И.Н. Кузнецова подчеркивает, что разветвление означаемого и означающего может не достигать своих пределов. «Лексическая интерференция ... связана с промежуточным положением в скольжении означаемого и означающего по отношению друг к другу, когда обусловленные данным скольжением интерференционные единицы обладают семантическим и формальным подобием, но не достигают гипотетических крайних пределов, как бы останавливаются, не достигая точки слияния» [7]. Лексическая интерференция, таким образом, предстает как промежуточное звено между двумя полюсами – синонимией и омонимией:

В рамках одного языка интерференция реализуется в паронимии, на уровне двух и более языков интерференция проявляется в диапаронимии, или явлении «ложного друга переводчика». Сущность данного процесса в паронимии и диапаронимии состоит в переносе формального сходства на содержательные отношения, что приводит к нарушению языковой нормы.

Основываясь на положениях В.Г. Гака и И.Н. Кузнецовой, отметим, что изучение «ложных друзей переводчика» на материале трех неблизкородственных языков дает возможность взглянуть по-иному на механизм интерференции. В свете данного сопоставительного анализа становится очевидным, что «ложные друзья переводчика» – это не что иное, как результат расхождения интерномимов, чье общее для всех коррелятивных слов значение сохранилось или же частично «расщепилось», при этом в каждом языке появились свои новые значения. Сравним схематическое изображение трех языковых знаков-интерномимов и трех «ложных друзей»:

Вышеприведенная схема наглядно показывает преобладание общего для всех трех языков

значения, далее мы наблюдаем «расщепление» данного значения и попарное семантическое подобие (совпадение в двух языках) и, наконец, возникновение отдельных значений каждого слова-коррелята.

В качестве небольшого эксперимента разберем вышеупомянутую триаду франц. *ballon* // англ. *balloon* // рус. баллон попарно, т.е. только на уровне двух языков. Таким образом, данное сравнение позволяет выделить, в терминах И.Н. Кузнецовой, как **синонимические** (обладающие хотя бы одним общим словарным значением) «ложные друзья» (франц. *ballon* // англ. *balloon* совпадают в значениях «воздушный шарик», «аэростат» и т.д., но несходны в других значениях; а также вспомним о семантическом подобии франц. *ballon* и рус. баллон), так и **контактные** «ложные друзья» (принадлежащие к одному семантическому полю): напр., рус. баллон и англ. *balloon* не имеют единого значения, но входят в семантическое поле «закрытая емкость». Иначе говоря, если на материале двух языков приходится говорить о синонимичности, контактности и иногда даже дистантности (полное отсутствие семантической близости) значений, то анализ, проводимый в трех языках,

показывает, что хотя бы два из трех коррелятов обнаруживают синонимию, т.е. сходны в одном (или более) значении при контактности третьего элемента, что доказывает, на наш взгляд, изначальную симметрию их значений.

Если интеронимами мы считаем слова-корреляты трех анализируемых языков, совпадающие по форме и содержанию, в чем наглядно проявляется симметрия языка, то «ложные друзья» в таком случае являются результатом действия асимметрии, которую В.Г. Гак отмечал как «явление вечное и универсальное, и к ней (асимметрии) поэтому нужно относиться не как к «болезни» языка, к недостатку языка как орудия общения, но как к важнейшему компоненту языковой системы, связанному с самим устройством и функционированием языка» [3, с. 50].

Итак, причина межъязыковой интерференции заключается в том, что при симметрии означающих «ложных друзей переводчика» наблюдается асимметрия их означаемых; попытка выровнять данное несоответствие приводит к нарушению языковой нормы – таким образом, явление «ложного друга» напрямую связано с асимметрией языкового знака.

Библиографический список

1. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? // Вопросы языкознания. №3, 1961.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков: Сб. Материалы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. Калинин, 1980.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
5. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
6. Кузнецов С.Н. Краткий словарь интерлингвистических терминов // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991.
7. Кузнецова И.Н. Лексическая интерференция как проявление асимметрии языкового знака // Филологические науки, № 3, 2010.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2004.

K.I. KURBANOVA

**THE INTERLINGUAL SEMANTIC INTERFERENCE
(FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

The interlingual semantic interference defined as a regular mixture of formally similar but semantically unequal linguistic units of different languages manifests itself through misleading words. The present linguistic phenomenon is closely related to the asymmetry of the linguistic sign: being symmetrical in terms of their signifiers these language units are asymmetrical in terms of the signified; an attempt to equalize this disparity results in the breach of the language standards.

Key words: symmetry, asymmetry, interlingual semantic interference, misleading words, asymmetry of the linguistic sign.

Н.А. КУДЕЛЬКО

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и литературы
Орловского государственного института
искусств и культуры
Тел. (4862) 41 51 05

Ю.И. АЙХЕНВАЛЬД О ТУРГЕНЕВЕ: PRO ET CONTRA. (ИЗ КНИГИ «СИЛУЭТЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»)

Данная статья посвящена рассмотрению заметок Ю.И. Айхенвальда о И.С. Тургеневе, которые отражают особенности имманентного метода критика и неоднозначность его оценки великого писателя.

Ключевые слова: литературная критика, импрессионизм, творчество И.С. Тургенева.

*Тургенев – великий русский художник-импрессионист, истинный предвозвестник нового идеального искусства.
Д. Мережковский*

Ю.И. Айхенвальд (1872-1928) – «интерпретатор творчества русских и западно-европейских писателей в жанре своеобразных импрессионистических эссе (кн. «Силуэты русских писателей», выпуски 1-3, 1906 – 10, «Этюды о западных писателях», 1910). Острополюмическая книга «Спор о Белинском. Ответ критикам» (1914). В книге «Наша революция» (1918) – неприятие большевистской власти. В 1922 выслан из России, жил в Берлине, печатался в эмигрантской прессе...» – читаем о критике «серебряного века» в современной энциклопедии [1].

Подчеркнутые нами в эпиграфе и энциклопедической статье слова «называют» цель данной работы: углубить представления о Тургеневе – предвозвестнике импрессионизма через восприятие его творчества критиком-импрессионистом.

Наш подзаголовок «pro et contra» не случаен: «силуэт» Айхенвальда «Тургенев» неоднозначно оценивает творчество писателя. Современники считали мнение критика: «Тургенев не глубок», «Его мягкость – его слабость», «Он заслужил Кармазинова» и т.д. – святотатством. Б. Зайцев в очерке «Ю.И. Айхенвальд» из книги «Москва» (1928) писал, что Тургенева критик «резко не любил». Но, «не соглашаясь» с Тургеньевым, даже «не

любя» его (говоря словами Зайцева), Айхенвальд восхищался писателем, тем в его творчестве, что сам назвал: «тургеньевское». И тот же Б. Зайцев в статье 1923 года «О Тургеневе» обратился именно к этой «айхенвальдовской» категории, написав о тургеньевских героях: «Их любви, дела, радости и неудачи, меланхолическое раздумье, слова элегии, изящество, аристократизм образуют ту «категорию тургеньевского», о которой правильно заметил Ю.И. Айхенвальд, что она – главное в наследии Тургеньева» [2].

Свой метод критического анализа Ю. Айхенвальд называл имманентным. Критик, по мысли автора «Силуэтов», «должен изнутри сродниться с художником, перелить его душу в свою и свою душу в его; он должен, осуществляя имманентное отношение к искусству, не уходить от его произведения, а входить в него все глубже и глубже. (...). В области художественного слова критик приникнет к чужому слову и претворит его в свое» [3]. Понятие «имманентный» по своей сути синонимично определению «импрессионистический».

Ю.И. Айхенвальд, по утверждению Ф.А. Степуна, не принадлежал ни «к школе критиков-философов», ни тем более, «к школе критиков-общественников, критиков-социологов.

Метод его литературной критики был методом чистого импрессионизма. Он вслушивался в ритмы художественных произведений, вникал в их образы и души и из внушенных ему искусством переживаний создавал свои статьи: своеобразные перифразы разбираемых им произведений...» [4].

Исходным в размышлениях о Тургеневе у Айхенвальда является следующее положение: «Тургенев сочиняет, выдумывает и в нем истинного творца побеждает беллетрист». Истинные творцы в русской классической литературе, по Айхенвальду, Пушкин и Толстой. Тургенев же сочинитель, беллетрист, «свойственны ему литературное жеманство и манерность» (256), некая искусственность и надуманность. Попробуем взглянуть в «перифразы» Айхенвальда. Начнем с бесспорного, на наш взгляд.

Критик ценит Тургенева-пейзажиста. Он отмечает тургеневское «глубокое чувство любви к родной земле». «Тургенев один из первых открыл и заметил ее скромную красоту», – говорится в «Силуэте». И хотя, по мнению Айхенвальда, Толстой-пейзажист лучше Тургенева-пейзажиста, тургеневские изображения природы критик считает прекрасными, потому что они «чужды антропоморфизации», «говоря о природе, Тургенев в природе и остается» (261). Ценит автор «Силуэта» те пейзажи, где картины природы «сливаются с настроением героев..., их нельзя воспринимать без волнения».

Особенно, считает Айхенвальд, этим отличаются ночные пейзажи: из «Дворянского гнезда», когда «Лаврецкий из своей деревни провожает Лизу, или мистический ландшафт «Бежина луга» (261). Эти наблюдения точны и глубоки.

Критик признает значимость роли Тургенева в отмене крепостного права, тут же оговариваясь: «... но самое крепостничество и кровь, позорную эпопею рабства, сумел написать все той же ровной и безобидной акварелью» (256). С характеристикой «акварель» по отношению к «Запискам охотника» трудно не согласиться. Мысль же о безобидности «Записок» должна быть оспорена.

Вот и импрессионист Б. Зайцев в «Жизни Тургенева» колорит «Записок» назвал «голубоватым», отметив, что они – «поэзия, а не политика». Конечно, «акварельность», конечно, «поэзия», но и «политика». Книга, как известно, имела огромный общественный резонанс. Айхенвальд не от-

рицает последнего, пишет, что Тургенев еще «до 19 февраля освободил крестьян: он их своим описанием дифференцировал, (...) распознал отдельные физиономии, разнообразные души» (256). Но, считает критик: «... есть сюжеты и темы, (...) которые грешно подвергать акварельной обработке» (256). Среди подобных тем им называются, например, темы смерти, подвижничества, отмены крепостного права. Именно здесь, в «акварельности» изображения тем трагедийных, проявились неглубина, легкость, слабость Тургенева, считает Айхенвальд. Трудно с этим согласиться.

Ю. Айхенвальд не принимает тургеневских способов создания характеров. Во-первых, критику претят подробные жизнеописания: «Никто не обходится у него без биографии или формуляра» (255), поэтому «и герои, и читатели не раз стоят – дожидаются, пока он кончит, пока он вернется из той стороны, когда, в княжение Василия Темного, родоначальник Лаврецких выехал из Пруссии...» (256). Особенно это не нравится критику, когда речь идет о второстепенных героях. Тургенев «досказывает и сообщает нам судьбу даже самого второстепенного, мимолетного персонажа, – пишет Айхенвальд, добавляя, – и тем как бы исполняет свой писательский долг перед ними...» (255). Важное для критика добавление: по его мнению, некая искусственность, «сочинительство», присутствие писателю, прежде всего и проявляются.

Во-вторых, Ю. Айхенвальд, верно и точно называя среди прочих такой тургеневский характерологический прием, как создание ситуации общения героя с искусством, не приемлет и его и тоже как проявление неестественности, книжности: «...он (Тургенев – Н.К.) всегда интересовался, любят ли его герои искусство, искусство, читают ли они стихи и романы или нет (как не читала их Вера Николаевна из «Фауста»), и это внешне эстетическое мерило играет у него большую роль – большую, чем внутренняя, прирожденная, не книжная красота людей» (259).

И наконец, в-третьих, не может принять Айхенвальд и то, что тургеневские герои проходят испытание любовью, так как «все влюблены как-то тенденциозно» (259).

Автор «силуэта» отрицает тургеневскую концепцию любви, при этом опять же точно определяя особенности концепции: и то, что любовь «занимает у него (Тургенева – Н.К.)...исключо-

чительное место», и то, что «любовь Тургенева представляет собою романтическую надстройку над реальной жизнью», и то, что герои – мужчины проявляют в любви “сердечную слабость”, или иначе говоря “подколесинство”»(259).

Ю. Айхенвальд не считает Тургенева «поэтом целомудренным». Писатель, говорит его «оппонент», «...сведущ «в науке страсти нежной», этого он не скрыл, но ему бы следовало идти дальше и свободнее, и тогда в нем выступили бы скрываемые теперь черты русского Боккаччо» (260). Трудно не согласиться с Айхенвальдом в том, что любовным «романом у него (Тургенева – Н.К.) действительность насыщена»; «он тонко знает девичье», но знает и «жгучий соблазн» (259), источник Полозовой, женою Лаврецкого, Ириною в «Дыме». Вот только «русских Боккаччо», думается, создаст уже новое время, «век серебряный»...

Среди не любимых критиком героев Тургенева – по причине их искусственности – Рудин и Базаров. «Базаров не тип, а выдумка», – пишет Айхенвальд (257). Милы сердцу критика несочиненные, невыдуманные тургеневские герои, пришедшие из самой жизни, остающиеся «в пушкинской атмосфере «Повестей Белкина» (260). «Трогательное и чистое впечатление» на автора «Силуэтов» производят горничная Маша из «Бретера», Акулина из «Свидания», Марфа Тимофеевна из «Дворянского гнезда». Как васильки Акулины хранятся у рассказчика в «Свидании», так и героини «хранятся... в памяти русских читателей» (261).

По душе Айхенвальду «грустные аккорды» «разлуки с жизнью уходящей», которые звучат в «Отцах и детях», «Асе», «Вешних водах», «Дворянском гнезде», – «нежная и чистая, не то словесная, не то струнная элегия русской литературы» (261).

Погружаясь в элегические страницы тургеневской прозы, внутренне «растворяясь» в ней (в этом растворении и виделась Айхенвальду конечная цель подлинной критики), он создает в финале некое «стихотворение в прозе», посвященное Тургеневу, ибо «Тургенев – это музыка, это хорошее слово русской литературы, это – очарованное имя, которое что-то нежное и родное говорит всякому сердцу» (262). Разум «убеждает» критика, что Тургенев устарел, но впечатление от тургеневских книг пленительно: «...это факт, пси-

хологический факт», – признается Айхенвальд. И добавляет: «Можно отвергнуть Тургенева, но остается именно тургеневское – та категория души, та пленительная камерная музыкальность, которой он сам вполне не достиг, но счастливая возможность которой явствует из его творений.(...) Объективная правда многое в нем осуждает... но субъективно Тургенев остается дорог, как настроение, как воспоминание, как первая любовь» (262). (Подчеркнуто нами – Н.К.). Как видим, принципы импрессионистической критики, сформулированные самим Ю. Айхенвальдом, позволяют ему «заглянуть» так глубоко в «тургеневское», так точно это трудно определяемое «нечто» определить, что критик не боится показаться в своем исследовании противоречивым, абсурдным, ибо :«Верю, потому что нелепо».

Силуэт «Тургенев» – один из самых сильных и интересных в сочинении Ю. Айхенвальда, когда критику пришлось преодолевать сопротивление материала – творчество нелюбимого писателя. Умение внутреннего вчувствования, ставшего принципиально важным в позиции критика-импрессиониста, помогло найти некое «созвучие», те музыкальные аккорды, которые позволяют нам вслед за Мережковским считать Тургенева предшественником импрессионизма.

«Тургеневское» – та названная Ю.И. Айхенвальдом категория, которая сегодня нам, может быть, более всего необходима в творчестве великого писателя. Позволим себе в заключении оспорить и автора «Силуэтов», считавшего Тургенева устаревшим, и П.Н. Милюкова, который «вторил» Айхенвальду, написав в 1933 году: «Для нашей жестокой действительности Тургенев слишком уравновешен и гармоничен» [5]. Тургенев «уравновешен и гармоничен» – потому и нужен «жестокой действительности». «Тургеневское» – уравновешенное и гармоничное – утешает и утишает сердца и сегодня.

Примечания

1. Айхенвальд // Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн 1. М., 2002. С.81.
2. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 11 тт. М, 2000. Т.9. С.30.
3. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.,1994. С.28. Далее ссылки на это издание в тексте, в скобках указана страница.
4. Степун Ф.А. Памяти Ю.И. Айхенвальда //Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. С.15.
5. Милуков П.Н. Русский европеец // Литературное обозрение. 1993. № 11-12. С.39.

N.A. KUDELKO

**G.I. AIKHENVALD ABOUT TURGENEV: PRO ET CONTRA.
(FROM THE BOOK «SILHOUETTES OF RUSSIAN WRITERS»)**

The article is devoted to research one paragraph by G.I. Aikhenvald about Turgenev, which is reflected the features of critic's immanent means and polysemantic appraisals about great writer.

Key words: *critique, impressionism, Turgenev's works.*

А.А. МАКУШИНА

аспирант кафедры русского языка, ассистент кафедры документной лингвистики и документоведения Волгоградского государственного университета
E-mail: makuschinaanna@mail.ru
Тел. 8 937 539 23 91

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСКИХ УСТАВОВ (УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

В статье рассматривается употребление глаголов в княжеских уставах XI – XIV вв. Автор выявляет представленность единиц разных лексико-семантических классов, основные закономерности контекстуального варьирования семантики глаголов. Делается вывод о пополнении лексики со значением социальных отношений, социальной деятельности, о терминологизации слов и словосочетаний в древнерусском деловом тексте.

Ключевые слова: древнерусский язык, лексика, глагол, семантическая модуляция, семантическая деривация, устав.

Уставы великих князей играли важную роль в общественно-политических отношениях между светской и духовной властью. Эти памятники письменности содержат сведения об объеме юрисдикции последних, об источниках их материального обеспечения, т.е. характеризуют разграничение правовых, административных и финансовых интересов княжеской (светской государственной) и высшей церковной властей. Они являются ценными источниками для изучения процессов складывания классового общества и государства на Руси, феодальной земельной собственности, истории взаимоотношений государства и церкви, роли церковной организации в обществе, истории древнерусского права и его эволюции, истории денежного счета и многих других вопросов хозяйственной, общественной, политической, правовой и культурной истории Руси в XI – XV вв. [2, с. 3–5]. Эти документы важны и как источник по истории русского и других восточноевропейских языков, так как в большей степени отражают язык повседневного общения, нежели памятники книжной письменности, а также свидетельствуют о формировании и развитии делового языка.

При анализе текста устава исследователь в первую очередь обращает внимание на тип источника (это деловой текст, выполнявший организационно-правовую функцию). Для лингвиста важны структура текста, парадигматика и синтагматика языковых единиц, особенности их функционирования в деловых текстах разных эпох, позволяющие объяснить в плане диахронии трансформацию делового языка в книжный официально-деловой стиль.

В данной работе представлены некоторые результаты исследования княжеских уставов с точки зрения их лексического своеобразия: исследуется глагольная лексика как важная составная часть делового текста; изучаются функционально-семантические особенности глаголов, которые позволяют говорить об отборе языковых средств и реализации их значения в контексте. При этом выявляется употребительность глаголов разных лексико-семантических классов. При анализе глагольного слова в русле подходов лингвистической школы профессора С. П. Лопушанской реконструируется семантическая структура глагола, сложившаяся в системе языка, как единство разноуровневых семантических признаков (интегральных и дифференциальных сем, реали-

зующих категориально-лексическую сему), устанавливается смысловая структура словоформы в контексте с целью выявить особенности реализации сем, процессы их перегруппировки.

Нами было рассмотрено 11 уставов и уставных грамот, в которых зафиксированы слово-

формы глаголов трех лексико-семантических полей – «действие», «состояние», «отношение». В рамках названных полей выделяются лексико-семантические группы глаголов (ЛСГ), имеющих общую категориально-лексическую сему (КС).

Представленность лексико-семантических групп глаголов в древнерусских княжеских уставах и уставных грамотах

<i>ЛСГ глаголов</i>	<i>Кол-во сл.употр./Доля</i>
I. Поле «Действие и деятельность»	
1. Глаголы социальной деятельности (крестити, тѣрговати, сѣдити, пѣти, праздновати и др.)	119/0,19
2. Глаголы физического воздействия на объект (витиѣ казнитиѣ приложитиѣ рѣшитиѣ ѡсѣсити и др.)	53/0,09
3. Глаголы созидательной деятельности (дѣлатиѣ писатиѣ записатиѣ поставитиѣ строити)	37/0,06
4. Глаголы интеллектуальной деятельности (дѣматѣ вѣдатѣ знатиѣ погадатѣ послѣшати и др.)	36/0,06
5. Глаголы речевой деятельности (речѣиѣ вѣспроситѣ докладѣватѣ проклинати и др.)	21/0,03
6. Глаголы движения (идтиѣ вѣводитиѣ отѣѣхати)	18/0,03
7. Глаголы физиологического действия (питѣиѣ ѡсти)	8/0,01
8. Глаголы перемещения объекта (приноситѣиѣ вѣсылати)	7/0,01
9. Глаголы помещения (кластиѣ мостити)	5/0,008
II. Поле «Бытие, состояние, качество»	
1. Глаголы качественного состояния (зажѣѣиѣ погивнѣти)	25/0,04
2. Глаголы бытия (житиѣ жѣдати и др.)	18/0,03
III. Поле «Отношение»	
1. Глаголы владения (поатиѣ датиѣ даватиѣ дѣржатиѣ вѣзатиѣ иматиѣ крастиѣ кѣпитиѣ платитиѣ продавати и др.)	187/0,30
2. Глаголы социальных отношений (насилитиѣ помогатиѣ приказатиѣ приказѣватѣиѣ потѣнѣтиѣ повиноватисѣ)	67/0,11
3. Глаголы межличностных отношений (призирати)	14/0,02
Итого:	615/1

Как видно из таблицы, самыми употребительными в уставах князей являются глаголы социальной деятельности (поле «действие и деятельность»), глаголы владения, социальных отношений (поле «отношение»). Преобладание названных ЛСГ объясняется назначением документов, сферой их функционирования: чаще

все уставы регламентируют имущественные, правовые, социальные отношения в обществе Древней Руси – владение движимым и недвижимым имуществом, управление, принуждение, зависимость во взаимоотношениях членов социума. Однако наибольшим разнообразием характеризуются ЛСГ глаголов поля «действие и

деятельность», обозначающих различные виды человеческой деятельности – торговлю, судопроизводство, религиозные отправления, строительство, благоустройство городских улиц, создание продуктов интеллектуального труда и т.д., среди которых значительно преобладают глаголы социальной деятельности.

Глаголы употребляются в текстах уставов в прямых значениях, а также в переносных значениях, являющихся свидетельством процесса переосмысления окружающей действительности древним русичем. Например, в следующих контекстах глаголы выражают свои прямые значения: **Аще жена вьѣтъ мѹжа митрополитѹ г҃ гривны** (Устав кн. Яр. о церк. судах, XIII в.) – глагол физического воздействия на объект **бити** означает «бить кого-л.» (7, т. I, стб. 89); **А которѹи иметь прикѹпом которѹимъ торговати** (Уст. гр. кн. Вас. Дм., XIV в.) – глагол социальной деятельности **тѹрговати** имеет значение «торговать, вести торговлю» (7, т. III, стб. 1051); **На Пѹттинѣ платати ѹетѹри гривны** (Уст. гр. кн. Ростислава Мстислав., XIII в.) – глагол владения **платити** употреблен в значении «платить, выплачивать пеню, давать дань» (7, т. II, с. 955); **Но во всем емѹ яко настоятелю повиноватисѹ** (Уст. гр. Любарта Гед., XIV в.) – глагол социальных отношений **повиноватисѹ** выражает значение «покоряться, подчиняться» (7, т. II, стб. 987) и мн. др.

В процессе функционирования словоформ в их смысловой структуре может происходить перегруппировка дифференциальных семантических признаков, в результате которой категориально-лексическая сема может сохраняться или разрушаться. Для разграничения этих двух типов семантических изменений С.П. Лопушанской введено понятие *семантической модуляции*, то есть такого изменения в смысловой структуре слова, при котором сохраняется категориально-лексическая сема, реализуются синонимические отношения данного слова, сложившиеся в рамках исходной лексико-семантической группы. В отличие от модуляции, *семантическая деривация* – процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы [4; 5].

Так, например, глагол владения **дати** в прямом значении «давать что-либо кому-либо из рук

в руки» (7, т. I, стб. 632) выражает КС ‘владение’ (лексико-семантическое поле «отношение», ЛСГ глаголов владения), которая уточняется интегральными семами (ИС) ‘характер субъекта’ (дифференциальные семы (ДС) ‘конкретный’, ‘одушевленный’), ‘характер объекта отношения’ (ДС ‘конкретный’, ‘одушевленный’), ‘характер прямого объекта’ (ДС ‘конкретный’, ‘неодушевленный’), ‘характер отношения владения’ (ДС ‘передача объекта’), ‘способ передачи объекта’ (ДС ‘передача из рук в руки’). Прямое значение глагола реализуется в следующих контекстуальных условиях: **И на то есмѹ дал господинѹ ѡтцѹ владыце снѹ грамотѹ мою** (Уст. гр. Любарта Гед., XIV в.), где одушевленный, конкретный субъект имплицитен (из текста уставной грамоты следует, что этим субъектом является луцкий и владимирский князь Любарт Гедиминович), конкретный прямой объект выражен именем существительным в В. п. (**грамотѹ**). Объект отношения назван словоформой имени существительного в Д. п. **господинѹ ѡтцѹ владыце** (в данном случае это епископ Климентий – лицо, которому князь передал документ из рук в руки).

Глагол **дати** может иметь также переносное значение «предоставлять что-либо в чье-либо распоряжение, пользование» (7, т. I, стб. 632), например, в контексте: **И се есмѹ дал землю в Погоновицѹх Мошиньскѹю святѣи Богородици и епископѹ** (Уст. гр. кн. Ростислава Мстислав., XIII в.). В данном случае на одушевленный субъект указывает перфектная форма 1 л. ед. ч. (он назван в более широком контексте); объекты отношения выражены словоформами имен в Д. п. **святѣи Богородици** (т.е. монастырю Святой Богородицы) и **епископѹ**. Словоформа В. п. **землю** обозначает конкретный, неодушевленный прямой объект – земельные площади, которые невозможно передать из рук в руки. Речь здесь идет о передаче права на владение, пользование землей; КС ‘владение’ в смысловой структуре глагола сохраняется при изменении ДС, конкретизирующей ИС ‘способ передачи объекта’. Глагол развивает специализированное значение, обозначая имущественно-правовые отношения. Рассмотренное семантическое изменение в смысловой структуре глагольной словоформы имеет характер семантической модуляции.

Модуляционные семантические изменения наблюдаются в смысловой структуре и слов других ЛСГ, в частности широко представленных глаголов социальных отношений. Например, в прямом значении глагола **приказати** «велеть, приказать» (7, т. II, стб. 1408) КС 'социальные отношения' конкретизируется интегральными семами 'характер субъекта' (ДС 'конкретный', 'одушевленный'), 'характер объекта' (ДС 'конкретный', 'одушевленный'), 'характер социальных отношений' (ДС 'принуждение'). В контексте: **А скривитсѣ а комуѣ приказано, а того казнити близко смерти** (Уст. Всевол. о церк. судах XIII в.) – реализуется переносное значение данного глагола «поручить» (7, т. II, стб. 1408). В смысловой структуре глагольной словоформы наблюдаем сохранение КС 'социальные отношения' при изменении характера этих отношений – соответствующая ИС уточняется ДС 'управление'.

В смысловой структуре глаголов отмечаются также семантические изменения деривационного характера. Так, глагол **пѣти** в значении «петь, издавать звуки с помощью голоса» содержит КС 'звучание', которая уточняется семами 'конкретный', 'одушевленный субъект', 'конкретный', 'неодушевленный объект', 'издавать звуки с помощью голоса', 'издавать звуки без участия голоса, при взаимодействии с др. предметами' и пр. Например: **Пою, пиши, глѣ...** (7, т. II, стб. 1790; Мин. празд. XII в.). Однако в переносном значении «совершать богослужение, служить» (7, т. II, стб. 1790) нейтрализуется КС 'звучание' и актуализируется КС 'социальная деятельность', которая реализуется в семах 'конкретный', 'одушевленный субъект', 'конкретный', 'неодушевленный объект', 'издавать звуки с помощью голоса', 'произнесение речи', 'осуществление деятельности в религиозной сфере'; 'регламентированность действий при осуществлении церковного обряда' и др. Например: **А пѣть въ праздникъ вѣднѣа владыцѣ** (Уст. кн. Всевол., XII в.). Таким образом, глаголы социальной деятельности пополняются за счет глаголов других ЛСГ в результате семантической деривации.

Глаголы могут образовывать устойчивые сочетания с именами (**дати рѣкѣ** – «поручиться», **повидѣти сѣдѣ церковьнин** – «нарушить судебные права церкви» и др.). В некоторых случаях компоненты такого сочетания (имя су-

ществительное и глагол) имеют самостоятельное значение, но связь между данными компонентами имеет сложный, уникальный характер [6]. Например, глагол владения **дати** в контексте: **Далъ ксмѣ ты соуды церквамѣ** (Церк. уст. Влад., XII вв.) – употреблен в составе устойчивого сочетания «дать право суда» (7, т. I, стб. 634), где в позиции прямого объекта выступает абстрактное существительное **судъ** в терминологическом переносном значении «право суда» (7, т. III, стб. 606). В данном случае между конкретным, одушевленным субъектом, выраженным местоимением **ты**, и субъектом, выраженным формой им. сущ. в Д. п. **церквамѣ** (форма метонимически обозначает конкретный, одушевленный субъект – служителей церкви) устанавливаются социальные отношения; характер социальных отношений – 'разрешение'. Речь идет не о передаче права на пользование материальными объектами (как в первых двух контекстах – передача грамоты и земли), а о позволении комул. что-л. делать, в данном случае предоставляется право церкви на ведение судов, решение социальных вопросов. Имя конкретизирует отношение к социальному процессу – «суд, судопроизводство, отправленные правосудия» [3, с. 102]. В данном контексте глагол владения переосмысливается, что ведет к изменению КС и переходу глагола в другую ЛСГ – ЛСГ глаголов социальных отношений.

Глагол может утрачивать самостоятельное значение и образовывать семантическое единство с именем, все сочетание в таком случае синонимично одной глагольной лексеме (**вѣдати сѣдѣ** – «судить», **държати отъвѣтъ** – «отвечать» и др.). Например: **А епископу не оуправивъ того, за все то дати емоу слово въ день великаго соуда** (Уст. кн. Всев. о церковных судах, XIV в.). В позиции объектного уточнителя употреблено абстрактное существительное **слово** «ответ, обещание, предполагающее выполнение каких-либо обязательств» (7, т. III, стб. 419), с которым глагол **дати** образует устойчивое сочетание **дати слово** «отвечать перед кем-л. за что-л.» (7, т. I, стб. 633): одушевленному субъекту, выраженному формой существительного Д. п. **епископу**, необходимо отвечать в день Великого Суда в случае невыполнения каких-либо обязательств. Глагольно-именное сочетание обозначает социальные отношения, при этом глагол выражает отношение

отвлеченно, а имя конкретизирует характер этого отношения.

Исследование показало, что выбор глагольной лексики, ее функционирование обусловлены содержанием, назначением уставов и уставных грамот. Перегруппировке семантических признаков в смысловой структуре глагола способствуют различные факторы: контекстуальное окружение глагола (уточнители субъекта, объекта); переосмысление явлений действительности в сознании носителей языка и пр. В результате процессов семантической модуляции развивается многознач-

ность слов; семантическая деривация приводит к образованию новых слов, характеризующихся иными парадигматическими и синтагматическими отношениями. Названные процессы способствуют развитию и обогащению лексической системы русского языка. В деловом языке наблюдаются расширение глагольной лексики со значением владения, социальных отношений, социальной деятельности в результате переосмысления единиц различных лексико-семантических групп, а также специализация значений слов, терминологизация слов и словосочетаний.

Библиографический список

1. *Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты* / Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 576 с.
2. *Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв.* / под ред. Л.В. Черепнина. М. : Наука, 1976. 240 с.
3. *Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов* / М.А. Исаев. М. : Спарк, 2001. 119 с.
4. *Лопушанская С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола* / С.П. Лопушанская. Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. 114 с.
5. *Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс* / С.П. Лопушанская // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Филология. Вып. 1. Волгоград, 1996. С. 6-13.
6. *Макушина А.А. Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом языке* / А.А. Макушина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. Вып. 2. Волгоград, 2010. С. 73-76.
7. *Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* : в 3 т. / И.И. Срезневский. СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1893-1912. т. I. 1893; т. II. 1902; т. III. 1912.

A.A. MAKUSHINA

LEXICAL PECULIARITIES OF THE OLD RUSSIAN PRINCE'S REGULATIONS (THE USAGE OF VERBS)

The article deals with the usage of verbs in the Old Russian Prince's regulations of the 11th – 14th centuries. The author finds out the presence of units of different lexico-semantic groups, basic tendencies of contextual variation of verb semantics. The author emphasizes that verbs with meaning of social relations and social activities are expanding. The conclusions about the process of terminological specialization in the Old Russian official text have been made.

Key words: the Old Russian language, lexis, the verb, semantic modulation, semantic derivation, the Prince's regulations.

И.Л. НОВОКРЕЩЕНОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Воронежского государственного аграрного университета
E-mail: irles@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ДУХОВНОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.С. ИВАНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается взаимообусловленность идеологических и моральных аспектов в изображении Великой Отечественной войны в творчестве Всеволода Иванова 1940-х годов. В работе анализируются тексты, главным героем которых является человек, признающий не только классовые, но и общечеловеческие ценности; а также тексты, в которых революционные ценности доминируют над всеми другими.

Ключевые слова: Вс.Иванов, Великая Отечественная война, идеологический аспект, духовный аспект, советская ментальность.

Вс. Иванов – масштабная фигура в русской литературе советского периода. Известный прежде всего своими произведениями о гражданской войне, автор «Партизанских повестей» (1921 – 1924 гг.) запечатлевает переходный, рубежный период в истории нашей страны, время «апокалиптического превращения России в СССР» [7].

Но нельзя умалить значения и той части творчества писателя, которая посвящена Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Вс. Иванов был на многих фронтах, посещал сражающуюся Украину и освобожденную Орловщину, был в поверженных немецких городах и у стен Рейхстага в захваченном Берлине, присутствовал на Нюрнбергском процессе. Писатель знал о войне не понаслышке, поэтому в произведениях о лихолетье сороковых Вс. Иванов, воспроизводя то, что так потрясло его как очевидца событий, глубоко осмысливает исторические факты.

Представление Вс. Иванова о народе в Великой Отечественной войне проистекает из той системы взглядов, которая сложилась у писателя в революционные годы и запечатлена в произведениях партизанского цикла. Вторая мировая война, «события которой разворачивались под знаком антикоммунистических и нацистских идей, была предопределена событиями начала XX века» [8, с. 29]. Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война – это, как признавали

многие современники, события не только русской истории. В очерке «Мое Отечество» Вс. Иванов, воспринявший революцию восторженно, писал, что «Октябрь... уничтожил границы внутри государства, он уничтожил великорусский шовинизм. Вот это-то явление и придало нашей стране мощь и силу невиданную» [2, с.252].

Писатель во многом разделял «наивную веру» многих, основанную на убежденности в том, что «трудовой народ», все разрушив, как-нибудь самочинно наладит и с помощью сильного кулака принудит всех сочувствовать в неведомой, новой гармонии на опустошенной земле» [17, с.337]. В то же время Вс. Иванов отмечал губительные для патриархального русского народа тенденции, таящиеся в революционных преобразованиях, угрозу православному мироустройству и утверждение греха как нормы жизни. Такое восприятие революции обусловило достаточно сложные отношения Вс. Иванова с властью. Художнику не раз приходилось идти на компромиссы с ней, лишь бы ему оставили возможность заниматься творчеством. В связи с этим и художественная трактовка Вс. Ивановым Великой Отечественной войны несет на себе отпечаток трагизма не только индивидуальной писательской судьбы, но и всего народа, существующего в условиях тоталитаризма. Идеологическое и духовное в произведениях военных лет коррелирует с теми двумя концеп-

циями войны, которые оформились в литературе уже в 1940-е годы. Согласно одной, ее главным героем был человек, исповедующий не только классовые, но и общечеловеческие ценности. Во второй – ценности революционные преобладали над всеми другими.

Произведения Вс. Иванова о войне написаны, что называется, по горячим следам и датируются 1941-1945 гг. Условно их можно разделить на собственно художественные тексты («К своим», «Быль о сержанте», «Слово о полку Игорева», «На Бородинском поле» и др.) и публицистику, представленную очерками («Мое Отечество», «Сердце страны»). В очерках с особой силой проявилось идеологизированное, патетическое начало в представлениях о войне, предзнаменование победы, которое писатель видит «в единодушии нашей партии (курсив мой – И.Н.), нашей страны, воли нашего народа, всех народов моего великого Отечества» [2, с.252]. В художественных текстах аксиологический аспект войны также зачастую определяется партийностью. Так, в произведении «К своим» художник описывает, как переполненный фашистскими снайперами лес оживает с песней партизан, с «той песней Родины, которую нельзя ни победить, ни уничтожить». Примечательно, что главный герой, политрук Мирских, увидел в этой песне одну из «осуществляемых Коммунистической партией побед»: «Та партия, к которой он принадлежит сейчас ... стояла рядом с ним и пела...И она будет петь вечно! Пусть даже среди партизан, поющих в этом лесу, нет ни одного партийца, все равно следы их ведут к его партии» [2, с.156]. Безусловно, существующие в период создания рассматриваемых произведений мировоззренческие установки определили желание писателя верить в нерушимость и безукоризненность самой государственной системы. Поэтому ценность человеческой личности на войне Вс. Иванов определяет прежде всего ее общественно значимыми поступками, способностью подчинить личные интересы общественным. Именно такой личностью является сержант Василий Морозов из произведения «Быль о сержанте», на которого возложена почетная миссия передать знамя полка в штаб. Изображая дорогу Морозова к штабу и его усилия, художник пишет: «Он падал, вставал, опять падал, полз... только по метру в

час он двигался вперед! Он падал чаще и чаще. Впрочем, ему не казалось, что он падает, просто шаги несколько неуверенны, да оно и понятно: в него стреляют, его уже ранило в правый бок, контузило в плечо... Нет, ни в коем случае ему нельзя умирать. Таков приказ. И он выполнит его во что бы то ни стало» [2, с.188].

Особый акцент писатель делает на борьбе с внешним врагом, на изображении разрушительного, противоестественного начала войны, направленного на уничтожение советской страны, «строителей советского общества» [2, с.250]. Такое во многом плакатное изображение войны связано с тем, что Вс. Иванов являлся одним из творцов концепции советского народа как новой исторической общности, зарождение которой писатель отобразил в «Партизанских повестях» 1920-х годов и которая окончательно оформилась в 1940-1945 годах: «война подтвердила властные полномочия наследников Ленина, узаконила их на самом верном референдуме» [6, с.176].

Но несмотря на то, что писатель идеализирует и гиперболизирует роль той партии, «которая сокрушила перед этим христианскую Россию» [7, с. 224], советская ментальность в его текстах не противоречит ментальности национальной. Е. Трубецкой в работе «Отечественная война и ее духовный смысл» писал о том, что «во время войны все живут с удвоенной силой – и личности, и общественные группы, и целые народы» [16, с.14-15]. Противоборствуя, враждебные станы солидарны друг с другом при всей своей непримиримости, равно принося плоть в жертву Духу. Это тем более важно, что Великая Отечественная война актуализировала одну из вечных тем русской культуры – борьбу с внешним и внутренним врагом как борьбу за самобытность развития, осмысливающуюся в понятиях вселенской битвы сил добра и зла. Специфичность подобных представлений для русской ментальности связана с тем, что милитаристская психология, возобладавшая после многих военных и революционных потрясений XX века (Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 года) сосуществовала с исконно русскими представлениями о войне как о христианском подвиге. Примечательно, что и Сталин в первые дни войны избрал в качестве обращения к народу слова «Братья и сестры», отсылающее

к православной русской традиции. В стихотворении К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» также присутствуют образы русского мира, которые были реабилитированы войной: «Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в бога не верящих внуков своих» [12].

Таким образом, в годы войны проявилась *Россия существенностей*, о которой писал В. Розанов в книге «Религия и культура». Философ констатирует существование двух России: одна – это Россия видимостей, громада внешних форм, с событиями, определенно начавшимися, определенно оканчивающимся; и есть другая – «Святая Русь», «матушка Русь», которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых мы не предвидим, начало неизвестно: *Россия существенностей*, живой крови, непочатой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного» [11, с. 47]. Россию существенностей в текстах военного времени реализуют образы, материализовывающие метафизику духовного обмена между поколениями и генетическое движение истории.

Анализ текстов Вс. Иванова позволяет утверждать, что Великая Отечественная война была воспринята им как событие, которое во многом обратило русского человека к практически утраченным святыням и восстановлению в духовной культуре нации прерванной православной традиции миропонимания. Мнение о том, что война стала временем последнего общенационального единения, когда возобладало чувство взаимной общности в противовес культивировавшейся советской властью неприязни классов и этнических групп, уже давно утвердилось в отечественной общественной мысли. Вс. Иванов не мог не понимать антигуманистического характера тоталитарного мировоззрения, оформившегося в 1930-е годы. А потому через архетипические образы художник пытается задуматься о духовной бытийности русского этноса.

Концепция народа является одной из самых главных в системе взглядов Вс. Иванова. Примечательно, что, исследуя простого человека в этой страшной, античеловечной войне, писатель использует образы, отсылающие к Древней

Руси, исконным, священным сущностям русского мира. Как отмечает О.Ю. Алейников, «выпавший на первую половину 1940-х гг. особый этап развития русской литературы ... сделал насущным обращение к древним формам пересоздания реальности – как фольклорным, так и литературным» [4, с.39]. Поэтому историко-культурному контексту, в который вписывает автор героев и переживаемые ими события, присущи такие «древние слова», как красота, скорбь: не случайно главный герой «На Бородинском поле» Марк Карьин вспоминает «звучный колокольный (курсив наш – И.Н.) голос отца, читающего древние сказания. И оттуда шло это: «И бысть ему скорбь велия» [2, с.214]. Не раз возникает образ «древнего русского поля» – некоего сакрального места, на котором воевали князь Игорь и Кутузов с необозримыми рядами врагов, завещая потомкам «кипучий пыл битвы и знойную любовь к переднему краю сражения за отчизну» [2, с.264]. Традиционно поле считается аллегорией жизни, символом бытия. Также оно вбирает в себя христианскую символику притч о сеятеле, что позволяет акцентировать внимание на изначальной четкости границ добра и зла. В произведениях о войне поле – это место встречи предков и потомков, сама земля русская, которая зовет и заставляет «не гнушаться битвы» [2, с.194].

Несмотря на героический пафос произведений о войне и призывы прошлых поколений к борьбе за «землю русскую, за русскую волю, за весну русскую», чувства страха, тоски и одиночества человека перед лицом некоего «ничто», о которых упоминал Вс. Иванов в связи с революцией в произведениях партизанского цикла, запечатлены и в военной прозе. В текстах 1941-45 годов они получают новую интерпретацию, учитывающую опыт древнерусской литературы с ее эсхатологическими мотивами. Герои испытывают чувство тоски – «непогодной и туманной» [2, с.223]. Н.Бердяев, который неизменно связывал тоску с устремленностью к «высшему миру», утверждает, что «тоска может порождать богосознание, но она есть также переживание богооставленности...» [5, с.45]. Произошедшее в революции отрицание всех объективных начал, лежащих в основе русской культурной традиции, является основной причиной всеобщей тоски. П. Сорокин писал: «Следствием войны и рево-

люции является «оголение» человека от всякого культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которые представляют нарост над рефлексам и актами чисто животными» [13, с. 459]. Вс. Иванов также ощущает всю пагубность войны, которая «хочет поглотить культуру» [2, с.251]. Примечательно, что эти слова писателя созвучны выводу З. Фрейда о том, что военные конфликты разыгрываются между изначальной биоагрессивностью человека и культурой, которая ее репрессирует. Война, следовательно, ведется животным против человека [18].

Весьма значимым представляется отнесение Вс. Ивановым человека на войне, безымянного «пензенского или уральского крестьянина», к праведникам: «*Праведники?* [курсив наш – И.Н.] Хорошее слово, все объясняющее! О войне, ее смысле они говорят редко. О враге говорят теми же словами, какими на Руси испокон веков обзывают палачей, катов... кажется, что помимо снаряда летит еще рядом кусок их воли» [2, с.214]. Следует отметить, что праведники – святые, которые прославились «подвигами и святостью жизни» не в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни...» [Цит. по: 14, с.874]. Ю.С. Степанов в «Словаре русской культуры» обозначает категории, присущие *праведникам и нечестивым*, выявленные вследствие анализа текста первого псалма Давида в Киевской псалтыри 1397 г. Так, праведникам присущи законопослушание, плодоношение, преуспевание, нечестивым соответственно – законопреступление, бесплодность, безуспешность. И как жизненный итог – праведников ждет блаженство, нечестивых – погибель [14, с. 878].

В этой древнерусской традиции осмысливает войну и Вс. Иванов. Нечестивые – это фашисты, «великий гной» человечества, а поэтому они изначально обречены на поражение, так как посягнули на гармонию мироустройства. Хованский, герой произведения «На Бородинском поле», объясняет появление фашизма историей Европы: «Мы привыкли – Возрождение, французская революция, Кромвель, сорок восьмой год, Коммуна... Это – окна. А о доме судят не по окнам. Вы в простенки взгляните! Виселицы, пытки, костры, насилия, надругательства над на-

циями, искусством. Рыцарство? Ха-ха! А вот в результате исторического шествия всей этой сволоты и появляется великий гной, мировая гангрена, которую мы с вами сегодня, извольте видеть, лечим...» [2, с.221]. Примечательно, что автор еще в своих произведениях 1920-х годов изображает вырождающуюся Европу, устремленную на Восток – к истине, правде и справедливости. Россия же, занимающая промежуточное положение, вытесняется в Азию и тем самым намеренно исключается из умирающей, обреченной Европы. Борьба России с нечестивыми, с порожденным Европой фашизмом в связи с этим приобретает общемировое значение. М.М. Пришвин писал, что «историческая задача большевиков – вскрыть язвы всего мира и нужду в спасении сделать всеобщей» [10, с.315].

Праведники у Вс. Иванова – это жители собирательного села Кропотово («На Бородинском поле»), в котором «жирный народ, веселый». На войне собрались люди с разных концов страны и «у каждого своя профессия. Но, оказывается, все они бывали в Кропотове и, мало того, знают его наизусть!» [2, с.215]. Писатель называет это «идиллией, порожденной войной» [2, с.216]. На наш взгляд, представление о селе Кропотово – это экспликация особых связей между людьми, то идеальное состояние нации, которое в русской религиозно-философской мысли называют соборностью – то есть согласием, духовно-нравственным единством: «Отступление, ужасающие бои, неудачи – и дружба, господство возвышенного, вера в себя, в Отечество... Хорошо! Праведники? Несомненно, праведники! Люди, шагающие с правдой и мечтой в душе. Люди из Кропотова...» [2, с.217]. Отечественная война, как общая молитва в храме, давала ощущение родства при сохранении чувства индивидуального бытия. Н. Струве в книге «Православие и культура» писал: «Соборность – краеугольное понятие нашего времени, живущего под знаком абсолютного индивидуализма и абсолютного коллективизма» [15, с.181]. Вс. Иванов воспринимает войну как прорыв к традиционным русским ценностям, возвращавший народу чувство национального.

Представляется весьма значимым то, что о праведниках писал не только Вс. Иванов. Известна запись из дневников М. Пришвина,

датированная 1945 годом: «Есть две основные власти – это власть мысли (логоса) и власть бытия. Степень преобладания той или иной силы определяет характер исторической эпохи. А то, что мы называем культурой, – это, вероятно, есть сумма редких моментов согласия власти мысли с властью бытия... «праведников» достаточно в обществе, чтобы в решительный момент сила Мысли удержала бытие от разрушения» [Цит. по: 9, с.26]. То есть в национальном культурном сознании праведничество – это сила, способная восстановить мировую гармонию, культуру, которую «хочет поглотить война» (очерк «Мое Отечество»). В понимании Вс. Иванова праведничество, как и соборность, – архетипические понятия, свидетельствующие о непрерывности духовного потока истории. Упомянув в произведениях о войне знаковые для русской ментальности исторические эпохи и события, которые выносятся зачастую в заглавия текстов («На Бородинском поле», «Слово о полку Игореве»), Вс. Иванов соединяет прошлое, настоящее и будущее, утверждая тем самым равнозначность для России всех периодов ее «страшной» истории. Единство эпох отражает одну из историософских идей писателя – уверенность в бесконечной стойкости и силе русского народа, победившего в тяжелейших схватках с врагом.

Высший смысл защиты Отечества заключается, согласно концепции художника, в сохранении «цветущей жизни» [2, с.170]. В произведениях писателя не отображено представление о войне как битве, которую народ вел одновременно с внутренним и внешним врагом: «в такой войне обречены были погибнуть и государство, и страна» [8, с.33]. Реальная литература 1940-х гг., к которой относятся и рассматриваемые тексты, утверждала жизнь вопреки смерти и вопреки войне. Так, А. Твардовский в книге про бойца «Василий Тёркин» обогащает мировую поэзию гуманистическим пониманием войны: «Ради жизни на земле!» [3, с. 276]. Утверждение «жизнь больше войны» является ключевым и в текстах Вс. Иванова. О смерти его герои «говорят редко и без насмешки. И обычно, когда скажут о «ней» что-нибудь, то разговор прервется и возобновляется о другом, обычно опять вспоминают

о Кропотове» [2, с.216]. Страх смерти (примечательно, что бойцы никак не обозначают ее в разговоре, называя местоимением «она») преодолевается героями не только установкой на аскетизм и жертвенность «во имя счастья будущих поколений», что совпадает с официальной советской идеологией, но, прежде всего, воспоминанием о Кропотове, отсылающем к постулатам христианства. Сражаться на такой войне представляется героям высшим благом, и не только потому, что это война освободительная, за свою землю, а и потому, что эта война давала чувство освобождения от страха перед тоталитарным государством, давала ощущение гармонии: «Эх, всю бы жизнь так прожить: в отваге, в сметке, в ладу (курсив наш – И.Н.)!» [2, с.215].

Следует отметить, что еще в повести 1923 г. «Возвращение Будды» Вс. Иванов писал: «Ах, этот поток жизни! Как он странен, непонятен и одновременно певуче нежен и кипуч!» [1, с. 567]. Жизнь представляется писателем как возможность самоопределения и выражения всего живого (человека и природы) в результате формирующей деятельности духа. В произведении «На Курской дуге» полковник Кустов утверждает движение «через реки крови к жизни!». В одном смысловом ряду с понятием жизни находится представление о доме «с оставленными родными и знакомыми, со всем-всем творчеством вечно неумирающей жизни» [1, с.276]. Дом и жизнь – это оппозиция войне и смерти. Каждому бойцу хочется оказаться дома, стать частью «плодоносной жизни», которую «отребье человечества» уничтожает. Поэтому борьбу с «лютым врагом» за «цветущую жизнь», «за солнце, за тебя, за меня» Вс. Иванов считает «поразительно прекрасной» [2, с. 197].

Безусловно, многие произведения Вс. Иванова о войне отмечены героико-патриотическим пафосом. Но в то же время интерпретация писателем изображаемого времени не совпадает полностью с господствующими в общественном сознании установками. Его тексты передают традиционное русское мироощущение. Через внешне советские атрибуты Вс. Иванов утверждает причастность каждого человека к истории страны в ее катастрофические периоды.

Библиографический список

1. *Иванов Вс.* Собрание сочинений: в 8 т. Под ред. Т.В. Ивановой, А.И. Пузикова и С.В. Сартакова. М.: Худож. лит., 1973.
2. *Иванов В.В.* Мое Отечество: Повести, рассказы, очерки. М.: Воениздат, 1985. 352 с.
3. *Акаткин В.М.* А.Т. Твардовский. Страницы творчества. Работы разных лет. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. 342 с.
4. *Алейников О.Ю.* Древнерусский «субстрат» в прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне // Человек и война в русском художественном сознании XX века. Сб. научных работ. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. С. 38-45.
5. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.
6. *Драгунский Д.* Нация и война // Дружба народов. 1992. №10.
7. *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд. Петрозаводского ун-та, 1995. 287 с.
8. *Никонова Т.А.* Проблема национального самосознания в русской литературе военных лет // Тема войны в литературе XX века. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 27-35.
9. *Попова И.В.* Тема военного тыла в творчестве М.М. Пришвина / И.В. Попова // Литература о Великой Отечественной войне: герой, жанр, стиль. Учебное пособие. Липецк, 2003. С.21-27.
10. *Пришвин М.* Дневники / М. Пришвин. М.: Правда, 1990. 480 с.
11. *Розанов В.В.* Религия и культура. Том I / В.В. Розанов. М., 1990.
12. *Симонов К.М.* «Ты помнишь, Алеша...» // Военная литература. Поэзия войны. – (<http://militera.lib.ru/poetry/russian/simonov/18.html>)
13. *Сорокин П.* О русской общественной мысли. СПб., 2001. С. 459.
14. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
15. *Струве Н.* Православие и культура. М., 1992.
16. *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и ее духовный смысл. М. 1915. С. 14-15.
17. *Франк С.Л.* Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея / Сост. и авт. Вступ. статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 324-340.
18. *Фрейд З.* Мысли о войне и смерти в духе времени // Собрание сочинений : в 26 т. СПб : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 2005.
19. *Шабурова Л.А.* Религиозные мыслители России об истории как катастрофическом прогрессе // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001.

I.L. NOVOKRESHCHENOVA

**THE IDEOLOGICAL AND SPIRITUAL IN VS. IVANOV'S WORKS
ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR**

In this article we deal with the interaction of ideological and moral aspects when depicting the Great Patriotic war in terms of Vsevolod Ivanov's works of 1940's. We've made an attempt to analyze the texts where the protagonist is the man professing not only class-specific, but human values, as well as the texts where the revolutionary values dominate all others.

Key words: *Vsevolod Ivanov, Great Patriotic war, ideological aspect, moral aspect, soviet mentality.*

О.С. РЯЗАНСКАЯ

соискатель кафедры русского языка
Орловского государственного университета
E-mail: razanskaya@mail.ru
Тел. 8 910 748 18 34

О СЛОВАРЕ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО

В статье рассматривается состояние работы над одним из самых значительных лексикографических проектов границы XX-XXI веков – словарём поэзии В.С.Высоцкого, описываются принципы составления различных выпусков словаря, а также систематизируются различные подходы к представлению лексического наследия великого русского поэта.

Ключевые слова: В.С. Высоцкий; авторская лексикография; типы словарей

Неоднократно уже высказывалась мысль о том, что необходимо составить словарь В.С. Высоцкого (см. например: “А его словарь? Богатство, диапазон здесь, поистине, уникальны” [21, с. 519]), однако дальше благих пожеланий дело долгое время не шло. С середины 90-х годов XX века задачу составления «Словаря поэзии Владимира Высоцкого» стал решать В.П. Изотов – от анализа отдельных слов и лексикографического представления отдельных текстов до выпусков непосредственно самого «Словаря языка поэзии Владимира Высоцкого», посвящённых отдельным буквам.

К настоящему времени таковых выпусков уже 12. Дадим краткую характеристику этим выпускам. Следует отметить, что подача материала в них менялась, и мы попытаемся выяснить, почему это происходило.

В первом выпуске «Словаря...» были описаны слова на буквы Ф, Э.

В.П. Изотов в «Предисловии» объяснил концепцию словаря: «Настоящий «Словарь поэзии Владимира Высоцкого» должен решить, по крайней мере, две задачи. С одной стороны, он призван разъяснить те реалии советского быта, советского образа жизни, которые во множестве отражены в творчестве поэта и которые ушли в прошлое и сейчас не вполне ясны – особенно представителям молодого поколения. С другой стороны... О «другой стороне» сказано В.В. Виноградовым в предисловии к «Словарю языка Пушкина»: «Совершенно ясно огромное значение пушкин-

ского словаря как для читателя и почитателя творчества Пушкина, так и для его исследователя. Словарь языка Пушкина – ключ к правильному пониманию текста пушкинских произведений»¹; «Такой словарь даёт возможность всем любителям пушкинской поэзии, всем читателям Пушкина быстро и безошибочно установить, в каких случаях Пушкин употреблял то или иное слово в том или ином значении, какие значения и оттенки различались в том или ином слове в языке Пушкина, где в произведениях Пушкина встречается тот или иной оборот речи и т.п.»²

«Словарь поэзии Владимира Высоцкого» не является в полной мере ни толковым словарём, ни частотным, ни тем более энциклопедическим – он содержит в разной степени элементы различных словарей, являясь своего рода *слово-толкователем*» [2, с. 3].

Оговаривается также содержание и построение словаря: объём, словарная статья, словарные источники, сокращения и условные обозначения.

Думается, следует привести полностью описание словарной статьи, поскольку именно она является самым значимым элементом любого словаря: «Словарная статья включает в себя заголовки, толкование слова, фразеологизмы с этим словом (если они есть), иллюстрацию, перечень употреблений.

Заголовок словарной статьи представляет собой слово, употреблённое в начальной форме:

1 Виноградов В.В. Предисловие // Словарь языка Пушкина. Т.1 М. 1956. С.6. Эта и последующая затекстовые сноски являются частью цитаты.

2 Там же. С.8

именительный падеж единственного числа для имён существительных и соотносимых с ними местоимений (если существительное не имеет единственного числа или множественное число представляет собой другое слово, в этих случаях – именительный падеж множественного числа), именительный падеж единственного числа мужского рода для прилагательных, порядковых числительных и соотносимых с ними местоимений, инфинитив для глаголов, именительный падеж для количественных числительных.

Толкование слова. Каждое из использованных В. С. Высоцким слов проецировалось на значение этого слова в литературном языке. Значения одних слов полностью совпадали с общеязыковыми (словарными) значениями, значения других претерпевали определённые изменения. Так, например, в словарях слово **фальшивить** (во 2-м зн.) определено как «фальшиво, не в тон петь, играть на музыкальных инструментах», а в употреблении **Громко фальшивили медные трубы** из значения слова исчезает компонент петь, поскольку происходит конкретизация. В слове фортель из общеязыкового значения исчезает первая часть (“ловкая проделка”) и остаётся только вторая («неожиданная выходка»: **И гляди не выкинь фортель -/С сухомятки не помри!**).

Предельно обобщённые значения конкретизировались (см. **французский**).

В ряде случаев значение, даваемое в словарях, расширялось. Так, например, слово **электричество** истолковано как «энергия, получаемая в результате использования совокупности явлений, в которых проявляется существование, движение и взаимодействие заряженных частиц». Словари же, указывая два значения, второе определяют как «энергия, получаемая в результате использования таких явлений», а что это за такие явления разъясняется в толковании первого значения – «совокупность явлений, в которых проявляется существование, движение и взаимодействие заряженных частиц».

При установлении значений многозначных слов и их оттенков использовался следующий принцип: из числа значений многозначного слова отбирались те, которые реализованы в поэзии В. С. Высоцкого, и порядок следования их описания соответствовал общему порядку нумерации значений в словарях; окказиональные значения

и оттенки описывались последними в конкретной словарной статье. Значения окказиональных слов устанавливались посредством анализа контекстуального окружения (см. [1, с. 4–5])

Следует заметить, что данный словарь не ставит своей задачей выяснение символического значения слова, его своеобразного “над-значения”, которое оно приобретает в контексте конкретного произведения – это задача словотолкователей и словарей-комментариев к отдельным текстам (у В. С. Высоцкого есть произведения, представляющие собой поэтическую игру с отдельными словами или фразеологизмами, например: «Сколько лет, сколько лет...», Случай на таможне и т. д.).

В ряде случаев толкование слова в чистом виде отсутствует – его заменяет либо рассуждение о значении, либо толкование, объединённое с размышлениями (см., например, **флагманский**).

Фразеологизмы помещались в конце словарной статьи. В тех случаях, когда фразеологизм оказывался почему-либо не включённым в соответствующие словари, его значение устанавливалось по контексту.

После значения слова приводится иллюстрация (одна к каждому значению или оттенку, как правило, представляющая собой четырёх-, шести- или (реже) восьмистишие). В качестве иллюстрации избиралось первое употребление слова в двухтомнике (хронология соблюдалась не всегда, поскольку иллюстрация, к примеру, приводилась из песни, написанной в семидесятые годы и опубликованной в первом томе, а затем оно же отмечено во втором томе, но последнее произведение могло быть написано и раньше). Все другие употребления слова в данном значении даются перечнем в конце словарной статьи — указываются названия произведений (или первые строки, если нет названия), где они использованы (без количественного указания, хотя в некоторых произведениях одно и то же слово использовано несколько раз)» [2, с. 4–5].

Сразу же бросается в глаза, что отсутствуют грамматические пометы (это характерно и для всех остальных выпусков).

Фрагменты этого выпуска и предисловие опубликованы в антологии «Русская авторская лексикография XIX–XX веков» [14, с. 113–117].

Второй выпуск словаря, который содержит слова на буквы И, Й [3], не содержит вступительных замечаний и выстроен по тем же принципам, что и первый выпуск. Однако есть определённый нюанс в описании служебных частей речи. Так, характеризуя союз **и**, В. П. Изотов сопровождает описание таким комментарием: «Этот союз настолько частотен в поэзии В. С. Высоцкого, что приведение всех употреблений в том или ином значении существенно увеличит объём работы. Исследование его функций — тема самостоятельной работы» [3, с. 1].

Характеризуя третий выпуск «Словаря...», В. П. Изотов пишет: «Данная работа представляет собой фрагмент «Толкового словаря языка поэзии В. С. Высоцкого». Основная задача предполагаемого Словаря — выяснение того, в каких значениях употребляются слова в идиолекте поэта, насколько они совпадают с общепринятыми представлениями. Именно поэтому в тех случаях, когда значение того или иного слова совпадает с общеязыковым, оно просто приводится без комментария.

Выбор буквы **ю** объясняется тем простым обстоятельством, что с этой буквы начинается всего 21 слово в поэтическом наследии В. С. Высоцкого, так что этот материал представляется обозримым в рамках небольшой статьи.

Следует оговорить следующие обстоятельства: 1) из текстов поэта выбирались все словоупотребления, начинающиеся буквой ю (в том числе: имена собственные, транслитерированные заимствования); 2) определялось, в каком значении функционирует в каждом случае конкретное словоупотребление; 3) это именно **Материалы к Словарю**, поэтому здесь нет собственно лексикографической разработки словарных статей» [4, с. 41].

Приведём пример словарной статьи, поскольку она построена достаточно своеобразно: «**Юань**. «Кошмарный сон я видел: что без научных знаний/Не соблазнишь красоток — ни девочек, ни дам!/Но я и пару ломаных юаней./будь я проклят./За эти иксы-игреки не дам!»; «Свезём на свалки — груды лишних знаний./Метлой — по деревням и городам!/За тридцать штук серебряных **юаней**,/будь я проклят./Я Ньютона с Конфуцием продам» (Песня Гогера-Могера).

Денежная единица Китая.

Однако в обоих употреблении слово юань включено в состав трансформированных фразеологизмов, в которых легко опознаются исходные **не дам и ломаного гроша и тридцать серебряников**. Слово юань окитаивает ситуацию» [4, с. 42].

Мы видим, что в начале даётся цитата, затем толкование слова, а затем комментарий.

Четвёртый выпуск словаря [6] даёт отсылку к первому выпуску, его словарные статьи построены в основном так же, как и в предыдущих, однако в некоторых случаях даётся расширительный комментарий, например: «**Щавель**. Травянистое растение семейства гречишных, с продолговатыми съедобными листьями кислого вкуса.

Траву кушаем,/Век — на **щавеле**,/Скисли душами./Опрыщавели (Старый дом).

Сохраняя исходное значение, слово **щавель** обретает и определённое символическое значение, связанное с его кислым вкусом (недаром ведь “скисли душами”)» [6, с. 64].

Пятый выпуск, содержащий 54 слова на букву Я [7], в основном повторяя идеологию предыдущих выпусков, содержит небольшое предисловие, в котором в сжатом виде содержится изложение основных постулатов, изложенных в первом выпуске.

Шестой выпуск содержит слова на А и Х [8]. Собственно словарю предпослана вступительная статья «О некоторых принципах составления словаря», в которой содержатся разделы: О словарных пометах; О нумерации значений; Стёртость значений; Переозначение; Представление части словарного значения; Составление значения по отсылке; Синсемия; «Контекстное наведение»; Новообразования; Фразеологизмы; О включении имён собственных; Условные сокращения и обозначения [8, с. 3–7]. В этом предисловии для подтверждения тех или иных положений используются и примеры из предыдущих выпусков словаря.

Словарная статья состоит из заглавного слова, определения его значения, контекста употребления (как правило, четверостишия), названия текста и указания на тексты, в которых это слово встречается ещё.

Седьмой выпуск содержит слова на буквы Е, Ё; ему предпослано небольшое вступление, в котором, в частности, сказано: «Словарная статья строится следующим образом: слово; его опреде-

ление (значения многозначных слов и оттенки значений рассматриваются отдельно); контекст употребления; указание текстов, где это слово ещё употреблено; фразеологизмы с данным словом (если они есть). Это предельно упрощённая словарная статья, дающая первичное представление о словоупотреблении. В полном варианте, конечно же, словарная статья будет представлена в расширенном виде» [12].

Завершает этот выпуск словаря следующая сентенция: «Составление «Толкового словаря языка В. С. Высоцкого» включает ещё и такие словари, как словари отдельных слов, словарь эпитетов, словарь фразеологизмов, словарь сравнений, словарь новых слов. В совокупности все они как раз и дадут самое полное представление о языке В. С. Высоцкого» [12, с. 193].

Фрагмент словаря на Е, Ё представлен в работе [11, с. 181–183].

Восьмой выпуск, включающий слова на Ч, Ш, построен, в общем, на тех же самых принципах [13]. В предисловии имеется раздел «О состоянии писательской лексикографии» [13, с. 3–4].

Девятый выпуск, в котором собраны слова на букву З, кардинально отличается от всех предыдущих: «Настоящий выпуск – девятый по счёту – по принципу подачи материала существенно отличается от всех предыдущих.

Во-первых, приводятся только употребления слова, без дефиницирования, и, следовательно, без разбивки по значениям. Во-вторых, приводятся все контексты употребления слова, а не делаются отсылки к другим текстам, где это слово отмечено, как это было в предыдущих выпусках. В-третьих, изменилась система указаний на текст-источник: теперь она стала индексальной, т. е. после контекста указывается буквенно-числовой индекс, где буква указывает, что первое слово первой строки начинается с этой буквы, а число – что этот текст имеет определённый порядковый номер в алфавитной последовательности (эта последовательность повторяет собой «Алфавитный указатель», принятый в двухтомнике под редакцией А. Е. Крылова), например: Вот придумал им **забаву** (В42). Здесь индекс обозначает, что цитата приведена из текста «Возле города Пекина...». Полный указатель кодов приведён в конце словаря. В-четвёртых, контекст

ограничен одной строкой, как то и принято в словарях конкордансного типа» [16, с. 3].

В данном случае нарушен принцип толкового словаря.

В десятом выпуске, включающем слова на букву У, совмещаются два принципа подачи материала: толкового словаря и конкорданса, т. е. даётся толкование слова и собраны все контексты употребления конкретного слова; принята индексальная система указаний на текст-источник [17].

Одиннадцатый выпуск, посвящённый описанию словарного материала на букву М, тоже имеет свою особенность. Она заключается в том, что словоупотребления дифференцируются по словоформам, как это обычно делается в словарях конкордансного типа. В двух своих статьях В. П. Изотов изложил принципы двух возможных типов построения толкового словаря-конкорданса: от словоформы к значению и от значения к словоформе [9, с. 55–59; 10, с. 32–37;].

Вот пример словарной статьи из одиннадцатого выпуска:

«**МАДОННА**. У католиков: богородица, а также её скульптурное или живописное изображение.

Мадонна (4). А усну – мне приснится **мадонна** (Д12); Стремительная белая **мадонна!** (Ж9); Опаздывает белая **мадонна!** (Ж9); И встала рядом белая **мадонна!** (Ж9).

Мадонной (2). Как **мадонной** Рафаэлевой! (Е9); Стала телефонистка **мадонной** (Д12)» [18, с. 6].

В двенадцатом выпуске содержатся слова на букву Ж [19]. Отличим его от предыдущих выпусков заключается в том, что в нём словарные статьи (не все) сопровождаются подстрочными комментариями, например: «**ЖЕЛТУХА**. Жёлтая окраска кожи, сопровождающая некоторые заболевания печени, а также название заболеваний, вызывающих такую окраску.

Мне знаком товарищ Боткин – он **желтуху** изобрёл (Н7)³; У отца **желтухи** щёчки вдруг покрылись белизной (Н7)» [19, с. 12].

³ Боткин, как известно, открыл методы борьбы с гепатитными заболеваниями. Здесь же происходит трансформация, связанная с тем, что происходит подмена понятий **открыть** – **изобрести**. Ну и понятней для обыденного сознания: **изобрёл желтуху** – вполне возможно, что испытывал её на себе (одно из самых ярких представлений советской мифологии: доблестные наши учёные испытывают что-то на себе). Ср.: «В холоде сам себе скальпелем Он вырезает аппендикс».

В проекте «Филологического комментария к творчеству В.С. Высоцкого» В.П. Изотов указывает на целую серию возможных тематических словарей языка поэта: фразеологизмов, просторечий, жаргонов, сочетаемости, новообразований, сравнений, антонимов, семантических новообразований [11, с. 191]. Некоторые из них уже реализованы или находятся на стадии реализации.

Так, например, изданы словарь новообразований [1], словарь плюративов [20], начата работа над словарём фразеологизмов [15], [24]⁴.

Были предприняты попытки составления частотного словаря поэта.

В.В. Кромер и Ю.Н. Тамберг приводят списки 100 самых частотных лексем; 101 самого частого существительного; 100 самых частых глаголов; 109 самых частых прилагательных; 44 самых частых числительных и числовых обозначений [22, с. 14–17].

К.П. Рязанов, характеризуя работу В.В. Кромера и Ю.Н. Тамберга, пишет: «Любопытно

сравнить результаты. Ранги первой десятки слов в обеих работах практически совпадают, у слов первой сотни отличия рангов не превышают 0,0001–0,001% (есть не совсем ясные пока разбросы у рангов единичных слов, например, «наш» и «дать»). Физики в таких случаях говорят, что «результаты в пределах погрешности измерений идентичны»» [23, с. 195].

Любопытны следующие данные, приводимые К.П. Рязановым: количество словоупотреблений в творчестве В.С. Высоцкого – 181104, количество слов – 20341; самые распространённые слова – и (8014 употреблений), я (5403), в (5085), не (4984) [23, с. 196].

Уделялось внимание и семантическим новообразованиям поэта [5], [25].

Таким образом, можно констатировать, что по количеству лексикографических проектов творчество В.С. Высоцкого представлено – по сравнению с другими писателями – в более значительной степени.

⁴ Опубликовано в 2007 году словарь «Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого», автором которого является новосибирский учёный Н.С. Уваров, но нам не удалось с ним познакомиться.

Библиографический список

1. *Изотов В.П.* Окказионализмы В.В. Высоцкого: Опыт словаря. Орёл, 1998. 86 с.
2. *Изотов В.П.* Словарь поэзии Владимира Высоцкого: Ф.Э. Орёл. 1999. 37 с.
3. *Изотов В.П.* Словарь поэзии Владимира Высоцкого: И. Орёл. 1999. 40 с.
4. *Изотов В.П.* Ю: Материалы к «Толковому словарю поэзии В.С. Высоцкого» [Текст]/В.П. Изотов//Изотов В.П. Высоцкий и рубеж тысячелетий. Орёл, 2000. С. 41–45
5. *Изотов В.П.* Из Словаря семантических новообразований В.С. Высоцкого //Изотов В.П. Высоцкий и рубеж тысячелетий: Сборник статей. Орёл, 2000. С. 38–41.
6. *Изотов В.П.* Щ: 25 слов из «Словаря поэзии Владимира Высоцкого» //Параметризация способов словообразования. По материалам одной защиты. Орёл, 2000. С. 64–67.
7. *Изотов В.П.* Материалы к “Словарю поэзии Владимира Высоцкого” Я: //Вестник Международного Славянского Университета. Серия “Филология”. Т. 3. № 1. Харьков, 2000. С. 34–38.
8. *Изотов В.П.* Словарь поэзии Владимира Высоцкого: А.Х. Орёл. 2001. 58 с.
9. *Изотов В.П.* Писательская лексикография в ОГУ//Юбилейный научный сборник в честь семидесятилетия Орловского государственного университета. Орёл, 2001. С. 32–37.
10. *Изотов В.П.* Толковый словарь-конкорданс //Владимир Даль и современная филология. Т. 1. Н. Новгород. 2001. С. 55–59.
11. *Изотов В.П.* Филологический комментарий к творчеству В.С. Высоцкого. Проект//Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. V.М. 2001. С. 179–198
12. *Изотов В.П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Е.Ё//От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 182–193.
13. *Изотов В.П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Ч. III. . Орёл. 2002. 52 с.
14. *Изотов В.П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Ф.Э //Русская авторская лексикогра-

фия XIX–XX веков. М, 2003. С. 113–117.

15. *Изотов В. П.* О «Словаре фразеологизмов В. С. Высоцкого». // Вопросы лексики и фразеологии русского языка: Сборник научных трудов. Орёл, 2004. С. 67–74.

16. *Изотов В. П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Конкорданс на букву «З» Орёл. 2005. 37 с.

17. *Изотов В. П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: У. Орёл, 2007. 51 с.

18. *Изотов В. П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: М. Орёл, 2010. 112 с.

19. *Изотов В. П.* Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Ж. Орёл, 2010. 32 с.

20. *Изотов В. П., Хвастова Е. В.* Раздвинутые горизонты: Словарь плюративов В. С. Высоцкого. Орёл, 2010. 20 с.

21. *Карякин Ю. Ф.* О песнях Владимира Высоцкого // Высоцкий В. С. Не вышел из боя. Воронеж. 1988. С. 507–521.

22. *Кромер В. В., Тамберг, Ю. Н.* Частотный словарь творчества В. С. Высоцкого // Квантитативная лингвистика и семантика: Тезисы докладов I Межвузовской конференции. Новосибирск: НГПУ, 1998. С. 14–17.

23. *Рязанов К. П.* «Будут и стихи, и математика...» (часть 2) // Высоцкий в Троицке. Вокруг «неизвестного» выступления. Троицк: Студия «Вагант» («Байтик-4»), 2002. С. 195–198.

24. *Прокофьева А. В.* Проект создания полифункционального словаря фразеологии В. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007–2009 гг. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 205–212.

25. *Шкробова І.* Семантичні окаяоналізми в поезії В. С. Висоцького. // Актуальні проблеми дослідження й викладання гуманітарних дисциплін у нефілологічних ВНЗ. Макиївка: ДонДАБА, 2000. С. 48–52.

O. S. RAZANSKAYA

ABOUT THE VOCABULARY OF THE LANGUAGE OF VYSOTSKY'S POETRY

This article discusses the state of working on one of the most important lexicographical projects on a boundary of XX–XXI centuries — the V. Vysotsky Poetry Vocabulary. The principles of compiling the various editions of the dictionary are described, and there are also systematized the different approaches to the representation of lexical heritage of the great Russian poet.

Key words: V.S. Vysotsky; authoris lexicography; types of dictionaries.

А.А. СИДОРОВ

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой романской филологии Волгоградского государственного университета

E-mail: couteau1@yandex.ru

Тел.: 8 844 240 55 25, 8 902 385 90 39

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ И СОВРЕМЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО

В статье анализируются проблемы интеграции иммигрантов во французское общество, и обсуждается вопрос о перспективах французской нации и идентичности. Характеризуется образ жизни иммигрантов и их детей: ценности, быт, занятость, контакты с местным населением. Акцентируется внимание средств массовой информации на проблемах взаимоотношений иммигрантов и коренных французов и эволюции современного французского общества.

Ключевые слова: иммигранты, интеграция, французское общество, контакты, толерантность.

В XXI веке проблемы иммиграции стали одним из наиболее острых вопросов внутривнутриполитической жизни Франции, население которой всячески пытается найти ответы и предложить дальнейшую поведенческую стратегию. В обществе идет переосмысление таких понятий, как нация и идентичность. Люди пытаются дать ответ на вопрос, что значит быть французом и кто теперь французы?

Правительство придает первостепенное значение решению проблем иммиграции, социально-экономической и культурной интеграции иммигрантов. По данным, опубликованным в 2006 г. Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE), во Франции в 2004 г. насчитывалось около 5 млн. иммигрантов, что составляло чуть более 8% населения. Из них приблизительно у 40% французское гражданство, полученное путем натурализации или заключения брака. За последние 15 лет общее количество иммигрантов увеличилось на 20%. Алжирцы и марокканцы (наряду с португальцами) остаются самыми многочисленными иностранными диаспорами во Франции.

Сложности учета общего количества иммигрантов состоят в том, что иностранец, получивший французское гражданство, становится только французом и нигде не будет зафиксировано, ка-

кие у него корни – африканские, магрибинские или китайские. Это связано с тем, что Франция исповедует принцип «государства-нации», в соответствии с которым гражданином является индивид, разделяющий республиканские принципы, а какой он национальности или вероисповедания – остается за кадром или оставалось за кадром до недавнего времени.

По данным Национальной комиссии по правам человека (Commission nationale consultative des droits de l'homme – CNCDH), 56% французов считают, что иностранцев стало слишком много, а около трети населения открыто причисляет себя к расистам. Только 32% населения готовы предупредить полицию об актах расизма. Хотя в еще в прошлом году этот показатель был в районе 50-58%, что «в некоторых случаях расистские действия можно чем-то оправдать», и лишь 39% считают, что это в принципе невозможно (доклад комиссии по проблемам расизма, антисемитизма и ксенофобии 21 марта 2007 г.) [5].

Постепенно происходит размежевание между гражданами мусульманского и немусульманского вероисповедования. Французы положительно относятся к экономическому аспекту иммиграции, в то время как культурная интеграция иммигрантов-арабов ставится под сомнение. Увеличение числа носителей другой (нефранцузской) культуры

на протяжении длительного времени привело к переосмыслению составляющих французской идентичности и к потере всякой толерантности. Регулярно возникающие во Франции проблемы, связанные с нефранцузским населением, имеют давнюю историю. Еще в конце XIX в. бельгийцы – в числе первых иммигрантов – французами пренебрежительно назывались «паразитами». В период между двумя мировыми войнами итальянцы и поляки считались «неассимилируемым» населением, а евреи и армяне обвинялись в том, что они способствуют «вырождению расы». После Второй мировой войны отношение к европейским иммигрантам смягчилось. Однако целенаправленной политики по интеграции североафриканских иммигрантов разработано не было. Если бы критерии по отбору иммигрантов, сформулированные в то время Высшим комитетом по народонаселению (Haut Comité de la population) были применены (главный среди них – способность ассимиляции), североафриканцам путь во Францию был бы закрыт. Они попадали бы под категорию «несовместимость между исламом и европейской цивилизацией». Тогда этот культурно-цивилизационный критерий не был применен, поскольку возобладали экономическая целесообразность. Прибегая к политике привлечения иностранной рабочей силы вплоть до начала 1970-х гг., французское правительство стремилось главным образом минимизировать производственные издержки.

В настоящее время во Франции проживает уже третье поколение иммигрантов при постоянном притоке (легальном и нелегальном) магрибинцев и африканцев.

Политика государства нацелена на привлечение в страну высококвалифицированных специалистов и талантливых людей, чьи знания «будут создавать преимущества для развития и расцвета экономики Франции» [5].

Огромной проблемой являются конфликты, возникающие между этническими французами и эмигрантами из арабских государств.

Ситуация, которая сегодня сложилась во Франции, меньше всего нравится этническим французам и туристам из европейских стран. Приняв однажды на себя ответственность за «обездоленных» арабов и предоставив им все условия для комфортного проживания в Европе,

Франция стала заложником многочисленного, слабо уважающего закон населения, которое противится традиционным представлениям французов о проживании в «их» стране.

Проанализировав известные авторитетные французские печатные издания «Le Monde» и «Le Figaro», а также множество еженедельников и ежедневников, мы увидели, что отношение к иммигрантам во Франции достаточно отрицательное.

Иммигранты-мужчины заняты в основном в строительстве, автомобильной промышленности и на подсобных работах на производстве, а женщины чаще всего находят себе работу в качестве прислуги у частных лиц. В основном иммигранты являются «дешевой рабочей силой» и по причине малообразованности не знают о своих правах. Именно оплате иммигрантского труда во французских печатных изданиях уделяется много внимания:

«Les salariés français issus de l'immigration sont moins payés que ceux dont les parents sont nés avec la nationalité française, l'écart étant plus fort s'ils descendent d'immigrés africains que d'immigrés européens du sud, selon une étude du ministère du Travail parue aujourd'hui. Toutefois, si on prend en compte certaines caractéristiques socioprofessionnelles (diplômes, etc), les écarts de salaire se sont plus «significatifs», précise la direction des études et statistiques./ Французские рабочие, происходящие из семей иммигрантов, получают меньше, чем те, чьи родители, являются этническими французами, и эта разница увеличивается в зависимости от того, кем были их родители: африканскими иммигрантами или иммигрантами с европейского юга, согласно исследованию министерства труда, появившемуся сегодня. А если учитывать некоторые социально-профессиональные характеристики (дипломы, и т.д.), разница в зарплате еще «значительнее»» (Здесь и далее перевод наш) [4].

В этой же статье поднимается проблема детей иммигрантов. Согласно французскому определению «иммигранта», дети иммигрантов, рождённые во Франции («иммигранты во втором поколении»), иммигрантами не являются. Тем не менее, отношение к детям иммигрантов среди этнических французов скорее негативное. И это

преследует детей иммигрантов уже во взрослой жизни:

«Quant au salaire brut horaire, il est inférieur de 9% pour les descendants d'immigrés africains et de 4% pour les descendants d'immigrés d'Europe du Sud, pour les salariés dont la durée du travail est décomptée en heures./ Что касается почасовой оплаты рабочих без вычетов налогов, она на 9 % ниже для потомков африканских иммигрантов и на 4% ниже для потомков иммигрантов из Южной Европы» [4].

Многие всеми силами подстраиваются под новую культуру, тем самым меняя имена, вероисповедание, теряя национальные корни. Смена имен – не такая уж и редкость.

«...les prénoms qui ... les immigrés marocains en France donnent à leurs enfants sont peut-être intermédiaires, et ceux que ces enfants donnent à leurs enfants ressemblent peut-être encore plus au stock général. De plus la disparition des prénoms allogènes a été observée auparavant, avant l'existence de grandes enquêtes statistiques : les enfants des Portugais, des Polonais, des Italiens... ont pu recevoir des prénoms différents de ceux que leurs parents portaient[...]/имена, которые дают марокканские иммигранты во Франции своим детям, могут быть промежуточные, а уже следующее поколение дает своим детям имена, которые присутствуют в обеих культурах. Статистические исследования свидетельствуют о том, что больше всего исчезновение иностранных имен можно пронаблюдать у детей португальцев, поляков, итальянцев. Они получили имена, отличные от имен своих родителей» [5].

В смешанных браках детям чаще дают имена, распространенные в той стране, где семья проживает.

«Le mariage avec un «native» (mariage mixte) conduit aussi à des prénoms éloignés de ceux du pays d'origine/ В браке с «коренным французом» («смешанный брак») детям дают, скорее, французские имена» [5].

Тем не менее, иммигранты стали неотъемлемой частью французского общества. Огромное количество иммигрантов, а также проблемы, возникающие с иммиграционными процессами, приводят, к тому, что государство вынуждено принимать новые и новые законы, регулирующие

и «упрощающие» жизнь новых и потенциальных граждан Французской республики.

«La politique migratoire suivie de la France est la même que celle pratiquée par les autres pays de l'Union européenne[...]. Eric Besson évoquant les critiques qui lui reprochent de mener en France un «durcissement» à l'égard de l'immigration classique, du regroupement familial ou d'asile, le ministre de l'immigration et de l'identité nationale français s'est défendu en affirmant que «l'objectif et le socle de la politique migratoire en France c'est de parvenir à une intégration réussie» des immigrés. «Ouvrir [les frontières] c'est facile» et «c'est une erreur», - a ajouté Eric Besson./ Миграционная политика, которой следует Франция – та же, что и у большинства стран ЕС. Эрик Бессон упомянул критиков, которые обвиняют его в «ужесточении» по отношению к классической иммиграции семейной иммиграции или (политическому) убежищу. Министр по иммиграции и национальной идентичности Франции защитил себя, утверждая, что «цель миграционной политики во Франции состоит в том, чтобы доходить до столь высокой степени интеграции, в чем преуспевают иммигранты. «Открывать [границы] это легко» и «это – ошибка», - добавил Эрик Бессон.»

«Eric Besson a par ailleurs annoncé que la France comptait proposer au Maroc[...].une «feuille de route» pour faciliter la circulation des personnes entre les deux pays.[...] Il permettra progressivement aux «étudiants de certaines filières universitaires d'excellence de circuler librement au niveau des pays du bassin méditerranéen» et de leur «favoriser l'octroi de bourses méditerranéennes»./ Эрик Бессон также сообщил, что Франция готова предложить Марокко [...] «дорожную карту», чтобы облегчить перемещение людей между двумя странами. [...] Он позволит беспрепятственно «лучшим студентам университетов свободно перемещаться на уровне стран средиземноморского бассейна «и помогать им в получении всевозможных стипендий и пособий на Средиземноморье» [5].

Иммигранты и проблемы иммиграции активно обсуждаются и в средствах массовой информации. Поскольку иммигранты составляют значительную часть населения Франции и с «потенциальными» или «новообращенными»

гражданами страны этнические французы имеют дело каждый день, то проблемы интеграции «новеньких» очень актуальны.

Например, на канале France-24 поднимается вопрос о запрете на ношение паранджи:

«Nous sommes une vieille nation rassemblée autour d'une certaine idée de la dignité de la personne, en particulier de la dignité de la femme, autour d'une certaine idée de la vie en commun. Le voile intégral qui dissimule totalement le visage porte atteinte à ces valeurs, pour nous si fondamentales, si essentielles au contrat républicain/ Мы старая нация, которую объединяет идея достоинства человека, в частности достоинства женщины, и мы ориентированы на равенство. Сплошная пелена, закрывающая лицо, наносит ущерб этим ценностям, вредит нашим столь фундаментальным, столь значимым законам республики» [3].

Французы всеми силами пытаются разграничить религию и светское общество.

«Après quasiment un an de débats controversés, le projet de loi du gouvernement interdit totalement le port du voile intégral dans l'ensemble de l'espace public. Les contrevenantes s'exposeront à une amende de 150 euros et/ou un stage de citoyenneté. Maris ou concubins obligeant leurs compagnes à se voiler risquent un an de prison et 15.000 euros d'amende/ После почти года дискуSSIONНЫХ дебатов, законопроект правительства запрещает ношение паранджи в общественных местах. Нарушительницы подвергнутся штрафу в 150 евро и/или общественным работам. Мужья или сожители, обязывающие своих подруг облачиться в паранджу, рискуют одним годом тюрьмы и 15.000 евро штрафа.» [3].

В свою очередь, так называемые «женщины-посредники» (волонтерская организация иммигрантов, состоящая из женщин, созданная в неблагополучных районах для скорейшей адаптации приезжих и пропагандирующая новую культуру) не хотят инициировать обсуждение данной проблемы.

«Les femmes qui portent le voile intégral le font par choix religieux, leurs maris ne les forcent pas à le faire. Quand on touche à la religion, l'implication est tellement forte qu'il est possible de dialoguer mais pas de s'opposer/ Женщины, которые носят паранджу, делают это по религиозным соображениям, их мужья не заставляют их. Что касается

религии, то ее роль настолько сильна, что возможен только диалог, но не принуждение.» [3].

Для нас интерес представляет изучение общественного мнения в отношении иммигрантов. На телеканале TF1 этому вопросу был посвящен целый репортаж. Исследования проводились не только во Франции, но и в других странах Европы.

«Pour 44% des Français, l'immigration n'est «ni une chance ni une menace», tandis que 40% des Espagnols pensent qu'elle représente une chance, et 37% des Britanniques une menace/ Для 44 % французов иммиграция не является «ни шансом, ни угрозой», в то время как 40% испанцев считают, что это некий шанс, а 37 % англичан – угроза».

«Les Français se partagent presque également entre ceux qui pensent que l'immigration constitue «plutôt une menace » (24%) et ceux qui estiment au contraire que c'est «plutôt une chance» pour la France (25%)/ Французы также разделились на тех, которые считают, что иммиграция «скорее, угроза»(24%) и тех, которые полагают, что это – «скорее шанс» для Франции (25 %)» [6].

На телеканале TV5Monde снова поднимается вопрос о трудоустройстве иммигрантов.

«Entre 4,5 et 8 millions de «sans-papiers» travaillent dans le bâtiment, l'agriculture, l'hôtellerie et d'autres secteurs dans l'UE. Un projet de directive vise à sanctionner les employeurs, et à assurer des conditions salariales légales aux immigrants illégaux. Les députés demandent des sanctions pénales dans les cas les plus graves et veulent responsabiliser les entreprises/ От 4,5 до 8 миллионов «бездокументных» работают на стройках, в сельском хозяйстве, в гостиничном бизнесе и в других сферах ЕС. Проект нового закона в сфере урегулирования трудовых отношений предполагает одинаковые условия оплаты как для незаконных иммигрантов, так и для трудящихся на легальной основе. Депутаты рассматривают даже вариант уголовного преследования в отношении недобросовестных работодателей» [7].

Проживающие во Франции иммигранты всеми силами пытаются сохранить самобытность и наследие своей культуры. Так, например, магрибинские переселенцы, получившие прозвище «беуг» (термин был создан посредством переложения слогов арабского слова а-га-беу, на беуга-а) решили доносить до общества свою точку

зрения при помощи средств массовой информации. Так 8 января 2002 года появился телеканал BeurTV:

«...première chaîne de télévision privée à destination des français d'origine maghrébine, de maghrébins vivant en France, des juifs, des pieds noirs, des français ayant séjourné au Maghreb ou travaillant avec la communauté maghrébine, mais aussi aux populations issues de l'immigration des pays du sud de la méditerranée et vivant en France/Первый телевизионный канал, предназначенный для французов магрибского происхождения и магрибинцев, живущих во Франции, евреев, чернокожих, французов, живущих в странах Магриба и тех, кто поддерживает связь с этим регионом. А также для иммигрантов южных стран, живущих во Франции.» [2].

Следом за телеканалом открывается радиовещание, носящее то же название – *Beur*. Вещание транслируется на трех языках: французском, арабском и берберском. Это независимое радио располагает 17 частотами и круглосуточным вещанием на территории всей Франции. Первый эфир состоялся в 1981 году.

В 1994 году появляется еще один телеканал, рассчитанный на иммигрантов – *Algerian TV*, сначала он был спутниковым и выполнял роль культурной поддержки с алжирским обществом за границей:

«La chaîne, qui s'appellera par la suite Canal Algérie, cherche aussi à intéresser et à séduire le public étranger concerné par l'évolution de la situation en Algérie en particulier dans les domaines politiques et économiques/Канал, который впоследствии назовется Канал Алжира, пытается также заинтересовать иностранную публику, не безразличную к общественной жизни в Алжире, в особенности в сфере политики и экономики» [1].

Очевидно, что интеграция иммигрантов в европейское общество Франции – процесс неоднозначный и сложный. Детальный и глубокий

анализ этого явления – прерогатива сообщества социологов, регионоведов, политологов и других специалистов. Однако необходимо отметить, что колониальные захваты территорий Африки и других земель, инициированные многими европейскими народами, сегодня дают свои плоды. Французам европейского происхождения крайне непросто наблюдать интеграцию иммигрантов. Традиционные западноевропейские ценности (кроме высокого уровня жизни) далеки от уклада жизни представителей Азии или Африки. Вопросы культуры, традиций, религии, воспитания детей видятся выходцами из стран Магриба совсем иначе, нежели европейцами.

Вместе с тем хорошей адаптации иммигрантов во Франции способствуют ценности традиционного общества – умение держаться сообща, первостепенное значение семьи и почитание старших, особое положение мужчины, женщины и ребенка. Борьба европейцев за ярко выраженную независимость, материальное благосостояние, расширение личностного пространства, стирание гендерных признаков, скорее, оказывает негативное воздействие и ставит под угрозу перспективу существования и выживания французов европейского происхождения в пока еще благополучной Европе.

Единственно верным решением сегодня остается открытый и конструктивный диалог между властью и народом на тему мирного сосуществования всех, кто населяет Францию. Государство обязано посредством поиска обоюдовыгодных механизмов регулировать жизнь французского общества. И в первую очередь это должно быть сделано на законодательной основе. При соблюдении правовых норм, толерантном отношении друг к другу граждан любого происхождения и «правильной» государственной политике и пропаганде французы откроют для себя массу возможностей и направлений развития с учетом интересов всех этносов, населяющих пятую республику.

Библиографический список

1. *AlgerianTV* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.3afrit.com/ALgerian-Tv.html>. 2010. 12 дек. - Загл. с экрана.
2. *BeurTV* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://beurtv.over-blog.com/>. 2010. 16 авг. – Загл. с экрана.
3. *Blog.lenodal.com* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.lenodal.com/index.php?/>

archives/036-Lancement-de-France-24.htm. 2010. 21 сент. - Загл. с экрана.

4. *Le Figaro* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lefigaro.fr/>. 2010. 16 окт. – Загл. с экрана.

5. *Le Monde. fr* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lemonde.fr/>. 2010. 17 сент. – Загл. с экрана.

6. *TF1* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tf1.fr/> 2010. 20 сент. Загл. с экрана.

A.A. SIDOROV

IMMIGRANTS' INTEGRATION AND MODERN FRENCH SOCIETY

Problems of immigrants' integration into French society, French nation identity and perspectives are considered in the given paper. Way of life: values, everyday life, employment, contacts with local population are examined. Mass media focus on immigrants' and local population's contacts and modern French society evolution.

Key words: immigrants, integration, French society, contacts, tolerance.

В. Н. СУЗИ

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы Петро-
заводского государственного универ-
ситета

E-mail: vnsuzi@yandex.ru

Тел. (8 814) 76 08 16

«ДРАГОЦЕННЫЙ ХРИСТОВ ОБРАЗ» У РУССКИХ КЛАССИКОВ

Автор исследует концепты русский Христос, подражание Христу в культуре XIX в. Анализ показывает, что христианская традиция определяет образную систему, поэтику, идейную направленность русских писателей, формируя ценностную шкалу их мировосприятия. Данный подход решает проблемы филологического исследования (в т.ч. методологические), выявляет этно-конфессиональную специфику литературы.

Ключевые слова: русская классическая литература XIX века, Пушкин, Тютчев, Достоевский, поэзия, религия, христианство, образ Христа.

*А идеал народа – Христос.
Достоевский*

Последование Христу представляет собой принцип теургии, образ и путь обожения (теозиса, цели миротворения) в литургии глаголов жизни, исток и вершину жизнетворчества.

Творчество и есть послушание, служение, самоотвержение. Способы же подражания многообразны [1]. «Imitatio» означает и форму – образ-икон-лик, и процесс – воображение, уподобление, и орудие – мимесис.

Сказавший «Я есть дверь в жизнь вечную» совмещает в Себе *цель и путь*, призывает: на пути к Цели «стань, как стезя» (Блок).

Когда мы говорим *образ и подобие*, следует помнить, что образ указывает на теоморфность, благообразие форм; *подобие* – на потенцию, дар, способность и способ творчества (обожение, но не обожествление, не сакрализацию творения, не кумиротворение, поскольку извне освященная Творцом плоть жаждет теозиса через личное усилие и участие в акте).

Подражание есть жертва благодарения (евхаризма), словесная, не замещающая Христово искупление, а в меру приятия дара. В Христовом мимесисе дихотомичной парой предстают эстетика и поэтика, соотносящиеся инверсивно: имя передает идею, образ – вид.

Логос имени и лик Истины – не тождества (Иван Карамазов гибельно разделял *смысл и жизнь*). Вне Христа можно говорить об «эстетике словесного творчества» как реализации смысла в слове; Он преобразует *слово в дело*, а не в эманацию энергий, *мышление образами* переводит в жизнь в Образе, реализует *поэтику жизни*.

*Пушкин на полях сочинения Батюшкова переводит вертикаль духовных озарений в плоскость поэзии: «Музы существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло...» [2]. Здесь очевиден парадокс; ведь боги, плод воображения, чужды христианину.

Не признание ли это *несовместности* противоположностей – эллинства и Благовестия, поэзии и молитвы – насильственным их совмещением? Таких смущающих признаний – у поэта множество. Но смущаться здесь нечем. «Странные сближенья» наиболее плодотворны.

Вопрос в том, поэт подчинен им или они служат ему. Это вопрос пределов воображения, обуздания его, аскезы, дисциплины ума и воли.

Страх Божий не в испуге, а в смирении, близком дерзновению. Творчество, как жизнь, это риск, провокация, преступание. Поэт живет памятью о единстве Лица-Имени в образе; Их

он касается не все, «фантазией» (иначе обнаружишь фантом, свою фобию).

Так дихотомия двойной шкалы сопрягает его «демонически пышный гений» (К. Леонтьев) с христианским кеносисом, соотносит *мир и миф*, *мир и скит*, воплощает «роскошную бедность» поэта, придает преобразующую силу образу. В нем эллинская плоть одухотворена Благой вестью. Таких *именин сердца* не знала древность, видевшая мир дуально – в телесной подробности или безликом единстве. Воплощение духа и искупление плоти слились в Лике Воскресшего [3].

И сделали это Красота, что «спасет мир», Истина, Любовь; «ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» [4]. Если их единство умозрачительно, то не образует Блага; в любом случае условность образа обращивается безусловной реальностью. И в начале XIX века намечается возврат к ценностям Благой вести (попытки предприняты еще Ломоносовым, Державиным, Жуковским, но в пределах прежних форм).

Разделение Закона и Благодати мы приняли как урок, а приятию Слова жизни учимся у Пушкина. У него были свои учителя – Державин, Жуковский, но он сблизил образ и Идеал не риторически, а деятельно, вне философских дилемм. Это преобразило его поэтическое слово.

Поэт начинается с отношения к форме как цели, материалу и орудию, преобразующему стихии мира и души. Философская критика склонна регламентировать (В. Соловьев) или культивировать (Н. Бердяев) порывы поэта как «гармоничную» неполноту. М. Гершензон усматривает в ней «пыльные морщины Агасфера», поскольку Дух заключен в мятущемся начале. Такое понимание правомерно, но вряд ли оправдано: поэт, *вечности заложник*, предстает невольником стихий, истоком гибельной свободы, создающей проблему формы и смысла.

Пушкин вполне осознал это положение («слова поэта суть его дела»), не уповая на словотворчество как панацею. Он – хозяин и «послушник» слова – молит, чтобы его не постигла участь безобразного, не-в-себе, существования: «Не дай мне Бог сойти с ума...». Ему ведом *искус* красоты и внятна творческая аскеза: *где опасность – там и спасение* (Гельдерлин).

Это знал и Гете, констатируя «жить – опасно», но акцент ставя на близости Творцу, сокращая дистанцию. Пушкина же влечет *стыдливость формы*, путь к цели, средство ее достижения. Он при стремлении «в соседство Бога» помнит свое место, взыскание дара, его искус, храня себя Страхом любви; неблагодарность, забытье опасны.

Достоевский пишет о Пушкине: «Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нем они явились нам во всей полноте <...> как факт законченный и целый...» (18, 69).

Если говорить о роли европейской мысли, то для обоих неоспоримо доминирование русской культуры как *почвы*. При всей мечтательности и бурной фантазии они воображаемому (относясь к нему настороженно) предпочитают жизнь. Порывы романтиков напоминают им экстазы и радения, чуждые сосредоточению в созерцании, далекие от «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», но близкие «мщенью, бурной мечте ожесточенного страданья». Их вдохновения напоминают молитвенные экстазы, а творчество – аскезу. Их любимые герои через искушение мечтой приходят к *нищете духа*, к «безмятежному спокойствию высокого ума, все постигшего и ничему не покорившегося» [5].

Св. Отцам, Фоме Кемпийскому, Пушкину вторит акмеист [6]. Каким ветром эллиниста и иудео-христианина прибило к русской теме [7]?

Несомненно, через поэзию *жизни и веры*, Афины и Иерусалим, Рим и Царь-град, вызвавшие *охоту к перемене мест*, волю пройти *путь из варяг в греки*, через жажду истоков, восстановления цельности, единства.

Точкой опоры стала «средиземноморская почвенность», вдохновившая интуицию русской «почвы» [8]. Конечно, в его «смерти праздничной» сказался стиль, окрашивающий неоклассику от Бунина до Бродского. Но стык эллинизма и христианства, культуры и варварства, варяго-скифства и евразийства обозначил бескрайность русской ойкумены. Ее культурными крестителями стали поэты. Осознание ими, что отказ от призвания превращает народ в население, а художника – в ремесленника, поучителен: без Мессии нет нации, без миссии – поэт [9].

Экспансия монологизма, эмпиризма, манипулятивности в отношении себя и мира интенсифицировалась с конца XV века («золотого века русской святости», по Г.Федотову) в ходе кризиса эсхатологического сознания, сокрушенного ожиданием Дня Гнева (1492 г. – завершение 7-го тысячелетия от сотворения мира). Утрата надежд породила диссонанс.

Иммунитет к искажающим воздействиям был ослаблен. Кризис отозвался смутой. Силы нации уходили на укрепление государственного организма; культура и культ оказались под двойным, извне и изнутри, спудом, приведшим к расколу. Русь Китежом уходила вглубь веков, уступая место Московии и Великороссии [10]. В нашем «хриstopодражании» возобладал ригоризм искупительного страстотерпия, что объяснимо гордыней «чистоты», претензией христозамещения. Страдание, лишённое *радости любви*, изуверно (Барон, Сальери Пушкина; Смердяков, Ферапонт Достоевского).

Лирический облик канонически «рабьему зраку» Мессии и придал Тютчев. Если аскет живет во Христе, то поэт в Нем открывает *дихотомию* плоти и Духа. Смещение эллинского с библейским, синкретизм «превосходнейшего всеобщего адвоката» Цицерона с Христом, присущие «Страннику» («Угоден Зевсу...»), «Безумию», «Цицерону» переломного для поэта 1830 года, были уже невозможны в кризисном 1855 году, давшем «рабский вид Царя Небесного». Образ создает иерархию смыслов в пересечении духовной вертикали с горизонталью «земли родной», из безграничного простора которой Он вырастает. *Явление Христа народу* в нищете духа и веселии сердца взыскует молитвы в поэтическом гимне, приносимом, как *Твоя от Твоих Тебе приносяще...* Юродство во Христе, созерцательная кротость, странническое служение, страстотерпие есть крестоношение. Из подражания Ему и вырастает образ народа-богоносца, как Он выходит из бескрайнего простора *земли родной*. Не скрыто ли призвание нации в том, как Господь являет Себя ей, не заключена ли наша мысль в *странствующей* в сем мире Церкви-Царстве? Потому не станем ставить пределы богатому смыслами религиозно-поэтическому символу.

Выражение *русский Христос* впервые появляется у Достоевского в письме А. Майкову от 11

(23) декабря 1868 г. при изложении плана эпопеи «Атеизм», герой которой по замыслу автора «под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского бога» (282; 329. Понятие *русский Бог*, надо думать, зародилось у апологетов *русского пути*, например, Ивана Грозного: «Мы веру держим истинную христианскую, а не греческую»; Вяземским в стихотворении «Русский Бог» оно осмыслено иронически). Практически одновременно, завершая 4 часть «Идиота», автор свою мысль вложил в уста Мышкина на вечере Епанчиных: «Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет». <...> Это выражение одного купца из старообрядцев, с которым я встретился... Он, правда, не так выразился, он сказал: «Кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался» (8; 452). Знаменательно переложение мысли купца словами князя; так автор вручит ему передачу своей заветной мысли. Показательно то, в каких словах и в какой ситуации князь это делает: «Откройте жаждущим и воспаленным Колумбовым спутникам берег Нового света...» В пафосном изложении героем авторской мысли (мотив Америки, земли обетованной, земного рая, нового человека, куда порываются герои Достоевского, Чернышевского) проглядывает ирония автора. А далее наболевшее дано в авторской транскрипции: «...Откройте русскому человеку русский Свет, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое от него в земле! Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, *русским богом и Христом*, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дальше, тем больше! И...

Но тут случилось одно событие, и речь оратора прервалась самым неожиданным образом» (8; 453). Князь, увлекшись, задевает и разбивает вдребезги дорогую китайскую вазу. Более всего его потрясло «сбывшееся пророчество» (8; 454), ваза стала перстом судьбы. У автора, как оно положено, прорицание читается двояко: китайская ваза символизирует хрупкость идеальной телесной красоты, знак совершенства, гармонии,

иероглиф искусственных форм); с другой стороны, неловким ее разбиванием оттенена горячность идеи-мечты героя, ее незрелость, опасная для мира. Проверка начал (статики и стихии) на прочность, их столкновение приводит к неизбежному трагифарсу. Эмблема работает буквально: погибает Барашкова (при невольном участии князя), сам он впадает в безумие. Под сомнением оказывается идеал. Но для него и автора сомнителен не идеал, а форма, условия, возможность реализации.

В этом *вопреки* сомнениям, в *согласии* с жизнью заключен универсум *русского Христа*, трансформировавшегося от Макара Девушкина через мужика Марая, Макара Долгорукого и Мышкина до Зосимы и Алеши [11].

Конечно, западные вкрапления и влияния (Франциска из Ассизи, Фомы Кемптена и пр.) здесь законны и неизбежны.

Если духовную интуицию рационализировать, то почвенничество выгладит моделью *народничества* (наряду с радикальным и либеральным демократизмом); во всех них забвение «не сотвори кумира» отражает кризисный рост национального сознания. Но Мышкин и Зосима при своем сходстве (происхождения, роли) с *особенным*

человеком несводимы к мужиковствующим нигилистам, а «почва» Достоевского – к «реальной и фантастической грязи» Чернышевского: герои и автор убеждены в возможности жизни во Христе *здесь и сейчас* (в отличие от семинаристов-эмпириков, подобно Ракитину, веру утративших).

Вл. Соловьев по поводу национального начала изрек: «...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [12]. Мысль Его столь возвышенна, что кажется подсказанной *богом философов и поэтов*; будто «пророк» участвовал в предвечном Совете, в него привнесся разлад с миром и собой. Но «нам ли весить замысел Господень?» (М. Волошин). Мистик, увлекшись *идеями*, взял столь высокую ноту, что не сумел наполнить метафору живым смыслом, и в обиде за расхождение мечты и реальности ушел в себя, подобно Ивану, которого он напоминает. В отличие от них *кроткий князь-«инок»* остается верен идеалу. Недостойные *жениха*, гордые Настасья Филипповна и Аглая равно любимы им до самоотвержения. Способен ли на жертву склонный к фантазиям, к игре смыслами философ-платоник, Достоевский усомнился, что, видимо, послужило причиной охлаждения.

Примечания

1. Фома Кемпийский постулирует: «Ходяй по Мне не имать ходити во тьме... Сими словами зовет нас Христос подражать жизни и нравам Его... Итак да будет нам главное попечение – поучаться в жизни Христа Иисуса». (О подражании Христу. Кн.1. гл.1.1. [1]). Пер. К. Победоносцева (sic!). 1898. Трактат стал основой православно ориентированной книги афонского старца Никодима «Невидимая брань». Заметим, что трактат высоко ценил Пушкин, иерархи же (свт. Игнатий Брянчанинов, митр. Антоний Храповицкий) отвергли как *прелесть*. Правы и поэт, и аскеты: он видел морально-поэтическую сторону, они – ущерб духа. Гоголь, утратив *трезвение* духа, принял «мутную» мистику за идеал жизнестроения. Сегодня оккультизм вновь обретает привлекательность для «праздно мыслящих» (Пушкин).

2. *Пушкин А.* ПСС: В 17 томах. Т. 12. С. 273.

3. «Христианами до Христа» считал греков филолог М. Фичино; без них, по Аверинцеву, апостолы остались бы «иудейской сектой». Есть в этих метафорах рассудочность уподобления, стирающая грани.

4. *Пушкин А.* Т. 12. С. 36.

5. описание В. Печериным А. Гумбольдта. Наше наследие. 1989. Вып. 3 (9). С. 98

6. «...Христианское искусство всегда действие, основанное на великой идее искупления. Это – бесконечно разнообразное в своих проявлениях «подражание Христу», вечное возвращение к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре. Христианское искусство свободно. <...> Никакая необходимость, даже самая высокая, не омрачает его светлой внутренней свободы, ибо прообраз его, то, чему оно подражает, есть само искупление мира Христом. Итак не жертва, не искупление в искусстве, а свободное и радостное подражание Христу – вот краеугольный камень христианской эстетики. ...Мир вместе с художником уже искуплен, – что же остается? Радостное богообщение, как бы игра Отца с детьми, жмурки и прятки духа! <...> Христианские художники – ...вольнотпущенники идеи искупления, а не рабы... Вся наша двухтысячелетняя культура, благодаря чудесной милости христианства, есть отпущение мира на свободу ... для духовного веселья,

для свободного «подражания Христу» (*Мандельштам О. Пушкин и Скрябин (фрагм.) // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1991. Т. 2 С. 314-315*).

7. У поэта христианство «эллинизирует смерть», придав ей пасхальный смысл.
8. У Мандельштама подражание поначалу предстает стилизацией. Но «не стилизаторский интерес» определял его вкус к истории, а жажда быть услышанным ею (*Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974*).
9. «Поэзия и философия есть < ... > различные сферы, различные формы или факторы религии» (*Шлегель Фр. Идеи // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 60*).
10. Византийская симфония Империи и Церкви затруднена по их разноприродности в Духе. Идея «третьего Рима» сбылась в самодержавной теократии. А мы в историософии грезим, как иудеи; нам ведь завещано! И забываем, что *четвертый Рим* реализуется в миллениуме Христом; мы свой шанс использовали, как умели.
11. См.: *Шульц, Отто. Русский Христос // Евангельский текст... Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 31-41*.
12. *Соловьев Вл. Русская идея. СПб., 1991. С. 29*.

V. N. SUZI

«A PRECIOUS CHRIST'S IMAGE» AT RUSSIAN CLASSICS

The author investigates concepts the Russian Christ, imitation the Christ in culture of XIX-th century. The analysis shows that the Christian tradition defines figurative system, poetics, an ideological orientation of Russian authors, forming a valuable vertical of their attitude. The supervision allows to solve many (including methodological) problems of philological research, to define ethno-confessional specificity of the our literature.

Key words: Russian classical literature of a XIX-th century, Pushkin, Tytchev, Dostoevsky, poetry, religio, christianity, image of the Christ.

М.В. ТЕЛЯКОВСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка Орловского
государственного университета
E-mail: teljakowska@yandex.ru
Тел. (4862) 55 74 10

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ

В статье анализируется стилистическая характеристика причинных союзов, представленная в словарях, монографиях, вузовских учебниках. Вносятся некоторые уточнения в стилистическую оценку союза со стороны его книжности, нейтральности, разговорности.

Ключевые слова: причинные союзы, союзы стилистически нейтральные, союзы стилистически окрашенные, союзы книжные и разговорные.

Стилистическая квалификация сложноподчиненного предложения (далее – СПП), по нашим наблюдениям, как и его семантика, складывается в первую очередь из стилистического значения средств связи частей СПП. Статья написана на основе изучения монографий, учебных пособий, статей по стилистике и толковых словарей. Будут внесены только некоторые уточнения в стилистическую оценку союза со стороны его книжности, нейтральности и разговорности.

Причинные союзы стилистически неоднородны. Выделяются две группы: стилистически нейтральные и стилистически окрашенные: книжные и разговорные.

Однако стилистическая квалификация причинных союзов в литературе противоречива.

Союз **потому что**, как отмечает А.Б.Шапиро, разговорный [см. Грамматика-60: 316]. **Потому что** считают нейтральным М.С. Бунина [1957: 180], Л.Ю.Максимов [Крючков, Максимов, 1977: 113]. А.К.Федоров на основе статистической обработки употреблений причинных союзов в пяти функциональных стилях пришел к выводу, что союз **потому что** не разговорный, а стилистически нейтральный, хотя и отмечает, что в середине XX в. этот союз заметно активизируется в разговорной речи [1972: 824]. Н.И. Формановская также считает потому что нейтральным, отмечая, что предложения с **потому что** проникают во все стили речи [1978: 124]. О.А. Крылова отмечает, что **потому что** имеет нулевую стилистическую окраску [1979: 50]. Стилистически нейтральным

считают **потому что** Р.П.Рогожникова [1974: 671; 1991: 193], Т.Ф. Ефремова [2001: 534].

Без достаточных оснований А.Б.Шапиро приписывает разговорную окраску также союзу **оттого что** [см. Грамматика-60: 316]. По мнению А.Н. Гвоздева, **оттого что** имеет книжный оттенок [1965: 357]. Более соответствуют истине мнения Л.Ю. Максимова [Крючков, Максимов, 1977: 113], Н.С. Валгиной [1978: 345], Н.И. Формановской [1978: 124], считающих **оттого что** стилистически нейтральным союзом, так как он свойственен не только книжному, но и разговорному стилю. Нейтральность этого союза отмечают также Р.П. Рогожникова [1974: 611] и Т.Ф. Ефремова [2001: 453].

Союз **поскольку** употребителен как в книжной, так и в разговорной речи [см. Волгина, 1978: 345]. Некоторый книжный оттенок поскольку отмечает Н.И.Формановская [1978: 125], хотя, по её наблюдениям, в современной художественной литературе и публицистике союз **поскольку** можно встретить и в контекстах, снабженных разговорными элементами [1978: 125]. М.В. Ляпон утверждает, что союз **поскольку** книжный [Грамматика-80:580].

Однако более правильную оценку этому союзу дает Р.П.Рогожникова, которая считает его стилистически нейтральным, так как союз **поскольку... (то)** встречается не только в деловой и книжно-публицистической речи, но и в языке художественной прозы [1966: 69-70]. Этот вывод

подтверждается и наблюдениями А.К.Федорова [1972: 823-824].

Союз **так как**, по мнению ряда исследователей, имеет книжный характер [Грамматика-80: 580; Формановская, 1978: 125; Петрищева, 1984: 136]. Но книжную стилистическую окраску этот союз имел не всегда. В 20-30-е годы XIX в., когда этот союз начал употребляться, он имел разговорный характер. Н.И.Греч писал: «... Причинное **так как** может быть употреблено в простом слоге» [1827: 404]. В произведениях 20-30-х годов XIX в. предложения с этим союзом встречаются в речи героев, напр.: (Староста): – Хоть это бы и не нужно /прибивать таблички с надписями/: у нас больница всего на десять кроватей; но так как вам это угодно, то я прибил места в трех надписи (Загоскин. Рославлев); (Двойник): – *Можно было бы, конечно, это слово принять в наш язык, и оно не менее других было бы кстати; но так как у нас иностранных слов, говорят, уже слишком много, то я осмелюсь предложить называть меня Двойником* (Погорельский. Двойник).

По мнению В.В.Виноградова, «окончательную литературную санкцию» союз **так как** получил не ранее 40-50-х годов XIX в. [1986: 588], т.е. признано допустимым употреблять **так как** в языке художественной литературы.

К 60-м годам XX в., по наблюдениям А.К.Федорова, союз **так как** стал использоваться чаще всего в научном, официально-деловом и публицистическом стилях речи, а в художественно-описательном стиле сравнительно редко, таким образом этот союз приобрел книжную стилистическую окраску [1972: 821-823].

Ибо – союз книжный. Это отмечали Л.А. Булаховский [1947: 17; 1954: 395], В.В.Виноградов [1986: 582]. Т.А.Шуб, исследуя историю **ибо**, отмечает, что «его (союз **ибо**) то употребляют, то избегают, одни его знают, другие чуждаются, у одних писателей он используется, у других отсутствует» [1956: 91]. Анализируя употребление **ибо** в письмах И.С.Тургенева, А.М.Горького, А.П. Чехова, В.И.Ленина к всевозможным корреспондентам, Т.А.Шуб приходит к выводу, что «к концу XIX – началу XX в. союз **ибо** перестал уже быть исключительно книжным. В послеоктябрьскую эпоху **ибо** употребляется еще чаще, встречается даже и в языке повседневного общения, не говоря уже о книжных стилях речи» [1956: 91].

Книжность **ибо** отмечают Л.Ю.Максимов [Крючков, Максимов, 1977: 113], Н.С. Валгина [1978: 346], М.В. Ляпон [Грамматика-80: 582], О. А. Крылова [1979: 49]. Авторы «Словаря русского языка» помещают **ибо** со стилистической пометой «книжный, устаревший» [т.1, 1981: 626]. В современном русском языке **ибо** используется в языке науки и как стилистическое средство архаизации текста [Историческая грамматика, 1979: 301].

А.К.Федоров отмечает, что в середине XIX в. книжная стилистическая окраска **ибо** чувствовалась слабее, поэтому писатели употребляли его в повествовательных частях художественных произведений. 5% всех причинных союзов здесь приходится на **ибо** [Федоров, 1972: 820]. По наблюдениям А.М.Устинова, **ибо** в «Русском лесе» Л. Леонова составляет 3% по отношению ко всем причинным союзам [1969: 23].

Союз **ибо** получил широкое распространение в газетно-публицистических стилях современного русского языка [Виноградов, 1986: 582]. Претерпев сложную эволюцию и обновившись в употреблении, союз **ибо** в современном русском языке, по мнению Т.Н. Мревлишвили, утерел оттенок устарелости и довольно широко используется в книжной речи, в публицистической литературе [1953: 354]. Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что книжный союз **ибо** в современном русском языке становится все более стилистически нейтральным, хотя и сохраняет еще сильный налет книжности.

В группу разговорных обычно включают союзы **затем, что; благо; потому как; что**, хотя стилистические оценки этих союзов неоднозначны.

Так, в словаре под ред. Д.Н.Ушакова союз **затем что** оценивается как книжный, устарелый [см. Толковый словарь, т.1, 1935: стлб. 1048].

Р.П.Рогожникова квалифицирует **затем что** как устарелый и отмечает, что в современном русском языке союз употребляется в поэтической речи и при ответе на вопрос зачем? Например: *И снова я с людьми. – Затем, что я поэт. Затем что молнии сверкали* (Брюсов) [1974: 445].

А.К. Федоров отмечает, что союз **затем, что** в исследованных им источниках встретился только в диалогах драматических произведений, что не

позволяет отнести затем, что к книжным союзам [1972: 823].

Авторы «Словаря русского языка» квалифицируют этот союз как устарелый, но не отмечают его книжности [т. I, 1981: 581].

Можно сделать вывод о том, что союз **затем, что** не имеет книжной стилистической окраски. У современных советских писателей затем что встречается (хотя и редко) в диалогах и в поэзии, напр.: – *И те, что в душу мне вступали, Слова горели жаром слез. И не хотел иных искать я, затем что не новы они* (А. Твардовский, За далью – даль) [см. СРЯ, т. I, 1981: 582].

Нет единства у составителей словарей и авторов исследований в стилистической характеристике союза **благо**. Словари квалифицируют благо как разговорный союз, напр.: *Прямо с аэродрома я поехал на Садовую, ... к Кораблеву, – благо весь мой багаж составлял маленький чемоданчик* (В. Каверин. Два капитана) [см. СРЯ, т. I, 1982: 92]. Эту точку зрения разделяет и Т. Ф. Ефремова [2001: 66].

А. М. Финкель считает союз **благо** книжным [1956: 103]. Н. А. Андрамонова на основе анализа собранного языкового материала делает вывод, что союз **благо** не книжный, но и не является стилистически сниженным, просторечным, он находится в зоне литературной речи [1977: 70-71].

В «Словаре русского языка» союз **потому как** имеет помету «разговорный», напр.: *Агнечка Герасимовна как заговорит про Володьку, так у ней глаза и заходят, потому как его она и считает заводчиком всяких пакостей* (Мамин-Сибиряк. Дикое счастье) [т. III, 1983: 333]. По мнению Л. Ю. Максимова, потому как имеет оттенок просторечности и устарелости, напр.: *Таскали-таскали меня по острогам, а потом в подозрении оставили и выпустили, потому как большая неправда прежде по заводам была и утеснение народу* (Мамин-Сибиряк) [Крючков, Максимов, 1977: 113].

На просторечность союза **потому как** указывает Р. П. Рогожникова, например: – *Надо, говорит, нам всем вместе ехать, потому как всем вместе лучше* (В. Белов. Привычное дело) [1974: 670; 1991: 193].

По наблюдениям Н. И. Формановской, **потому как** носит разговорный характер, а использование его в контексте, не содержащем разговорно-

сти, следует признать особенностью авторского стиля, иногда не совсем оправданной [1978: 124].

Т. Ф. Ефремова квалифицирует союз **потому как** как разговорно-сниженный [2001: 534].

В причинных придаточных иногда употребляется союз **что**, напр.: ... *я обязан благодарить тебя, что так заботился о моей безопасности* (Шишкина. Князь Скопин Шуйский).

Придаточные предложения с союзом **что** являются принадлежностью разговорной речи [Виноградов, 1986: 587; Назикова, 1952: 147]. По наблюдениям А. К. Федорова, причинный союз **что** был разговорным и в XIX, и в XX вв.: 26% употреблений в разговорном стиле приходится на конструкции с этим союзом [Федоров, 1972: 824].

Первая часть союза **потому что** иногда употребляется в просторечии как самостоятельный союз, напр.: *Человека-то поди легче убить, чем скотину, потому она безответная тварь, только смотрит на тебя* (Мамин-Сибиряк) [Крючков, Максимов, 1977: 113].

Союз **как... (то)**, иногда встречающийся в придаточном причины, может быть квалифицирован как устарелый или просторечный. Устарелым является **как.../то/**, который употребляется в придаточном предложении, предшествующем главному и обычно начинающемся сочинительным союзом, напр.: *А как в одной из упомянутых пьес есть и мое участие, то ... вы желаете иметь от меня справки* (Вяземский. Дела или пустяки) [ССРЛЯ, т. 5, 1956: стлб. 687].

Союз **как**, употребляющейся в постпозитивном придаточном, авторы словаря квалифицируют как просторечный, напр.: *А может, вы и есть родная моя мать? Только вам не хочется в том признаваться людям, как я очень некрасивый? а?* (М. Горький. Мать) [ССРЛЯ, т. 5, 1956: стлб. 687].

Составные союзы, точнее союзные сочетания, потому что они почти всегда расчленены: **вследствие того; что, в силу того, что; благодаря тому, что; из-за того, что; ввиду того, что; в связи с тем, что** – функционируют в книжных и официальных стилях речи [Грамматика-80: 577, 583; Рогожникова, 1974: 359, 386]. Авторы «Грамматики русского языка» отмечают, что эти союзы закреплены в основном за научным и публицистическим стилями [Грамматика-60: 316].

По наблюдениям А. К. Федорова, эти союзы свойственны преимущественно официально-

деловому стилю, где составляют 18,3% употреблений, публицисты используют эти составные союзы реже (4,3%), незначительно количество употреблений в научной литературе (1,3%) [1972: 822].

Р.П.Рогожникова отмечает, что «предложения с союзом **благодаря тому, что** употребляются в разных стилях речи, вплоть до разговорного, хотя и в этом случае конструкция сохраняет свой книжный характер» [1969: 73; 1991: 30].

Предложения с союзом **ввиду того, что** появились в деловом стиле и публицистике, затем получили широкое распространение в научной литературе, а затем и в художественных произведениях, преимущественно в авторской речи. Тем не менее союз **ввиду того, что** сохраняет свою прикрепленность к деловому стилю [Рогожникова, 1969: 75],

Предложения с союзом **в связи с тем, что** начинают употребляться в начале XX в. в официально-деловом стиле [Рогожникова, 1969: 75; 1991: 70].

Обобщим наши наблюдения.

По стилистической окраске причинные союзы могут быть:

- *стилистически нейтральными*: **потому что; оттого что; поскольку; тем более что; как...то** (в XIX в. употреблялся и был стилистически нейтральным, в настоящее время не употребляется).

- *Имеющими книжную стилистическую окраску*: **ибо; так как; благодаря тому, что; ввиду того, что; в связи с тем, что; в силу того, что; вследствие того, что; из-за того, что.**

- *Имеющими разговорную окраску*: **благо; как; потому; потому как; что.**

Библиографический список

1. *Андрамонова Н.А.* Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1977.
2. *Булаховский Л.А.* Союзы и союзные слова. Киев: Радянська школа, 1947.
3. *Булгина М.С.* Из наблюдений над сложными причинными союзами современного русского литературного языка. // Уч. зап. МГПИ им. Потемкина, т. 42. Каф. русского яз., вып. 4, 1957. С. 161-211.
4. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1978.
5. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986.
6. *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965.
7. *Грамматика русского языка.* Ч. 2. М.: изд-во АН СССР, 1960. Грамматика-60.
8. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика СПб.: тип. императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827.
9. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001.
10. *Историческая грамматика русского языка.* Синтаксис. Сложное предложение. М.: Наука, 1979.
11. *Крылова О.А.* Основы функциональной стилистики русского языка: Пособие для филологов-иностранцев. М.: Русский язык, 1979.
12. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1977.
13. *Мревлишвили Т.Н.* Союз *ибо* у Гоголя. // Труды Тбилисского ун-та, 1956, т. 63 С. 353-364.
14. *Назикова Е.А.* Выражение причинных отношений в современном русском литературного языке. /Сочетание падежей с предлогами и придаточные предложения: дис. ... канд. филол. наук / Л., 1952.
15. *Петрищева Е.Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984.
16. *Рогожникова Р.П.* Активизация в современном русском языке подчинительных конструкций с союзами *раз* и *поскольку*. // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 61-73.
17. *Рогожникова Р.П.* О конструкциях с составными причинными союзами. // Русский язык в национальной школе. 1969. № 3. С. 73-75.
18. *Рогожникова Р.П.* Служебные слова и принципы их лексикографического описания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. Т. I II.

19. *Рогожникова Р.П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991.
20. *Русская грамматика.* Т. П. Синтаксис. М.: Наука, 1980. Грамматика-80.
21. *Словарь русского языка:* В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, т. I, 1981. – СРЯ.
22. *Словарь современного русского литературного языка:* В 17 т. М.-Л.: изд-во АН СССР, т. 2, 1951; т. 5, 1956.; т. 17, 1965. – ССРЛЯ.
23. *Толковый словарь русского языка* [Текст]. – М.: ОГИЗ, 1935.
24. *Устинов А.М.* Сложноподчиненные предложения с придаточными причины в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
25. *Федоров А.К.* Система подчинительных союзов в современном русском языке /Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1972. Т.I -III.
26. *Финкель А.М.* Союз благо в русском языке. // Уч.зап. Харьківського університету, т. 70. Труды філологічного факультету, т. 3, 1956. С. 85-114.
27. *Формановская Н.И.* Стилистика сложного предложени. М.: Русский язык, 1978.
28. *Шуб Т.А.* К генезису и истории союза «ибо» в славянских языках. // Уч.зап. ЛГПИ, т. ХУ, факультет языка и литературы, вып. 4, 1956. С. 89-130.

M.V. TELJAKOVSKAYA

STYLISTIC CHARACTERISTICS OF CAUSAL CONJUNCTIONS

In the article is analyzed the stylistic characteristics of causal conjunctions, represented in dictionaries, monographs, high school textbooks. Some updates in the stylistic evaluation of conjunction on the part of its usage in official, neutral, colloquial styles.

Key words: causal conjunctions, stylistically neutral conjunctions, stylistically colored conjunctions, book- and colloquial-style conjunctions.

И.Ю. ТРЕТЬЯКОВА

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка Ко-
стромского государственного университе-
та имени Н.А. Некрасова
E-mail: trirfr@mail.ru
Тел. 8 910 956 40 10

КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье рассматривается коммуникативная направленность окказиональных преобразований фразеологизмов, выявляются авторские интенции, обуславливающие трансформацию фразеологизмов: конкретизация, экспликация, интенсификация, экспрессивизация, буквализация фразеологического значения посредством приёма расширения компонентного состава фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, приёмы окказионального преобразования фразеологизмов, трансформация.

Окказиональные преобразования фразеологических единиц (далее ФЕ) в синхронии – явление частотное и разнообразное. Речевые трансформации фразеологизмов всегда имеют определённую коммуникативную цель. Преобразуя ФЕ, носитель языка стремится путём манипуляций с компонентами актуализировать элементы внутреннего плана относительно устойчивого знака. Наиболее частотными манипуляциями является введение в состав языковой ФЕ окказиональных слов-компонентов, посредством которых говорящий добивается преобразования элементов значения, коннотации, образности языковой ФЕ. Охарактеризуем на примере приёма расширения компонентного состава ФЕ трансформационные процессы под коммуникативным углом зрения.

Окказиональная конкретизация значений ФЕ

ФЕ употребляются в речи для характеристики типических ситуаций, явлений, лиц, предметов. Хотя в основе большинства фразеологизмов лежат образные ситуации, наглядно-чувственные образы единичных предметов, сами фразеологизмы при фразеобразовании проходят ступени абстрагирования от образов конкретных предметов или ситуаций [1, с.28-34] и становятся единицами, функционирующими для обозначения, ха-

рактеристики того или иного класса предметов, явлений, свойств, отношений.

Однако часто фразеологизмы в речи подвергаются трансформациям, цель которых – конкретизировать значение фразеологизма, уточнить элементы значения, приведя в соответствие с конкретной жизненной ситуацией.

Конкретизация значений может осуществляться посредством расширения компонентного состава; функцию конкретизатора в этом случае выполняет окказиональный распространитель – адъективный компонент, сочетающийся с фразеологическим субъектным компонентом – как грамматически опорным, так и грамматически зависимым. При этом окказиональные распространители конкретизируют время, место происходящих характеризуемых событий, ситуацию, область жизнедеятельности лиц.

ФЕ *тянуть ляжку* ('длительное время вынужденно заниматься трудным, не приносящим удовлетворения делом') функционирует как окказиональный вариант *потянуть крестьянскую и рыбацкую ляжку* в контексте: «С детства познал А. Прокофьев нелёгкий труд. С девяти лет *потянул*, что называется, *крестьянскую и рыбацкую ляжку*» (П. Бровка, Лит. газета, 1975,

3 дек.). Оказиональные компоненты *крестьянскую и рыбацкую (лямку)*, выраженные относительными прилагательными, характеризуют труд человека, в данном случае труд А. Прокофьева, как деятельность, связанную с ремеслом рыбака или крестьянина. Фразеологический трансформ получает значение 'длительное время вынужден был заниматься трудным, тяжёлым трудом крестьянина, рыбака'. Этот же языковой фразеологизм преобразуется в оказиональный вариант *втянуться в баранлинскую лямку*: «Баранлинцы поняли, что эта семья останется здесь, будет ещё держаться. Заметно приободрился, вернее, *втянулся в баранлинскую лямку*, Абуталип Куттыбаев» (Ч. Айтматов. И дольше века длится день). Оказиональный компонент *баранлинская (лямка)* также конкретизирует значение ФЕ – 'длительное время вынужденно заниматься трудным, тяжёлым трудом, каким занимались баранлинцы'.

Оказиональная экспликация значений ФЕ

Под оказиональной экспликацией мы будем понимать трансформации фразеологизмов, в результате которых произошла частичная де-метафоризация фразеологического значения. Появившиеся в компонентном составе оказиональные компоненты-распространители эксплицируют элементы значения фразеологизма, то есть прямо, а не опосредованно выражают фразеологическое значение или его часть. Такие компоненты мы будем называть оказиональными экспликаторами.

Стремление авторов текстов (речи) к экспликации элементов значения посредством оказионального изменения компонентного состава объясняется, прежде всего, желанием облегчить прочтение ФЕ, «прояснить» смысл фразеологизма, подчеркнуть отдельные элементы смысла. См. ФЕ *держат себя в рамках* ('строго соблюдать какие-либо ограничения, установленные правила, нормы'), в которой оказиональный расширитель – адъективный компонент *строгий* эксплицирует элемент значения 'строго' в трансформированном варианте *держат себя в строгих рамках*: «Даже с таким близким и верным другом, как Сарьян, и то приходится *держат себя в строгих рамках*» (В. Тевекелян. Рекламное бюро господина Кочека). См. также фразеологизм *разводить / развести руками* ('испытывать, проявлять удивление, недоумение, растерянность')

в контексте: «Прочтите в субботнем (15-го февраля) № «Русских ведомостей» сказку Щедрина. Прелестная штучка. Получите удовольствие и *руками разведёте от удивления*: по смелости эта сказка совсем анахронизм» (А. Чехов. Письмо А.Н. Лейкину).

Следует заметить, что такая оказиональная экспликация – явление редкое, и эта нечастотность имеет следующее объяснение. В основе фразеологизма лежит образ (скрип или сценарий), сам фразеологизм – единица косвенно-номинативного характера, и особенность фразеологизма как знака – в передаче смысла, оценки, экспрессии именно в метафорическом ключе. Прямому прочтению значения фразеологизма, значения компонентов фразеологизма препятствует произошедший при образовании фразеологизма метафорический перенос. И далеко не всегда существует прямая связь (реализуется семантическая валентность) элементов значения фразеологизма и значений каких-либо свободных слов. Вообще экспликация значения фразеологизма фразеологическими компонентами – явление не всегда оказиональное. Во фразеологическом корпусе существует группа фразеологизмов, компонентный состав которых вызывает споры именно в связи с прямой передачей значения компонентов. Так, глагольные компоненты во фразеологизмах: *ложиться на боковую* ('ложиться спать'), *покупать kota в мешке* ('покупать что-либо, не зная заранее ничего о качестве приобретённого'), *быть / находиться под башмаком* ('находиться в полной зависимости, в полном подчинении, подвергаться угнетению'), *разделять на белое и чёрное* ('разделять на плохое и хорошее'), *не смыслить ни бельмеса* ('ничего не смыслить, не понимать'), *оставаться на бобах* ('оставаться без того, на что надеялся, чего добивался') и др. – эксплицируют элементы значения фразеологизмов, и многие учёные высказывают мнение о том, что подобные слова не являются глагольными компонентами – это глаголы-сопроводители, вводящие фразеологизм в контекст. Подтверждение спорности вопроса о статусе глаголов выявляется при сопоставлении словарных статей. Например, в ФСРЯ (с.33) и в СТСРЯ (с.619) представлена ФЕ *под башмаком*, тогда как в словаре ФРР (с.63) – ФЕ *быть, находиться под башмаком*; в ШФС фразеологизм со словами-сопроводителями (*быть, находиться,*

держат) под башмаком (с.281). В словаре ФРР зафиксирована ФЕ *не смыслить ни бельмеса* (с.72), в ФСРЯ – ФЕ *ни бельмеса* (с. 35).

Языковые компоненты-экспликативы (особенно глаголы типа *быть, находиться, являться*) со временем утрачивают статус компонента фразеологизма, оставаясь при этом элементами окружения ФЕ в контексте; о слабой фразеологичности таких глаголов свидетельствует тот факт, что они образуют вариативный ряд, то есть заменяются в контексте другими глаголами. См. выше: *быть, находиться, держать под каблучком*.

Эффект дефразеологизации ощущается и при окказиональной экспликации (например, при окказиональной замене) компонентов. Различие в том, что языковая экспликация и последующая за ней дефразеологизация компонентов – процесс длительный, диахронический, а окказиональная экспликация – это «точечные» трансформации, и такие преобразования не становятся постоянными.

Окказиональная экспрессивизация значений ФЕ

Окказиональные преобразования фразеологизмов могут осуществляться с целью придания значению фразеологизма новых оттенков смысла, усиления эмоционально-оценочного плана. Экспрессивность свойственна большей части ФЕ, именно экспрессивность является одним из главных качеств фразеологизма, тем качеством, которое обосновывает, утверждает неслучайность существования и функционирования ФЕ. Усиление экспрессивности посредством трансформаций структурного плана фразеологизма делает ФЕ ещё более сильным средством выражения оценки, характеристики ситуаций, процессов, предметов, лиц. Экспрессивные окказиональные компоненты (окказиональные экспрессивы), вводимые в компонентный состав фразеологизма, производят различный эффект.

Усиление элементов фразеологической коннотации (эмотивно-экспрессивного в первую очередь) происходит, к примеру в следующих случаях. ФЕ *нести (свой) крест* ('терпеливо, покорно переносить выпавшие на долю испытания, страдания') содержит, помимо элементов понятийного плана, коннотативные элементы: негативную оценку ситуации, в которой приходится существовать тому, кто *несёт крест*, в то же время позитивную оценку субъекта действия

и сочувствие к его тяжёлой участи. В процессе трансформации окказиональные расширители *нелёгкий, трагический* усиливают экспрессивность ФЕ: *нести свой нелёгкий крест* в контексте «У научных работников хватает выдержки под градом нападков и обвинений *нести свой нелёгкий крест*» (Труд, 1991, 16 мая); «Старый большевик Купцов А.И., *пронёсший свой трагический крест* через многие лагеря, нечеловеческие унижения и испытания, убеждённо говорит сегодня, спустя десятилетия после пережитого: «Нас было много в лагерях, попавших туда в результате произвола. Но ни разу ... у меня даже не возникла мысль об ущербности наших идей, нашего строя, наших идеалов» (Лит. газета, 1987, 9 дек.).

ФЕ *умыть руки* ('отказываться, отстраняться от участия в чём-либо, уклоняться от ответственности за что-либо') содержит негативную оценку, на формирование которой повлиял этимон: негативная оценка действий Понтия Пилата, своим бездействием и демонстративным ритуалом омовения рук допустившим казнь Иисуса Христа. Эмоционально-экспрессивный компонент фразеологизма (от неодобрения до унижения в зависимости от конкретной ситуации) не только усиливается, но и получает дополнительные экспрессивные оттенки неприязни, возмущения, иронии за счёт включения в компонентный состав окказионального экспрессива стыдливо: «Таким образом, дана принципиальная партийная оценка действиям М. Рудника и тех, кто норовил *стыдливо умыть руки*, свалить всю вину на бывшего директора А. Богачук» (Правда. 1978, 21 июня).

Окказиональные компоненты могут вступать в противоречие с коннотацией фразеологизма и создавать «эффект обманутого ожидания».

ФЕ *намылить голову* ('сильно ругать кого-либо, делать строгий выговор, внушение кому-либо') характеризуется негативным оценочным компонентом, экспрессией неодобрения. В процессе расширения компонентного состава во фразеологизм вводятся окказиональные экспрессивы *очень мило, очень учтиво*: «Освобождённый от цензуры, я должен, однако ж, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное выше... Мне уж *очень мило, очень учтиво вымыли голову*» (А. Пушкин, письмо С.А. Соболевскому). Окказиональные распространители-экспрессивы

привносят во фразеологизм положительную оценку и экспрессию одобрения (см. *мило* – 'приятно', *учтиво* – 'почтительно вежливо'), усиленную наречием *очень*. Столкновение различных оценок и экспрессивных оттенков приводит к смысловому сдвигу (ср.: 'сильно ругать кого-либо, делать строгий выговор, внушение кому-либо' и 'сделать внушение, выговор кому-либо в притворно-вежливой, почтительной форме'), к появлению яркой иронии.

Окказиональная интенсификация значений ФЕ

Экспрессивные, оценочные элементы ФЕ являются важнейшей частью значения ФЕ. Часто авторские интенции бывают нацелены на усиление, интенсификацию экспрессии, на формирование добавочных смысловых оттенков. При трансформации фразеологизмов окказиональные компоненты-интенсификаторы, включаясь в компонентный состав ФЕ, влияют на семантику, коннотацию языковых единиц.

В компонентный состав ФЕ *сводить концы с концами* ('с большим трудом преодолевать нужду, живя в бедности, едва обходиться скудными средствами') при трансформации включаются окказиональные интенсификаторы – наречия *еле, едва, кое-как, только-только, с трудом*; при этом актуализируются элементы фразеологического значения 'едва', 'с трудом'. «Люди жаловались на дороговизну. *Еле сводили концы с концами*» (И. Грекова. Хозяйка гостиницы); «– Я у Юрки поел. ... – У Юрки. Он и так *едва концы с концами сводит*, а он объедает...» (В. Шукшин. Позови меня в даль светлую); «Молодой человек из очень бедной семьи кое-как *сводит концы с концами*, помогает своим близким» (Н. Луначарская-Розенель. Память сердца.); «Мы жили скромно, *только-только сводили концы с концами*, и ничего буржуазного в нашей трудовой семье не было» (Ю.Нагибин. Торпедный катер); «Из-за материальной необеспеченности Бальмонт вынужден был подолгу жить вне Парижа..., *с трудом сводя концы с концами*» (В. Орлов. Бальмонт. Жизнь и поэзия).

Трансформы ФЕ *ломать голову*: *ломать голову часами, долго ломать голову* также за счёт окказиональных интенсификаторов *часами, долго* усиливают (интенсифицируют) продолжительность действия, называемого ФЕ: «В Америке

никогда не встретишь какого-нибудь таинственного синего треугольника в красном квадрате [о дорожных знаках] – знака, над смыслом которого можно *ломать голову часами*» (И. Ильф, Е. Петров. Одноэтажная Америка).

Окказиональная буквализация значений ФЕ

Введённые в компонентный состав фразеологизма окказиональные расширители способны привести к буквализации значения ФЕ. Буквализация осуществляется лишь во фразеологизмах образных, так как связана с буквальным восприятием образного плана ФЕ. При актуализации образного плана окказиональные компоненты-буквальзаторы способны вызвать представление о буквально происходящих действиях, разворачивающихся картинах и, как следствие, влияют на двойное восприятие значения словосочетания – фразеологически связанное (косвенно-производное) и прямое.

Окказиональными компонентами-буквальзаторами в глагольных фразеологизмах становятся наречия и наречные слова, способные актуализировать образную основу ФЕ, «оживить» фрагменты фразеологического образа. См.: «Салов проснулся с ясным ощущением: сегодня ЭТО должно произойти. Все последние месяцы он *осторожно держал за пазухой камень обиды*, и вот пришло время бросить этот камень, пусть в спину – и справедливость восторжествует» (Е. Калинин. Время бросать камни). В данном контексте буквализацию образной основы наряду с наречием *осторожно* поддерживают также элементы контекста: «*бросить камень ... в спину*».

Буквализация значения в именном фразеологизме *стреляный воробей* может происходить при замене компонента *воробей* словами, называющими лица, которые в реальных ситуациях могут быть обстреляны, в которых могут стрелять; как правило, это слова, называющие военных: «Генерал Березин принял писателя Бела Иллеша. Б.: – Начальство требует, чтобы я языка достал. И.: – Я с вами воевать, генерал. Б.: – Уж лучше Вы нам не мешайте, убить ведь могут. И.: – Убить и Вас могут, генерал... Б.: – Меня не убьют, я – *стреляный солдат*» (В.В. Мочалов. Оружие слова. Военная литература. Мемуары); «Оказалось, действительно, бойцы эти были непростые: отдельно сформированная рота из добровольцев, *бывалых стреляных офицеров* для взятия этой тяжёлой,

практически невозможной высоты (И. Андреев. К 65-летию снятия блокады Ленинграда. «Мир новостей», 16.12.09).

Таким образом, вводя в компонентный состав фразеологизмов окказиональные конкретизаторы, экспликаторы, интенсификаторы, экспресси-

вы, буквализаторы фразеологического значения, авторы текстов преобразуют семантику языковых ФЕ, осуществляя различные коммуникативные задачи.

Библиографический список

1. Мелерович А.М. Проблемы семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Уч. пособие по спецкурсу. Ярославль, 1979. 80 с.
2. СТСРИ: СТСРИ: Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва [и др.] М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
3. ФРР: Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997.
4. ФСРЯ: ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.

I.Y. TRETYAKOVA

COMMUNICATIVE FOCUS OF THE OCCASIONAL TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGISMS

The article describes the communicative focus of occasional transformation of phraseological units. It reveals the author's intentions which determine the type of transformation: concretization, explication, intensification, expressivization, literal understanding of phraseological meaning by adding extra components into phraseological units.

Key words: a phraseological unit, occasional phraseology, an occasional phraseological unit, transformations of phraseological units, phraseological imagery.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

М.И. АЛДОШИНА

профессор, доктор педагогических наук,
доцент кафедры общей педагогики
Орловского государственного университета
E-mail: maraldo@orel.ru
Тел. (4862)74 45 39

ИТОГИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Данная статья посвящена актуальной проблеме формирования этноэстетической культуры студентов. Ситуация в культурной и социальной жизни России начала 21 века содержит проблемы личностного становления как часть проблем профессионального образования в университете. Она включает понятие, аспекты структуры и результаты данного процесса в университете. При характеристике личности студента классического университета социального и гуманитарного профилей со сформированной этноэстетической культурой выделяются следующие критерии: культуросообразности университетского образования, этнической идентификации, этноэстетической компетентности специалиста и продуктивно-творческой направленности личности. Данные критерии проявляются на разных уровнях и характеризуют качественные и количественные приращения сформированной этноэстетической культуры у студентов классического университета на основе традиционной этнокультуры.

Ключевые слова: культура, этноэстетика, студент, университет, уровень

Сложившаяся в России в начале XXI века социокультурная ситуация делает актуальной проблему личностного развития специалиста в рамках его профессионального образования в университете. Кризис современной культуры и экосистемы человека в целом обусловлен, по мнению многих исследователей, такими факторами, как индустриализация, урбанизация, вестернизация, технический прогресс, массовые миграции. Массовая культура несет отпечаток насилия, гедонизации, стратификации и «варваризации». Наиболее восприимчивыми к негативным воздействиям, в силу несформированности мировоззренческих позиций, оказались подростки и молодежь, поддавшиеся влиянию «рынка», низкопробных образцов массовой культуры, криминальных структур, деструктивных сект. Сложившиеся обстоятельства оказывают давление на человека, заставляют осмысливать про-

шное, задумываться о будущем, создают почву для обращения к основополагающим, глубинным проблемам человеческого существования, по своей сути философским: «Каково назначение человека?», «Что такое красота?» и др.

В современных условиях духовного и эмоционально-ценностного оскудения образования мы доказываем существование этноэстетической культуры студентов. На современном этапе развития общества этнокультура выступает важным средством воспитания человеческого в человеке, его прекрасных сторон в их различных проявлениях и органично входит в целостную систему образования. Не вызывает сомнения тот факт, что эстетический компонент национальной культуры является воспитательным инвариантом, ценностно-смысловой сущностью формирования личности любой национальности. Песенная культура, традиционная обрядовая на-

циональная культура адыгов, чувашей, якутов и т.д. будет способствовать воспитанию личности вообще и, в случае наполнения ими образовательного процесса университета, профессионально-педагогический и этноэстетической культуры, в частности.

Категориальный анализ позволил определить авторскую позицию относительно этноэстетической культуры студентов социальных и гуманитарных специальностей университета, т.е. специализированной части культуры общества и личности, системообразующими элементами которой выступают эстетические ценности того или иного народа и соответствующая им система этноэстетических чувств, отношений, качеств и видов деятельности, способствующая этнической идентификации, формированию мировоззренческой стадии этнокультурного развития, духовности и патриотизма. К ее структурно-функциональным элементам относятся: совокупность художественных ценностей, представляющих собой эстетические модели – идеалы этноса; эстетико-педагогическая и социально-творческая деятельность личности. Ядром этноэстетической культуры выступает этнокультура, познание которой сопровождается формированием таких особых качеств личности, как художественный вкус, этноэстетический идеал, этноэстетическое переживание, способность видеть, чувствовать и воспроизводить красоту и гармонию и эстетически ее оценивать с позиции менталитета. Чувственная природа этнической культуры делает ее уникальным транслятором этноэстетических идеалов, вкусов, чувств.

В структуре этноэстетической культуры можно выделить три основных компонента: аксиологический, деятельностно-практический и личностно-творческий.

Базовыми этноэстетическими ценностями выступают: культурно-исторические традиции русского народа; эстетические ценности этнокультуры; ценностное (бережное) отношение к русской природе, культуре, семье, ценности педагогической профессии как деятельности, транслирующей этнокультурные ценности от одного поколения к другому; ценности различных видов образовательной и воспитательной деятельности в университете как среды присвоения, сохранения и воспроизведения этноэстетических ценностей русского народа. Субъективное восприятие и

присвоение этноэстетических ценностей определяется богатством личности студента, научно-педагогической квалификацией, педагогическим стажем, развитостью педагогического мышления, наличием собственной педагогической системы и отражает внутренний мир, вплетаясь в систему ценностных ориентаций

Деятельностно-практический компонент этноэстетической культуры личности студента характеризует способы ее формирования, механизмы удовлетворения этноэстетических потребностей личности. Основу деятельностно-практического компонента составляют способности и возможности личности выполнять различные виды творческой этноэстетической деятельности (петь, танцевать, рисовать, играть и т.п.). Кроме того, деятельностно-практическая характеристика этноэстетической культуры личности может быть раскрыта через описание совокупности приемов и способов педагогического воздействия в процессе этноэстетического образования или этноэстетического воспитания (М.М.Левина, Н.Е.Щуркова).

Личностно-творческий компонент этноэстетической культуры студентов социальных и гуманитарных специальностей заключается в неповторимом, личностно-обусловленном усвоении способов этноэстетической деятельности, а также в успешном осуществлении этих функций на основе использования творческого потенциала. Личностно-творческий компонент обеспечивает распределение ценностей и технологий этноэстетической деятельности.

– При характеристике личности будущего преподавателя со сформированной этноэстетической культурой мы выделили следующие компоненты:

– отношение к этнокультурной наполненности и эмоционально-эстетическая отзывчивость на содержание профессионального образования в университете;

– этническая идентификация личности в процессе освоения эстетических ценностей традиционной культуры русского народа;

– этноэстетическая информированность и направленность будущей профессиональной деятельности;

– личностная значимость эстетических ценностей традиционной народной культуры.

Как объект этноэстетической культуры, будущий преподаватель формируется в университете в процессе этноэстетического образования и этноэстетического воспитания, которые должны быть специфически содержательно наполненными. Поскольку современное университетское образование строго регламентируется Государственными образовательными стандартами, то целенаправленная этнокультурная направленность (критерий культуросообразности профессионального образования) проявляется на двух (микро- и макро-) уровнях и зависит от определенных показателей: на макроуровне: наполненности содержания образования этнокультурным материалом; на микроуровне: осведомленности об этноэстетических ценностях русского народа, наличия художественно-исполнительских способностей, эмоциональной отзывчивости на произведения народной культуры, деятельное отношение к традиционной культуре русского народа и наличие личного художественно-эстетического опыта.

При высоком уровне культуросообразности образования (уровень содействия) будущий преподаватель социально-гуманитарного профиля имеет стойкие убеждения и систему этноэстетических ценностей, сформированных в соответствии с культурно-национальным мировоззрением; осознает себя частью своего народа и результатом культурного развития народа; активно и устойчиво положительно относится к культурно-историческому национальному наследию; проявляет положительную эмоциональную отзывчивость на произведения культурного наследия; творчески самоопределен в художественно-исполнительской деятельности, что выступает показателем его гражданской активности; проявляет художественно-интеллектуальные способности (оригинальность, гибкость, беглость, критичность, ассоциативность, образность, продуктивность мышления, гармонию логического и интуитивного); имеет художественно-эстетический опыт личности (сенсорную культуру, богатство эмоциональных модальностей, общехудожественную эрудицию, знание эстетических законов, средств и форм практической деятельности).

Средний (уровень сочувствия) предполагает наличие неустойчивых противоречивых взглядов на культурные национальные ценности в контек-

сте житейского и культурного подходов, способность аргументировать и отстаивать свою точку зрения по отношению к культурным национальным ценностям, познавательный интерес к национальному наследию, предпочтения к какому-либо виду народного творчества, художественно-интеллектуальные способности (критичность, ассоциативность, образность, продуктивность мышления), эстетический опыт личности (сенсорная культура, знание техник и приемов народного творчества, способов деятельности в рамках вида традиционного искусства).

При низком уровне (уровне соотношения) личность будущего преподавателя имеет следующие характеристики: неопределенное отношение к ценностям традиционной культуры этноса и необходимости их познания в профессионально-педагогической деятельности, понимание личностной, но не профессиональной значимости национального искусства, сомнения в необходимости приобщения воспитанников к национальной культуре, ситуативный интерес к культурному национальному наследию, слабо сформированные художественно-эстетические способности (образность, ассоциативность мышления), малый опыт эстетической деятельности, отсутствие навыков эстетической деятельности.

Исходный (нейтральный уровень) констатирует безразличное отношение личности к вопросам происхождения и сущности национальных культурных ценностей, их месту в структуре профессионального образования и становления специалиста.

Как объект процесса формирования этноэстетической культуры будущего преподавателя в университете, личность, осваивая этнические и эстетические ценности традиционной народной культуры русских, этнически идентифицируется. Культурное самоотождествление личности, соотношение себя с материальными и духовными ценностями национальной культуры способствует присвоению ею основных черт русского национального характера. Данная сторона этноэстетической культуры (критерий этнической идентичности) зависит от следующих показателей: информированности о национальных физических, душевных, психологических и духовных особенностях русского народа; отношения к

своей этнической принадлежности; деятельного погружения в этнокультурную среду.

При высоком уровне (уровне реализации единства) будущий преподаватель имеет ясное, четкое и устойчивое ощущение незыблемости своих этнических особенностей, привязанность к национальной культуре и этнической общности; это т.н. стадия реализованного «этнического Я», при которой проявляется единение с теми качествами русского народа, которые позволяют ему выделиться и ощущать себя частью общечеловеческой эволюции, мирового прогресса.

Средний уровень (уровень отождествления) характеризует личность будущего преподавателя с позиции обладания как собственным, духовным наследием народа, его духовным достоянием, его духовными достижениями, проявления способности развивать и совершенствовать эти достижения; исследования своей идентичности этносу, стремления понять личностное значение этнической идентификации; активное участие, «погружение» в культурную жизнь этноса.

Низкий (уровень контактов) предполагает у личности наличие внешних и внутренних контактов с представителями своего этноса, его культурой, внутреннюю близость, необязательно поддерживаемую внешними отношениями, сохранение, расширение и углубление своей близости к народу как к коллективному субъекту; безразличие к вопросам исследования своей этнической идентичности, отсутствие интереса к проблеме своих корней и членства в этнической группе.

Исходный уровень (уровень неосознаваемых контактов) констатирует отсутствие интереса к своим корням, членству в этнической группе, при возможных контактах с ее представителями, которые не осознаются в контексте этничности.

Как субъект формирования этноэстетической культуры в университете, будущий преподаватель выступает носителем определенного набора этноэстетических ценностей и технологий, которые, в общем виде, характеризуют его как квалифицированного специалиста социально-гуманитарного профиля с дополнительной квалификацией «Преподаватель» (критерий компетентности), что предполагает учет следующих показателей: владение системой этноэстетических ценностей, осознание ее значимости; вос-

приимчивость к этноэстетической информации и определение ее личностного смысла; знание конкретных педагогических технологий этноэстетической деятельности; применение адекватных педагогических технологий в конкретных условиях практической деятельности.

При высоком (уровне ценностно-ориентированного самоопределения) будущий преподаватель демонстрирует наличие систематизированных знаний о культуре своего народа, ее эстетических ценностях, а также способах трансляции их в практику эстетического и общего образования; владение личностно-ориентированными и культуросообразными технологиями.

Средний уровень (уровень знаниево-ориентированного определения) предполагает наличие систематизированных знаний о культуре своего народа, этноэстетических ценностях; понимание необходимости приобщения к национальным ценностям; наличие и осознание противоречия между потребностью осуществлять этноэстетическую деятельность и имеющимися средствами и уровнем компетентности будущего преподавателя.

При низком уровне (уровне практико-ориентированного определения) у будущего преподавателя наличествуют отрывочные представления о культуре своего народа как источнике образования, этноэстетических ценностях; имеются бессистемные представления об организации процесса этноэстетического формирования личности, ориентация на деятельность «по образцу», неадекватно применяются имеющиеся знания и умения в практической деятельности.

Исходный (непрофессиональный уровень) констатирует отсутствие желания использовать этноэстетический материал в профессиональной деятельности вследствие его незнания.

Как субъект этноэстетической культуры, будущий преподаватель формируется при определенном личностном отношении к данному воздействию (критерий личностной направленности), которое детерминируется следующими показателями: личностной позицией по отношению к этноэстетическим ценностям и их применению в практической деятельности; индивидуальным стилем общения; творческим потенциалом личности.

Высокий уровень (активно-творческий уровень) характеризует убежденность будущего преподавателя в необходимости приобщения к национальным эстетическим ценностям; преобладание диалоговых форм в общении; проявление творческого подхода к решению задач этноэстетического развития личности, стремление к повышению уровня профессионального мастерства, достижению высокого уровня «акме».

Средний уровень (частично-поисковый) констатирует наличие профессиональной направленности личности на организацию процесса формирования этноэстетической культуры; использование, в случае необходимости, диалоговых форм взаимодействия; готовность воспроизводить освоенное содержание, способы и средства этноэстетического воздействия на личность по предложенному алгоритму.

При низком (репродуктивный уровень) отсутствует направленность личности на формирование этноэстетической культуры у будущего преподавателя, проявляется неготовность личности на эмоциональном, рациональном и практическом уровнях к профессионально-педагогической деятельности.

Исходный уровень характеризует безразличие и нежелание использовать этноэстетический материал в деятельности.

Таким образом, выступая объектом формирования этноэстетической культуры, будущий преподаватель зависит от содержания и организации процесса обучения в университете. В обобщенном виде, в качестве входящего условия, их можно охарактеризовать как культуросообразность профессионального образования, что дает нам основания выделить критерий культуросообразности при оценке сформированности этноэстетической культуры личности будущего преподавателя.

Процесс формирования этноэстетической культуры студентов в университете предполагает качественный переход от имеющегося уровня к высокому. Деятельность студентов предполагает развитие перечисленных выше показателей и строится на основе интереса к различным видам народного искусства; предполагает приобретение студентами знаний, умений и навыков в области этноэстетики в процессе этноэстетического образования и этноэстетического воспитания.

Этноэстетическая культура студентов социального и гуманитарного профилей формируется комплексом средств народного искусства, учитывающих интересы студентов, их социально-этническую принадлежность и уровень общей культуры.

В рамках опытно-экспериментальной работы была подтверждена продуктивность теоретической модели формирования этноэстетической культуры студентов в университете, подкрепленная полученными эмпирическими данными. Результаты эксперимента, как обобщенные количественные данные (см. таблицу 1), могут служить основанием для качественных выводов (д - до / п - после эксперимента).

Исследование показало, что при равных исходных возможностях высокий уровень сформированности этноэстетической культуры студентов к концу эксперимента в экспериментальных группах в среднем отмечен в 1,5-1,7 раза больше, чем в контрольных (за исключением показателя «деятельного погружения в этносреду» по критерию этнической идентификации личности и показателя «индивидуального стиля общения» по критерию продуктивно-творческой направленности личности). Низкий уровень сформированности искомой культуры в контрольных группах сохраняется по 7 показателям, тогда как в экспериментальных – только по 2. Данные анализа свидетельствуют о том, что динамика роста уровня ее сформированности в экспериментальных группах более выражена и значительна. Истинность эмпирических данных подтверждена статистической обработкой полученных результатов.

Для проверки статистической значимости эффективности формирования уровня этноэстетической культуры студентов результаты оценки разных экспериментальных и контрольных групп были объединены. Это позволило упростить схему расчетов без потери содержательности выводов. Так как измерение уровня сформированности этноэстетической культуры студентов университета проведено в порядковой шкале, где балльные оценки выставлены при выделении качественных параметров и нижние границы обеих выборок содержат более пяти элементов в каждой, для проведения проверки нами был выбран критерий согласия распределения Фишера.

Таблица 1

Сводные данные изменений уровня сформированности этноэстетической культуры у студентов экспериментальных и контрольных групп

Показатели		Экспериментальные группы			Контрольные группы		
		Низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Осведомленность об этноэстетических ценностях	$\frac{Д}{п}$	$\frac{43,2}{7,1}$	$\frac{56,8}{39,7}$	$\frac{0}{53,2}$	$\frac{44,2}{0}$	$\frac{55,8}{58}$	$\frac{0}{42}$
Этноэстетические способности	$\frac{Д}{п}$	$\frac{39,7}{10,1}$	$\frac{60,3}{46,8}$	$\frac{0}{43}$	$\frac{44,2}{0}$	$\frac{55,8}{58}$	$\frac{0}{42}$
Эмоциональная отзывчивость	$\frac{Д}{п}$	$\frac{60,7}{7,1}$	$\frac{33,4}{44,1}$	$\frac{6,1}{48,8}$	$\frac{51,3}{11,6}$	$\frac{41,6}{56,3}$	$\frac{7}{32}$
Деятельное отношение к этноэстетическим ценностям	$\frac{Д}{п}$	$\frac{60,7}{7,1}$	$\frac{41,5}{44,2}$	$\frac{0}{48,6}$	$\frac{60,7}{24,3}$	$\frac{40}{47,7}$	$\frac{0}{28}$
Информированность о национальных особенностях	$\frac{Д}{п}$	$\frac{43,2}{7,1}$	$\frac{56,8}{39,7}$	$\frac{0}{53,2}$	$\frac{44,2}{0}$	$\frac{55,8}{58}$	$\frac{0}{42}$
Отношение к этнической принадлежности	$\frac{Д}{п}$	$\frac{44,2}{4,2}$	$\frac{55,8}{48,6}$	$\frac{0}{47,2}$	$\frac{44,2}{8,1}$	$\frac{55,8}{59,4}$	$\frac{0}{32,5}$
Деятельное погружение в этносреду	$\frac{Д}{п}$	$\frac{59,4}{16,3}$	$\frac{30,7}{46,7}$	$\frac{9,9}{37}$	$\frac{55}{11,2}$	$\frac{24,9}{47,5}$	$\frac{20,8}{41,2}$
Восприимчивость и владение этноэстетическими ценностями	$\frac{Д}{п}$	$\frac{43,2}{7,1}$	$\frac{56,8}{39,7}$	$\frac{0}{53,2}$	$\frac{44,2}{0}$	$\frac{55,8}{59}$	$\frac{0}{41}$
Знание и применение этноэстетических умений и технологий	$\frac{Д}{п}$	$\frac{42,3}{8}$	$\frac{57,7}{43,7}$	$\frac{0}{49,2}$	$\frac{41}{0}$	$\frac{52}{59}$	$\frac{71}{40,6}$
Личностная позиция	$\frac{Д}{п}$	$\frac{36,4}{0}$	$\frac{54,5}{45,5}$	$\frac{9,1}{54,5}$	$\frac{63,6}{0}$	$\frac{36,4}{63,6}$	$\frac{0}{36,4}$
Индивидуальный стиль общения	$\frac{Д}{п}$	$\frac{59,4}{16,3}$	$\frac{30,7}{46,7}$	$\frac{9,9}{37}$	$\frac{55}{11,2}$	$\frac{24,9}{47,5}$	$\frac{20,8}{41,2}$
Творческий потенциал личности	$\frac{Д}{п}$	$\frac{36,4}{0}$	$\frac{54,5}{45,5}$	$\frac{9,1}{54,5}$	$\frac{63,6}{0}$	$\frac{36,4}{63,6}$	$\frac{0}{36,4}$

Таблица 2

Проверка статистической значимости различий эффективности формирования этноэстетической культуры у студентов экспериментальных и контрольных групп

Критерии	Показатели	Успешность формирования ЭЭК		φ_1	φ_2	$\varphi_{\text{эмп}}$	Уровень значимости различий
		Эксп/гр	Конт/гр				
1	П1	96	72	2,739	1,987	2,658	менее 1%
	П2	92	72	2,568	1,987	2,054	от 1 до 5 %
	П3	88	68	2,416	1,939	1,687	от 1 до 5 %
	П4	88	68	2,416	1,939	1,687	от 1 до 5 %
2	П5	96	72	2,739	1,987	2,658	менее 1%
	П6	96	68	2,739	1,939	2,829	менее 1%
	П7	68	64	1,939	1,885	0,297	более 10%
3	П8	96	72	2,739	1,987	2,658	менее 1%
	П9	88	68	2,416	1,939	1,687	от 1 до 5 %
4	П10	88	72	2,416	1,987	1,517	более 6%
	П11	68	64	1,939	1,885	0,297	более 10%
	П12	88	72	2,416	1,987	1,517	более 6%

В приводимой таблице 2 используются следующие обозначения:

1. – критерий культуросообразности процесса образования в университете:

П1 – осведомленность об этноэстетических ценностях русского народа;

П2 – наличие художественно-исполнительских способностей;

П3 – эмоциональная отзывчивость на явления и произведения этнокультуры;

П4 – деятельностное отношение к произведениям этнокультуры и наличие личного художественно-исполнительского опыта;

2. – критерий этнической идентичности личности:

П5 – информированность о национальных особенностях русского народа;

П6 – отношение к своей этнической принадлежности;

П7 – деятельное погружение в этнокультурную среду;

3. – этноэстетической компетентности будущего специалиста:

П8 – восприимчивость к этноэстетической информации, владение системой этноэстетических ценностей;

П9 – знание и владение этноэстетическими умениями и технологиями;

4. – критерий продуктивно-творческой направленности в профессиональной деятельности:

П10 – личностная позиция по отношению к этноэстетическим ценностям и их применению в практической деятельности;

П11 – индивидуальный стиль общения;

П12 – творческий потенциал личности;

ф1 – табличная величина, соответствующая большей процентной доле;

ф2 – табличная величина, соответствующая меньшей процентной доле;

фэмп – эмпирическое значение критерия Фишера для оценки различий в двух выборках.

Все расчеты выполнены в табличном процессе Microsoft Excel. Проверка статистической значимости различий в экспериментальных и контрольных группах отражена в таблице 2.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что статистически значимые отличия в эффективности формирования этноэстетической культуры студентов университета в экспериментальных и контрольных группах обнаружены по десяти показателям из двенадцати. Что касается П7 – «деятельное погружение в этнокультурную среду», то статистическая значимость различий на 10% уровне значимости не позволяет судить о продуктивности формирования данного аспекта личности специалиста в университете, ведь данный показатель является длительно формируемым и может незначительно проявляться в студенческом периоде. Малый прирост показателя П11 – «индивидуальный стиль общения» обусловлен непродолжительностью (с точки зрения формирования стилевых характеристик деятельности) периода этноэстетического развития студентов в университете, индивидуальной опосредованностью и необходимостью долговременной и систематической деятельности в данном направлении.

Уровень различий значимости (более 6%) по показателям личностной позиции (П10) и творческого потенциала студентов является достаточным и свидетельствует об эффективности процесса формирования этноэстетической культуры будущих преподавателей в классическом университете в образовательном процессе специальностей социального и гуманитарного профилей. Вместе с тем, успешность развития данных показателей (по 72%) в контрольных группах приводит к выводу о том, что данные процессы являются логическим следствием профессионального становления студентов в университете.

Нам представляется важным для формирования этноэстетической культуры студентов высокий уровень различий успешности (от 1 до 5 %) по показателям П₂, П₃ и П₄ критерия культуросообразности образования, что подчеркивает значимость эмоционально-чувственного отклика и деятельного освоения явлений и произведений этнокультуры русских. Важность практического применения этноэстетических ценностей в деятельности иллюстрирует П₉ критерия этноэстетической компетентности, проявившийся на высоком уровне.

Из приведенных в таблице 2 данных видно, что очень высокий уровень значимости различий (менее 1%) наблюдается по показателям П₁, П₅, П₆ и П₈. Данный факт объясняется целенаправленностью процесса формирования этноэстетической культуры студентов, стремлением осознания нового через категории известного и, с третьей стороны, проявляется студенческая привычка усваивать новую информацию на уровне набора знаний. Осознание значимости этноэстетических ценностей, выработка отношений к ним, формирование ценностных ориентаций на творческое применение их в профессиональной деятельности и поведении, становление индивидуального стиля общения, деятельности и поведения подчеркивают логичность и значимость прово-

димой в университете деятельности по формированию этноэстетической культуры студентов. Проведенное исследование продемонстрировало, что правильно выделены и этапы формирования этноэстетической культуры студентов, подчеркивая необходимость наращивания интеллектуального багажа, затем постепенное развитие спектра этноэстетических чувств, переживаний и отношений через «прикосновение» к элементам этноэстетической деятельности, и, наконец, деятельностное ее осуществление в непосредственной практике. Таким образом, соединяется логика постижения личностью прекрасного в этнокультуре, логика процесса познания и правило профессионального роста: от знания – к умению, от умения – к мастерству.

M.I.ALDOSHINA

THE RESULT,S OF EXPERIMENT FOR DEVELOPMENT ETHNO-AESTHETIC CULTURE OF STUDENTS IN THE UNIVERSITY

The current situation in Russia in the twenty-first century in social and culture makes the problem of personal development as part of his professional education at the university. The ethno-aesthetic culture of pre-serve teachers, its structure, content, and the result,s aspect of development in the university are regarded. Charakteristike When the student,s personality classical university humanities and social science with ethno-aesthetic culture formed next criteria: cultural conformity of university education, ethnic identification, ethno-aesthetical specialist competence and productive and creative direction of personality. These criteria are manifested at different levels and characterize the qualitative and quantitative increment formed ethno-aesthetic culture among students of university on the basis of traditional ethnic culture.

Key words: culture, etnoestetika, student, university, level.

Л.В. ВОРОНКОВА*доцент кафедры общей педагогики Орловского государственного университета
Тел. (4862) 76 12 25*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖБЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ И ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ*

В статье представлено описание системы функционирования службы психолого-педагогического сопровождения как средства воспитания и охраны здоровья детей и подростков в условиях детского оздоровительного лагеря. Данная система разработана в ходе проведения научно-прикладного исследования проекта по теме «Разработка психолого-педагогического сопровождения и правового сопровождения охраны здоровья детей и подростков в условиях летнего отдыха».

Ключевые слова: детский оздоровительный лагерь, психолого-педагогическое сопровождение, психологическая служба.

В системе образования России усилиями ученых и практиков складывается особая культура поддержки и помощи ребенку в педагогическом процессе образовательного учреждения. Однако мы считаем, что данная система поддержки должна быть непрерывной и оказываться детям и подросткам и в каникулярный период, в том числе в воспитательном процессе детского оздоровительного лагеря.

В практике функционирования детских оздоровительных лагерей наметилась позитивная тенденция, направленная на решение проблемы психолого-педагогического сопровождения ребенка в условиях летнего отдыха и оздоровления и включает в себя задачи обеспечения успешной социализации, сохранения и укрепления здоровья, защиты прав детей и подростков в каникулярный период.

В условиях деятельности детского оздоровительного лагеря создание Службы психолого-педагогического сопровождения (ППС) мы рассматриваем как средство социализации и охраны здоровья воспитанников, так как деятельность Службы ППС позволяет:

- реализовывать особый вид помощи ребенку в обеспечении эффективного развития, социализации, сохранения и укрепления здоровья, защиты прав детей и подростков в условиях воспитательного процесса лагеря;
- оказывать содействие в разработке и реализации программ развития лагеря как учреждения дополнительного образования с учетом создания более благоприятных условий для развития и воспитания детей и подростков;
- создавать комплексные профилактические и коррекционные программы, направленные на преодоление психолого-педагогических проблем воспитанников.

Служба ППС в лагере организовывается как структурное подразделение, которое создается для осуществления процесса психолого-педагогического сопровождения воспитанников данного учреждения. В службу могут входить специалисты разного профиля: социальный педагог, педагог-психолог или психолог, медицинские работники, воспитатели и вожатые. Руководство службой осуществляет руководитель, назначаемый приказом начальника лагеря. Специалисты службы должны быть ориентированы на планирование совместной деятельности по сопровождению в соответствии с должност-

* Научно-исследовательская работа проводится в рамках проекта по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 года) на 2011г.

ными инструкциями. К деятельности службы могут привлекаться родители воспитанников, руководители кружков, секций, представители общественных объединений и другие заинтересованные лица.

Служба ППС в своей деятельности должна руководствоваться международными актами в области защиты прав детей: Конституцией РФ, Конвенцией ООН о правах ребенка, Декларацией ООН о правах инвалидов, Конвенцией о борьбе с дискриминацией в области образования, Всемирной декларацией об обеспечении выживания, защиты и развития детей; Законами РФ «Об образовании», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, приказами и инструкциями Министерства образования и науки РФ, а также Региональными законами и этическими кодексами психолога и социального работника, Уставом учреждения.

Основными руководящими принципами работы Службы ППС можно считать:

- приоритет интересов ребенка;
- непрерывность и комплексный подход в организации сопровождения;
- рекомендательный характер оказания помощи и услуг;
- работу по методу междисциплинарной команды.

Цель деятельности Службы ППС мы видим в организации психолого-педагогического сопровождения воспитательного процесса путем реализации комплекса превентивных, просветительских, диагностических и коррекционных мероприятий, направленных на создание условий для успешного развития, воспитания и социализации воспитанников лагеря.

При этом объектом психолого-педагогического сопровождения является воспитательный процесс, предмет сопровождения – ситуация развития ребенка, которую мы рассматриваем как систему отношений ребенка: с миром, с окружающими (взрослыми и сверстниками), с самой собой. Психолого-педагогическое сопровождение развития воспитанника детского оздоровительного лагеря может рассматриваться как сопро-

вождение отношений: их развитие, коррекция, восстановление.

Служба психолого-педагогического сопровождения в лагере создается для решения следующих задач:

- защиты прав и интересов воспитанников, обеспечения безопасных условий их психологического, физического развития и воспитания, поддержки и содействия в решении психолого-педагогических проблем;
- оказания квалифицированной комплексной диагностики возможностей и особенностей развития воспитанников с целью раннего выявления детей, требующих особого внимания специалистов для предупреждения возникновения проблем развития и воспитания в период пребывания в детском оздоровительном лагере;
- содействия ребенку в решении актуальных задач развития, воспитания, социализации: реализации программ преодоления нарушений эмоционально-волевой сферы, проблем взаимоотношений со сверстниками, педагогами;
- участия специалистов сопровождения в разработке воспитательных программ, адекватных возможностям и способностям воспитанников;
- развития психолого-педагогической компетентности всех участников воспитательного процесса: воспитанников, педагогов, родителей;
- содействия укреплению взаимопонимания и взаимодействия между всеми субъектами воспитательного процесса и помощи педагогическому коллективу в оптимизации социально-психологического климата детского оздоровительного лагеря;
- оказания психолого-педагогической помощи родителям (лицам, их заменяющим), воспитателям, требующих особого внимания специалистов;
- организации консультативно-просветительской работы среди воспитанников, педагогических работников, родителей;
- проведения профилактической работы и пропаганды здорового образа жизни среди воспитанников, педагогов и родителей;
- участия специалистов сопровождения в психолого-педагогической экспертизе профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования, воспитателей, вожатых, а

также воспитательных программ и проектов, методических пособий и иных средств воспитания.

Эти задачи определяют основные направления деятельности Службы психолого-педагогического сопровождения:

- **психолого-педагогическая диагностика** – проведение исследований социально-психологического климата детского коллектива; определение индивидуальных особенностей и склонностей воспитанников и их потенциальных возможностей в процессе воспитания и оздоровления, а также выявление причин нарушений в развитии, социальной адаптации к условиям лагеря; выявление потенциальных и реальных групп социального риска;

- **психокоррекционная работа**, которую мы рассматриваем как совместную деятельность педагога-психолога, социального педагога, воспитателей детского оздоровительного лагеря по разработке психокоррекционных программ воспитания;

- **организация и проведение социально-психологических тренингов**, ролевых игр, групповых дискуссий среди воспитанников детского оздоровительного лагеря, педагогического коллектива по развитию общих и специальных способностей участников образовательного процесса;

- **психолого-педагогическое и медико-социальное просвещение** участников воспитательного процесса с целью создания условий для полноценного личностного развития и самоопределения, оздоровления воспитанников, а также для своевременного предупреждения возможных нарушений в становлении личности и развития способностей воспитанников;

- **социально-педагогическое и психологическое консультирование** участников воспитательного процесса детского оздоровительного лагеря по различным психолого-педагогическим и социально-медицинским проблемам, вопросам самоопределения, личностного роста, взаимоотношений;

- **исследование социума детского оздоровительного лагеря** с целью изучения его воспитательного потенциала и организации воспитательной деятельности;

- **социально-педагогическая и психологическая профилактика** возможных неблаго-

получий в детско-подростковой среде в условиях воспитательного процесса лагеря, предупреждение явлений дезадаптации воспитанников, фактов асоциального поведения; разработка рекомендаций педагогам по оказанию помощи в вопросах воспитания и развития; пропаганда здорового образа жизни;

- **организационно-методическая деятельность** – проведение организационно-методической и научно-методической работы (анализ и обобщение результатов психолого-педагогического сопровождения, разработка рекомендаций по его совершенствованию, обработка материалов научных исследований); участие в семинарах-практикумах, конференциях по проблемам воспитания и социализации; участие в разработке и реализации программ оздоровления воспитанников с учетом состояния их здоровья; организация и проведение семинаров, тренингов и консультаций по овладению инновационными методиками; формирование банка данных достижений отечественной и зарубежной науки и практики по психолого-педагогическому сопровождению.

Служба психолого-педагогического сопровождения должна работать по данным направлениям в тесном контакте с воспитателями и администрацией детского оздоровительного лагеря, учреждениями и организациями образования, здравоохранения, социальной защиты семьи и детства, органами опеки и попечительства, органами внутренних дел и прокуратуры, общественными организациями, оказывающими помощь образовательным учреждениям в воспитании и развитии воспитанников.

Об эффективности деятельности службы психолого-педагогического сопровождения воспитанников лагеря можно судить по следующим критериям:

- Востребованность услуг по психолого-педагогическому сопровождению детей со стороны родителей, воспитателей, детей и подростков, которые могут определяться по количеству оказанных услуг (консультации, приемы, занятия, тренинги, семинары и пр.).

- Реализации программ психолого-педагогического сопровождения: системно-ориентированных, индивидуально-ориентированных, профилактических, коррекционных, развивающих, комплексных и пр.

- Наличие разнообразных форм сопровождения детей: индивидуальных, групповых.

- Соблюдение процедур учета детей, нуждающихся в психолого-педагогическом сопровождении и результатов сопровождения. Определение ответственности и полномочий специалистов по сопровождению, а также критериев эффективности работы по каждому направлению и их соблюдения.

- Наличие необходимых для работы специалистов средств, материально-техническое оснащение реализуемых программ, документации, отражающей работу специалистов Службы ППС в детском оздоровительном лагере.

- Управляемость процессов сопровождения, наблюдение за реализацией программ. Внутренний аудит, позволяющий оценить качество работы специалистов на основе разработанной концепции сопровождения.

В деятельности Службы психолого-педагогической службы лагеря должна быть предусмотрена ответственность специалистов. Мы считаем, что специалисты службы могут нести ответственность за:

- неисполнение или ненадлежащее исполнение без уважительных причин Устава и Правил внутреннего трудового распорядка детского оздоровительного лагеря, законных распоряжений руководителя Службы ППС и иных локальных нормативных актов, должностных обязанностей;

- жизнь и здоровье детей во время проведения занятий;

- необоснованное вынесение заключения по обследованию ребенка в рамках своей компетенции, повлекшее за собой ухудшение физического или психического здоровья последнего;

- соблюдение прав и свобод личности ребенка;

- конфиденциальность полученных при обследовании материалов;

- ведение документации и ее сохранность;

- соблюдение трудовой дисциплины, правил санитарии и противопожарной безопасности.

Деятельность специалистов службы может быть ориентирована на следующие категории детей, нуждающихся в психолого-педагогическом сопровождении в детском оздоровительном лагере:

- дети из семей «группы риска»;

- дети с нарушениями эмоционально-волевой сферы;

- дети, попавшие в трудную жизненную ситуацию;

- дети с трудностями адаптации к условиям детского оздоровительного лагеря;

- дети с социально-педагогической запущенностью;

- дети с проблемами в общении;

- дети и подростки с отклоняющимся поведением;

- дети с особыми образовательными потребностями;

- отдельные группы воспитанников в случае возникновения ситуации межличностного конфликта.

Получив социальный запрос от воспитателей или родителей, специалист Службы планирует и организует процесс индивидуального сопровождения ребенка в воспитательном процессе детского оздоровительного лагеря в 4 этапа:

I этап. Постановка проблемы. Цель: выявление предмета психологического воздействия и коррекционной работы, подтверждение обоснованности/необоснованности жалоб воспитателей лагеря или родителей.

Уровни адекватности запроса могут различаться:

- жалоба полностью необоснованна, главная проблема – в личностных особенностях родителей, воспитателей или неадекватности их восприятия;

- жалоба обоснованна, главная причина поведения ребенка – во взаимоотношениях с взрослыми (воспитателями);

- жалоба обоснованна, главная причина поведения ребенка – в нарушении межличностных отношений в детском коллективе.

Затем происходит выдвижение гипотезы относительно причин и характера проблемы, заставившей обратиться к психологу. Это происходит в процессе сбора информации о воспитаннике и базовой диагностики.

В результате оказываются возможными:

- дифференциация нормы и патологии психического развития ребенка;

- определение состояния психологического здоровья ребенка;

- выявление зоны актуального и ближайшего развития ребенка;
- изучение особенностей личности;
- выявление содержания внутреннего конфликта.

II этап. Уточнение проблемы. Его задачами являются:

- дифференциальная психологическая диагностика с целью выявления психологической структуры нарушения и выбора в соответствии с этим оптимальной стратегии корректирующего воздействия на ребенка;
- разработка стратегии сопровождения ребенка.

В ходе разработки стратегии сопровождения осуществляется выбор:

- а) направлений коррекционно-развивающего воздействия на ребенка (коррекция поведения, нарушений психологического развития и др.);
- б) сферы психологического воздействия на социум (коррекция отношений воспитанника с взрослыми и отношений со сверстниками).

Параллельно начинается работа по консультированию педагогов-воспитателей, администрации, родителей, которая позволяет создать оптимальные условия для осуществления системной групповой и индивидуальной коррекционно-развивающей работы с ребенком. Значительная доля рабочего времени психолога при этом отводится анализу результатов комплексного сопровождения развития ребенка в лагере и просвещению педагогов и родителей.

III этап. Решение проблемы. Данный этап начинается с диагностики развития ребенка, которая позволяет определить:

- уровень его воспитанности;

– потенциал воспитательной среды, позволяющей оптимизировать процесс комплексного сопровождения развития ребенка. Параллельно осуществляется корректирующий контроль — уточнение, дополнение, изменение средств и методов коррекционно-развивающего и педагогического воздействия на ребенка и его среду. Заканчивается данный этап работы подведением итогов работы. В это время осуществляется анализ и оценка:

- организационно-методического обеспечения образовательного и коррекционного процесса в лагере;
- организации взаимодействия с воспитателями и их обучения.

Затем разрабатываются и оформляются рекомендации по координации деятельности и взаимодействия специалистов, воспитателей лагеря, уточняются рекомендации по организации работы с ребенком с учетом динамики развития и воспитания ребенка. Проводится коррекционная или развивающая работа, направленная на решение проблемы конкретного ребенка или группы воспитанников.

IV этап. Рефлексия деятельности психолога и специалистов Службы, которая завершает весь цикл его работы, которая направлена на определение соответствия результатов поставленным целям работы (текущим, итоговым, отдаленным) и выявление факторов, препятствующих его эффективной работе.

Данная система работы была апробирована на базе детских оздоровительных центров Орловской области и подтверждена её эффективность.

L.V. VORONKOVA

THE SENIOR LECTURER OF CHAIR OF THE GENERAL PEDAGOGICS OF THE ORYOL STATE UNIVERSITY

In article the description of system of functioning of service of psihologo-pedagogical support as means of education and health protection of children and teenagers in the conditions of a children's recreation camp is presented. The given system is developed during carrying out scientifically-applied research the project on a theme «Working out of psihologo-pedagogical support and legal support of health protection of children and teenagers in the conditions of summer holiday».

Key words: a children's recreation camp, psihologo-pedagogical support, psychological service.

Т.О. ЕСИПОВА

аспирант кафедры технологий психолого-педагогического и специального образования Орловского государственного университета

E-mail: yesipova83@rambler.ru

Тел. 8 903 029 98 65

Л.М. СЕМЕНОВА

кандидат биологических наук, профессор кафедры технологий психолого-педагогического и специального образования Орловского государственного университета

E-mail: semenova03@yandex.ru

Тел. 8 910 265 57 94; 43 50 66

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье представлена авторская методика изучения педагогической компетентности родителей, воспитывающих детей с задержкой психического развития. Описана система оценки личностного, теоретического, практического компонентов, приведены соответствующие методики.

Ключевые слова: компетентность, педагогическая компетентность, задержка психического развития, методика, изучение.

Проблема организации сотрудничества дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) с семьями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья, ставит перед специалистами задачи накопления и расширения диагностического и методического инструментария в области работы с родителями. Изучение педагогической компетентности родителей, воспитывающих детей с задержкой психического развития (ЗПР), является необходимым звеном в организации взаимодействия с семьями воспитанников специализированных групп.

Педагогическая компетентность родителей представляет собой системное образование, совокупность определенных характеристик личности родителя и его педагогической деятельности, обуславливающих возможность эффективно осуществлять процесс воспитания ребенка в семье.

В этой связи нами была разработана методика изучения педагогической компетентности

родителей, воспитывающих детей с ЗПР, которая включает в себя оценку состояния ее компонентов: личностного, теоретического и практического, – по соответствующим им критериям.

Сформированность личностного компонента педагогической компетентности родителей оценивается по таким критериям, как *отношение родителей к своему ребенку, имеющему задержку психического развития, и готовность родителей к сотрудничеству с ДОУ*. В основу оценки сформированности теоретического компонента положены критерии наличия у родителей представлений о задержке психического развития и знаний об особенностях развития собственного ребенка. Критериями сформированности практического компонента являются *сформированность воспитательских умений родителей и педагогическая эффективность их взаимодействия со своими детьми*.

Личностный компонент. Характеристика родительского отношения к детям определяется на основе наблюдения за поведением родителей в ситуациях взаимодействия с детьми, а также с помощью опросника «ОРО» А.Я. Варги, В.В. Столина (адаптированного с учетом особенностей развития детей с ЗПР). Изучение *готовности родителей к сотрудничеству с ДОО* осуществляется в ходе наблюдения и анкетирования родителей и проводится по критериям, предложенным О.Б. Дудко (адекватность восприятия родителями психофизического состояния ребенка, понимание необходимости оказания коррекционной помощи, интерес к содержанию коррекционно-образовательного процесса в ДОО, продуктивность выполнения рекомендаций специалистов, степень проявления родителями инициативы в вопросах сотрудничества).

Полученные в ходе эмпирического исследования данные позволили нам описать уровни сформированности по каждому из критериев личностного компонента педагогической компетентности родителей:

• *отношение родителей к ребенку, имеющему ЗПР*

– высокий уровень: родителю ребенок нравится таким, каков он есть; он уважает индивидуальность ребенка, симпатизирует ему; стремится много времени проводить с ребенком, одобряет его интересы и планы; заинтересован в делах ребенка, стремится во всем помочь, сочувствует и сопереживает ему, адекватно и высоко оценивает интеллектуальные и творческие способности ребенка; испытывает чувство гордости за него; поощряет инициативу, самостоятельность ребенка, старается быть с ним на равных; доверяет ребенку, пытается понять и принять его точку зрения в спорных вопросах;

– средний уровень: родитель стремится удовлетворять все потребности ребенка, оградить его от трудностей и неприятностей жизни; постоянно ощущает тревогу за ребенка, ребенок кажется ему маленьким и беззащитным; не предоставляет ребенку самостоятельности; стремится инфантилизировать ребенка, приписывая ему личностную и социальную несамостоятельность; видит ребенка младшим по сравнению с реальным возрастом; интересы, увлечения, мысли, чувства ребенка кажутся родителю детскими, не-

серьезными; не доверяет своему ребенку, досаждает на его неуспешность и неумелость; старается оградить ребенка от трудностей жизни и строго контролировать его действия;

– низкий уровень: родитель считает ребенка плохим, неприспособленным, незадачливым; ему кажется, что ребенок не добьется успеха в жизни из-за низких способностей, небольшого ума, дурных наклонностей; низко оценивает его индивидуальные возможности; испытывает к ребенку злость, досаду, раздражение, обиду; не доверяет ребенку, не уважает его; требует от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины или полностью игнорирует его желания, потребности, возможности; безответственно относится к процессу воспитания и развития или, наоборот, старается во всем навязать свою волю, пристально следит за социальными достижениями ребенка и требует социального успеха.

• *готовность родителей к сотрудничеству с ДОО*

– высокий уровень: родители адекватно воспринимают психофизическое развитие ребенка и необходимость коррекционного воздействия; интересуются содержанием коррекционно-воспитательной работы; выполняют рекомендации специалистов; проявляют и поддерживают инициативу в вопросах сотрудничества;

– средний уровень: родители согласны с наличием у ребенка проблем психофизического развития и необходимостью коррекционной помощи; проявляют нестойкий интерес к ее содержанию; периодически выполняют рекомендации; поддерживают инициативу сотрудничества, участвуют редко, ссылаясь на занятость;

– низкий уровень: родители не согласны с наличием проблем психофизического развития у ребенка; не возражают против коррекционного воздействия, но к содержанию его интереса не проявляют; рекомендации не выполняют; равнодушны к инициативе других в вопросах сотрудничества, редко участвуют в мероприятиях.

Теоретический компонент. *Представления родителей о задержке психического развития как виде нарушения и их знания об индивидуально-психологических особенностях своего ребенка оцениваются* в ходе диагностических бесед, наблюдений за поведением родителей при обсуждении проблем семейного воспитания, на

анализе запросов родителей, а также с помощью авторских опросов «Представления родителя о своем ребенке», «Изучение педагогических знаний родителей, воспитывающих детей с ЗПР», «Изучение специальных знаний родителей, воспитывающих детей с ЗПР».

Полученные в ходе проведения экспериментального изучения данные позволили нам описать уровни сформированности по каждому из критериев теоретического компонента педагогической компетентности родителей:

- *представления родителей о сущности и причинах задержки психического развития*

- высокий уровень: у родителей сформированы развернутые представления о задержке психического развития как виде отклонения в развитии, ее причинах, проявлениях и реалистичные представления о психологических особенностях детей с ЗПР;

- средний уровень: у родителей присутствуют ограниченные, но верные представления о сущности и причинах задержки психического развития и психологических особенностях детей с ЗПР;

- низкий уровень: у родителей есть фрагментарные либо ошибочные представления о сущности и причинах задержки психического развития.

- *знания родителей об индивидуально-психологических особенностях своего ребенка*

- высокий уровень: у родителей сформированы широкие и реалистичные представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка, его способностях, возможностях, склонностях, потенциале развития;

- средний уровень: у родителя есть неполные и (или) недостаточно объективные представления об индивидуально-психологических особенностях своего ребенка, его способностях, возможностях, склонностей, потенциале развития;

- низкий уровень: у родителей отсутствуют представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка, или они имеют крайне неадекватный характер.

Практический компонент.

Сформированность воспитательских умений родителей, воспитывающих детей с ЗПР, изучается с помощью анкеты «Определение воспита-

тельских умений у родителей детей с отклонениями в развитии», разработанной В.В. Ткачевой. Педагогическая эффективность взаимодействия родителей со своими детьми определяется на основе результатов наблюдения за поведением родителей в ситуациях взаимодействия с детьми по критериям эффективности педагогического взаимодействия, предложенным Я.В. Крючевой.

Собранные нами данные позволили описать уровни сформированности по каждому из критериев практического компонента педагогической компетентности родителей:

- *сформированность воспитательских умений родителей*

- высокий уровень: родители демонстрируют эмоциональное приятие своего ребенка, понимают его проблемы, адекватно взаимодействуют с ним;

- средний уровень: родители демонстрируют эмоциональное приятие своего ребенка, но недостаточно понимают его проблемы и (или) не умеют находить адекватные формы взаимодействия с ним;

- низкий уровень: родители эмоционально отвергают своего ребенка, не понимают его проблемы и (или) неадекватно с ним взаимодействуют.

- *педагогическая эффективность взаимодействия родителей с ребенком*

- высокий уровень: родители взаимодействуют со своими детьми педагогически эффективно;

- средний уровень: родители взаимодействуют со своими детьми педагогически малоэффективно;

- низкий уровень: родители взаимодействуют со своими детьми педагогически неэффективно.

Выделенные качественные характеристики должны выступать в единстве с количественными. В связи с этим предложенная система уровней по каждому из критериев сформированности компонентов педагогической компетентности родителей ранжировалась по 3-х балльной системе: высокий уровень – 3 балла, средний уровень – 2 балла, низкий уровень – 1 балл.

Суммарная оценка по каждому из критериев компонента определяет уровень его сформированности: оценка 5-6 баллов говорит о высоком

уровне сформированности компонента, 4 балла – о среднем, 2-3 балла – о низком уровне сформированности компонента.

Итоговая суммарная оценка баллов всех компонентов (личностного, теоретического и практического) констатирует уровень педагогической компетентности родителя: высокий уровень – 15-18 баллов, средний – 10-14 баллов; низкий – 6-9 баллов.

Разработанная методика позволяет не только определить общий уровень педагогической компетентности родителя, но и изучить состояние каждого из ее компонентов, что имеет большое практическое значение при организации работы специалистов с семьями, воспитывающими детей с задержкой психического развития.

T.O. ESIPOVA, L.M. SEMENOVA

**THE METHODS OF STUDYING THE PEDAGOGICAL COMPETENCY
OF PARENTS BRINGING UP CHILDREN
WITH IMPAIRED MENTAL FUNCTION**

In article the author's technique of research of pedagogical competence of the parents who are bringing up children with a delay of mental development is presented. The system of an estimation of personal, theoretical, practical components is described, corresponding techniques are resulted.

Key words: the competence, the pedagogical competence, the delay of mental development, the technique, the research.

О.С. ЕФИМЧУК*старший преподаватель кафедры
английского языка Северо-Восточного
государственного университета**E-mail: efemchuk@mail.ru**Тел. 8 914 852 12 52, (4132) 65 77 94*

ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСОБОЕ КАЧЕСТВО СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

В статье представлены результаты анализа российских и зарубежных исследований по проблеме формирования в процессе обучения у студентов вуза лидерского потенциала как особого неотъемлемого качества современного специалиста.

Ключевые слова: современный специалист, потенциал, лидер, лидерский потенциал.

В современных условиях перехода российского общества к обществу «экономики знаний» задачи реорганизации высшего образования, перевода его в режим инновационного развития встают особенно остро. Одно из первых мест в решении этих задач занимает разработка модели современного специалиста, соответствующего новым потребностям рынка труда. Переломное десятилетие 1990-х, изменившее как экономическую, так и социокультурную ситуацию в стране, возымело свои последствия на мировоззрение и систему ценностей нового поколения. Состояние всех сфер общественной жизни диктует конкурентные условия для специалиста, выходящего из стен высшей школы: сегодня наличие диплома о высшем образовании не является гарантом стабильности и будущего благополучия. Более того, текущие и грядущие реформы системы высшего образования ставят выпускника школы перед непростым выбором в определении своей будущей профессиональной деятельности с необходимостью учитывать возможные варианты переквалификации и предвидеть возможные трудности в связи с постоянно меняющимися требованиями, предъявляемыми на рынке труда.

Анализ диссертационных исследований, посвященных проблеме подготовки специалистов (Г.Л.Абдулгамидовой, Н.Л.Горчаковой, У.А. Комаровой, Е.В.Киприяновой, М.Г.Макараченко, И.Е.Брыксиной, В.А.Сухова и др.), позволяет сделать вывод о том, что под *современным*

специалистом может пониматься специалист в определенной области, обладающий рядом сформированных компетенций, задатками дипломата, аналитика и предпринимателя, отличающийся аккуратностью, тщательностью, высоким чувством ответственности, имеющий развитое чувство перспективы – видение того, к чему нужно стремиться, демонстрирующий страстность – одержимость своей целью, эмоциональную вовлечённость, убедительность – умение добиться своего, настойчивость – умение никогда не сдаваться, терпение – умение ждать подходящего момента, в случае неудачи способный предпринимать новые попытки, не спеша продумывать все последующие шаги, быть честным – всегда говорить правду, быть сдержанным, но неприжженным, уметь слушать, быть инициативным, обладать умением мотивировать других, самому обладать высокой мотивацией, быть ответственным, организованным и целеустремленным.

На практике большинство молодых людей, получающих образование в вузе в рамках переформулированного в стандарт компетентности «знаниевого» подхода, по окончании обучения демонстрируют неготовность к самостоятельной жизнедеятельности в современном обществе, неадекватно оценивают социокультурную ситуацию, не уверены в себе.

Возникает противоречие между потребностью общества и рынка труда в специалистах новой формации с четкими *жизнеутверждающими*

позициями, задатками лидера и определённой системой ценностей и недостаточной разработанностью в педагогической науке теории и практики формирования у молодого поколения этих необходимых качеств в процессе обучения.

Проблема нашего исследования состоит в поиске ответа на вопрос, каким образом сформировать у студентов качества, необходимые для их дальнейшего самоутверждения в жизни, в процессе обучения? Обозначим совокупность этих качеств как «потенциал» обучающихся.

В большом толковом социологическом словаре Д. Джери и Дж. Джери «*потенциал*» рассматривается как совокупность навыков, знаний или способностей отдельных людей, организаций или секторов в отношении выполнения определенных ролей или изготовления конкретной продукции [3].

Анализ ряда психологических и социологических исследований «потенциала» человека (В.Н.Маркова, Б.М.Теплова, Н.С.Лейтес, С.Л.Рубинштейна, Р.Л.Кричевского, Т.И.Артемьевой, Е.В.Кудряшова, Б.Д.Парыгина, В.И.Добренкова и др.) показал, что данное понятие предполагает совокупность качеств субъекта, которая выполняет функцию «реализации» субъекта, то есть обеспечивает и определяет эффективность осуществления субъектом (работником) в данных объективных условиях всех видов жизнедеятельности. В потенциал в данном аспекте рассмотрения входят две составляющие: *деловой ресурс* и *личностный ресурс*.

Деловой ресурс включает в себя: способности – своеобразную выраженность тех или иных индивидуально-психологических особенностей, психических процессов, состояний, обуславливающих успешность выполнения определенной деятельности и возможности – социально-психологическую атмосферу, условия жизни, ситуации, которые способствуют или препятствуют реализации той или иной профессиональной деятельности.

Личностный ресурс включает в себя: мировоззрение и мотивацию самореализации. «Словарь психолога-практика» С.Ю. Головина определяет мировоззрение как систему взглядов на объектный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные

этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации [4]. Рассматривая мотивацию как психологическую категорию, многие российские и зарубежные ученые (Б.Г. Ананьев, С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, И.А.Зимняя, Н.В.Бордовская, А.А.Реан, Л.И.Божович А.Маслоу и др.) говорят о «мотиве» и «мотивационной сфере личности», где «мотив» уже, а «мотивационная сфера» шире понятия «мотивация». Проанализировав работы, посвященные проблеме мотивации, в рамках исследования мы выделили следующее определение мотивации – это внутреннее побуждение личности к тому или иному виду активности, и констатировали, что именно мировоззрение и мотивационные потребности в самореализации личности побуждают развитие интеллектуальных, познавательных способностей и креативности и определяют ценностную основу деятельности личности.

Таким образом, включая в себя способности, возможности, мировоззрение и мотивацию самореализации, понятие «*потенциал обучающихся*» неразрывно связано с процессом развития, становления и самореализации личности в профессиональной сфере как на уровне освоения и совершенствования каких-либо профессиональных навыков и умений, так и на уровне внутреннего развития и роста.

В научной литературе выделяют различные виды «потенциала»: лидерский, творческий, научный, исследовательский, образовательный и др. Возвращаясь к качествам, заявленным среди необходимых для молодого специалиста, особый интерес в рамках нашего исследования представляет развитие «*лидерского потенциала*».

Определение понятия «*лидер*», а также отличительные черты лидера и руководителя, которые официально утвердились в науке в советский период, были выделены Парыгиным Б.Д.: «Лидером является такой член малой группы, который выдвигается в результате взаимодействия членов группы для организации группы при решении конкретной задачи. Он демонстрирует более высокий, чем другие члены группы, уровень активности, участия, влияния в решении данной задачи. Таким образом, лидер выдвигается в конкретной ситуации, принимая на себя опреде-

ленные функции. Остальные члены группы принимают лидерство, т.е. строят с лидером такие отношения, которые предполагают, что он будет вести, а они будут ведомыми. Лидерство необходимо рассматривать как групповое явление: лидер немаловажен в одиночку, он всегда дан как элемент групповой структуры, а лидерство есть система отношений в этой структуре. Поэтому феномен лидерства относится к динамическим процессам малой группы. Этот процесс может быть достаточно противоречивым: мера притязаний лидера и мера готовности других членов группы принять его ведущую роль могут не совпадать».¹

Немов Р.С. рассматривает понятие «лидер» следующим образом – это член социальной группы, чей авторитет, власть и полномочия безоговорочно признаются остальными членами этой группы, находящимися под его психологическим влиянием и готовыми следовать за ним [7, с.483]. Абрамова Г.С. говорит о лидере, как о человеке, который в живом слове формулирует цели группы как проявление одновременно группового и индивидуального сознания [1, с.261]. Бухарова Г.Д. определяет лидера как члена группы, за которым группа признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях [4, с.464]. Артемьева Т.И. указывает на лидера как на авторитетного члена некоего сообщества, имеющего перед собой ясную, достижимую цель и который может координировать деятельность других для достижения этой цели [2, с.121]. Кудряшова Е.В., сравнивая лидера с руководителем, считает первого менее стабильным и в большей степени зависящим от настроения в группе. Руководство подчиненными обеспечивается определенной системой различных санкций, которых в руках лидера нет, а процесс принятия решения руководителем сложен и опосредован множеством обстоятельств, не обязательно коренящихся в данной группе, в то время как лидер принимает решения непосредственно сам [6, с.98].

Таким образом, анализ работ названных исследователей, посвященных проблеме лидерства, позволил нам прийти к выводу о том, что лидер – это член группы с *наивысшим социометрическим статусом, наиболее авторитетная личность*, за которой признается центральная роль при приня-

тии групповых решений и организации совместной деятельности.

В этом контексте «*лидерский потенциал*» рассматривается нами как *особое качество*, которое обеспечивает и определяет эффективность осуществления деятельности личности в конкретных объективных условиях, с целью завоевать авторитет у подчиненных через свой личностный и деловой ресурсы.

Однако множество работ зарубежных исследователей (П.Друкера, Р.Дилтса, Р.Перо, Дж. Рона, Х. Сильва, М. Фишера, А. Залезника и др.), посвященных социальному портрету современного лидера, убеждают нас в том, что лидер не только «заставляет других делать то, что он хочет, так, чтобы они думали, будто сами хотят делать это», но и стремится быть первым во всем, постоянно *самосовершенствуясь* и стремясь раскрыть все свои таланты и способности в наибольшей степени. Описывая биографию и анализируя успехи и достижения таких выдающихся предпринимателей, как У.Дисней, Г.Форд, Б.Гейтс, М.Бауэр, Дж.Уэлч, М.Делли и других, вышеуказанные авторы называют лидером человека, который «*построил себя сам*». Американский философ Джим Рон пишет: «Настоящие лидеры в семье или в работе привлекают талантом, опытом и возможностями, которые у них есть. Лидерами просто становятся, если у вас есть желание, кто-то, заметив это, поощряет вас, дает вам возможность самореализации, следовательно, вы сможете реализовать свои способности».²

Также в работах этих зарубежных авторов мы находим целый ряд качеств, способностей и умений, которыми должен обладать лидер для постоянного успеха во всех сферах: харизматичность, энтузиазм, целеустремленность, амбициозность, взаимоуважение, решительность, вера в свои силы, лояльность, юмор, дружелюбие, пунктуальность, деликатность, самокритичность, способность всегда выполнять свои обещания, способность эффективно и внушительно общаться, способность находить компромисс и мотивировать коллег, способность адаптироваться к любой среде, умение предвидеть будущие перспективы, умение извлекать необходимые сведения из информационных потоков, эффективно соизмерять свои идеи, планы, мысли с

¹ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. С.340.

² Рон Дж. Витамины для ума. Курск: Кентавр, 2003. С. 80-81

окружающей реальностью, умение демонстрировать безупречные манеры и стиль в одежде.

Таким образом, анализ российских и зарубежных исследований показал, что само понятие «лидер» рассматривается исследователями разных стран по-разному. Российские исследователи, опираясь на опыт советского периода, по-прежнему рассматривают лидера как неотъемлемую часть малой группы, немислимую без нее. Зарубежные же исследователи в лидере видят успешного, самодостаточного человека, обладающего рядом положительных качеств, стремящегося к постоянному самосовершенствованию и саморазвитию. Именно такой тип современного специалиста востребован сегодня на рынке труда нашей страны.

Вероятно поэтому, как свидетельствует анализ современной прессы, многие российские компании, уделяя все больше внимания повышению эффективности своей деятельности, уже сейчас привлекают специалистов из других стран, что-

бы они не только принесли с собой недостающие знания и навыки, но и внесли свой вклад в перестройку работы компаний и развитие лидерства.

В связи с этим одним из путей решения заявленной в нашем исследовании проблемы является разработка и применение таких методов, приемов и средств в процессе обучения, которые бы способствовали развитию качеств, необходимых для дальнейшего самоутверждения студентов в жизни. Мы полагаем, что опытно-экспериментальной проверке подлежит гипотеза об эффективности интерактивной модели обучения, основанной на принципе субъектной активности студентов. Этот процесс обучения будет основан на принципе отношений «взрослый-взрослый» между преподавателем и студентом и принципе обратной связи субъектов образовательного процесса.

Названная интерактивная модель обучения старшекурсников направлена на развитие лидерского потенциала студентов в процессе обучения.

Библиографический список

1. *Абрамова Г.С.* Общая психология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2002. 496 с.
2. *Артёмьева Т.И.* Методологический аспект проблемы способностей. АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука, 1977. 184 с.
3. Большой толковый социологический словарь: В 2 т.: русско-англ., англо-русский / Сост. Д.Д. Джери, Дж. Джерри. М.: ВечеАст, 1999. Т 2: 528 с.
4. *Бухарова Г.Д.* Системы образования: учебное пособие / Г.Д. Бухарова, О. Н. Арефьев, Л.Д. Старикова. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 475 с.
5. *Добренков В.И.* Социология: Учебник/ В.И. Добренков, А.И. Кравченко М.: ИНФРА М, 2003. 623 с.
6. *Кудряшова Е.В.* Лидер и лидерство (Исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли). Архангельск: Изд-во Поморского межд-го педагогического ун-та им. М.В.Ломоносова, 1996. 145 с.
7. *Немов Р. С.* Психология. Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. В 2 кн. Кн.2 Психология образования. М.: Просвещение: Владос, 1994. 496 с.
8. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 348 с.
9. *Рон Дж.* Витамины для ума. Курск: Кентавр, 2003. 100 с.
10. *Словарь психолога-практика.* /Сост. С.Ю.Головин. 2-е изд. перераб. и доп. Минск: Харвест, 2005. 975 с.

O.S. EFIMCHUK

**LEADERSHIP POTENTIAL AS AN INDISPENSABLE
TRAIT OF A MODERN SPECIALIST.**

Annotation: The article presents the analysis of Russian and foreign researches on the point of forming such an indispensable trait of a modern specialist as leadership potential during the studying process.

Key words: modern specialist, potential, leader, leadership potential.

Н.В. ЕФРЕМИЧЕВА

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры декоративно-прикладного искусства
и технической графики Орловского
государственного университета
E-mail: efremicheva@mail.ru
Тел. 8 920 827 12 77

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ ХУДОЖНИКА-ПЕДАГОГА

В статье предлагается теоретическое обоснование модели компетенций выпускника с художественно-педагогическим образованием, основанное на анализе концепций Д. Мак Клееланда, Р. Бояциса, Л. и С. Спенсеров, Т. Дюрана; исследования предложений разработчиков компетентностного подхода; изучение квалификационных требований государственных образовательных стандартов; исследования научно обоснованных аспектов художественной деятельности с учетом ее специфики и особенностей различных видов искусства, а также собственного профессионального опыта.

Ключевые слова: модель компетенций, художник-педагог, личность, профессиональная деятельность.

Следует обратить внимание, что основная цель модернизации всей системы образования заключается в разработке такой модели подготовки специалиста, уровень компетентности которого удовлетворял бы запросам как самого обучающегося, так и всех социальных партнеров. Сегодня рынок труда нуждается не просто в узкоспециализированных работниках, владеющих некоторым набором знаний, умений, навыков и способов деятельности, а в сотрудниках, обладающих определенными личностными качествами и проявляющих эффективное поведение в процессе разрешения проблем и задач профессиональной деятельности, что и определяется как компетентность работника.

Предложение по изучению компетенций для прогнозирования уровня эффективности выполнения работы («человек в работе») впервые было сделано Дэвидом Мак Клееландом, американским психологом. Ученый в 1973 году в статье «Измерение компетентности вместо измерения интеллекта» делает вывод о том, что традиционные академические тесты способностей и знаний, как и наличие каких-либо дипломов у потенциальных исполнителей работы, не обеспечивают эффективности выполнения ими рабочих

обязанностей и успеха в профессиональной деятельности [1].

Уровень выполнения работы автор напрямую связывает с наличием у ее исполнителя определенных «компетенций» – как характеристик, отличающих и прогнозирующих эффективность выполнения этой работы. Для сравнительного анализа компетенций он изучал характеристики успешных исполнителей работы и характеристики, которые демонстрируют менее успешные исполнители той же работы.

Большая роль в разработке концепции модели компетенций специалиста принадлежит Ричарду Бояцису, который предложил модель компетенций эффективной работы менеджеров. Результаты исследований он обобщил в монографии «Компетентный менеджер. Модель эффективной работы», опубликованной в 1982 году [4].

Предложенная Р. Бояцисом модель эффективного выполнения работы базируется на трех составляющих: компетенции исполнителя, функциональные требования самой работы, а также требования организационного окружения (культура организации). Таким образом, компетенции, необходимые для эффективного выполнения работы, не имеют решающего значения, если не

соответствуют функциональным требованиям самой работы и культуре организации. В результате проведенного исследования автором был предложен перечень компетенций, которыми должен обладать менеджер, причем исполнительские компетенции являются результирующими и интегрируют в себе: природные, адаптивные и приобретенные (Рис. 1).

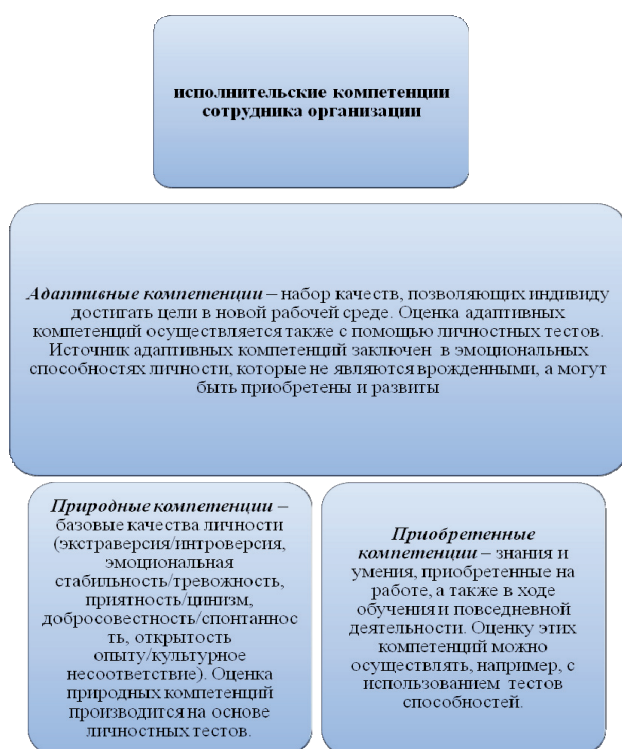

Рис.1 Модель компетенций (Ричард Бояцис)

Таким образом, в поведении специалиста интегрируются и проявляются теоретические знания (полученные в процессе обучения и работы), опыт решения проблем и проблемных ситуаций (в повседневной деятельности, работе и обучении), а также опыт социального взаимодействия человека со средой через проявление его личностных качеств. Психологи отмечают положительную связь развитости эмоциональной сферы личности (мотивация, самоанализ, эмпатия, коммуникабельность, эмоциональная устойчивость) и эффективности ее профессиональной деятельности.

Одним из фундаментальных исследований компетенций считают работу Лайла и Сайн Спенсеров [9]. Спенсеры позиционируют компетенции как базовые качества личности, влияющие

на эффективное и/или выдающееся выполнение работы, уровень которой определяется конкретными критериями. К базовым качествам они относят: мотивы, психофизиологические характеристики и способности, «самообраз человека», то есть его установки и ценности, а также знания, умения и навыки (Рис. 2).

Рис.2 Поверхностные и глубинные компетенции (Л. и С. Спенсеры)

Знания, умения и навыки (ЗУНы) авторы рассматривают как поверхностные компетенции, которые достаточно просто развить у исполнителей. Другие, глубинные компетенции – психофизиологические характеристики, способности и мотивы очень сложно оценивать и развивать. Однако, если в основу компетенции положен самообраз человека, то ее можно развивать в процессе психокоррекции, тренингов, упражнений для формирования позитивного отношения к работе.

Известной научной концепцией в сфере разработки модели компетенций специалиста является модель, позволяющая выделить уровни и измерить компетенции, которая представлена в трудах Томаса Дюрана [11].

Автор предлагает определенные уровни, которые, по сути, моделируют этапы формирования и развития (наращивания) компетенции (Таблица 1).

Опыт в данной модели рассматривается в качестве итоговой ступени компетенции, он интегрирует знание, понимание («что») и действие («как») в сфере определенной компетенции. Таким образом, существует следующий процесс перехода от данных к опыту: **данные** – (осознание) – **информация** – (усвоение) – **знания** – (деятельность) – **опыт** [10].

Таблица 1
Уровни компетенции (Томас Дюрбан)

Уровень	Интерпретация
<i>Данные информации</i>	Я имею доступ к внешней информации
<i>Информация</i>	Я знаю, я выучил, я выяснил
<i>Знание</i>	Я структурировал информацию и интегрировал ее с базой данных. Я могу объяснить кому-то другому
<i>Навыки</i>	Я <i>могу</i> это <i>делать</i>
<i>Ноу-хау</i>	Я <i>знаю, как</i> это <i>делать</i> , я могу это делать, и я могу показать кому-то еще, как это делать
<i>Компетенция</i>	Я <i>лучше других</i> способен объяснить, что делать и <i>как</i> это делать (знания), и также способен <i>лучше других</i> делать это (ноу-хау)
<i>Опыт (мудрость)</i>	Я эксперт в том, <i>как</i> это делать, а также в <i>понимании</i> того, <i>что</i> делать и <i>почему</i> это надо делать, а также в <i>объяснении того, как это сделать</i>

Приведенная в Таблице 3 модель уровней компетенции позволяет выделить два блока: 1 – **знания** (информация), предполагающие наличие способностей воспринимать, анализировать, воспроизводить и объяснять информацию; 2 – **ноу-хау** – способность действовать (делать), выполняя при этом функции эксперта (наставника). Третья важная составляющая компетенции, по мнению Т. Дюрбана, это «**отношения**», которые характеризуют стремления человека, его потребности, ценностные установки, т.е. поведенческие **ноу-хау**. Из двух специалистов с приблизительно равными позициями в организации, обладающими одинаковыми **знаниями** и **ноу-хау**, более компетентным считается тот, который проявляет инициативу и целеустремленность, а не тот, который занимает пассивную позицию и ждет помощи. «Очевидно, что способности человека выстраивать с социальным окружением адекватные отношения, стремление быть тождественным с ценностями и нормами, принимаемыми большинством членов организации, сигнализируют о высоком уровне достигнутой компетенции» [7].

Модель компетенций Томаса Дюрбана предстает в трех измерениях:

– **знания** – как структурированные и интегрированные наборы информации, выступающие средством познания мира;

– **ноу-хау** – как навыки, способность к действию, осознанное стремление к достижению поставленной цели;

– **отношения** – как характеристика личностных качеств человека, его потребности, способности к взаимодействию с социальным окружением, стремление к успеху, инициативность, активность и целеустремленность.

Следует отметить, что в «модели трех измерений» (Рис. 3) все компоненты системы равнозначны и взаимозависимы, а следовательно, компетенции как критерии поведения человека следует рассматривать с позиции целостности – компетенции как сплав знаний, ноу-хау и личностных характеристик человека. Таким образом, информация (знание), действие (ноу-хау) и взаимодействие (отношения) являются необходимым условием обучения и формирования компетенции, что является важным для данного исследования в частности и профессионального образования в целом.

Модель Т. Дюрбана позволяет оценивать профиль компетенций разных специалистов. «Так, профиль компетенций историка, социолога, философа будет позиционироваться вокруг оси знаний, профиль техника (но не инженера) будет смещен в сторону оси ноу-хау, а профиль компетенций политика, топ-менеджера будет группироваться вокруг оси отношений» [7]. Очевидно, что можно предложить и расширенную интерпретацию каждого из представленных измерений.

Если главная цель профессионального художественно-педагогического образования состоит в подготовке компетентного специалиста художественного профиля, способного адаптироваться в изменяющемся мире, востребованного на современном рынке труда, то одна из ключевых проблем профессионального образования заключается в создании и апробации моделей обучения, формирующих определенные типы эффективного рабочего поведения этого специалиста, которое интегрирует знания, навыки и личностные качества человека.

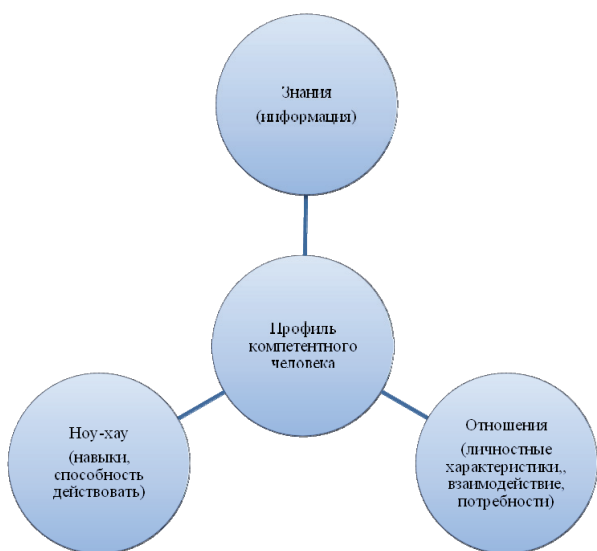

Рис.3 Модель трех измерений (Томас Дюран)

Рассмотренные выше концепции, в контексте данного исследования, имеют значение, так как являются теоретической базой для определения модели компетенций специалиста любого профиля, в том числе и художественно-педагогического.

Модель компетенций художника-педагога представляет собой полный набор характеристик эффективного поведения человека (поведенческие индикаторы) в процессе выполнения его профессиональной деятельности. Должным образом спроектированные модели компетенций обладают так называемой «прогностической валидностью» [5]. Это означает, что модель компетенций прогнозирует, как люди будут выполнять работу, в том числе при изменении профессиональной ситуации. Поведенческие индикаторы исполняют роль стандартов эффективного поведения, которые наблюдаются в действиях человека, обладающего определенной компетенцией.

Эталонная модель компетенций профильной подготовки выпускников с художественно-педагогическим образованием утверждена государственными образовательными стандартами (ФГОС ВПО).

Компетентностная модель имеет существенные отличия от ранее принятой знаниевой модели (Таблица 2).

Таблица 2

Отличия компетентностной и знаниевой моделей

Компетентностная модель	Знаниевая модель
Ориентация на результат в виде приобретенных компетенций (качество подготовки)	Ориентация на количество полученных знаний (количество изученного материала)
Ориентация на личность	Ориентация на предмет
«Гибкая» форма обучения, связанная с возможностью выбора индивидуальной образовательной траектории	«Жесткая» форма обучения, связанная с «линейной» организацией образовательного процесса
Оценивает знания, умения, навыки, компетенции, личностные характеристики	Оценивает знания, умения, навыки (ЗУН-ы)
Измерение имеет качественный характер, базируется на определенных характеристиках	Измерение имеет количественный характер, базируется на установленных нормах

Новыми образовательными стандартами определены требования к подготовке выпускников, получающих степень (квалификацию) бакалавра/магистра по направлению подготовки и профилю, выделены общекультурные компетенции (ОК) и профессиональные компетенции (ПК) по области применения.

Так, в соответствии с направлением подготовки 050100 Педагогическое образование бакалавр/магистр подготовлен к следующим видам деятельности (Таблица 3), относительно которых и выделены соответствующие компетенции.

Таблица 3

Виды профессиональной деятельности

бакалавр	магистр
педагогическая; культурно-просветительская.	педагогическая, научно-исследовательская, управленческая, проектная, методическая, культурно-просветительская.

Сравнение требований к академической (общекультурные компетенции) и профессиональной (профессиональные компетенции) подготовленности бакалавров и магистров выявляет следующую картину: набор компетенций бака-

лавра и магистра не совпадает, поскольку это связано с задачами деятельности, а они различны для различных уровней высшего профессионального образования. Магистр должен обладать как всеми компетенциями, которыми обладает бакалавр, так и дополнительными, которые он получает в процессе освоения ООП магистра. Набор компетенций магистра шире, чем бакалавра, что обосновано наращиванием на более высокой ступени образования, с одной стороны, общенаучных, а с другой стороны, специальных компетенций. К тому же компетенции магистра свидетельствуют о дальнейшей специализации подготовки и усилении художественно-творческой и научно-исследовательской компоненты.

Набор компетенций одного направления подготовки одинаков, кроме профильных компетенций. Предметно-специализированные (профильные, специальные) компетенции отражают специфику конкретного модуля знаний, определяя профиль подготовки.

Между тем ФГОС ВПО не содержит характеристик профильных компетенций, подлежащих формированию, у бакалавров/магистров с художественно-педагогическим образованием поэтому возникает необходимость анализа их сущности и структуры профессиональной компетентности на основе современных подходов и теорий профессионально значимых качеств личности.

Выявление состава предметно-специализированных компетенций для квалификационной характеристики специалиста при подготовке по направлению 050100 Педагогическое образование в соответствии с профилем «Изобразительное искусство» имеет значение ввиду специфики подготовки и особенностей профессиональной деятельности художника-педагога.

Профессиональная компетентность бакалавра является базисом, позволяющим выпускнику гибко ориентироваться и быть востребованным на рынке труда, а также быть подготовленным к продолжению образования на следующем уровне (магистратура) и в сфере дополнительного и послевузовского образования (для бакалавра и магистра).

Исследование современного состояния профессиональной подготовки выпускников по направлению 050100 Педагогическое образование

в соответствии с профилем «Изобразительное искусство» позволило выявить явные противоречия:

- между потребностью общества, государства и учебных заведений в высококвалифицированных и творчески мыслящих, компетентных специалистах и традиционным репродуктивным характером образовательного процесса вузовской подготовки, не учитывающего важность развития личностных качеств будущих художников-педагогов и возможность повышения эффективности их профессиональной подготовки за счет формирования профессиональной компетенции с самого начала обучения в вузе;

- между возросшими требованиями к уровню общекультурных, общепрофессиональных и предметно-специализированных компетенций для успешного осуществления профессиональной педагогической и художественно-творческой деятельности и недостаточным уровнем формирования этих компетенций;

- между падением престижности профессии педагога и востребованностью специалистов с соответствующей профессиональной подготовкой;

- между возрастающими требованиями к профессиональному образованию и недостаточной методологической и теоретической разработанностью системы формирования компетенций по соответствующему направлению и профилю подготовки в высших учебных заведениях;

- между возрастающими возможностями воздействия инновационного образовательного пространства на формирование компетенций будущего специалиста с художественно-педагогическим образованием и отсутствием современных методик, реализующих представленные возможности для развития профессиональных потребностей студентов.

Указанные противоречия показали, что имеются серьезные основания и предпосылки для детального и целенаправленного исследования процесса формирования профессиональной компетентности будущего специалиста со степенью (квалификацией) бакалавр/магистр педагогического образования (направление подготовки изобразительное искусство), активно влияющих на его личностное, социальное и профессиональное самоопределение.

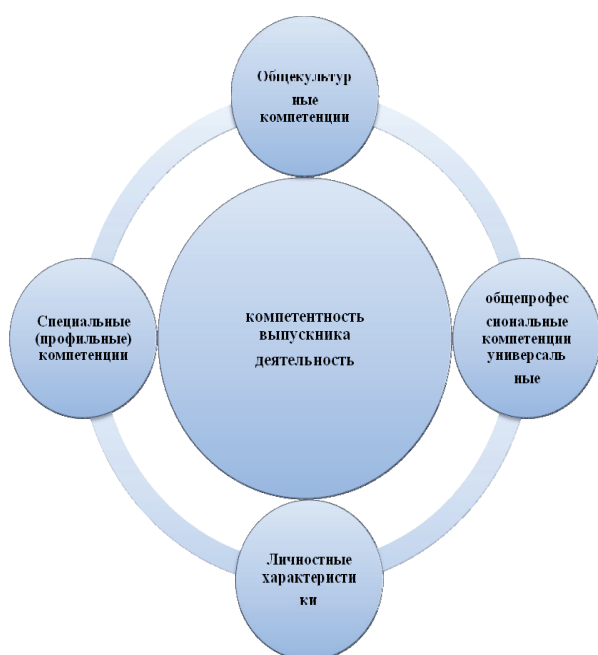

Рис. 4 Модель компетенций выпускника бакалавра/магистра художественного профиля

На основе исследования предложений разработчиков компетентностного подхода; теоретических концепций моделей компетенций; изучения квалификационных требований государственных образовательных стандартов; исследования научно обоснованных аспектов художественной деятельности с учетом ее специфики и особенностей различных видов искусства, а также собственного профессионального опыта была разработана обобщенная модель компетенций бакалавра/магистра художественного (художественно-педагогического) профиля (Рис. 4). Необходимо отметить, что предложенный набор представляет собой оптимальное сочетание компетенций, которые должен иметь студент в результате освоения ООП.

Общекультурные компетенции (универсальные) проявляются во всех областях жизнедеятельности человека (академическая, гражданская, креативная, здоровьесберегающая, профессиональная и др.), основываются на общенаучных знаниях и имеющемся социальном опыте, отражая уровень интеллектуальной и культурной развитости человека, представляя собой «систему общечеловеческих идей, профессионально-ценностных ориентаций и качеств личности, универсальных способов познания и гуманистических техно-

логий» [6]. Они предполагают способность к социальной адаптации, социальному взаимодействию и коммуникации, адекватное восприятие окружающей действительности, осознании себя человеком среди людей, позволяют выпускнику воспринимать, познавать и оценивать мир за пределами своей профессии. Данные компетенции не являются обусловленными профессионально, с одной стороны, но, с другой стороны, они являются фундаментом для профессиональных компетенций, позволяя им полнее реализовываться.

Общепрофессиональные компетенции определяют собственно способность заниматься избранной профессиональной деятельностью на достаточно высоком уровне, способность самостоятельно решать профессиональные задачи, проектировать свое дальнейшее профессиональное развитие, умение планировать и рационально организовать свой труд, неподверженность профессиональному старению и деградации, готовность к профессиональному росту (образование на протяжении всей жизни),

Специальные компетенции отражают профиль профессионально-образовательной подготовки выпускника, характеризуя специфику определенной предметной области.

Личностные характеристики (психофизиологические особенности; потребностно-мотивационная сфера; способности, направленность личности) влияют на формирование субъектно-личностных компетенций, которые рассматриваются как способность к личностному самовыражению и самосовершенствованию, самоорганизации, самообразованию и самоконтролю в условиях процесса вузовской подготовки; способность использовать приемы самореализации и саморазвития индивидуальности в рамках профессии, способность к самосохранению творческой индивидуальности. Субъектно-личностные компетенции студента проявляются в процессе общения, в его учебно-познавательной, учебно-творческой деятельности, научно-исследовательской и самостоятельной работе, характеризуя уровень продуктивности и успешности, достигнутый обучающимся, его возможностей в достижении определенных целей и решении конкретных задач.

Центральное место (ядро) в модели занимает **компетентность**, интегрирующая в себе все

составляющие, реализация которых возможна через *деятельность*, направленную на преобразование окружающей действительности и самой личности.

Методология развития компетенций художника-педагога предполагает рассмотрение методов, форм и приемов, при помощи которых реализовывается выполнение соответствующих целей и задач обучения.

Формирование компетенций в условиях вуза происходит посредством освоения содержания образования, именно поэтому компетентность бакалавра и магистра – выпускника вуза – должна соответствовать и проверяться на базе компетенций, указанных в их квалификационных характеристиках (ФГОС ВПО). Компетентность (профессионализм) специалиста определяется и измеряется опытом успешной деятельности в профессии, что практически отсутствует у студентов по окончании освоения ООП. В итоге обучения у студента развиваются способности и формируются компетенции, позволяющие решать реальные проблемы – от бытовых до профессиональных и социальных. Следует отметить, что для формирования компетенций необходим определенным образом организованный учебный процесс, обеспеченный целостной учебно-методической системой, «компетентность, выступая результатом обучения, не прямо вытекает из него, а является следствием саморазвития индивида, обобщения личностного и деятельностного опыта» [3].

Для того чтобы формировать соответствующий набор компетенций у художника-педагога необходимо, во-первых, провести оценку имеющихся у обучающихся компетенций и уровень

их сформированности, выявить те компетенции, которые отсутствуют или развиты недостаточно, а затем разработать модель развития тех компетенций, которые необходимо совершенствовать. Метод моделирования, как способ теоретического и практического действия, направленного на разработку и использование моделей, позволяет описывать структуры объекта (статистическая модель), процесс его функционирования и развития (динамическая модель). В модели воспроизводятся свойства, связи, тенденции исследуемых систем и процессов, что дает возможность оценить их состояние, сделать прогноз, принять обоснованное решение. Выделяют предметное и знаковое моделирование. Предметное – предполагает создание моделей, воспроизводящих пространственно-временные, функциональные, структурные и другие свойства оригинала (конкретно-научные модели). Знаковое моделирование заключается в репрезентации параметров объекта с помощью символов, схем, формул (логично-математические модели) [4,188].

Чтобы содействовать формированию компетенций, в обучении должны применяться самые разнообразные методы и технологии, причем внимание следует уделять интегрированным курсам и межпредметным связям, различным областям знания, выходящим за рамки одного предмета, опоре на личностные качества, имеющиеся знания и опыт, на самостоятельную работу и личную ответственность обучающихся. В результате повышается вероятность формирования и развития компетенций, необходимых для эффективной деятельности в рамках той или иной компетентности.

Библиографический список

1. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами: 8-е изд. / М. Армстронг // Пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. СПб.: Питер, 2008. 832 с.
2. *Бабосов Е.М.* Прикладная социология. Мн.: Тетра Системс, 2001. 496 с.
3. *Байденко В.И.* Компетенции: к освоению компетентностного подхода // Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С. 25-30.
4. *Бояцис Р.* Компетентный менеджер. Модель эффективной работы // Пер. с англ. М.: НИРО, 2008. 352 с.
5. *Желены М.* Знание против информации.: В кн.: Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. СПб.: Питер, 2002. С.211-218.
6. Педагогика профессионального образования.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведе-

ний / Е.П. Белозерцев, А.Д. Гонеев, А.Г. Пашков и др.; под ред. В.А. Сластенина. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 368с.

7. *Рябов В.В., Фролов Ю.В.* Проектирование критериев оценки качества подготовки и переподготовки специалистов // Материалы XI симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика». М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 27 с.

8. *Рябов В.В., Фролов Ю.В., Махотин Д.А.* Критерии оценки педагогической деятельности на языке компетенций и компетентностей: предложения по созданию профессионального и образовательного стандарта педагога специалистов. М.: ООО «НИЦ Инженер», 2007. 92 с.

9. *Спенсер С., Спенсер Л.* Компетенции на работе // Пер. с англ. М.: НРРО, 2005. 384 с.

10. *Фролов Ю.В.* Управление знаниями [Текст]: Учебное пособие для студентов, обучающихся по педагогическим, управленческим и экономическим специальностям в учреждениях высшего профессионального образования./ Ю.В. Фролов. М.: ООО «НИЦ Инженер», 2007. 404с.

11. *Durand T.* Strategizing innovation: competence analysis in assessing strategic change. In A. Heene & R. Sanchez (eds) Competence-Based Strategic Management. Chichester: Wiley. 1997.

N.V. EFREMICHEVA

**METHODOLOGICAL ASPECT OF DESIGN
COMPETENCY MODEL ARTIST-TEACHER**

The article offers a theoretical justification for a competency model in graduate art-teacher education, based on an analysis of concepts D. Mack Klellanda, R. Boyatsisa, L. and S. Spencer, T. Durant, research proposal development competence-based approach, the study of qualification requirements of state educational standards And studies of evidence-based aspects of artistic activity, by its very nature and characteristics of different kinds of art, as well as his own professional experience

Key words: *competency model, artist and teacher, a person whose professional activity.*

А.А. ИВАНОВ

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой гигиены, экологии,
спортсооружений Российского государ-
ственного университета физической
культуры, спорта и туризма
E-mail: gess.sportedu@mail.ru

С.А. ПОЛИЕВСКИЙ

доктор медицинских наук, профессор
кафедры гигиены, экологии, спортсооруже-
ний Российского государственного универ-
ситета физической культуры, спорта и
туризма
E-mail: sergei.polievskii@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИИ САМООЗДОРОВЛЕНИЯ СТУДЕНТА-СПОРТСМЕНА В СОСТОЯНИИ ПРЕДБОЛЕЗНИ

В работе дано обоснование и проверка эффективности разработанной технологии самооздоровления студента-спортсмена в состоянии предболезни на основе нетрадиционных средств восстановления и стимуляции работоспособности повышенной привлекательности.

Приводятся функциональные эффекты и данные анкетирования студентов до и после прохождения программы. Авторы считают систему самооздоровления студентов-спортсменов в преморбидном состоянии компонентом Концепции здорового образа жизни студентов спортивных вузов.

Ключевые слова: иммунитет, перенапряжение, самооздоровление, состояние предболезни, функциональная асимметрия.

Исследован контингент студентов в состоянии предболезни. Термин «предболезнь» характеризует два состояния: преморбидное и донозологическое. Состояние неудовлетворительной адаптации, когда функциональные резервы снижены, также должно быть отнесено к преморбидным, последние состояния могут рассматриваться как различные уровни здоровья.

Предварительное анкетирование 100 студентов в предсессионный период по выявлению состояния предболезни показало, что 33 % респондентов дали положительный ответ на 25% вопросов в анкете, что отражает выраженную манифестацию состояния предболезни.

Следовательно, каждый третий студент-спортсмен в этот период находится в состоянии предболезни. С помощью данной анкеты с симптоматикой состояния предболезни было проанкетировано 70 студентов РГУФКСМиТ в период

с апреля по 5 июня включительно (до начала весенней сессии). Спортивный разряд испытуемых от 2 до МСМК.

Из 24 вопросов анкеты 6 и более положительных (пограничный уровень для состояния предболезни) ответов дали 30 человек, что составляет 43% от общего количества опрашиваемых, тем самым на момент анкетирования можно было считать, что 43% студентов находилось в состоянии предболезни.

В педагогическом эксперименте согласилось участвовать 19 человек, из которых выполнили в полном объеме экспериментальную программу 15 человек, что составляет 21,4% от всей группы и 50% от группы, находящейся в состоянии предболезни. В контрольную группу вошло 11 человек, что составляет 15,7% от всей группы. (в контрольную группу входили студенты, находящие-

ся в состоянии предболезни, которые не смогли или не пожелали участвовать в эксперименте).

Студентам опытной группы была предложена программа самооздоровления и составлена карта-схема её выполнения и контроля.

В комплексную программу восстановления работоспособности и оздоровления при состоянии предболезни вошли средства РС-тренинга, психомышечной тренировки, Су Джок тренажёрный массаж, упражнения для восстановления и тренировки зрительного аппарата, физические упражнения ЛФК при заболеваниях органов дыхания, для профилактики заболевания суставов, для тренировки ССС, физические упражнения комплексного воздействия на организм, упражнения и приёмы для улучшения и концентрации внимания, для тренировки мануальной ловкости с помощью «Шаров здоровья», закаливающие процедуры, рекомендации по питанию, приёму бани-сауны и др.

В зависимости от направленности состояния предболезни студенту рекомендовался в соответствии с симптомами тот или иной набор средств с рекомендациями по дозировке.

Контроль функционального состояния осуществлялся посредством методик определения показателя индекса напряжения по Баевскому, температурной асимметрии и оценки мышечной памяти (точности дифференцировок усилия правой и левой кистью) до и после педагогического эксперимента (Иванов А.А., Полиевский С.А., 2011), а также посредством бактотеста.

Студентами вёлся дневник самоконтроля и выполнения программы. В конце 4-х недельного педагогического эксперимента студенты опытной и контрольной группы заполнили укороченную анкету с наиболее значимыми показателями самочувствия. Результаты наблюдений за студентами представлены ниже в таблицах 1-4.

Как видно из данных таблицы 1, ЧСС у студентов опытной группы была несколько выше, при этом после педагогического эксперимента она несколько снизилась. В то же время в контрольной группе динамика носила противоположный характер – отмечено некоторое увеличение ЧСС.

Амплитуда *вариационного размаха* (ВР) ВР имеет важное прогностическое значение для оценки физического состояния и работоспособности организма. Многочисленными клиниче-

скими работами показано, что снижение ВР в покое ниже 0,03-0,04 с может рассматриваться как угрожающее состояние, а величина 0,02-0,01с является критической для устойчивой работы сердца.

У студентов опытной группы имело место некоторое увеличение этого показателя, а в контрольной – отмечена обратная тенденция. Признаками *перенапряжения* после нагрузки является превышение ИН обычных пороговых границ (4000=6000 единиц). ИН в состоянии покоя фиксируется на уровне 25-150 единиц у тренированных лиц и 150-400 единиц – у малотренированных.

Недостаточное восстановление после нагрузок, недосыпание или умственное утомление способно повысить его до 400-700 единиц. Болезнь, в том числе артериальная гипертензия, повышает ИН до 1500-2500 единиц в покое. Данные ИН в обеих группах были на уровне, характеризующем студентов-спортсменов как находящихся в хорошей спортивной форме.

В результате прохождения цикла самооздоровления в опытной группе отмечено значимое снижение показателя (на 33,06 усл.ед.) при некотором росте в контрольной (на 4,5 усл.ед.). В результате использования разработанной технологии самооздоровления эти сдвиги свидетельствуют об улучшении функционального состояния сердечно-сосудистой системы, снижении уровня перенапряжения студентов-спортсменов, находящихся в состоянии предболезни. Данные оценки напряжения систем регуляции у студентов до и после педагогического эксперимента, полученные при помощи экспресс-анализатора частоты пульса «Олимп», представлены в таблице 1.

Результаты исследования показателей функциональной асимметрии у студентов-спортсменов опытной и контрольной групп представлены в таблицах 2 и 3.

В опытной группе (таблица 2) на протяжении эксперимента отмечено снижение разности температур между правой и левой кистью. Если до педагогического эксперимента она была существенной (0,53 гр. С), то после него снизилась до 0,26 гр.С. Причём различия были несущественны. Следует также отметить некоторый рост температуры кисти на обеих руках к концу эксперимента.

Таблица 1

**Показатели вариационной пульсометрии
исследуемых групп до и после эксперимента**

Показатели				
Этапы эксперимента	ИН	АМ	ВР	ЧСС
Экспериментальная группа (15 студентов)				
До	133,53±11,22	40 ± 3,19	0,28 ± 0,05	88,25 ± 6,65
После	100,47±6,25	40 ±4,34	0,37 ± 0,05	84,88 ± 2,1
	T=1,28 P<0,05	T=0 P>0,05	T=1,6 P>0,05	T=0,85 P>0,05
Контрольная группа (11 студентов)				
До	115,5±24,74	41,88 ± 2,46	0,5 ± 0,09	79,4 ± 5,12
После	121,0± 28,69	40 ± 4,95	0,36 ± 0,06	81,47 ± 4,66
	T=-0,19 P>0,05	T=0,7 P>0,05	T=2,48 P<0,05	T=0,77 P>0,05

Таблица 2

**Показатели температурной асимметрии и асимметрии точности
воспроизведения усилия у студентов опытной группы до и после эксперимента**

Показатели	Температура кисти в гр.		Точность воспроизведе- дения усилия в кг.	
	Левая рука	Правая рука	Левая рука	Правая рука
Место измерения				
До эксперимента	32,32 ± 0,13	32,85 ± 0,15	4,42 ± 0,74	2,8 ± 0,66
Выраженность асимметрии	0,53 T=2,76 P < 0,05	1,62 T = 2,32 P < 0,05		
После	34,03 ± 0,28	34,29 ± 0,27	2,55 ± 0,55	2,31 ± 0,67
Выраженность асимметрии	0,26 T=3,33 P >0,05	0,24 T =0,44 P > 0,05		

Таблица 3

**Показатели температурной асимметрии и асимметрии точности
воспроизведения усилия у студентов контрольной группы до и после эксперимента**

Показатели	Температура кисти в гр. кисть		Точность воспроизведения усилия в кг.	
	Левая рука	Правая рука	Левая рука	Правая рука
Место измерения				
До педагогического эксперимента	32,08 ± 0,11	32,74 ± 0,18	3,4 ± 0,25	2,12 ± 0,23
Выраженность асимметрии	0,66 T=1,56 P < 0,05		1,28 T = 1,16 P < 0,05	
После	32,5 ± 0,12	33,14 ± 0,22	3,65 ± 0,25	2,67 ± 0,18
Выраженность асимметрии	0,64 T=0,596 P < 0,05		0,98 T=1,22 P>0,05	

Подобные сдвиги были и в показателе мышечной памяти. Если разница в точности воспроизведения усилия до педагогического эксперимента была равна между правой и левой рукой 1,62 кг при $P < 0,05$, то после него она снизилась до 0,24 кг при несущественных различиях между показателями. В контрольной группе выраженность асимметрии температурного и силового показателя при измерении до эксперимента была достоверна и примерно равной с данными опытной группы. После периода педагогического эксперимента направленность и выраженность различий остались прежними.

Как известно, в состоянии предболезни происходит более выраженное рассогласование функций, и особенно симметричных показателей. Вышеприведенные сдвиги подтверждают положительное воздействие занятий по программе самооздоровления на организм студента-спортсмена на стадии предболезни на показатели регуляции вегетативных функций и мышечного аппарата.

После выполнения программы эксперимента в опытной группе отмечен 61% – улучшение показателей, 35% – без изменений и 4% – ухудшение. В контрольной группе улучшение отметили за этот период времени 25,44% студентов. При этом по показателям самочувствия выявлены чёткие различия по ведущим показателям в сторону более лучших данных у опытной группы: по улучшению сна – на 61,8%, улучшение настроения – 32,7%, умственной работоспособности – на 25,7%, по физической работоспособности – на 30,06%, снижению общей заболеваемости – на 67%. При этом по простудным заболеваниям и общей заболеваемости улучшение студенты контрольной группы не отметили совсем.

Таким образом, выявлены явные положительные эффекты выполнения программного материала самооздоровления именно на важнейшие

показатели, определяющие функциональное состояние студентов.

В целях выяснения воздействия цикла самооздоровления на организм студентов-спортсменов было проведено исследование антиинфекционной резистентности их организма с помощью бактотеста (Полиевский, А.А. Иванов, В.В. Церябина, 2011).

Определение антиинфекционной резистентности проводилось с использованием стерильных чашек Петри стандартного размера со средой Коростелёва (мясо-пептонный агар с 1% маннита и 0,5 мл спиртового 1,5% раствора бромтимолблау). Результаты оценки бактотеста отражены в таблице 4.

Анализ данных теста аутомикрофлоры кожи у студентов показал, что индивидуальные значения были в пределах, характерных для состояния предболезни. Статистически достоверные различия между группами в начале цикла самооздоровления ($P > 0,05$) не были выявлены из-за большого разброса индивидуальных значений.

Улучшение состояния антимикробной резистентности организма студентов-спортсменов опытной группы после эксперимента проявилось в значимом снижении числа колоний в отпечатках с кожи на 17,6 отпечатка ($P < 0,05$) по сравнению с контрольной группой, где количество колоний незначительно повысилось на 7,1 колонии при $P > 0,05$.

Выявленные различия свидетельствуют о более высоком уровне антиинфекционной резистентности студентов в состоянии предболезни после цикла самооздоровления, что подтверждено значением его влияния для поддержания неспецифического антиинфекционного иммунитета и подъёма защитных сил организма студентов-спортсменов в состоянии предболезни.

Таблица 4

Результаты изучения неспецифической антиинфекционной резистентности студенток-медиков в динамике цикла АИС (кол-во колоний микробов)

До цикла стимуляции	После цикла стимуляции		
Опытная группа	Контрольная	Опытная группа	Контрольная
56,4 ±4,3	59,1 ±5,8	38,8 ±3,7	66,2 ±6,2

Эффективность технологии прослежена как по функциональным показателям ведущих для деятельности студента-спортсмена систем, так и посредством итогового анкетного опроса самочувствия. Наряду с неспецифическим эффектом повышения иммунитета выявлены сдвиги профильного характера в зависимости от специфики предболезни. Этапность технологии определения сути предпатологии определяли по сопоставлению требований к организму, диагноза с практическими рекомендациями по характеру и дозировке нагрузок, по карте домашних заданий и дневнику самоконтроля.

Основой программного материала явились физиолого-педагогические эмоциогенные оздоровительно-мотивационной направленности средства и технологии повышенной привлекательности заданий с приёмами выработки стойкого интереса. Выявлено, что эффект повышается при комплексировании средств минимизации состояния предболезни, что в конечном итоге обеспе-

чивает не только оптимальное функциональное состояние, но и здоровье и более высокую физическую и умственную работоспособность.

Оценивая в целом результаты педагогического эксперимента, следует отметить, что разработанная технология самооздоровления студентов при донозологических, преморбидных состояниях и срыве адаптации эффективна и особо актуальна в свете прогрессирующего снижения уровня здоровья студентов, в равной мере спортсменов или нет, незнания и нежелания выстроить систему своего оздоровления.

Учитывая спортивно-учебные сверхнагрузки, неблагоприятную экоклиматическую составляющую образа жизни и высокий процент (особенно сезонного характера) студентов в состоянии предболезни, решение этой проблемы является ведущей составной частью разработки Концепции здорового образа жизни спортивных вузов (Иванов А.А., Полиевский С.А., 2010; Блеер А.Н., Иванов А.А., Полиевский С.А., Лаптев А.П., 2011).

Библиографический список

1. Блеер А.Н., Иванов А.А., Полиевский С.А., Лаптев А.П. Концепция формирования здорового образа жизни «Здоровый образ жизни – норма жизни РГУФКСМиТ» (Под научной редакцией ректора РГУФКСМиТ члена-корреспондента РАО, д.п.н., проф. Блеера А.Н.) М, РГУФКСМиТ, 2011. 19 с.
2. Иванов А.А., Полиевский С.А. Актуализация системы самооздоровления студентов-спортсменов// Журнал «Образование и саморазвитие». № 6(22). 2010 С. 24-32.
3. Иванов А.А., Полиевский С.А. Сравнительный анализ оценки функционального состояния организма студентов-спортсменов с помощью экспресс-анализатора частоты пульса «Олимп» и данных температурной асимметрии//Лечебная физкультура и спортивная медицина. №5(89), 2011. С.17-20.
4. С.А. Полиевский, А.А. Иванов, В.В. Церябина Неспецифическая антиинфекционная резистентность организма студентов-спортсменов в состоянии предболезни//Лечебная физкультура и спортивная медицина. №3(87), 2011. С.20-26.

A.A. IVANOV, S.A. POLIYEVSKY

THE EFFICIENCY OF THE TECHNOLOGY OF SELF-IMPROVEMENT OF A STUDENT-ATHLETE IN THE CONDITION BEFORE ILLNESS

This paper gives a rationale and test the effectiveness of the technology of self-improvement a student-athlete in the state predbolezni based on non-traditional means to restore health and to stimulate increased attractiveness.

Provides functional effects, and survey data of students before and after the self-healing system program. Authors. believe students - athletes in the premorbid state component of the concept of healthy lifestyle sports schools.

Key words: immunity, overvoltage, self-improvement, the state before a disease, functional asymmetry.

А.А. КАЛЕКИН

заведующий кафедрой технологии и предпринимательства Орловского государственного университета, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
E-mail: KalekinOGU@yandex.ru
Тел.: (4862) 76 12 06

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Переход общешкольного образования на профильность обучения старшеклассников потребовал изменить содержание подготовки в вузе бакалавра технологического образования. Рассматривается на базе инженерной педагогики предложенная система отраслевой профессиональной подготовки в вузе бакалавра технологии для его работы в профильной школе (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации.

Ключевые слова: профильная школа, технология, бакалавр технологии, индустриально-технологическое направление, инженерная педагогика, система отраслевой подготовки бакалавра.

Технологическая революция XXI века, связанная с интенсивным развитием и использованием нанотехнологий, робототехники, биотехнологий и других перспективных технологий, требует формирования в нашей стране, начиная с общешкольного образования, научно-технологического потенциала, адекватного современным вызовам мирового технологического развития [1,8].

Научно-педагогический опыт в области трудового обучения и воспитания школьников инициировал разработку концепции технологического образования, реализующейся в образовательной области «Технология» [10].

На переднем крае технологического образования и профессионального самоопределения школьников при выборе будущих профессий, особенно в сфере современного материального производства, стоит учитель технологии (ныне бакалавр технологического образования согласно ФГОС ВПО направления подготовки 050100 «Педагогическое образование» профиля «Технология»).

Проблема профессиональной подготовки бакалавра технологического образования имеет определенную специфику особенно для работы

в профильной школе (классах) с индустриально-технологическим направлением, которое в большей степени, чем другие направления профилизации ориентирует старшеклассников на выбор профессий после окончания школы в сфере современного материального производства.

Если под технологической деятельностью человека понимать активное отношение к окружающему миру и последовательность действий при целесообразном преобразовании материалов, энергии и информации для создания материальных и духовных ценностей в интересах людей, то она занимает центральное место в структуре его трудовой деятельности. Следовательно, одной из главных функций бакалавра технологического образования является передача школьникам опыта осуществления этой деятельности. Но для того, чтобы четко представлять ту или иную отрасль современного материального производства, бакалавру технологического образования необходима специальная, более углубленная подготовка, названная нами *отраслевой профессиональной подготовкой*.

Отраслевая профессиональная подготовка будущего бакалавра технологического образования по сравнению с традиционной в вузах отличается

тем, что здесь знания, умения и навыки выпускника соизмеряются с определенной отраслью материального производства. Такой выпускник способен грамотно ориентировать школьников на выбор технологических профессий.

Под технологической профессией понимается род трудовой деятельности человека, требующий специальной подготовки для работы в сфере современного индустриально-технологического производства при создании материальных ценностей в интересах общества. Не случайно сегодняшние выпускники школ в основном идут на получение гуманитарных специальностей, а не технологических, т.е. не ориентируют себя на получение специальностей в сфере материального производства. Поэтому следует подчеркнуть важность индустриально-технологической подготовки учащихся в школе, формирование у них трудовой мотивации и подготовки к дальнейшей социальной адаптации в сфере современного материального производства.

В Орловском государственном университете на кафедре технологии и предпринимательства с 1995 г. проводятся исследования по совершенствованию подготовки учителей технологии (ныне бакалавров технологического образования) применительно к работе их в профильных школах (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации, которые привели к разработке и реализации в высшем профессиональном образовании соответствующей системы [3,4,5].

Система отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологического образования – совокупность взаимодействующих преемственных технологических образовательных программ различных специализаций, отражающих специфику отраслей сферы материального производства (в рамках общих требований ФГОС ВПО направления подготовки 050100 «Педагогическое образование»), средств, методов и процессов, составляющих концепцию целостной подготовки в вузе бакалавра технологического образования для его работы в профильной школе (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации.

В исследовании установлено, что научной базой системы отраслевой профессиональной подготовки в вузе будущего бакалавра технологии

может служить инженерная педагогика, разработанная А. Мелецинеком, А.А. Кирсановым, В.М. Жураковским, В.М. Приходько и И.В. Федоровым для инженерного образования, но скорректированная для подготовки бакалавров технологии, названная нами условно *инженерной педагогической профильной школы* [6,7].

Под системой отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологического образования мы понимаем: во-первых, содержание системы; во-вторых, сущность, закономерности и принципы обучения в предлагаемой системе; в-третьих, систему методов и средств синтеза нового знания; в-четвертых, условия формирования в вузе знаний, умений и навыков будущего бакалавра технологического образования. Мы рассматриваем систему отраслевой профессиональной подготовки выпускника вуза не только как форму, метод и средство формирования технологических знаний отраслей производства, умений и навыков у будущего бакалавра технологического образования, но и как методологию целостности процесса его обучения, воспитания и развития.

Профессиональная подготовка будущего бакалавра технологического образования для работы в профильной школе с индустриально-технологическим направлением профилизации в значительной степени определяется уровнем его отраслевой подготовки. Исходя из этого, основной комплексной задачей подготовки будущего бакалавра технологического образования для работы в профильной школе является формирование у него отраслевых технологических знаний, главной составляющей его профессиональной компетентности.

Разрабатывая систему отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологического образования для работы в профильной школе, мы стремились укрепить предметную систему обучения, определив сущность, роль и значение общетехнических и технологических дисциплин [9].

Под общетехническими дисциплинами в педагогическом образовании мы понимаем учебные предметы, в содержание которых входят основы современных знаний технических наук. Преподавание общетехнических дисциплин в педагогическом образовании направлено на овладение студентами системой общетехнических

знаний, умений и навыков преобразовательной деятельности, на развитие технического мышления и метаязыка специальности. Изучение общетехнических дисциплин способствует формированию у студентов научно-технической картины мира, пониманию техники как средства преобразующей деятельности человека.

Под технологическими дисциплинами мы понимаем учебные предметы, в содержание которых входят основы знаний техники и технологии отраслей современного материального производства, как, например, в нашем исследовании, строительного и сельскохозяйственного. Преподавание технологических дисциплин в педагогическом образовании направлено на получение будущими бакалаврами знаний основных технологических процессов отраслей материального производства, овладение умениями и навыками обращения с простейшими орудиями труда, а отсюда с основными профессиями этих отраслей, что очень важно для бакалавра технологического образования в его педагогической деятельности по профессиональному самоопределению старшеклассников.

Знакомство с отраслями сферы современного материального производства через общетехнические и технологические дисциплины является практической основой системы отраслевой профессиональной подготовки будущего бакалавра технологического образования для работы в профильной школе с индустриально-технологическим направлением профилизации.

Под эффективностью системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологического образования понимается повышение уровня сформированности его общетехнических и технологических знаний и готовности их применения на практике за счет отраслевого подхода к содержанию обучения в вузе, способного своими личностными качествами грамотно приобщать старшеклассников к профессиональному выбору будущей технологической деятельности в сфере современного материального производства.

Перед коллективом кафедры технологии и предпринимательства ОГУ при подготовке учителей технологии (ныне бакалавров технологического образования) были поставлены следующие задачи.

1. Теоретически обосновать и доказать необходимость использования предложенной инженерной педагогики в концепции отраслевого подхода к подготовке в вузе бакалавра технологии для работы в профильных школах (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации.

2. Сформировать понятийно-терминологическое обеспечение концепции отраслевого подхода к подготовке в вузе бакалавра технологии: «инженерная педагогика школы», «система отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии профильной школы», «общеинженерная компетенция бакалавра технологии».

3. Разработать и описать содержание и структуру концепции системы отраслевой профессиональной подготовки в вузе бакалавра технологии профильной школы.

4. На основе сформированной концепции отраслевого подхода разработать и внедрить модель системы отраслевой профессиональной подготовки в вузе бакалавра технологии профильной школы.

5. Разработать творчески развивающую технологию обучения общетехническим и технологическим дисциплинам, являющимся предметной составляющей модели системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии.

6. В соответствии со сформированной концепцией отраслевого подхода к обучению и созданной моделью разработать и апробировать в условиях вуза систему отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии.

7. Разработать комплекс учебно-методического обеспечения учебного процесса в вузе при реализации системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии.

Научная новизна нашего исследования заключается в следующем.

1. Осуществлено комплексное психолого-педагогическое исследование по разработке и обоснованию концепции отраслевого подхода к профессиональной подготовке бакалавра технологии, ориентированной на его работу в профильных школах (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации. Ведущей авторской идеей концепции является положение о том, что по сравнению с традици-

онной технологией обучения будущих учителей (ныне бакалавров) в вузе здесь знания, умения и навыки выпускника соизмеряются с определенными отраслями сферы материального производства за счет отраслевых специализаций или регионального компонента учебного плана (в нашем случае, например, «Строительство и ремонт индивидуального жилья» и «Крестьянская усадьба и семья (крестьянское хозяйство)»). Бакалавр с такой подготовкой способен ориентировать старшеклассников через уроки технологии и элективные курсы на выбор технологических специальностей сферы современного материального производства данного региона после окончания ими школы.

2. Научной базой концепции отраслевого подхода к подготовке бакалавров технологии предложена и обоснована инженерная педагогика как самостоятельное направление в общей педагогике, которое, взаимодействуя с приоритетными направлениями развития педагогических и технических наук, технологиями и техникой, поможет решить теоретические и практические проблемы технологического образования молодежи [6,7].

3. Дано терминологическое определение понятий: «инженерная педагогика школы», «система отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии профильной школы», «общеинженерная компетенция бакалавра технологии».

4. Предложенная концепция системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии базируется:

а) на дидактических принципах: связь обучения с отраслями сферы материального производства региона; направленность обучения на решение во взаимосвязи профессиональных задач обучения, воспитания и развития; сочетание различных методов и средств обучения в зависимости от задач и содержания обучения в профильной школе; сочетание различных форм организации обучения в зависимости от задач, содержания и методов обучения в профильной школе;

б) на положениях: связь фундаментальности и профессиональной направленности подготовки; интеграция предметной и методической составляющих; учет внутрипрофессиональной

дифференциации, характерной для деятельности бакалавра технологии; инновационность педагогических задач в области использования средств новых технологий обучения; вовлечение в учебный процесс достижений новых технологий отраслей сферы материального производства.

5. Разработана и внедрена модель системы отраслевой профессиональной подготовки будущего бакалавра технологии. Обоснованы дидактический аспект построения модели, содержательно-методический аспект ее наполнения материалами общетехнических и технологических дисциплин, психологический аспект (мотивационный, стимулирующий), а также эмоциональные факторы при трансформации модели в педагогическую систему.

6. Спроектирована система отраслевой профессиональной подготовки будущего бакалавра технологии, включающая: цели, содержание, методы и средства, организационные формы. Основной целью системы является подготовка в вузе бакалавра технологии с общеинженерной компетенцией для работы в профильной школе с индустриально-технологическим направлением профилизации старшеклассников в сферу современного материального производства.

7. Определены условия формирования общеинженерной компетенции будущего бакалавра технологии: личная направленность процесса обучения; изменение роли преподавателя; открытость процесса познания, свобода пользования различными информационными источниками, а также определены средства их реализации в вузе: активизация, междисциплинарность, мотивация, стимулирование, применение научных результатов педагога в своей преподавательской работе, комплекс педагогических ситуаций, творческих заданий, активизация самостоятельной работы студента.

8. Разработана и внедрена в учебный процесс творчески развивающая технология обучения общетехническим и технологическим дисциплинам, в основу которой положены принципы: последовательности реализации элементов модели педагогической системы; полноты и целостности реализации блоков модели; прогнозирования и гарантированности результатов реализации технологии обучения; наличия признаков технологичности и критериев достижения

цели образовательного процесса (дидактичность целеполагания, реализация общедидактических принципов, профессионально ориентированного отбора содержания, обоснованного выбора форм, методов и новых информационных средств обучения, реализация принципов формирования общеинженерной компетенции обучающихся, обеспечение реализации внутренней и внешней обратной связи посредством современного инструментария, соответствие результата поставленным целям).

9. Теоретически обоснован комплекс учебно-методического обеспечения учебного процесса при реализации системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии (на примере авторского курса «Гидравлика и гидравлические машины») [2].

Теоретическая значимость кафедральных исследований заключается в следующем.

1. Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретико-методологических основ технологического образования в условиях модернизации современной общеобразовательной школы.

2. Обосновано использование инженерной педагогики для подготовки бакалавров технологии. Определены объект, предмет и задачи исследований в инженерной педагогике применительно к технологическому образованию школьников.

3. В исследовании уточнены понятия в подготовке бакалавра технологии: *профессиональная (образовательная) компетентность с общеинженерной компетенцией* путем выявленных новых реалий и задач в подготовке старшеклассников к активному участию в жизни общества; *образовательный потенциал* за счет преимуществ отраслевой подготовки в сфере материального производства; творческая активность как качество личности, характеризующее уровень её социализации и степень результативности целенаправленного труда; *творческий интеллектуальный потенциал* удовлетворяющий интерес старшеклассников к сложным приборам и профессиям; *индустриально-технологические способности*, отвечающие требованиям профильной школы и способствующие профессиональному самоопределению школьников в области материального производства; *профессиональная культура* определяющая формирование экономической культуры, культуры труда и правовой культуры

в связи с переходом на рыночную экономику общества.

4. Определены концептуальные основы отраслевой профессиональной подготовки будущего бакалавра технологии для работы в профильной школе (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации.

5. Выявлены структура и подходы в реализации профессиональной подготовки будущих бакалавров технологии, способных в профильных школах ориентировать старшеклассников на выбор технологической деятельности после окончания школы.

6. Разработанная концепция отраслевого подхода к подготовке бакалавра технологии в вузе служит теоретической основой для дальнейшего исследования в области технологического образования школьников в нашем обществе.

Практическая значимость результатов исследования состоит в следующем.

1. Разработаны и реализованы в высшем педагогическом образовании две новые отраслевые специализации специальности «Технология и предпринимательство» (ныне направления подготовки 050100 «Педагогическое образование» профиля «Технология»): «Строительство и ремонт индивидуального жилья» и «Крестьянская усадьба и семья (крестьянское хозяйство)».

2. Разработан комплекс учебно-методического обеспечения учебного процесса в вузе при реализации системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологии, включающий:

- программы общетехнических и технологических дисциплин подготовки будущих бакалавров технологии;

- учебные пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки специалистов 050500 «Технологическое образование» (специальностей 050502 «Технология и предпринимательство» и 050501 «Профессиональной обучение»), ныне бакалавров направления подготовки 050100 «Педагогическое образование» профиля «Технология».

3. Разработанная творчески развивающая технология обучения общетехническим и технологическим дисциплинам нацелена на формирование у будущего бакалавра технологии за счет отраслевой профессиональной подготовки про-

гностических знаний, умений и навыков, необходимых для их реализации в профильной школе (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации.

4. Изданный и внедренный учебно-методический комплекс позволяет бакалаврам технологии реализовать полученные технологические знания отраслей производства при работе как в городских, так и в сельских профильных школах.

5. Приемы и методы активизации творческой деятельности студентов при изучении авторского курса «Гидравлика и гидравлические машины» пригодны как для общетехнических и технологических, так и для других дисциплин предметной подготовки. Особенно эффективна реализация принципа непрерывного формирования и развития творческого мышления студентов при выполнении ими заданий реального курсового и дипломного проектирования.

6. Бакалавр технологии, получивший в вузе отраслевую профессиональную подготовку,

способен эффективно использовать свои знания также в специальных (коррекционных) школах-интернатах, где урокам технологии отводится до 80% учебного времени.

7. Реализация отраслевой профессиональной подготовки студентов – будущих бакалавров технологии, ориентированных на работу в школах (классах) с индустриально-технологическим направлением профилизации, в Орловском государственном университете ведется в 1995 г. на факультете технологии, предпринимательства и сервиса на основе рекомендаций данного исследования [2,3,4,5].

В связи с модернизацией российского образования дальнейшим возможным направлением исследования может стать совершенствование рассмотренной системы отраслевой профессиональной подготовки бакалавра технологического образования в условиях многоуровневой системы образования: бакалавриат – магистратура – аспирантура – докторантура.

Библиографический список

1. *Атутов П.Р.* Педагогика трудового становления учащихся: содержательно-процессуальные основы. Избранные труды в 2-х томах Под. ред. Г.Н. Никольской. М.: Изд. фирма „ Кумир”, 2001. 728с.
2. *Калекин А.А.* Гидравлика и гидравлические машины: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки специалистов 050500 «Технологическое образование» / А.А. Калекин. М.: Мир , 2005. 512 с.
3. *Калекин А.А.* Проектирование педагогической системы формирования общеинженерной компетенции будущего учителя технологии профильной школы: Монография Орел: ОГУ, 2009. 220 с.
4. *Калекин А.А.* Методология педагогической системы формирования общеинженерной компетенции будущего учителя технологии профильной школы: Монография Орел: ОГУ, 2009. 62 с.
5. *Калекин А.А.* Формирование общеинженерной компетенции учителя технологии: Монография Орел: ОГУ, 2009. 478 с.
6. *Кирсанов А.А.* Основы инженерной педагогики / А. А. Кирсанов, В. М. Жураковский, В. М. Приходько, И.В. Фёдоров. М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007. 498с.
7. *Кирсанов А. А.* Методология инженерной педагогики / А.А. Кирсанов, В.М. Жураковский, В.М. Приходько, И.В. Фёдоров. М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007. 215с.
8. *Общая и профессиональная педагогика / Под ред. В.Д. Симоненко.* М.: Вентана. Граф, 2006. 368с.
9. *Стайнов Г. Н.* Педагогическая система преподавания общетехнических дисциплин: Монография М.: Педагогика Пресс, 2002. 200с.
10. *Хотунцев Ю.Л.* Технологическое и экологическое образование и технологическая культура школьников. М.: Эслан, 2007. 243с.

A. A. KALEKIN

**FORMATION OF SYSTEM OF BRANCH VOCATIONAL TRAINING
OF THE BACHELOR OF TECHNOLOGY OF PROFILE SCHOOL.**

Transition of comprehensive schooling to vocational training of senior pupils has demanded formation to change the preparation maintenance in HIGH SCHOOL of the bachelor of technological formation.

The offered system of branch vocational training in HIGH SCHOOL of the bachelor of technology for its work at profile school (classes) with industrially - technological direction is considered on the basis of engineering pedagogics.

Key words: profile school, technology, the bachelor of technology, industrially-technological direction, engineering pedagogics, system of branch preparation of the bachelor.

Н.О. КЕРРЕ

старший преподаватель кафедры олигофренопедагогики дефектологического факультета Московского государственного педагогического университета
E-mail: nkerre@yandex.ru,
Тел. 8 903 579 72 50

ДЕТСКАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

В статье изложены современные взгляды отечественных и зарубежных исследователей на такое заболевание, как детская шизофрения, её этиологию и патогенез. Рассматриваются перспективы и возможности полноценной социальной адаптации для детей, страдающих шизофренией, целесообразность и возможности медикаментозной и психолого-педагогической коррекции, значение адекватного социального окружения.

Ключевые слова: шизофрения, аутизм, бред, галлюцинации, нейролептики.

Шизофрения (от греч. schizo – расщепляю и phren – ум, разум) (термин Э. Блейлера, 1911) [10] – психическое заболевание, протекающее с быстро или медленно развивающимися изменениями личности особого типа (снижение энергетического потенциала, прогрессирующая интравертированность, эмоциональное оскудение, утрата единства психических процессов и т.п.). Развитие такого личностного дефицита тесно связано с различными, колеблющимися в своей интенсивности продуктивными симптомами и синдромами – неврозо- и психопатоподобными, аффективными, галлюцинаторными, гебефреническими, кататоническими, а также онейроидным помрачением сознания [12]. Развитие болезни без соответствующего лечения, особенно её выраженных форм, приводит к искажению или утрате прежних социальных связей, снижению психической активности, резкому нарушению поведения, особенно при обострении бреда, галлюцинаций и других продуктивных расстройств [3]. Современные взгляды на причины шизофрении базируются на модели предрасположенности и стресса, в которой подчёркивается роль взаимодействия между предрасположенностью, стрессовыми и защитными факторами в процессе развития. К факторам предрасположенности относятся: генетический риск, поражения центральной нервной системы, отсутствие условий, необходимых для обучения, патологические

формы семейных отношений. К стрессорам относятся события, увеличивающие вероятность шизофренических эпизодов, в частности события, способные повлиять на всю дальнейшую жизнь ребёнка, например, смерть близкого родственника; либо источники хронического стресса – такие, как грубое обращение с ребёнком в семье. Защитные факторы могут в совокупности существенно облегчить жизнь больным и уменьшить вероятность шизофренических эпизодов. К таким факторам относятся:

- снижение уровня стресса внутри семьи;
- улучшение ситуации с финансами и занятостью;
- расширение спектра развивающих видов деятельности;
- применение разнообразных видов терапии.

Данные современных исследований доказывают, что примерно 50 % больных переживают либо один психотический эпизод без дальнейших рецидивов, либо несколько, в промежутках между которыми могут жить нормальной жизнью. Примерно у каждого третьего отмечаются повторяющиеся эпизоды, в промежутках между которыми человек также испытывает проблемы. Шизофрения может проявиться в любом возрасте. Однако чаще всего диагноз ставится молодым. Шизофрения чрезвычайно редко встречается среди детей в возрасте до 12 лет, возрастает в подростковом возрасте и имеет критический период

наступления между 20-25 годами. У мальчиков шизофрения наступает в более раннем возрасте (2-4 года) и встречается в два раза чаще, чем у девочек. Однако данные половые различия исчезают в подростковом возрасте [6]. В течение довольно длительного времени термином «детская шизофрения» обозначали разнообразные расстройства, не имеющие между собой ничего общего, кроме тяжёлого и хронического проявления симптомов в раннем детстве. Шизофрениками нередко называли детей, имеющих пограничные симптомы, или вовсе не имеющих психотических симптомов, у которых, по современным стандартам, следовало бы диагностировать аутизм или другие нарушения развития [6]. Результаты современных исследований показывают, что детскую шизофрению от аутизма отличает ряд факторов:

- появление проблем в более позднем возрасте;
- менее серьёзное нарушение интеллектуального развития;
- менее серьёзное нарушение социального взаимодействия и развития речи;
- появление галлюцинаций и бреда по мере взросления;
- наличие периодов ремиссий и рецидивов [6].

Ранее предпринимались попытки диагностировать детскую шизофрению как отдельное заболевание, отличное от шизофрении у взрослых. Однако, в настоящее время исследователи пришли к мнению, что шизофрения, наступающая в детстве, по-видимому, является более тяжёлой формой шизофрении, а не самостоятельным заболеванием.

Течение болезни может быть непрерывным, периодическим, приступообразным, смешанным. Начальные стадии шизофрении могут проявляться в том, что ребёнок испытывает проблемы, связанные с концентрацией внимания, нарушением сна, учёбой, а также начинает избегать общения [2]. Развитие болезни может характеризоваться бессвязной речью, ребёнок может начать видеть или слышать то, что не видит и не слышит окружающие. Вслед за периодами улучшения могут наступать тяжелейшие рецидивы, характеризующиеся бессвязным мышлением, когда ребёнок начинает перескакивать с одной мысли на другую без всякой логической связи [4]. При детской шизофрении возможны также галлюцинации, паранойя и бред [1]. Наиболее распространённым

симптомом, наблюдающимся у детей, страдающих шизофренией, являются слуховые галлюцинации, которые наблюдаются примерно в 80% случаев при наступлении болезни до 11 лет [5]. У 40-60% детей, страдающих шизофренией, возникают также зрительные галлюцинации, бред и расстройства мышления (Caplan, 1994; Caplan, Guthrie, Tang, Komo&Asarnov, 2000; Russel, Bott&Samons. 1989) [6]. В течение психотических фаз болезни дети, страдающие шизофренией, могут утверждать, что они обладают сверхчеловеческими способностями, или какие-то люди постоянно следят за ними. Во время психотического приступа поведение больного может стать непредсказуемым, он может проявлять склонность к агрессии, аутоагрессии [13]. У детей, страдающих шизофренией, часто наблюдаются такие симптомы, как депрессия, поведенческие проблемы и суицидальные наклонности. В 70% случаев у больных, помимо шизофрении, обнаруживаются симптомы других заболеваний, в большинстве случаев – поведенческие расстройства или депрессия [7]. В большинстве случаев при детской шизофрении болезнь развивается не внезапно, а постепенно. При этом у 90% больных до наступления болезни не зафиксированы случаи поведенческих или психических расстройств [6]. Однако, при диагностике необходимо учитывать, что шизофрения может проявляться по-разному в зависимости от возраста. Бред, галлюцинации и нарушение логического мышления встречаются крайне редко и с трудом поддаются диагностике в возрасте до семи лет. Если они всё же наблюдаются, то могут иметь менее сложную, чем в зрелом возрасте структуру и содержать детскую тематику (Caplan, 1994) [15]. Иногда сложно провести границу между такими патологическими симптомами, как бред и обычные фантазии, вызванные игрой воображения и характерные для многих маленьких детей. Необходимо также учитывать, что, в отличие от взрослых, маленькие дети могут не испытывать дискомфорта и не ощущать дезорганизирующего характера проявляющихся у них психотических симптомов. Поэтому при проявлении таких симптомов на ранних стадиях развития дети могут не отличать их от своих нормальных переживаний (Russell, 1994) [16].

Характер болезни может также существенно меняться. Иногда больные, прежде переживавшие

острые приступы, впоследствии выздоравливают и никогда больше не испытывают неприятных симптомов [1]. Даже при тяжёлом хроническом течении болезни со временем состояние человека может улучшаться. Даже такой фактор, как генетическая предрасположенность, не является приговором: психическое заболевание одного из генетически идентичных близнецов не означает, что другой тоже заболеет.

Пациентам с диагнозом «шизофрения» обычно назначают какое-то средство из ряда антипсихотических препаратов (нейролептиков). Хотя воздействие лекарств на детей значительно менее изучено, чем на взрослых, нейролептики широко используются при лечении детской формы шизофрении. Антипсихотическое действие проявляется не сразу, но, как правило, через несколько дней или недель симптомы заболевания (возбуждение, странные ассоциации, голоса) ослабевают. Если этого не происходит, лечащий врач может увеличить дозу того же средства или назначить другое. Иногда симптомы полностью исчезают. Тогда приём препарата может быть сокращён, затем прекращён окончательно. В других случаях с учётом симптомов и истории болезни, может быть предложено продолжить приём в течение длительного периода во избежание рецидива. Для минимализации побочного действия дозировка обычно уменьшается. Иногда симптомы полностью не исчезают. Они могут ослабеть, что позволяет пациенту чувствовать себя лучше,

однако продолжают причинять неудобства ему и окружающим – т.н. остаточные. Иногда антипсихотические препараты не оказывают никакого действия, но число таких случаев относительно невелико [12]. Нейролептики, являющиеся антагонистами допаминов, усиливают нейротрансмиттерную активность и подавляют такие симптомы, как бред, галлюцинации и агрессивное поведение у психических больных. Однако приём этих препаратов иногда даёт серьёзные побочные эффекты. Многие нейролептики обладают седативным эффектом. Возможно нарушение обмена веществ, помутнение зрения, запоры, повышенная чувствительность к солнечным лучам, апатия, снижение мотивации [9].

Медикаменты могут помочь контролировать психотические симптомы у детей, страдающих шизофренией, но необходимость психосоциальных методов лечения, включающих тренинг социальных навыков, работу с семьёй и помещение больных в специальные школы, также получила широкое признание в практике. Результаты современных исследований показывают, что многие люди с диагнозом «шизофрения» могут жить продуктивной, полной жизнью. Вне зависимости от того, наблюдаются психотические симптомы или нет, люди обычно способны жить с этими симптомами насыщенной жизнью, работать, завязывать отношения, реализовывать себя в различных сферах.

Библиографический список

1. *Джонс С., Хэйворд П.* Лицом к лицу с шизофренией. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
2. *Ковалёв В.В.* Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1995.
3. *Лебединский В.В.* Нарушение психического развития у детей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
4. *Лебединский В.В.* и др. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
5. *Личко А.Е.* Подростковая психиатрия. Л., 1985.
6. *Мэй Э., Вольф Д.* Детская патопсихология. Нарушения психики ребёнка. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
7. *Попов Ю.В., Вид В.Д.* Современная клиническая психиатрия. М., 1997.
8. *Портнов А.А., Федотов Д.Д.* Психиатрия. М.: Медицина, 1973.
9. Руководство по психиатрии: в 2 т./ под ред. Г.В. Морозова М.: Медицина, 1988.
10. Справочник по психиатрии. М.: Медицина, 1985.
11. *Ушаков Г.К.* Детская психиатрия. М.: Медицина, 1973.
12. *Шейдер Р.* Психиатрия. М.: Практика, 1998.
13. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

14. *Russell D.E.H.* (1986) *The secret trauma*. New York: Basic Books.
15. *Rutter M. & Rutter M.* (1993) *Developing minds: Challenge and continuity across the life span*. New York: Basic Books.
16. *Rutter M., Tizard & Whitmore K.* (1970). *Education, health, and behavior*. London: Longmans, Green.

N.O. KERRE

CHILDHOOD-ONSET SCHIZOPHRENIA

In article modern views of domestic and foreign researchers on take disease, as children's schizophrenia, its etiology are considered. Prospects and possibilities high-grade social adaptation for children, suffering by a schizophrenia, expediency and possibilities of medicamentous and psihologo-pedagogical correction, value of an adequate social environment and considered.

Key words: schizophrenia, autism, delusions, hallucinations, neuroleptics.

А.И. ПАНТЮХИН

кандидат технических наук, заведующий сектором информационных технологий Орловского государственного аграрного университета

Тел. 8 920 802 22 09

А.Л. КУЗНЕЦОВ

кандидат технических наук, заведующий лабораторией безопасности труда в агропромышленном производстве Орловского государственного аграрного университета

Тел. (4862) 77 54 20

ОХРАНА ТРУДА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Представлены результаты анализа охраны труда в высших учебных заведениях и предложены мероприятия по улучшению охраны труда.

Ключевые слова: охрана труда, студент, учебное заведение, травматизм.

Основное назначение учебных заведений – подготовка специалистов для всех отраслей экономики, успешное выполнение этой задачи невозможно без создания в учебных заведениях безопасных условий труда. Охрану труда в учебном заведении обязаны обеспечить: администрация вуза, заведующие кафедрами, заведующие лабораториями, преподаватели, руководители вспомогательного персонала. На основе анализа (с учётом современных требований охраны труда) работа ответственных лиц за безопасные условия труда в учебных вузах ведётся на недостаточном уровне. Ответственные лица в недостаточной мере учитывают опасности, которым подвергаются студенты и обслуживающий персонал в процессе учёбы и работы.

На отдельных кафедрах (физического воспитания, химии, физики, выпускающих дисциплин, в лабораториях) практические и лабораторные работы выполняются студентами, а в мастерских, гаражах, общежитиях, столовых – обслуживающим персоналом. К выполнению данных работ предъявляются повышенные требования по охране труда.

В специализированных аудиториях и участках вспомогательных служб студенты и рабочие подвергаются негативным факторам: недостаточ-

ная освещённость, воздействие ионизирующих излучений от персональных компьютеров (особенно опасно для беременных студенток), загазованность, электро- и пожарная опасность.

Невысокий уровень травматизма в образовательных учреждениях сравнительно с другими отраслями экономики создаёт определённую успокоенность ответственных лиц и необоснованную надежду на малую вероятность возникновения травм.

Можно предположить, что это происходит не потому, что ответственные лица безответственно относятся к своим служебным обязанностям, а видимо, этому явлению сопутствует ряд причин, возникших в связи с реалиями современной жизни.

Основной причиной недостаточной работы ответственных лиц по созданию безопасных условий труда на рабочих местах в высших учебных заведениях является отсутствие пропаганды охраны труда.

В период существования Советского Союза были разработаны и повсеместно приняты различные мероприятия по пропаганде охраны труда. Многие из тех мероприятий в настоящее время утрачены, но надо думать, лучшие из них будут возвращены, но уже в новом качестве.

В условиях социализма целые коллективы и отдельные лица добивались высоких показателей по охране труда, награждались Почётными грамотами, денежными премиями (министерства, области, предприятия), и даже правительственными наградами. На правительственном уровне выдвигались различные почины, например «Работать без травм и аварий по почину Басова». Этот почин был внедрён не только в СССР, но и в других социалистических странах [1]. По этому почину специально по линии профсоюзов предоставлялась отчетность:

– лучшие коллективы и лучшие общественные инспекторы по охране труда награждались почётными грамотами, туристическими бесплатными путёвками и т. п. Лицам, получившим одну из этих наград, в последующем присваивают звание «Ветеран труда» и соответствующие статусу социальные льготы.

При всех отраслевых профсоюзах существовал внештатный отдел инспекторов по охране труда. В настоящее время институт общественных инспекторов ЦК профсоюзов ликвидирован, и страна понесла при этом невосполнимую утрату. Отдельные общественные инспекторы приобретали знания и опыт, которые ни в чём не уступали штатным инспекторам. Принимая во внимание, что в настоящее время нагрузка на государственных инспекторов Гострудинспекции очень сильно возросла (они практически не ведут методическую работу по пропаганде охраны труда на подведомственных им предприятиях, а занимаются только расследованием несчастных случаев), потеря специалистов-профессионалов в лице общественных инспекторов очевидна. Утверждение о том, что общественные инспекторы отвлекают администрацию от работы во время своих проверок, несостоятельна. Напротив, они получают только пожизненную благодарность от пострадавших, которым была восстановлена документация по несчастному случаю и устранена социальная несправедливость, а также от администрации за оказанную методическую помощь в налаживании работы по охране труда. В доперестроечный период существовал ещё целый ряд мероприятий по пропаганде охраны труда, и вся эта работа имела определённое положительное значение. С переходом на новые формы ведения хозяйства, улучшения показателей по травма-

тизму (учитывая резкий спад производства) по сравнению с доперестроечным периодом не произошло. Однако, в результате вступления в силу в последнее время ряда законов, связанных с охраной труда, в стране наметилась стабильность и чёткие требования ко всем гражданам страны по выполнению требований безопасности труда. Так в акте по ф. Н-1 появилась графа, в которой указывается конкретный виновник травмы, его фамилия, профессия и должность, а также какую статью закона он нарушил, и что явилось причиной несчастного случая. При этом виновник травмы будет обязательно привлечён к ответственности: дисциплинарной, административной или уголовной. Кроме того, конкретного виновника травмы могут обязать выплачивать по регрессному чеку в фонд социального страхования ту сумму, которую получает пострадавший в связи с возмещением вреда его здоровью из-за травмы на производстве [2]. Таким образом, становится очевидным, что нарушение требований по созданию безопасных условий труда и допущенный при этом травматизм приносит материальные, нравственные и физические страдания не только пострадавшему, но и конкретному виновнику травмы.

Травмы, аварии и пожары происходят во всех без исключения отраслях экономики, не исключены они в высших образовательных учебных заведениях.

Медленно снижается количество несчастных случаев на производстве (2362-в 2006 году, 2156-в 2007 году). И что самое печальное, выросло число травм со смертельным исходом среди работников образовательных учреждений системы Минобразования РФ. Если в 2006 году мы потеряли 28 человек, то в 2007 году – 38 [3].

Статистика травматизма всегда будет статистикой боли человеческой, беды общей, порожденной равнодушием и безответственностью.

К гибели человека невозможно привыкнуть и нельзя от нее отмахнуться. Производственный травматизм перестал зависеть от качества нормативно-правовых документов, инструкций – их просто зачастую не выполняют. И никакие, даже самые жесткие меры не смогут обеспечить безопасное ведение работ, если это не станет главной повседневной задачей, моральным долгом, если хотите, лично руководителей структур-

ных подразделений, специалистов и служащих, каждого работающего.

Несчастный случай сегодня – не только трагедия потерпевшего или членов его семьи, он ложится пятном на организацию и на трудовой коллектив.

Важно, чтобы приоритет жизни и здоровья человека в процессе трудовой деятельности был не только принципом, но чтобы этот принцип реализовывался практически.

Исходя из этого, задача руководителей и специалистов по охране труда состоит в формировании у работников всех уровней идеологии безопасности и законопонимания, чтобы все осознавали и могли предусмотреть последствия смертельных несчастных случаев.

При современных рыночных отношениях охрана труда становится категорией экономиче-

ской. Поэтому выгоднее вкладывать средства в создание безопасных условий труда, чем иметь моральные и материальные потери как для семьи погибшего человека на производстве, так и для организации. Но кроме реализации программ по охране труда каждый должен помнить о том, что от соблюдения им норм и правил по охране труда во многом зависит его здоровье и благополучие.

Таким образом, для повышения уровня безопасности работы в высших учебных заведениях целесообразно:

- повысить статус инженера по охране труда;
- восстановить работу кабинетов по охране труда, проводить смотры - конкурсы по созданию безопасных условий труда преподавателей и студентов среди образовательных учреждений высшей школы.

Библиографический список

1. *Файнбург Г.З., Овсянкин А.Д., Потемкин В.И.* Охрана труда: Учебное пособие для специалистов и руководителей служб охраны труда организаций. Под ред. проф. Г.З. Файнбурга. Издание 7-е, исправленное и дополненное. ПОЦОТ ПГТУ, Пермь. 2006.
2. *Тропкина Л.А.* Охрана жизнедеятельности образовательного учреждения/Сост. Л.А. Тропкина. Волгоград: Учитель, 2007.
3. *Михайлов Ю.М.* Охрана труда в образовательных учреждениях: Практическое пособие Ю.М. Михайлов. М: Альфа-Пресс, 2009.

A.I. PANTUKHIN, A.L. KUZNETSOV

GUARD OF THE LABOUR IN HIGH EDUCATIONAL INSTITUTION

The Presented results of the labour guard analysis in high educational institutions and is offered actions on labour guard improvement.

Key words: guard of the labour, student, educational institution, traumatize.

Н.Т. РОЖКОВ

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского языка и педагогики
Государственного университета – УНПК
E-mail: RogkovNT@yandex.ru,
Тел.(4862) 45 57 48

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ ПРИЧИН КОНФЛИКТОВ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Системно-функциональный подход к диагностике причин конфликтов в студенческой среде позволяет: системно и целостно подойти к решению данной проблемы; классифицировать и типизировать причины конфликтов; ориентироваться педагогу во всем многообразии причин, вызывающих конфликты.

Ключевые слова: диагностика, причина, конфликт, функция, поведение, система, модуль.

Современная педагогика располагает богатым арсеналом знаний в области конфликтологии. В научных трудах педагогов, психологов, социологов раскрываются механизмы возникновения, развития и завершения конфликтных ситуаций между людьми. Изучены факторы, обуславливающие выбор того или иного способа поведения в конфликте. Однако, несмотря на активизацию исследований во многих областях научного знания, педагогическая наука и практика сегодня не уделяет должного внимания изучению причин конфликтного поведения личности. Это касается в первую очередь студенческой молодежи.

Исследование показало, что системно-ролевое изучение причин конфликтного поведения студентов не является достаточным, так как конфликтность личности зависит не только от её ценностных ориентаций и принятия ею социальных норм поведения, но и от её способности регулировать свои действия, акты поведения. Современная теория доказывает, что такая способность прямо зависит от системной ориентировочной основы поведения и деятельности личности, формирование которой является исходной целью воспитания [2, с.32]. Если эта основа не сформирована, то личность испытывает жизненные трудности, которые являются основной причиной конфликтов.

Сущность этой ориентировочной основы и требования к её формированию раскрывает системно-функциональная теория педагогиче-

ской деятельности [1, с.134-135], согласно которой педагогическая деятельность осуществляется как реализация системы объективных функций и соответствующих им методов: диагностической, целевой ориентации, планирования, организаторской, мобилизационно-побудительной, коммуникативной, формирующей, контрольно-аналитической и оценочной, координации и коррекции, совершенствования. В самовоспитании реализуются аналогичные функции, выступающие как функции самореализации личности – самодиагностики, целевой самоориентации, самопроектирования, самоорганизации, самомотивации и самокоммуникации, самоформирования, самоконтроля, самоанализа и самооценки, самокоррекции, совершенствования. Воспитание совершается как переход педагогических функций в функции самосовершенствования и саморегуляции личности, а её непосредственным результатом выступает ориентировочная основа поведения и деятельности личности, через которую и посредством которой достигаются воспитательные цели. Это отражение объективного факта: деятельности педагога и студентов имеют одну и ту же системно-функциональную природу, они сущностно (органически) связаны и должны совершаться в системно-функциональном взаимодействии, когда педагогические функции перерастают в функции самовоспитания личности. Другими словами, эффект воспитания возникает тогда, когда студент сам себя изучает (самодиаг-

ностика), ставит перед собой цели, проектирует свою деятельность, самоорганизует её, побуждает себя на выполнение нужных задач и т.д., то есть превращается в полноценного субъекта этого процесса, саморегулирует свою жизнедеятельность, овладевает основами ориентировочного поведения и деятельности.

Системно-функциональная теория педагогической деятельности становится важным ориентиром в решении проблемы диагностики причин конфликтов в студенческой среде, так как она указывает и на функции, реализуемые при решении воспитательных задач, и на методы их реализации, и на те функции саморегуляции личности, и на те вероятные причины, которые порождают конфликтность личности, если у неё не сформирована полноценная ориентировочная основа поведения и деятельности. Эти новые знания кардинально меняют представления о процессе воспитания и самовоспитания и создают научный фундамент для решения имеющихся проблем в практике воспитания, в том числе проблемы изучения причин конфликтного поведения личности. С их помощью можно заглянуть в самую суть причин конфликтного поведения человека, так как они в системном виде связаны с его ориентировочной основой поведения и деятельности.

Нет сомнения, что глубинные причины конфликтного поведения личности следует искать в процессе совместной деятельности преподавателя и студента. Эта «совместность» обнаруживает себя в полной мере через понимание синергетической сути педагогического процесса. Объяснение этой сути в синергетической теории воспитания через раскрытие системно-функционального взаимодействия педагога и студента, исходной целью которого является формирование системной ориентировочной основы поведения и деятельности личности, даёт возможность объяснить причины противоречий и трудностей в этом процессе, в том числе в их последствиях – конфликтах.

Основываясь на вышеизложенном, мы построили исследование на системно-функциональном подходе к диагностике причин конфликтов в студенческой среде. Принципиальное значение такого подхода заключается в следующем. Во-первых, это соединение диагностики и самодиагностики, а во-вторых, это соединение воспитания и само-

воспитания. Педагогика всегда стояла на позициях необходимости такого соединения. Ещё в начале 60-х годов Н.И. Болдырев писал, что, «изучая учащихся, нужно строить этот процесс в единстве с воспитывающей деятельностью, так как трудно докопаться до истины без активного влияния на личность». Позже этот постулат получил выражение в принципе моделируемого изучения или, как выразился Ю.К. Бабанский, «создания воспитывающих ситуаций», в которых проявляются актуальные качества личности. Такой подход для изучения студентов явно недостаточен. Всё меняется, если диагностику соединить с самодиагностикой, а, следовательно, воспитание с самовоспитанием, когда студент включится в совместную с педагогом деятельность.

Учитывая все это, мы определили модули содержания диагностики причин конфликтного поведения студентов, обусловленных несформированностью у них системной ориентировочной основы поведения и деятельности. Каждый модуль такого содержания нуждается в той специфической расшифровке, которая может быть осуществлена преподавателем с учётом конкретных условий воспитания.

Модуль содержания, связанный с самодиагностикой личности. Этот модуль предполагает изучение уровня сформированности и качества самодиагностических действий личности, направленных на самопознание, осуществляемых с помощью соответствующих им методов: самонаблюдение, самоанкетирование, самотестирование и др. Владение этой функцией имеет исключительное значение, так как оно обеспечивает формирование самодиагностической культуры личности, которая является основой самосовершенствования человека.

Изучение показало, что все педагогически запущенные студенты имеют предельно низкий уровень развития самодиагностической культуры. Показатель этой культуры, выражаемый 1,5 баллами (по пятибалльной шкале оценок), имеет то критическое значение, с которым прямо связаны конфликты. Вследствие того, что эта культура связана со всеми социальными ролями, то её изучение с необходимостью должно быть системно-ролевым.

Модуль содержания, связанный с качеством целевой самоориентации личности. Одной из са-

мых сложных задач для человека является выбор и постановка целей и задач жизнедеятельности. Сущность данной функции состоит в готовности и способности личности ставить перед собой наиболее значимые, социально-полезные цели и задачи жизнедеятельности.

Особое значение имеет определение целей и задач самосовершенствования, осуществляемое с помощью методов выбора целей и задач саморазвития, их ранжировки (по значимости), прогнозирования ожидаемых результатов. С овладением этой функцией у студентов формируется культура целевой самоориентации, проявляющаяся в способности личности самостоятельно ставить перед собой жизненно важные цели и задачи.

Анализ говорит о том, что педагогически запущенные студенты имеют низкий уровень развития культуры целевой самоориентации, выражаемый 2,4 балла (по пятибалльной шкале оценок), то есть критическое значение, с которым прямо связаны конфликты.

Модуль содержания, связанный с качеством самопроектирования и самоорганизации личности. Этот модуль охватывает изучение системы действий личности, связанных с планированием и организацией жизнедеятельности. В воспитании данный модуль предполагает выявление уровня развития культуры самопроектирования и самоорганизации личности, от которой прямо зависит саморегуляция и жизнеспособность личности. В свете этих воззрений личность в оптимуме рассматривается как самоорганизующаяся система. В системно-ролевой теории воспитания подчёркивается, что эта самоорганизация берёт свое начало в проективных способностях личности. Эти способности в виде умений помогают предвидеть ход своей жизнедеятельности, предвосхищать результаты своей деятельности, проектировать достижение целей, организовывать себя и условия для этого достижения есть культура самоорганизации человека. При неразвитости этой культуры человек находится во власти стихии, когда он не управляет собой.

Анализ показал, что педагогически запущенные студенты имеют низкий уровень развития культуры самопроектирования и самоорганизации. Показатели развития культуры самопроектирования и самоорганизации выражаются соответственно 2,2 и 2,1 балла (по пятибалльной

шкале оценок), имеют те критические значения, с которыми прямо связаны конфликты.

Модуль содержания, связанный с анализом психологической и коммуникативной культуры личности. Предметом изучения в этом модуле является система самовоспитательных действий личности, которые направлены на регулирование своих психических состояний, на их актуализацию и мобилизацию в соответствии с целями и задачами самосовершенствования, и умения, необходимые для установления оптимальных отношений с другими людьми.

Психологическая функция, а, следовательно, и культура – одна из самых сложных, но в тоже время значимых для реализации поставленных целей и задач жизнедеятельности.

Нет сомнения в том, что к учебной деятельности, как и к любой другой, надо быть психологически готовым или предрасположенным. Предрасположенность к определённому виду деятельности протекает в форме установки. Это целостное динамическое состояние индивида, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией. Формирование установки – это процесс оценки и переоценки событий и фактов. В этом процессе индивид усваивает значимые для себя нормы поведения и правила общения с людьми, их взгляды, мнения и убеждения.

Практика педагогической деятельности свидетельствует о том, что одной из основных причин конфликтного поведения студентов является их низкая культура психической саморегуляции. Около 78 % конфликтов имеют своим основанием низкую культуру психической саморегуляции личности. Следует также учитывать, что около 1/3 студентов, имеющих такой уровень названной культуры, характеризуются нервно-патологическими заболеваниями, которые стали следствием длительного действия нервных расстройств.

Коммуникативная культура личности в этом случае занимает центральное место, так как она определяет возможность её освобождения от нервных недугов психического порядка. Опыт подсказывает, легче всего освободиться от психических недугов тому, кто научится правилам общения, а кто ими владеет, тот имеет лучшую защиту от нервных расстройств. В этом смысле воспитание, ориентированное на формирование

этой культуры, создаёт предпосылки для устранения базисных причин конфликтов.

Коммуникативные качества и умения вырабатываются постепенно в процессе повседневного общения студентов с окружающими их людьми. Организовать коллективную деятельность, предоставляющую воспитанникам широкие возможности для общения, – одна из важнейших процессуальных задач педагогов. Эту задачу можно решить только при условии, если между студентами и педагогами установились тесные контакты. Такое встречное усилие характеризуется готовностью студентов к правильному общению, к соблюдению соответствующих требований педагогов.

В то же время низкий уровень культуры общения характеризуется следующими показателями: знания о культуре общения отсутствуют; необходимость коммуникативной культуры студентами не осознаётся; понимание культуры общения и смысла коммуникативных качеств неверное; положительные коммуникативные качества не сформированы. Характерными особенностями педагогически запущенных студентов являются: безответственность (80%); безволие и неисполнительность (70%); пассивность (64%); упрямство (65%); желание обратить на себя внимание, завоевать авторитет (25,4%); необходимость защитить честь и достоинство (37,7%); возможность проявить силу, смелость, решительность (9,2%) и др. Они отличаются жестокостью, злобой, агрессивностью.

Анализ свидетельствует о том, что педагогически запущенные студенты характеризуются низким уровнем развития культуры психической саморегуляции и коммуникативной. Вследствие психологической неустойчивости у них возникают трудности в умении строить свои отношения с окружающими людьми. Показатели развития культуры психической саморегуляции и коммуникативной выражаются соответственно 1,6 и 1,3 балла (по пятибалльной шкале оценок), имеют те критические значения, с которыми прямо связаны конфликты.

Модуль содержания, связанный с культурой самоформирования личности. Человеку чаще всего мешает его собственная слабость, неспособность сотворить себя таким, чтобы жить полноценно. Поэтому педагогу необходимо в первую

очередь понять, в какой мере и как проявляется эта неспособность. Для этого он включает в диагностику всё то, что связано с выявлением трудностей студента в практических действиях по самовоспитанию, направленных на освоение и выполнение объективных социальных ролей, на выработку значимых свойств и качеств в различных видах деятельности с применением методов упражнения, тренировки, испытания, деятельности и поведения по определенным нормам и правилам и т.д.

Эта функция обеспечивает перевод целей и задач воспитания в целевую ориентацию личности. Например, формирование культуры психической саморегуляции студентов в соответствующих видах деятельности (субъект познания и учения, самовоспитания, целеутверждения и др.) становится процессом самоформирования этой культуры, а когда речь идёт о причинах её несформированности и последствиях этого, то педагог выявляет трудности, противоречия в процессе самовоспитания, с которыми связана необеспеченная психическая саморегуляция личности.

Анализ говорит, что у педагогически запущенных студентов не сформированы практические умения и навыки самосовершенствования, выражающиеся в низком качестве самовоспитания, в выработке определённых способностей, свойств, привычек, стиля и образа жизни, в преодолении негативных свойств и качеств, что затрудняет возможность успешного достижения жизненных целей. Низкий уровень развития культуры самоформирования есть следствие несформированности культуры психической саморегуляции и коммуникативной. Показатель развития культуры самоформирования выражается 1,4 балла (по пятибалльной шкале оценок), имеет то критическое значение, с которым прямо связаны конфликты.

Модуль содержания, связанный с культурой самоконтроля, самоанализа и самооценки. Этот модуль включает изучение действий личности, связанных с контролем, анализом и оценкой своей деятельности, поведения, в том числе, с проверкой качества самосовершенствования с помощью таких методов, как учёт данных и результатов саморазвития, сравнительный анализ, выявление типичного в поведении и деятельности (в том числе типичных ошибок, трудностей и их при-

чин), обобщения, оценивания и др. Здесь особое значение приобретают те данные диагностики, которые объясняют, почему у студентов возникают трудности в самоконтроле, самоанализе и самооценке и как из-за них возникают конфликтные ситуации. В этой связи, пользуясь перечнем контрольных вопросов, педагог изучает характер этих трудностей по сферам деятельности и социальным ролям, в том числе, в учебной и внеучебной деятельности, в отношениях со сверстниками, педагогами и родителями, в деятельности по самосовершенствованию, устанавливая дефицитные качества, из-за которых самоконтроль и самооценка становятся необъективными, а самоанализ – недостоверным.

Анализ показал, что характерной особенностью педагогически запущенных студентов является низкий уровень развития умений и навыков самоконтроля, самоанализа, самооценки личности, связанной с проверкой результативности самосовершенствования и его оценки, в том числе, конкретных поступков, актов поведения и деятельности, отдельных действий, своих качеств, привычек, черт характера, что вызывает трудности и противоречия во взаимодействии с другими людьми. Показатель развития культуры самоконтроля, самоанализа и самооценки выражается 1,7 балла (по пятибалльной шкале оценок), имеет то критическое значение, с которым прямо связаны конфликты.

Модуль содержания, связанный с изучением эвристических и корреляционных способностей личности. Жизнедеятельность любого человека протекает в постоянно меняющихся условиях, с учётом которых ему необходимо выбирать тип своего поведения. Такой выбор включает, с одной стороны, корректирование своих планов и действий по уже известным ему нормам и правилам, а с другой – поиск новых решений в нестандартных ситуациях. Его качество зависит от уровня развития коррекционных и творческих (эвристических) способностей личности. Объективный характер этой зависимости определяет реализацию человеком во всех видах деятельности и поведения координационной и эвристической функций [1, с.54-55]. При неразвитости названных способностей человек характеризуется преимущественно стереотипным поведением. Если такие стереотипы основаны на нормах морали

и права, то они, как правило, лишь затрудняют принятие новых решений в нестандартных ситуациях, снижают в определённой мере эффективность деятельности. В таких случаях говорят о «костном поведении». Если же стереотипы сформировались на вредных привычках и типах поведения, то они становятся источником для множества жизненных трудностей и связанных с ними конфликтов с окружающими людьми.

Из этого прямо следует вывод, что составной частью обсуждаемой диагностики должно быть выявление уровня развития коррекционных способностей студента, с которыми связана его возможность своевременного исправления допускаемых ошибок, корректирования своих действий и поступков в изменяющихся условиях.

В итоге, анализ свидетельствует о том, что у педагогически запущенных студентов не сформированы умения по самокоррекции своих действий, поступков, поведения, деятельности, приводящие к трудностям, противоречиям в отношениях с окружающими их людьми. Показатели развития культуры самокоррекции и эвристической выражаются соответственно 1,9 и 1,3 балла (по пятибалльной шкале оценок), имеют то критическое значение, с которыми прямо связаны конфликты.

Наглядное представление о сформированности ориентировочной основы поведения и деятельности у студентов, склонных к конфликтам, даёт системно-функциональная тестограмма [см. рис. 1].

Таким образом, сущность системно-функционального подхода к изучению причин конфликтов в студенческой среде заключается в следующем.

Во-первых, причины конфликтов следует искать в системе «педагог-студент», в их совместной деятельности, потому что любой человек во всех грехах старается обвинить другого, только не себя. Такой подход к анализу конфликтов устраняет искусственно созданное противоречие и помогает педагогу включить студента в процесс совместного поиска причин неадекватного поведения.

Во-вторых, в ходе совместной воспитательной деятельности студент начинает осознавать истинные причины своего конфликтного поведения. У него постепенно развиваются способности в умении ставить себя на место других людей, правильно строить отношения с ними.

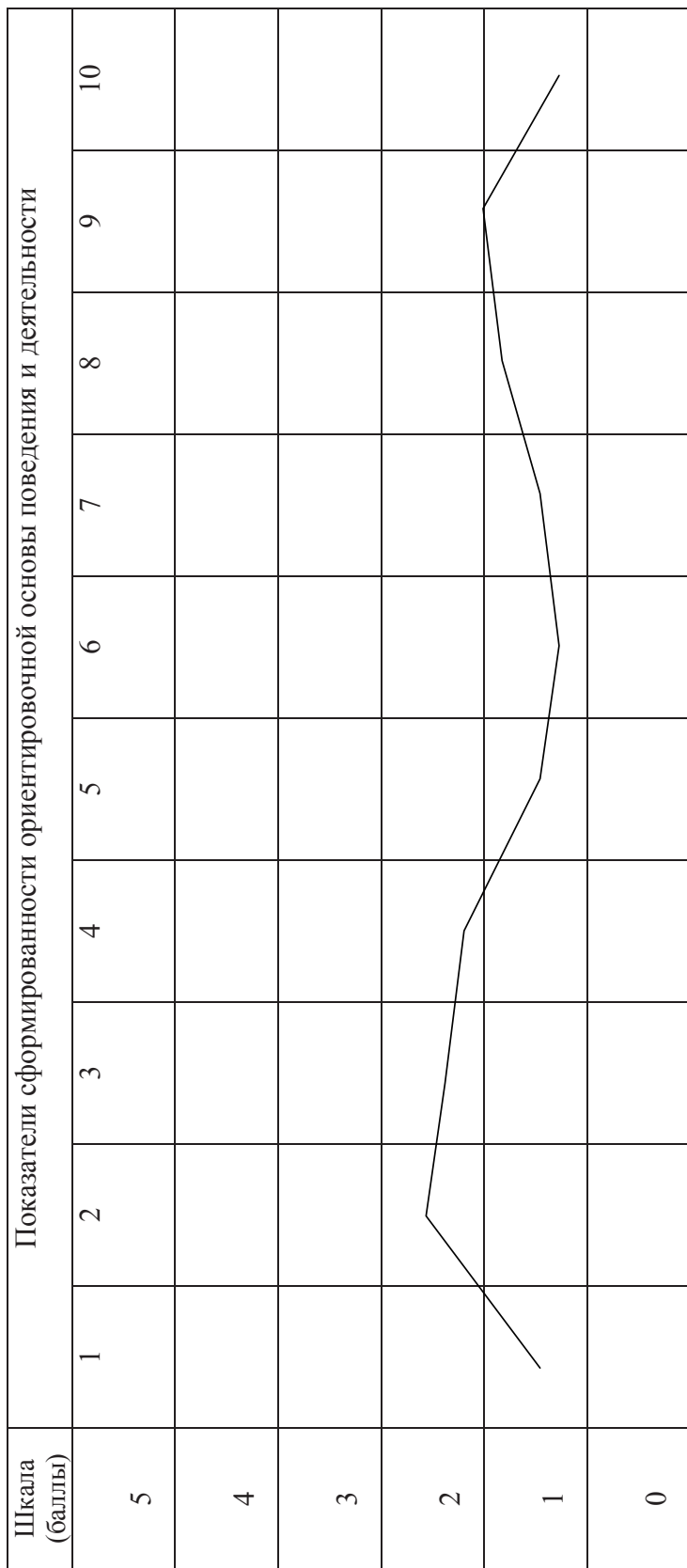

Рис. 1. Системно-функциональная тестограмма оценки сформированности ориентировочной основы поведения и деятельности у студентов средней профессиональной школы, склонных к конфликтам
Условные обозначения. Под №№ 1, 2, 3 и т.д. указаны функции самодиагностики и самовоспитания.

В-третьих, в процессе реализации системы функций происходит развитие психических процессов личности (внимания, памяти, мышления, воли, воображения и др.). Например, как можно овладеть культурой целевой самоориентации без развитого воображения, или овладеть организационной культурой без силы воли и т.д. В свою очередь, психические процессы влияют на формирование ориентировочной основы поведения и деятельности личности, то есть овладение ею системой представленных функций самовоспитания, а, следовательно, и функций самодиагностики.

В-четвертых, системно-функциональный подход позволяет педагогу оперативно анализировать причины конфликтности студентов, предупреждать их и преодолевать, осуществляя педагогическое регулирование процессом самовоспитания. Как предупреждение, так и преодоление конфликтов связано с овладением студентами ориентировочной основой поведения и деятельности.

В-пятых, системно-функциональный подход к педагогической деятельности и системно-ролевой подход к формированию личности органически взаимосвязаны. Ведь для реализации той или иной роли личность должна знать и неуклонно выполнять последовательность своих действий. Имеется в виду то, что системно-функциональная деятельность личности структурно входит в выполняемую ею социальную роль.

Выделенные модули дают педагогу системные ориентиры в изучении причин конфликтного поведения студентов, так как они:

- включают все элементы (функции), объективно присущие педагогической диагностике;
- сочетают в себе диагностику и самодиагностику;
- представлены в той объективной технологической последовательности, которая присуща в одинаковой мере объективной структуре педагогической деятельности и самосовершенствования личности.

Библиографический список

1. Таланчук Н.М. Введение в непедагогику. Пособие для педагогов-новаторов. М.: «Логос», 1991.
2. Таланчук Н.М. Воспитание – синергетическая система ориентированного человековедения. Базисная концепция воспитательного процесса в школе. Казань: «Дом печати», 1998.

N.T. ROGKOV

SYSTEM-FUNCTIONAL APPROACHES TO DIAGNOSIS THE CAUSES OF CONFLICTS AMONG STUDENTS

System-functional approach to diagnosis the causes of conflicts in the student's environment allows: systematically and completely come to the solution of this problem; classify and typify the reasons of conflicts; orient the teacher in a variety of causes of conflicts.

Key words: *diagnosis, reason, conflict, function, behavior, system, module.*

М.А. СОЛОМЧЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и методики физического
воспитания, докторант кафедры общей
педагогике Орловского государственного
университета

E-mail: marin69@yandex.ru,

тел. 8 910 304 83 44

Д.И. ГОЛОВКИН

аспирант очного отделения кафедры
теории и методики физического воспи-
тания Орловского государственного
университета

E-mail: senior.golovkin2010@yandex.ru

Тел. 8 915 501 85 61

ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ ЛЕЧЕБНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ С ИНСУЛЬТОМ

Физическая реабилитация является неотъемлемой частью восстановительного процесса больных с инсультом. В данной статье мы показали роль инструктора лечебной физической культуры в восстановлении двигательных функций у больных с ишемическим инсультом. Без активного проявления больного к восстановлению утраченных навыков нельзя говорить о возвращении к активной жизнедеятельности, если только частично. Наоборот пациенты, которые принимают активное участие в реабилитационных мероприятиях и полностью выполняют рекомендации инструктора, полностью возвращаются к активной жизни. Полное восстановление больных с инсультом зависит от восстановления их двигательных навыков. В связи с этим, особое значение необходимо уделить вопросам подготовки инструкторов по лечебной физкультуре.

Ключевые слова: реабилитация, ишемический инсульт, двигательная активность, средства лечебной физкультуры

Одной из основных причин тяжелой и длительной инвалидизации населения в современном обществе являются инсульты [1,3,6,7,9]. Отсутствие своевременного и адекватного восстановительного лечения больных после инсульта ведет к возникновению необратимых анатомических и функциональных изменений, а также социальной и бытовой дезадаптации человека.

Реабилитация больных с ишемическим инсультом начинается с первых суток поступления. Результат непосредственно зависит от времени заболевания и поступления больного в отделение. Чем больше времени пройдет от момента заболевания, тем дольше идет восстановление. А это зависит от понимания и осознанного поведения человека. Так как многие люди не понимают, что

с ними произошло, это и является проблемой на сегодняшний день. В настоящее время не уделяется времени для распространения сведений по данному заболеванию и не ведется распространение материала, где описывались бы первые симптомы заболевания. В связи с этим данная проблема является актуальной.

В практике реабилитации больных с ишемическим инсультом важным аспектом является правильный подход инструктора. Вследствие того, что мышцы на пораженной стороне становятся наиболее слабыми и голова, как правило, может повернуться на здоровую сторону, если с больным контакт постоянно происходит только со здоровой стороны. Из этого возникает противоречие между пассивной реабилитацией

больного с инсультом и применением средств лечебной физической культуры для активного восстановления.

Необходимым условием является правильный подход инструктора к больному (с больной или здоровой стороны). Многие утверждают [4,6,8], что к пациенту нужно подходить с больной стороны, чтобы он мог поворачивать голову в эту сторону и выполнять дальнейшие инструкции и указания. Так как если больной будет смотреть и разговаривать через здоровую сторону, то мышцы здоровой стороны перетянут голову в эту сторону. А если больной будет поворачивать голову в пораженную сторону, то будет плохо видеть окружающих и неправильно выполнять команды.

Целью реабилитации является возвращение пострадавшего к бытовой и трудовой деятельности, создание оптимальных условий для его активного участия в жизни общества.

При проведении восстановительного лечения больных, перенесших инсульт, важно учитывать теоретические представления об организации физиологических и патологических движений, о формировании компенсаторных процессов поврежденных структур и нарушенных функций, о функциональных системах организма. Кроме того, важно помнить о влиянии сенсорных и речевых воздействий на эффективность физических упражнений.

На выработку компенсаторных механизмов оказывает большое влияние так называемая обратная связь, проявляющаяся в сигнализации из внешней и внутренней сред организма [2]. Реабилитационное лечение больных, перенесших инсульт, основывается также на концепции о системной организации мозговых функций, которая указывает на резервные возможности головного мозга при реорганизации его структур в условиях патологического процесса. Данная реорганизация вызывает двигательное переобучение пациента, что, в свою очередь, приводит либо к восстановлению, либо компенсации нарушенных функций.

Одним из основных направлений восстановительного лечения больных после инсульта является физическая терапия, основными целями которой являются следующие: сохранение или увеличение объема движений, достижение поструральной стабильности, соблюдение баланса

тела в положении стоя и сидя, предотвращение контрактур, купирование или уменьшение болевого синдрома [5]. Для успешного проведения реабилитации больных, перенесших инсульт, необходимо оценить функциональные возможности пациента, определить его проблемы и план ведения, установить конкретные цели восстановительного лечения и сроки расширения двигательного режима [8]. Этими вопросами занимается инструктор по лечебной физкультуре.

Также инструктор по лечебной физкультуре необходим для объяснения и правильного показа упражнений и других подобных манипуляций. С его помощью или поддержкой больные учатся поворачиваться в кровати, присаживаться из положения лежа, вставать с кровати и поддерживать правильно равновесие. Инструктор дает указания, как правильно передвигаться и с какой ноги это надо начинать делать, как правильно присесть и лечь. Инструктор делает физиологические укладки для поддержания тонуса в конечностях и не дает развиваться контрактурам (повышение тонуса в мышцах).

На 80% реабилитация больного зависит от качества работы инструктора по лечебной физкультуре и только на 20% – от медикаментозного лечения. В статье представлены комплексы упражнений для реабилитации больных с инсультом самостоятельно и с помощью инструктора лечебной физической культуры.

Проведение активных и с помощью инструктора перемещений и передвижений пациента.

1) Повороты в кровати на пораженную сторону

Самостоятельно

а) Больной сгибает оба колена. Чтобы согнуть ногу в колене, можно воспользоваться здоровой ногой.

б) Больной, чтобы не прижать при повороте больную руку туловищем, отодвигает ее от тела или при помощи здоровой руки сгибает больную руку в локтевом суставе.

в) Больной поворачивает голову в сторону, на которую осуществляется поворот, отталкивается здоровой ногой и поворачивает колени и плечи в большую сторону.

С помощью инструктора

а) Инструктор встает около пациента с больной стороны.

б) Инструктор помогает повернуться, взявшись за здоровое плечо, таз, бедро или колено.

2) Перемещение в кровати к изголовью

Самостоятельно

а) Больной садится в кровати так, чтобы ноги были согнуты. Важно следить, чтобы больная рука лежала на колене.

б) Больной сгибает здоровую, а, если возможно, и больную ногу в коленных суставах, скользя стопами по кровати. При этом здоровую руку надо отвести немного назад в сторону от таза.

в) Опираясь на здоровую руку и пятку гомолатеральной ноги, поднимает поочередно ягодицы, продвигаясь к изголовью кровати.

С помощью инструктора

а) Инструктор встает около пациента с больной стороны.

б) Одной рукой инструктор обхватывает таз, а другую руку подкладывает под бедро или ягодицу больной ноги, склонившись так, чтобы своим плечом подпирать больное плечо пациента.

в) Когда пациент приподнимется, инструктор поднимает больную сторону и служит опорой плечу пациента, склоняясь так, чтобы больному легче было передвигаться по кровати.

3) Вставание с кровати через больную сторону

Самостоятельно

а) Больной сгибает ноги в коленных суставах.

б) Больной перевертывается на больную сторону.

в) Опускает ноги с края кровати, при этом здоровой ногой может помогать передвигать больную ногу.

г) Больной переносит и кладет здоровую руку на матрац перед туловищем на уровне больного плеча, затем отталкивается ею и встает.

С помощью инструктора

а) Инструктор встает с больной стороны и кладет руки на коленный и плечевой суставы здоровой стороны пациента, затем помогает перевернуться на больную сторону и опускает ноги с кровати.

б) Больной ладонью здоровой руки опирается о матрац на уровне больного плеча, затем, отталкиваясь здоровой рукой, поднимает голову и садится в кровати.

в) Если больному трудно проделать это самостоятельно, то инструктор помогает сесть,

положив одну руку под лопатку с пораженной стороны, а другую – на бедро здоровой ноги.

4) Вставание и стояние

Самостоятельно

а) Больной встает как можно прямее, распределив вес тела равномерно на обе ноги, выпрямив их в коленных и тазобедренных суставах.

б) Больной поддерживает равновесие, опираясь ладонями на стол или на любую устойчивую поверхность, которая должна находиться на уровне талии пациента.

С помощью инструктора

а) Инструктор встает рядом с пациентом с пораженной стороны.

б) Инструктор обхватывает руками больного за талию или бедра, стопа ноги инструктора приложена к носку пораженной ноги пациента.

в) Бедро больной ноги пациента поддерживается телом или рукой инструктора, не давая ему согнуться.

5) Усаживание в кресло

Самостоятельно

а) Больной встает спиной как можно ближе к сиденью, стопы поставлены на одну линию и придвинуты к ножкам кресла.

б) Больной берется обеими руками за подлокотники кресла. Если это окажется невозможно, то необходимо держаться лишь здоровой рукой, слегка наклоняясь в здоровую сторону.

в) Больной наклоняется вперед, согнув ноги в тазобедренных суставах и затем садится.

С помощью инструктора

а) Инструктор встает с пораженной стороны, кладет руку на спину пациента между лопатками и руководит его действиями.

б) При необходимости второй рукой инструктор поддерживает колено больной ноги, регулируя движения пациента.

б) Вставание из кресла

Самостоятельно

а) Больной сдвигается на край сиденья, поставив стопы на пол на одну линию таким образом, чтобы они были расставлены на “ширину плеч”, слегка придвигая их к ножкам кресла.

б) Больной наклоняется вперед так, чтобы плечи оказались над коленями и стопами, перенеся вес тела равномерно на обе стопы, при этом руки или опираются на подлокотники, или свободно свисают.

в) Больной отталкивается от сидения и выпрямляется.

г) Больной удерживает равновесие, встает прямо, выпрямляет ноги в тазобедренных и коленных суставах.

С помощью инструктора

а) Больной смещается на край кресла, стопы ставит ровно на пол на “ширину плеч”, стопы располагает близко к ножкам кресла. Инструктор встает к пациенту лицом, ноги должны быть напротив пораженной ноги больного для ее фиксации в нужном положении.

б) Больной кладет руку на плечо инструктора или обнимает его за талию, при этом больная рука может висеть совершенно свободно, или при достаточном владении ею пациент также держится за талию инструктора, который обхватывает больного за талию или бедра.

в) Больной сильно наклоняется вперед и встает, инструктор при этом помогает пациенту перенести вес тела на стопы и поддерживает больную сторону.

г) Больной выравнивается и равномерно распределяет вес тела на обе ноги, держа равновесие.

7) Пересаживание из одного кресла в другое
Самостоятельно

а) Необходимо придвинуть кресло, на которое пациент хочет пересесть, как можно ближе к нему со здоровой стороны и под прямым углом к креслу, на котором он сидит.

б) Больной перемещается на край кресла, стопу больной ноги ставит на пол прямо перед собой ближе к краю сиденья, стопу здоровой ноги – ближе к дальней ножке кресла, в которое он пересаживается.

в) Больной наклоняется вперед и несколько в сторону того кресла, в которое он пересаживается.

г) Здоровой рукой пациент берется за удаленный от него подлокотник второго кресла.

д) Больной приподнимается с сиденья, переносит вес тела на здоровую руку и ногу и поворачивается спиной к креслу, в которое намерен сесть.

е) Контролируя правильность посадки, чтобы было удобно и безопасно сидеть, нужно опуститься в кресло.

С помощью инструктора

а) Стопы пациента плотно стоят на полу и придвинуты к ножкам кресла, ноги расставлены

на “ширину плеч”, носки расположены на одной линии.

б) Больной должен сместиться на край сиденья. Для этого инструктор подталкивает свои ладони под ягодичные мышцы больного, и пациент с помощью инструктора, перекатываясь с одной ягодицы на другую, перемещается на край сиденья.

в) Инструктор своим коленом и стопой поддерживает стопу и колено пораженной ноги больного.

г) Больной кладет здоровую руку на плечо инструктора, но не обхватывает его за шею.

д) Инструктор подкладывает ладони под ягодичные мышцы пациента или обхватывает его за спину.

е) Больной интенсивно наклоняется вперед, при этом коленные суставы инструктора прижимаются к таковому пациента, после чего инструктор отклоняется назад с согнутыми в коленных суставах ногами, чтобы сохранить равновесие.

ж) Вставая, пациент распределяет свой вес равномерно на обе ноги.

з) Встав на ноги, больной поворачивается спиной к креслу, на которое он пересаживается.

и) Согнув ноги в коленях, пациент наклоняется вперед, в то время как инструктор фиксирует его колени, особенно с пораженной стороны.

к) Усаживая пациента в кресло, инструктор приседает, максимально отставив таз назад, помогая больному глубже сесть в кресло.

8) Подъем по лестнице

Самостоятельно

а) Поднимаясь вверх по лестнице, пациент опирается на здоровую ногу и следит, чтобы носки стоп “смотрели” вперед, и стопы ставились полностью на ступеньку.

б) Если больной ходит с тростью, то, поднимаясь по лестнице, ее надо нести в руке, приподняв над ступеньками, а в качестве опоры использовать перила или поручни.

в) Если поручни и перила отсутствуют, необходимо использовать для опоры трость, ее больной держит здоровой рукой и встает на ступеньку одновременно с больной ногой или прежде, чем поставить пораженную ногу.

С помощью инструктора

а) Поднимаясь вверх по лестнице, больной опирается на здоровую ногу и следит, чтобы но-

ски “смотрели” вперед и стопы ставились полностью на ступеньку.

б) Инструктор стоит позади пациента с пораженной стороны, поддерживая одной рукой больного за бедра, а другой – держась за поручни.

в) Инструктор помогает пациенту только, направляя бедра вперед и перемещая вес тела на здоровую ногу в момент подъема на ступеньку.

г) Инструктор помогает ставить пациенту стопу больной ноги на ступеньку, соблюдая правила безопасности.

9) Спуск с лестницы

Самостоятельно

При движении вниз по лестнице больная нога служит опорой. Больной берет трость в здоровую руку, опускает ее ступенькой ниже, после чего опускает здоровую ногу.

С помощью инструктора

а) Больная нога служит опорой, носки “смотрят” вперед и стопы ставятся полностью на ступеньку.

б) Инструктор стоит перед пациентом, одна его рука находится на бедре больного, другая – на перилах.

в) Инструктор помогает направлять бедра пациента вперед, когда он спускается, и помогает перемещать вес тела на больную сторону.

г) Инструктор помогает пациенту поставить больную ногу на ступеньку, при этом он должен быть очень осторожным, так как спускается со ступенек спиной.

Выполнение перечисленных приемов и техник физической терапии в значительной степени способствует повышению эффективности восстановительного лечения пациентов, перенесших ишемический инсульт, росту их бытовой и социальной адаптации и соответственно улучшению качества жизни, что согласуется с данными других авторов [2,3 – 5,8].

Методические указания по применению упражнений.

Каждое движение больной должен выполнять строго по команде инструктора для достижения лучшего эффекта. Каждое упражнение больной должен выполнять с определенной последовательностью и под определенным углом. Вставания и повороты выполняются в среднем темпе, а отталкивания от поверхности опоры с большей силой на здоровую сторону. При стоя-

нии на двух ногах больной должен распределить центр тяжести на обе конечности. Если в ноге, где было поражение, сила меньше, то центр тяжести нужно перенести на здоровую ногу и пытаться удержать равновесие. Больной не должен отвлекаться на посторонние манипуляции, а быть собранным и внимательным.

В исследовании применялись следующие методы: анализ литературных источников по проблеме исследования, педагогическое наблюдение за больными, эксперимент, математическая статистика.

С пациентами производились беседы, объяснялось, с какой целью и для чего нужна физическая реабилитация, как правильно выполнять упражнения, способствующие восстановлению. Наглядно демонстрировали плакаты и фильмы для лучшего понимания и усвоения, для дальнейшего правильного выполнения упражнений. Инструктор показывал правильное выполнение: как правильно перенести центр тяжести с одной конечности на другую и распределение его на обе конечности во время стояния и т.д. С помощью эксперимента решался вопрос, в какой группе больше больных сможет самостоятельно передвигаться в различных положениях.

С целью уточнения специфики нарушения двигательной активности были обследованы 66 пациентов (35 мужчин и 31 женщина) в остром периоде ишемического инсульта. Двигательный дефект проявлялся легким гемипарезом (паралич одной стороны тела) со снижением мышечной силы до 3 баллов (способность больного осуществлять движения против силы тяжести). Средний возраст обследованных составил 64 ± 8 лет.

Больные находились на госпитализации в МЛПУ БСМП им Н.А. Семашко 3 недели (21 день). С ними проводились занятия по два раза каждый день до выписки. На одно занятие отводилось 30 ± 5 минут.

По мере активного участия пациентов в реабилитации их разделили на две группы: контрольную (№I) и экспериментальную (№II). При этом учитывали возможности передвижения больных (самостоятельно или с помощью инструктора).

В контрольную I группу вошли 35 пациента (17 мужчин и 18 женщин), которые не принимали активного участия в реабилитации. Эти пациен-

ты выполняли указания, которые давал инструктор, не полностью.

В экспериментальную II группу вошли 31 пациент (15 мужчин и 16 женщин), которые принимали активное участие в реабилитации. Эти пациенты выполняли все указания, способствующие восстановлению.

В каждой группе исследовали общее количество человек, не разделяя пациентов по половому признаку и другим особенностям. В таблицы записывали данные тестирования пациентов с видимым прогрессом. Многие из исследуемых не пытались выполнять все рекомендации из-за собственной беспомощности и неловкости движений. У многих пациентов возникал страх и опасения, что они не справятся с поставленной задачей и смогут нанести еще больший ущерб здоровью. Поэтому, в процессе исследования появилась необходимость разделить их на две группы – контрольную и экспериментальную.

В экспериментальной группе с пациентами проводились занятия по перемещению в кровати, перемещению с кровати в прикроватное кресло и проводились упражнения с отягощением собственного веса. В связи с тем, как больной справлялся с возложенной на него нагрузкой, уровень сложности выполняемых упражнений возрастал как с помощью инструктора, так и при самостоятельном их выполнении.

В таблице 1 представлены данные пациентов, которые выполняли упражнения самостоятельно, без помощи инструктора.

На основании данных, представленных в таблице 1 видно, что пациентов, которые способствовали восстановлению своих утраченных функций с помощью инструктора, больше, чем тех которые выполняли инструкции не полностью. Это считается нормальным показателем для тех упражнений, которые больные выполняют с помощью инструктора, так как это облегчает нагрузку на организм в целом и способствует самостоятельному применению этих навыков на практике, не боясь упасть.

Выполняя упражнения с помощью инструктора, пациентам была предоставлена возможность попробовать сделать это упражнение, но только самостоятельно (инструктор давал методические указания для правильного самостоятельного выполнения). Это было сделано для необходимости воспитать у больного уверенность в собственных силах. Психологически это оправдало свои ожидания, чем активнее проявлял себя пациент во время занятий с инструктором, тем быстрее и лучше у него получалось сделать то или иное упражнение, но только самостоятельно. Все данные представлены в таблице 2.

По представленным данным в таблице 2 мы наблюдаем, что те больные, которые принимали активное участие в реабилитации и способство-

Таблица 1

Выполнение упражнений с помощью инструктора

№ п/п	Перемещения и передвижения	За 1 неделю		За 2 недели		За 3 недели	
		I гр.	II гр.	I гр.	II гр.	I гр.	II гр.
1.	Повороты в кровати на пораженную сторону	26	27	28	28	29	31
2.	Перемещение в кровати к изголовью	25	27	25	28	27	30
3.	Вставание с кровати через пораженную сторону	26	28	29	30	30	31
4.	Вставание и стояние	22	25	24	26	27	29
5.	Усаживание в кресло	24	26	24	29	25	30
6.	Вставание из кресла	23	26	24	27	27	30
7.	Пересаживание из одного кресла в другое	20	22	21	25	23	26
8.	Подъем по лестнице	12	15	14	17	15	18
9.	Спуск с лестницы	9	11	10	13	14	15

Примечание. Количество человек, сделавших с помощью инструктора

вали восстановлению двигательных функций значительно больше, чем больных, выполнявших упражнения не полностью и не соблюдая правильность и методические указания. Ведь доказано, чем активнее больной способствует выполнению упражнений с инструктором и следует его методическим указаниям по выполнению этого упражнения, тем легче ему будет выполнить их самостоятельно.

Если сравнивать обе таблицы, можно увидеть разницу между больными, выполняющими задания с помощью инструктора, и больными, которые достигли самостоятельного результата, что является неотъемлемой частью исследования.

На основании исследования можно выявить, что в контрольной группе больные, которые способствовали восстановлению утраченных функций, частично вернулись к нормальной жизнедеятельности. Многие пациенты, которые

выполняли упражнения частично и не способствовали своему психическому и физическому восстановлению, так полностью не вернулись к нормальной жизнедеятельности.

В экспериментальной группе доказано предположение, что больные, занимающиеся активно с инструктором и выполняя его методические указания по применению упражнений, быстрее начинают восстанавливать свои утраченные функции, которые необходимы для возвращения к нормальной и полноценной жизни.

Исходя из изложенного, можно сказать, что чем активнее будет вести себя больной и будет позитивнее настроение, тем лучше и быстрее наступит улучшение и восстановление утраченных функций. Ведь не только от занятий лечебной физкультуры и труда инструктора зависит положительный результат, но и от того настроения, с каким больной будет все выполнять.

Таблица 2

Выполнение упражнений самостоятельно

№ п/п	Перемещения и передвижения	За 1 неделю		За 2 недели		За 3 недели	
		I гр.	II гр.	I гр.	II гр.	I гр.	II гр.
1.	Повороты в кровати на пораженную сторону	15	18	17	22	20	26
2.	Перемещение в кровати к изголовью	10	12	12	16	15	22
3.	Вставание с кровати через пораженную сторону	6	9	7	14	9	19
4.	Вставание и стояние	8	12	10	17	13	24
5.	Усаживание в кресло	4	5	7	11	10	17
6.	Вставание из кресла	9	14	12	18	15	26
7.	Пересаживание из одного кресла в другое	8	11	9	14	11	23
8.	Подъем по лестнице	5	9	7	11	9	16
9.	Спуск с лестницы	3	6	5	9	8	14

Примечание. Количество человек, сделавших самостоятельно

Библиографический список

1. Гусев Е.И. Проблема инсульта в Российской Федерации // Е.И. Гусев, В.И. Скворцова, В.В. Киликовский, Л.В. Стаховская, Н.Ю. Айриян. Журнал «Качество жизни. Медицина» / 2006. №2 (13). С. 10-14.
2. Демиденко Т.Д. Основы реабилитации неврологических больных. / Т.Д. Демиденко, Н.Г. Ермакова. СПб.: Изд-во «Фолиант» 2004. 300 с.
3. Иванова Г.Е. Принципы организации ранней реабилитации больных с инсультом / Г.Е. Иванова, В.М. Шкловский, Е.А. Петрова, В.В. Гудкова, Т.В. Шанина. Журнал «Качество жизни. Медицина», 2006. №2 (13). С.62-70.
4. Камаева О.В. Мультидисциплинарный подход в ведении и ранней реабилитации неврологических больных // Методическое пособие. Под ред. Акад. РАМН, проф. А.А. Скворцова / О.В. Камаева, Полина Монро. СПб., 2003. 20 с.
5. Камаева О.В. Мультидисциплинарный подход в ведении и ранней реабилитации неврологических больных // Методическое пособие. Часть 5. Физическая терапия. Под ред. Акад. РАМН, проф. А.А. Скоромца / О.В. Камаева, Полина Монро, Э.Ф. Буракова, О.Б. Зычко, А.А. Иванова, В.А. Сорокоумов, М.Е. Тищенко. СПб., 2003. 42 с.
6. Скворцова В.И. Ишемический инсульт / В.И. Скворцова, М.А. Евзельман. Орел. 2006. 404 с.
7. Скоромец А.А. Диагностика и лечение начальных проявлений недостаточности мозгового кровообращения // А.А. Скоромец, А.П. Скоромец, Е.Р. Баранцевич, В.В. Ковальчук. Журнал «Aqua vitae». 2001. №3. С. 6-7.
8. Сорокоумов В.А. Методические рекомендации по организации неврологической помощи больным с инсультами в Санкт-Петербурге / В.А. Скоромец. СПб. : «Человек», 2002. 48 с.
9. Warlow C.P. Stroke. A practical guide to management / C.P. Warlow, M.S. Dennis, J. van Gijn, G.J. Hankey, P.A.G. Sandercock, J.M. Bamford, J. Wardlaw. London, 1997. 664 p.

M.A. SOLOMCHENKO, D.I. GOLOVKIN

APPLICATION OF MEANS OF MEDICAL PHYSICAL TRAINING
FOR REHABILITATION OF PATIENTS WITH A STROKE

Physical rehabilitation is an integral part of regenerative process of patients with a stroke. In given article we have shown a role of the instructor of medical physical training in restoration of impellent functions at patients with an ischemic stroke. Without active display of the patient to restoration of the lost skills it is impossible to speak about returning to active ability to live, if only partially. On the contrary patients who render active participation in rehabilitation actions and completely carrying out instructions of the instructor completely came back to active life. The complete recovery of patients with a stroke depends on restoration of their impellent skills. In this connection, it is necessary to give special value to questions of preparation of instructors in physiotherapy exercises.

Key words: rehabilitation, an ischemic stroke, impellent activity, physiotherapy exercises means.

Н.А. МОРОЗОВА

академический координатор центра
иностранных языков «ЕС», г. Коломна
E-mail: morust@yandex.ru
Тел. 8 903 185 32 90

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ЗНАНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ

Знания являются основополагающим элементом содержания образования, без овладения которым невозможно формирование умений и навыков, опыта творческой деятельности и ценностных отношений к деятельности. Качество приобретенных учащимися знаний сегодня оказывается низким. Согласно традиционным установкам обучения, знания приобретаются на основании заучивания материала, а также в процессе многократного воспроизведения тех или иных действий, что не способствует их творческому освоению и ценностному осмыслению. Современное же обучение требует иного, продуктивного подхода, когда знания становятся рефлексивными, осмысленными и являются важнейшим условием формирования творческой деятельности и ценностных отношений учащегося, формирующегося и развивающегося как личность.

Ключевые слова: рефлексивное знание, педагогические условия, интеллектуальное развитие, психологическое развитие, субъект-субъектные отношения, проблемная ситуация.

Рефлексивные знания – результат, к которому стремятся многие современные учителя. Формирование осмысленных знаний выходит за рамки традиционного обучения и требует от учителя учета определенных педагогических условий и следования определенным принципам, одним из которых является психологическое и интеллектуальное «сближение» учителя и ученика.

Психологическое знакомство подразумевает изучение возрастных характеристик данного ученика, а именно, уровня развития внимания, восприятия, памяти, мышления и т.д. В этом вопросе учителю необходимо обратиться за помощью к психологу школы, который профессионально поможет нарисовать психологический портрет ученика, вооружить необходимыми психологическими тестами. Также учитель может воспользоваться собственными познаниями в психологии или же освежить их, обратившись к изданиям возрастной и педагогической психологии.

Любому учителю, формирующему рефлексивные знания, необходимо учитывать основные законы психологии. Так, например, нужно помнить, что существует несколько образовательных периодов в жизни учащегося:

- младший школьный возраст (7-11 лет),

- подростковый (средний школьный) возраст (11-15 лет),
- ранняя юность, или старший школьный возраст (15-18 лет).

Каждый возраст, или период, характеризуется следующими показателями:

1. определенной социальной ситуацией развития или той конкретной формой отношений, в которые вступает ребенок со взрослыми в данный период;

2. основным или ведущим типом деятельности (существует несколько различных типов деятельности, которые характеризуют определенные периоды детского развития);

3. основными психическими новообразованиями (в каждом периоде они существуют от отдельных психических процессов до свойств личности)» (Зимняя И.А) (1, с.117)

Таким образом, при планировании учителем урока, необходимо учитывать психологические характеристики ребенка, что поможет педагогу подобрать правильное задание, выбрать правильную игру, соответствующую данному уровню развития ребенка, и, следовательно, способной вызвать у него интерес.

«Сближение» учителя с учеником заключается не только в выполнении последним ряда психологических тестов, учителю необходимо много времени уделять внеклассной работе, на которой с помощью бесед, игр, ученических докладов, проведения внеклассных мероприятий и т.д. учитель может получить доступ к информации о повседневной жизни ученика, его интересам (хобби, чтение, телевидение, интернет и т.д.), друзьям, проблемам.

Не менее важным в «познании» ученика является общение учителя с родителями. Чем чаще педагог контактирует с родителями (родительские собрания, общение по телефону, через записки в дневнике и т.д.), тем лучше он узнает ближайшее окружение ученика, его интересы, виды проведения досуга, а также причины каких-то заболеваний, источники окружающих его проблем.

Интеллектуальное изучение ученика учителем также является важным компонентом в формировании осознанных знаний, педагог должен подготовить для этого «плодотворную почву», ведь рефлексивные знания формируются не на пустом месте, а наслаиваются на ранее полученный учеником опыт. Как правило, учитель, долгое время работающий с учеником, обладает необходимой информацией об уже имеющихся у ребенка знаниях. Учителю же, только начинающему работать с данным школьником, необходимо с помощью тестов, игр, бесед, выявить уровень его подготовки в определенной области, а также пробелы в его познаниях. Для этого педагог может воспользоваться тестами и методическими разработками УМК, по которому он работает, либо найти соответствующие задания в интернете, либо разработать их самостоятельно.

Формируя у школьников рефлексивные знания, учителю необходимо выстроить систему субъект-субъектных отношений с учеником, позволяющую создать условия для формирования данного типа знаний. Причем, эти отношения должны поддерживаться как во время урока, так и во внеурочной деятельности. Для этого многим педагогам приходится полностью пересматривать свою роль в школе.

Во-первых, необходимо снять разграничения между двумя группами: «вы» – ученики и «я» – учитель. Задача педагога – воспринять учеников и себя как единое целое, перейти от категории

«вы» к категории «мы». Показав свою заинтересованность в решении проблем, работая вместе с учащимися, уважая и принимая мнения школьников, учитель наделяет учеников ролью активных деятелей, ролью субъектов познания.

Во-вторых, при субъект-субъектных отношениях многое меняется в поведении учителя. Например, тон и манера общения более не являются авторитарными. Учитель воспринимает ученика как личность и относится к нему с уважением, переходя от приказа к рекомендации, от порицания к беседе. В-третьих, меняется и местоположение учителя в классе. Теперь он меньше времени проводит у доски с указкой, а чаще находится либо в окружении учеников, либо в стороне, наблюдая за деятельностью школьников.

В-четвертых, учитель осуществляет переход от объяснения материала к созданию на уроке благоприятных (для школьников) условий получения рефлексивных знаний самими учениками, таких как игра, дискуссия, песня, проблемная ситуация и т.д. Знакомство с новым материалом представляет собой скорее беседу, чем монолог учителя.

В-пятых, происходит смена позиций участников урока и внеурочной деятельности, перенос акцентов с деятельности учителя на деятельность ученика. Современный учитель более не является «главным героем» процесса формирования знаний, его деятельность не так заметна и уходит на второй план. Чаще всего он работает «за сценой», как режиссер в театре. Время говорения значительно сокращается. Ученик и его деятельность, напротив, становятся основными компонентами, ядром урока и внеурочной деятельности. Именно ученик обнаруживает проблему, ставит гипотезы, подтверждает либо опровергает их, вычисляет, расследует, сравнивает, оценивает и т.д. Ученик, будучи заинтересованным, активным и самостоятельным, доминирует в процессе формирования знаний.

Учитель же является самым гибким компонентом урока и внеклассной деятельности и на разных этапах принимает разные роли: организатор, партнер, советчик, подсказчик. Иногда он просто наблюдатель, издали контролирующий ход работы, не давая ей превратиться в хаос. Учитель порой незаметно для учащихся может направлять их деятельность в нужное русло, стараясь соответствовать плану, который им был заранее разработан (однако учитель должен быть

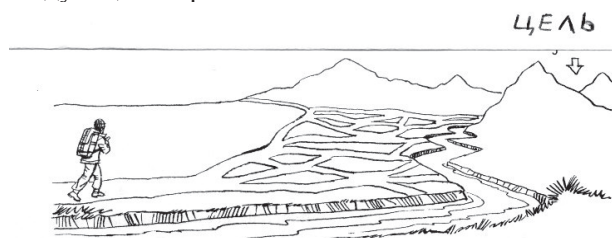
готов от него при необходимости отступить, воспринимая урок (или другую форму работы) и учащихся в виде живого и изменяющегося организма). Стратегия поведения учителя зависит от характера деятельности учащихся, которая организуется самим учителем.

Таким образом, ученик из пассивного незаинтересованного слушателя превращается в самостоятельного добытчика интересной ему информации, и его рефлексивные знания являются результатом активной работы. Учитель же меньше объясняет, меньше времени проводит у доски, больше растворяется в классе, задавая вопросы, организуя дискуссии, игры, парную и групповую работу, выслушивает мнения учащихся, принимает их идеи, результаты работы и т.д.

Следующее условие состоит в том, что урок должен являться единым целым, начиная от введения и заканчивая получением домашнего задания. На таком уроке цели отдельных заданий должны составить структуру цели урока, которая ставится в начале урока и достигается в конце, а сам урок представляет собой «художественное произведение», имеющее завязку, кульминацию и развязку.

Конечно, планировать такой урок не очень просто, т.к. нужно логически связать все его компоненты, и при этом быть готовым к неожиданным поворотам, которые создают учащиеся, т.к. невозможно предугадать все их действия. Хороший план урока подготавливает к неожиданностям и увеличивает шансы проведения успешного урока по формированию рефлексивных знаний, а автор такого плана лучше справляется с точками бифуркации и направляет учащихся к поставленной цели.

Путь ученика на уроке можно представить следующим образом:

Следующий принцип работы учителя – акцент на сотрудничество учащихся, которое может выражаться в парной и групповой работе. Совместная работа учеников позволяет вовлечь в работу практически всех, тем самым, увеличив

активность детей на уроке, даже тех, которые являются робкими по природе и испытывают дискомфорт, выступая перед всем классом у доски.

Меняя пары, учитель позволяет детям работать с разными напарниками, сталкиваться с разными типами людей и научиться с ними общаться, что так пригодится в дальнейшей жизни и сделает ребенка более коммуникативным и готовым к сотрудничеству. Смена видов деятельности, переход от самостоятельной индивидуальной работы к парной, от парной к групповой и т.д. сделает урок более разнообразным, ярким и насыщенным, а также введет элементы физической разминки, т.к. ученики не сидят на месте, а часто двигаются по классу.

Групповая работа уменьшает роль активности учителя на уроке, позволяет ему быть наблюдателем, советчиком. Возможны варианты, когда учитель становится участником группы, выражая готовность к сотрудничеству. Такая роль учителя является ярким примером субъект-субъектных отношений личностно-ориентированного подхода в обучении.

Для придания колорита, вариативности уроку учителя могут создавать разные виды групп: пары, группы (состоящие из разного количества человек), оппозиции, группа-колесо, вражеские лагеря и т.д.

При организации групповой работы учителю необходимо учитывать местоположение парт на уроке, которое может быть как традиционным, когда парты стоят рядами, так и нетрадиционным, когда парты стоят полукругом, кругом и т.д. Главное, чтобы местоположение учащихся способствовало их сотрудничеству и давало хороший обзор доски.

Таким образом, групповая работа является очень важной составляющей урока по формированию рефлексивных знаний. Чем чаще ее применяет учитель, тем чаще дети сотрудничают, проявляют себя на уроке, становятся менее зависимыми от взрослых, учатся принимать самостоятельные решения.

Следующим условием проведения урока по формированию рефлексивных знаний мы считаем позитивную атмосферу в классе. Вся деятельность ученика должна быть положительно оценена учителем, даже небольшие достижения, которые так важны для ребенка, необходимо

поощрять. Показав эффективность их деятельности, мы вызываем у них желание к дальнейшей работе. И даже когда школьник делает ошибки, учителю необходимо деликатно на них указывать. Ученик должен воспринимать ошибку, как нечто неотъемлемое процесса обучения, ведь на ошибках учатся, и не ошибается тот, кто ничего не делает.

Очень хорошим способом выявления ошибок является ситуация, когда у школьников идет взаимоконтроль, и не учитель, а они сами помогают друг другу исправлять ошибки. Психологически такое исправление является для детей менее ранимым и делает их более самостоятельными и ответственными, а главное, снижает уровень боязни ошибки.

Таким образом, успех урока по формированию рефлексивных знаний, несомненно, зависит не только от содержания самого отдельно взятого урока, а от всей системы отношений и событий окружающих ученика. И задача учителя – как можно лучше «вписаться» в мир ребенка, изучив уровень его интеллектуального и психологического развития, круг проблем и интересов, и выстроив с ним правильную систему отношений, которая является комфортной средой для формирования рефлексивных знаний.

Таким образом, **необходимыми педагогическими условиями**, способствующими формированию рефлексивных знаний являются:

1. психологическое «сближение» учителя и ученика с помощью составления психологического портрета ученика, внеклассной работы, работы с родителями;

2. интеллектуальное изучение ученика учителем с помощью тестов, игр, бесед, выявление уровня его подготовки в определенной области, а также пробелов в его познаниях;

3. установление субъект-субъектных отношений между учителем и учениками:

– восприятие учеников и себя как единое целое, переход от категории «вы» к категории «мы»;

– исключение авторитарного тона и манеры общения с учениками;

– изменение местоположения учителя в классе;

– переход от объяснения учителем нового материала к созданию на уроке проблемных ситуаций, мотивирующих учащихся к получению знаний;

– перенос акцентов с деятельности учителя на деятельность ученика;

4. организация урока как единого целого, начиная с введения и заканчивая получением домашнего задания;

5. акцент на сотрудничество учащихся;

6. позитивная атмосфера на уроке.

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

N.A. MOROZOVA

CRITERIA OF REFLECTIVE KNOWLEDGE AND ITS' FORMATION STAGES

Knowledge is the basic element of the contents of education. It is impossible to form skills and abilities, experience of creative work and evaluative attitude to this work without obtaining the contents of education. The quality of pupils' knowledge today appears to be low. According to traditional settings of teaching pupils get knowledge trying to remember information and reproducing certain actions many times. This traditional method doesn't lead to creative acquiring of knowledge and its' evaluation. Modern education demands a new productive teaching method when pupils get reflective and comprehensive knowledge, when this knowledge is the basis of creative work and evaluative abilities of pupils, who develop themselves as personalities.

Key words: reflective knowledge, pedagogical requirements, intellectual development, psychological development, subject-subject relations, a problematic situation.

Э.П. ТОПЧИЯН

соискатель кафедры эстетического воспитания и культурологии Московского института открытого образования.

Тел. 8 910 200 20 20

СИСТЕМА ИНТЕРНЕТ КАК «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОКНО» ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Раскрыты возможности и специфика применения системы Интернет как средства и механизма культурной коммуникации в образовательной сфере. Доказано, что педагогическая эффективность работы системы Интернет в обучении английскому языку в профильной школе зависит, прежде всего, от решения широкого комплекса дидактических проблем. Проанализированы аспекты повышения результативности учебного процесса в профильной школе в результате применения системы Интернет в обучении английскому языку.

Ключевые слова: интернет, культурология, транскультурная коммуникация.

Актуальность статьи. Возможности применения системы Интернет как дидактического средства и современного механизма культурной и транскультурной коммуникации используются в нашей образовательной сфере далеко не полностью. Хотя на Западе система Интернет давно успешно функционирует в этой роли, в нашей стране, к сожалению, она довольно-таки медленно внедряется в практику обучения в средних школах. При этом неразработанность научно-педагогических основ использования системы Интернет в условиях профильной школы сказывается не только на темпах его внедрения, но и на результативности применения.

Цель статьи – исследовать специфику системы Интернет при культурологическом подходе к обучению английскому языку.

Постановка проблемы. Интернет – одно из наиболее быстро развивающихся средств электронной связи сегодня.

Одни люди представляют Интернет множественством компьютерных сетей, связанных друг с другом, другие – хитросплетениями миллиардов доступных файлов, несущих информацию. Оба мнения имеют право на существование, поскольку Интернет – слишком сложное техническое новообразование, развитие которого, как отмечают многие ученые, похоже на развитие живого организма [3]. Интернет охватывает уже все сферы человеческой жизни, завлекая в «свои сети» прежде всего молодое поколение.

Интернет дает возможность изучать аутентичные материалы всех англоговорящих стран, при этом мы имеем дело с самыми современными источниками, так называемым «живым языком» [5]. Многие тесты дают возможность моментальной самопроверки (учащиеся отмечают, что после них понимание грамматики резко улучшается), ограничены по времени выполнения (вырабатывается навык быстрой работы), разноуровневые или предлагают диагностику с анализом ошибок.

Учащийся приобретает навыки самостоятельной работы, становится более уверенным в своих возможностях, у него исчезает страх сделать что-либо неправильно (результаты знают он и преподаватель).

Имперически найденные формы и методы дидактического применения системы Интернет далеко не всегда позволяют достаточно раскрыть ее обучающий и коммуникативно-культурологический потенциал и поставить на службу подготовки соответствующих международным стандартам высококвалифицированных, творчески мыслящих специалистов. Внедрение системы Интернет в учебный процесс является пока результатом усилий энтузиастов, а не следствием научно обоснованной и планомерно проводимой образовательной политики.

Преимущества Интернета перед печатными изданиями очевидны. Учебные пособия и учебники, даже самые хорошие, изданные ведущими

издательствами, морально устаревают через два-три года.

Жизнь стремительно идет вперед, язык развивается, меняется, и только действительно мобильное учебное пособие способно учесть все изменения как социальные, так и лингвистические [2, с.93].

Подчеркиваем, что, говоря о дидактических возможностях использования системы Интернет в учебных целях, мы имеем в виду не принципиальную осуществимость идеи ее применения в учебном процессе, а конкретные пути, методы и формы этого использования. Подготовка учащихся осуществляется в результате комплексной деятельности школы по обучению и воспитанию.

По нашему мнению, для достижения образовательно-воспитательных целей в области иностранных языков система Интернет может быть использована чрезвычайно широко, т.к. она представляет собой:

- уникальный материал культурологического и страноведческого характера;
- большое количество справочной литературы, толковых и специализированных словарей, используемых в научно-методической работе;
- целый спектр образовательных программ;
- оперативную информацию;
- самые свежие новости общественно-политических программ и многое другое, что может быть использовано при углубленном изучении иностранного языка.

Педагогическая эффективность работы системы Интернет в обучении английскому языку в профильной школе зависит прежде всего от решения широкого комплекса дидактических проблем. Тем более это справедливо в случае, когда во главу угла подготовки будущего учителя ставится формирование на билингвальной основе его культурологической компетенции – совокупности знаний, умений, навыков и опыта творческой транскультурной коммуникативной деятельности.

Под транскультурной коммуникацией мы подразумеваем общение носителей разных социокультурных пространств, как синхронное, так и диахронное, опосредствованное системой Интернет [1]. Транскультурная коммуникативная специфика работы системы Интернет и то, как она преломляется в его дидактических

функциях, многогранна. Транскультурные и информационно-коммуникативные возможности системы Интернет обусловлены синтетичностью данного средства. Интернет интегрирует природные свойства кино, радио, фотографии, звукозаписи, телевидения, не суммируя их механически, а сплавливая в единый комплекс.

Система Интернет, рассматриваемая в качестве средства обучения в профильной школе, предстает интегральным элементом системы более высокого уровня – целостного образовательно-воспитательного процесса. Исследование системы Интернет в русле общепедагогической проблематики с опорой на теоретические положения современной дидактики и широкий культурологический фундамент предполагает в качестве исходного положения, что система Интернет – это «система в квадрате», совмещающая в себе техническую систему и систему ее педагогического применения, которая включает и организационно-методическое обеспечение учебного процесса [7]. Системное использование дидактических возможностей системы Интернет способствует:

- созданию благоприятных дидактических условий учебной деятельности личностно-ориентированного и развивающего характера,
- гибкому управлению творческой познавательной деятельностью учащихся;
- полноценной реализации содержания обучения, в т.ч. углубленного и расширенного характера.

С помощью системы Интернет при обучении в профильной школе можно на прочном транскультурно-коммуникативном фундаменте успешно решить целый ряд дидактических задач.

Приведем в качестве иллюстрации лишь несколько дидактических функций Интернет, которые реализуются в учебно-образовательном процессе. Система Интернет позволяет:

- знакомить учащихся с широким кругом вопросов, прежде всего транскультурного характера, недоступных при обучении без ее применения;
- ускорять передачу информации и процесс приобретение опыта результативной коммуникативной транскультурной коммуникации;
- расширять культурологический кругозор и возможности сознательного разноаспектного проникновения субъекта учения в инокультуру;

- обеспечивать лучшее усвоение и закрепление новых знаний;
- усиливать наглядность обучения;
- развивать познавательную активность учащихся, стимулировать их интерес, способствовать активизации мыслительной деятельности, создавать условия их творческой самостоятельности;
- развивать практические навыки в транскультурном общении, в т.ч. технические – написания деловых и частных писем, улучшения правописания и грамматики и т.д.;
- значительно повышать эффективность образовательно-воспитательного процесса за счет совершенствования всех его сторон.

При использовании мультимедийных технологий значительным образом меняется роль преподавателя. Если в процессе традиционного обучения он – наставник и главное лицо, как замечают С. Хуанг и Х. Лю, и общение ученик – преподаватель носит более «интимный» характер, то в компьютерном классе преподаватель – лишь координатор, общение со студентами может быть охарактеризовано как опосредованное, не прямое. Как справедливо подчеркивают авторы статьи, при компьютерном обучении значительным об-

разом возрастает мотивированность учащихся, их независимость, что, в свою очередь, приводит к повышению самоконтроля в процессе изучения.

Соответственно, заинтересованность студентов увеличивает количество времени, затраченного на подготовку домашнего задания, разработку проектов, создание собственных Web-страниц.

Выводы. Роль Интернета в процессе преподавания английского языка трудно переоценить благодаря не только богатейшим ресурсам и безграничным возможностям Всемирной Сети, но и компьютерным технологиям, которые становятся неотъемлемой и естественной частью изучения языков и культур.

Результативность учебного процесса в профильной школе повышается в результате применения системы Интернет в обучении английскому языку в двух основных аспектах:

- усиливается информативность образовательно-воспитательного процесса и его транскультурно-коммуникативный потенциал;
- модернизируется дидактический инструментарий преподавателя, с помощью которого он проектирует и реализует педагогический процесс.

Библиографический список

1. *Андреев А.А.* Введение в Интернет-образование: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 76с.
2. *Бай Ш.М.* Использование ресурсов Интернета при обучении английскому языку в вузе / Ш.М. Бай, Г.А. Халитова // Культура народов Причерноморья. 2005. №69. С. 92-94.
3. *Вовченко Т.О., Кузьмин С.К., Поляк Ю.Е.* Технологии электронных коммуникаций. М.: Эко-Трендз Ко. Т. 68 : Информационные ресурсы Интернет. М.: Эко-Трендз Ко, 1996. 60с.
4. *Интернет* в образовании и технических приложениях: Сб. научн. тр. / Московский гос. ин-т электроники и математики (Технический ун-т). Центр СИТМО. Кафедра «Радиоэлектронные и телекоммуникационные устройства и системы» / Г.П. Путилов (ред.). М.: МГИЭМ, 2000. 125с.
5. *Компанцева Л.Ф.* Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Луганский национальный педагогический ун-т им. Тараса Шевченко. Луганск, 2007. 503л.
6. *Крейнак Дж., Хебрейкен Дж.* Интернет: Энциклопедия / Е.Клейменова (пер.с англ.). СПб.: Питер, 2000. 560с.
7. *Some aspects of using internet resources in teaching students on computer technologies* / Л.П. Кистол, Е.В. Тюнина // Культура народов Причерноморья. 2005. №71. С. 74-76

E.P. TOPCHIYAN

Possibilities and specific application of the system Internet are exposed as a mean and mechanism of cultural communications at the educational sphere. It is well-proven that pedagogical efficiency the work of the system Internet in teaching to English at profile school depends foremost on the decision of wide complex of didactic problems, and from the fact of application of teaching and education. The aspects of increase of effectiveness of educational process are analysed at profile school as a result of application of the system the Internet in teaching English

Key words: the internet, cultorology, transcultural communication.

ПРАВО

С.Г. ГОНТАРЬ

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Орловского государственного университета, начальник отдела правовой информатизации и правового взаимодействия с органами местного самоуправления правового управления Аппарата Губернатора и Правительства Орловской области

E-mail: vers@inbox.ru

Тел. 8 905 167 47 74

ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с проведением экспертизы актов органов местного самоуправления как важного этапа правотворческой деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, орган местного самоуправления, муниципальный нормативный акт, экспертиза.

Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ)¹ закреплено право органов местного самоуправления на принятие собственных правовых актов.

Так, в статьях 7 и 43 указанного Федерального закона определена система актов органов местного самоуправления, в которую входят:

- «1) устав муниципального образования;
- 2) правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан), нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования;
- 3) правовые акты главы муниципального образования, постановления и распоряжения главы

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №40. Ст. 3822. (с изм. и доп.)

местной администрации, иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования»².

Вместе с тем, вышеуказанным законом определены и разновидности актов: акты представительного органа муниципального образования («постановления и распоряжения по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования») (часть 5 статьи 43); акты главы муниципального образования («постановления и распоряжения по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования в случае, если глава муниципального образования является председателем представительного органа муниципального образования, или постановления и распоряжения по вопросам, указанным в части 6 настоящей статьи, если глава муници-

² Там же. Статья 43, часть 1.

пального образования является главой местной администрации»); акты главы местной администрации («постановления по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а также распоряжения по вопросам организации работы местной администрации») и иных должностных лиц местного самоуправления («распоряжения и приказы по вопросам, отнесенным к их полномочиям уставом муниципального образования»)³.

Федеральный закон № 131-ФЗ впервые так детально разработал систему муниципальных актов и скорректировал правотворческую деятельность органов местного самоуправления на законодательном уровне.

Однако, несмотря на правовое закрепление видов результатов правотворческой деятельности (актов), наименование и градация стадий осуществления ее самой не предусмотрены действующим законодательством.

Одним из этапов правотворческой деятельности органов местного самоуправления является экспертиза, которая должна проводиться юридической службой органов власти при их наличии, что уже вызывает определенные трудности. Например, в сельских поселениях среди депутатов, муниципальных служащих отсутствуют люди, имеющие юридическое образование (например, ввиду непривлекательности заработной платы в сельских муниципальных образованиях). Но наличие этого этапа (экспертизы) очень важно. Лица, которые осуществляют правовую экспертизу, должны быть квалифицированными специалистами, обладать знаниями в области юридической техники, соблюдать законность и, что особенно существенно, быть способными дать независимое заключение по проекту. Специалист должен проверить акт на соответствие и непротиворечие актам, имеющим высшую юридическую силу, определить: не вы-

3 Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.) Статья 43, части 4-7. Об этом см. подробнее: Лукьянов В. А., Соловьев С. Г. Муниципальный правовой акт: проблемные вопросы теории и практики [Текст] // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. № 5. 2007. С. 58-60.

ходит ли проект за пределы полномочий органа, который будет принимать его; на наличие коррупционных факторов; финансово-экономическую сторону; грамотно ли он составлен с точки зрения юридической техники; какие уже действующие акты будут подвержены изменениям, дополнениям или отмене⁴. Проведение экспертизы не является обязательным и не урегулировано на законодательном уровне, что в свою очередь отрицательно сказывается на качестве принимаемых актов, а также на правотворческой деятельности органов местного самоуправления в целом, но муниципальные органы, понимая ее значимость, указывают на ее обязательность в своих актах.

Проведение экспертизы необходимо на двух этапах – при подготовке текста проекта и при его визировании, так как в последнем случае возможны замечания иных подразделений органа (кроме правового), которые могут не соответствовать нормам действующего законодательства. Кроме внутренней экспертизы важны независимые общественные и экспертизы, проводимые научными учреждениями.

После того как проект облечен в письменную форму, необходимо его обсудить. Если этот акт подлежит обсуждению в представительном органе, то его рассмотрение выносится на заседание комитета или комиссии этого органа, если же подлежит обсуждению в исполнительном органе – акт анализируется начальником подразделения.

Процедура обсуждения – это прямая реализация принципов демократии и объективности, именно с помощью данной процедуры выявляются спорные моменты, а также появляется возможность услышать иные точки зрения, рассмотреть альтернативные проекты.

При разработке крупных и имеющих первостепенное значение актов важно иметь несколько детализированных проектов, ведь именно при всестороннем подходе к осуществлению поставленной задачи появится документ, максимально приближенный к реальности и эффективный при его реализации.

На этой стадии правотворческой деятельности необходимо упомянуть о таком виде проекта, как модельный акт, который играет далеко не последнюю роль при создании нор-

4 Об этом подробнее см.: Тихомиров Ю. А. «Закон о законах» - координатор законопроектной деятельности в государстве [Текст] // Юстиция. 2005. № 1.

мативного правового акта. Модельный акт – это документ, который не является обязательным, органы власти не должны его копировать, но они имеют право взять его за основу, адаптировав к условиям своего муниципального образования. Федеральный или региональный законодатель, предлагая модельные акты, упрощает процедуру правотворческой деятельности, но не обязывает муниципальные органы власти принять их за букву закона, то есть не ограничивает их творчество и самостоятельность.

На стадию правотворческой деятельности органов местного самоуправления – на проведение экспертизы оказывают определенное влияние и органы прокуратуры.

В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления»⁵ проекты нормативных правовых актов направляются в органы прокуратуры для проведения экспертизы проекта акта и подготовки соответствующего заключения. Однако, как свидетельствует практика, в связи с большим объемом поступающих актов, объемом собственных полномочий, особенно в муниципальных районах, заключения органов прокуратуры часто носят формальный характер и не выявляют нарушений действующего законодательства на стадии подготовки актов органов местного самоуправления. Кроме того, органы местного самоуправления часто корректируют проекты актов уже после заключений прокуратуры, перед подписанием. Все это не способствует принятию качественных актов, соответствующих как нормам права, так и потребностям общества.

При осуществлении экспертизы нормативных правовых актов органов местного самоуправления необходимо также отметить участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации

5 Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (в редакции приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 декабря 2009 года № 395) [Электронный ресурс] // В данном виде документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».

Федерации. А именно, согласно статье 43.1 Федерального закона № 131-ФЗ нормативные правовые акты органов местного самоуправления включаются в федеральный регистр нормативных правовых актов местного самоуправления. В соответствии с региональными актами, принимаемыми в целях реализации указанной нормы закона, а также приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 19 декабря 2008 года № 298 «Об организации работы по ведению федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» и «Методикой ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов», утвержденной данным приказом⁶, уполномоченным органом на ведение регистра нормативных правовых актов органов местного самоуправления в регионе осуществляется экспертиза⁷ поступающих нормативных правовых актов. В письменном виде, как правило, оформляется только отрицательная экспертиза, которая направляется для информации и принятия мер в соответствующий орган местного самоуправления, прикрепляется в электронном виде к акту и размещается в регистре нормативных правовых актов.

Практика ведения регистра свидетельствует о том, что органы местного самоуправления в большинстве случаев соглашаются с экспертными заключениями уполномоченных органов государственной власти субъектов, однако, нередки случаи, когда специалисты органов местного самоуправления категорически не соглашаются с подготовленными заключениями, о чем направляют соответствующие письма, указывая также на то, что на проект акта имеется положительная экспертиза органов прокуратуры и органы местного самоуправления в силу Конституции Российской Федерации и Федерального закона

6 Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19 декабря 2008 года № 298 «Об организации работы по ведению федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» (вместе с «Методикой ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов») [Текст] // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 5. 02.02.2009. (с изм. и доп.)

7 См., например, постановление Правительства Орловской области от 28 июля 2011 года № 239 «Об утверждении Положения об организации и ведении регистра муниципальных нормативных правовых актов Орловской области» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».

№ 131-ФЗ самостоятельно и под свою ответственность осуществляют свои полномочия по решению вопросов местного значения.

Стоит заметить, что в настоящее время во исполнение требований законодательства о противодействии коррупции особое внимание обращено на проведение антикоррупционной экспертизы актов, в связи с чем на местном уровне органами местного самоуправления принимаются акты, регулирующие порядок проведения антикоррупционной экспертизы актов органов местного самоуправления.

На основании изложенного, можно констатировать тот факт, что, несмотря на существующие проблемы в органах местного самоуправления, стадия правотворческой деятельности органов местного самоуправления (проведение экспертизы) совершенствуется, принимаются акты для улучшения деятельности органов местного самоуправления, – все это способствует принятию нормативных правовых актов, соответствующих требованиям действующего законодательства и потребностям общества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // М., 2007.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228. (с изм. и доп.).
4. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.05.2008. № 21. Ст. 2429. (с изм. и доп.).
5. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2010 года № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.07.2010. № 30. Ст. 4070.
6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (в редакции приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 декабря 2009 года № 395) [Электронный ресурс] // В данном виде документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».
7. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 19 декабря 2008 года № 298 «Об организации работы по ведению федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» (вместе с «Методикой ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов») // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 5. 02.02.2009. (с изм. и доп.)
8. Постановление Правительства Орловской области от 28 июля 2011 года № 239 «Об утверждении Положения об организации и ведении регистра муниципальных нормативных правовых актов Орловской области» [Электронный ресурс] // Документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».
9. Постановление Администрации Багриновского сельского поселения Болховского района Орловской области от 15 апреля 2011 года № 9 «Об утверждении перечня должностей муниципальной службы во исполнение Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // [Электронный ресурс]: [сайт]. Нормативные правовые акты Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации Режим доступа: http://zakon.scli.ru/ru/analytics_statistics/report_forms/form_report_new/.
10. Постановление Администрации Русско-Бродского сельского поселения Верховского района Орловской области от 4 марта 2011 года № 9 Об исполнении Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2010 г. № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // [Электронный ресурс]: [сайт]. Нормативные правовые акты Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации Режим доступа: http://zakon.scli.ru/ru/analytics_statistics/report_forms/form_report_new/.
11. Андреева Л.А., Науменко Ф.П. Антикоррупционный анализ нормативного правового акта на примере Новгородской области // Безопасность бизнеса. 2010. № 3. С. 36-39.

S.G. GONTAR

EXPERTISE OF LEGAL ACTS OF LOCAL AUTHORITIES.

The article deals with a number of problems associated with expertise of legal acts of local authorities as an important stage of their lawmaking activities.

Key words: «local law-making activities», «local authorities», «local regulation», «expertise».

П.А. ГОРОХОВ*соискатель кафедры конституционного и муниципального права Государственного университета – УНПК**E-mail: pavel_gorokhov@mail.ru**Тел. 8 953 813 13 18*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

В статье рассматриваются вопросы производства по делам об административных правонарушениях, совершенных на железнодорожном транспорте, определен круг органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Анализируется правоприменительная практика и отмечаются положительные и отрицательные моменты существующих положений административного законодательства.

***Ключевые слова:** производство по делам об административных правонарушениях, железнодорожный транспорт, Федеральная служба по надзору в сфере транспорта, общий порядок рассмотрения дела, упрощенная форма.*

Железнодорожный транспорт в Российской Федерации является составной частью единой транспортной системы Российской Федерации.¹ Во взаимодействии с организациями других видов транспорта, он призван своевременно и качественно обеспечивать потребности физических, юридических лиц и государства в перевозках железнодорожным транспортом, способствовать созданию условий для развития экономики и обеспечения единства экономического пространства на территории Российской Федерации. Именно поэтому постоянный контроль и надзор, своевременное выявление правонарушений и привлечение виновных лиц к ответственности – одно из приоритетных направлений в данной области.

Особенность правонарушения на железнодорожном транспорте заключается в том, что вред физическим или юридическим лицам причиняется в основном при нарушении правил безопасности движения и эксплуатации источников повышенной опасности и может повлечь возникновение чрезвычайных ситуаций, катастроф, аварий, несчастных случаев с людьми и т.д.

Согласно действующим положениям, на сегодняшний день существует большое количество органов, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях. Среди них стоит отметить органы, осуществляющие основной объем работы на железнодорожном транспорте. Первая категория представлена системой органов внутренних дел.

Для разрешения конкретных дел об административных правонарушениях и применения по ним санкций (административные наказания), необходимо предварительно определить в законе круг тех дел, которые подведомственны данному субъекту административной юрисдикции. Так, органы внутренних дел (милиция) рассматривают дела об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие граждан и общественную нравственность; охрану окружающей природной среды; административные правонарушения в области связи и информации; административные правонарушения в области защиты Государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской

¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 28.04.2009) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Российская газета. - № 8. - 18.01.2003.

Федерации; административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность и т. д.²

От имени органов внутренних дел дела об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте рассматривают: начальники линейных управлений (отделов, отделений) внутренних дел на транспорте, их заместители; начальники дежурных смен дежурных частей линейных управлений (отделов, отделений) внутренних дел на транспорте, начальники линейных пунктов милиции; начальники дежурных смен дежурных частей линейных управлений (отделов, отделений) внутренних дел на транспорте, начальники линейных пунктов милиции и другие сотрудники милиции, на которых эта обязанность возложена в соответствии с действующим законодательством. Эти должностные лица вправе составлять протоколы об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте.

Практика показывает, что наиболее эффективно административная юрисдикция осуществляется теми службами органов внутренних дел на железнодорожном транспорте, которые выполняют специальные надзорные функции: надзор за соблюдением общественного порядка, дорожно-транспортных правил, правил пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации и т. д.

Еще одним органом, осуществляющим рассмотрение значительного объема дел об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте, является Федеральная служба по надзору в сфере транспорта или Ространснадзор, включая её территориальные подразделения. Данная служба образована 9 марта 2004 года в результате выделения из Министерства транспорта России и ликвидируемого Министерства путей сообщения России, а также Государственного комитета по физкультуре и спорту России контрольно-надзорных функций.³

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 07.02.2011) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

3 Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 (ред. от 22.06.2010) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. № 50. 12.03.2004.

Эти органы рассматривают дела об административных правонарушениях, исчерпывающим образом перечисленных в ч. 1 ст. 23.36 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ). Перечень этих дел после 28.03.10 значительно расширен (в связи с тем, что ст. 23.37-23.39, 23.41 КоАП РФ – утратили силу)⁴.

В соответствии с п. 1 Положения «О Федеральной службе по надзору в сфере транспорта»⁵ указанная служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере гражданской авиации (кроме вопросов использования воздушного пространства и аэронавигационного обслуживания пользователей воздушного пространства Российской Федерации), морского (включая морские торговые, специализированные, рыбные порты, кроме портов рыбопромысловых колхозов), внутреннего водного, железнодорожного, автомобильного (кроме вопросов безопасности дорожного движения), промышленного транспорта и дорожного хозяйства.

Анализ применения территориальными подразделениями Федеральной службы по надзору в сфере транспорта основных статей КоАП на железнодорожном транспорте отражен в таблице⁶.

В отличие от органов внутренних дел, Федеральная служба по надзору в сфере транспорта осуществляет производство по административным правонарушениям на железнодорожном транспорте более узкой направленности. Это, прежде всего, правонарушения, связанные с нарушениями правил эксплуатации объектов железнодорожного комплекса, правил перевозки грузов и т. д.

4 Гусев А.Н. Постатейный комментарий к кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Экзамен, 2009. С. 417-418

5 Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 398 (ред. от 25.02.2011) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта» // Российская газета. - № 169. - 10.08.2004.

6 Отчет Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по итогам деятельности по осуществлению государственного контроля и надзора за первое полугодие 2010 года. - М., 2010.

№ п/п	Статья КоАП	Наименование статьи	Составлено протоколов, шт.	Сумма взысканных штрафов, тыс. рублей
1.	8.2	Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами	1	10,0
2.	11.1	Действия, угрожающие безопасности движения на железнодорожном транспорте	864	1 070,5
3.	11.2	Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации промышленного железнодорожного транспорта	260	193,0
4.	ч. 3 ст. 11.14	Нарушение правил перевозки опасных веществ, крупногабаритных или тяжеловесных грузов на железнодорожном транспорте	21	179,2
5.	11.15	Повреждение имущества на транспортных средствах общего пользования, грузовых вагонов или иного предназначенного для перевозки и хранения грузов на транспорте оборудования	393	396,5
6.	11.16	Нарушение правил пожарной безопасности на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте	201	225,5
7.	14.1	Осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна)	11	440,0
8.	19.5	Невыполнение в установленный срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), об устранении нарушений законодательства	58	48,8
9.	19.7	Непредставление сведений (информации)	10	3,6
10.	ч. 3 ст. 19.19	Нарушение обязательных требований государственных стандартов, правил обязательной сертификации, нарушение требований нормативных документов по обеспечению единства измерения	64	54,0
Итого			1 883	2 621,1

От имени органов, осуществляющих функции транспортного контроля и надзора, дела об административных правонарушениях, перечисленных в ч. 1 ст. 23.36 КоАП РФ, рассматривают должностные лица, прямо упомянутые в ч. 2 ст. 23.36 КоАП РФ. На железнодорожном транспорте общего и необщего пользования – руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере транспорта, его заместители, руководители структурных подразделений федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере транспорта, их заместители, руководители

территориальных органов федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере транспорта, их заместители, иные должностные лица федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере транспорта, уполномоченные осуществлять контроль и надзор в сфере транспорта (государственные транспортные инспектора), – об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 8.2 (в части нарушения экологических требований на железнодорожном транспорте общего и необщего пользования), статьей 8.3 (в части нарушения правил обра-

щения с пестицидами и агрохимикатами на железнодорожном транспорте общего и необщего пользования), статьей 11.1, частью 3 статьи 11.14, статьями 11.15, 11.16, частью 3 статьи 19.19 (в отношении железнодорожного транспорта общего и необщего пользования) КоАП РФ⁷.

В первом полугодии 2010 года по случаям выявленных данной службой нарушений законодательства в области железнодорожного транспорта к руководителям предприятий железнодорожного транспорта, допустившим нарушения, активно применялись такие меры воздействия, как наложение административных взысканий, взыскание штрафов. Благодаря этому, процент устранения выявленных нарушений субъектами транспортного комплекса составил 87,1% (в 1 полугодии 2009 г. – 83,7%). Привлечено к административной ответственности 1 917 лиц (в 1 полугодии 2009 г. – 1 382). Общая сумма штрафов, наложенных в отчетном периоде, составила более 2 млн. 584 тыс. рублей, что на 9,5 % больше, чем за аналогичный период 2009 года, при этом фактически взыскано 2 млн. 621,1 тыс. рублей (в том числе по штрафам, наложенным в 2009 году)⁸.

До внесения соответствующих изменений в законодательство производство по вышеупомянутым делам осуществлялось непосредственно работниками системы железнодорожного комплекса, в частности, ревизорами по безопасности движения поездов, начальниками станций, пассажирских поездов, начальниками дистанций путей и т. д. При этом определенная часть дел, не вошедших в компетенцию органов железнодорожного транспорта, рассматривалась органами российской транспортной инспекции.

Как можно заметить, посредством внесенных в КоАП поправок, законодатель передал широкий спектр полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте Ространснадзору и его территориальным подразделениям. Это явилось следствием общего политического курса, направленного на четкое разграничение полномочий

органов исполнительной власти. В качестве положительного момента данных изменений можно отметить независимость и объективность рассмотрения дел. Органы, осуществляющие выявление правонарушений и дальнейшее производство, более не имеют конкретной привязки к отделениям железных дорог, санациям, поездам и т.п. Это, безусловно, способствует более эффективной борьбе с правонарушениями на железнодорожном транспорте, сократит случаи коррупции и должностных преступлений в данной сфере.

Однако есть и некоторые отрицательные моменты. Прежняя система органов, за счет своей распространенности и привязанности к определенному объекту регулирования, могла быстро и оперативно осуществлять производство по делам об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте, чего нельзя сказать о Ространснадзоре и его территориальных подразделениях. Большой объем работы может вызвать необходимость создания новых подразделений, а также возникновение излишней бюрократизации при рассмотрении дел. Как следствие, это может привести к ужесточению ответственности за правонарушения данной категории. Также органы, ранее осуществляющие рассмотрение дел, в связи со спецификой своей основной деятельности могли более подробно и квалифицированно изучить все обстоятельства совершения правонарушений без посторонней помощи, в то время как Ространснадзору предстоит часто привлекать научные и иные организации, ученых и специалистов.

Как мы видим, в настоящий момент административное законодательство находится на стадии постоянного реформирования, однако уже сейчас можно обозначить некоторые ключевые особенности производства по делам об административных правонарушениях на железнодорожном транспорте:

1) место совершения правонарушения представляет собой сложный технологический комплекс, включающий в себя железнодорожные пути общего пользования и другие сооружения, железнодорожные станции, устройства электрооборудования, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы и систему управления движением и иные обеспечивающие функционирование этого

7 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 07.02.2011)//Российская газета. - № 256. - 31.12.2001.

8 Отчет Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по итогам деятельности по осуществлению государственного контроля и надзора за первое полугодие 2010 года. - М., 2010.

комплекса здания, строения, сооружения, устройства и оборудование. В связи с этим органам, осуществляющим производство по административным правонарушениям, нередко приходится прибегать к такой процедуре, как административное расследование; привлечению дополнительных организаций, ученых и специалистов;

2) основной объем производства по делам данной категории осуществляют как органы внутренних дел в рамках установленной компетенции, так и органы Ространснадзора, которым относительно недавно был передан существенный объем полномочий. Они занимаются более узкой категорией правонарушений, непосредственно связанной с обслуживанием и эксплуатации всего железнодорожного комплекса;

3) при непосредственном рассмотрении, предусмотрены различные способы решения дела как в общем порядке (судом или уполномоченным органом исполнительной власти), так в более упрощенной форме прямо на месте в зависимости от характера и категории совершенного правонарушения.

Таким образом, обеспечение безопасности на железнодорожном транспорте, предотвращение административных правонарушений в этой области и применение мер административной ответственности к нарушителям играют огромную роль в современных условиях.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.)// Российская газета. № 7. 21.01.2009.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 07.02.2011)//Российская газета. № 256. 31.12.2001.
3. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ (ред. от 28.04.2009) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Российская газета. № 8. 18.01.2003.
4. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 (ред. от 22.06.2010) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»// Российская газета. № 50. 12.03.2004.
5. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 398 (ред. от 25.02.2011) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта» // Российская газета. № 169. 10.08.2004.
6. Постановление Правительства РФ от 02.03.2005 № 111 (ред. от 14.12.2006) «Об утверждении Правил оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров, а так же грузов, багажа и грузобагажа для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2005. №10. ст.851.
7. Постановление Правительства РФ от 9 июня 2010 г. № 409 «Об осуществлении должностными лицами Федеральной службы по надзору в сфере транспорта контрольных (надзорных) функций» // Собрание законодательства РФ. 21.06.2010. № 25. ст. 3170.
8. Приказ МВД РФ от 02.06.2005 № 444 (ред. от 07.07.2010) «О полномочиях должностных лиц МВД РФ по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях и административному задержанию» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. №31. 01.08.2005.
9. Отчет Федеральной службы по надзору в сфере транспорта по итогам деятельности по осуществлению государственного контроля и надзора за первое полугодие 2010 года. М., 2010.
10. Гувев А. Н. Постатейный комментарий к кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: Экзамен, 2009. 511 с.
11. Головкин В.В. Новое в законодательстве об административных правонарушениях на транспорте // Транспортное право. 2002. №3. С.16-20.
12. Управление государственного железнодорожного надзора Федеральной службы по надзору в сфере транспорта [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.rwnadzor.ru/>, свободный. Загл. с экрана.

P.A. GOROHOV

**ABOUT SOME FEATURES OF MANUFACTURE ON AFFAIRS
ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENCES ON A RAILWAY TRANSPORTATION**

In article questions of manufacture on affairs about the administrative offences accomplished on a railway transportation are considered, the circle of bodies and officials is certain, to consider business about administrative offences. It is analyzed practice and positive and negative instants of existing situations of the administrative legislation are marked.

Key words: manufacture on affairs about administrative offences, a rail-way transportation, Federal service on supervision in area of transport, the general order of consideration of the business, the simplified form.

Д.Б. ЕЛИСЕЕВ

аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: sinekrasov@mail.ru
Тел. 8 916 730 89 14

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВЕНСТВО И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССА МЕДИАЦИИ

Справедливость, равенство и здравый смысл представляют собой эталон для оценки степени соответствия нормам общественных интересов. В практике медиации посредникам по урегулированию конфликтов в досудебном процессе необходимо ориентироваться на эти незыблемые нравственные ценности.

Ключевые слова: справедливость, равенство, здравый смысл, медиация, медиатор, правосудие, посредник.

Представления людей о справедливости постоянно изменялись, что не могло не отразиться в философских и правовых подходах к справедливости.

Древнейшей формой справедливости является принцип «талиона» (от лат. Talio – возмездие, равноценное проступку) или эквивалентного воздаяния: «око за око», «ущерб за ущерб», «жизнь за жизнь», зафиксированный в Ветхом Завете. Этот принцип был основным вплоть до писанных законодательств первых цивилизаций, сохранившись и в них в виде «воздающей справедливости».

Содержание воздающей справедливости конкретизировалось в зависимости от исторических условий и государственного устройства по трем основным направлениям:

1. Строгое соблюдение эквивалентности возмездия проступку;
2. Ужесточение наказания выше меры проступка;
3. Смягчение наказания ниже этой меры.

По мере развития и усложнения социально-политических отношений и, соответственно, политико-правовых институтов государства, конкретизируется и понятие справедливости. Справедливость представляет некий эталон для оценки степени соответствия той или иной нормы общественным нуждам и интересам, главным из

которых является самосохранение общества как единого целого.

Аристотель различает общую и частную формы справедливости. Общая справедливость представляет собой фактически нравственный регулятор социально организованных отношений между людьми, придающий разумность и легитимность полисной, то есть государственной жизни.

Частная или специальная справедливость является регулятивным принципом распределения благ в государственно-организованном обществе для решения неизбежной дилеммы «равенства-неравенства» его членов в процессе распределения.

Также Аристотель делит справедливость на справедливое по природе и справедливое по закону (справедливость законности). Справедливое по природе выше справедливого по закону. Справедливость законности подразумевает «волю граждан выполнять свои законные обязательства по отношению к общности граждан, а также требования всеобщего блага» [16, с. 103].

На основе теории справедливости Аристотеля в европейской морально-правовой культуре получили развитие две основные модели справедливости, которые, например, А.А. Гусейнов определяет как «кооперативно-холистскую» (Платон, Аристотель, Гегель, Маркс) и «конфликтно-

индивидуалистическую» (Гоббс, Локк, Кант) [3, с. 623]. В первой из них государство, будь то античный полис или просвещенная монархия, понимается как опредмеченный разум и воплощенная справедливость. Целостность и благо государства, несомненно, выше благ и интересов отдельного индивида, которому свойственна личная справедливость, заключающаяся в неукоснительном следовании долгу самоограничения по принципу «каждому свое». Для второй традиции государство лишь внешнее средство ограничения и сдерживания конфликтов, условие безопасности индивидов путем уравнивания их прав на основе «общественного договора». Индивидуальное благополучие является здесь мерой государственной справедливости, рамками которой, в принципе, и должны ограничиваться роль и функции государства.

У римлян представление о праве и справедливости увязывалось так, что слова, обозначающие данные понятия, производятся от одного корня. Право не может ни создаваться, ни модифицироваться, ни применяться без опоры на понимание справедливости предпринимаемых правовых актов. Справедливость – фундамент права, несущего в себе истину содержательную и вместе с тем юридически точно очерченную. «...Право, следовательно, обосновано абсолютно, истекая из идеи справедливости, правды», – писал Л.П. Карсавин [8, с. 125].

Определенные шаги на пути правового толкования справедливости сделал А. Шопенгауэр, который в своем труде «Обоснование этики» (3-й раздел работы «Об основе морали») включил специальный параграф «Добродетель справедливости», так как, по его мнению, «справедливость – первая и самая существенная кардинальная добродетель», которая как «подлинная свободная добродетель имеет свое начало в сострадании». А чувство сострадания как основа морали и всех нравственных поступков имеет два аспекта, или уровня: один пассивный – удерживает от причинения вреда и страдания другим людям («мужская добродетель»), – это и есть справедливость. Другая же, высшая ступень – активное сострадание («женская добродетель») предполагает активное вмешательство и деятельную помощь при причинении страданий другому – это уже «любовь к ближнему». Таким образом,

закладывает А. Шопенгауэр, «несправедливость или неправда всегда состоит в нанесении обиды другому. Оттого понятие несправедливости положительно и предшествует понятию права, понятию отрицательному и обозначающему просто поступки, которые можно совершать, не обижая других, то есть, не причиняя неправого. Отсюда «правоведение – часть морали, устанавливающая поступки, от которых надлежит воздерживаться, если мы не желаем обижать других, то есть совершать несправедливость» [21, с. 212. См. также: с. 192, 209, 212, 220].

С развитием государства и общества справедливость является изначально и все больше становится главным фактором и критерием не только жизнеобеспечения, но свободы и достоинства человека. И если в XVIII веке справедливость – мера свободы (П. Гольбах), то в XX веке она еще и мера ответственности за другого, основанная на любви, исходящей из этой ответственности (Э. Левинас) [19, с. 178-181].

Современное понимание справедливости все более отождествляется с понятием «социальная справедливость», которая сегодня интегрирует то, что еще Платон называл справедливостью человека и справедливостью государства. Как пишет современный арабский юрист Аль-Ашмави: «Социальная справедливость – это право на равные возможности, недопущение эксплуатации, вынесение подлинной оценки труду каждого индивида, удовлетворение его потребностей гармонично, не ущемляя прав других. Политическая справедливость – это право каждого индивида участвовать в отправлении политической власти. Юридическая справедливость – это право каждого индивида ясно представлять себе правила и законы, регулирующие его отношения с другими индивидами и с обществом, также его право на равенство со своим противником перед этими правилами и законами. Таковы идеи справедливости, выработанные современной цивилизацией и выношенные новым человеческим духом» [17, с. 251].

Термин справедливость в юриспруденции обычно используется в двух значениях:

- 1) последовательное осуществление действующего права и борьба против всякого произвольного нарушения закона;

2) идеальный элемент всякого права, «идея», которой «служат».

Герберт Харт в своей работе «Понятие права» трактует справедливость как нечто поддерживающее или восстанавливающее баланс в отношениях между людьми и формулирует правило справедливости: «Трактуй одинаковые случаи одинаково...а разные – по-разному» [20, с. 161].

В современной теории права сущность и содержание права часто рассматриваются как справедливость, и даже соединение справедливости и равенства (С.С. Алексеев, В.С. Нерсисянц, Р.З. Лившиц). Однако природа справедливости в праве понимается неоднозначно. Вызывают возражения некоторые позиции Р.З. Лившица, который указывает на правовую природу справедливости, на то, что с самого начала идея справедливости воплощается именно в праве [9, с. 66].

Р. Иеринг связывает обыденное правосознание личности с нравственным здоровьем нации, о котором необходимо заботиться государству. «Сила народа равнозначна с силой его правового чувства, забота о национальном правовом чувстве есть забота о здоровье и силе государства. Под этой заботой я разумею, конечно, не теоретическую – путем образования, а практическое проведение принципов справедливости во всех житейских отношениях [4, с. 49]. Исходя из этого, он подчеркивает такой фактор формирования правового сознания, как справедливость права и законов, господствующих в государстве. И действительно, правосознание отдельной личности и всего общества может меняться под воздействием правовой действительности. Уровень правовой осознанности личности существенно снижается при резком изменении общественно-политического строя, правовой идеологии в целом. Правосознание человека может корректироваться при обращении за защитой своих прав в правоохранительные органы как в положительную, так и в отрицательную стороны. Он указывал, что понятие справедливости «основано на принципе равенства в праве» [5, с. 176-177].

Если с точки зрения европейских юристов, справедливость закона – это равенство всех перед законом и неотвратимость наказания, то в российском массовом сознании исторически укоренилось противопоставление «закона» и «справедливости»: «судить не по закону, но по

справедливости», «судить не по закону, но по совести». Это противопоставление существует и сегодня. Поэтому одна из важнейших ролей досудебного урегулирования юридического конфликта, на наш взгляд, как раз в том, что только медиатор может соединить справедливость и закон.

С. Муромцев в статье «Право и справедливость» противопоставляет некий объективизм справедливости объективизму устоявшегося правового порядка; противоречие разрешается сознательным изменением государства и закона в пользу справедливости [13, с. 75-82]). Интересно, что автор противопоставляет справедливость – праву. «Право, – пишет автор, – в противовес справедливости мыслится как нечто непреклонно строгое: напротив, справедливость дает нам правило снисходительное, тягучее: право решает по форме, справедливость вникает в дело по его существу; право довольствуется логичностью своих рассуждений. Справедливость стремится удовлетворить требованиям нравственного чувства, хотя и не всегда способна вылиться в определенные словесные формулы; право остается в согласии с основными требованиями данного государственного и общественного строя, справедливость внимает человеческим слабостям и судит по-человечески; право есть выражение стремлений и требований государства, власти, закона, справедливость – выражение чувств всего народа; право подчас охраняет требования эгоистичные, справедливость проникнута тенденцией альтруизма; право, в конце концов, – творчество человеческого разума, справедливость – голос разума, природы, откровение разума божественного» [13, с. 68, 80-81].

В таком расчленении справедливость рисуется как нечто противоположное праву. Право есть порядок действительный, справедливость – порядок желательный; право все знают и испытывают как реальный факт, к справедливости стремятся, как к идеалу. Очевидно, С.А. Муромцев рассматривает справедливость как начало большее, чем правовое, не вмещающееся в правовые рамки, как явление нравственности. Однако в жизни общества наступает момент, когда стремления к справедливости увенчиваются успехом и идеальное становится реальным. Речь не идет об идеальном воплощении справедливости, очень скоро

представления о справедливости разовьются, и право вновь окажется «несправедливым».

Справедливость воплощается в правовой действительности и находит выражение на трех уровнях – правосознании, правовых нормах, правоотношениях, а также в правовом поведении всех субъектов права. Справедливость в праве проявляется через равенство, гуманизм, законность, ответственность.

В праве справедливость представляет собой уравновешенность, оптимальную совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого:

1. Развитость прав и свобод человека, признание их высшей ценности соответственно пониманию человека как главного субъекта всемирной истории, ценности личности как цели, а не средства в праве.

2. Соответствие объема прав и свобод человека социально-культурному, нравственно-правовому уровню развития человеческого сообщества в целом и конкретно исторической ситуации.

3. Равенство прав и свобод независимо от каких бы то ни было различий и их неотчуждаемость.

4. Наличие реальных возможностей для свободы выбора в рамках всего объема прав и свобод.

5. Возможность самостоятельно действовать в соответствии со свободно избранным вариантом поведения.

6. Сбалансированность прав и свобод с обязанностями человека и запретами (максимальная мера свободы, устанавливаемая запретами, не может быть меньше минимальной неотъемлемой свободы).

7. Неотождествление прав и свобод с обязанностями.

8. Равенство обязанностей.

9. Отсутствие злоупотребления правами и свободами в процессе их реализации.

10. Пропорциональность меры свободы (правам и свободам) мере позитивной юридической ответственности.

11. Пропорциональность негативной юридической ответственности правонарушению.

12. Отсутствие незаконных привилегий (не основанных на предметной качественности).

13. Обеспеченность прав и свобод позитивными средствами – средствами стимулирования, поощрения, рекомендациями, мерами организации, согласования.

14. Обеспеченность прав и свобод государственным принуждением.

15. Обеспеченность прав и свобод непосредственным применением норм международного права внутригосударственными судами и другое.

Нарушение какого-либо из указанных условий влечет нарушение справедливости, искомая ценность не воплощается в законе, он не является правовым. Правовые законы – те, которые воплощают общечеловеческие ценности. Даже неполное перечисление элементов справедливости в праве указывает на пронизанность права справедливостью в виде идей, идеалов, целей, принципов, формул.

Именно справедливость определяет главный смысл досудебного урегулирования правового конфликта с участием медиатора. Таким образом, справедливость – в его представлении – выступает как мерило, оценка права с точки зрения его соответствия нравственным категориям добра и зла, правды и лжи и т.д.

В представлении медиатора, исполняющего обязанности посредника в разрешении правового конфликта, справедливо применять закон в тех или иных ситуациях – значит, применять его без вмешательства предрассудков и заинтересованности. Но реализация данного принципа на практике в медиативном процессе может столкнуться с существенным осложнением, а именно: часто критерии справедливости могут меняться у участников правового конфликта в зависимости от их моральных и политических взглядов.

Что необходимо, чтобы закон стал правовым выражением справедливости? Большинство авторов считает, что необходимо выявление интересов и воли одной стороны, при учете мнений другой. Служение справедливости в правовом и нравственном ее понимании создает в обществе морально-психологическую атмосферу, способствующую распространению добра, милосердия, возвышению цивилизованности и культуры, определяют гуманистический камертон, каковым является право, а его аксиологическом наполнении.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в правоведении справедливость чаще всего рассматривается как равенство, сводится к нему. Специфика такого равенства в том, что речь идет о равноправии, юридическом равенстве прав, а не фактическом равенстве.

Превалирование равенства над справедливостью приводит к негативным явлениям в сфере законности и правопорядка. Международный институт по права человека в Страсбурге в 1971 году попытался выявить слова, наиболее часто встречающиеся в массе международных и национальных юридических документов о проблеме прав человека. Выборка показала, что равенство оказалось на более высоком месте, чем свобода [7, с. 240].

Фактически субъекты не могут быть равны никогда, такова природа человека и общества. Объединения индивидов могут создавать юридические лица, которые есть не что иное, как правовые конструкции, отвлеченные от неповторимого разнообразия фактических признаков, для которых существенными являются лишь признаки, обозначенные в гражданском законодательстве. Как юридические лица субъекты права равны перед законом. Таким образом, правовая форма есть всеобщая универсальная фикция, которая объявляет фактически неравное – равным, и все субъекты, находящиеся в правовом поле, должны поступать, исходя из этой фикции. В этом один из посылов к рассмотрению права как игры, создания игровой модели права. Однако без этой игры человечество не в состоянии осуществить свободу каждого, равную меру, общий ее масштаб. Равенство в праве есть равные притязания каждого индивида на определенный объем свободы, защищаемые обществом и государством. Фактически такой объем одному индивиду слишком велик и не нужен, другой даже не в состоянии осмыслить и увидеть границы данного объема, третий адекватно чувствует себя в защищенном правовыми средствами пространстве свободы, четвертый же не вмещается в границы, они ему тесны, не позволяют реализовать свои экзистенциальные смыслы. Совершенно справедливо отмечает В.С. Нерсесянц, что «право – лишь равный для различных людей формализованный путь к приобретению прав на различные вещи,

предметы, блага, а не раздача этих вещей и благ поровну каждому» [14, с. 21].

Право есть равный для различных людей путь к освоению, осуществлению в жизни вечных общечеловеческих ценностей. В этом ценность права. Право утверждает свободу, справедливость, равенство в необходимой (минимальной) и достаточной мере. Это та высокая цель, к которой стремится право.

Справедливость правосудия в массовом сознании чаще всего связывается не столько с самой процедурой судебного разбирательства, сколько с результатом – с установлением истины и назначением справедливого наказания [12, с. 117]. Способность человека правильно судить, понимать и размышлять в практических делах, в том числе и досудебных, во многом зависит от уровня его здравого смысла.

Здравый смысл – складывающееся в процессе стихийно-эмпирического обыденного познания представление об окружающем мире и месте человека в нем; способах понимания и оценки явлений; отношениях к другим людям и методах действия в разнообразных жизненных ситуациях, в особенности неопределенных. Здравый смысл называют еще практическим рассудком или житейской мудростью. Как отмечает Л.Н. Толстой, «мудрость во всех житейских делах состоит не в том, чтобы знать, что нужно делать, а в том, чтобы знать, что делать прежде, а что после» [15, с. 190].

Противники медиации трактуют здравый смысл обыкновенного человека как низшую форму интеллекта, которой недоступно познание истины по сложным вопросам о справедливом решении, особенно в неопределенной обстановке. По их мнению, в такой обстановке правильно разрешать вопросы о справедливости способен только ученый, высокообразованный ум. Отрицательное отношение к процессу медиации, и, соответственно, к используемому медиаторами здравому смыслу сформировалось не без влияния высказывания Ф. Энгельса о том, что «здравый человеческий рассудок – весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только отважится выйти на широкий простор исследования» [10, с. 21]. Представляется, что в этом высказывании речь идет о беспомощ-

ности здравого смысла в решении лишь теоретических проблем. Но в практических делах, в том числе судебных (досудебном разрешении конфликта), практический здравый смысл превосходит научные формы мысли. Как правильно отмечает выдающийся советский юрист и автор многочисленных публикаций по вопросам судебной этики М.С. Строгович, «судебная деятельность не есть теоретическое исследование, академическое изучение фактов и явлений. Судебная деятельность – это практика, протекающая в сложной обстановке и трудных условиях, а не лабораторное исследование. Здравый смысл уступает теоретическому мышлению только в научной сфере, в практической же деятельности он необходим, и роль его трудно переоценить» [18, с. 209]. Американский философ У. Джеймс также подчеркивает, что «здравый смысл лучше подходит для одной сферы жизни, наука – для другой, философская критика – для третьей» [18, с. 116].

Отличительной чертой здравого смысла является многомерный подход к осмыслению и оценке предметов и явлений, опора на интуицию, весь прошлый опыт жизни. Еще Демокрит отмечал, что мудрость дает человеку «дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать» [11, с.314]. Бэкон Ф. выделял два вида практической мудрости: «одна – истинная и здравая, другая – недостойная и ложная. Тот, кто выбирает первую, заботится о своем пути, прибегает к помощи честных людей, вооружается против бесчестных, осторожен в своих начинаниях. Другой же вид мудрости целиком сшит из лжи и хитрости и все надежды свои возлагает на обман других людей и на возможность использовать их в своих интересах» [1, с. 82]. Ф. Бэкон сформулировал основное правило житейской мудрости: «Во всех наших действиях мы должны так внутренне настроить и подготовить себя, чтобы в случае, если нам не удастся в каком-нибудь деле добиться высшей степени успеха, мы могли бы, однако, вплотную приблизиться к ней... Мы должны постоянно следить за тем, чтобы каждое наше действие и каждое наше решение приносили нам тот или иной полезный результат» [1, с. 488-489].

Представляется, что юридическое значение совокупного потенциала здравого смысла двенадцати присяжных заседателей заключается не только и не столько в том, что их общие и частные

знания фиксируют определённый опыт, отражают некий фрагмент или сегмент реальности, но и в том, что они служат оценочным фильтром последующего познания. Благодаря этому посредник в разрешении юридического конфликта (медиатор) воспринимает и оценивает происходящее под определённым углом зрения, что расширяет поле и чувствительность восприятия существующей информации, повышает возможность понимания сущности расследуемого события и других обстоятельств, подлежащих доказыванию. И.Кант указывает на ценность здравого смысла, поскольку лишь благодаря ему «индивид принимает во внимание способ представления каждого другого, дабы собственное суждение как бы считалось с совокупным человеческим разумом и тем самым избегало иллюзий на собственный счет» [6, с. 307].

Подлинное здравомыслие наиболее ярко проявляется в суждениях о правильном или неправильном, справедливом или несправедливом. Как пишет Х.-Г. Гадамер, «обладатель здравого суждения видит вещи с правильной, справедливой, здоровой точки зрения. Авантюрист, правильно рассчитывающий людские слабости и всегда верно выбирающий объект для своих обманов, тем не менее, не является носителем здравого суждения в полном смысле слова» [2, с. 74].

Обыденные знания об окружающей действительности имеют особенно важное значение в процессе доказывания в условиях неочевидности – при дефиците или противоречивости сведений. Для уменьшения уровня риска при принятии решений человек, обладающий здравым смыслом, житейской мудростью, учитывает все внешние обстоятельства и свои возможности, а также правовые и нравственные законы того общества, в котором он живет, соблюдение которых обеспечивает надежность его деятельности.

Можно выделить следующие компоненты здравого смысла: естественная логическая способность рассуждать и жизненный опыт личности.

Если говорить о первом компоненте, то здесь нужно отметить, что способность рассуждать и делать логические выводы в той или иной степени присуща любому разумному человеку независимо от сферы его деятельности. Абстрактный аппарат естественной логической способности в принципе одинаков у людей разных социально-

психологических типов. В общем и целом люди мыслят логически правильно, хотя в большинстве своем они науку логики не изучали.

Следующий компонент здравого смысла – жизненный опыт личности – это совокупность приобретенных и освоенных в ходе индивидуальной человеческой жизни знаний, умений и навыков личности, используемых ею в целях решения актуальных жизненных проблем. Основу жизненного опыта образуют обыденные знания об окружающей действительности. Обыденные знания обслуживают практику тем, что позволяют правильно оценить конкретную жизненную ситуацию с учетом всех существенных обстоятельств, принять разумное решение. Практическое знание – это особый, самостоятельный тип знания. Практическое знание направлено на конкретную ситуацию и требует учета обстоятельств в их бесконечном разнообразии.

Следует особенно отметить, что в содержание жизненного опыта личности, на который опирается здравый смысл, входят не только обыденные, но и научные знания. Здравый смысл как критерий рационального мышления не может существовать лишь в качестве не критического сочетания наивного реализма с господствующими в данном обществе традиционными представлениями. Новое здравомыслие насквозь пронизано

современными научными идеями, концепциями, оно питается ими и их питает.

Возможность вычислить – и разоблачить правдоподобную ложь существенно возрастает в досудебной практике, где медиатор отходит от решения профессиональных судей, которые постоянно занимаются судебной практикой (правовой случай для них представляется однообразным экземпляром давно известного дела). Как бы ни были разнородны преступления, но есть в них известное однообразие, которое выступает тем сильнее, чем больше случаев знает судья, чем продолжительнее и богаче его практика. Совсем другое дело – практика досудебного посредника в разрешении правового конфликта, который не создает никакой теории доказательств, в то время как у судьи, именно вследствие обширного опыта, она не может не выработаться.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить следующее. Медиаторы отправляют важнейшие обязанности посредников в досудебном процессе разрешения правового конфликта на основе справедливости, равенства и здравого смысла. Но для этого необходим, прежде всего, определенный уровень правосознания граждан, основу которого составляют представления об этих ценностях.

Библиографический список

1. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида: Опыт и наставления нравственные и политические. 2-е изд. М., 1962.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
3. *Гусейнов А.А.* Справедливость // Новая философская энциклопедия в 4т. М., 2000. Т.3.
4. *Иеринг Р.* Борьба за право. М., 1991.
5. *Иеринг Р.* Цель в праве. Т. 1. СПб., 1981.
6. *Кант И.* Сочинения в 6 т. М.: 1966, Т.5.
7. *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986.
8. *Карсавин Л.П.* Основы политики. Евразийский временник. Кн. V. Рапз. 1927. Цит. по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений. Уфа, 1993.
9. *Лившиц Р.З.* Теория права. М. 1994.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е издание, М., 1955. Т. 20.
11. *Материалисты Древней Греции* / Перевод А.О. Маковельский, С.И. Соболевский, М.А. Дынник. М., 1955.
12. *Мурадян Э.М.* Истина как проблема судебного права. М., 2004.
13. *Муромцев С.А.* Право и справедливость. // Вестник Моск. Ун-та. Серия 12. 1993. № 4.
14. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2009.
15. *Перекличка веков: размышления, суждения, высказывания*, М., 1990.
16. *Политическая и экономическая этика* / Перевод С. Курбатова, К. Костюк. М., 2001.

17. *Смирнов А.В.* Справедливость (опыт контрастного понимания) //Средневековая арабская философия: проблемы и решения. М., 1998.
18. *Строгович М.С.* Избранные труды в 3 т, М., 1992. Т. 3.
19. *Философия, справедливость и любовь /* Беседа с Э. Левинасом //Философские науки. 1991. №6.
20. *Харт Г.А.* Понятие права. СПб., 2007.
21. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность. М., 1992.

D.B. ELISEEV

**THE VALIDITY OF EQUALITY AND COMMON SENSE
AS THE BASE VALUE OF THE MEDIATION PROCESS**

Justice, equality and common sense are the benchmarks for assessing compliance with the public interest. In the practice of mediation the mediators to resolve conflicts in the pretrial process should be guided by these immutable moral values.

Key words: fairness, equality, common sense, mediation, mediator, justice, the mediator.

А.В. КУДРЯВЦЕВА*аспирант кафедры конституционного и муниципального права Государственного университета – УНПК**E-mail: kimberly24@yandex.ru**Тел. 8 910 306 63 11*

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

В статье рассматривается история развития права на свободу передвижения в России. Раскрываются этапы становления данного права. Поэтапно указывается на источники регулирования свободы передвижения.

Ключевые слова: свобода передвижения, становление права на свободу передвижения, паспортная система, ограничение права на свободу передвижения, свобода выбора места жительства.

Становление права на свободу передвижения – это поэтапное развитие возможностей человека перемещаться в необходимом ему направлении, используя различные пути и средства для движения.

Абсолютной свободы при передвижении людей не существует, т.к. даже обращаясь ко времени, когда передвижение с одного места на другое было вызвано необходимостью и не существовало государственных границ и ограничений со стороны властей, существовали иные преграды в виде климатических и географических особенностей, а также физических возможностей самого человека. В современном мире свобода передвижения существует лишь в рамках закона.

Данное право развивалось шаг за шагом, двигаясь по ступеням нашей истории. Так, И.А. Алешкова выделяет четыре этапа его формирования. Первый этап – догосударственный период, когда право на свободу передвижения играло роль обыкновения, обусловленного природой человека. Второй этап – период существования раннефеодальных государств, когда исследуемое правомочие было выражено в виде правового обычая. Третий этап – конец XVIII в., где свобода передвижения выступала одним из естественных прав в определенных положениях концепции естественных прав и свобод. Четвертый этап – XX в., характеризовался юри-

дическим закреплением права на свободу передвижения и его всеобщим признанием [4, с. 33].

Юрист В. Ф. Могильный выделяет ещё пятый этап – XXI век, принесший несколько иные представления о возможности перемещения людей в современном мире. «Размывание» границ между государствами, упрощение паспортно-визового контроля, объединение стран в Европейский союз, транснациональные корпорации, международные и межгосударственные инвестиционные потоки – вот новые черты свободы передвижения [13, с. 52].

Процесс становления права на свободу передвижения предлагается рядом авторов и в другой интерпретации. Однако они лишь дополняют и расширяют моменты формирования данного права.

На основе вышеизложенного представим своё видение пошагового развития права на свободу передвижения.

Первой ступенью на пути к осознанию человеком свободы передвижения как одной из основных прав личности, как ни странно, можно назвать первые ограничения возможностей человека в передвижении, появившиеся еще до нашей эры. Например, Законы Хаммурапи, где царь Вавилона закрепил следующее положение в статье 15: «Если человек вывел за городские ворота либо дворцового раба, либо дворцовую рабыню, либо раба мушкенума, либо рабыню мушкенума, то он должен быть убит» [14, с. 13].

Отметим, что закон прописывает ограничения в перемещении отдельного круга субъектов (рабов), предусматривая суровое наказание каждому, кто поспособствует им.

Даже если обратиться к Библии, то уже там мы найдем первое упоминание об ограничении передвижения в виде документа: «7. И сказал я царю: если царю благоугодно, то дал бы мне письма к заречным областеначальникам, чтоб они давали мне пропуск, доколе я не дойду до Иудеи, 8. и письмо к Асафу, хранителю царских лесов, чтоб он дал мне дерев для ворот крепости, которая при доме Божиим, и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить. И дал мне царь, так как благодетельная рука Бога моего была надо мною» [5, с. 513]. Здесь Библия описывает события в Персидской империи во времена царя Артаксеркса I, когда служащий этому царю Неемия просит его разрешить проследовать по Персии до Иудеи и закрепить это разрешение в письменном виде, выдав документ, выполняющий функции современного паспорта.

Вторая ступень – появление источников регулирования свободы передвижения. В Англии гораздо раньше, чем в нашем государстве, был признан принцип свободного передвижения. Так, Великая хартия вольностей 1215 г. в ст. 41, 42 закрепляла следующее: «Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии, и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии, как по суше, так и по воде... Каждому пусть впредь будет позволено выезжать из нашего королевства и возвращаться в полной безопасности по суше и по воде, лишь сохраняя верность нам...» [14, с. 98]. В этой стране, благодаря особенностям ее политического развития, ранее, чем в других странах был решен основной вопрос о гарантиях личной свободы.

В нашей стране право на свободу передвижения на этом этапе еще не было законодательно закреплено, однако уже законодательно ограничивается передвижения населения. В том числе Соборным уложением 1649 года, которое стало юридическим закреплением всего населения страны и обеспечением исполнения повинностей перед государством. В России согласно Соборному уложению 1649 года аналогом современного загранпаспорта служила «проезжая грамота». Для поездки в «иное государство»

подданным требовалось «бити челом государю ... а в городех воеводам о проезжей грамоте, а без проезжей грамоты ему не ездити»; однако, указывалось, что в обязанности воевод входило выдавать эти проезжие грамоты «безо всякого задержания» [15, с. 80]. Уложение предусматривало три вида удостоверения личности: 1. Проезжие грамоты в иные государства; 2. Проезжие грамоты для служилых людей Сибири и Нижней Волги; 3. Проезжие грамоты для иностранцев. Введение такого контроля преследовало цели защиты государственных интересов, поэтому нарушение установленного «режима» строго каралось, вплоть до смертной казни. Если же будет обнаружено, что отлучившийся ездил «для торгового промыслу», то ему за то «ему за то учинити наказание бити кнутом, чтобы на то смотря иным неповадно было так делати» [15, с. 80].

К концу 17 в. все более ограничиваются права населения на передвижение. Так, Царские указы 1684 и 1686 годов запрещали проживать в Москве лицам «без поручных записей».

Одной из причин такого жесткого контроля за передвижением населения является финансовые меры со стороны государства, так как государство имело возможность отслеживать людей не плативших налоги и подати, уплата пошлин за различного рода документов, а также взимание штрафов за неисполнения, например, в 1686 году цари Иоанн и Петр утвердили доклад стрелецкого приказа, по которому установлено взимать штраф с того, у кого объявятся люди без записки, в 1-й раз – в 25 руб. за каждого пришлого, во 2-й – в 50, а в 3-й раз – в 100 руб. Исключение из общего правила свободного проезда делалось в XVII ст. лишь относительно лиц духовного ведомства, которые не могли отлучаться без дозволения епархиальных архиереев, и относительно крестьян, которых, с развитием крепостного права, нельзя было ни принимать, ни держат «бездьявочно» и «без отпусковых» [8, с. 1]. Отдельные авторы выделяют и другие причины, например, «упрочнения абсолютной монархии и усиление бегства крестьян» [12, с. 37].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно различного рода ограничения в нашей стране постепенно развились в сложную паспортную систему.

Третью ступень можно соотнести с формированием паспортной системы в России. Становление права на свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства, тесно связано с историей возникновения и развития паспортной системы в России.

В начале 18 века постепенно устанавливаются основные принципы паспортной системы в Российской Империи.

Устанавливается ряд правил, при которых сильно ограничивается передвижение населения, можно сказать, что государство пытается контролировать каждое перемещение. Так, лица, не имеющие при себе «пашпорта или проезжева или прохожева письма», должны быть признаваемы «за недобрых или за прямых воров» (указ из военной коллегии, 30-го октября 1719 г., о поимке беглых драгун, солдат, матросов и рекрут). В этом же указе повелено было, «чтобы никто никуда без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил и не ходил; но каждый бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо как о том Его Царского Величества особливые указы повелевают» [8, с. 1].

Таким образом, «именно при Петре I система контроля за перемещением населения впервые в России приобрела четкость и стройность, а появление «пашпорта» как основного документа, удостоверяющего личность, стало неотъемлемым элементом и основой паспортной системы нашей страны на протяжении всего исторического периода, сохранившись и в наше время» [16, с.18]. Стоит согласиться с Н. А. Лимоновой, которая называет Петра I «подлинным основателем паспортной системы в России» [12, с. 37].

Вначале паспорта служили только средством контроля над передвижением населения. Но уже в 1763 году паспорта получили еще и фискальное значение в виде сбора паспортных пошлин.

С 1803 вводятся печатные паспорта, действительные только в России. А уже с 30-х гг. и до конца XIX века «Устав о паспортах и беглых» считался основным законом в вопросах передвижения и выбора местожительства в Российской Империи. Так, главное правило Устава гласило, что никто не может отлучаться от места постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта. Закон обязывал всех лиц предьявлять

паспорта полиции при переезде из одной губернии в другую.

В 1894 году роль паспорта только усиливается с принятием нового проекта под названием «Положения о видах на жительство», основанный на выводах паспортной комиссии, которой был поручен пересмотр устава о паспортах. Подготовительная комиссия признала, что «при существующем складе нашей общественной жизни, при существующем у нас полицейском устройстве, паспорт представляется необходимым как по целям полицейским, так и в интересах самого населения. В полицейском отношении – паспорта и прописка их представляются важными в деле наблюдения за передвижением населения; в интересах же населения – желательно сохранение паспортов, как документов, признаваемых бесспорными, в видах обеспечения обывателей от могущих быть недоразумений и даже ни на чем не основанных придинок в тех случаях, когда является необходимость в удостоверении личности» [8, с. 1]. Выводы комиссий имели целью не упустить контроль властями за передвижением населения, а также постоянное пополнение казны. Сказанное следует из того, что выводы, к которым пришла эта паспортная комиссия, резко отличаются от заключений предыдущей II-ой комиссии, которая сделала следующее заключение: «содержащееся в действующем паспортном уставе общее воспрещение отлучаться с места своего постоянного жительства без узаконенного вида не представляется необходимым для охранения общественного порядка и безопасности, а потому в отношении лиц, для которых виды имеют значение исключительно полицейское (т. е. лиц, не принадлежащих к податным обществам), может, без действительных неудобств, быть ныне же отменено, с предоставлением каждому доказывать свою самоличность по требованию полиции, как узаконенным видом, так и иными способами» [8, с. 1].

После установления советской власти паспортная система была отменена, однако в 1919 году роль паспортов выполняли трудовые книжки, которые помимо основных функций паспорта по удостоверению личности, контролю над передвижением населения и пополнением казны, выполняли еще одну функцию по установлению контроля над привлечением к труду нетрудящихся.

Далее положение в стране все более усугублялось наличием огромного количества всевозможных документов, накопившихся у населения для удостоверения личности. По приблизительным подсчетам в обращении имелось девять видов документов, не считая тех, которые выдавались в уездах и волостях [7, с. 41].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что паспортная система возникла и развивалась, исходя из финансовых и полицейских потребностей государства, а не в интересах населения, как об этом говорится в заключении комиссии.

Четвертая ступень – юридическое закрепление права на свободу передвижения. На международно-правовом уровне данное право было закреплено в декабре 1948 года, когда ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. Статья 13 гласит: каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства; каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну [1, с. 1].

В России право свободно передвигаться и селиться на территории было закреплено декретом президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 24 января 1922 года, а также ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Почему же позднее в конституциях 1924, 1936, 1977 годов не нашла законодательного закрепления свобода передвижения и свобода выбора места жительства? «Это, конечно, никем не выставлялось на первый план, но факт тот, что это право не было записано. И это, кстати, не так плохо. Ведь очень многие права, которые были записаны, не предоставлялись, но были декларированы, что позволяло называть Конституцию простой декларацией и упрекать в лицемерии. Что касается права на свободу передвижения, – тут не упрекнешь, тут всё было чисто. Потому что и записано об этом не было. И вся система регистрации граждан по месту жительства, чем успешно и занималась существовавшая в стране административная система, заключалась в том, чтобы привязать человека к месту, где он живет и работает» [10, с. 63].

Многие авторы высказывались с предложением придать праву на свободу передвижения консти-

туционный статус, выделяя, что «правовой статус советского гражданина как личности неполно охарактеризован действующей Конституцией» [6, с. 45]. В том числе, Г. С. Кусков отмечал: «Наиболее существенные права должны найти законодательное закрепление в Конституции СССР... Существующая свобода передвижения должна быть закреплена в Основном законе СССР и союзных республик» [11, с. 89].

И лишь в Конституции 1993 г. данное право получило юридическое закрепление. Статья 27 гласит: «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию» [2, с. 20].

Так, право на свободу передвижения получило статус конституционного, а наряду с этим гражданин впервые получил право выезжать за пределы и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Пятая ступень – всеобщее признание права на свободу передвижения и последующее совершенствование законодательства.

Конституционные права, закрепленные в ст. 27, относятся к группе личных прав и свобод человека, которые также можно назвать естественными правами. Так как естественный характер происхождения исследуемых прав обусловлен «природой» человека, без этих правовых возможностей теряет смысл само его существование.

Долгое время в нашей стране не существовало закона, регулировавшего право граждан на свободу передвижения и выбора места жительства. И это время можно смело назвать «беззаконием». Пробел в этой области был устранен лишь с принятием специального закона, который был принят 25 июня 1993 года № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». С его принятием мы сделали большой шаг вперед и со временем разрушили существовавший в стране разрешительный режим. Как и любой закон, направленный на улучшение прав граждан, данный закон имеет свои недостатки. В настоя-

щее время праву на свободу передвижения уделяется особое внимание. И на сегодняшний день существует потребность в совершенствовании законодательства, так как до конца не устранены ограничения прав граждан исследуемого права. Абсурд в ограничении данного права видел еще в древности Сократ, который утверждал, что «любой, кто не любит нас и город и желает эмигрировать в колонию или любой другой город, может ехать, куда хочет, сохраняя свою собственность» [9, с. 15].

Таким образом, исторический опыт формирования права на свободу передвижения является мощным средством для совершенствования законодательства на современном этапе.

И без дальнейшего развития такого фундаментального права, как свобода передвижения и всемирной поддержки этого развития со стороны общества у современной цивилизации заведомо нет будущего.

Библиографический список

1. *Всеобщая декларация прав человека* от 10 декабря 1948 г.
2. *Конституция Российской Федерации* // «Российская газета» от 25.12.1993 г. № 237.
3. *Закон от 25 июня 1993 года № 5242–1 (ред. от 27.07.2010) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»*
4. *Алешкова И. А.* Право на свободу передвижения: историко-правовая ретроспектива // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 33–37.
5. *Библия* книги священного писания Ветхого и Нового завета. 923 с.
6. *Воеводин Л. Д.* Свобода личности и правовое положение граждан в советском общенародном государстве. М.: Госюриздат., 1963. 48 с.
7. *Граевский В. М.* Удостоверение личности и прописка граждан. Административный вестник. 1927. № 1.
8. *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/deryuj/01.php
9. *Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие* / Перевод с англ.; ПРООН М.: Издательство «Весь Мир», 2009. 232 с.
10. *Иванов Л. О.* Право на свободу передвижения: Сборник материалов семинара Московской Хельсинкской группы «Права человека» (Москва, июнь 1993 г.) / Под общей редакцией Л. И. Богораз. Вып. 6. М., 1994. 223 с.
11. *Кусков Г. С.* Паспортная система в СССР и её роль в охране общественного порядка: Дис. ... канд. юрид. наук [Текст]/Г. С. Кусков М.: Академия МВД СССР, 1972. 186 с.
12. *Лимонова Н. А.* Право граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства и деятельность органов внутренних дел по его обеспечению. (Вопросы теории). Дис. ... канд. юрид. наук. Москва 2000. 216 с.
13. *Могильный В. Ф.* История возникновения и развития права на свободу передвижения В. Ф. Могильный//Юрист Правовед № 6. 2007. С. 52–56.
14. *Поликарпова Е. В.* Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З. М. Черниловского. М.: Юрид.лит., 1984. 472 с.
15. *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 года. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 С.
16. *Уразалина С. Н.* Развитие института свободы передвижения в период правления Петра I // История государства и права, 2007, № 6. С. 17–19.

A. V. KUDRIAVTCEVA

FORMATION OF THE RIGHT TO A FREEDOM OF MOVEMENT

The article examines the history of freedom of movement in Russia. Reveal stages in the development of the law. Step by step points to the sources of regulation of the freedom of movement.

Key words: freedom of movement, formation of the right to a freedom of movement, the passport system, restriction of freedom of movement, freedom of residence.

Б.П. НОСКОВ

кандидат юридических наук, профессор
кафедры конституционного и муниципально-
го права Государственного университета – УНПК

К.В. НОВИКОВА

соискатель кафедры конституционного
права Государственного университета –
УНПК, старший помощник прокурора За-
водского района г. Орла, младший советник
юстиции

Тел. 8 919 260 40 96

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы административной ответственности субъектов малого и среднего бизнеса за правонарушения, совершенные в сфере предпринимательской деятельности, и проводится анализ указанных составов административных правонарушений. Особое внимание уделяется проблеме вины юридических лиц при совершении правонарушений и привлечения этих лиц к административной ответственности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, законные представители, банкротство, вина юридического лица, вина, срок давности привлечения к административной ответственности.

В настоящее время вопросам административной ответственности субъектов малого и среднего бизнеса уделяется значительное внимание как в юридической литературе, так и в правоприменительной практике. Одной из причин этого является неуклонная тенденция роста нарушений в области предпринимательской деятельности, которая в определенной мере связана с нестабильностью законодательства. Так, за девять лет действия КоАП РФ только в главу 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности» было внесено более 100 изменений и дополнений и введены 17 новых статей (14.26 – 14.42). Кроме того, большинство диспозиций статей указанной группы являются бланкетными нормами, т.е. отсылают к другим нормативно-правовым актам, нарушение которых и образует состав административного правонарушения. Все вышеперечисленное затрудняет реализацию норм КоАП РФ на практике. В связи с этим представляется

актуальным рассмотреть некоторые особенности квалификации ряда составов административных правонарушений в области предпринимательской деятельности и связанные с ними проблемы привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности.

Так, частью 2 ст. 14.4 КоАП РФ устанавливается ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг населению ненадлежащего качества или с нарушением требований технических регламентов и санитарных правил или без сертификата соответствия (декларации о соответствии), удостоверяющего (удостоверяющей) безопасность таких товаров, работ либо услуг для жизни и здоровья людей. При сравнении объемов продаж товаров (выполнения работ, оказания услуг), осуществляемых индивидуальными предпринимателями с аналогичным показателем для юридических лиц существенных различий не наблюдается. Причем ежедневный торговый оборот комплексов, сетей

магазинов, руководство которыми осуществляют индивидуальные предприниматели без образования юридического лица, в некоторых случаях во много раз превышает размер максимального штрафа, налагаемого на данную категорию субъектов административной ответственности. Другими словами, подобная противоправная деятельность может в равной мере осуществляться как юридическими лицами, так и индивидуальными предпринимателями. Между тем, размер ответственности для них существенно различается. Как справедливо отмечается в юридической литературе: «Продажа небезопасной для жизни и здоровья граждан продукции индивидуальным предпринимателем столь же общественно вредна, как и продажа небезопасной продукции в магазине, находящемся на балансе юридического лица»¹. В связи с вышеизложенным, представляется обоснованным предложение увеличить размер административного штрафа, налагаемого в соответствии с ч. 2 ст. 14.4 КоАП РФ на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, до размера штрафной санкции, предусмотренной этой же нормой для юридических лиц.

Далее хотелось бы обратить внимание на практику реализации статьи 14.3, которая устанавливает административную ответственность за нарушение законодательства о рекламе. Здесь представляет интерес с практической точки зрения вопрос о соотношении ответственности рекламодателя и рекламопроизводителя, а именно, возможно ли одновременное привлечение к административной ответственности по ст. 14.3 КоАП РФ и рекламодателя, и рекламопроизводителя? Для ответа следует обратиться к Федеральному закону от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе»². В частности, в соответствии с ч. 6 ст. 38 рекламодатель несет ответственность за нарушение общих требований к рекламе о добросовестности и достоверности. Статья 13 данного Федерального закона указывает, что «реklamодатель по требованию рекламораспространителя обязан предоставлять документально подтвержденные сведения о соответствии рекламы требованиям настоящего

Федерального закона, в том числе сведения о наличии лицензии, об обязательной сертификации, о государственной регистрации». Между тем, рекламопроизводитель несет ответственность за нарушение требований законодательства РФ о рекламе в случае, если будет доказано, что нарушение произошло по его вине (ч. 8 ст. 38). Следовательно, на рекламопроизводителя косвенно возлагается обязанность проверить предоставленную информацию (рекламу) на предмет ее соответствия действующему законодательству. Иными словами, у рекламопроизводителя всегда имеется возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность и могут быть приняты все зависящие от него меры по их соблюдению, т.е. в случае признания рекламы ненадлежащей рекламопроизводитель должен быть признан виновным и привлечен к административной ответственности. Таким образом, можно сделать вывод о возможности одновременного привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе рекламодателя и рекламопроизводителя. Однако подобное толкование вышеуказанных норм не встречается на практике, что представляется не совсем оправданным с точки зрения защиты общественных интересов. Кроме того, одновременное привлечение к ответственности и заказчика, и исполнителя, вероятно, могло бы способствовать уменьшению числа правонарушений в сфере рекламы.

Некоторые проблемы свойственны и в реализации положений статей 14.13 и 14.14 КоАП, предусматривающих административную ответственность в сфере банкротства. После внесенных Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. N 161-ФЗ в КоАП изменений в ст. 14.13 содержится пять составов, в отличие от ранее существовавших трех.

При детальном анализе возникает вопрос о соотношении состава, предусмотренного ч. 4 ст. 14.13 с проступком, наказуемым санкцией ст. 14.14 КоАП. И в том, и в другом случае речь идет о незаконном воспрепятствовании должностными лицами кредитной организации деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации. В период деятельности временной администрации – специального органа управления, назначаемого

¹ Газетдинов Е.В. Проблемы применения административной ответственности за некоторые правонарушения в области предпринимательской деятельности // Юрист. 2006. №11.

² Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. 2006. 15 марта. № 51.

Банком России, – полномочия исполнительных органов кредитной организации могут быть либо ограничены, либо приостановлены по ходатайству временной администрации актом Банка России.³ Причем объективная сторона состава, предусмотренного ч. 4 ст. 14.13 Кодекса, сформулирована таким образом, что включает в себя и те деяния, за которые предусмотрена ответственность в соответствии со ст. 14.14 КоАП. В результате за одно и то же деяние, выразившееся в воспрепятствовании должностными лицами кредитной организации осуществлению функций временной администрации, установлена двойная административная ответственность. В то же время согласно ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение. В связи с вышеизложенным, представляется вполне обоснованной наша позиция, в соответствии с которой действующая редакция ст. 14.13 исключает необходимость в существовании ст. 14.14 КоАП. Свою точку зрения автор обосновывает следующим:

«Во-первых, существование ст. 14.14 КоАП как нормы общей не оправдывается, ибо деяния, составляющие объективную сторону закрепленного в ней состава, всецело поглощаются объективной стороной состава, установленного ч. 4 ст. 14.13.

Во-вторых, допуская неверность нашего предположения относительно способа разрешения коллизий между рассматриваемыми нормами, а именно их соотношением, убеждаемся также в неэффективности ст. 14.14 как нормы специальной (естественно, *lex generalis* в таком случае будет выступать ч. 4 ст. 14.13), так как предусмотренные ею санкции не отличаются должной строгостью.

В-третьих, эта и иные подобные коллизии норм, по нашему мнению, должны быть сведены к минимуму, так как они, как правило, используются в качестве «лазеек» лицами, привлекаемыми к ответственности. Так, например, постановления административного органа могут быть обжалованы как незаконные, а именно – вынесенные в результате квалификации сходных составов по неправильному основанию. В результате значительной части подобных спекулятивно-правовых обжалований истекает срок давности привле-

³ Российский Б.В. Административная ответственность: Курс лекций. М.: Норма, 2004. С. 372 - 373.

чения к административной ответственности, и правонарушитель остается безнаказанным»⁴. С приведенными аргументами можно согласиться.

Пристального внимания заслуживает также реализация положений части 4 статьи 14.25 КоАП, объективная сторона которой состоит в том, что виновный предоставляет в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документы, которые содержат заведомо ложные сведения, если такое действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния. Под представлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, в соответствии с пунктом 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 18.11.2004 № 23 следует понимать представление документов, содержащих такую заведомо ложную либо искаженную информацию, которая повлекла за собой необоснованную регистрацию субъекта предпринимательской деятельности⁵. Кроме того, термин «заведомо ложные» означает однозначную осведомленность физического лица о ложности, недостоверности представляемых им в регистрирующий орган сведений⁶. К заведомо ложным сведениям могут относиться, например, сведения об учредителях юридического лица, уставном капитале общества (выявление фактов неоплаты уставного капитала), адресе места нахождения юридического лица (фактическое отсутствие улицы, дома либо юридического лица по месту нахождения, указанному в заявлении), о соответствующих паспортных данных физического лица. Следует отметить, что статьей 171 УК РФ также предусматривается такой состав, как представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения. При

⁴ См.: Аналогичной позиции придерживается Газетдинов Е.В. Проблемы применения административной ответственности за некоторые правонарушения в области предпринимательской деятельности // Юрист. 2006. № 11.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 N 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Российская газета. 2004. 7 декабря. № 271.

⁶ Письмо ФНС России от 13.09.2005 № ЧД-6-09/761@ «О применении дисквалификации в качестве санкции за нарушение законодательства о государственной регистрации» // Документы и комментарии. 2005. № 20.

этом разграничение между ними проводится по признаку получения дохода в крупном размере или причинения крупного ущерба – лишь в этом случае наступает уголовная ответственность. Между тем, в практике возникает вопрос о разграничении состава, предусмотренного ч. 4 ст. 14.25 КоАП, с другой нормой УК, а именно со статьей 327 УК РФ, часть третья которой устанавливает ответственность за использование заведомо ложного документа. К сожалению, законодатель так изложил свою волю, что разграничить эти составы достаточно сложно. Поэтому законодателю необходимо уточнить редакцию ст. 14.25 КоАП. Впредь нужно иметь в виду, что поскольку заведомо ложные сведения предоставляются в орган, осуществляющий регистрацию юридических лиц, наступает не уголовная, а административная ответственность, ибо любые сомнения, есть ли состав преступления или нет, толкуются в пользу обвиняемого⁷.

Необходимо остановиться и на еще одной проблеме, возникающей при реализации административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ установленный общий срок давности привлечения к административной ответственности, равный двум месяцам, по делам о нарушении прав потребителей не применяется. В данном случае лица, нарушившие права потребителей, могут быть наказаны в течение одного года с момента совершения административного правонарушения, ущемляющего права и законные интересы потребителей. При этом в правоприменительной практике нередко возникают проблемы, связанные с тем, что закон не содержит специальной отдельной главы о правонарушениях в сфере защиты прав потребителей, а в статье 4.5 КоАП нет исчерпывающего перечня статей Кодекса, к которым применяется годичный срок давности привлечения к ответственности. Данные обстоятельства порождают необоснованное применение административными органами более длительного срока давности по делам о правонарушениях, предусмотренных некоторыми статьями КоАП РФ, основываясь на том, что спорные правоотношения в той или иной мере

затрагивают сферу потребительского рынка. При этом в юридической литературе к статьям КоАП, предусматривающим ответственность за правонарушения в области защиты прав потребителей и предусматривающим годичный срок давности, относят следующие статьи:

- статья 14.4 «Продажа товара, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением санитарных правил»;
- статья 14.7 «Обман потребителей»;
- статья 14.8 «Нарушение иных прав потребителей»;
- статья 14.15 «Нарушение правил продажи отдельных видов товаров»⁸.

Кроме того, арбитражные суды также не допускают расширительного толкования нормы о годичном сроке давности и позволяют его применение исключительно к ситуациям, когда допущено прямое нарушение прав потребителей.

В качестве примера можно привести следующий случай из судебной практики.

Межрайонная инспекция Министерства РФ по налогам и сборам N 2 по Самарской области обратилась в Арбитражный суд Самарской области с заявлением о привлечении к административной ответственности общества с ограниченной ответственностью «Оникс плюс» за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ. Как следует из материалов дела, 23.05.2010 в ходе проверки налоговым органом магазина модульного типа «Висла», расположенного по адресу: ул. Автостроителей, 14, принадлежащего обществу с ограниченной ответственностью «Оникс плюс», был установлен факт реализации алкогольной продукции – водки «Старая Самара», 0,5 л, дата розлива 05.05.2010 – без сертификата соответствия и товаросопроводительной документации. Данное обстоятельство подтверждено актом закупки, протоколом изъятия и протоколом от 23.05.2010 N 08-13/2010/019 об административном правонарушении. Отказывая в удовлетворении заявления налогового органа о привлечении общества с ограниченной ответственностью «Оникс плюс» к административной ответ-

7 Гув А.Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. - М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; Издательский дом «ИНФРА-М», 2007. С. 498.

8 Феофилактов А.С. Административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности за нарушение прав потребителей: проблемы судебно-арбитражной практики // Административное право. 2009. № 1.

ственности на основании ч. 2 ст. 14.16 КоАП РФ, суд исходил из положений п. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, согласно которому постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня его совершения. Кассационная инстанция, рассмотрев данное дело по жалобе налогового органа, оставила судебные акты нижестоящих инстанций без изменений, а довод заявителя о том, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 14.16 КоАП РФ, следует рассматривать как нарушение прав потребителей, отклонила⁹.

Отдельного рассмотрения требуют вопросы привлечения юридических лиц к административной ответственности. Данная тема всегда вызвала и продолжает вызывать повышенный интерес и в юридической науке, и в практической деятельности. Это обусловлено особенностью юридических лиц как субъектов ответственности, а также наличием ряда спорных моментов и проблем при привлечении их к ответственности.

Так, в частности, одной из них является проблема установления вины юридических лиц при совершении административных правонарушений.

В последнее время в судебной практике проявляется тенденция игнорирования положений статьи 1.5. и части 2 статьи 2.1. КоАП РФ, устанавливающих принцип и понятие виновности юридического лица. Данная тенденция выражается, в частности, в следующем. При решении вопроса о законности привлечения юридических лиц к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.5. КоАП РФ, выражающегося в неприменении работниками этих юридических лиц контрольно-кассовых машин, арбитражные суды исходят из того, что юридические лица в таких случаях виновны всегда. В обоснование такой позиции указывается на то, что неприменение контрольно-кассовой машины работником юридического лица вследствие ненадлежащего исполнения им своих трудовых обязанностей не освобождает само юридическое лицо от административной ответственности за данное бездействие. При этом суды ссылаются на положение пункта 1 статьи 2 Федерального закона № 54-ФЗ от 22.05.2003 г. «О применении контрольно-кассовой техники при осуществле-

⁹ Постановление ФАС Поволжского округа от 21.12.2004 N А55-10346/04-35.

нии наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт»¹⁰, согласно которому обязанность применять контрольно-кассовую технику при осуществлении наличных денежных расчетов возложена на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей¹¹.

Указанный подход является неправильным по следующим основаниям.

Во-первых, указывая на то, что юридическое лицо должно во всех случаях независимо от вины нести ответственность за неисполнение его работником возложенных на него трудовых обязанностей, которое образует состав административного правонарушения, суды по существу применяют к административным правоотношениям положения части 1 статьи 1068 Гражданского кодекса РФ, согласно которому юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Однако такое механическое применение названной нормы Гражданского кодекса РФ, определяющей порядок гражданско-правовой, а не какой-либо иной ответственности юридического лица, к отношениям, возникающим в процессе привлечения юридического лица к административной ответственности, недопустимо. Гражданско-правовая и административная ответственность – это совершенно разные виды юридической ответственности, применяемые в рамках кардинально различающихся между собой видов правоотношений. Более того, часть 3 статьи 2 Гражданского кодекса РФ прямо указывает на то, что к отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

¹⁰ Федеральный закон от 22.05.2003 N 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» // Российская газета. 2003. 27 мая. № 99.

¹¹ См. например: Постановление Президиума ВАС № 6429/ 04 от 28.09.2004 г.; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.04.2005 г. по делу № А56-45895/ 04; Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 22.02.2005 г. по делу № Ф09-380/ 05-АК.

Во-вторых, при указанном подходе не учитываются положения статьи 1.5. и части 2 статьи 2.1. КоАП РФ о вине юридического лица.

В силу части 1 статьи 1.5. КоАП РФ лицо, в том числе и юридическое, подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. В соответствии с положениями частей 2 и 3 названной статьи КоАП РФ юридическое лицо, привлекаемое к административной ответственности, считается невиновным, пока его вина не будет доказана соответствующим административным органом или судом, и не обязано доказывать свою невиновность. В силу части 2 статьи 2.1. КоАП РФ юридическое лицо может быть признано виновным только в том случае, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Таким образом, наличие события административного правонарушения, установленного в ходе деятельности работников юридического лица, само по себе еще не является основанием для безусловного привлечения данного юридического лица к административной ответственности без установления его вины в совершении этого правонарушения. Такая позиция нашла свое подтверждение и в определении Конституционного суда РФ от 21.04.2005 года № 119-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Торговый дом «Волна» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 2.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях». В пункте 2 названного определения Конституционный суд РФ указал на обязательность применения положения части 2 статьи 2.1. КоАП РФ при привлечении юридических лиц к административной ответственности, в том числе и по статье 14.5. КоАП РФ за продажу товаров населению без применения контрольно-кассовой техники¹².

12 Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 N 119-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Волна» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.

Еще одной проблемой, связанной с привлечением юридических лиц к административной ответственности, является проблема обеспечения участия законного представителя юридического лица в производстве по делу об административном правонарушении.

В судебной практике возник вопрос о том, какое именно лицо может рассматриваться в качестве законного представителя юридического лица и каким образом можно обеспечить реализацию права этого законного представителя на участие в производстве по делу об административном правонарушении, возбужденном в отношении юридического лица.

В силу части 1 статьи 25.4. КоАП РФ защиту прав и законных интересов юридического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, осуществляют его законные представители. В соответствии с частью 2 названной статьи КоАП РФ в качестве законных представителей юридического лица может выступать его руководитель, а также иное лицо, признаваемое в соответствии с законом или учредительными документами органом юридического лица.

Из содержания названной нормы КоАП РФ не понятно, какое же все-таки лицо кроме руководителя может выступать в качестве законного представителя юридического лица. В соответствии с действующим гражданским законодательством текущее управление деятельностью юридических лиц различных организационно-правовых форм лиц может осуществляться коллегиальными органами (совет директоров, правление, дирекция) и (или) единоличными органами (генеральный директор, директор, руководитель, начальник и т.п.). Система этих органов управления определяется в учредительных документах юридических лиц. Как правило, в качестве единоличного органа юридического лица в учредительных документах хозяйственных обществ указывается лишь одно физическое лицо – директор или генеральный директор. В государственных и муниципальных унитарных предприятиях, а также в соответствующих учреждениях имеется один единственный единоличный орган управления – руководитель (директор, начальник, заведующий и т.п.). Никаких иных кроме руководителя единоличных органов управления в

учредительных документах юридических лиц не предусматривается.

В этой связи, принимая во внимание, что коллегиальный орган юридического лица не может выступать в качестве его законного представителя, возникает закономерный вопрос о том, какое еще физическое лицо кроме руководителя вправе быть законным представителем юридического лица в производстве по делу об административном правонарушении. Получается, что таких лиц не существует.

Применяя положение части 2 статьи 25.4. КоАП РФ, арбитражные суды при разрешении дел об административных правонарушениях, совершенных юридическими лицами, не признают в качестве законных представителей этих юридических лиц никаких работников этих организаций, например, заведующих магазинами, продавцов, а также адвокатов и лиц, оказывающих юридическую помощь по гражданско-правовым договорам¹³. По смыслу части 2 статьи 25.4. не могут являться законными представителями юридического лица и его работники, действующие на основании доверенности руководителя. Такую слишком императивную и не гибкую формулировку названной нормы КоАП РФ достаточно сложно применять на практике при привлечении юридических лиц к административной ответственности. Это связано, прежде всего с тем, что уполномоченному должностному лицу, возбуждающему в отношении юридического лица дело об административном правонарушении, необходимо в не позднее чем в двухсуточный срок составить с участием законного представителя этого юридического лица протокол об административном правонарушении. Кроме того, дело об административном правонарушении, возбужденное в отношении юридического лица, по общему правилу, сформулированному в части 3 статьи 25.4. КоАП РФ, должно рассматриваться с обязательным участием его законного представителя или защитника. При этом обеспечение присутствия указанных лиц при составлении протокола, а также при рассмотрении дела нередко бывает весьма затруднительным. При таких обстоятельствах должностные лица административных органов

часто допускают нарушения соответствующих процессуальных норм КоАП, влекущих в конечном итоге отмену в судебном порядке вынесенных в отношении юридических лиц постановлений о привлечении их к административной ответственности. Таким образом, нарушение должностными лицами административных органов некорректно сформулированных и трудноисполнимых на практике процессуальных норм КоАП РФ создает условия для необоснованного освобождения юридических лиц, совершивших административные правонарушения, от административной ответственности.

В этой связи представляется, что законодателю следует уточнить положения части 2 статьи 25.4. КоАП РФ и включить в число законных представителей юридического лица не только его руководителя, но и иных работников этой организации, которые в силу выполняемых ими трудовых (должностных) обязанностей несут ответственность за соблюдение соответствующих правил и норм, за нарушение которых юридическое лицо привлекается к административной ответственности. Кроме того, с внесением в статью 28.2. КоАП РФ уточнений, связанных с направлением юридическому лицу уведомления о времени и месте составления протокола, требуется и корректировка положений статьи 28.5. КоАП РФ в части увеличения сроков составления протокола в связи с достаточной сложностью соблюдения установленного в настоящее время двухсуточного срока составления протокола.

В рамках рассматриваемой темы мы обозначили лишь некоторые проблемы, связанные с реализацией административной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. При этом в качестве возможных причин их существования можно назвать наличие пробелов, несистематичность, а порой и противоречивость установленных в огромном массиве нормативно-правовых актов правил, регулирующих разнообразные сферы предпринимательской деятельности, что дополняется значительной нестабильностью административно-правового законодательства, а также существованием большого числа бланкетных норм.

В связи со всем вышеизложенным, можно сделать вывод о безусловной необходимости дальнейшего исследования составов админи-

¹³ См. например: Постановления Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.12.2004 г. по делу № А56-13600/04 и от 01.02.2005 г. по делу № А56-36622/04; Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.02.2005 г. по делу № А43-20049/2004-10-628.

стративных правонарушений в сфере предпринимательской деятельности и совершенствования нормативно-правовой базы.

Библиографический список

Законодательство и практика

1. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 07.02.2011) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238-239.
2. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 07.02.2011) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
3. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.02.2011) // Российская газета. 2001.31 декабря. № 256.
4. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. 07.03.2011) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
5. *Федеральный закон* от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. 2006. 15 марта. № 51.
6. *Федеральный закон* от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» // Российская газета. 2003. 27 мая. № 99.
7. *Федеральный закон* от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» // Российская газета. 2003. 27 мая. № 99.
8. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Российская газета. 2004. 7 декабря. № 271.
9. *Определение* Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 № 119-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Волна» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС КонсультантПлюс.
10. *Письмо* ФНС России от 13.09.2005 № ЧД-6-09/761@ «О применении дисквалификации в качестве санкции за нарушение законодательства о государственной регистрации» // Документы и комментарии. 2005. № 20.
11. *Постановление* Президиума Высшего арбитражного суда от 28.09.2004 № 6429/04.
12. *Постановление* Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.02.2005 г. по делу № А 43-20049/ 2004-10-628.
13. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.04.2005 г. по делу № А56-45895/ 04.
14. *Постановления* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.02.2005 г. по делу № А 56-36622/ 04.
15. *Постановления* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.12.2004 г. по делу № А56-13600/ 04.
16. *Постановление* Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 21.12.2004 по делу № А55-10346/04-35.
17. *Постановление* Федерального арбитражного суда Уральского округа от 22.02.2005 г. по делу № Ф09-380/ 05-АК.

Специальная литература

18. *Газетдинов Е.В.* Проблемы применения административной ответственности за некоторые правонарушения в области предпринимательской деятельности // Юрист. 2006. №11.
19. *Гуев А.Н.* Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. - М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; Издательский дом «ИНФРА-М», 2007. С. 848.
20. *Кононов П.И.* О некоторых вопросах применения арбитражными судами положений КоАП РФ

при рассмотрении дел об административных правонарушениях, совершенных юридическими лицами // Полицейское право. Научно-практический журнал. Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та, 2005, № 2 (2). С. 56-59.

21. *Российский Б.В.* Административная ответственность: Курс лекций. М.: Норма, 2004. С 448.

22. *Феофилактов А.С.* Административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности за нарушение прав потребителей: проблемы судебно-арбитражной практики // Административное право. 2009. №1.

B.P. NOSKOV, K.V. NOVIKOVA

SOME PROBLEMS OF REALIZATION OF THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN AREA OF ENTREPRENEURIAL BUSINESS

In article questions of the administrative responsibility of subjects of small and average business for the offences accomplished in area of entrepreneurial business are considered and the analysis of the specified structures of administrative offences is spent. The special attention is given a problem of fault of the legal entities at fulfilment of offences and attraction of these persons to the administrative responsibility.

Key words: entrepreneurial business, lawful representatives, bankruptcy, fault of the legal person, wine, a limitation period of attraction to the administrative responsibility.

Т.Ю. РАЗУБАЕВА*соискатель кафедры конституционного и муниципального права Государственного университета – УНПК**E-mail: pozdnyakov-a-n@mail.ru**Тел. 8 919 260 40 96*

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ВОДИТЕЛЕМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы административной ответственности водителя за управление транспортным средством в состоянии опьянения, анализируется целесообразность отмены предельно допустимого уровня алкоголя в крови. На основе существующих положений выдвигаются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, состояние опьянения, предельно допустимый уровень алкоголя в крови, медицинское освидетельствование, лишение права управления транспортным средством.

В соответствии с пунктом 2.7 Правил дорожного движения¹ водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения, под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения. Состояние опьянения можно определить как психическое состояние, вызванное употреблением алкогольных напитков, наркотических или других одурманивающих веществ, выражающееся в снижении способности человека отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Ранее было возможным привлечь водителя за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения при наличии свыше 0,3 промилле алкоголя в его крови. Однако, в настоящее время в связи с вступлением в силу Федерального закона от 23 июля 2010 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»² примечание

1 См.: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» // Российские вести. - № 227. - 23.11.1993.

2 См.: Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» и при-

к статье 27.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ) было исключено из КоАП РФ.

Отмена предельно допустимого уровня алкоголя в крови лица, управляющего транспортным средством, содержит в себе положительные моменты, к числу которых можно отнести реальное снижение количества лиц, управляющих транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, организм человека по-разному относится к алкоголю, у кого-то те самые 0,3 промилле никак не скажутся на внимании или моторике, а для другого это прямой путь к дорожно-транспортному происшествию.

Однако, несмотря на положительные моменты, представляется, что отмена минимально допустимого уровня алкоголя в крови не соответствует положениям Венской конвенции о дорожном движении, ратифицированной Россией, которые содержат требование установить минимально допустимый уровень алкоголя в крови и в выдыхаемом воздухе. Таким образом, неурегулированность данного вопроса идет в разрез с нормами международного права, а в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ, если

знания утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета.- 163.-26.07.2010.

международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора³. Многие российские эксперты утверждают, что такой минимально допустимый уровень содержания алкоголя в крови установлен и равен нулю. Данный аргумент представляется не вполне обоснованным, так как в организме каждого человека содержатся естественные молекулы алкоголя, которые в зависимости от индивидуальных особенностей у одного человека могут быть либо больше, либо меньше. В данном случае возникает дискуссионная ситуация, затрудняющая применение нормы на практике.

Кроме того, немаловажной проблемой является вопрос, каким образом правоохранительные органы в лице сотрудников полиции будут отличать водителей выпивших от водителей не выпивших, так как даже алкотестеры, сертифицированные Минздравом, имеют допуск плюс-минус 0,2 промилле. В свете указанной проблемы выдвигаются 2 предложения: либо о возвращении положений, действовавших до внесения изменений Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 210-ФЗ⁴, то есть об отмене освидетельствования водителей на состояние алкогольного состояния сотрудниками полиции, и введении обязательного медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо об установлении минимально допустимого уровня содержания алкоголя в крови.

Этот уровень может быть установлен в 0, 2 промилле алкоголя в крови водителя, управляющего транспортным средством, так как доза равная 0,3 - 0,5 промилле может вызывать в сознании водителя затруднения в определении скорости и (или) размера движущихся источников света транспортных средств.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 11 ноября 2008 года «О внесении изменений в некоторые Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации»⁵

3 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)// Российская газета. - № 7. - 21.01.2009.

4 См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 07.02.2011)//Российская газета. - №256. - 31.12.2001.

5 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 11 ноября 2008 г. «О внесении изменений в некоторые Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации» // Российская газета. - № 237. - 19.11.2008.

указано, что по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 12.8 КоАП РФ, надлежит учитывать, что доказательствами состояния опьянения водителя являются акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения вправе проводить должностное лицо, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства.

Медицинское освидетельствование на состояние опьянения вправе проводить врач психиатр-нарколог либо врач другой специальности (в сельской местности при невозможности проведения освидетельствования – врач-фельдшер), прошедший в установленном порядке соответствующую подготовку и имеющий сертификат. Наряду с указанными актами не исключается подтверждение факта нахождения водителя в состоянии опьянения и иными доказательствами (например, показаниями свидетелей).

При рассмотрении дела о совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.8 КоАП РФ, необходимо проверять наличие законных оснований для направления водителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, а также соблюдение установленного порядка направления на медицинское освидетельствование. О законности таких оснований свидетельствуют:

– отказ водителя от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения при наличии одного или нескольких признаков, перечисленных в пункте 3 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня

2008 г. № 475⁶ (к таким признакам относится запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица, поведение, не соответствующее обстановке);

– несогласие водителя с результатами освидетельствования на состояние алкогольного опьянения;

– наличие одного или нескольких признаков, перечисленных в пункте 3 названных Правил, при отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

О соблюдении установленного порядка направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, в частности, свидетельствует наличие двух понятий при составлении протокола о направлении на такое освидетельствование. Если при составлении протокола отсутствовал один или оба понятия, то при рассмотрении дела этот протокол подлежит оценке по правилам статьи 26.11 КоАП РФ, предусматривающей, что судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу. Учету подлежат также требования части 3 статьи 26.2 КоАП РФ о том, что не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Обстоятельства, послужившие законным основанием для направления водителя на медицинское освидетельствование, должны быть указаны в протоколе о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (часть 4 статьи 27.12 КоАП РФ) и в протоколе об

⁶ Постановление Правительства РФ от 26.06.2008 г. № 475 (в ред. Постановления Правительства РФ от 10.02.2011 № 64) «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством» // Российская газета. - № 140. - 02.07.2008.

административном правонарушении, как относящиеся к событию административного правонарушения (часть 2 статьи 28.2 КоАП РФ).

Если освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, проводимое должностным лицом, которому предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства или медицинское освидетельствование на состояние опьянения, дали положительный результат, это является основанием для привлечения лица к административной ответственности за совершение административного правонарушения по статье 12.8 КоАП РФ. Данная норма содержит санкцию в виде лишения права управления транспортным средством на срок от полутора до двух лет. Ранее КоАП РСФСР содержал статью 297, предусматривающую основание и порядок сокращения срока лишения специального права. В частности, при примерном поведении лица, лишённого на определенный срок права управления транспортным средством орган (должностное лицо), наложивший взыскание, может по истечении не менее половины назначенного срока сократить срок лишения указанного права.

В настоящее время КоАП РФ такого положения не содержит, что является в некотором смысле необоснованным. Речь идет, прежде всего, о тех случаях, когда лицу для выполнения трудовой функции необходимо наличие права управления транспортным средством. В этом случае, представляется возможным дополнить статью 32.6 «Порядок исполнения постановления о лишении специального права» примечанием следующего содержания:

«Примечание. Лицо, лишённое правом управления транспортным средством, по истечении не менее половины назначенного срока может обратиться с ходатайством о возврате указанного права в суд только при отсутствии за период лишения права других административных правонарушений.»

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.)// Российская газета. № 7. 21.01.2009.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 07.02.2011)//Российская газета. №256. 31.12.2001.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 4-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О полиции» // Российская газета. № 25. 8.02.2011.
4. Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. № 163. 26.07.2010.
5. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 210-ФЗ (ред. от 23.07.2010) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. - № 164. - 31.07.2007.
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» // Российские вести. № 227. 23.11.1993.
7. Постановление Правительства РФ от 26.06.2008 г. № 475 (в ред. Постановления Правительства РФ от 10.02.2011 № 64) «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством» // Российская газета. № 140. 02.07.2008.
8. Приказ Минздрава РФ от 14.07.2003 г. № 308 (ред. от 25.08.2010) «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения» // Российская газета. № 147. 24.07.2003.
9. Приказ МВД РФ от 04.08.2008 г. № 676 «Об утверждении форм акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения» // Российская газета. № 178. 22.08.2008.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 11 ноября 2008 г. «О внесении изменений в некоторые Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации» // Российская газета. № 237. 19.11.2008.
11. Артемьев Е.В. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях РФ. М.: КноРус, 2011. 560 с.
12. Румянцев Н. Административная ответственность. М.: Юнити-Дана, 2010. 224 с.

T. YU. RAZUVAEVA

**TO A QUESTION ON THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
FOR MANAGEMENT OF A VEHICLE OF THE DRIVER
IN A CONDITION OF INTOXICATION**

In article questions of the administrative responsibility of the driver for management of a vehicle in a condition of intoxication are considered, the expediency of a cancelling of a maximum permissible level of alcohol in blood is analyzed. On the basis of existing situations offers on the further perfection of the legislation are put forward.

Key words: the administrative responsibility, a condition of intoxication, a maximum permissible level of alcohol in blood, physical examination, deprivation of the right of management by a vehicle.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

К.В. БИРЮКОВА

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теологии Российского государственного
социального университета
E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

НАЧАЛО ПРАВОСЛАВИЯ В КОРЕЕ

Вопрос взаимоотношений России с дальневосточными соседями не теряет актуальности. И проповедь православия в Корее является важной частью истории русской православной миссии. Автор рассматривает начало распространения православия в Корее, деятельность прославленных миссионеров (св. Иннокентия (Попова-Вениаминова), Хрисанфа (Щетковского)), до 1905 г., вопрос перевода священных текстов, практические особенности миссионерской работы в Корее.

Ключевые слова: Корея, православие, миссионерская деятельность

В 1860 г. согласно договору, подписанному между Россией и Китаем, Уссурийский край был признан территорией России и, таким образом, Россия получила обширную границу с Кореей вдоль течения реки Туманган. Примерно с этого же времени начинается активный переход корейцев на территорию России с целью основания там своих поселений [2, 21]. Некоторые исследователи говорят примерно о 450 тыс. корейцев в России к концу XX в. [1]. В 1884 г. подписывается русско-корейский договор о дружбе и торговле, после чего между Россией и Кореей устанавливаются официальные дипломатические отношения [2, 21].

Одним из первых мысль об открытии православной миссии на корейской земле подал секретарь дипломатической миссии Н.А. Шуйский, видя в этом прежде всего геополитически важную задачу [9, 53-54]. 3 января 1897 г. российский поверенный в делах в Корее З.М. Поляновский в своем отчете указывал на срочную необходимость в открытии миссии. Он пишет о примерно 150 православных в Сеуле, русских и корейцах [9, 60-61]. «Для примера укажу на возможность умереть без покаяния, угрожающую каждому из православных жителей Сеула и составляющую

для христианина одно из самых ужасных несчастий», – убеждает дипломат [6, 180].

Миссионерскую деятельность среди корейцев начал святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов) (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов (1797-1879), епископ Камчатский (1840-1868, митр. Московский и Коломенский (с 1868 г.). Вел миссионерскую деятельность среди алеутов и других коренных народов Камчатки. Много путешествовал по Камчатке, переводил, исследовал быт и верование местных народов. Был инициатором создания Миссионерского общества. В 1865 г. им были крещены корейцы, поселившиеся около Новгородской гавани. К концу 1870-х гг. в Южно-Уссурийском крае появляются самостоятельные корейские приходы. В 1868 г. была открыта первая миссионерская школа для корейских детей, в 1870-х возникли корейские приходы, а в с. Корсаковка на средства корейцев была построена первая церковь [10].

Первым священником, имевшим дело с ново-прибывшими корейцами, был о. Валерьян (униат). Позднее приехал еще один священник, Захарий Тяпкин, который не добился успеха и был переведен из Посьета в дальнее место – порт Св. Ольги, где вскоре и умер [9, 16-17]. Осенью 1870 года о. Иоанн Верещагин был назначен на пост протоирея

Владивостокского, где и служил до своей смерти в июле 1872 г. [9, 17]. Он восполнял миссионерские нужды в окружающем Владивосток районе и на побережьях рек Тизинхе и Янчихе, впадающих в Посъетский пролив. Другой священник, Иоанн Гомзяков, был направлен на служение в деревню Благовещенское, расположенную далее на север рядом с рекой Амур. Около 500 корейцев, в основном некрещенных, были поселены там насильно. О. Василий Пьянков был назначен в район рядом с озером Ханка с 1 сентября 1871 года, и когда первосвященник Верещагин умер летом 1872 г., район его деятельности был также предоставлен Пьянкову [9, 17]. В этом же году были построены часовни в первых, по времени обоснования, корейских поселениях Тизинхе (осн. в 1864 г.) и Нижне-Янчихе (осн. в 1865-1866 гг.). Пьянков служил в этом крае до 1876 г. В 1873 году Иосиф Никольский был также назначен в Южно-Уссурийский край для оказания помощи Пьянкову. Он служил в этом регионе с мая 1872 г. по январь 1880 г. [9, 18].

В 1882 г. в целях правильной постановки миссионерского дела в корейских поселениях был учрежден первый самостоятельный Янчихинский стан, в состав которого помимо четырех чисто русских деревень входили все корейские селения Южно-Уссурийского края: Тизинхе, Янчихе и новые Сидими (1866), Барановка (1869), Краббе (1872), Адими (1873), Фаташи (1878). Весной 1883 г. была закончена постройка церкви во имя святителей Филиппа, митрополита Московского, и Иннокентия, первого епископа Иркутского в селении Нижнее Янчихе, уже летом она была освящена преосвященным Мартинианом, епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским. Первым миссионером Янчихинского стана был назначен о. Филипп Типцев [9, 18-19]. В 1888 г. из его состава выделяется Мангугайский миссионерский стан, а в 1891 г. Тизинхенский, Адиминский и Зареченский станы, кроме того, существовал походный Посъетский стан. Фактически это разделение совершилось после открытия самостоятельной Владивостокской епархии и учреждении Владивостокского комитета православного миссионерского общества. В 1899 г. в Тизинхенский стан был назначен иеромонах Иоасаф, а в Адами – иеромонах Власий [9, 20]. В 1904 г. в регионе действовали 9 миссионерских станом, а число

православных корейцев составило 8634 человека [5, 42].

В 1897 г. Император и Синод дают разрешение, и в начале 1898 г. первый состав миссии в лице архимандрита Амвросия (Гудко; ныне прославлен в лике новомучеников), иеродиакона Николая (Алексеева) и псаломщика А.В. Красина выехал в Корею. На нужды миссии выделили содержание «в 6 870 р. в год. Из этой суммы причитается архимандриту 3000, иеродиакону 2000, псаломщику 1500 и на наем сторожа и прислуги 370 р. в год. Впоследствии... к означенной сумме была доассигнована новая, дополнительная, специально для школ, учителей и катехизаторов в размере 3300 р. в год» [6, 182]. Отдельно выдана была сумма на постройку зданий, вместе с пожертвованиями составившая 33 152 р. 20 к. [6, 182] Означенной суммы было недостаточно, и архимандрит Амвросий накануне отъезда из России через церковную печать обратился к русским христианам с просьбой о пожертвованиях на дело православной проповеди в Корее [1].

8 января 1898 г. финансовый советник в Корее Алексеев сообщает: «Имею основание предположить, что корейский император имеет намерение подарить государю землю под церковь» [9, 62]. Посланник в Сеуле А.Н. Шпейер подтверждает это [9, 62]. Ухудшение русско-корейских отношений не позволило ехавшим в Сеул русским миссионерам пересечь границу. Прибывший в Сеул новоназначенный поверенный в делах Н.Г. Матюнин телеграфирует, что присланная императором купчая на землю сообщает об уступке земли не под церковь, а под здания и постройки вообще: «Я (император Кочонг) купил участок земли, принадлежащий корейцам и французам специально для того, чтобы одолжить их в пользование господину Императорскому поверенному в делах в Сеуле г. Шпейеру для постройки потребных российскому правительству в Сеуле зданий» [9, 64]. Император от дара отказался.

Владыка Амвросий с попутчиками ждали разрешения на въезд сперва во Владивостоке, потом в селении Новокиевске. Архимандрит Амвросий вскоре был отозван в европейскую часть России, где получил новое назначение. Псаломщик Красин временно поступил на государственную службу, и только иеродиакон Николай продолжал терпеливо ждать перемены

к лучшему [1]. 18.11.1898 г. арх. Амвросий был уволен от должности заведующего православной Духовной миссией в Корее и 01.09.1899 г. на эту должность был назначен кандидат богословия иеромонах Хрисанф с возведением его в сан архимандрита. В начале 1899 года корейское правительство разрешило иеродиакону Николаю обосноваться в Сеуле, он устроился при Русской дипломатической миссии. В 1900 г. в Сеул приезжает о. Хрисанф и его однокашник, псаломщик Иона Левченко, в течение пяти лет проповедывавший среди донских калмыков. За неимением места поселились на частных квартирах.

Походная разборная церковь была доставлена еще о. Николаем, «иконостас и иконы для нее пришли морским путем, через Одессу» [6, 189]. Но для подготовки церкви требовалось время. Затруднение решил поверенный в Делах А.И. Павлов: «предложил им одну из лучших комнат своей квартиры (гостиную, вмещавшую до 60 человек молящихся) для этой святой цели. Миссионеры с радостью приняли предложение милого хозяина и тут же... приступили к установке иконостаса и др. необходимых для богослужения частей храма. Освящение состоялось ... 17 февраля 1900 г... Чин освящения совершал о. Хрисанф с причтом при пении матросов с канонерской лодки «Отважный», прибывших специально из Чемульпо на это исключительное для Кореи торжество. На освящении, кроме русской колонии во главе с г-ном Павловым, присутствовали чины Корейского двора, представители Дипломатического Корпуса, печати и другие лица. Вновь освященная церковь посвящена памяти св. Чудотворца Николая, небесного патрона государя Императора Николая II» [6, 190]. Позже Павлов предоставил миссии здание бывшего русско-корейского банка [10].

Уже 15 октября 1900 г. была открыта школа для корейцев. В 1901 г. в нее приняли 12 мальчиков, двоих из них, сирот, содержал о. Хрисанф. Корейцы охотно отдавали детей в школы, надеясь на то, что полученное образование обеспечит им заработок, и не возражали против их христианского воспитания. Во второй учебный год учеников было 10, в третий и четвертый – по 8 человек [6, 197]. Причиной был недостаток средств и, в большей степени, учителей. С началом Русско-японской войны школа была закрыта.

Огромную трудность для миссионеров представлял корейский язык. Вопрос с переводчиками решился неожиданно: «В период русского влияния в Корее инструкторы наши обучали корейские войска военной тактике. Обучение происходило при помощи переводчиков, корейцев-христиан, проживавших в Уссурийском крае. Когда в силу изменившихся политических комбинаций, русский престиж ослабел, деятельность наших инструкторов тоже прекратилась. Но некоторые из переводчиков так и остались жить в Сеуле. Вот теперь, по приезде туда православной миссии, все они (числом около 15) сочли своим долгом явиться к о. Хрисанфу. Последний, узнав, что они – православные христиане и владеют корейским и русским языками, чрезвычайно обрадовался и предложил им быть переводчиками при миссии. Те согласились и, таким образом, в отношении переводчиков миссия стала обеспеченной» [3, 85].

Не менее насущной была необходимость в православной литературе на корейском языке. Большинство корейцев знали китайские иероглифы, и о. Хрисанф просит начальника Пекинской миссии прислать ему книги на китайском, т.к. корейцы хорошо знакомы с китайскими иероглифами. Архимандрит Иннокентий (Фигуровский) согласился, и книги были высланы в Сеул. Вскоре Пекинская миссия была уничтожена в ходе народного восстания (т.н. «боксерского»): «Наша осада окончилась, все мы остались живы, миссию свою я перевел в кумирню Юн-ха-чун. От прежней осталась одна груда мусора... Все вещи и книги сгорели, очень рад, что успел, по Вашей просьбе, по одному экземпляру всех наших переводов переслать к Вам. Теперь думаю снять с них копии, и некоторые книги издать вновь. Поэтому покорнейше прошу выслать мне их. Обещаюсь вскоре возвратить обратно», [3, 90] – пишет о. Иннокентий. Вот так Промыслом Божиим сохранились эти тексты.

В 1900 г. для корейцев переведены с китайского языка «Православное исповедание» св. Димитрия Ростовского, Часослов и «Чин крещения язычников». Он переводит на корейский язык «Краткий молитвослов», краткое изложение веры и выдержки из «Простых речей о великих делах Божиих» преосвященного Макария Томского [10].

Желая подробнее ознакомиться со страной и ее жителями, о. Хрисанф предпринимает путеше-

ствие по Корее, в ходе которого ведет путевой дневник. В своих заметках он приводит интереснейшие сведения о жизни и быте корейцев, их религиозном и духовно-нравственном состоянии. Конечно, особое внимание в своих записях о. Хрисанф уделяет вопросу распространения в Корее христианской веры, часто упоминает об инославных миссионерах и рассказывает о реакции местных жителей на свою проповедь. Например, в одной из деревень «хозяин постоянного двора оказался католиком. В толпе, по обыкновению со всех сторон окружавшей нас, были еще католики и протестанты. Завели мы с ними беседу на религиозную тему, вкратце изложили содержание православной веры, указав им и на существенные отличия православия от католичества и протестантства. Некоторые, видимо, заинтересовались нашей беседой и просили у нас каких-либо книг, но мы могли им дать списать только «Символ веры», «Начальные молитвы» и «Заповеди Закона Божия», приглашая их для более основательного знакомства с православной верой и ее богослужением приехать в Сеул» [8, 23].

Ознакомившись с монашеской жизнью в монастырях Кымгансана, миссионеры и здесь пробуют говорить о православии. Монахи воспринимали это по-разному. Например, в монастыре Пхохунса «когда же мы заговорили с ними о своих миссионерских делах, то нас не стали слушать и столь грубо обошлись с нами, что мы сочли за лучшее на время замолчать» [8, 54]. В монастыре Чонянса «мы встретили самый радушный прием; правда, неохотно и здесь слушали нашу проповедь о Христовой вере, но не возражали, и не делали никаких протестов и тем более каких-либо грубостей; нам они говорили, что для них и их вера хороша, что они еще не доросли до европейцев, а когда это совершится, то, наверное, все корейцы примут христианство. К нам приходят много христианских миссионеров всяких наций, но мы что-то плохо понимаем их рассказы о жизни и учении Христа: видимо, время еще не настало...» [8, 56].

Серьезным затруднением было положение женщины в Корее. Зависимые от мужчин, они зачастую не имели никаких прав, даже выйти из дома. Именно поэтому женщины не идут к мужчинам-проповедникам, и приходится устраивать отдельные беседы для мужчин и женщин. Нужны женщины-миссионерки, которые могли

бы посещать женские половины домов [3, 87]. Возникает сложность и с Крещением корейнок: дело в том, что в Корее традиционно женщина даже лицо закрывает, выходя из дома. О. Николай (Касаткин) советует крестить корейнок в специально приготовленном белом переднике: «Передники эти широкие, покрывающие все тело кругом, начиная от груди до пяток» [4, 113-114]. Со временем о. Павел прекращает практику обливательного крещения, бытовавшую в силу стыдливости корейнок.

В марте 1902 г. было открыто отделение миссии в Мунь-сан-пхо, в 50 км. от Сеула. «В прошлом году, вскоре по возвращении моем из России, к нам в Миссию стал ходить один кореец, на вид очень приличный, серьезный, как будто из ученых... Через некоторое время он явился ко мне с заявлением, что его односельчане в количестве нескольких человек желают принять православную веру и просят приехать, побеседовать с ними и послужить, для каковой цели они приготовили даже отдельный дом» [7, 24-30], – пишет о. Хрисанф.

Указанного корейца о. Феодосий (Перевалов) именует Иосифом Ханом и отзывается о нем отрицательно. Дом был куплен нашими миссионерами, а после выяснилось, что он принадлежит американской миссии, Хан построил его на их средства и продал не вполне законно. Иосиф Хан был присоединен к православию в 1909 г., о. Хрисанф, видимо, доверял ему. В 1913 г. стан в Мунь-сан-пхо был закрыт за неэффективностью, а дом продан. Иосиф Хан вновь работал у американских миссионеров и умер в 1920 г. [6, 212-214]. Краткое время в Мунь-сан-пхо была школа, которую поначалу посещало всего 6 мальчиков [9, 75].

За время миссионерской деятельности архимандрита Хрисанфа, с 1900 по 1904 г., были крещены 10 мужчин и 4 женщины [9, 71]. Владыка стремился совершать Таинство только над теми, кто просил о нем осознанно, и очень серьезно относился к катехизации, считая, что «лучше не иметь ни одного христианина, чем иметь много и вести их к гибели» [1].

20 мая 1901 г. скончался Иона Левченко, и на его место был назначен русскоподданный кореец Моисей Лянь, вскоре уволенный за неспособность. Иеродиакон Николай (Алексеев) посвящен был в иеромонаха. В 1902 г. на вакантную

должность псаломщика прибывает иеродиакон Варфломей (Селезнев) с тремя монастырскими послушниками в качестве певчих (Федор, Дмитрий и Иаков). Впрочем, уже в следующем году все трое вместе с о. Николаем поступают в Пекинскую миссию [6, 216].

Начавшаяся Русско-японская война почти уничтожила миссию. Корея подверглась японской оккупации, и все русские граждане вынуждены были покинуть страну. 02.02.1905 г. сотрудники миссии были высланы из Сеула и перебра-

лись в Шанхай, где нашли приют в отделении Китайской Православной Миссии. Имущество миссии было описано и передано на хранение французскому посольству [9, 7-8]. Вернуться в Корею ему не удалось: посвященный в сан епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, в 1905 г. он был по болезни перемещен на кафедру епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии, и 22 октября 1906 г. скончался от скоротечной чахотки в Одессе, прожив всего 37 лет [5, 45] ...

Библиографический список

1. Кишук Ю. Свет Евангелия в «Стране Утренней Свежести». www.Pravostok.Ru
2. Курбанов С.О. Русская Православная Церковь и Корея//В кн.: Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. Спб., 1997. С.21-34.
3. Прохоренко Ф. Русская духовная миссия в Японии и в Корее. Харьков. 1906.
4. Святитель Николай Японский. Видна Божия воля просветить Японию. М., 2009.
5. Симбирцева Т.М. К 100-летию православия в Корею//Этнографическое обозрение-2000-№5-С.42-56
6. Феодосий (Перевалов), архимандрит. Российская Духовная Миссия в Корею (1900-1925 гг.)//В кн.: История Российской Духовной миссии в Корею. М., 1999.
7. Хрисанф (Щетковский), епископ. Из писем корейского миссионера. Казань. 1904.
8. Хрисанф (Щетковский), епископ. От Сеула до Владивостока (Путевые записки миссионера). // История Русской Духовной миссии в Корею. М., 1999.
9. Чо Чо Хван. Русская Православная миссия в Корею. М., 1997.
10. Шкаровский М.В. Русская Православная Духовная Миссия в Корею. www.Pravostok.Ru

K. V. BIRYUKOVA

THE BEGINNING OF ORTHODOXY IN KOREA

The question of relationships of Russia with Far East neighbours does not lose a urgency. And the homily of Orthodoxy in Korea is the important part of history of Russian orthodox mission. The author considers the beginning of dissemination of Orthodoxy in Korea, activity of the glorified missionaries (over st. Innokenty (Popov-Veniaminov), Xrisanf Schetkovsky), up to 1905, a question of translation of Holy Writ, practical features of missionary work on Korea.

Key words: Korea, orthodoxy, missionary activity

Г.Н. ГОРБАЧУК

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного универ-
ситета

E-mail: isslepinin@gmail.com

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ: ЛИК И ЛИЧНОСТЬ

Статья посвящена соотношению между субъективно-психологическими и религиозными чертами личности великого князя Андрея Боголюбского. Автор статьи анализирует идею самодержавия, социально-политические причины, которые вызвали убийство князя, соотношение между такими понятиями, как «лик» и «личность», проблемы развития агиографии на современном этапе.

Ключевые слова: личность, религиозная идентичность, агиография, иконография, единодержавие.

Определенную трудность при исследовании жизни и деятельности выдающихся общественных и религиозных деятелей, оказывавших серьезное влияние на общественное сознание в течение веков, составляет проблема соотнесенности субъективно-психологических и религиозных черт в их личности. Дело в том, что исторические источники, сориентированные сугубо на обслуживание религиозных идей, и источники, отразившие в первую очередь общественно-социальные, государственные и политические проблемы своего времени, существенно разнятся при оценке роли этих личностей в истории. Великий князь Андрей Боголюбский, который положил основание строительству русской государственности и укреплению русского православия, как раз и относится к таким деятелям.

Если мы сравним принятое к общецерковному употреблению житие князя Андрея Боголюбского с обильным летописным материалом о нем, то должны будем констатировать, что в первом случае перед нами предстает образ «сына Божия», воителя за правду Божию, «благоверного» христианина. В летописях же он чаще представлен как «сын человеческий», который не гарантирован от ошибок и заблуждений.

Конечно, летописи не утратили образ князя-христианина. Он сохранился. В конечном счете этот материал и лег в основу канонического жития. Но сами летописи шире. Их авторы в данном

вопросе оказались в исключительно выгодном положении. Им не надо было писать сказаний о князе по случаю его предстоящей канонизации (князь Андрей был канонизован церковью в начале XVIII века). Они стремились отразить реалии такими, какими они их видели и воспринимали, пусть каждый с немалой долей субъективности, что неизбежно. По этой причине летописный образ князя представляется очень реальным, масштабным и основательным. Это личность.

Что же мы имеем в церковных житийных сказаниях, где воссоздается «лик» праведника, и как выявляется этот «лик»? Здесь жанр определяется задачей. Если летописец может позволить себе в худшем случае ограничиться простой констатацией фактов, то агиограф все время должен не упускать из виду, что его задача – дать образец для подражания на примере той или иной личности, на которую, как на святую, указывает церковь.

Такой подход восходит к библейской традиции компоновки некоторых священных текстов. Так, в исторических книгах Паралипоменон, составленных в период воссоздания Второго Храма, фактически упущен весь негативный материал из истории богоизбранного народа, что, к примеру, удержано в книгах Царств. Народу Божию, только что возвратившемуся из Вавилонского плена на родное пепелище, нужны были для ободрения позитивные примеры, а не простая хронофакто-

логия. Ту же самую цель преследует и житийный материал.

В церковной агиографии издревле образовалось несколько устойчивых литературных образов-стереотипов. Условно их можно было бы разделить на мученически-исповеднический, преподобнический, святительский, царе-княжеский и т.д. Так, к примеру, читая сказание о мученическом подвиге одного святого, можно с немалой вероятностью ожидать встретить характерные детали в повествовании о мученичестве другого. Конечно, многое объясняет схожесть самого подвига. Еще больше проясняет ситуацию типизации в житийных сказаниях сам прием их составления, когда образцом для новых житий служат более древние агиографические источники. В этом, несомненно, есть своя логика. Церковь вечна, как вневременен и сам христианский подвиг, в какие бы одежды века он ни облакался.

Но жития угодников Божиих при всей их кажущейся «раздробленности» по ликам и чинам имеют нечто существенно общее. Это вытекает из духовной задачи, решить которую призван агиографический материал, – дать образец для подражания живым на примере жизни святых. Цель любого жития – довести до человека очищенный, просветленный, небесный образ подвижника благочестия, представить через слово его икону, явить его вечный «лик», в котором ярко сияет образ и подобие Божие. Это «сын Божий», как и говорится в псалме: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Пс. 81, 6).

Отсюда вытекает сам характер подбора, расстановки и подачи материала. Богоугодное и добродетельное высвечивается ярко, негативное же и греховное, если и упоминается, то лишь ради научения читателя на этом примере возрождающей силе покаяния. Реалии конкретного земного бытия подвижника при таком подходе зачастую остаются «за кадром» канонического жития. В особенности это касается тех святых, христианский подвиг которых совершался не в оторванности от мира, не в тишине келейных затворов, а в бурных перипетиях истории «мира сего», который, по словам апостола Иоанна Богослова, «лежит во зле» (1 Ин. 51, 9). К таким святым должно отнести и благоверного великого князя Андрея Боголюбского, как впрочем и многих других благоверных князей и княгинь, царей

и цариц. Но как же вписать в иконописный лик Андрея взятие Киева, осаду Новгорода, городов и селений не языческих, а христианских, другие силовые методы, которые он использовал в период своего правления?

Эпоха, в которую жил князь Андрей, – это эпоха феодальной раздробленности, княжеских междоусобиц, смут и шатаний. Для Руси эта стихия анархии была страшнее постоянных ударов со стороны кочевников по общерусскому центру на юге – Киеву. Остановить распад государства мог лишь воплощенный в жизнь принцип единой державы. Внимательное исследование государственно-политической деятельности князя Андрея, куда следует включить и его церковную политику, приводит к однозначному выводу: все военные, дипломатические и политические усилия Боголюбского были направлены именно к этой цели. «Самовластие» не без основания представлялось ему единственным средством спасти Русь. Все, что мешало этому, Андрей твердой рукой убирал с пути.

Принцип единой державы не только был сформулирован князем Андреем для себя, но и претворился им в жизнь. Со времен Владимира Святого Русь этого не знала. Если бы им двигало лишь честолюбие, то удовлетворить его можно было и в Киеве, находясь при отце, а потом наследовав великокняжескую власть. Андрей явно решал не мелочные проблемы личного славолубия, а глобальные задачи государственного строительства.

Пресловутое покорение Киева было необходимо ему для того, чтобы сдвинуть государственный и политический центр Руси на восток, подальше от кипевшего смутами и опасностями юга. Поэтому он не покидает «Суждальскую» землю даже тогда, когда исторический центр древнерусского государства по смерти отца юридически оказывается в его руках.

Как бы мы ни относились к личным симпатиям и антипатиям летописцев, нельзя не видеть большой доли правды в их словах, дающих оценку факту захвата Андреем Киева: «... и поможе Бог, и святая Богородица, и отня и дедня молитва князю Мстиславу Андреевичю с братьею своею, взяша Киев; сего же не было никогдаже» [2, 336]. Киев становится заурядным объектом вассального держания. Политический гегемонизм Владимиро-Суздальской земли получает свое

действительное оформление. Андрей превращается в верховного сюзерена всех феодальных правителей Древней Руси.

Грандиозность и разумность производимых Андреем государственно-политических и церковных акций послужила причиной роста его авторитета и необычайной популярности не только на Востоке, но и на Западе. К примеру, в грузинской хронике XII века «История и восхваление венценосцев» Андрей Боголюбский именуется не иначе как «Андрей Великий, правитель руссов», которому подчинялись «триста русских князей» [3, 135].

Летописные сообщения не только северо-восточных, что естественно, но и южных летописцев относительно личности князя панегиричны. Он «цесарь», «благочестивый», «боголюбивый», «христоролюбивый», «второй мудрый Соломон быв...». Его деяния выше оценок и суждений человеческих, как неподсудны земнородным дела Божии, потому что князь Андрей есть орудие Его воли.

Об искренности этих высказываний можно судить хотя бы потому, что восхваления эти не умолкают ни на севере, ни на юге и по смерти Андрея. К примеру, и северная Лаврентьевская летопись, и южная Ипатьевская дают одинаковую духовную оценку убийству князя Андрея: «Не постави бо (Бог – Г.Г.) прекрасного солнца на едином месте, а довлеюща и оттуду всю вселенную освятити, но сотвори ему восток, полдне и запад, тако и угодника своего Андрея князя, не приведе его туне к Собе, а могущая таковым житьем и тако душу спасти, но кровью мучиничскою омывшееся, прегрешении своих с братама Романом и Давидом единомушно Христу Богу притече» [2, 352; 1, 403].

От неутомимых трудов князя Андрея Русь могла ожидать только блага. Его доктрина «единодержавие – самовластие», которую он пытался претворить в жизнь вместе с его смертью потерпела поражение. Она так и осталась лишь одной из первых попыток «собираения» Русской земли – до реальной централизации государства было еще чрезвычайно далеко. Слишком сильны были дух политического автономизма эпохи феодальной раздробленности и могущество землевладельцев – бояр. На этом фоне появление владимирского «самовластца» было скорее нонсенсом, чем зако-

номерностью. Андрей опередил свое время. И в этом его трагедия.

Заговор 1174 года созрел не в одночасье. Глухая неприязнь к князю Андрею накапливалась внутри «элиты» тогдашнего общества (особенно в среде ростовских бояр) уже давно. Едва ли случайно, что именно в это время появляется безымянное литературное сочинение «Слово о Дариане-царе». В нем рассказывалось, как Дариан возомнил себя богом: «повеле бояром своим звати ся богом, и не восхотеша бояри его звати богом» [5, 417-418]. Для доказательства своей «божеской» власти Дариан захватывает Иерусалим, предпринимает другие попытки убедить в этом всех... Многие серьезные исследователи, например, Б.А. Рыбаков, видят в этом памфлете прямую параллель с князем Андреем: захват Иерусалима – захват Киева и т.д.

Так это или нет, очевидно одно – недовольство Андреем в феодальных кругах постепенно усиливалось, а затем последовал открытый бойкот и саботаж. Боярам было ни к чему содействовать предприятиям князя и тем усиливать его власть. К примеру, о походе 1172 года на волжских болгар летопись сообщает следующее: «бысть не люб путь всем людям сим... и поидуче не идяху» [2, 345]. Сам воевода, предводитель ростовских бояр, которому князь Андрей фактически был обязан своим изначальным возвышением в Ростово-суздальской земле, сделал все, чтобы сорвать поход. Сын Андрея Мстислав, прождав две недели, но так и не дождавшись воеводы, сам напал на болгар, и все едва не обернулось катастрофой. То же самое произошло и год спустя, когда князь Андрей вынужден был двинуть войска к Киеву. Ростовский предводитель Борис Жидиславич, который был воеводой и «в то время наряд весь держашу» [там же], вновь сорвал планы князя. Многочисленное войско Боголюбского протопталось возле города девять недель, «и не успевше ничтоже, возвратишася вспять» [2, 347].

В таких условиях дело жизни князя Андрея – установление на Руси единодержавия – было обречено, как, впрочем, и он сам. Только отдаленная будущность российской истории показала верность пути, указанного Боголюбским. Русь действительно собралась на северо-востоке, теперь уже вокруг Москвы, в единое могучее государство под скипетром самодержавных царей. Уже

за одно это благоверный великий князь Андрей достоин вечной благодарной памяти потомков. Мученический же венец славно и свято увенчал не только его самого, но возвысил и освятил саму идею российской самодержавной власти. Есть некий таинственный божественный Промысел в том, что исторически она предвозвещена еще в XII веке жизнью, трудами и мученической кровью благоверного князя Андрея, а завершена в XX веке крестным подвигом Царственных страстотерпцев – последнего русского императора Николая II и его семьи. Не следует забывать, что последний русский царь был расстрелян в ту же ночь, в которую некогда был убит святой князь Андрей. И теперь в церковном календаре первый и последний русские цари имеют один общий день памяти – 4/17 июля.

Многое познается в сравнении. Внутреннее стремление князя Андрея к глубокой религиозности хорошо видно при сравнении его с отцом, князем Юрием Долгоруким. В свое время мэтр Москвы Юрий Лужков обратился к Патриарху Алексию II с шокирующим предложением канонизировать князя Юрия. Однако известно, как исторические источники характеризуют Юрия Долгорукого. Опираясь на древние источники, Василий Татищев писал: «Сей великий князь был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза не весьма великие, нос долгий и искривленный, борода малая, великий любитель женщин, сладкой пищи и пития; более о веселиях, нежели об управлении и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев» [4, 302-303]. И умер Юрий не от пьянства ли («пив Гюрге у осменика Петрилы» в Смольниках)?

Понятно, почему Андрей «без отне воли» оставил Вышгород и вернулся в свой родовой удел на северо-восток. Ему, сорокачетырехлетнему мужу, стало внутренне невозможным далее наблюдать за неподобающим поведением отца. Душа его искала иного, горнего, светлого.

Рассматривается много версий о мотивах убийства князя Андрея. Все они имеют большее или меньшее право на существование. Однако существует еще одна, сугубо религиозная. В Библии сказано: «ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20, 5). Если придерживаться этой версии, естественно задаться вопросом: не пришлось ли рассчитаться Андрею не только за свои грехи, которых немало числится за каждым человеком, но и за неправедную жизнь отца?

Нам представляется, что современная церковная агиография встала перед немалой проблемой, которую мало кто осознает. Наступило время, когда традиционные формы и методы написания новых житийных сказаний должны не тиражировать древние образцы составления «лика», а получить свое дальнейшее развитие, где будут учтены реальные черты живой личности. Едва ли ее надо усекать даже с благими намерениями. Современного человека, склонного к скепсису, еще может в чем-то убедить конкретика факта, который при необходимости должно объяснить, обратив внимание на то, как личность смогла преодолеть негатив. Но он окажется совершенно глух к рафинированному идеалу. Не в этом ли задача современной агиографии – представляя «сына Божия», не забыть, что он и «сын человеческий», и тем сохранить цельность его идентичности, его самотождественности?

Трудно подражать небожителю. Но у подобного мне человека, который, как и я сегодня, был некогда ввергнут в суету «мира сего» и все же достиг совершенства, всегда будет чему поучиться. Даже сами ошибки и падения его смогут послужить мне предостережением. Не потому ли Христос так редко называл себя Сыном Божиим и так любил именовать себя Сыном Человеческим? Синтез «лика» и «личности» – вот, на наш взгляд, идеал будущего агиографического жанра.

Есть и еще одна, прикладная, сторона этой проблемы. В иконографии святых, где пишется не просто портрет, а «лик», надлежит исходить из этих же принципов бережного сохранения доброкачественного информативного материала, который с течением времени может накапливаться. Так, иконографические изображения того же Андрея Боголюбского и древние, и новые весьма разнообразны, вплоть до непохожести. Например, в одних случаях он представлен черноволосым, в других – темно-русый (фреска Архангельского собора Московского Кремля XVII в.).

Первый тип изображений объясняется тем рассуждением, что матерью князя Андрея была дочь половецкого хана Аепы Асеневича, женщина, скорее всего, темноволосая. До недавнего времени едва ли бы кто смог обосновать иконографическое предание второго типа. Но научные исследования, проведенные уже в наши дни, дали убедительный антропологический материал, который свидетельствует, что князь был русоволос. Вероятно, эта наследственность князя шла по линии отца. На это косвенно указывает и текст В.Н. Татищева. Исходя из этого материала, церковное иконографическое предание должно быть уточнено, получить однозначность и избавиться от мифологии.

«Лик» и «личность» – вечная дилемма. Где оканчивается одно и начинается другое? Очевидно только то, что «лик», как правило, пишется свидетельством от «внешних». Общество, история, их оценки выявят этот образ. Это свидетельство того, что личность достигла идеала религиозной самоидентичности и личная религиозная идентичность одного человека, пройдя эту «апробацию», может служить идеалом, образцом для подражания. Иногда на это уходят столетия. Более полтысячи лет потребовалось для того, чтобы определенные слои общества увидели в князе Андрее святого.

Библиографический список

1. *Ипатьевская летопись*. Подг. к изд. Цепковым А.И. Рязань: «Александрия», 2001. Том 11.
2. *Лаврентьевская летопись*. Подг. к изд. Цепковым А.И. Рязань: «Александрия», 2001. Том 12.
3. *Папаскири З.В.* Эпизод из истории русско-грузинских взаимоотношений. История СССР. 1997. №1.
4. *Татищев В.* История Российская. В 3 т. Т.2 / В. Татищев. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
5. *Шмидт С.О.* «Слово о Дариане-царе» в рукописной книге XVI века. Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л. 1964.

G.N. GORBACHUK

THE GREAT PRINCE ANDREY BOGOLUBSKY: “FACE” AND “PERSON”

The article is devoted to correlation between subjective-psychological and religious characteristics of great prince Andrey Bogolubsky. The author of the article analyses Andrey Bogolubsky's idea of autocracy, social-political reasons, which caused the assassination of prince, the correlation between such concepts as «face» and «person», the problems of development of hagiography at the present stage.

Key words: person, religious identity, hagiography, iconography, autocracy.

Н.М. МАРКОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета
E-mail: natmarkova@list.ru

ДИАЛОГ И ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРИРОДЫ КАТОЛИЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема соотношения «своего», «другого», «чужого» и диалога как способа снятия напряжения между этими категориями на примере исследования отношения к католицизму. Автор вслед за видными философами, занимавшимися данной проблематикой, указывает, что только через диалог возможна самоидентификация, познание «себя» и «другого».

Ключевые слова: «свое», «чужое», «другое», диалог, католицизм.

Российское отношение к католицизму как «иному», «чужому» или «своему» имело очевидные историко-политические основания, причем даже в советских, подчеркнута атеистических, академических изданиях внимание акцентировалось на событиях 1054 года, т.е. феномен рассматривался в неявном контексте этнокультурного и религиозно-богословского противостояния Рима и Константинополя. В.В.Бибихин отмечает, что «случается не так, что за различием в воззрениях следует раскол, а скорее наоборот. Раскол между христианским Востоком и Западом произошел не потому, что Запад якобы добавил в Символ веры, в остальных членах повсюду одинаковый, слова «филиокве». Сначала наметился раскол, и тогда его знаменем стало разное различие, проходившее до тех пор незамеченным... Раскол нигде не бывает таким жестоким, как внутри единого мировоззрения» [2, 135]. Другой стороной такого раскола является возможность изменения самопонимания, так как, «человек по-настоящему узнает себя не в покое, а в другом потому, что сам в своем собственном существе тайно угадывает другого» [2, 131].

Анализ языковых значений, обозначаемых терминами «иное», «другое», «чужое», показывает, согласно С.И. Ожегову, следующие значения: «иной» – другой, отличающийся от этого [8, 203]; «другой» – не этот, не данный, не такой, иной [8, 147]; «чужой» – не свой, не собственный, принадлежащий другим, не родной, не своей семье,

посторонний, далекий по духу и по взглядам [8, 725-726]. Владимир Даль дает более богатую картину: «иной» – не этот, другой [5, 46]; «другой» – следующий за первым, второй, \другоженец\; иной; такой же точно, друг, друган [5, 495]; «чужой» – не свой, сторонний \незнаемый, незнакомый\, не родня \иноземный\, чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный \чуждый, далекий, непричастный\ [5, 613-614]. Соответственно «свой» – принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; собственный, составляющий чье-либо личное достояние; своеобразный, свойственный только чему-нибудь данному; подходящий; родной или связанный близкими отношениями [8, 575]; «мой»; родня, друг, сосед, земляк, кто за одно с кем; как природное в человеке, свойство [5, 153]. Таким образом, значения всех четырех слов перекрываются, намечая разные степени или уровни отношения близости (от родственности, до сходства) явлений, объектов или свойств.

С.И. Лучинская отмечает, что «граница между «своими» и «чужими» не является данной раз и навсегда, а разворачивается в процессе исторического развития. Контакты с другой культурой приводят к изменению этой границы и всякий раз к новому самоопределению культуры» [7, 6]. Современный католический теолог Л. Джуссани отмечает, что «иное несет некий особый интерес, который как таковой частичен, но в комплексе упорядоченных связей помогает сообща созда-

вать зрелое единство, полноту. Каждый из нас именно потому, что наделен особым складом характера, склонен выделять те или иные вещи; контакт с другими обращает наше внимание на иные вещи или на иные стороны тех же вещей, так что диалог – это производное от тех вселенских, всеохватных горизонтов, который составляют предназначение человека» [6, 99]. Диалог представляет собой не только связь области «я» с областью «иного я», но и способствует самопознанию, самоопределению «я» как в универсуме, тоже «ином» для «своего», так и в самом себе.

Здесь важно обратиться к творчеству М.М.Бахтина, который именно в контексте исследований средневековой католической культуры одним из первых увидел и теоретически разработал универсальную концепцию диалога, понимаемого не только как форму общения отдельных личностей, но также как способа взаимодействия личности с объектами культуры и различных культур между собой в исторической перспективе. Он раскрывает динамику отношений понятий «свое» и «чужое» в сложном противостоянии отношений серьезного и смехового, официального и неофициального, формализованного и живого, статичного и динамичного, завершенного и развивающегося, одностороннего и многопланового, нормативного и ненормативного, реалистичного и сказочного, действительного и гротескного, повседневного и карнавального, элитарного (высокого) и народного.

Бахтин выявляет два уровня образного понимания дихотомии «свой-чужой», первый из которых включает древнейшую деревенскую сказку и новейший реализм (рационализм) Просвещения [1, 62], поскольку они статично воспринимают «чужое» как вечно (абсолютно, абстрактно) и «природно чуждое». Очевидно, хотя об этом и не говорилось, что такой же подход свойственен как конфессиональному (католическому и православному) эксклюзивизму, так и советской идеологии того времени.

Всем им он противопоставляет городскую культуру сократовских Афин [1, 136], средневековой католической Европы и немецких философов романтизма XIX века [1, 138] где мертвая неподвижность этого отношения сменяется динамикой и относительностью, поскольку еще, к примеру, в средневековом гротеске, то, «что было для нас

своим, родным и близким, внезапно становится чужим и враждебным...», причем, все страшное и пугающее делается «предельно нестрашным и потому предельно веселым и светлым» [1, 56]. Превращение мира в чужой происходит потому, что «раскрывается возможность подлинно родного мира, мира золотого века, карнавальной правды...мир разрушается, чтобы возродиться и обновиться» [1, 57].

Непосредственно «свой мир» оказывается «не совсем своим» перед лицом «подлинно своего» золотого века, в свете которого «реальность утрачивает свою статичность, свою натуралистичность..., в нее начинает входить реальное будущее в форме тенденций, возможностей, предвосхищений, ...реальность получает существенное отношение к свободе, преодолевает узкий и абстрактный детерминизм и механицизм» [1, 139].

Бахтин создает совершенно необычный образ католического Запада позднего средневековья, где «все без всякого исключения смешно; смех так же универсален, как и серьезность: он направлен на мировое целое, на историю, на все общество, на мировоззрение», он – «вторая правда о мире, которая распространяется на все, из ведения которой ничто не изъято... праздничный аспект всего мира во всех его моментах, как бы второе откровение о мире в игре и смехе» [1, 97]. Такой смех «раскрывал глаза на новое и будущее...не только позволял высказывать антифеодалную народную правду, но он помогал и самому ее раскрытию, и внутреннему формированию», и, в этом качестве, «смех менее всего мог становиться орудием угнетения и одурманивания народа...его никогда не удавалось сделать до конца официальным» и он «всегда оставался свободным оружием в руках самого народа», тогда как «средневековая серьезность была изнутри проникнута элементами страха, слабости, смирения, резиньяции, лжи, лицемерия или, напротив, – элементами насилия, устрашения, угроз, запретов» [1, 108].

В условиях советской системы католическое народное средневековье начинало видеться здесь как более «свое», чем любой серьезный официоз, в том числе и «свой» (большевистской идеологии), поскольку «за смехом никогда не таится насилие, что смех не воздвигает костров, что лицемерие и обман никогда не смеются, а надевают серьезную маску, что смех не создает догматов и

не может быть авторитарным, что смех знаменует не страх, а сознание силы, что смех связан с производительным актом, рождением, обновлением, плодородием, изобилием, едой и питьем, с земным бессмертием народа, что наконец смех связан с будущим, с новым, с грядущим, очищает ему дорогу», в связи с чем и раньше «стихийно не доверяли серьезности и верили праздничному смеху», так как «средневековые люди были равно причастны двум жизням – официальной и карнавальной, двум аспектам мира – благоговейно-серьезному и смеховому» [1, 109].

Диалогизм, «двухтонность», по Бахтину, приущи самой природе живой речи, где «нейтральных, равнодушных слов вообще нет, – могут быть только искусственно нейтрализованные слова», что «позволяло смеющемуся народу, который был менее всего заинтересован в стабилизации существующего строя и господствующей картины мира (официальной правды), схватывать становящееся целое мира, веселую относительность всех его ограниченных классовых правд и истин, постоянную неготовность мира, постоянное смешение в нем лжи и правды, зла и добра, тьмы и света, злобы и ласки, смерти и жизни» [1, 477]. Если в «официальных сферах искусства и идеологии почти всегда господствовала однотонность мысли и стиля», то «древнее двухтонное слово есть отражение в стилистическом плане древнего двутелого образа», классическим образцом которых М.М.Бахтин считает опять же католические литературные образы Дон Кихота и Санчо, причем их диалоги есть «двухтонное слово в стадии своего неполного распада» [1, 478]. В их спорах он видит диалоги самих «разновременных сил и явлений, ...времен, двух полюсов становления, начала и конца совершающейся метаморфозы», отражая «амбивалентность, двутелость и незавершенность (вечную неготовность) мира» [1, 479].

Таким образом, исследование католического позднего средневековья превращается у М.М.Бахтина в повествование о символическом выражении соотношения статичного и динамичного аспектов социального бытия любого социума (в том числе и религиозных сообществ), в критику статических и одномерных идеологий, репрессивных политических институтов, поляризующих власть и народ, клир и мирян.

Перспективным исследованием, продолжающим работы М.М.Бахтина, представляется феноменологическая теория диалога с чужим, развиваемая Бернхардом Вальденфельсом [3, 16]. Он полагает, что философия призвана мыслить «исходя из напряжения между нормой и тем, что находится за ее пределами» [3, 7,10]. Поэтому теория диалога является только другой стороной опыта обхождения с «чужим», предполагая «чуткость к чужому» [3, 8,16]. Важно, чтобы была «возможность высказаться», которой бы не угрожали «тотчас последствиями», поскольку любое строго «ответственное мышление...стало бы руинами философии» [3, 11].

Именно «инаковость», «сеть разнообразных жизненных миров, при всей инаковости в той или иной мере пересекающихся», но не требующих приведения «к принудительному единству или цельности мира», составляет важнейшую методологическую предпосылку диалога [3, 15-16]. Любая «принудительная монокультура» оказывает только парализующе-отупляющее действие, противоположную возможность чему дает живопись, которая изумляя своим многообразием, не «заявляла претензии достичь некоей абсолютной живописи или воплотить само прекрасное». В этой связи он уверен, что «...нам, как в живописи, так и в философии, следует учиться отказываться от абсолютных претензий, претензий на абсолютный порядок, но при этом необходимо быть чуткими в отношении тех необходимых претензий, которые предупреждают нас от того, чтобы довольствоваться вариацией произвольных возможностей» [3, 21-22]. Очевидно, что такой подход необходим и в межконфессиональных отношениях.

Он замечает, что М.М.Бахтин преодолевает такое понимание диалога, «в котором полагается строгое обособление говорящих», тогда как в действительности «нет абсолютно индивидуализированных собеседников, но в моей речи, в моем говорении говорят другие...», собственно цитирование «означает: я даю возможность говорить Платону», хотя «можно также заставить его замолчать, ... чужое может вступать в разговор даже тогда, когда этого не хотят», а «Аристотель цитирует Платона, даже если не называет его», в связи с чем, «мы имеем, таким образом, изначальное взаимопроникновение собственного и чужого»

[3, 30-31]. В этой связи, отмечает Б.Вальденфельс, «как показала герменевтика, применительно к каждому выражению можно спрашивать не только о том, какой оно имеет смысл, является ли оно истинным или ложным, но можно задать вопрос, почему именно это выражение оказалось именно на этом месте. На что это выражение является ответом?...что побуждает меня к соответствующему высказыванию?», полагая, что «любая речь... начинается не здесь» [3, 32].

Проблема «другого» или «иного», ставится Вальденфельсом еще и в связи с вопросом о том, имеем ли мы в виду «конструирование Другого или его открытие», что на его взгляд, «есть тема не столько открытия/конструирования Другого, сколько открытия/конструирования себя самого как саморазмыкания, нацеленного на Другое, для того, чтобы Другое стало возможным в событии встречи. Без открытия (и его держания) себя для Другого никакое подлинное общение «Я» и «Ты» невозможно. В определенном смысле это двуединый процесс (открытие Другого и открытие себя для Другого). Другое может интерпретироваться как граница для «самости» [4, 655]. В этом контексте любой светский или конфессиональный эксклюзивизм становится нежеланием самораскрытия, изоляционизмом, локализмом, замкнутостью, ведущим в конце концов к маргинализации и утрате связи с мировым целым, чреватый гибелью. Близкие идеи развивали В.С.Соловьев и такие его последователи, как Л.П.Карсавин и А.В.Карташев в середине XX века в контексте отношений православия и католичества в мире противостояния живой веры интеллигенции и «казенщины» сначала бездушной «государственно-синоидальной веры», а затем «воинствующих безбожников» государственного атеизма.

Феноменологии «подозрения» противопоставляет свои идеи «философия доверия», развиваемая В.П.Визгиным. Следует признать, что каждая культура вырабатывает соответствующие правила отбора, нацеленные на ее самосохранение и самовоспроизведение на основе смыслового ядра (ее «телоса») [4, 748], ее особого языка, в котором репрезентировано для нас это «Другое». Право «Другого» жить по своим законам, в соответствии со своим собственным характером, «не может не вносить в отношения «своего» и «чужого» ту или иную степень напряженности», в связи с чем «во-

прос о соотношении культурных различий... не может быть продуктивно поставлен и тем более решен без обращения к принципу их общности, в частности к их общему происхождению, к охватываемому и единящему их смыслу» [4, 749].

Напряжение оппозиции «свое/чужое» может быть снято либо тем, что общность, «тождество «проглатывает» Иное, не испытывая при этом никакого самоизменения по существу (не считая, быть может, чисто количественного роста), или оно перед лицом Другого оказывается способным к самоизменению», что, однако, таит в себе и опасность «самоутраты» [4, 751]. Последнее выясняется только в не менее опасном имитировании или «маскировке встречи с собой под встречу с Другим», поскольку «диалог не трудно имитировать, замыкаясь в игре с самим собой», что, в свою очередь, приводит к тому, что «находя и избавляясь от «чужого» в себе, существует опасность лишиться «своего», т.е. опасность «самоутраты» уже в процессе самообретения.

В.П.Визгин отмечает, что «для того, чтобы найти в себе «свое», нужно в начале выявить в себе «другое», что намного сложнее, поскольку зачастую мы не готовы к открытому проникновению в область «своего» области «чужого», и тем более не готовы найти в себе и открыто признать в существовании в «своем» «другого». Тем не менее, для процесса самоидентификации подобные «самооткрытия» просто необходимы. Этот процесс оказывается двуединым: для того, чтобы стать открытым для самого себя, нужно в первую очередь стать открытым и для «другого» («иного», «чужого»). Чужое, при «более близком рассмотрении может оказаться «своим» и только «своим», и наоборот. Познать, изучить себя, выявить, что является «своим» возможно при общении с «другим», сравнении с «другим» и именно в «другом» («ином», «чужом») познается «я» и определяется «свое». Поскреби «не-Я» и откроешь за ним «Я» и только «Я»» [4, 758].

С.И.Лучинская отмечает, что «отношение к чужой культуре связано в каждом обществе с присущей ему картиной мира и взглядами на историю» [7, 6]. Она отмечает смену в развитии европейской цивилизации евроцентрированной оппозиции «культуры (своего)-варварства (чужого)», проходящей в своем развитии от «эллинов-варваров» (сменившуюся на «римлян-варваров»)

до «христиан-язычников» (дополненную позднее оппозициями «христиане-раскольники (еретики, нехристи)», долгое время связанных с пространством (включенностью в границы Священной Римской Империи).

М.Монтень утверждает современную «цивилизационную» гуманистическую парадигму, где начинает господствовать оппозиция «нравственное-безнравственное», а эпоха Просвещения приносит оппозицию «просвещенное-невежественное». Здесь «само представление о Другом не подразумевает его исключения из общества... Другой не отделяется в пространстве, но рассматривается в перспективе развития и движения к высшим ступеням познавательной деятельности..., различия между «своими» и «чужими» приобретают историческое измерение» [7, 10]. Расцвет национальных государств и крушение Священной Римской Империи приводит к тому, что в XIX веке утверждается позитивистская историко-эволюционная парадигма, исповедующая вольный или невольный «евроцентризм», в свете которого все другие культуры воспринимались уже не как пространственно иные, но как исторически иные, так как все они считаются погруженными в «одно и то же однородное историческое время, находясь на разных ступенях исторического развития» [7, 11].

В XX веке рождается новое понимание как «иног», так и «культуры». Различие культур впервые начинает пониматься не как отличие «высшего» и «низшего», или «единство в многообразии», но как богатство разнообразия относительных и самобытных единств, где «люди по существу всюду одни и те же, а «культурные различия» являются всего лишь различными об-

разами мира...» [7, 11-12]. Это делает «Других» полноправными субъектами, при этом утверждается понимание того, что «объект» и «субъект» не заданы заранее, что необходимо самому «объекту» дать возможность говорить о себе и использовать этот язык при построении модели объекта. Монологизм евроцентризма сменяется диалогизмом, учитывающим объективную несводимость одной культуры к другой, а человечества – к Европе.

Чужая культура более не изучается только «извне», как «объект», но и «изнутри», в ее собственных категориях, как «субъект», носитель самосознания и равный партнер по диалогу. «Объяснение» иных культур и традиций, когда их сводили к «ясной» («своей») евроцентричной концепции, сменяется на «понимание», осознающее самобытность представлений и ценностей этой культуры. В первом случае важно отделить истину (факт) и вымысел, тогда как во втором – вжиться во внутренние драмы и поиски иной культуры, ощутить ее «изнутри», увидеть найденный «факт» в другой системе координат, переосмыслив его в новом контексте, который не может быть отброшен.

«Истинная реальность» начинает осознаваться именно как образ, созданный тем или иным автором. Исследователь, «изучая создаваемый в источниках образ реальности, не может не сознавать, что этот диалог с чужой культурой вовлекает в историческое исследование и его собственную систему ценностей... как создатель исторического памятника, так и автор исторического труда зависят от культурной традиции, системы представлений, господствующих в обществе» [7, 13].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рамбле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит, 1990.
2. Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995.
3. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999.
4. Визгин В.П. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Гос. Изд-во иностран. и национал. словарей, 1956.
6. Джуссани Л. «Рискованное дело» воспитание. // Новая Европа. 2000. №13
7. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.

N.M. MARKOVA

**THE DIALOGUE AND OPPOSITION “OUR” TO “FOREIGN”
IN THE INVESTIGATIONS OF THE NATURE OF CATHOLICISM.**

The article represents after the example of Catholicism the problem of correlation of “our”, “foreign” and dialogue which can take the efforts between these categories off. The author after the famous philosophers who investigated this problem points out that self-identification, knowledge of “our” and “foreign” are possible only through the dialogue.

Key words: “our”, “foreign”, dialogue, Catholicism.

К.О. ПОЛЬСКОВ

кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
E-mail: kpolskov@gmail.com

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БОГОСЛОВСКОГО МЕТОДА В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье предпринимается попытка поставить вопрос о возможности применения богословского метода в междисциплинарных, в том числе социальных исследованиях. Автор даёт своё определение богословского метода, в котором, по его мнению, имплицитно содержится идея социальности. В свете такого понимания в статье выявлены варианты взаимодействия социального опыта исследователя и опыта той традиции, в которой применяется богословский метод.

Ключевые слова: богословие, научный метод, социальный опыт.

Постановка проблемы

Настоящая статья является развитием идей, высказанных мною на различных круглых столах, посвящённых обсуждению теоретико-методологических проблем социально-религиозных исследований. Не обладая базовым социологическим образованием и не будучи в достаточной мере вовлечённым в обсуждение данного вопроса, я предпочёл высказать некоторые общие соображения по теме, которой я занимаюсь вот уже несколько лет: о научном методе в теологии¹. Вернее, я поставил в предварительном порядке вопрос о возможности и границах применения богословского метода в междисциплинарных, в том числе социально-богословских исследованиях. За прошедшее время по этой теме накопился новый материал, поэтому в настоящей статье мне бы хотелось попытаться его систематизировать и предложить для обсуждения некоторые тезисы.

Наверное, сама постановка вопроса о возможности применения богословского метода для представителей классической позитивистской социологии в XIX веке была бы абсолютно неприемлема. Так, основатель социологии О. Конт исходил из того, что теологический метод познания мира, хотя и был объективно неизбежным на определённом историческом этапе развития общества, но отражал период «младенчества человеческого разума» [1, 556].

Со временем он с неизбежностью должен был уступить место позитивистской социальной философии. По О. Конту, «общий закон развития человеческого разума» [1, 558] состоит в процессе перехода «от явно сверхъестественного к чисто естественным соображениям, от теологического к позитивному образу мышления» [1, 558]. Из этой теоретической предпосылки отец-основатель социологии делал конкретный методологический вывод: «Теперь каждый понимающий дух времени наблюдатель должен признать, что человеческий ум предназначен для позитивных исследований и что он отныне бесповоротно (выделено мною – КП) отказался от бессмысленных учений и предварительных (то есть теологических – КП) методов, которые могли бы удовлетворять на первой ступени его развития» [1, 561]. Каждый, кто хочет изучать социальные явления, с точки зрения О. Конта, должен окончательно «освободиться от примесей суеверия и схоластики, которая более или менее искажала истинный характер всех предыдущих работ» [1, 561].

Остроту этих высказываний легко понять на фоне господствовавшего в науке XVIII–XIX веков отношения к религии, а следовательно, и к теологии и её методам получения знания. Однако современные исследователи уже не столь категоричны. Они полагают, что конкретные социальные структуры нельзя рас-

сма­три­вать вне смыс­ло­во­го кон­тек­ста, их сфор­ми­ро­вав­ше­го. «Социальные структуры, в отличие от природных, не существуют независимо от идей и представлений субъектов о сути своей деятельности», – говорит Р. Бхаскар [2, 231]. Сегодня профессионалами признаётся, что в социологии всегда присутствовало «религиозное измерение» [3, IX]. Следовательно, вопреки позитивизму XIX века теоретическая мысль века XXI вполне готова рассматривать в качестве гипотезы идею о применимости богословского метода как смежного и вспомогательного в социальных исследованиях. Эта гипотеза полностью соответствует логике рассуждений А. Ф. Филиппова, который говорит о попытке при описании и объяснении социального опыта совмещать несовместимое, и даже прямо противоположное. «Любая принципиальная односторонность (то есть выбор только одного способа рассуждений), – утверждает он, – приводит к потере тех или иных возможностей описания социальной реальности, некоторых её сторон, известных нам ещё в дотеоретическом опыте» [4, 430]. Это, так сказать, утверждение от противного: категорический отказ от идеи применить новые подходы будет непродуктивен для самой социологии. Но в рассуждениях исследователя есть ещё и положительное обоснование такой возможности: «Если мы хотим более полно описать «социальное», нам следует более свободно обходиться с наличным запасом теоретического знания, работать сразу с несколькими понятийными инструментариями» [4, 430]. И так, сегодня внутри профессионального сообщества социологов (или, по крайней мере, некоторых из них) идея подобного рода не вызывает позитивистской аллергии.

Для иллюстрации своей гипотезы я сначала дам краткое определение богословского метода. А затем, исходя из этого определения, изложу свою точку зрения на вопрос о том, на чём основано моё твёрдое убеждение о применимости этого метода к описанию социальных явлений, причём безо всякого насилия над исследовательским процессом, основываясь только на внутренней логике самого богословского метода. В заключении я попытаюсь проиллюстрировать теоретические идеи некоторыми примерами.

Определение богословского метода

В настоящей статье представляется уместным предложить лишь краткую дефиницию, сопроводив её необходимыми пояснениями². Но сначала мне бы хотелось, выражаясь богословским языком, дать апофатическое определение богословия. Апофатические определения позволяют многое узнать о предмете или явлении, не ограничивая его формулами, не способными вместить всю полноту определяемого. Это указание на то, чем определяемый предмет не является. Апофатика в нашем случае очень уместна, ведь дать адекватную дефиницию богословию – задача практически невыполнимая. Но она ещё и необходима для достижения цели данной статьи, поскольку обращение к апофатической процедуре позволяет снять некоторые ограничения, которые до настоящего времени навязывают теологии как науке и не позволяют ей выйти из того печального состояния, в котором она пребывала в нашей стране большую часть прошедшего столетия. До сегодняшнего дня распространённым является мнение, схожее с тем, которое дают составители большого энциклопедического словаря «Религиоведение» под редакцией Е. С. Элбакян: «Богословие – это система обоснований религиозных учений о Боге, совокупность выработанных той или иной религией доказательств истинности догматики, религиозной нравственности, правил и норм жизни верующих и духовенства, богоустановленности вероучения церкви» [5, 1043] А «[...] для христианской теологии (в любой её форме) главной целью считается обоснование бытия Бога и истинности Откровения» [6, 19]. Подобного рода определения не являются адекватными и не исчерпывают глубины такого явления, как теология. Их нельзя применять для проведения научного исследования, поскольку они сводят всё богатство богословия к некоторым его частным проявлениям. В приведённых выше определениях богословие рассматривается исключительно как религиозная апологетика. Приняв подобную редукционистскую точку зрения, принципиально невозможно говорить о каком-либо использовании теологического метода вне рамок самого богословия. Совершенно иные перспективы открываются, если понимать теологию как науку, которая, кроме чисто апологетической, решает целый ряд и других задач,

среди которых важное место занимает и осуществление коммуникации между представителями религиозного мировоззрения и различными формами культуры. В прошлом веке крупнейший методолог теологии неоготист Б. Лонерган писал об этом так: «Теология [...] служит посредником между религией и культурой. Её функция состоит в прояснении значения и ценности религии в любой культуре» [7, 22]. Расширяя определение Б. Лонергана, можно утверждать, что теология способна в том числе сыграть свою роль и в прояснении значения и ценности феномена социальности. Эта задача решается богословием посредством собственного метода.

Примем в качестве рабочего следующее определение: богословский метод – это соотношение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции, с целью выявления его предельных смыслов. К данному определению необходимо дать несколько комментариев. Во-первых, употребляемый в нём термин «формализация» нужно понимать не в духе идей «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, развитых представителями Венского кружка, а как определённую материальную фиксацию нормы религиозного сознания в форме, в которой она становится общедоступной для научного изучения. Назову лишь самые основные из этих форм: Священное Писание, а также различные виды так называемого формального Предания³. Всё то, что не может быть формализовано и стать предметом систематической рефлексии, использующей основные операции научного метода в узком смысле, принадлежит области иного понимания богословия: не как науки, а как опытного богомыслия. Такая двойственность понятия «богословие» может запутать внешнего исследователя. Но её нужно принимать как данность, поскольку она является объективным фактом истории, уже много столетий знающей богословие-предстояние и богословие-рефлексию.

Во-вторых, пояснения требует и другой термин, употребляемый в предлагаемом определении: «соотнесение». Пользуясь сравнением Х.-Г. Гадамера, можно сказать, что богословское соотнесение – это «[...] такой способ постижения, в котором возвещает о себе истина, не под-

лежащая верификации методологическими средствами науки» [8, 39]. Богословское соотнесение представляет собой не механическое сравнение того или иного явления с данными Священного Предания или Священного Писания, но является герменевтической процедурой выявления предельного смысла изучаемого явления. Эта процедура позволяет исследователю пройти путь от абстрактного знака (явления культуры) к богословской идее или богословскому обобщению, от понимания и истолкования к аппликации. Важно отметить, что по своему целеполаганию богословская аппликация всегда сотериологична, то есть она направлена на выявление того, в какой мере исследуемое явление, по мнению носителей конкретной религиозной традиции, способно быть проводником к спасению человека. В отличие от всех прочих гуманитарных наук, которые «служат пониманию субъективных характеристик объекта с использованием понимающей методологии» [9, 296], теология через процедуру соотнесения, осуществляемую методом герменевтической аппликации, идёт дальше просто-го понимания, выявляя его сотериологическую потенциальность и открывая возможность здесь и сейчас приобщиться к ней.

Эта мысль возвращает нас к заявленной теме статьи. Исходя из предложенного понимания теологического метода, можно представить себе процесс теологизации небогословского исследования, состоящий в раскрытии сотериологических перспектив исследуемого объекта, явления, теории и т.д. Этот процесс может проникать не только в гуманитарные науки, но и в социальные и даже естественные. При этом богословский метод и методы прочих наук не должны вступать между собой в противоречие, поскольку будут применяться на разных уровнях, каждый в меру своей компетенции. Используя теологический метод невозможно, например, претендовать на универсальное объяснение природных или социальных явлений. Но можно увидеть ускользающие при использовании традиционных методов «более или менее скрытые очевидности социально-исторического опыта, преломленные и отложившиеся в событии текста» [10, 342]. Это то, что В. Л. Махлин назвал «затекстом» [10, 342]. Применяя теологический метод к исследованию

природного или социального явления, мы будем раскрывать его богословский затекст.

В-третьих, в предлагаемом определении богословского метода есть чрезвычайно важная для темы статьи деталь: богословский метод предполагает формализацию нормы религиозного сознания в конкретной традиции, то есть в некотором контексте, который может быть определён как социальный. Сам богословский метод при этом в каком-то смысле оказывается социальным продуктом. Таким образом, в самом определении богословского метода имплицитно содержится идея социальности, что делает его не столь чужим для социологии, как это могло показаться при первой постановке вопроса. Такой подход открывает широкие перспективы как для дальнейших теоретических штудий, так и для чисто практических исследований.

Варианты взаимодействия социологии и богословия по признаку применения богословского метода

Признание социальной фоновости богословского метода является вызовом для учёного и заставляет его при проведении исследования быть очень внимательным. Социальный опыт исследователя и опыт той традиции, в которой произошла формализация нормы религиозного сознания, лежащего в основании применяемого богословского метода, вступают между собой в сложное взаимодействие. Результаты этого взаимодействия могут быть совершенно различны. Рассмотрим несколько вариантов.

Вариант противоречия. Он возникает, когда социальный опыт исследователя не допускает признания истинности религиозной гносеологии как таковой. Во-первых, сюда подпадают социология позитивистского, марксистского или любого другого типа, утверждающегося на мировоззренческом атеизме. Для неё возможность применения богословского метода в социальных исследованиях исключена по определению, поскольку последователи этих школ считают, что богословие в целом и его методы в частности, будучи «основаны» исключительно на религиозной вере, не способны произвести достоверно верифицируемое знание. Это противоречие эксплицитно. Во-вторых, сюда же нужно добавить и тех представителей иных социологических школ, кто формально не отрицая теологию, даёт

ей такие определения и усваивает ей такие задачи, которые сводят на нет саму перспективу взаимодействия социологии и богословия. Это противоречие латентное, или имплицитное. Примером служит приведённое выше определение, данное современным религиоведом.

Вариант интерференции (взаимного влияния). Он возникает, когда учёный допускает саму возможность такого взаимодействия. Но при этом он не может в полной мере абстрагироваться от собственного социального опыта, который в той или иной мере не совпадает с социальностью, повлиявшей на формирование используемого богословского метода. В такой ситуации изначально присутствует реальная опасность некорректного применения богословской методологии, поскольку исследователь может поддаться соблазну приспособить её «под себя». Худший вариант такой интерференции – обращение к богословской аргументации с целью идеологического оправдания изучаемой социальной реальности. Такая ситуация пагубна и для социологии, которая неизбежно потеряет при этом объективность, и для богословия, которое станет социально ангажированным. Так, например, можно вспомнить столь популярную в прошлом веке в Латинской Америке (да и не только) теологию освобождения. Сюда же можно отнести и так называемую феминистскую теологию, чёрную теологию и любую другую разновидность теологии, обслуживающей интересы определённой социальной группы. Способ избежать такой ситуации – честная позиция учёного, осознающего и открыто обозначающего изначально различие своего социального опыта с фоновой социальностью богословского метода, который применяется в исследовании.

Наконец, третий вариант применения к социальному исследованию богословской методологии заслуживает названия синергического. Он достижим в случае, если произошло снятие отчуждения между социальным опытом социолога и религиозным опытом, формализованным в богословском методе. В этом случае исследователь становится способным посмотреть на своё как на чужое. Тогда его собственный социальный опыт не будет «перекрывать» социальности богословского метода, обеспечивая необходимый эффект синергичности при получении достоверных результатов. Именно такой подход может вы-

вести исследователя на богословский «затекст» социального исследования.

Практические примеры

В заключении мне бы хотелось привести два практических примера применения богословского метода в социальном исследовании.

Первый – это проведённое осенью 2009 г. факультетом социальных наук ПСТГУ внутри-вузовское исследование «Социальный портрет студента ПСТГУ». Его заявленная цель – описать социально-психологический портрет студента ПСТГУ и дать оценку общего отношения студентов к Университету. Предметом исследования стало отношение студентов к ПСТГУ, их удовлетворенность обучением и качеством образования, получаемого в университете образования. Подобного рода работа ведётся во многих высших учебных заведениях и считается необходимым элементом вузовской системы мониторинга качества образования. В ПСТГУ такое исследование проводилось впервые. Первым этапом исследования стали полуформализованные глубинные интервью, необходимых как для наиболее полного и глубокого анализа, так и для написания и подготовки анкеты, которая бы не только количественно описывала изучаемый предмет, но и ориентировалась на уже известный и отчасти понятный исследователю объект исследования. Однако уже здесь выяснилось, что многие традиционные для подобного рода исследований вопросы в данном случае оказались недостаточны и даже неуместны. Уровень удовлетворенности образованием, получаемым в ПСТГУ, показал зависимость не только от его качества, но и от того, насколько, с точки зрения респондентов, выпускник соответствует принятому в православной традиции образу духовности. Стало очевидным, что кроме традиционных параметров сравнения в анкеты нужно вводить новые, позволяющие сопоставить студента ПСТГУ с тем образом, который существует в нормативном представлении православных христиан о духовной жизни. Цель такого сравнения – выяснить, помогает ли обучение в университете духовному возрастанию студентов и насколько оно способствует воспитанию сознательных «агентов церковного влияния». Это, по существу, и является модификацией богословского метода. По словам одного из организаторов исследования, только после осознания

этого удалось выработать необходимый инструментарий опроса.

Другой пример применения богословского метода в социологии – проект, реализуемый на Богословском факультете ПСТГУ под руководством кандидата социологических наук И.В. Забаева «Семья и рождаемость: категории родительского сознания». Среди всех прочих задач, традиционных для социологического исследования, членами рабочей группы проекта была сформулирована задача оценить степень влияния религиозного фактора на современные категории родительского сознания. Как и в случае, описанном выше, члены исследовательского коллектива пришли к выводу, что для решения этой задачи необходимо привлечение нетрадиционных методов. В частности, нужно было сравнить выявленные мотивации к деторождению с нормами, принятыми в той или иной религиозной группе. Одним словом, потребовалось прибегнуть к процедуре богословского сравнения. В качестве эксперта к работе был привлечён заместитель декана Богословского факультета ПСТГУ протоиерей Николай Емельянов. В работе на равных оказались задействованы социологи и богословы. Результаты исследования уже опубликованы в виде коллективной монографии⁴. Пока же можно процитировать известный сайт: «После двух лет исследований социологи и богословы сошлись в одном предположении: схему «сборки» человеческой жизни может дать Церковь, а уже цельный взгляд на жизнь может дать импульс к увеличению рождаемости» [11].

Заключение

Итак, я утверждаю, что в социологии может быть применен богословский метод, мыслимый как соотнесение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции. Такая процедура становится востребованной, не только тогда, когда исследователь изучает идеи и представления субъектов социальной деятельности, связанные с религиозностью. Но и тогда, когда необходимо в социальном опыте рассмотреть его предельные смыслы, или богословский «затекст». Изначальная фоновость богословского метода вполне допускает это. Соблюдая известную меру осторожности, гарантирующей от опасности использовать религиозность в каче-

стве идеологического фактора, исследователь может усмотреть в изучаемом объекте новые грани, глубже проникнуть в связь социальных структур с идеями, их породившими или оказывающими на них влияние. Такая возможность уже сегодня реализована в ряде исследований. Как кажется, она их лишь обогатила.

В свою очередь, социология, соработая богословию, может напомнить ему, что «со-

циологический взгляд на глубинные процессы человеческого бытия почти всегда полностью отрицался» [3, VIII]. Сегодня такой подход способен обогатить само богословие. Это особенно актуально, например, для христианского персонализма (межличностного и в каком-то смысле социального богословия). Но это уже тема другого исследования.

Примечания

1. Несмотря на то, что в настоящее время встречается иная точка зрения, в данной статье термины «богословие» и «теология» употребляются как синонимичные.
2. Более подробно о богословском методе см.: Польсков К. О. К вопросу о научном богословском методе//Вопросы философии. Вып. 7, 2010. С. 96–104.
3. Формальное предание – это все исторические источники и способы истинного познания христианского Откровения, кроме библейский книг. К формальному Преданию относят древние символы и исповедания веры, Апостольские и другие Правила и каноны, определения и правила Вселенских Соборов и некоторых поместных соборов, которые приняты всей полнотой Вселенской Церкви, литургическая практика Церкви, церковное искусство... Сюда включается иконопись, музыка, гимнография, архитектура и т. д., мученические акты и жития святых, сочинения древних церковные историков (например, Церковная история Евсевия Кесарийского, труды таких историков Древней Церкви, как Сократ, Евагрий, Феодорит Киррский и т. д.), творения святых отцов и учителей Церкви, древняя церковная практика, т. е. различного рода уставы, узаконения, которые касаются, например, постов, различные богослужебные правила и так далее». (Давыденков О. Иерей. Догматическое богословие/Учебное пособие. М., 2006. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. С. 45).
4. Забаев И. В., Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России: Категории родительского сознания. М.: ПСТГУ, 2012. 222 с.

Библиографический список

1. О. Конт. Дух позитивной философии//Антология мировой философии. Т. 3. М., 1971.
2. Бхаскар Р. Общества//Социо-логос: социология, антропология, метафизика. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.
3. Swatoes W.H., Jr. Preface//Religious sociology. Interfaces and boundaries/Ed. By Swatoes W.H., Jr. NY, 1979.
4. Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства//Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995.
5. Овсиенко Ф. Г. Теология//Религиоведение/Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006.
6. Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения. М., 2007.
7. Lonergan Bernard J. F. Philosophy of God and Theology. London: Darton, Longman and Todd, 1973.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
9. Федотова В. Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук//Философия. Методология. Наука. Коллективная монография. М.: Прометей, 2004.
10. Махлин В. Л. Затекст (Э. Ауэрбах и испытания филологии)//Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009.
11. Откуда берутся дети? Социологи утверждают – из головы//Православное интернет СМИ: Православие и мир: [сайт]. 2009. URL: <http://www.pravmir.ru/otkuda-berutsya-deti-sociologi-utverzhdaiut-iz-golovy/> (дата обращения 12.06.2010).

K.O. POLSKOV

**ON THE POSSIBILITY OF APPLICATION
OF THE THEOLOGICAL METHOD IN SOCIAL STUDIES**

In the present article the author tries to raise the question on the possibility of application of the theological method in interdisciplinary studies, including social studies. In the paper the definition of the term “theological method” is provided. In author’s opinion the theological method contains implicitly the idea of sociality. This understanding makes it possible to reveal various forms of interaction of the social experience of the researcher and of different theological traditions.

Key words: theology, scientific method, social experience

Т.Г. ЧЕЛОВЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой религиоведения и теологии Орловского государственного университета, эксперт в области теологии, соискатель кафедры философии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел. (4862) 76 25 12

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ К РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Статья посвящена особенностям религиоведческого образования, отвечающим культурно-цивилизационным вызовам современности. Автор рассматривает цели и задачи, а также некоторые «механизмы» интегративной модели религиоведческого образования, способные сформировать у студентов культуру отношения к религии как многозначному – духовному и социокультурному – явлению, а значит, уважения к ней как к историческому и культурному наследию.

Ключевые слова: религиозная культура, антропологический кризис, интегративная модель религиоведческого образования, личностно-ориентированное образование, экзистенциально-феноменологический дискурс, идеацированное переживание.

Становление религиоведческого образования происходит в контексте общей трансформации российского образования, так или иначе связанной с культурно-цивилизационными вызовами современности. Для религиоведческого сообщества становится актуальной философско-методологическая рефлексия классической проблемы мировоззрения – самоопределения человека в мире, поиск путей его самопознания и способов его самореализации, а значит актуализация особого исследовательского внимания к фундаментальным взаимоотношениям «цивилизация-мировоззрение-образование». Поэтому для религиоведения (1), как и для всей системы российского образования, особую значимость приобретает вопрос: как, изменив менталитет, повлиять на духовный мир человека, как возродить в нём лучшие человеческие качества, сформировав уважение к духовным и нравственным ценностям.

Остановимся на некоторых концептуальных идеях, формирующих целевые установки в области изучения религиозной культуры.

Сталкиваясь с личностными трансформациями, происходящими с современным человеком, наука и практика констатируют размывание у него неизменяемого сущностного ядра [2]. Это вызвало к жизни тему горизонта человеческого существования, реконструируемую в антропологии «границы» [7] и, соответственно, признание антропологического характера глобального кризиса. Отвечая на вызовы времени, религиоведческое сообщество в большой мере ответственно за то, станут ли будущие поколения носителями высоких идеалов и ценностей культуры. Потеряв Цель и Смысл своего существования, человек может остаться ценностным маргиналом, не сумевшим полностью идентифицировать себя ни с одной из культур, ни с одной ценностной системой, как и ни с одной стратой или социальной общностью, из которых он вышел, и в которые, социализируясь, он должен войти.

Выход из антропологического кризиса нам видится в возвращении значимости традиционных ценностей национальных культур, поскольку у каждого народа есть своя, сложившаяся в веках экзистенция, своя конфигурация точек боли и то-

чек радости, как правильно подметил А. Кураев [3, 45-63].

В процессе направленной социализации национально-религиозные традиции способны формировать религиозную культуру как двухуровневое единство конфессионального (вероисповедного) и социокультурного. Подобное структурное единство религиозной культуры, а также необходимость её сопряжения со светской культурой создаёт предпосылки для диалога, требующего смены субъект-объектной социокультурной парадигмы на парадигму «Я - Другой».

В современной философии феномен Другого проблематизируется не только на онтологическом, но и на социокультурном уровне. В этом случае Другой – это тот, кто противостоит мне, находится по ту сторону меня, моих ценностей, моего мировоззрения, являясь в то же время таким же, как Я. В роли Другого может пониматься и весь социум. Если человек противопоставляет себя ему, игнорируя общественно принятую и закреплённую механизмом традиции норму, он вместе с нормой начинает игнорировать и человеческую культуру, что чревато полной деградацией самого человека (2).

Действительно, как только Я выпадаю из континуума, из социально-исторической реальности, с которой меня связывает моя память, Я забываю, кто и что я есть. Только находясь в определенной связи с реальностью, Я могу осознавать себя самого. Человек, теряющий память, не знает, кто он, пока находится в другой реальности («не дома»), а значит, меняет и свою «роль» соответственно своей истинной сущности. Только вернув и вписав себя в свою реальность, он может вспомнить и свою жизнь, и себя как «социальную роль», как функцию. Значит, меня нет без моей реальности, моего привычного окружения, без Другого. В этом контексте религиозный опыт можно рассматривать с точки зрения фундаментальной ответственности за Другого. Это опыт страдания в страдании за Другого, где Другой – единственный мыслимый гарант моего Я [5, 12-16].

В философии эта ситуация тематизирована как коэкзистенциальное общение (Н. Аббаньяно), данное в любви, сострадании, милосердии и жертвенности (3), что заставляет по-иному относиться к религиозной духовности, которая, видимо, только и способна уравновесить три составляю-

щих начала человеческого Духа – нравственного, познавательного и эстетического. Будем считать, что это гармоничное триединство обеспечивается с помощью религиозной веры, поскольку для неё совсем не безразлична ни тема смысла жизни, ни то, что мы назвали коэкзистенциальным отношением друг к другу. При всех трудностях означения и конвертации религиозного опыта мы обращаемся к нему в научно-образовательном пространстве, поскольку в процессе формирования религиозной культуры мы не можем игнорировать личностное измерение религии как духовного и социокультурного явления.

Религиоведению сложно включиться в решение этих проблем, если оно не будет исходить из образа религии как целостного явления, сущностную тематизацию которого возможно осуществить в экзистенциально-феноменологической парадигме.

К подобной постановке проблемы нас привела попытка ответить на вопрос: является ли наше знание о религии, человеке и обществе настолько развитым, чтобы оно приближалось к исчерпывающему их пониманию и давало нам руководство к принятию компетентных решений? Ведь утилитарно-прагматическая ориентация гуманитарной науки в целом оставила нам в наследство проблемы, связанные с фрагментарностью получаемых знаний.

Видимо, для того, чтобы действительно постичь тот или иной фрагмент духовной реальности, необходимо «разместить» его в экзистенциальном пространстве. Поэтому мы обращаемся к феноменологическому подходу к изучению религии, внося феноменологические инновации и в религиоведческое образование. Привлекательно то, что феноменологический подход в качестве центра диалога рассматривает творческий акт человеческого существа, где исследователь не является нейтральным наблюдателем «объективных» реальностей, но выступает субъектом этого акта (4).

Мы считаем, что экзистенциально-феноменологический дискурс со своим особым подходом к «опредмечиванию» первофеномена и особым отношением к экзистенциально-личностному измерению, способен расширить наши представления о религиозном сознании, религиозном опыте и

религиозной вере, поскольку это дискурс идеацированных переживаний (5).

В образовательном пространстве он реализуется благодаря межпредметным связям и интегративным технологиям, раскрывающим так называемые нетематические проблемы. В этом случае изучение религиозной культуры, не игнорируя предметную тематизацию, выводит её на новый рефлексивный уровень, предлагаемый современным пониманием науки и образования.

Для нас образование – это целенаправленный процесс «формирования образа» человека. Такое понимание цели образования, кстати, присуще не только христианской святоотеческой традиции, но и классической педагогике, для которой смысловым ядром образования выступает опыт созидания Человеком себя и своей жизнедеятельности, движимой духовными ценностями и культурными эталонами (Песталоцци). Но сложившиеся в современной системе образования противоречия тормозят достижение такого педагогического идеала. Остановимся на некоторых из них, а затем сформулируем основные характеристики интегративной модели, способной развивать религиозное образование на уровне поставленных задач.

В современной философии образования наблюдается переход от понимания знания как соответствия объективной реальности к пониманию знания как социального конструирования реальности. В этом случае существенно повышается интерес к изучению религии как социокультурного и духовного явления. При реализации этого подхода мы сталкиваемся с несколькими проблемами: проблемой доминирования «знанческой парадигмы», реализующей образование в информативном ключе, для которого приоритетным является усвоение ЗУНов (знаний, умений и навыков) (6); проблемой преобладания в праксеосфере образования «логики абстрактного гуманизма», а также «методологии механизма», для которой свойственны «механистические» методологические приёмы работы со сложными системами. Эти характеристики особенно присущи вузовскому образованию, снижая изначально высоко заданный творческий потенциал «науки о религии».

Например, абсолютизация «знанческой парадигмы», основанной на традиционном понимании

рациональности, тормозит развитие креативной сущности содержания религиозного образования. Но под углом зрения социально-гуманитарной рациональности [4, 541], для которой характерны социально-ценностная предметность, рефлексивность, целостность, культурологическая обоснованность, объяснительная сила, герменевтический ресурс, адаптивная и практическая польза для человека и общества, религиозное образование может раскрыть свой экзистенциально-личностный потенциал (7).

Этому же способствуют современные теоретико-методологические исследования, существенно меняющие сам взгляд на научный поиск и характер когнитивных процедур. Например, в качестве методологических регулятивов рассматриваются «личностное знание», «открытая рациональность», социально-гуманитарная рациональность, методологический «синтез когнитивных практик», «доверие эмпирическому субъекту познания» и т.д. Это значит, что в центр науки и образования включается тема опыта, а преодоление «знанческой парадигмы» связывается со становлением мировоззренческой парадигмы образования (М.П. Арутюнян, 2003), которую нужно рассматривать в контексте личностно-ориентированного образования, поиски вариантов которого активно ведутся в педагогической науке со второй половины 80-ых годов. Подобным образом понятое образование должно содействовать экзистенциальному воссозданию и воплощению в жизнь своей онтологической сущности – воспроизводить человеческое качество бытия, опираясь на социокультурный опыт человека, куда входит и его духовный опыт. Это значит, что преодоление господства информативного характера образования осуществимо за счёт актуализации его глубинной связи с феноменами мировоззрения, религии и культуры. Образовательные задачи решаются с учётом целостности индивидуальной экзистенции человека, понимаемой как его уникальное бытие в мире.

Особое значение в этом случае следует придать феномену веры. В образовательный процесс вера входит как экстерниоризированное явление, т.е. вера, воплощенная в деятельности, в предметных действиях замыслов, планов, знаний и умений (8). В научных исследованиях феномен веры становится доступным для его понима-

ния в контексте изучения ментальности народа: с одной стороны, феномен веры раскрывается в менталитете, а с другой – сам менталитет вырастает из веры (9). Поскольку практически все авторы отмечают невозможность сведения менталитета к рациональным компонентам человеческого сознания (10), философско-метафизическая установка современных исследований учитывает теоцентрический подход как историческую, культурную, нравственную ценность и духовную реальность [6].

Таким образом, в формате прогностического моделирования интегративная модель религиозного образования выстраивается вокруг двух системообразующих идей: в содержании – это идея религии, понятой как социокультурное и духовное явления, а в педагогических технологиях – идея личностно-ориентированного образования, реализуемого в учебном процессе в субъектно-смысловом обучении (Т.Г. Человенко, 1996). В этом случае теория перестаёт существовать отдельно от человека, религиозное знание «оживляется», раскрываясь перед студентами своей включённостью в жизненный мир, наполненный смыслами и ценностями.

Интегративная модель религиозного образования позволяет соизмерять, на первый взгляд, несоизмеримые и исключаящие друг друга реалии бытия и мысли: трансцендентального («Бог», «вечное» и «бесконечное», «идеалы» и «ценностные абсолюты») и повседневного; личного и общественного; индивидуального, локального и культуроёмкого, обобщённого; реальности мысли и поступка человека. Соизмеримость ценностей и феноменов открывает дорогу для реализации значимого воспитательного потенциала религиоведения, поскольку истины духовного и абсолютного; повседневного и личного, поступка и долга становятся внутренними импульсами самоорганизации и саморегуляции личности.

Востребованная здесь феноменологическая парадигма формирует у студента особое индивидуально-смысловое отношение к получаемым знаниям. Достигается это следующим образом. Традиционно в качестве эталонной учебной деятельности рассматривается познавательная деятельность, реализация которой происходит через формирование у студентов теоретическо-

го мышления путём специального построения учебного предмета. Нам же необходимо так построить образовательный процесс, чтобы студент стал рассматриваться как включённый субъект познания. Это значит, образовательный процесс должен пониматься не столько как трансляция научных знаний, но и как развитие познавательных способностей, *соизмеряемых с формированием личностных качеств обучаемого*. Доказано, что развивает не само знание, а специальное его конструирование, моделирующее содержание научной области и методы её познания. В этом случае цель образования состоит в присвоении студентом общественно-исторического опыта, куда входят не только знания, но и общественно выработанные ценности, нормативы, социально значимые ориентиры, т.е. то, что мы находим в понятии «религиозная культура». При этом предметное обучение теоретического типа не снижается, но углубляется, развивая у студента такие характеристики теоретического мышления, как *рефлексивность и целеполагание*.

С середины 90-ых годов наметился принципиально иной подход и к пониманию субъектной активности обучаемого. Смысл его заключается в том, что обучаемый не является только продуктом обучения. Учитывается, что каждый из них уже является носителем индивидуального, личного опыта, который продолжает в нём стихийно «накапливаться», но на формирование которого, можно и нужно влиять и в процессе образования. Сделав, таким образом, обучаемого субъектом учебного процесса, мы должны изменить и наши представления о преподавателе/учителе и его функциях в учебном процессе, в том числе для того, чтобы преодолеть его стихийность.

Таким образом, интегративные образовательные технологии в процессе формирования религиозной культуры учитывают, что личность приобретает опыт на двух уровнях: теоретическом (знательском) – что я знаю о мире, о себе, каков Я и практическом – как Я проявляю себя по отношению к миру вещей и людей (С.Л. Рубинштейн). Поэтому педагогические технологии, сопрягающие теоретический (знательский) уровень с практическим (отношенческим), должны обеспечить взаимодействие когнитивных способностей и мотивационной сферы личности. Студент в этом случае выстраивает собственную субъективную

модель познания, в которой система конкретных знаний выступает как средство познания и обретения личностных смыслов, а не как конечная цель.

В заключение хочется сказать, что актуальный сегодня диалог светской и религиозной культур требует глубокого философского и педагогического осмысления. Многие вопросы ещё не прояснены, дефиниции не уточнены. Но что совершенно понятно – это актуальное направление научно-исследовательской мысли.

Не ставя перед собой задачу полной конвергенции светской и религиозной культур, мы, тем не менее, можем интегративными средствами дать целостное представление о религиозной культуре, если будем соблюдать единство её конфессионального и социокультурного компонентов. Тем самым мы предлагаем пути решения сложной и трудно осуществимой, особенно в условиях высшего образования, педагогической и мировоззренческой задачи «опережающего» («дальновидного») образования, где «воспитание призвано диктовать жизни свои правила, давать

жизни такой тип личности, который оказался бы сильнее ее развращающего влияния» [1, 103]. Это значит, мы формируем гражданскую личность, способную *служить* обществу независимо от своего экономического или правового положения (11), способную на самопожертвование, без чего гражданственность в России теряет свой смысл. Такая гражданская позиция предполагает и особую ценностно-смысловую ориентацию в жизненном мире [8, 254-260], сформированность которой зависит от объединения усилий Церкви, религии, науки, образования и всего общества в целом.

Таковы цели и задачи, а также некоторые «механизмы» интегративной модели религиозно-педагогического образования, отвечающей межпредметной сущности религиоведения и формирующей у студентов культуру отношения к религии как многозначному – духовному и социокультурному – явлению, а значит, уважения к ней как к историческому и культурному наследию.

Примечания

1. Религиоведение мы понимаем как межпредметное знание о религии, учитывающее современные тенденции развития гуманитарных представлений и результаты становления инновационных образовательных практик.

2. О контркультуре, традиционных ценностях и религиозно-мировоззренческих исканиях в секулярном обществе см.: Боков Г. Религиозные аспекты контркультуры и проблема будущего религии // Будущее религии в Европе. С.-Петербург: Алетейя. 2010. С. 102-121.

3. Коэкзистенциальное общение», понятие в свете религиозного персонализма, задаёт бытию человеческой личности самую высокую планку – приобщения к бытию духовного мира высших ценностей. Приоритет духовных ценностей понимается здесь как попытка «разбудить» в человеке осознание своей ответственности за спасение цивилизации. Религиозные экзистенциалисты подчёркивают принципиальную неравноценность разных миров существования человека. В материальном мире, где господствует отчуждение и разобщение людей, человек воспринимается скорее как инструмент для удовлетворения собственных желаний. Здесь нет места подлинному взаимопониманию, переживанию Другого и отношению к Другому как субъекту собственного развития, т.е. нет места тому самому «коэкзистенциальному общению», личностное измерение которого является, как нам представляется, единственным всеобщим условием преодоления кризисов современности; см.: Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск. 1994; Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Москва. 1995; Бубер М. Два образа веры. Москва. 1999; и др.

4. В теоретическом религиоведении успешно развиваются исследования субъективного религиозного смысла, его реконструкция как целостной системы идей; см. подробнее: Ваарденбург Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе о работах Герарда ванн дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология // Ж. Ваарденбург / Пер. с англ. под общ. ред. Е.И. Аринина. Владимир: Изд-во ВлГУ. 2010.

5. Мы исходим из того, что чувство, так же как и мышление, является одной из сущностных сил человека, поэтому в попытке представить их единство мы обращаемся к идеализированному переживанию (экзистенции), понимаемому нами как осмысленное переживание, снимающее дуализм мышления и бытия, мышления и духовного переживания.

6. В госстандарте по религиоведению проблема решается через введение общекультурных компетенций (ОК), формирующих личностные качества выпускника, предполагающие «уважительное и бережное отношение к историческому наследию и культурным традициям».

7. Прогностическое моделирование религиозно-педагогического образования учитывает критику узкосциентистской трактовки рациональности, приведшей к историческому краху образовательного «Проекта Просвещения», ошутимым

недостатком которого явился отрыв научно-теоретического знания от действительности, превращение теоретических конструкций из средства адекватного постижения мира в догматическую преграду такого постижения; см.: Швырёв В.С. Рациональность в спектре её возможностей. К проблеме оценки рациональности как ценности культуры // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. Т.1. Москва. 1995.

8. Экстериоризация (лат. *externus* – внешний) – объективация веры в деятельности и в предметных действиях путём перехода во вне внутренних, ранее интериоризированных действий человека.

9. Менталитет, являясь междисциплинарным понятием, не имеет общепринятого определения. В процессе формирования религиозной культуры мы опираемся на понимание менталитета как «глубинных, вековых инвариантов национального характера, ценностей, архетипических представлений, идеалов жизни народа», см.: Ракитянский Н.М. Феномен менталитета в контексте психологии веры // Информационные войны. №2 (10). 2009. С. 25, а также работы Абульхановой К.А., Братуся Б.С., Гуревич А.Я., Мазилова В.А., Поршнева Б.Ф., Цыганова В.В., Юрьева А.И. и др.

10. Стойкие качества менталитета формируются через посредство верований, обычаев, привычек, жизненных порядков, воспринимаемых от старших поколений и от среды.

11. Об общественном служении как особом в социокультурном смысле способе бытия см.: Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 2. Теоретико-методологические аспекты исследования. Москва. 1998; Резник Ю.М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований // Социологические исследования. 2000. № 9; Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: Личность и её жизненный мир. Москва. 2004.

Библиографический список

1. Бим-Бад Б.М. Идеи «педагогической антропологии» в России // Советская педагогика, 1990. №9.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. Москва: Мысль, 1988.
3. Кураев А. О вере и знании – без антиномий // Вопросы философии, 1992. № 7.
4. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия. Москва. 2008.
5. Полещук И.В. Левинас и философия религии // Известия ВГПУ, 2005. № 2 (11).
6. Ракитянский Н.М. Феномен менталитета в контексте психологии веры // Информационные войны. №2 (10). 2009.
7. Хоружий С.С. Человек и его три дальних удела: новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии. 2003. № 1.
8. Человенко Т.Г. О значении религиозного фактора в становлении личностно-ориентированного гражданского общества (опыт феноменологической рефлексии проблемы субъекта гражданского общества) // Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Российский политический менталитет: образ власти в глазах общества XX в.». Москва: Изд-во РУДН, 2007. С. 254-260.

T.G. CHELOVENKO

DEVELOPMENT OF RELIGIOUS CULTURE WITHIN THE CONTEXT OF INNOVATIONAL APPROACHES TO RELIGIOUS STUDIES EDUCATION

The author of the article analyzes the peculiarities of Religious Studies education in connection with the present day cultural and civilizational challenges. The author outlines the aims and tasks of Religious Studies, elaborates upon several “mechanisms” of the integrative model of Religious Studies education which can enhance students’ awareness of religion as multifaceted, spiritual, social and cultural phenomenon and develop respect for it as part of historical and cultural heritage.

Key words: religious culture, anthropological crisis, the integrative model of Religious Studies education, personality-oriented education, subject-sensitive education, existential and phenomenological discourse, ideational experience.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. – (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.А. – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, вице-президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, директор НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией обучения русскому (род-

ному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бермингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета; действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И. А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – кандидат юридических наук, доцент Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и международного частного права, директор НИИ правовых проблем Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется на русском языке, а в конце статьи на английском языке. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg. должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. *Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. *Ильин И.А.* Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. *Harding A.E.* The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone, 1984
5. *Goldman S.M., Tanner C.* Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. *Еришов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. *Block W., Karitzky J., Traber F. et al.* Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. *Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al.* The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. <http://www.globalreach.com/>

В конце статьи обязательно должна быть надпись **статья публикуется впервые**, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»**

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.02.2012 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 59,25 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 117
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-45-08

